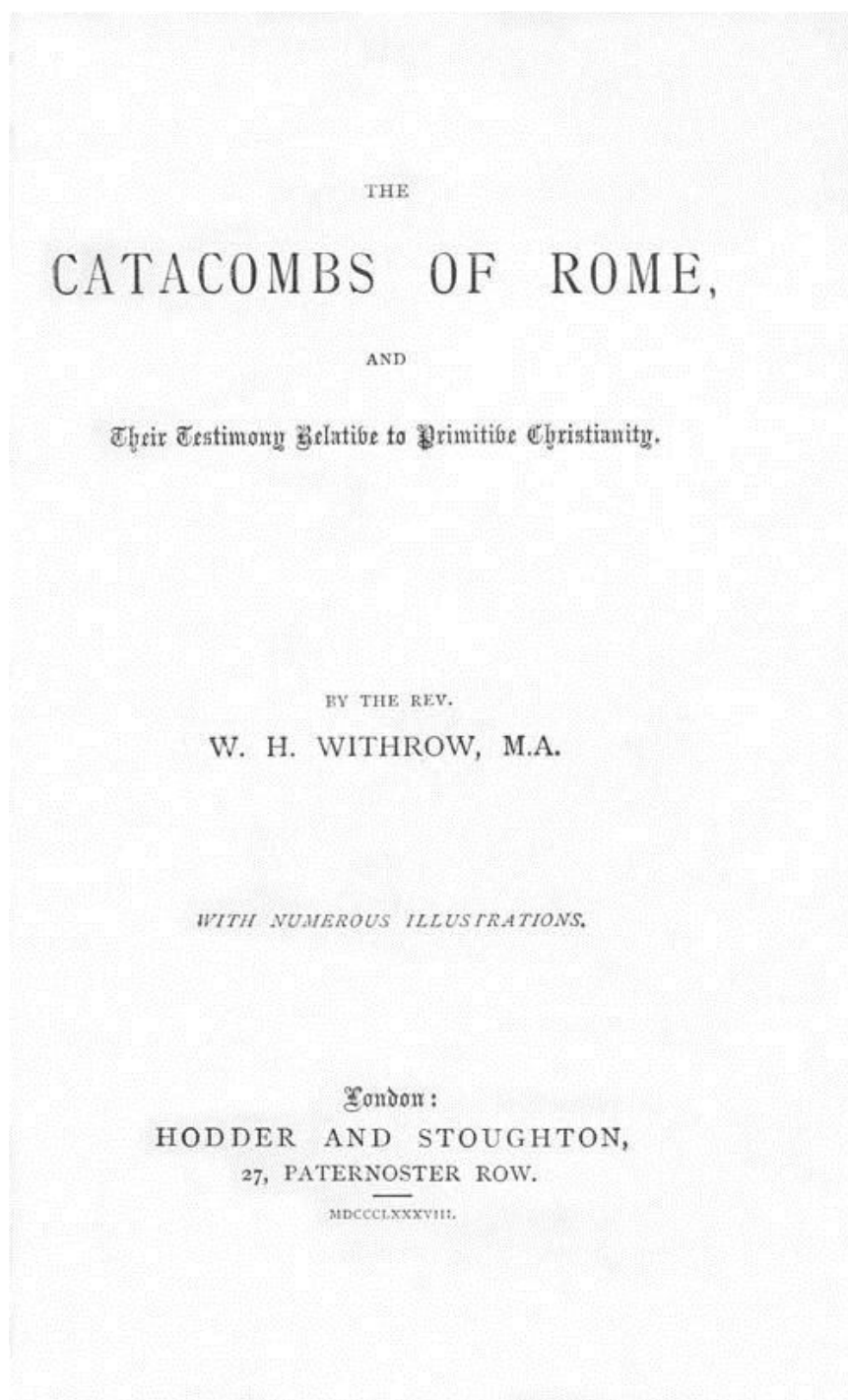

Катакомбы Рима и их свидетельства, относящиеся к первобытному христианству

У. Х. Уитроу

The Project Gutenberg eBook of The Catacombs of Rome, and Their Testimony Relative to Primitive Christianity.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: The Catacombs of Rome, and Their Testimony Relative to Primitive Christianity

Автор: У. Х. Уитроу

Дата выхода: 4 декабря 2014 [eBook #47532]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Крисом Курноу, Кэрол Браун и командой Online Distributed Proofreading Team at <http://www.pgdp.net> (This файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Internet Archive/Canadian Libraries)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE CATACOMBS OF ROME, AND THEIR TESTIMONY RELATIVE TO PRIMITIVE CHRISTIANITY ***

Примечание транскриптора:

Данный текст содержит символы, требующие кодировки UTF-8 (Unicode): œ (лигатура oe), διορθῶται или ΣΥΝΑΓΩΓ (греческий), и לָלוּ (иврит). Если какие-либо из этих символов отображаются неправильно - в частности, если диакритические знаки не появляются непосредственно над буквой - или если знаки, выделенные в этом параграфе, выглядят как квадратики или мусор, убедитесь, что "набор символов" или "кодировка файла" вашей программы для чтения текстов установлены на Unicode (UTF-8). Возможно, вам также потребуется изменить шрифт по умолчанию.

Дополнительные примечания приведены в конце книги.

КАТАКОМБЫ РИМА.

КАТАКОМБЫ РИМА, И ИХ СВИДЕТЕЛЬСТВА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПРИМИТИВНОМУ ХРИСТИАНСТВУ.

BY THE REV.

W. H. WITHROW, M.A.

С МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ.

London:

HODDER AND STOUGHTON,

MDCCCLXXXVIII.

Хейзелл, Уотсон и Вайни, лд. Печатники, Лондон и Эйлсбери.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа, как мы надеемся, восполнит недостаток, давно ощущаемый в литературе о катакомбах. Эта литература, правда, очень объемна; но она по большей части заперта в редких и дорогих фолиантах на иностранных языках и недоступна широкому читателю. Недавние открытия опровергли некоторые теории и исправили многие утверждения предыдущих книг на английском языке на эту тему; и настоящий том - единственный, в котором полностью изложены последние результаты исследований и интерпретированы с протестантской точки зрения.

Писатель постарался проиллюстрировать эту тему частыми языческими надписями на могилах, а также цитатами из трудов Отцов, которые часто проливают свет на состояние раннехристианского общества. Ценность работы значительно повышается, как считается, благодаря добавлению многих сотен раннехристианских надписей, тщательно переведенных, значительная часть которых никогда ранее не появлялась на английском языке. Только те, кто уделял некоторое внимание эпиграфическим исследованиям, могут представить себе сложность этой части работы. Искажения времени, а зачастую и изначальное несовершенство надписей и невежество их авторов, требуют предельной осторожности, чтобы избежать ошибок в интерпретации. Писателю посчастливилось получить помощь от опытного ученого преподобного доктора МакКола, хорошо известного в Европе и Америке как один из самых высоких авторитетов в эпиграфической науке, под чьей критической редакцией прошло большинство переводов. Благодаря предприимчивости издателей эта работа содержит больше иллюстраций из оригинальных и других источников, чем любая другая работа по этой теме на языке; таким образом, она дает более верные и яркие впечатления о незнакомых сценах и предметах, чем это возможно при простом словесном описании. В сносках даны ссылки на основные цитируемые источники, но здесь следует особо отметить долг автора перед "Roma Sotterranea" и "Inscriptiones Christianæ" Кавалера де Росси, безусловно, самыми важными работами по этой увлекательной, но трудной теме.

Считая, что свидетельства катакомб более ярко, чем любые другие доказательства, демонстрируют огромный контраст между первобытным христианством и современным романизмом, автор не считает нужным извиняться за несколько полемический характер тех частей этой книги, которые иллюстрируют этот факт. Он надеется, что эта книга будет признана ценным вкладом в историческую защиту истины от развращения и нововведений папистского заблуждения.

СОДЕРЖАНИЕ.

Книга первая.

СТРОЕНИЕ И ИСТОРИЯ КАТАКОМБ.

Глава	Страница	
I.	Структура катакомб	11
II.	Происхождение и ранняя история катакомб	49
III.	Неиспользование и заброшенность катакомб	120
IV.	Повторное открытие и исследование катакомб	150
V.	Главные катакомбы	164

Книга вторая.

ИСКУССТВО И СИМВОЛИЗМ КАТАКОМБ.

I.	Раннехристианское искусство	203
II.	Символизм катакомб	225
III.	Библейские картины в катакомбах	282
IV.	Предметы, найденные в катакомбах	362

Книга третья.

НАДПИСИ В КАТАКОМБАХ.

I.	Общий характер надписей	395
II.	Доктринальные учения надписей	415
III.	Жизнь и характер ранних христиан в катакомбах	453
IV.	Служение, обряды и институты первобытной церкви, как указано в катакомбах	506

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

Рис.	Страница	
1.	Вход в катакомбу Святой Присциллы	12
2.	Вход в катакомбу Святого Пртекстата	16
3.	Часть катакомбы Калликстана	17
4.	Галерея с гробницами	18

5.	Интерьер коридора	20
6.	Локулы - открытые и закрытые	23
7.	Гробница Валерии	24
8.	Аркосолиум с перфорированной плитой	25
9.	План двойной камеры	26
10.	Разрез галереи и кубикулы	27
11.	Сюита палат	28
12.	Сводчатая палата с колоннами	29
13.	Кубикулум с аркосолием	30
14.	Секция катакомбы Калликста	32
15.	Кубикула с люминарием	35
16.	Галерея в Святом Гермесе	42
17.	Часть стены галереи в Святом Гермесе	42
18.	Плита в еврейской катакомбе	51
19.	Эпитафия Мартирусу	66
20.	Символ мученика	77
21.	Эпитафия Ланнусу, мученику	98
22.	Тайная лестница в катакомбе Калликста	101
23.	Диоген Фосфорский	133
24.	Фоссор за работой	134
25.	Гробницы на Аппиевом пути	165
26.	План территории в катакомбах Калликстана	171
27.	План крипты святых Петра и Павла	187
28.	Гробница святых Петра и Павла	188
29.	Секция катакомбы Елены	191
30.	Вход в катакомбу Святой Агнессы	195
31.	Митраистская роспись	216
32.	Острие листа	227
33.	Фонетический символ-Лео	229
34.	Фонетический символ - Порселла	230
35.	Фонетический символ - Набира	230
36.	Орудия шерстобита	231
37.	Орудия плотника	231
38.	Могила виноградаря	232
39.	Символический якорь	234
40.	Символический корабль	235
41.	Символическая пальма и корона	236
42.	Символические голуби	237
43.	Символический голубь	238

44.	Голубь и ваза	238
45.	Locus Primi	238
46.	Символический павлин	240
47.	Добрый пастух	245
48.	Добрый пастух с сиринксом	246
49.	Символический Агнец	249
50.	Символическая рыба	255
51.	Символическая рыба	256
52.	Рыба и якорь	256
53.	Рыба и голубь	256
54.	Евхаристический символ	256
55.	Константиновская монограмма	265
56.	Раннехристианская печать	266
57.	Различные формы монограмм	267
58.	Эпитафия Тасариса	267
59.	Opisthographæ	268
60.	Раннехристианская печать	270
61.	Монограмма и крест	270
62.	Искушение и падение	284
63.	Адам и Ева получают приговор	285
64.	Ной в ковчеге	286
65.	Ной в ковчеге	287
66.	Ной в ковчеге, из саркофага	287
67.	Апамейская медаль	288
68.	Жертвоприношение Исаака	289
69.	Жертвоприношение Исаака	289
70.	Моисей на Хориве	290
71.	Моисей получает Закон	290
72.	Моисей и корзины с манной	291
73.	Моисей ударяет по скале	291
74.	Моисей, поражающий скалу	291
75.	Страдания Иова	293
76.	Вознесение Илии	295
77.	Три еврейских ребенка	296
78.	Три еврейских ребенка	297
79.	Три еврейских ребенка	298
80.	Даниил в логове льва	299
81.	История Ионы	300
82.	Иона, Моисей и Оранти	301

83.	Иона и большая рыба	302
84.	Ной и Иона	302
85.	Тыква Ионы	304
86.	Поклонение волхвов	305
87.	Поклонение волхвов	306
88.	Оранта	309
89.	Предполагаемая Мадонна	311
90.	Самая ранняя Мадонна	312
91.	Христос с врачами	324
92.	Христос и самарянка	325
93.	Парализованный, несущий постель	325
94.	Женщина с истекающей кровью	326
95.	Чудо о хлебах и рыбах	327
96.	Открыть глаза слепым	327
97.	Христос благословляет маленького ребенка	328
98.	Лазарь (грубо)	330
99.	Лазарь (на фреске)	330
100.	Лазарь (на рельефе)	331
101.	Вход Христа в Иерусалим	331
102.	Отречение Петра от Христа	332
103.	Пилат умывает руки	333
104.	Скульптурный саркофаг	334
105.	Расписная палата	339
106.	Самая древняя из сохранившихся голов Христа (мозаика)	347
107.	Бог, символизируемый рукой	356
108.	Бог как Папа	359
109.	Бытовая группа в золоченом стекле	366
110.	Реликвия предполагаемого мученика	371
111.	Символ священномученика	374
112.	Символическая лампада	377
113.	Символическая лампа	378
114.	Вазы из катакомб	381
115.	Амфора из катакомб	382
116.	Глиняные и металлические сосуды	383
117.	Раннехристианское кольцо	385
118.	Раннехристианская печать	385
119.	Впечатления от печатей	386
120.	Детские игрушки	387
121.	Статуэтка доброго пастыря	390

122. Эпитафия Гемеллы	401
123. Эпитафия Лигурию Сукцессусу	402
124. Эпитафия Домицию	402
125. Перевернутая эпитафия	404
126. Перевернутая эпитафия	404
127. Эпитафия Касста	405
128. Тройная эпитафия	405
129. Белиция	500
130. Палата с местами для катехуменов	531
131. Купель для крещения	537
132. Крещение Господа нашего	538
133. Сцена крещения	539
134. Фреска с изображением раннехристианской агапы	546

КНИГА ПЕРВАЯ.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ КАТАКОМБ.

ГЛАВА I.

СТРОЕНИЕ КАТАКОМБ.

"Среди возделанных земель недалеко от города Рима, - рассказывает христианский поэт Пруденций, - находится глубокий склеп с темными нишами. Спускающаяся тропа с извилистыми ступенями ведет через тусклые повороты, и дневной свет, проникающий через устье пещеры, несколько освещает первую часть пути. Но по мере продвижения темнота становится все глубже, пока в крыше проходов не встречаются отверстия, пропускающие свет сверху. Со всех сторон тянется густой лабиринт ходов, разветвляющихся на пещерные часовни и залы-усыпальницы; и по всему подземному лабиринту через частые отверстия проникает свет".^[1]

Рис. 1.- Вход в катакомбы Святой Присциллы.

Это описание катакомб в четвертом веке в равной степени относится и к их общему виду в девятнадцатом. Их основные черты остались неизменными, хотя время и упадок сильно нарушили их структуру и обезобразили красоту. Эти христианские кладбища расположены в основном у больших дорог, ведущих из города, и, по большей части, в радиусе трех миль от стен. Из-за этого их сравнивают с "лагерем христианского войска, осаждающего языческий Рим и загоняющего внутрь его шахты и окопы с уверенностью в окончательной победе". Отверстия катакомб разбросаны по Кампанье, чье скорбное запустение окружает город; часто они находятся среди заплесневелых мавзолеев, которые, словно обломки кораблекрушения, возвышаются над зеленью усыпальниц. [2] Со всех сторон - гробницы: гробницы вверху и гробницы внизу - могилы враждующих рас, усыпальницы исчезнувших поколений: "*Piena di sepoltura è la Campagna*". [3]

Как удивительно, что под останками гордой языческой цивилизации сохранились ранние памятники той силы, перед которой мифы язычества померкли, как призраки тьмы перед восходящим солнцем, и благодаря которой религия и институты Рима были полностью изменены. [4] Под разрушенными дворцами и храмами, осыпающимися гробницами и разобранными виллами августейшей владычицы мира мы находим самые интересные реликвии раннего христианства на земле. Пробираясь по этим запутанным лабиринтам, мы оказываемся лицом к лицу с первобытными веками; мы присутствуем при богослужении младенческой Церкви; мы наблюдаем за ее обрядами; мы изучаем ее институты; мы являемся свидетелями глубоких чувств первых верующих, когда они отдают своих мертвых, часто своих мучеников, в место их последнего долгого упокоения; Мы расшифровываем трогательные записи об их печали, о святах надеждах, которыми они поддерживались, об "их вере, торжествующей над их страхами", и об их уверенности в воскресении мертвых и жизни вечной. В свидетельствах катакомб мы читаем исповедание веры первых христиан, иногда сопровождаемое записями их гонений, символами их мученичества и даже самими орудиями пыток. Ведь в этих залах тишины и мрака покоится прах многих мучеников и исповедников, запечатлевших свое свидетельство кровью в кровавые века гонений; многих первых епископов и пастырей Церкви, пасших стадо Христово среди опасностей тех смутных времен; многих, кто слышал слова жизни от учителей, живших в апостольский век или рядом с ним, возможно, из уст самих апостолов. Ведь если принять древнюю традицию, то можно

даже поверить, что тела святых Петра и Павла покоились в этих освященных склепах - настоящих *terra sancta*, уступающих в священном интересе лишь высеченной в скале усыпальнице, вечно освящаемой телом Господа нашего. Эти размышления придадут изучению катакомб интерес самого высокого и интенсивного характера.

Невозможно с точностью определить размеры этого огромного некрополя из-за количества и запутанности его переплетенных ходов. Однако эти масштабы сильно преувеличены *монахами-цицеронами*, которые водят посетителей по этим подземным лабиринтам.^[5] Всего на сегодняшний день известно около сорока двух таких кладбищ, многие из которых доступны лишь частично. Синьор Микеле де Росси, проведя точное исследование катакомбы Калликста, подсчитал, что длина всех ходов составляет восемьсот семьдесят шесть тысяч *метров*, или пятьсот восемьдесят семь географических миль, что равно всей длине Италии от костров Итны до альпийских снегов.

Вход в заброшенную катакомбу иногда представляет собой низкорослый проем, похожий на лисью нору, почти скрытый длинной и спутанной травой и затененный меланхоличным кипарисом или серолистным илексом. Иногда можно разглядеть древнюю арку, как в катакомбе Святой Присциллы,^[6] или остатки камеры для празднования мученических праздников, как у входа на кладбище Святой Домитиллы. В некоторых случаях путь лежит через крипты древней базилики, как в церкви Святого Себастьяна, а иногда спуск прикрывает небольшая святыня или монастырь, как в церкви Святой Агнессы,^[7] Святой Елены,^[8] и Святой Кириаки. Во всех случаях есть лестница, часто длинная и крутая, разрушающаяся со временем и истертая ногами благочестивых поколений. На следующей иллюстрации изображен вход в катакомбу Святого Пртекстата на Аппиевом пути, по которому в первобытные века ступали первые мученики и исповедники, а может быть, и вооруженные солдаты угнетателей, охотившиеся за гонимой паствой Христа. Здесь же, в средневековые времена, боевой клич вооруженного рыцаря мог пробудить нежданное эхо среди полых сводов, а скользящие шаги монаха в сандалиях едва ли нарушали тишину, когда он проходил мимо. В более поздние времена паломники из всех стран с благочестивым почтением или праздным любопытством посещали эту раннюю святыню христианской веры.

Рис. 2.- Вход в Святой Пртекстатус.

Катакомбы вырыты в вулканической породе, которая в изобилии встречается в окрестностях Рима. Это гранулированная, сероватая *брекчия*, или туф, как ее еще называют, грубой, рыхлой текстуры, легко режется ножом и до сих пор несет на себе следы мотыги, которой ее копали. В более твердой вулканической породе Неаполя раскопки больше и выше, чем в Риме; но последние, хотя и имеют меньше видимой величественности, несут больше погребальной тайны. Катакомбы состоят, по сути, из двух частей - коридоров и камер, или *кубикул*. Коридоры - это длинные, узкие и запутанные ходы, образующие целую подземную сеть. По большей части они прямые и пересекаются друг с другом примерно под прямым углом. На прилагаемой карте части катакомбы Калликста можно увидеть общий план этих подземных галерей.

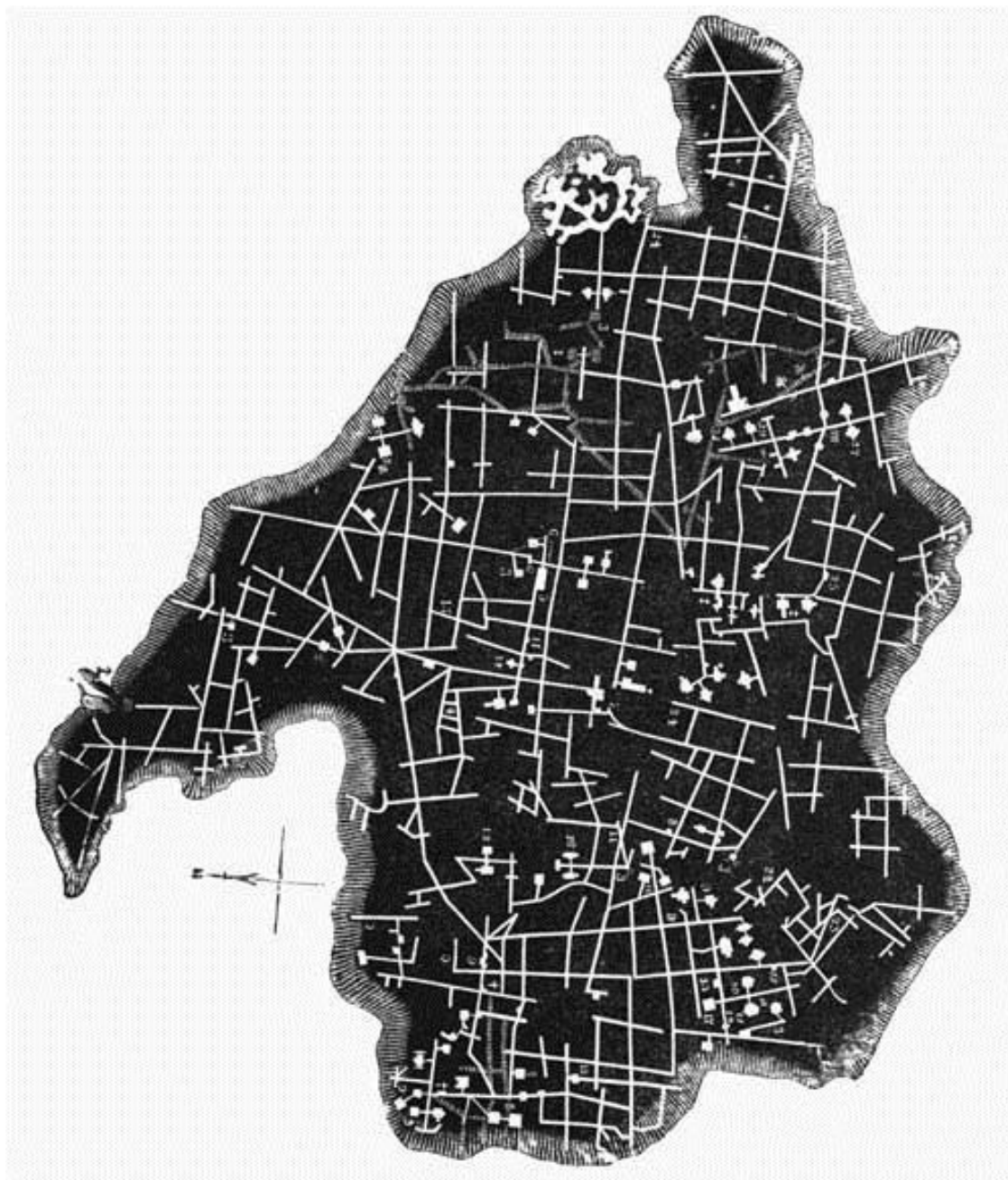

Рис. 3.- Часть катакомбы Калликста.

Рис. 4.- Галерея с гробницами.

Ширина основных коридоров варьируется от трех до пяти футов, но боковые проходы гораздо более узкие, часто позволяют пройти только одному человеку. Их высота в среднем составляет около восьми футов, хотя в некоторых местах она достигает пяти или шести футов, а в других, при особых обстоятельствах, доходит до двенадцати или пятнадцати футов. Потолок, как правило, сводчатый, хотя иногда и плоский; а пол, хотя по большей части ровный, иногда имеет небольшой наклон или даже несколько ступенек, вызванных соединением участков разного уровня, как будет объяснено далее. Стены, как правило, из голого *туфа*, хотя иногда оштукатурены; там, где они поддаются, их иногда укрепляют каменной кладкой. На углах этих проходов часто встречаются ниши, в которых размещались лампы, без которых Катакомбы, действительно, должны были бы представлять собой непроходимый лабиринт. Кардинал Виземан рассказывает трогательную легенду о молодой девушке, которую наняли в качестве проводника по местам поклонения в Катакомбах, потому что из-за ее слепоты их мрачные проспекты были так же знакомы ее привычным ногам, как улицы Рима другим.

С обеих сторон коридоры густо усыпаны *loculi* или могилами, которые имеют вид причалов на корабле или полок в бакалейной лавке; но их содержимое - кости и прах умерших, а для обозначения мы имеем их эпитафии. [Рисунок 4](#) иллюстрирует общий характер этих галерей и локул.

На следующей гравюре, выполненной по эскизу Мейтланда, изображена галерея, более широкая и грубо раскопанная. Справа виден проход, заваленный камнями, как это часто делалось, чтобы предотвратить несчастный случай. Дневной свет проникает в дальний конец галереи, как описано Пруденцием,[\[9\]](#) и делает видимыми разрытые могилы.

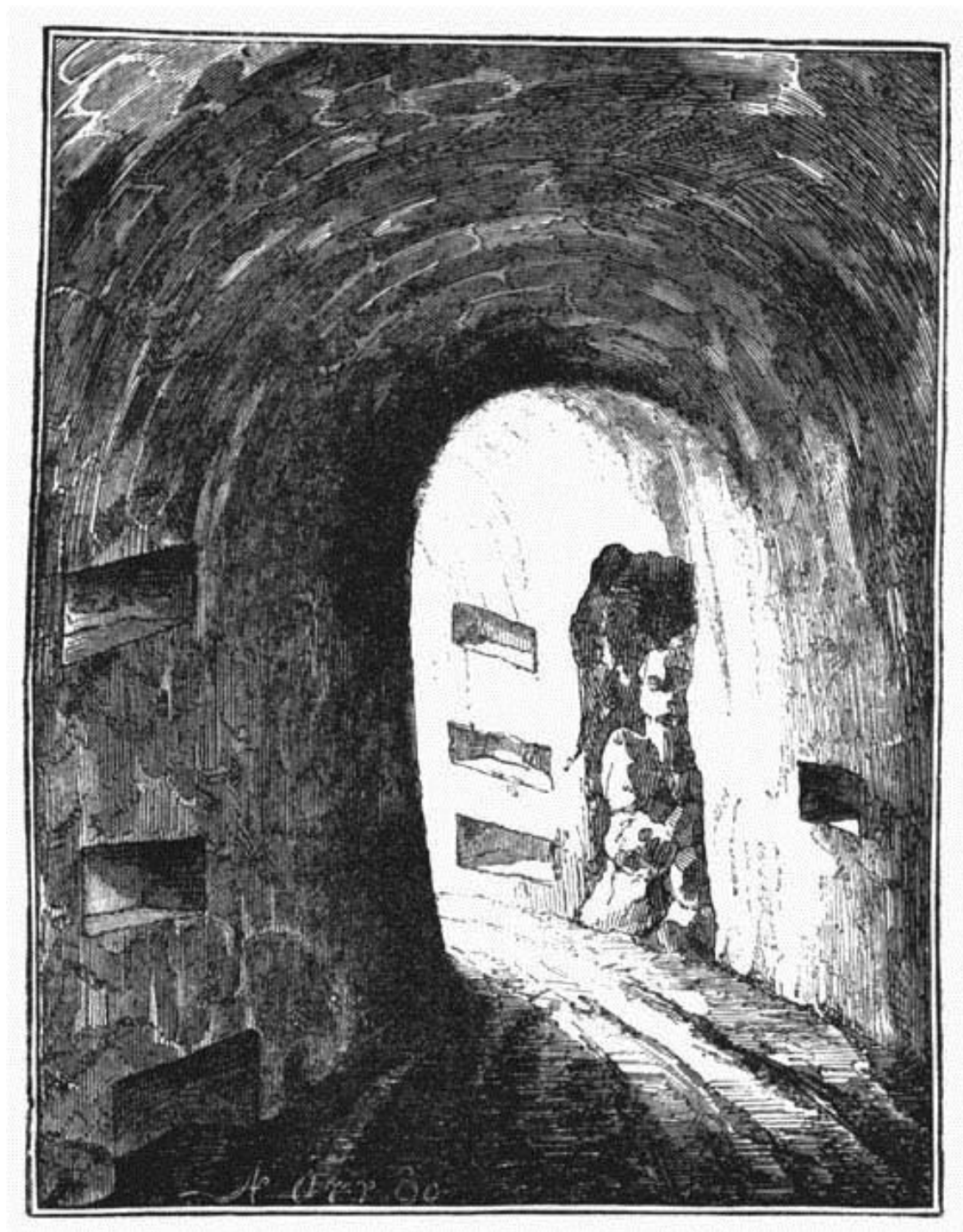

Рис. 5.- Интерьер коридора.

Очевидно, что при формировании этих галерей и *локул* использовался принцип обеспечения наибольшего пространства для могил при наименьшем объеме раскопок. Поэтому проходы сделаны как можно более узкими. Могилы также расположены так близко друг к другу, как позволяет рыхлая природа *туфа*, и сделаны в соответствии с формой тела: узкие у ног, более широкие у плеч и часто с полукруглой выемкой для головы, чтобы избежать излишнего удаления *туфа*. Иногда *локулы* делались достаточно большими, чтобы вместить два, три или даже четыре тела, которые часто размещались головой одного к ногам другого, чтобы сэкономить место. Такие могилы назывались соответственно *бисоми*, *трисоми* и *квадрисоми*. Могилы, очевидно, делались по мере необходимости, возможно, с лежащим рядом трупом, так как некоторые нераскопанные места были замечены в виде контуров, нарисованных мелом или краской на стенах. Почти каждый дюйм свободного пространства занят, а иногда, хотя и редко, могилы вырыты в полу. *Локулы* бывают разных размеров, от часового младенца до взрослого мужчины. Но здесь, как и в любом другом месте захоронения, бросается в глаза огромное преобладание детских могил. Сколько завядших бутонов приходится на каждый распутившийся цветок или созревший плод!

Иногда *локулы* были выкопаны с математической точностью. Пример тому - кладбище Святого Кириака, где в одном конце галереи находится ярус из восьми маленьких могил для младенцев, затем восемь, несколько больших, для детей от семи до двенадцати лет, затем еще семь, очевидно, для взрослых женщин, и, наконец, ярус из шести для взрослых мужчин, занимающий всю высоту стены. В целом, однако, наблюдалось менее регулярное расположение, и могилы молодых и старых перемешивались, без какого-либо определенного порядка.

Трудно, если вообще возможно, подсчитать количество могил на этих огромных кладбищах. Насчитали около семидесяти тысяч, но это лишь малая толика от общего числа, поскольку исследована лишь малая часть этого огромного некрополя. По результатам длительных наблюдений отец Марчи определил среднее количество могил - десять, по пять с каждой стороны, на каждые семь футов галереи. Исходя из этого, он подсчитал, что всего в катакомбах насчитывается семь миллионов! Более точная оценка их размеров, сделанная Сиг. Микеле де Росси, позволила бы разместить почти четыре миллиона могил, или, точнее, около трех миллионов восьмисот тридцати одной тысячи.^[10] Это кажется почти невероятным, но мы знаем, что по крайней мере триста лет, или десять поколений, все христианское население Рима было похоронено здесь. И это население, как мы увидим, даже в ранний период было весьма многочисленным. Во времена гонений христиане также толпами спешили к гробнице. В этом безмолвном городе мертвых нас окружает "могучее облако свидетелей", "множество, которого никто не может исчислить", чьи имена, не записанные на земле, записаны в Книге жизни. На каждого, кто сегодня ходит по улицам Рима, приходится сотни его бывших жителей, спокойно спящих в этом огромном лагере смерти вокруг его стен - "каждый в своей тесной келье навеки положен".^[11] Пока архангел не разбудит их, они дремлют. "Едва ли известно, - говорит Пруденций, - насколько Рим полон погребенных святых, насколько богата его земля святыми гробницами".

Когда-то все эти могилы были герметично закрыты мраморными плитами или плитками из *терракоты*. Первые, как правило, были цельными, они входили в паз или врезку, вырубленную в скале в устье могилы, и были надежно прикреплены к своему месту, что было совершенно необходимо из-за открытого характера галерей, в которых находились могилы. Иногда для этой цели использовались фрагменты языческих надгробий или алтарей. Плитки, как правило, были меньшего размера: на могилу взрослого человека требовалось две или три. Они располагались в виде панелей и скреплялись гипсом, на котором часто грубо

выцарапывали имя или символ шпателем, пока он был мягким, как на следующей иллюстрации. Большинство этих плит и плиток исчезло, а многие могилы давно разграблены. В других все еще можно увидеть плесневеющий скелет того, что когда-то было мужчиной в его силе, женщиной в ее красоте или ребенком в его невинности и веселье. На прилагаемой гравюре изображены две могилы, одна из которых частично открыта, обнажая скелет, который покоится на своем каменном ложе уже, вероятно, более пятнадцати веков.

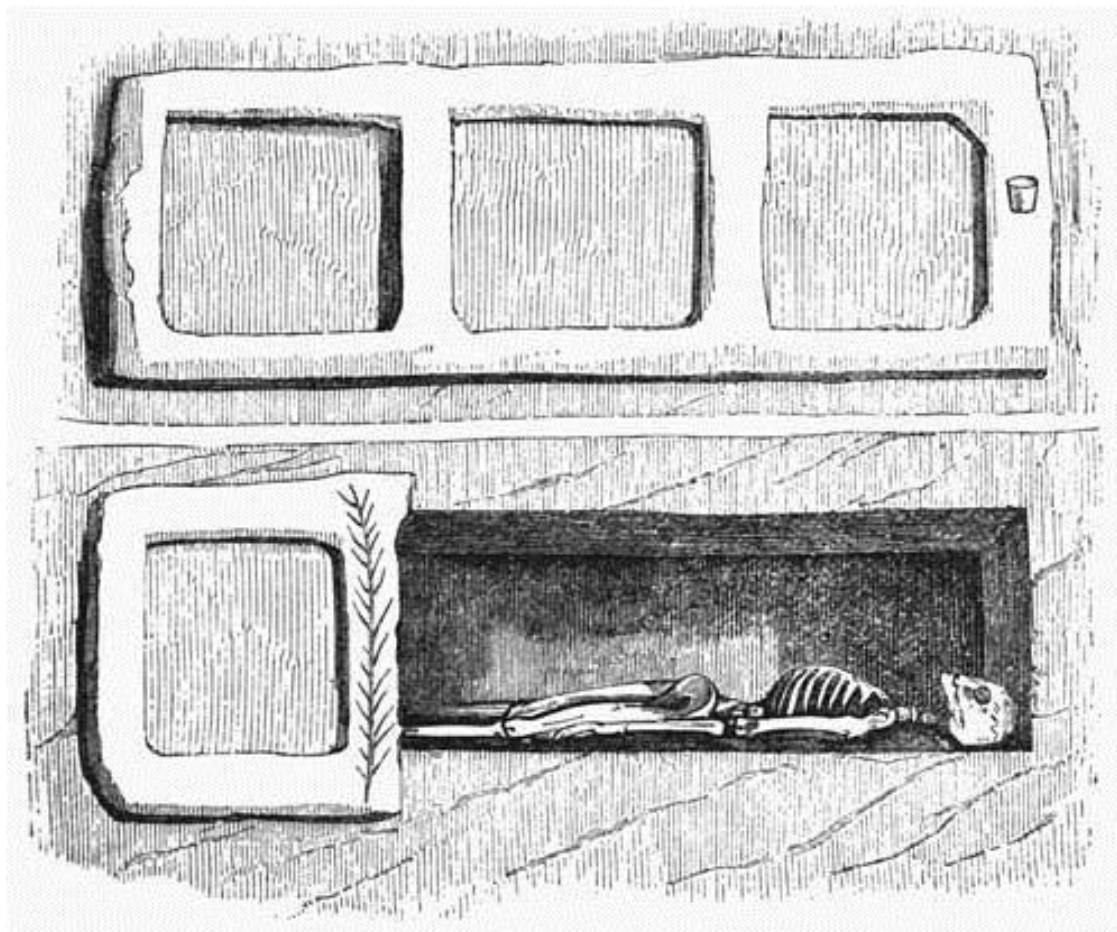

Рис. 6.- Локулы открытые и закрытые.

Если к этим костям прикоснуться, они обычно рассыпаются в белый чешуйчатый порошок. Д'Азенкур скопировал гробницу (рис. 7), в которой эта "сухая пыль смерти" все еще сохраняла очертания человеческого скелета. Воистину, *"Pulvis et umbra sumus"*. Иногда, однако, возможно, в силу каких-то конституционных особенностей, кости остаются довольно твердыми, несмотря на то, что прошло столько веков. Де Росси утверждает, что он помогал выносить тело из катакомб в церковь, находящуюся на расстоянии двух миль, без смещения одной кости.[12] Возраст покойного и характер грунта также влияют на то, в каком состоянии будут найдены останки. От детских тел не остается ничего, кроме пыли. Там, где *луццолан* влажный, кости часто хорошо сохраняются; а там, куда проникает вода, иногда происходит частичное окаменение.[13] Кампана описывает вскрытие герметично закрытого саркофага, в котором обнаружилось нетронутое тело в погребальных одеждах и с украшениями жизни; но пока он смотрел, оно внезапно рассыпалось в прах на его глазах. Иногда саркофаг помещали за перфорированной мраморной плитой, как показано на следующем примере, приведенном Мейтлендом. Нижняя часть плиты сломана.

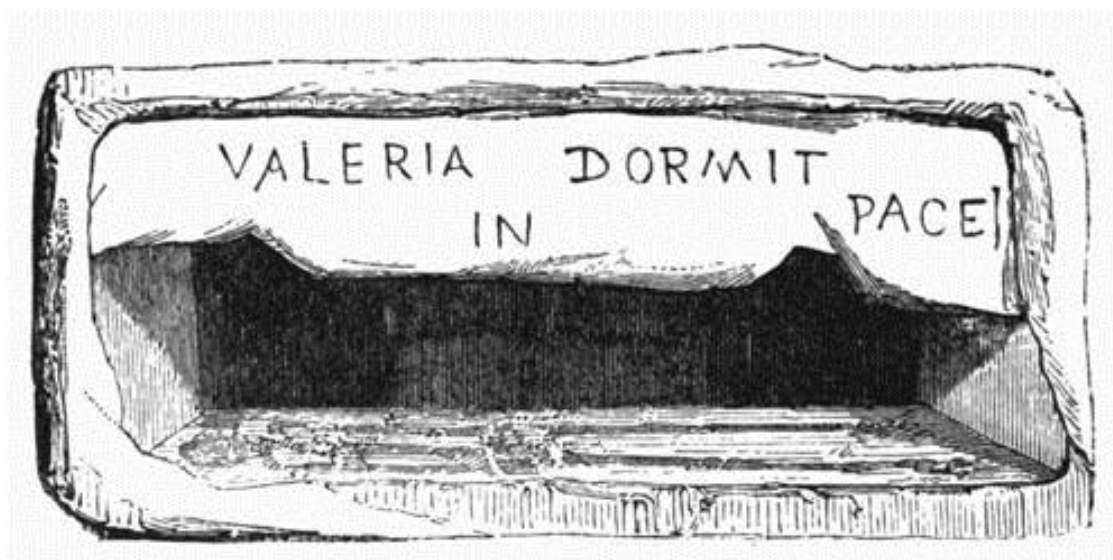

Рис. 7 - Валерия спит в мире.

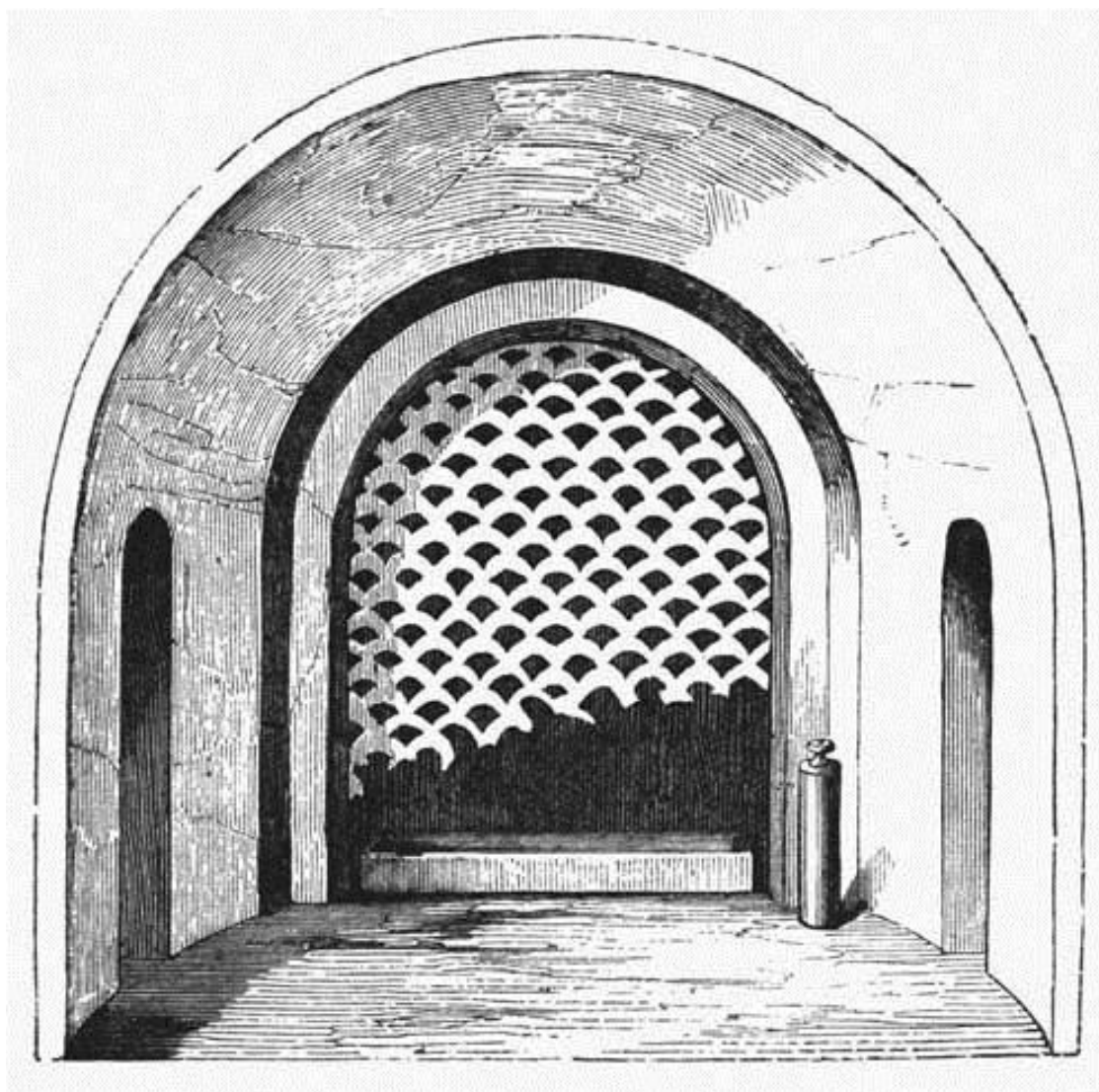

Рис. 8. Аркосолиум с перфорированной плитой.

Другой важнейшей составляющей катакомб, помимо уже описанных галерей, являются *кубикулы*.^[14] Это камеры, вырытые в *туфе* по обе стороны галерей, с которыми они

сообщаются дверями, как показано на [рис. 4](#). Они часто носят характер семейных склепов и выложены могилами, как и коридоры без них. Обычно они квадратные или прямоугольные, но иногда восьмиугольные или круглые. Вероятно, они использовались как морг, для совершения заупокойных служб и для проведения евхаристии возле гробниц мучеников в годовщины их смерти. Они были слишком малы, чтобы использовать их для регулярных богослужений, за исключением, возможно, времени гонений. Их площадь зачастую не превышает восьми или десяти футов. Даже так называемый "Папский склеп", камера особой святости, имеет размеры всего одиннадцать на четырнадцать футов; а примыкающий к нему склеп Святой Цецилии, один из самых больших, менее двадцати футов в квадрате. Даже в самой большой из них может поместиться не более нескольких десятков человек. Как правило, эти палаты расположены друг напротив друга на противоположных сторонах галереи, как на прилагаемом плане двух *кувуклий* в катакомбе Калликста.

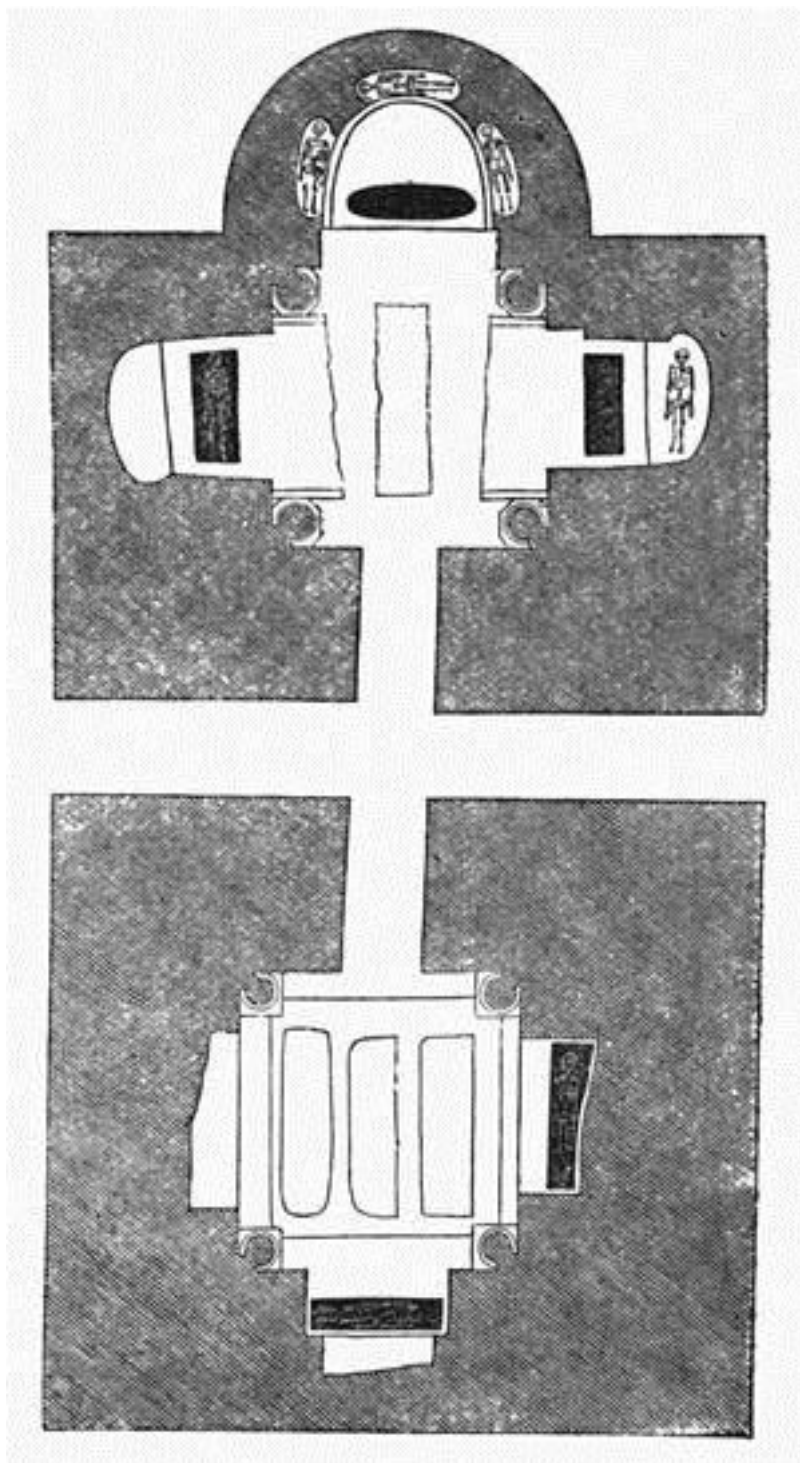

Рис. 9.- План двойной камеры.

Считается, что во время богослужений одна из этих камер предназначалась для мужчин, а другая - для женщин. Иногда отдельные проходы в часовни и отдельные входы в катакомбы, по-видимому, призваны способствовать такому разделению полов. Иногда три, а то и целых пять кубул, как в одном примере в катакомбе Святой Агнессы, располагались на одной осевой линии и образовывали один непрерывный комплекс камер. Прилагаемый разрез того, что известно как "Часовня двух залов" в катакомбе Святого Пртекстата, иллюстрирует это: А - главная галерея, D - большой кубический зал, известный как "Женский зал", справа, а слева В - шестиугольная сводчатая комната с открывающейся из нее камерой меньшего размера С. Длина всего комплекса от G до F, согласно точным измерениям М. Перре, составляет двадцать три с половиной метра, или почти семьдесят семь футов. Большая

гравюра (рис. 11) дает перспективный вид слева на шестиугольную камеру (D. рис. 10) и открывающуюся из нее меньшую камеру (C). Благодаря этим соединенным между собой камерам христиане могли во времена гонений собираться для поклонения в этих "норах и пещерах земли", окруженных дремлющими телами святых мертвецов.

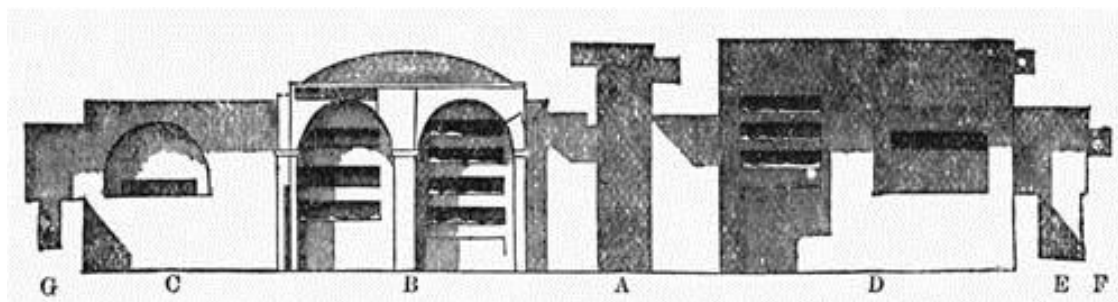

Рис. 10. Разрез галереи и кубикулы.

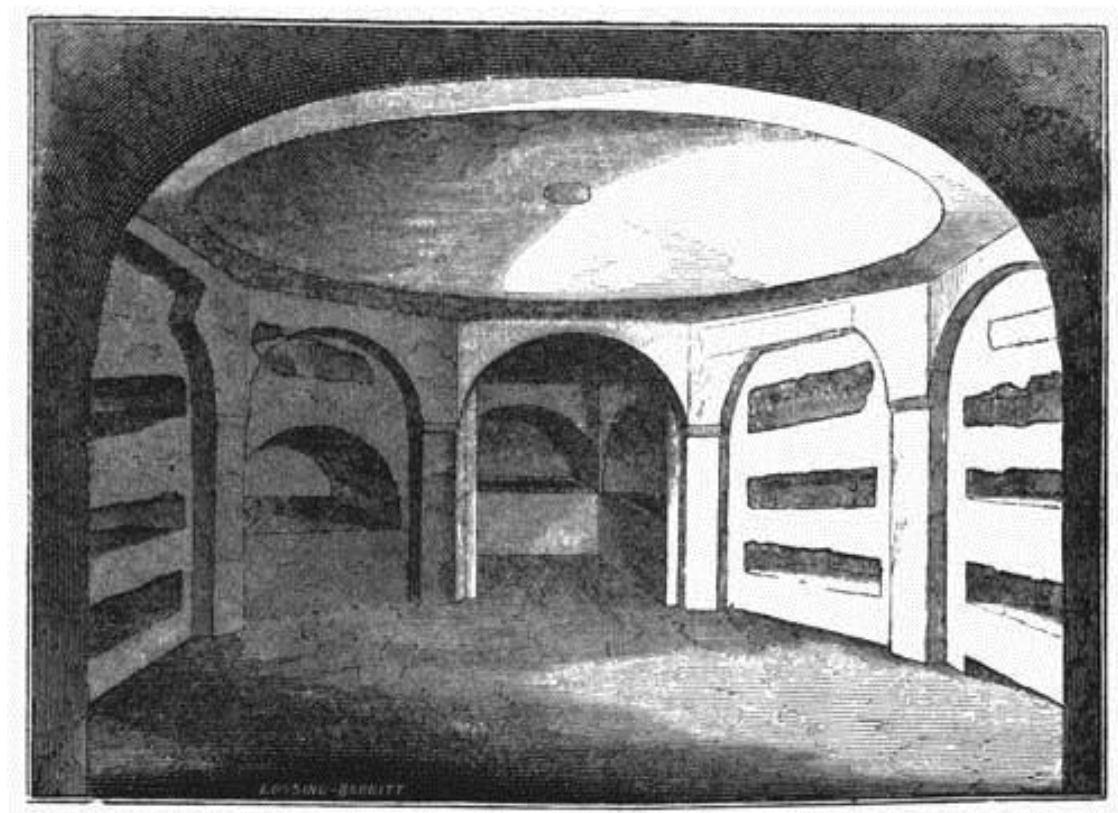

Рис. 11.- Перспектива нижней камеры на рис. 9.

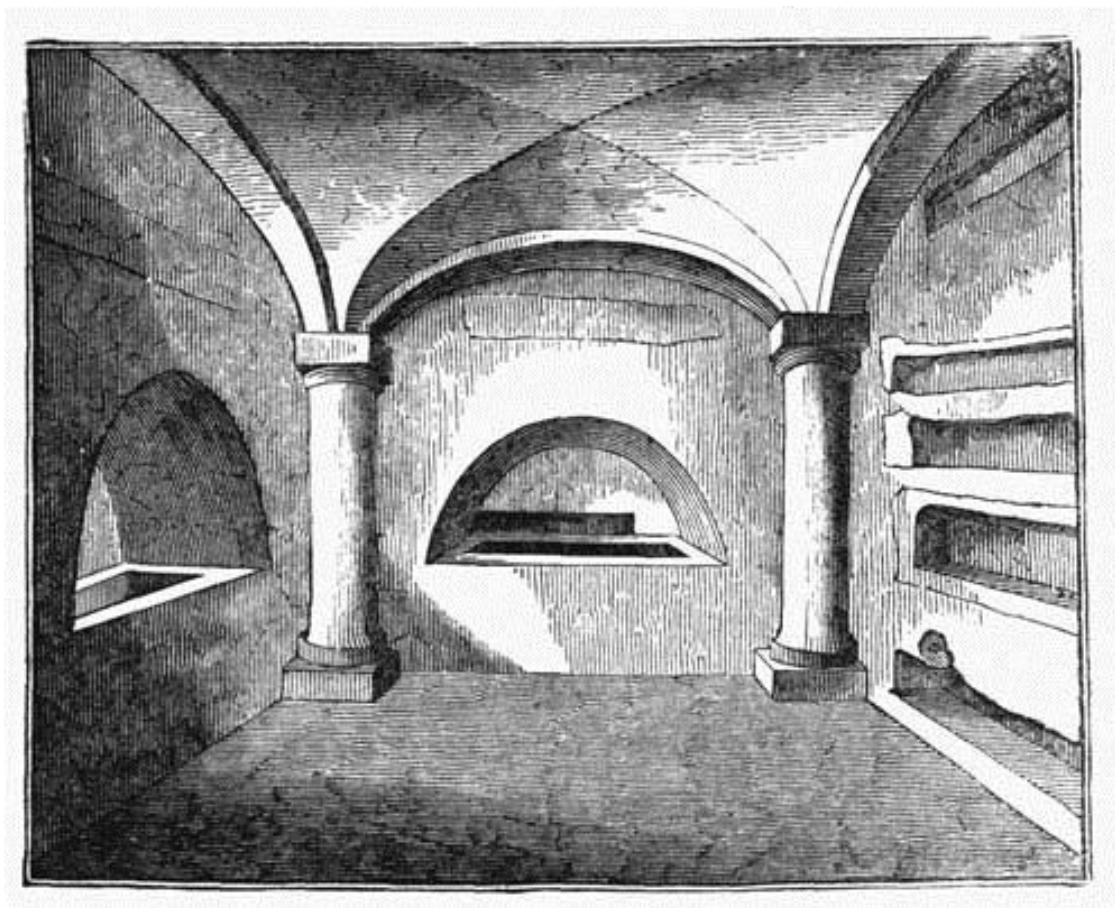

Рис. 12.- Сводчатая камера с колоннами.

Кубиклы имели сводчатые крыши, иногда были оштукатурены или облицованы мрамором и вымощены плиткой или, хотя и редко, мозаикой. Однако, как правило, это были дополнения более позднего времени, чем первоначальная постройка, как и полуовальные колонны в углах, с лепными капителями и базами, как показано на [рис. 9](#), и более четко показано на следующей гравюре, которая представляет собой перспективный вид нижней камеры на [рис. 9](#). Стены и потолок часто покрывались фресковой росписью, часто элегантного дизайна, о котором мы расскажем далее.^[15] Иногда, как в некоторых примерах в катакомбе Святой Агнессы, вокруг камеры выложены *туфовые* или мраморные сиденья, а стулья вырублены из твердой породы.^[16] Такие камеры использовались, вероятно, для обучения катехуменов. Иногда *кувуклия* заканчивается полукруглым углублением, как в верхней камере на [рис. 9](#). Вероятно, в раннехристианской архитектуре от них произошла апсида, хороший пример которой можно найти в церкви Святого Климента, одном из древнейших христианских сооружений в Риме. Часто встречаются ниши и полки для ламп - абсолютная необходимость в вечной темноте, царящей здесь, - такие, какие можно увидеть в итальянских домах и сегодня. Некоторые римско-католические писатели, не имея на то ни малейших оснований, описывают их как шкафы для священнических облачений и полки для картин.

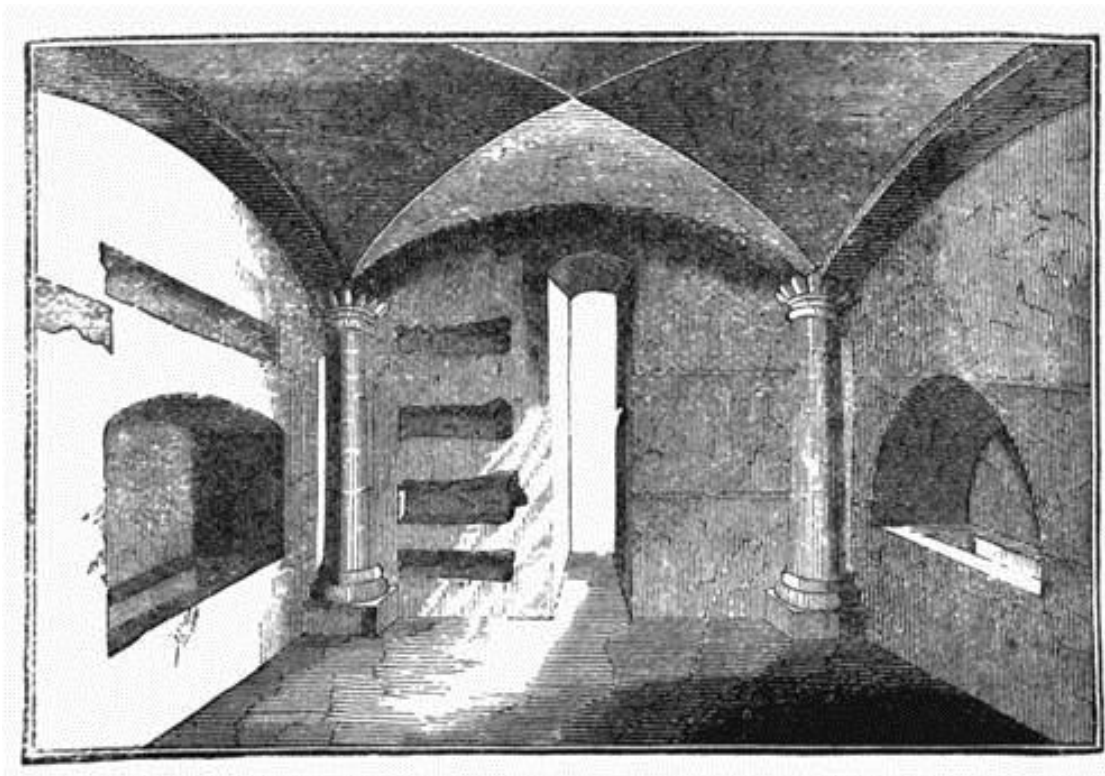

Рис. 13. Кубикулум с аркосолием.

Своеобразная форма могилы, распространенная в этих камерах, а также в галереях, известна как аркосолиум, или арочная гробница. Она представляет собой углубление в стене, в котором находится могила, часто двойная или тройная, вырытая в *туфе* или выложенная каменной кладкой, как массивный саркофаг, и закрытая мраморной плитой. Они видны в плане на рис. 9, в разрезе на рис. 10, в точках G и E на рис. 15, а в перспективе на рис. 11 и 12. Иногда углубление бывает прямоугольным, а не арочным, и тогда де Росси называет его *sepulcro a mensa*, или настольной гробницей. Иногда арка была сегментной, особенно если ее строили из каменной кладки.[17] Пример обеих разновидностей можно увидеть на прилагаемой гравюре кубикеры в катакомбе Святого Пртекстата. Здесь же видна узкая дверь в коридор, а также лепные капители и базы колонн. Со временем эти аркосолии использовались в качестве алтарей для празднования евхаристии, и в конце концов возникли серьезные злоупотребления из-за суеверного почитания мощей мученика или исповедника, погребенного в них. Нередко в задней части этой арочной ниши пробивали могилы более позднего времени, часто прямо через картину,[18] чтобы получить место упокоения рядом с телами святых.

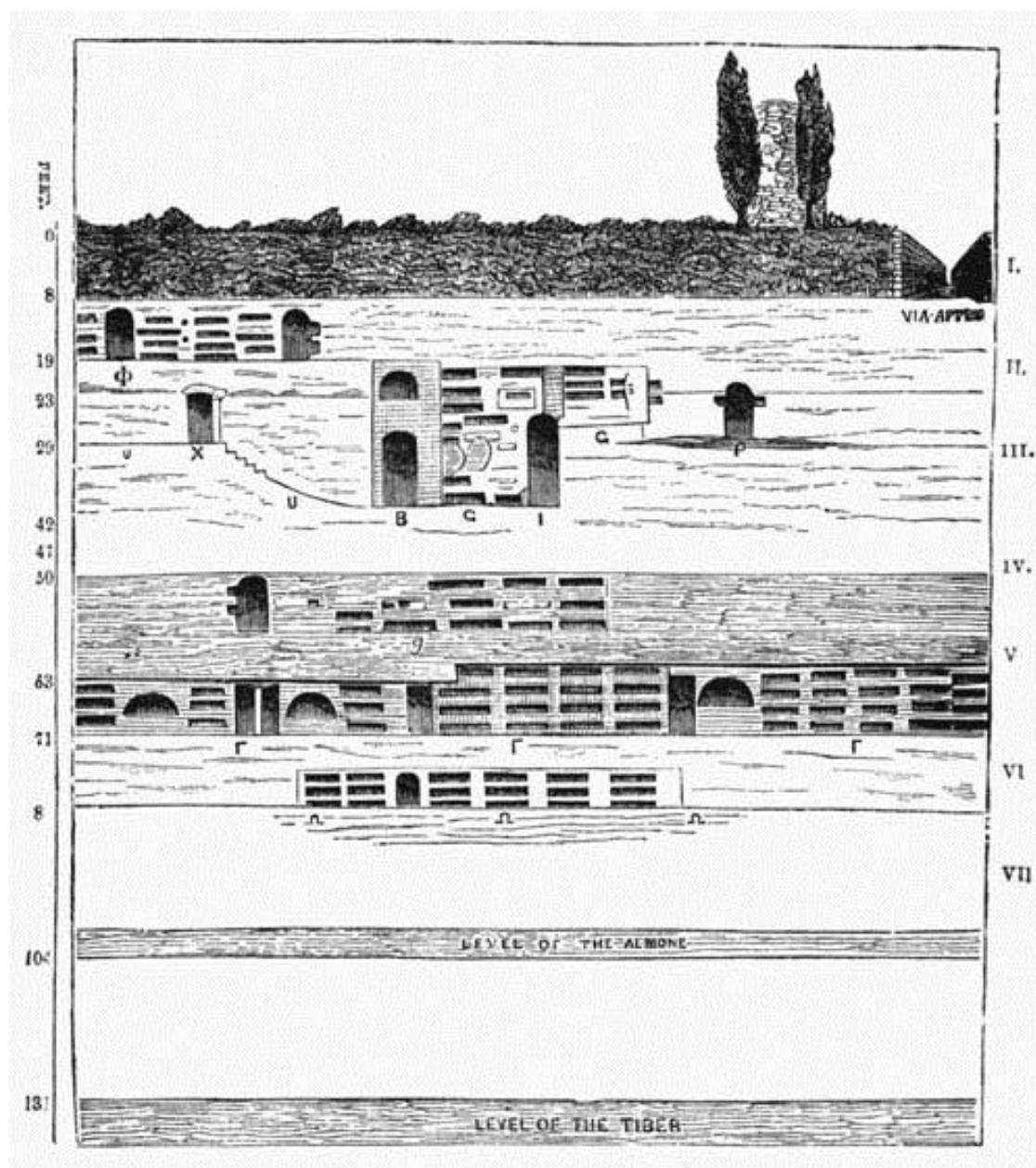

Рис. 14. Секция катакомбы Калликста.

До сих пор был описан только один уровень катакомб, но часто "под этой глубиной есть еще более глубокая", или даже три или четыре яруса галерей, вырытых по мере того, как верхние заполнялись могилами. Таким образом, иногда насчитывается целых пять этажей, или, как их еще называют, *пиани*, расположенных один под другим. Они тщательно поддерживаются в горизонтальном положении, чтобы не пробить пол вышележащего или крышу нижележащего, опасность чего была бы очень велика, если бы отступили от строгого уровня. По этой же причине различные *пиани* обычно разделялись толстым слоем твердого *туфа*. Относительное расположение этих уровней показано на следующей гравюре, уменьшенной из Де Росси. На ней изображен участок склепа Святой Люцины, входящий в состав кладбища Калликста. Темноокрашенный слой, обозначенный I на полях, полностью состоит из обломков древних памятников, зданий и других материалов, накопившихся в течение веков в этом месте на глубине восьми футов. Он полностью похоронил древние дороги, за исключением тех мест, где они были раскопаны, как показано на гравюре. Следующий пласт, II, состоит из твердого сероватого *туфа*. В нем раскопан первый уровень или *рояль*, *ф*. Он находится не более чем в двадцати футах под поверхностью, а во многих местах только на

половину этой глубины. Следовательно, его площадь сравнительно ограничена, так как при расширении он вытекал бы на открытый воздух из-за наклона грунта, в котором он вырыт. Следующий пласт, III, более мягкий и легко обрабатываемый, и поэтому в нем находятся наиболее важные и обширные галереи. Поперечные разрезы Р и Х, а также продольный разрез U покажут, как нижняя поверхность более твердого пласта была сделана потолком этих галерей, чтобы уменьшить опасность его падения. На рисунке В можно заметить использование каменной кладки для укрепления разрушающихся стен из рыхлого *туфа*. В U также можно заметить спуск по нескольким ступеням, некоторые из которых стерлись. В IV обнаруживается более каменистый слой, называемый *литовидным туфом*, ниже которого древние фоссоры[19] должны были спуститься, чтобы найти подходящий материал для раскопок третьего *рояля*. Он был найден в пласте V, в котором находятся два *пианино* на разных уровнях. Нижнее пианино находится не вертикально под тем, что представлено здесь над ним, а на некотором небольшом расстоянии. Оно показано здесь, чтобы продемонстрировать в одном ракурсе все этажи этой катакомбы. Верхний *рояль*, *g*, состоит из низких и узких галерей, но нижний, обозначенный Г Г Г Г, находящийся на глубине семидесяти одного фута под поверхностью земли, имеет большую протяженность. Несколько *локул*, как можно заметить, построены из каменной кладки из-за осыпающейся почвы. Также можно заметить три большие *аркосолии*. Пол этого *рояля* покоится на несколько более твердом слое, в котором находится еще один уровень галерей, $\Omega \Omega \Omega \Omega$, на десять футов ниже. Этот нижний уровень обычно подвергается затоплению водой, вследствие периодического подъема соседней реки Альмоне, уровень которой показан на глубине ста четырех футов, а уровень Тибра - на сто тридцать один фут ниже поверхности.

Чтобы уберечься от сырости, которая ускоряла бы разложение и портила атмосферу, катакомбы обычно выкапывали на возвышенностях в холмах вокруг города, никогда не пересекая впадины или долины. Поэтому нет никакой связи между различными кладбищами, за исключением тех, которые находятся рядом, а также, как утверждается, с церквями Рима. Там, где катакомбы были раскопаны в низине, как в исключительном случае с Кастуло на Виа Лабикана, вода сделала их совершенно недоступными.

Попасть в эти различные *piani* можно по лестницам, которые иногда покрыты плиткой или мрамором, или выложены каменной кладкой, или по шахтам. Ужасающая тишина и почти осязаемая темнота этих глубочайших подземелий просто ужасает. Их вполне можно описать эпитетом, который Данте применил к царству вечного мрака: *loco d'ogni luce muto*- место, немое для всякого света. Здесь царит смерть. Даже ящерица или летучая мышь не проникали в эти мрачные глубины. Со всех сторон только черепа и скелеты, пыль и пепел. Воздух нечист и смертоносен, им трудно дышать. От стен веет "проклятой росой сырости подземелья", и чувство угнетения, подобное "ужасу великой тьмы" патриарха, витает над сценой.

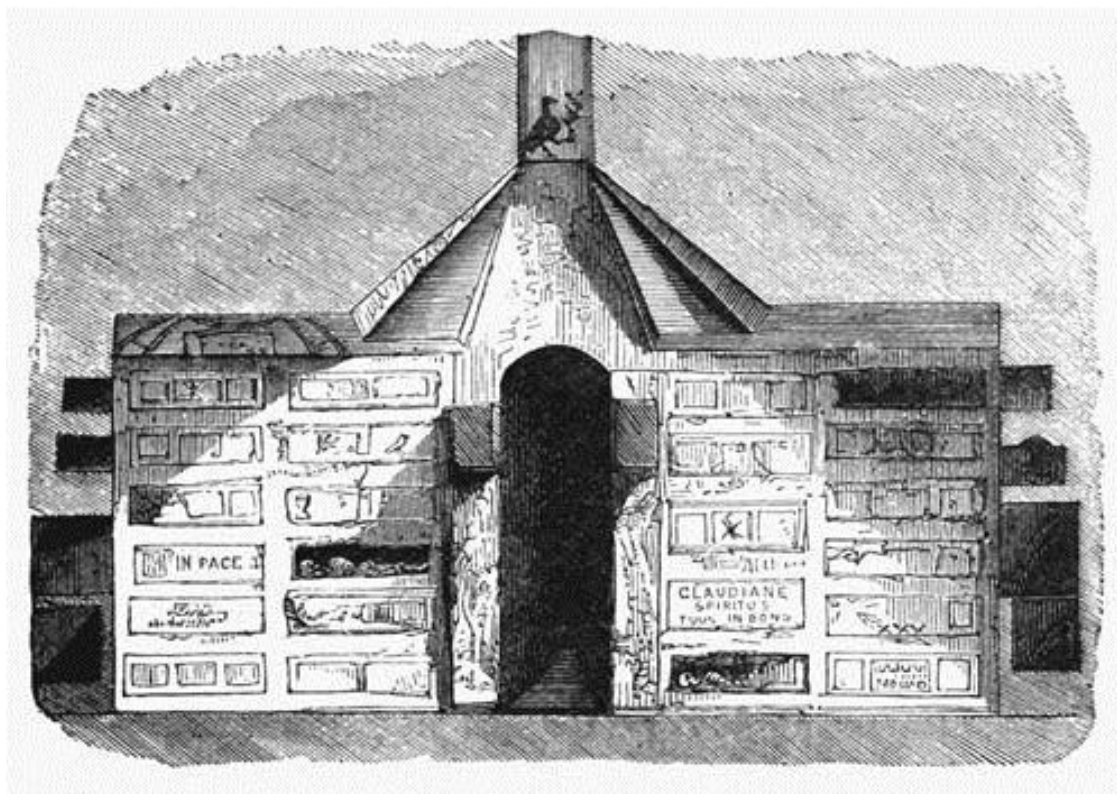

Рис. 15. Секция Cubicula со светильником.

Катакомбы вентилировались и частично освещались многочисленными отверстиями, называемыми по-разному: *spiragli*, или дыхательные отверстия, и *luminari*, или световые отверстия. Они также, вероятно, использовались для удаления раскопанного материала из тех частей, которые находились вдали от входа. Они были даже более необходимы для поступления воздуха, чем света. Если бы их не было, количество горящих ламп, множество мертвых тел, как бы тщательно ни были зацементированы *локулы*, и открытие *бисомы*, или двойных могил, для погребения, создавали бы невыносимую атмосферу. Как правило, они находились на линии соединения двух *кубикул*, в каждую камеру входила ветвь *люминара*, как показано на прилагаемом разрезе части катакомбы святых Марцеллина и Петра. Иногда, действительно, четыре, или даже больше, *кубикулы* вентилировались и частично освещались одной шахтой. Де Росси упоминает один *светильник* в недавно обнаруженного кладбища святого Бальбина, который не квадратный, а шестиугольный, или почти такой, и который делится на восемь ответвлений, освещая столько же отдельных камер или галерей. Иногда воронкообразный *светильник* доходит до самого нижнего *рояля*, но от слабых лучей, которые слабо пробиваются в эти мрачные глубины, "нет света, а скорее тьма видимая". Однако в верхних ярусах некоторые *кубикулы* хорошо освещены благодаря большим проемам. Блестящее итальянское солнце сегодня освещает изображенные на стенах фигуры, как, должно быть, освещало своим сильным рембрандтовским светом прекрасное чело христианской девы, серебристые волосы почтенного пастора или спокойное лицо святого усопшего, ожидающего погребения в те давние века. Эти *люминарии* часто бывают квадратными в два фута сверху и шире по мере спуска; иногда они имеют цилиндрическую форму, как в катакомбе Святой Елены.^[20] Внешние отверстия, часто скрытые травой и сорняками, очень многочисленны по всей Кампанье вблизи города и часто представляют опасность для неосторожного всадника. Почти в каждом винограднике между Пинцианской и Саларианской дорогами их можно найти, и через них часто можно проникнуть в катакомбы. После того как гонения прекратились, и необходимость в укрытии от посторонних глаз отпала, их количество увеличилось, они стали больше по размеру, их часто

облицовывали каменной кладкой, штукатурили и украшали фресками. В катакомбах Святой Агнессы и Калликста есть несколько, сохранившихся в очень хорошем состоянии.

Мы уже познакомились с современным описанием катакомб, сделанным Пруденцием в четвертом веке. Иероним также описывает их появление в тот же период словами, которые почти в равной степени применимы и сегодня. "Когда я был мальчиком и учился в Риме, - говорит он, - я каждое воскресенье в компании с другими людьми моего возраста и вкусов посещал гробницы апостолов и мучеников и заходил в склепы, вырытые в самом сердце земли. Стены по обе стороны выложены телами умерших, и тьма настолько густая, что, кажется, исполняются слова пророка: "Живыми сходят они в Аид". То тут, то там пробивается свет, чтобы смягчить мрак. По мере продвижения вспоминаются слова поэта: "Ужас со всех сторон; сама тишина наполняет душу ужасом".^[21]

Не стоит думать, что описанные выше черты всегда проявляются в полной мере. Они часто затемнены и стерты с течением времени, а также землетрясениями, наводнениями и другими разрушительными действиями природы. Лестницы часто сломаны и прерваны, а коридоры завалены из-за обрушения крыши, когда она была слишком близко к поверхности, или из-за крошения стен, а иногда, очевидно, по умыслу в эпоху гонений. Дожди за тысячу зим смыли тонны земли с *люминариев*, разрушили симметрию проемов и полностью засыпали галереи *обломками*. Естественная сырость помещения, дым от лампад ранних богомольцев или факелов более поздних посетителей, а иногда и инкрустация селитрой нарушили или уничтожили красоту многих картин. Рука разрушителя во многих случаях довершила дело опустошения. Разрытые могилы и разбитые таблички показывают, где благочестие или суеверие убрали мощи умерших, или где праздное любопытство бездумно изуродовало их памятники.

Нынешние размеры катакомб - результат не первичного замысла, а соприкосновения отдельных участков сравнительно ограниченного первоначального размера и как бы иносказания их отдельных галерей. Это очевидно из того факта, что этот контакт и соединение иногда происходят между областями разных уровней, вызывая разрыв их горизонтальной непрерывности, подобно "разломам" или дислокациям, распространенным в геологических пластах. Иногда стык между двумя соседними участками проходит через ярус могил, что, очевидно, не было частью первоначального замысла. Первоначально, как мы увидим в [следующей главе](#), эти отдельные участки были частными местами захоронения в виноградниках богатых новообращенных христиан, а в начале были предоставлены для погребения более бедных членов младенческой Церкви. В соответствии с общепринятым римским обычаем земля, отведенная для погребения, находилась под защитой закона и была точно определена, чтобы оградить ее от посягательств или нарушений. Пока закон находился под защитой, раскопки были строго ограничены пределами этих участков, и вместо того, чтобы преступать границу, копали более низкие *пластры*. Но когда эта защита была снята, галереи были горизонтально расширены, часто с целью облегчения побега, и были сделаны соединения с соседними областями, пока все это не превратилось в запутанный лабиринт ходов и камер. Эти области еще больше отличаются некоторыми особенностями в надписях, *кубулах* и росписях, и были значительно изменены последующими постройками.

До недавнего времени считалось, что Катакомбы были первоначально вырыты римлянами для добычи песка и других строительных материалов, а затем были приняты христианами в качестве мест убежища, а в конечном итоге - усыпальницы и места поклонения. Это мнение было основано на нескольких неправильно понятых классических аллюзиях и высказываниях древних церковных писателей, а также на неверной интерпретации

некоторых случайных особенностей самих катакомб. Тем не менее, его придерживались такие выдающиеся авторитеты, как Бароний, Северано, Аринги, Боттари, д'Агинкур и Рауль-Рошетт. Падре Марчи первым отверг эту теорию построения, а братья Де Росси полностью опровергли ее. Изучение материала, в котором были вырыты эти песчаные и каменные карьеры и катакомбы, а также их структурные различия покажут их совершенно разный характер.

Поверхность Кампани, особенно той ее части, которую занимают катакомбы, имеет почти исключительно вулканическое происхождение. Самый древний и самый нижний слой этой магматической формации - компактный конгломерат, известный как *литойдный туф*. Его активно добывали для строительства, и массивные блоки Клоаки Максима и древней стены Ромула свидетельствуют о его долговечности. На нем покоятся слоистые пласты вулканического пепла, пемзы и скория, часто скрепленные водой, но гораздо менее прочные, чем *туф литойдный*, и называемые *туф граноларе*. В изолированных пластах, редко значительной протяженности, в этой последней формации встречается другой материал, известный как пуццолан. Он состоит из вулканического пепла, выпавшего на сушу и до сих пор находящегося в неконсолидированном состоянии. Это материал знаменитого римского цемента, который и по сей день скрепляет массивные сооружения Древнего Рима. Его доставляли для строительных целей вплоть до Константинополя, а пристань на Тибре, откуда его отгружали, до сих пор называется Porto di Pozzolana. Исключительно в этих последних отложениях находятся аренарии, или песчаные карьеры. *Туф граноларе* слишком твердый и содержит слишком большую долю земли, чтобы использовать его в качестве песка, и в то же время слишком рыхлый для строительных целей. Тем не менее, именно в этом материале, совершенно бесполезном для любого хозяйственного использования, почти исключительно раскапываются катакомбы; в то время как *литойдный* и *пуццолановый туфы* тщательно избегаются, где это возможно: первый слишком твердый, а второй - слишком мягкий для целей христианского погребения. Иногда, правда, как на кладбищах святого Понтиана и святого Валентина, по особым причинам катакомбы выкапывали в менее подходящем материале; но все равно извлеченное вещество - мергель - было экономически бесполезным, и галереи приходилось поддерживать массивной каменной кладкой. Напротив, *туф граноларе* был великолепно приспособлен для строительства этих подземных кладбищ. Его можно было легко копать мотыгой, но он был достаточно прочным, чтобы выдолбить в нем *локулы* и камеры; а его пористый характер делал камеры сухими и полезными для сборки, что было крайне важно, учитывая огромное количество тел, погребенных в этих углублениях.

Не менее разительны различия в структуре каменоломен или *аренариев* и катакомб. И по сей день на холме Келиан можно увидеть огромные гроты, из которых был вырублен материал для строительства Колизея, скорее всего, иудейскими пленниками Тита. Говорят, что в этих мрачных подвалах содержались свирепые нумидийские львы и леопарды, чьи схватки с христианскими мучениками стали диким развлечением в римском амфитеатре. Но ничто не может меньше напоминать узкие и извилистые проходы Катакомб, чем эти огромные пещеры.

Нет большего сходства и в раскопках *аренариев*. Это большие и высокие своды шириной от шестнадцати до двадцати футов, свод которых часто выходит прямо из пола, чтобы дать наибольшее количество песка при наименьших затратах на раскопки. При этом старались удалить как можно больше материала, поэтому часто его оставалось только для поддержки крыши. Просторные проходы *аренария* идут по кривым линиям, избегая острых углов, чтобы обеспечить свободный проезд телег, на которых вывозили выкопанный песок. В катакомбах,

напротив, удалялось как можно меньше материала; поэтому галереи обычно не более трех, а иногда и двух футов шириной, и идут большей частью по прямым линиям, часто пересекаясь под острыми углами, так что только очень узкие тележки могут быть использованы для очистки от накопившегося за века мусора - очень утомительный процесс, который значительно увеличивает стоимость исследований. Стены, к тому же, всегда вертикальные, а крыша иногда совсем плоская или лишь слегка изогнутая. Большая разница в принципе строительства очевидна. Главной целью строительства катакомб было получение максимальной площади стен для захоронения умерших в *локулах*, которыми выстланы галереи, при минимуме земляных работ. Структурное различие сразу же становится очевидным, если сравнить неровные изгибы небольшого *аренария*, представленного в верхней части рис. 3 и 26, с прямыми и симметричными галереями соседней катакомбы. С катакомбой Святой Агнессы связан обширный *аренарий*, чей просторный, похожий на грот вид сильно отличается от узких погребальных галерей под ним. В полу этого *аренария* находится квадратная шахта, ведущая в катакомбу, в которой, по предположению доктора Норткота, раньше находилась лебедка для извлечения раскопанного материала. В твердом *туфе* также есть отверстия для лазания по сторонам шахты, вырубленные в твердом *туфе*, возможно, как средство спасения во времена гонений. Этот *аренарий*, который, вероятно, был выработан и заброшен задолго до его соединения с Катакомбой, мог использоваться как замаскированный вход в ее крипты, когда более публичный не мог быть безопасно использован. Его просторные своды также могли служить вместилищем для битого *туфа*, извлеченного из расположенных под ним галерей.

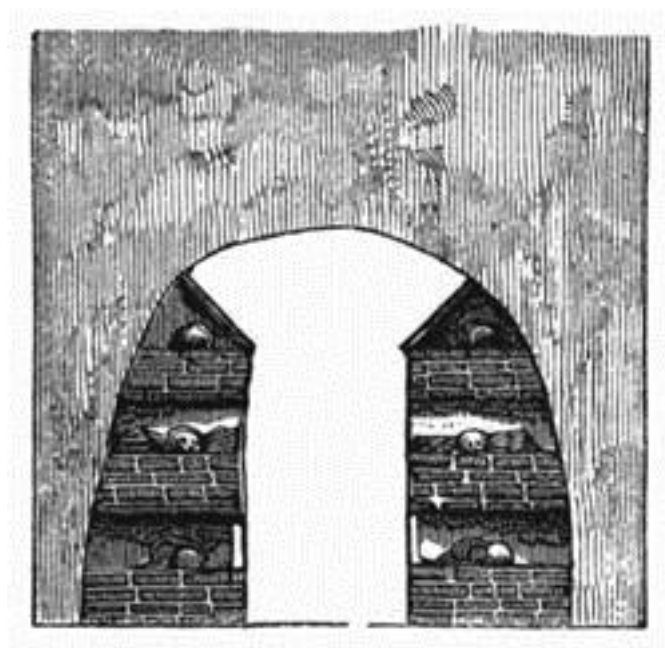

Рис. 16. Галерея в Святом Гермесе.

Многие из этих *аренариев* можно увидеть раскопанными на склонах холмов в окрестностях Рима; но за исключением случаев, когда они случайно становились частью катакомб, в них никогда не находили ни одной могилы. Действительно, из-за полной непригодности *пуццолана* для целей христианского погребения, вторжение залежей этого материала в зону катакомб предотвращало расширение или заставляло отклоняться от маршрута их галерей. Более того, там, где была предпринята попытка превратить *аренарий* в христианское кладбище, произведенные изменения убедительно показывают его изначальную непригодность для этой цели. Прилагаемый разрез галереи в катакомбе святого Гермеса демонстрирует структурные дополнения, необходимые для принятия *аренария* для

христианского захоронения. Боковые стороны полуэллиптического свода были выложены кирпичом, оставив лишь узкий проход посередине. *Локулы* представляли собой оставленные в кладке пространства, в которых до сих пор можно увидеть плесневеющие скелеты. Проемы закрывались плитами обычным способом, как показано на чертеже (рис. 17), за исключением верхней части, где они накрывают могилу наискосок, как крыша дома. Свод часто арочный с кирпичной кладкой, а на пересечении галерей иногда приходится опираться на массивный пирс из каменной кладки. В части древнего *аренария*, превращенного в кладбище в катакомбе Святой Присциллы, можно увидеть похожие сооружения. Длинные стены и многочисленные столбы из кирпича, скрывающие и поддерживающие *туф*, а также неровные изгибы проходов сразу показывают огромную разницу между *аренарием* и катакомбой, а также огромный труд и затраты, необходимые для превращения первого во второй.

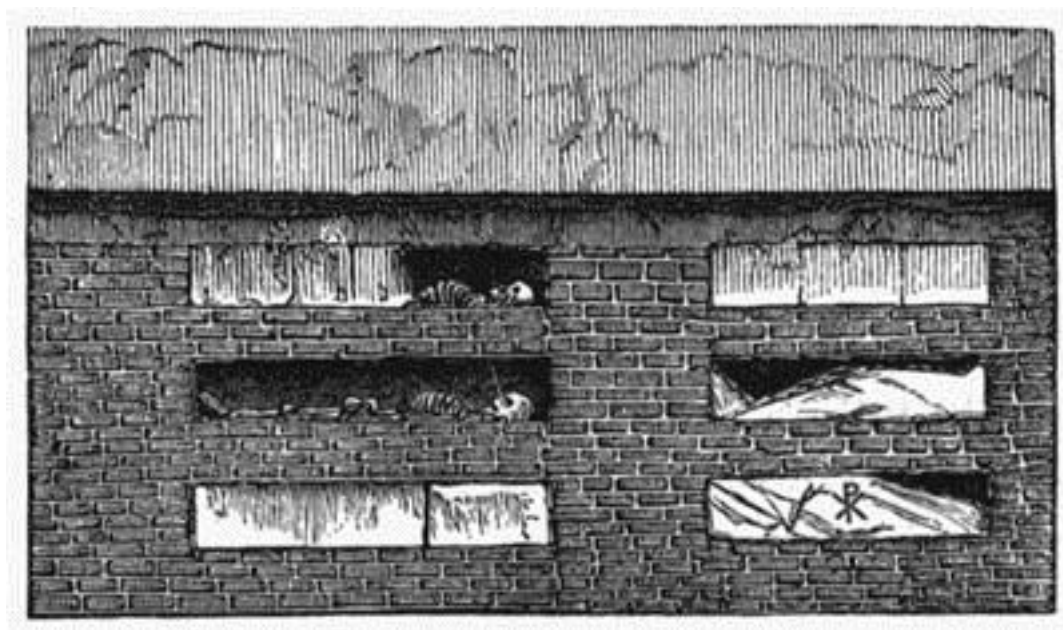

Рис. 17. Часть стены галереи в Сент-Эрмесе.

Против этой теории выдвигались возражения, что трудность тайной утилизации по меньшей мере ста миллионов кубических футов мусора, извлеченного из катакомб, должна была быть чрезвычайно велика, если только он не мог быть удален под прикрытием работы для какой-либо экономической цели. Однако будет показано, что секретность была необходима не всегда, как это принято считать, а, напротив, христианское право на погребение долгое время было юридически признано языческими императорами, и что катакомбы продолжали публично использоваться в течение значительного времени после утверждения христианства на троне Цезарей. Во время обострения гонений есть свидетельства того, что раскопанный материал помещался в уже заполненные могилами галереи или, как мы уже видели, в просторные своды соседних *аренариев*. Если бы катакомбы были просто выемкой песка или камня, как утверждается, мы должны были бы обнаружить, что многие из их узких галерей не содержат гробниц, а многие *аренарии* - содержат их; в то время как каждый двор первых занят могилами, а во вторых не найдено ни одной могилы, и они не содержат ни одного примера настенной живописи или надписи. Напрашивается неопровержимый вывод, что катакомбы были созданы исключительно целью христианского погребения, и ни в коем случае не были языческой постройкой.

Ошибочная теория, с которой мы боремся, возникла, как мы уже говорили, в основном из некоторых классических ссылок на *аренарии* и из отрывков в древних церковных записях,

описывающих места захоронения мучеников, как *in cryptis arenariis*, *in arenario* или *ad arenas*. Некоторые из этих мест, однако, были идентифицированы без сомнения, и оказалось, что они состоят просто из песчаной породы, а вовсе не из настоящей *пуццоланы*. В других случаях жилы *пуццолана* действительно встречаются в Катакомбах, или они связаны с древними *аренариями*, как в Сент-Агнессе и Каликсте. В остальных случаях местность либо еще не распознана, либо выражение просто подразумевает, что кладбище находилось *рядом* с песчаными карьерами - *Juxta arenarium*, или *in loco qui dicitur ad Arenas*.

Однако простое техническое описание Катакомб не дает представления о том захватывающем интересе, который испытываешь, путешествуя по их длинным коридорам и сводчатым залам. Когда паломник к этой святыне первобытной веры посещает эти покои тишины и мрака в сопровождении облаченного в серги и сандалии монаха,^[22] он уподобляется тосканскому поэту, блуждающему в царстве тьмы со своим тенистым проводником.

"Ora sen' va per un segreto calle
Tra l' muro della terra."^[23]

Его шаги странным эхом отдаются в дальних переходах и полых сводах, постепенно затихая в торжественной тишине этой долины смертной тени. Могилы странно зевают, когда он проходит мимо с факелом в руке. Пламя слабо борется со сгущающейся тьмой, смутно высвечивая по обе стороны неоскверненные скелеты, пока его краснота не становится тошнотворно белой, как тот *fioco lume*^[24] бледный свет, при котором Данте видел толпящихся призраков на берегах Ахерона. Вокруг сгущаются глубокие таинственные тени, а тусклая перспектива, усеянная сепуховыми нишами безмолвного сообщества мертвых, простирается в бесконечной перспективе. Сам воздух кажется гнетущим и удушливым, припорошенным сухой пылью смерти. Огромные размеры и население этого великого некрополя подавляют воображение и заставляют вспомнить меланхоличные строки Петрарки: "Piena di morti tutta

"Piena di morti tutta la campagna".^[25]

Почти ужасающий в своем благоговении и торжественности внезапный переход от оживленного города живых к безмолвному городу мертвых; от золотого великолепия итальянских солнечных лучей к траурному мраку этих мрачных сводов. Священное влияние этого места покоряет душу нежными чувствами. Увядающие картины на стенах и благочестивые эпитафии усопшим со всех сторон дышат атмосферой веры и надежды и пробуждают чувство духовного родства, преодолевающего промежуток веков. Мы говорим с затаенным дыханием и шепотом, а мысли заняты прошлым. Невозможно не почувствовать странное волнение, глядя на разрушающиеся реликвии смертной жизни, преданные много веков назад, с благочестивой заботой и многочисленными слезами, своему последнему, долгому покою.

"Кажется, будто мы знаем спящих".^[26]

Мы видим, как мать, в то время как ее сердце разрывается от боли, кладет на каменное ложе - грубую кушетку для такого нежного существа - маленькую фигурку, которую она лелеяла в своих теплых объятиях. Мы видим гонимую паству, следующую, возможно, за растерзанными останками верного пастора и доблестного мученика за истину, которых, рискуя жизнью, они тайком собрали в ночное время. Со святыми песнопениями,^[27] разрываемыми рыданиями, они предают его изуродованное тело могиле, где после долгих трудов жизни он спокойно спит. Мы слышим христианские песнопения, похоронные

песнопения, умоляющие тона молитвы, слова святого утешения и возвышенной надежды, с которыми мертвые во Христе предаются покою. Мгновение, и чары разрушены, прошлое исчезло, и суровая реальность снова стала присутствовать. Вокруг царят разруха, запустение и упадок.

Исследование этих лабиринтов хуже дейдалийских не обходится без опасности. Бесстрашный исследователь Бозио несколько раз едва не заблудился в их таинственных глубинах. Эта катастрофа действительно произошла с М. Робертсом, молодым французским художником, чье приключение превратилось в захватывающую сцену в сказке Ганса Андерсена "Импровизатор" и стало эпизодом в поэме аббата де Лиля "*Воображение*". Вдохновленный энтузиазмом своей профессии, он попытался исследовать одну из катакомб, не имея ничего, кроме факела и нитки в качестве проводника. Блуждая по галереям и камерам, он так увлекся своим исследованием, что нить выскользнула у него из рук. Обнаружив потерю, он попытался восстановить нить, но тщетно. Вскоре его факел погас, и он остался в кромешной тьме, заключенный в живой могиле, окруженный мощами смертной жизни. Тишина была гнетущей. Он кричал, но пустое эхо насмеялось над его голосом. Измученный бесплодными попытками выбраться из страшного заточения, он в отчаянии бросился на землю, как вдруг что-то знакомое коснулось его руки. Мог ли он поверить, что это действительно давно потерянный ключ, с помощью которого только он мог получить освобождение из этого ужасного лабиринта. Осторожно следуя за драгоценной нитью, он наконец вышел на открытое пространство,

И никогда Тибр, журчащий по лугам,
не издавал столь сладкой музыки среди тростника;
И никогда земля не благоухала так сильно,
как когда от него исходил запах гробницы.[28]

Еще более ужасным по своей дикости является случай, рассказанный Макфарлейном.[29] В 1798 году, после возвращения в Рим республиканской армии под командованием Бертье, партия французских офицеров, атеистически настроенных учеников Вольтера и Руссо, закаленных оргиями революции, посетила Катакомбы. Они резвились в склепах и пели свои вакхические песни среди христианских мертвецов. Они разрывали могилы и совершали святотатство у гробниц святых. Один из них, безрассудный молодой кавалерийский офицер, "который не боялся ни Бога, ни дьявола, ибо не верил ни в того, ни в другого", решил исследовать самые отдаленные галереи. Он быстро заблудился и был оставлен своими спутниками. Его возбужденное воображение усилило естественные ужасы этой сцены. Мрачные и призрачные скелеты казались армией обвиняющих призраков. Внизу, в длинных коридорах, таинственно шептал ветер, поднимая невнятные стоны и жалобные вздохи, как у страдающих душ. Звон колокола соседнего монастыря, эхом разносившийся по каменным сводам, звучал громко и ужасно, как предвестник гибели. Слепо пробираясь в темноте, он нащупывал лишь каменные стены и заплесневелые кости, от чего его охватывал ужас. Хотя лишь тонкая крыша отделяла его от яркого солнечного света и свободного воздуха, казалось, он был обречен на живое погребение. Философский скептицизм подвел его в этот опасный час. Он больше не мог насмеяться над смертью как над "*вечной тьмой*". Палимпсест памяти с особой яркостью напомнил о христианских учениях его детства. Его душа наполнилась и прониклась торжественным благоговением. Его физические силы сдали под напором эмоций. На следующий день он был спасен, но долго болел. Он встал с постели

изменившимся человеком. С тех пор его жизнь стала серьезной и благочестивой. Когда через семь лет его убили в сражении в Калабрии, рядом с его сердцем нашли экземпляр Евангелия.

Еще в 1837 году группа студентов со своим профессором, всего около шестнадцати или, как говорят некоторые, почти тридцати человек, вошла в Катакомбы во время праздничной экскурсии, чтобы исследовать их древности, но запуталась в их хитросплетениях. Были предприняты тщательные поиски, но никаких следов их так и не было найдено. В каком-то безмолвном склепе или темном коридоре их медленно настигла та же мучительная участь, что и Уголино и его сыновей в пизанской Голодной башне.[30] Проход, через который они попали сюда, замурован, но тайна их судьбы никогда не будет рассеяна, пока не откроются секреты могилы.

[1]

Haud procul extremo culta ad pomœria vallo,
Mersa latebrosis crypta patet foveis...-Peristephanon, iv.

Происхождение слова "катакомбы" крайне туманно. Отец Марчи выводит его из κατὰ, вниз, и τύμβος, гробница; или из κατὰ и κοιμάω, спать. Моммзен считает, что оно происходит от κατὰ и cumbo, части decumbo, лежать. По мнению Шнайдера (Lex. Græk.), оно происходит от κατὰ и κύμβη, лодки или каноэ, из-за сходства саркофага с этим предметом. Современному автору кажется более вероятным происхождение от κατὰ и κύμβος - углубление, как бы описывающее подземный котлован. Впервые это название было дано в шестом веке ограниченному участку под церковью Святого Себастьяна: "*Locus qui dicitur catacumbas*." -S. Greg., Opp., tom. ii, ep. 30. Впоследствии это название стало применяться ко всем подземным местам погребения. Самые ранние авторы, упоминающие римские *склепы*, называют их *cryptæ*, или *crypts*, или *cæmeteria* - *отсюда* наше слово *cemetery*, буквально, спальные места, от κοιμάω, дремать. Подобные раскопки были обнаружены в Сирии, Малой Азии, на Кипре, Крите, Эгейских островах, в Греции, на Сицилии, в Неаполе, на Мальте и во Франции.

[2] На этих больших дорогах на многие мили выстроились усыпальницы могущественных мертвецов Рима, величественные даже в упадке. Но только богатые люди могли быть похоронены в этих величественных мавзолеях или завернуты в эти "мраморные хлопья". Для основной массы населения были устроены *колумбарии*, в узких нишах которых, как в отделениях голубятни - отсюда и название - помещались *терракотовые урны* с прахом, иногда до шести тысяч в одном *колумбарии*. В них также иногда хранятся урны великих.

[3] Ариосто, "Орландо Фуриозо".

[4] Аринги в изящной латинской оде, приложенной к его великому произведению, восклицает: "*Sub Roma Romam quærito*" - Под Римом я ищу истинный Рим.

[5] Даже такой точный и философский писатель, как покойный профессор Силлиман, сообщает на их основании, что Катакомбы простираются на двадцать миль, до порта Остия, в одном направлении, и до Альбано, двенадцать миль, в другом. Visit to Europe, vol. i, p. 329. Это невозможно, как будет показано, из-за волнистости почвы и ограниченной площади вулканического *туфа*, в котором только и можно вести раскопки. Число отдельных катакомб также было увеличено до шестидесяти; а отец Марчи оценил общую длину ходов в девятьсот миль.

[6] Рис. 1.

[7] Рис. 30.

[8] Рис. 29.

[9]

Primas namque fores summo tenus intrat hiatu
Illustratque dies limina vestibuli.-Peristephanon, ii.

[10] В единственном склепе Святой Люцины, размером сто футов на сто восемьдесят, де Росси насчитал более семисот *loculi* и подсчитал, что почти вдвое больше было уничтожено, что дает в общей сложности две тысячи могил на этой территории. На той же площади при нашем способе погребения не поместилось бы и половины этого числа, даже если бы они располагались как можно ближе друг к другу, без всякого места для проходов".

[11] Сравните "Танатопсис" Брайанта:

"Все, кто ступает по
По земному шару - лишь горстка для племен.
Которые дремлют в его лоне".

[12] Rom. Sott., ii, 127.

[13] D'Agincourt, Histoire de l'art par les Monumens, i, 20.

[14] Буквально, маленькие спальные комнаты, от *cubo* - ложусь. Такое же название носили кельи для медитации и молитвы при церкви Нолы. Paulin., ep. 12, ad Sever.

[15] Книга II.

[16] См. [рис. 130](#) и контекст, где обсуждается вся тема.

[17] См. на кладбище Святой Елены, [рис. 29](#).

[18] Как на [рис. 12](#), и более ярко на [рис. 76](#).

[19] Организованный отряд землекопов, которым были раскопаны катакомбы. См. [книгу III](#), гл. iv.

[20] См. [рис. 29](#).

[21] "Dum essem Romæ puer, et liberalibus studiis erudirer, solebam cum cæteris ejusdem ætatis et propositi, diebus Dominicis sepulchra apostolorum et martyrum circuire, crebròque cryptas ingredi, quæ in terrarum profunda defossæ, ex utraque parte ingredientium per parietes corpora sepulcorum, ... 'Horror ubique animos, simul ipsa silentia terrent.'" -Hieron. in Ezech., Cap. xl.

[22] К сожалению для протестантских посетителей, большая часть катакомб открыта для осмотра только в воскресенье, когда работы по исследованию приостанавливаются.

[23]

"И вот по узким, мрачным тропам мы идем,
между земляными стенами и гробницами" - Инферно.

[24] "Com'io discerno per lo fioco lume."-Inferno.

[25] "Полно мертвецов в этом далеком поле".

[26] Childe Harold, iv, 104.

[27] Hymnos et psalmos decantans.-Hieron., Vit. Pauli.

[28] Из "Воображения" аббата де Лилля, перевод Макфарлейна.

[29] Катакомбы Рима. London, 1852. P. 94, et seq.

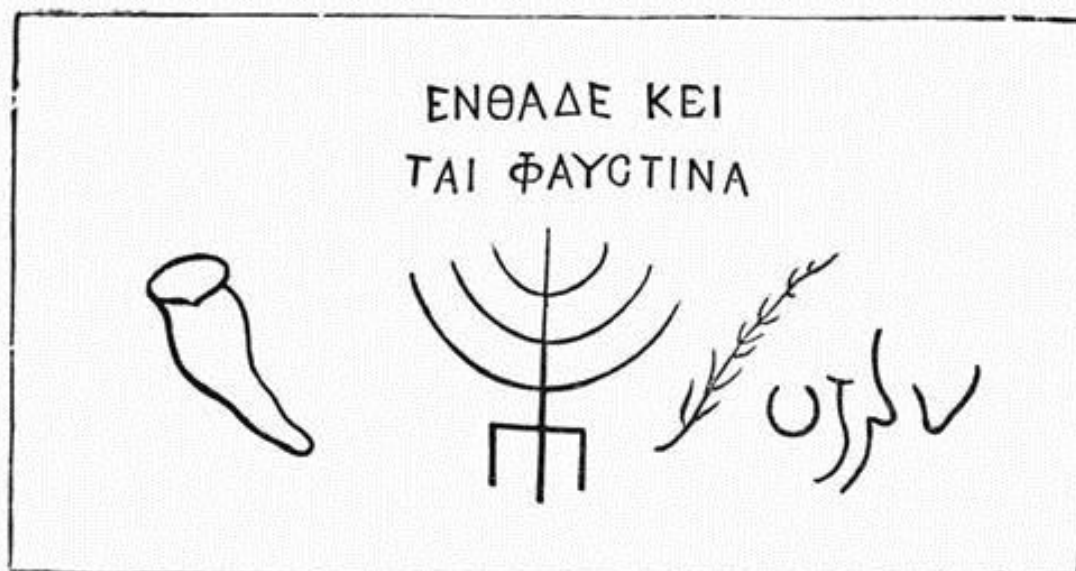
[30] Inferno, Canto xxxiii, vv. 21-75.

ГЛАВА II.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ КАТАКОМБ.

Весьма вероятно, что первые римские катакомбы были раскопаны евреями.[31] Многие еврейские пленники украсили триумф Помпея после его сирийских завоеваний в 62 году до н.э. Еврейское население увеличивалось за счет дальнейшего добровольного присоединения. Вскоре они заполнили транс-тиберинскую область, которая была древним гетто Рима. Они сделали много прозелитов, перешедших от язычества к поклонению истинному Богу, и, выражаясь языком Сенеки, "завоеванные дали законы своим завоевателям".[32]

Все национальные обычаи и предрассудки евреев были направлены против римской практики сжигания мертвых, которую, по утверждению Тацита, они никогда не соблюдали;[33] и они упорно придерживались своего наследственного способа погребения. Где бы они ни жили, они оставляли следы подземных захоронений. Холмы Иудеи испещрены погребальными пещерами и галереями. Подобные раскопки были обнаружены в еврейских поселениях Малой Азии, на Эгейских островах, Сицилии и в Южной Италии.[34] Так и в Риме они стремились быть отделенными в смерти, как и в жизни, от язычников, среди которых они обитали. У них были отдельные катакомбы, в которых не было найдено ни одной христианской или языческой надписи. Бозио описывает одну из таких катакомб, обнаруженную им на Монте-Верде, которая была гораздо древнее христианской катакомбы Святого Понтиана в тех же окрестностях. Она была очень грубой конструкции и не содержала ни одного христианского памятника, зато в ней было множество плит с семилучевым еврейским подсвечником и одна надпись, на которой можно было разобрать слово СΥΝΑΓΩΓΗ - синагога.[35] Она находилась недалеко от транс-тиберинского квартала города, населенного в период христианской эры многочисленным еврейским населением Рима. Однако сейчас ее невозможно идентифицировать, поскольку она была стерта или скрыта изменениями последних двух столетий. Мейтланд приводит следующую еврейскую надпись из коллекции MS. в Риме. Фигура слева может быть рогом для пополнения лампы маслом. Буквы справа, вероятно, означают еврейское слово שָׁלוֹם, *Шалом*, или Мир, столь часто встречающееся в своем классическом эквиваленте на христианских гробницах. Пальмовая ветвь - языческий, а также иудейский и христианский символ победы. Центральная фигура представляет собой грубое изображение семистворчатого подсвечника, который также изображен в барельефе на арке Тита в Риме.

"Здесь лежит Фаустина. В мире".

Рис. 18.- Плита из еврейской катакомбы.

В 1859 году в Винья Ранданини, на Аппиевом пути, примерно в двух милях от Рима, была обнаружена еще одна еврейская катакомба. Она была подробно описана падре Гарруччи.^[36] В ней могилы и саркофаги утоплены как в пол, так и в стены. Они закрыты терракотовыми или мраморными плитами, а в остальном похожи на христианские катакомбы. В нем есть несколько сводчатых камер, в одной из которых на крыше и стенах сохранились весьма примечательные рисунки семисвечника. Та же фигура часто нацарапана на растворе, которым закрыты могилы. Также часто повторяются голубь, оливковая ветвь и пальма. Несмотря на то, что было обнаружено около двухсот надписей, не встретилось ни одной языческой или христианской.

Имена иногда имеют ярко выраженную еврейскую форму, а если в эпитафиях упоминается должность покойного, то это всегда должностные лица синагоги, такие как ΑΡΚΟΝΤΕΣ, правители, ΓΡΑΜΜΑΤΕΙΣ, писцы. Следующие примеры взяты из Кирхерийского музея:

ΩΔΕ ΚΕΙΤΕ ΣΑΛΩ[ΜΗ] ΘΥΓΑΤΗΡ ΓΑΔΙΑ ΠΑΤΡΟΣ ΣΥΝΑΓΩΓΗΣ ΑΙΒΡΕΩΝ ΕΒΙΩΣΕΝ ΜΑ ΕΝ ΕΙΡΗΝΗ ΚΟΙΜΗΣΙΣ ΑΥΤΗΣ. Здесь лежит Саломея, дочь Гадия, отца Еврейской синагоги. Она прожила сорок один год. Сон ее покоится в мире. ΕΝΘΑΔΕ ΚΕΙΤΕ ΚΥΝΤΙΑΝΟΣ ΓΕΡΟΥΣΙΑΡΧΗΣ ΣΥΝΑΓΩΓΗΣ ΤΗΣ ΑΥΓΥΣΤΗΣΙΩΝ. Здесь лежит Квинтиан, герусиарх (то есть главный старейшина) синагоги августинцев. ΕΝΘΑΔΕ ΚΕΙΤΑΙ ΝΕΙΚΟΔΗΜΟΣ ΗΟ ΑΡΧΩΝ ΣΙΒΟΥΡΗΣΙΩΝ ΚΑΙ ΠΑΣΙ ΦΕΙΛΗΤΟΣ ΑΙΤΩΝ Λ ΗΜΕΡ ΜΒ ΘΑΡΙ ΑΒΛΑΒΙ ΝΕΩΤΕΡΕ ΟΥΔΕΙΣ ΑΘΑΝΑΤΟΣ. Вот лежит Никодим, начальник Северов и любимый всеми; (в возрасте) тридцати лет и сорока двух дней. Не унывай, о беззаконный юноша! Никто не избавлен от смерти".

Эта надпись напоминает о другом "правителе синагоги" с таким же именем. Многие из спящих на этом еврейском кладбище, судя по их именам, были греческими или латинскими прозелитами^[37]. Иногда, правда, это прямо утверждается, как, например, в следующем:

Mannacivs sorori Crysidi dvlcissime proselyte.- Маннаций своей милейшей сестре Хризиде, прозелитке.

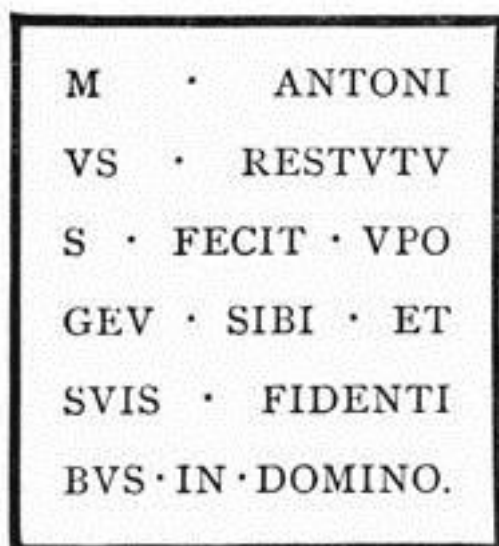
Можно предположить, что эта катакомба была исключительно еврейской, и мы знаем из свидетельств Ювенала^[38] и других, что многие евреи населяли прилегающую часть Рима,

около Porta Капена и долины Эгерии. Однако нельзя с уверенностью сказать, является ли это первоначальным типом христианского кладбища или его позднейшей имитацией. Но у еврейского населения наверняка были внемуральные места погребения до христианской эры; и вполне вероятно, что ранние иудеи, обращенные в христианство, могли просто продолжать уже существующий способ погребения, заменяя эмблемы вновь принятой веры на те, которые они оставили; или, скорее, поскольку мы видим, что они часто сохраняли некоторые иудейские символы, такие как голубь, оливковая ветвь и пальма, дополняя их эмблемами христианства. Де Росси высказал мнение, что самым ранним способом христианского погребения были саркофаги, как на описанном выше еврейском кладбище.

Дата насаждения христианства в Риме точно не определена. Возможно, кто-то из "римских пришельцев", ставших свидетелями чуда Пятидесятницы, или, может быть, обращенные язычники из "италийской группы" Корнилия, принесли новое благовестие в свой родной город.[39] Но несомненно, что уже в 58 г. н. э. о вере Римской церкви "говорили по всему миру". "Христианство, - говорит Тертуллиан, - выросло под сенью иудейской религии, с которой оно считалось сродни и в законности которой не было сомнений";[40] и оно, несомненно, переняло погребальные обычаи иудаизма.

Но даже без примера иудеев римские христиане, естественно, восстали бы против языческого обычая сжигания мертвых с сопутствующими ему идолопоклонническими обычаями[41] и предпочли бы погребение по примеру своего Господа. Они проявляли нежную заботу об останках умерших, находясь под ярким впечатлением от причастия святых и воскресения тела. Казалось, они рассматривали гробницу как "Божий кабинет или святилище, где Он желает хранить драгоценные мощи Своих дорогих святых до юбилея славы".[42] Даже иудеи называли могилу *Бет-ха-хаим*, "дом живых", а не дом мертвых. Поэтому вполне вероятно, что происхождение христианских катакомб относится к периоду смерти первого римского верующего в Христа.

Многие из катакомб, вероятно, были начаты как частные усыпальницы для отдельных семей; действительно, в окрестностях Рима были обнаружены некоторые такие гробницы, которые никогда не выходили за пределы одной камеры. Они были вырыты в садах или виноградниках богатых людей, обращенных в христианство, в подражание той высеченной в скале усыпальнице, освященной телом Христа. Следующая надпись, которую все еще можно увидеть в самой древней части катакомб святых Нерее и Ахилла, похоже, относится к такой семейной гробнице. Другая надпись, найденная в катакомбе святого Никомеда, ограничивает использование усыпальницы первоначальным владельцем и теми его иждивенцами, которые принадлежат к его религии - AT [AD] RELIGIONEM PERTINENTES MEAM.

М. Антоний Рес[ти]тус сделал [этот] гипогей для себя и своих [родственников], верующих в Господа.[43]

Имена многих погребальных склепов напоминают об этих первоначальных владельцах. Среди них Луцина, Прискилла и Домитилла относятся к первому веку, а две первые - к временам апостолов. Некоторые из них, возможно, были изначально предназначены или впоследствии открыты для приема бедных, принадлежащих церкви; таким образом, катакомбы бесконечно расширялись, пока не достигли своих нынешних размеров. Тертуллиан прямо заявляет, что положение о бедных включало в себя положение об их погребении - *genis humandis*.[44]

Есть основания полагать, что даже с самого начала в христианской церкви в Риме было не мало людей благородных кровей и высокого положения. В одном из апостольских посланий Павел передает приветствие Пуденсу, римскому сенатору, Лину, считавшемуся первым римским епископом, и Клавдии, дочери британского короля;[45] и мы знаем, что даже в Золотом доме Нерона, месте той колоссальной оргии, запись которой оскверняет страницы Суетония и Тацита, были ученики распятого Назарянина. Замечательным подтверждением этого факта является обнаружение в ходе недавних исследований руин императорского дворца нескольких христианских памятников, включая одну из тех лампад, украшенных евангельскими символами, которые так часто встречаются в катакомбах. Большая часть свидетельств по этому вопросу была утеряна в результате ревностного уничтожения церковных записей во время ужасных гонений Диоклетиана; но из надписей в катакомбах и случайных упоминаний ранних писателей мы узнаем, что люди самого высокого положения и даже члены императорской семьи были связаны с христианами в жизни и в смерти. Некоторые из самых благородных имен Рима встречаются в погребальных эпитафиях в самых древних галереях катакомб. Есть свидетельства того, что даже в первом веке некоторые из тех, кто стоял рядом с тронном, приняли христианство и даже погибли как мученики за веру.[46]

Но, несомненно, сохранение и развитие истинной религии было лучше обеспечено в темных недрах катакомб во время огненных гонений, постигших Церковь, чем под солнцем императорской благосклонности, в эпоху и при дворе, не имевших себе равных по развращенности. Печальный упадок христианства после воцарения Константина заставляет поздравить его с тем, что в прежние века его сохраняли в чистоте благотворные ветры невзгод.

Новая религия, несмотря на все усилия, которые предпринимались для ее подавления, быстро распространилась даже в высших слоях общества. "Мы только вчерашний день, - пишет Тертуллиан в конце второго века, - но мы заполняем все города, поселки и острова империи. Нас много в самых лагерях и крепостях, в зале совета и во дворце, в сенате и на форуме; остались только ваши храмы и театры".[47]

Изучение самых ранних катакомб показывает, что они не были порождением страха со стороны христиан. В их строительстве не было попыток сохранить тайну. Они, как и языческие гробницы, располагались на больших дорогах, ведущих в город. Входы в них часто защищались и украшались изящными каменными конструкциями, такими, как та, что до сих пор видна в катакомбе святой Домитиллы на улице Ардеатина;[48] и их внутренние украшения и фрески, которые в самых древних образцах отличаются классическим вкусом и красотой, явно выполнялись не тайком и в спешке, а в безопасности и на досуге.

В классические времена все места, отведенные под усыпальницы, имели священный характер. Они пользовались особой защитой закона и были наделены своего рода религиозной святостью.[49] Эта защита утверждалась во многих последовательных эдиктах, а нарушители гробниц подвергались самым суровым наказаниям как виновные в святотатстве.[50] Почитание могил умерших рассматривалось древними как религиозная добродетель, а пренебрежение к родовой гробнице даже влекло за собой лишение права занимать муниципальные должности.[51]

Расположенные вдоль общественных дорог, эти языческие гробницы подвергались различным загрязнениям, о чем свидетельствуют многочисленные надписи. Отсюда частое CAVE VIATOR - "Путешественник, берегись!", столь распространенное в классических эпитафиях. Часто встречающаяся надпись SCRIPTOR PARCE HOC OPVS - "Писатель, пощади эту работу" - как хорошо заметил Кенрик,[52] является не обращением автора к критику, а родственником умершего, который умоляет настенника не уродовать гробницу. На этих придорожных памятниках иногда писали предвыборные объявления - практика, которая осуждается в следующем: CANDIDATVS FIAT HONORATVS ET TV FELIX SCRIPTOR SI HIC NON SCRIPSERIS - "Пусть твой кандидат будет в почете, и ты сам будешь счастлив, о писатель, если не будешь писать на этой могиле!" INSCRIPTOR, ROGO TE VT TRANSEAS MONVMENTVM - "Надписчик, молю тебя пройти мимо этого памятника".

Поскольку эти усыпальницы, часто значительной площади, были взяты с полей в окрестностях большого города, где земля была очень ценной для обработки, они постоянно находились под угрозой вторжения из-за корыстолюбия наследников или соседних землевладельцев, если бы не эта юридическая защита. На многих cippi, или погребальных памятниках, которые стоят вдоль общественных дорог в окрестностях Рима, указаны размеры этих участков. Некоторые из них совсем невелики, о чем свидетельствует следующая надпись: TERRENVN SACRATVM LONGVM P[EDES] - X - LAT - P[EDES] - X - FODERE NOLI - NE SACRILEGIVM COMMITTAS [52a] - "Освященный участок земли, десять футов длиной и десять футов шириной. Не копайте здесь, чтобы не совершить святотатство".

В более общем случае выражается размер участка, как в следующем: IN FRONTE P[EDES] - IX IN AGRO P[EDES] - X; то есть "фронт по отношению к дороге - девять футов; глубина в поле - десять футов". Этот небольшой участок был рассчитан на несколько семей. Ограниченное пространство, занимаемое погребальными урнами, делало это вполне возможным. Однако часто размеры были гораздо больше. Площадь в сто двадцать пять футов квадратных была бы весьма умеренной. Гораций упоминает один размером тысяча футов на триста,[53] , а иногда они значительно превышают этот размер, как, например, один на Виа Лабикана,

пятьсот на восемнадцать сотен футов, или более двадцати английских акров. Также часто встречались *exhedræ*, или сиденья на обочине, для прохожих, которых иногда призывали остановиться и прочитать надпись, или вознести возлияние за умерших, как в следующем случае: *SISTE VIATOR TV QVI VIA FLAMINIA TRANSIS, RESTA AC RELEGE* - "Остановись, путник, проходящий по Фламинскому пути; остановись и прочти, и прочти снова!" *MISCE BIBE DA MIHI* - "Смешайте, выпейте и дайте мне". *VIATORES SALVETE ET VALETE* - "Путешественники, приветствуйте и прощайте".

Эти участки захоронения не могли быть отчуждены или переданы семьям, для которых они были изначально выделены; Которые иногда перечисляются в надписях, а чаще всего выражаются формулами: *SIBI SVISQVE FECIT*, *SIBI ET POSTERIS SVIS*, или с добавлением: *LIBERTIS LIBERTABVSQVE POSTERISQVE*, то есть "Он сделал это для себя и своей семьи" или "для себя и своих потомков"; также "для своих вольноотпущенников и вольноотпущенниц и их потомков". Иногда это ограничение прямо утверждается: *VT NE VNQVAM DE NOMINE FAMILIAE NOSTRAE HOC MONVMENTVM EXEAT* - "Чтобы этот памятник не вышел из имени нашей семьи". От корыстолюбия наследника поместья особенно защищает постоянно повторяющаяся формула *H - M - H - N - S -*, то есть *Hoc monumentum hæredem non sequitur* - "Этот памятник не достанется наследнику". Иногда в величественном мавзолее в одиночестве покоится прах одного человека, который в угрюмой исключительности заявляет в своей эпитафии, что у него нет соратников даже в могиле, или что он сделал свою могилу для себя одного - *IN HOC MONVMENTO SOCIVM HABEO NVLLVM*, или, *HOC SOLO SIBI FECIT*.

Нарушение памятника убедительно осуждается в многочисленных надписях, например, в таких: *ROGO PER DEOS SVPEROS INFEROSQVE NE VELITIS OSSA MEA VIOLARE* - "Умоляю вас, клянусь сверхъестественными и адскими богами, не нарушайте моих костей". Иногда это прошение сопровождается восклицанием о божественной мести, если оно будет проигнорировано, например, *QVI VIOLAVERIT DEOS SENTIAT IRATOS* - "Пусть почувствует гнев богов[54] тот, кто нарушит [эту могилу]". Другой вызывает страшное проклятие: *QVISQVIS HOC SVSTVLERIT AVT LAESERIT VLTIMVS SVORVM MORIATVR*[55] - "Тот, кто унесет или повредит эту [гробницу], пусть умрет последним из своего рода".

Из-за недоверия к потомкам многие воздвигали свои памятники при жизни и писали эпитафии, оставляя лишь место для эпохи. Это иногда выражается словами: *SIBI VIVVS FECIT*, или: *SE VIVO*, *SE VIVIS*, или даже такими солецизмами, как *ME VIVVS*, или *SE VIVVS*. Ниже приводится странный факт возведения погребального памятника одним живым человеком для другого: *SE MIRAMIAE LICINIAE QVAM LOCO FILIAE DILIGO OB MERITA EIVS VIVVS VIVAE FECI* - "Семирами Лицинии, которую я люблю вместо моей дочери: за ее заслуги, живой, я сделал это ей живой".

Эти классические обычаи были подробно описаны, потому что следы их влияния можно заметить во многих обычаях, принятых первобытными христианами, и потому что они дают объяснение тем замечательным иммунитетам и привилегиям, которыми так долго пользовались катакомбы. Они были построены на отдельных и ограниченных территориях, как и языческие усыпальницы. Де Росси привел карту катакомб Калликста, на которой эти территории точно определены. Они различаются по размеру и форме: крипта святой Люцины - сто футов *по фронту* и сто восемьдесят *по площади*, святой Цецилии - двести пятьдесят футов *по фронту* и сто *по площади*, а другие еще больше. По смыслу закона эти участки пользовались такой же защитой, как и языческие усыпальницы, для лишения которых требовался специальный эдикт. Даже когда христианство попало под запрет гонений, свобода усыпальниц поначалу не была нарушена. Разъярив живое тело, языческий магистрат, по крайней мере, не отказывал в праве погребения изуродованных останков

мученика. Благодетельный римский закон гласил, что тела даже тех, кто умер от руки общественного палача, могут быть отданы любому, кто попросит их.^[56] Таким образом, даже приговор христианам, объявленным вне закона, не затрагивал тела умерших.

Действительно, из церковной истории известно, что часто верующие принимали останки мучеников и предавали их христианскому погребению. Только в третьем веке, когда языческая оппозиция христианству стала интенсивной и ожесточенной, гонители начали войну с мертвыми. Хотя и Диоклетиан, и Максимиан подтвердили приведенный указ, часто случалось, что, чтобы христиане не имели даже печального утешения собрать кости мучеников и почтить останки павших героев, этим священным реликвиям отказывали в обрядах погребения, которые свободно совершались над телом самого мерзкого злоумышленника.

Эти территории, как христианские, так и языческие, находились под опекой римских *понтификов*, которые, хотя и были язычниками, фактически были подтверждены в своей власти христианским императором Константом. Благодаря этой защите христиане могли проводить свои богослужения и праздновать *агапæ* в ораториях или других зданиях, возведенных над катакомбами, руины которых до сих пор можно увидеть в катакомбах святой Домитиллы и святых Нерее и Ахилла, и которые, по общему мнению, соответствуют языческим сооружениям для проведения погребальных банкетов. Даже когда их угнетали и преследовали над землей, они находили убежище под ее поверхностью и по невежеству или равнодушию врагов могли поклоняться Богу среди святых мертвецов. Пока их усыпальницы оставались незахваченными, христиане старательно воздерживались от расширения раскопок за их пределы, выкапывая вместо них более низкие *пластры*, когда ненасытная смерть требовала места для новых могил. Но когда безжалостный гонитель преследовал их даже под землей, они чувствовали себя вправе выйти за эти пределы и зарыться в любом направлении, чтобы спастись или убежать.

Христианские надписи часто решительно осуждают нарушение могил, к которым они прикреплены, подобно тому, как мы видели в языческих эпитафиях, и против этого преступления святые отцы интенсивно выступают. Иногда прошение принимает самый торжественный характер, как, например, это: [ADIVRO] VOS PER C[H]RISTVM, NE MIHI AB ALIQVO VIOLENTIAM [sic] FIAT ET NE SEPVLCRVM MEVM VIOLETVR - "[Я призываю] тебя Христом, чтобы никто не предлагал мне насилия и чтобы гробница моя не была нарушена". Еще более ужасным по своей сути является следующее заклинание: CONIVRO VOS PER TREMENDVM DIEM IVDICII VT HANC SEPVLTVRAM NVLLI VIOLENT^[57] - "Заклинаю вас страшным днем суда, чтобы никто не нарушал этого гроба".

Иногда выражается самое страшное проклятие, как, например, в следующем:

MALE - PEREAT - INSEPVLTVS
IACEAT - NON - RESVRGAT
CVM - IVDA - PARTEM - HABEAT
SI - QVIS - SEPVLCHRVM - HVNC - VIOLAVERIT-

Если кто нарушит эту гробницу,
Пусть он погибнет жалким образом и останется непогребенным;
Пусть ляжет и не встанет,
Пусть получит свою долю с Иудой.^[58]

....[EMI]GRAVIT AD XPM
....SEPVLCRVM VIOLARE

...SIT ALIENVVS A REGNO DEI.

... отошел ко Христу. [Если кто осмелится нарушить гроб сей, да будет ... и далек от Царствия Божия".^[59]

Вероятно, этот страх перед нарушением могилы проистекал, по крайней мере, частично, из опасения, что рассеивание останков может помешать воскресению тела; а также из естественного отвращения к нарушению покоя праха, столь страстно выраженного на надгробии величайшего драматурга Англии.^[60]

На христианских и языческих гробницах иногда можно встретить надпись о том, что они были подготовлены еще при жизни жильцов, как, например, в следующей: LOCVS BASILIONIS SE BIBO FECIT - "Место Базилио, он сделал его при жизни"; SABINI BISOMVM SE BIBVM FECIT SIBI IN CEMETERIVM BALBINAЕ IN CRYPTA NOBA [sic]- "Бисомус Сабина, он сделал его для себя при жизни, на кладбище Балбины, в новом склепе". Поскольку Сабинус мог занять только одну половину, вторая, вероятно, предназначалась для его жены. Обратите внимание на красивый эвфемизм для обозначения могилы. Она спокойно выбрана в качестве последнего долгого дома, как "дом, предназначенный для всех живущих". (Рис. 19.)^[61]

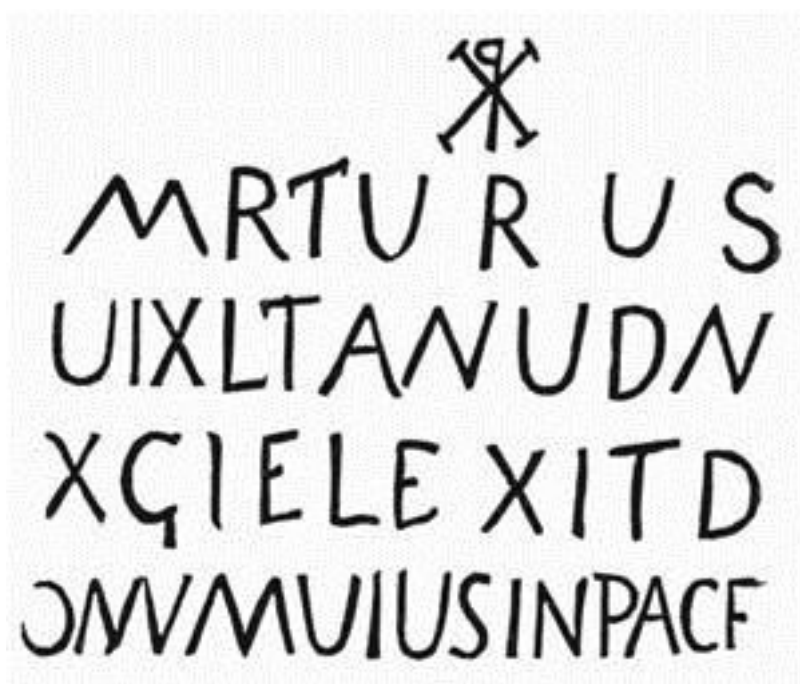

Рис. 19. Эпитафия из галереи Лапидария^[61].

Но между похоронными обычаями язычников и христиан существовало еще одно, более примечательное сходство, чем все упомянутые, и оно в значительной степени способствовало свободе действий и безопасности последних. Существует множество монументальных и других свидетельств существования в Риме во времена поздней Республики и Империи неких похоронных *братств* - коллегий, как их называли, - очень похожих на современные погребальные клубы. Замечательная надпись времен Адриана, 103 г. н. э., найденная в Лавинье, в девятнадцати милях от Рима, на Аппиевом пути, дает представление об их устройстве и целях. С большой юридической тавтологией в нем излагается привилегия этой *коллегии* поклонников Дианы и нового божества Антиноя,

назначенной указом римского сената и народа, собираться, созывать и иметь ассоциацию для погребения мертвых.[62] Члены этого братства должны были платить за это сто *сестерций* при вступлении, кроме того, *амфору* хорошего вина, и пять *асов* в месяц впоследствии,[63] все это терялось в случае неуплаты ежемесячных взносов. На похороны тратилось триста *сестерций*, пятьдесят из которых должны были распределяться при кремации тела. Если член конгрегации умирал вдали от Рима, за телом посылали трех членов конгрегации. Даже если им не удавалось получить его, погребальные обряды должным образом совершались над чучелом покойного. Также было предусмотрено, чтобы члены братства обедали вместе в годовщины и по другим поводам в соответствии с правилами, предписанными *коллегией*.

Сохранились названия многих таких *коллегий*, каждая из которых состояла из представителей схожей профессии или ремесла. Так, мы имеем *Collegium Medicorum* - объединение врачей; *Aurificum* - золотопромышленников; *Tignariorum* - плотников; *Dendrophorum* - деревообрабочников; *Pellionariorum* - меховщиков; *Nautarum* - моряков; *Pabulariorum* - торговцев фуражом; *Aurigarium* - возниц; *Utriculariorum* - баржевиков.[64]

Часто их связывали узы национальности или общие религиозные обряды, например, *Collegium Germanorum* - объединение германцев; *Pastophorum* - жрецов Изиды; *Serapidis et Isidis* - Сераписа и Изида; *Aesculapii et Hygeiae* - Эскулапия и Гигеи.[65] Иногда это были *Cultores Veneris, Jovis, Herculis*, поклоняющиеся Венере, Юпитеру, Геркулесу или, как мы видели, Диане и Антиною.

Эти объединения часто наделялись особыми привилегиями, иммунитетами и правами, подобными тем, которые давала инкорпорация, например, владение территориальной собственностью. Де Росси на основании многочисленных цитат показал, что императоры, которые всегда выступали против объединений граждан, делали специальные исключения в пользу этих похоронных клубов.[66]

В соответствии с уставом этих корпораций христианская церковь имела особые условия для погребения своих умерших и даже для отправления религиозных обрядов. Предполагается, и это весьма вероятно, что именно под прикрытием этих похоронных ассоциаций была предоставлена веротерпимость сначала гробницам, а затем церквям. Тертуллиан описывает практику христианской общины во втором веке следующим образом: "Каждый вносит небольшое пожертвование в определенный день месяца или когда пожелает и по мере сил, ибо никто никого не принуждает; это добровольное пожертвование. Это наш общий фонд благочестия; ведь он расходуется не на пиршества и пьянство и не на излишества, а на пропитание и погребение бедных, на поддержку сирот, стариков, потерпевших кораблекрушение или томящихся в рудниках, в изгнании или в тюрьме".[67] Таким образом, *Ecclesia Fratrum*, "Конгрегация братьев", которая восстановила погребальный памятник, описанный на странице [пятьдесят шесть](#), [68] напоминает языческую коллегию *Fratres Arvales*; а *Cultor Verbi*, или поклонник Божественного Слова, в той же надписи, показался бы языческому магистрату аналогом *Cultores Jovis* или *Cultores Dianae* языческих *коллегий*. Действительно, по названиям некоторых из этих объединений трудно определить, были ли они христианскими или языческими. Так, мы читаем о *Collegium convictorum qui una epulo vesci solent* - "Братство сотрапезников, привыкших пировать вместе". Де Росси предполагает, что здесь может быть скрытая ссылка на христианскую общину, и, возможно, на празднование Агапе или Евхаристии.[69] Другой вариант - *Collegium quod est in domo Sergiae Paulinae* - "Ассоциация, которая находится в доме Сергия Паулина". Возможно, это была христианская община, подобная "церкви, которая была в доме" Прискиллы и Акилы.[70]

То, что первобытные христиане пользовались привилегиями, предоставленными погребальным ассоциациям, подтверждается находкой, сделанной Де Росси на кладбище Святой Домитиллы в 1865 году, о которой уже упоминалось. У входа была обнаружена камера с каменными сиденьями, похожая на *schola*, или место встречи в языческих гробницах, где религиозное братство справляло погребальный пир по усопшему. Здесь христиане отмечали *Агапе*, или праздник милосердия, и *Наталитиа*, или годовщину мучеников, которые были здесь похоронены, так же, как языческие объединения отмечали годовщины своих усопших покровителей.

Древние привилегии этих *коллегий* были подтверждены эдиктом Септимия Севера около 200 года нашей эры. Любопытно совпадение, что именно в это время Зефирин, епископ Рима, назначил Калликста "хранителем кладбища", а также главой духовенства.[71] Чтобы обеспечить похоронной ассоциации защиту закона, необходимо было назначить одного из ее членов агентом или "синдиком", через которого должны были осуществляться ее дела и на чье имя должно было храниться ее имущество.[72] Так Калликст стал синдиком общественного кладбища церкви, которое до сих пор носит его имя. Де Росси полагает, что это было первое кладбище, выделенное для использования всей христианской общиной. Поэтому оно было взято под опеку церковными властями и стало, как мы увидим далее, местом погребения римских епископов и особой собственностью церкви.[73]

Теперь мы вкратце проследим историю тех гонений, которые наполнили Катакомбы жертвами и временами загоняли церковь в поисках убежища в их глубочайшие недра. Мы видели, что христианство выросло под защитой иудаизма как одной из терпимых религий Рима. Но эта терпимость продолжалась недолго. Как в Риме, так и в других местах новое вероучение было обречено на кровавое крещение. Причины этих гонений искать далеко не надо. Христианское учение быстро распространялось и рано вызвало ревность римских властей своими многочисленными новообращенными из национальной веры, многие из которых принадлежали к высокопоставленным лицам. Они старательно воздерживались от идолопоклонства, которым подневольная толпа была склонна выражать свою преданность императорскому чудовищу, претендовавшему на роль бога. Поэтому их обвиняли в недовольстве, в измене.[74] Они были врагами Сезара и римского народа.[75] Предполагалось, что они оказывают вредоносное влияние на ход природы. Если дождь не шел, виноваты были христиане.[76] "Если Тибр выходит из берегов, - говорит Тертуллиан, - или Нил не разливается; если случается засуха или землетрясение, голод или мор, поднимается крик: "Христиан ко львам!"". [77] Если клевание священных кур или внутренности жертв давали неблагоприятные предзнаменования, это приписывалось противодействию "атеистов". В Риме, как и в Ефесе и Филиппах, эгоистические страхи изготовителей святынь и изображений, чье "ремесло было в опасности", и враждебность жрецов и зависимых от идолов людей вдохновляли или усиливали противодействие христианству, как и зависть иудеев, которые с особой враждебностью относились к верующим в смиренного Назарянина, которого их отцы нечестивыми руками распяли и убили.[78]

Страшный пожар, уничтоживший большую часть города во время правления Нерона, послужил поводом для первого всплеска гонений на христианскую общину. По слухам, это деяние было приписано самому Нерону. "Чтобы положить конец этим слухам, - говорит Тацит, - он возложил вину и подверг жесточайшему наказанию этих людей, которых, уже заклеянных позором, вульгарные люди называли христианами..... Их страдания во время казней, - добавляет он, - усугублялись оскорблениями и насмешками; некоторых зашивали в

шкуры диких зверей и до смерти терзали собаками; некоторых распинали, а некоторых, завернутых в одежды из смолы, сжигали как факелы, освещающие ночь".[79]

Во время этих гонений святой Павел пал жертвой, 64 г. н.э. Он был обезглавлен "без ворот" на Остийском пути, а плачущие друзья взяли его истекающий кровью труп и положили, согласно преданию, в одном из древнейших склепов прилегающей катакомбы, где, по утверждению Евсевия, его гробницу можно было увидеть и в его дни.[80]

С этого времени христианство стало подвергаться вспышкам языческой ярости, и против него стали издаваться явные постановления.[81] Больше не находясь под защитой иудаизма, оно попало под запрет империи. Временами ярость гонений затихала, а потом снова вспыхивала с неугасимой яростью. Но, подобно типичному кусту, который "расцвел без огня", христианская вера только росла и распространялась. И все же меч постоянно нависал над церковью. Иногда его удар на время откладывался, и тогда маленькое стадо мужалось и радовалось; но часто он обрушивался с сокрушительной силой, поражая пастырей и рассеивая овец. Один из таких периодов покоя длился со времен Неронова гонения до конца века, когда Домициан, "второй Нерон", [82] снова протянул руку, чтобы поносить святых. Во время короткого правления "справедливого Нервы" христиане снова наслаждались покоем, так что Лактанций даже утверждает, что они были восстановлены во всех своих прежних привилегиях.

К первому веку Де Росси относит строительство, по крайней мере, трех или четырех катакомб. К ним относятся: (1) Кладбище Присциллы, раскопанное, согласно древней традиции, во владениях римского сенатора Пуденса, о котором упоминает св. Павлом, в котором, по преданию, были погребены его дочери Пуденциана и Праксида; (2) катакомба Домитиллы, внучатой племянницы императора Домициана, в которой она сама была похоронена вместе со своими камергерами Нереем и Ахиллом, обезглавленными за стойкость в христианской вере; (3) склеп Луцины, впоследствии часть катакомбы Каликста, в котором были найдены некоторые из древнейших надписей. Де Росси предполагает, что эта дама - та же самая, что и упомянутая ранее Помпония Грѣцина, жена Плаутия, завоевателя Британии. (4) Де Росси также считает, что он обнаружил еще одну, самую древнюю из всех катакомб, относящуюся к временам апостолов, известную как Фонс Петри, или Кладбище купели Петра, в которой, как утверждает традиция, он сам крестился. Классический стиль архитектуры, фрески, изящные лепные венки и гирлянды, характер надписей - все это указывает на очень древний период, когда искусство еще не выродилось, а постоянные гонения изгнали христианство в уединение и нищету.

Закон Траяна против тайных собраний, принятый в начале второго века, дал новый повод для гонений на Церковь. Это делалось с такой жестокостью, что, по словам Плиния, заброшенные храмы снова стали посещаемыми, а их забытые обряды возродились.[83]

Император Адриан описывается современниками как усердный приверженец римских обрядов и презирающий все чужеземные религии.[84] Хотя он сдерживал бурные нападки населения на христиан, тем не менее выступал за их судебное преследование.[85]

Следующая эпитафия, приведенная Мейтлендом, посвящена мученической смерти этого царствования. Последнее предложение, кажется, подразумевает, что она была воздвигнута во времена фактических гонений; но ни один датированный пример монограммы, которая сопровождает ее, не появляется до времен Константина. Вероятно, надпись была написана спустя долгое время после смерти Марии, или же монограмма была добавлена более поздней рукой:

TEMPORE ADRIANI
IMPERATORIS MARIVS
ADOLESCENS DVX MILITVM QVI
SATIS VIXIT DVM VITAM PRO
CHO CVM SANGVINE CON
SVNSIT IN PACE TANDEM
QVIEVIT BENE MERENTES CVM
LACRIMIS ET METV POSVE RVNT
I. D. VI.

Во Христе. Во времена императора Адриана Марий, молодой военный офицер, прожил достаточно долго, когда, проливая кровь, отдал свою жизнь за Христа. Наконец он упокоился с миром. Достойные со слезами и страхом установили это 6 декабря, в иды.

В это царствование также пострадал Александр, епископ Рима, гробница которого была найдена на Номентанском пути, а также Эвентий и Феодул, пресвитер и диакон.

При гуманном и справедливом Антонине Пие^[86] христианство, похоже, пользовалось частичной терпимостью, хотя эдикт Траяна все еще не был отменен. Тем не менее, произошло несколько вспышек народного гнева против христиан, и в первый же год его правления мученическую смерть принял Телесфор, епископ церкви в Риме.^[87]

Одно из самых странных явлений в истории - гонения на первобытную церковь со стороны философского императора Марка Аврелия,^[88] чьи "Медитации" кажутся почти что писаниями апостола в их восхвалении добродетели, стремлении к абстрактному совершенству и презрении к пышности и удовольствиям. Тем не менее, он был одним из самых систематических и бессердечных притеснителей христианской веры - веры гораздо более возвышенной, чем даже его высокая философия, и все же имеющей так много общего. С хладнокровием стоика он решил истребить неприятные доктрины. Началась активная инквизиция христиан, поощрялась одиозная система домашнего шпионажа, запрещенная даже Траяном. Бесстыдные доносчики, жадные до наживы, питали свою алчность конфискованными трофеями верующих, которых они грабили, по словам Мелито, днем и ночью. Хотя Аврелий был мягок к другим категориям преступников и даже к мятежникам, он превзошел в варварстве самых безжалостных своих предшественников по изощренности пыток, дыбы и бича, костра и кола, применявшихся для принуждения христиан к раскаянию; каждый год его долгого правления был осквернен невинной кровью.

От Галлии до Малой Азии бушевала буря гонений. Землетрясения, наводнения и голод, войны и мор, опустошавшие империю, обрушились на незадачливых христиан, которых замуровывали в гекатомбах как виновников этих ужасных бедствий. Из переполненного амфитеатра Смирны вознеслась, как на огненной колеснице, душа апостольского епископа Поликарпа. Стреловидная Рона окрасилась в красный цвет от крови мучеников. Имена преподобного Потина, юных Бландины и Понтика, доблестного Симфориана будут вспоминаться с захватывающей силой и пафосом до конца времен. В Риме гонение выбрало несколько самых благородных жертв. Юстин, христианский философ, найдя в Евангелиях более возвышенную теорию, чем в учениях Зенона или Аристотеля, Пифагора или Платона, стал первым в хорошей фаланге апологетов и защитников веры и укрепил свое свидетельство кровью. Вместе с шестью своими товарищами он предстал перед префектом за отказ подчиниться императорскому указу. "Мы христиане", - сказали они, - "и не приносим жертв идолам". Их тут же подвергли бичеванию и обезглавили, а благочестивые люди понесли их хоронить, несомненно, в эти самые Катакомбы, где, возможно, еще лежат их необнаруженные останки. В это царствование также пострадали семь сыновей святой

Фелицитаты, гробницу одного из которых, как полагает де Росси, он нашел, а также святая Цецилия и ее спутники, о которых речь пойдет ниже.[89]

Легенда о громовом легионе, подкрепленная медалями и колонной Антонина, действительно напоминает об избавлении римской армии от своеговременного ливня; но император приписывал это избавление не молитвам христиан, а собственному обращению к языческим богам[90], и нет никаких свидетельств того, что он когда-либо ослаблял суровость преследований.

Жестокость жестокого Коммода[91] была смягчена влиянием его наложницы Марции, и христианство распространилось среди высшего сословия, но гонения не прекратились полностью. Аполлоний, сенатор империи, был предан смерти в Риме, и мы читаем о многочисленных мученичествах в других местах. Христианская надпись посвящена офицеру Коммода и прокуратору императорского дома, который был "принят к Богу"-RECEPTVS AD DEVM-A. D. 217.[92]

После смерти этого императора гонения разразились с такой силой, что, по словам Клеменса Александрина, каждый день сжигали, распинали и обезглавливали множество мучеников.[93] *Non licet esse vos* - "Вам не позволено существовать" - таков был суровый эдикт об истреблении святых.

Христианство не могло рассчитывать на благосклонность такого военного деспота, как Септимий Северус, чей предсмертный совет своему преемнику выражал принцип его правления: "Будь щедр к солдатам и попирай всех остальных".

Возобновившиеся обвинения против новой веры вызвали смелую защиту или, скорее, опровержение Тертуллиана, одного из самых благородных памятников первобытной эпохи. В это царствование впервые была нарушена святость христианских кладбищ, причем не в Риме, а в Африке, где гонения были наиболее яростными. "Толпа нападает на нас с камнями и пламенем с неистовством вакханалии", - говорит Тертуллиан; "Они не щадят даже христианских мертвецов, но вырывают их из покоя могилы, из убежища смерти, разрезают на куски и разрывают на части".[94]

После прекращения этих гонений для Церкви наступил период незаслуженного покоя. Несмотря на то, что при благородном Гелиогабале в Рим было введено чувственное азиатское поклонение Ваалу, и этому восточному Молоху даже приносились человеческие жертвы,[95] все же религия мира и чистоты разделяла терпимость, проявляемую к самым непристойным и жестоким обрядам. Справедливый и любезный Александр Север открыл новую эру христианства,[96] к которой он был благосклонен, вероятно, под влиянием своей матери, Маммеи, которая в Антиохии пользовалась наставлениями Оригена.[97] Он часто и с одобрением цитировал Золотое правило Господа и приказал начертать его на стенах своего дворца, а также уступил христианам участок общественной земли для возведения церкви.[98] Но Александр был всего лишь религиозным эклектиком, почитая то, что считал лучшим в существующих системах верований. К этому царствованию относится эпитафия Урбана, епископа Рима, найденная в так называемом "папском склепе", с его именем и начальной буквой титула-ΟΥΡΒΑΝΟΣ Ε.....

Воцарение фракийского дикаря Максимиана в 235 г. н. э. стало сигналом для новой вспышки гонений. Того, что Северус был благосклонен к нему, было достаточно, чтобы вызвать ненависть его убийцы. Его ярость была особенно направлена против главных пастырей стада Христова. Римский епископ Понтиан был сослан в Сардинию и там убит. Антер, его преемник в этом опасном сане, за свое усердие в сохранении записей мучеников сам принял мученическую смерть через несколько недель после своего воцарения и был положен в той узкой камере, предназначенной для приема стольких первых епископов Рима, где была найдена плита с его именем и титулом -ΑΝΤΕΡΩΣ - ΕΠΙ. В это царствование также пострадал знаменитый Ипполит, епископ Понтийский, автор "Философских трудов".

При Гордиане и Филиппе гонимой церкви вновь была предоставлена передышка. Последний, правда, утверждается Евсевием как христианин, но его характер и поведение не согласуются с таким предположением.

Жестокая реакция произошла после воцарения Деция, чье имя стало объектом презрения для всего человечества.^[99] Он решил полностью подавить и искоренить христианство, чьи епископы и церкви стали соперничать с понтификами и храмами римских богов. По его инициативе гонения небывалой жестокости разразились по всей империи, как эпидемия. Императорские эдикты принуждали к соблюдению языческого ритуала под страхом самых ужасных пыток. Непредвиденная суровость породила первое великое отступничество первобытной церкви; многие из менее стойких новообращенных добились освобождения от мученической смерти, принося жертвы богам, сжигая фимиам на их алтарях или приобретая у языческого магистрата свидетельства о снисхождении.^[100]

"Бледные и дрожащие, больше похожие на жертвы, чем на тех, кто собирается принести жертву, - рассказывает очевидец, - некоторые подходили к языческим святыням; другие же, твердые и благословенные столпы Господа, свидетельствовали о добром исповедании до самой смерти".^[101] Епископы церкви, которые, будучи вождями священного воинства Христова, доблестно несли на себе все тяготы битвы, естественно, стали самыми первыми жертвами ярости тирана. Так, в самом начале децианской бойни погиб от обезглавливания преподобный Фабиан, глава римской церкви, а катакомбы наполнились целым сонмом неизвестных мучеников. В той самой камере на кладбище Калликста, куда был перенесен его изуродованный труп, до сих пор можно увидеть эпитафию епископа - ФАБИАНОС - ЕП - с монограммой его мученичества, соединенными буквами МТР, добавленной, вероятно, более поздней рукой. Церковь, казалось, парализована страхом, и в течение шестнадцати месяцев не был избран преемник. Но, не сломленный трагической судьбой Фабиана, Корнелий, в союзе с некоторыми из самых знатных семей Рима, стал вождем погибшей надежды христианства против всей мощи империи. После года епископата он был сначала изгнан, а затем обезглавлен при Галлусе, достойном преемнике Деция в гонениях. Благодаря археологическим изысканиям Де Росси были восстановлены сначала его эпитафия - КОРНЕЛИВ - МАРТИР - ЕП, а затем его гробница с дамасской надписью в одном из самых интересных склепов Катакомб. Луций, его преемник, через шесть месяцев разделил его судьбу и был похоронен в камере, освященной прахом стольких епископов-мучеников, где его краткая эпитафия ΛΟΥΚΙΣ - все еще читаема.

Валериан,^[102] возродивший в своем лице древнюю должность цензора, поначалу был настолько благосклонен к христианам, что его дом, по словам Дионисия Александрийского, был наполнен благочестивыми людьми и, по сути, являлся общиной^[103] Господа. Такая благосклонность, несомненно, была результатом одобрения цензором христианского влияния на общественную мораль.^[104] Однако во второй половине своего правления император оказался под властью самого низменного суеверия. Под влиянием Макриана, языческого фанатика, сведущего в темных египетских преданиях, он пристрастился к магическим искусствам и, как говорят, искал предсказания империи во внутренностях человеческих жертв.^[105] Против христианской церкви были приняты самые беспощадные указы. Епископы, священники и диаконы должны были быть немедленно преданы мечу; все остальные должны были разделить ту же участь или быть наказаны изгнанием и оковами.^[106] Проведение собраний и даже вход на христианские кладбища были строго запрещены 257 г. н.э.^[107] Этим незаслуженным вторжением в незапамятную святость усыпальниц христианам было запрещено даже это последнее убежище от преследований.

Среди наиболее прославленных жертв Валериана, чьи тела покоятся в скромных катакомбах, но чьи имена живут вечно, были Стефан I и Сикст II, епископы гонимой церкви, и ряд выдающихся церковников, а также многие миряне благородного звания.[\[108\]](#)

Стефан, как глава христианской общины, был особенно несносен для языческой ярости. Согласно Деяниям о его мученической кончине, он укрылся в этих склепах,[\[109\]](#) где его тайно посещали верующие и где он совершал таинства. Римские солдаты выследили его в подземной часовне, но, потрясенные таинственными обрядами, позволили ему завершить службу, в которой он участвовал. Затем он был обезглавлен вместе с несколькими своими приверженцами,[\[110\]](#) и похоронен в катакомбах.

Сикст, преемник Стефана, через год принял мученический венец. Подобно другому Даниилу, бросившему вызов указу императора, он возглавлял богослужения гонимой паствы в катакомбе Пртекстатуса, вероятно, потому, что она была менее известна, чем общественное кладбище Калликста, когда его схватили свирепые солдаты, выследившие его следы на этом месте. Его поспешно увезли на суд, вернули на место преступления и там обезглавили, окропив стены камеры своей кровью. Вместе с ним были казнены и четыре его дьякона,[\[111\]](#) памятники двум из которых, Агапету и Фелициссиму, де Росси обнаружил в той самой катакомбе, в которой они пострадали. Сам Сикст был похоронен в "Гробнице епископов" на Калликстанском кладбище, где Дамасом впоследствии была установлена следующая надпись, фрагменты которой были найдены в обломках:

TEMPORE QVO GLADIVS SECVIT PIA VISCERA MATRIS

HIC POSITVS RECTOR COELESTIA IVSSA DOCEBAM

ADVENIVNT SVBITO RAPIVNT QVI FORTE SEDENTEM

MILITIBVS MISSIS POPVLI TVNC COLLA DEDERE

MOX SIBI COGNOVIT SENIOR QVIS TOLLERE VELLE

PALMAM SEQVE SVVMQVE CAPVT PRIOR OBTVLIT IPSE

IMPATIENS FERITAS POSSET NE LAEDERE QVEMQVAM

OSTENDIT CHRISTVS REDDIT QVI PRAEMIA VITAE

ПАСТОРИС МЕРИТВМ НВМЕРВМ ГРЕГИС ИПСЕ ТВЕТВР

В то время, когда меч пронзил нежное сердце Матери [Церкви], я, погребенный здесь владыка, учил законам небесным. Внезапно пришел [враг,] который схватил меня, когда я сидел. Тогда народ подставил свои шеи воинам, посланным против меня. Вскоре старец увидел, кто стремится отнять пальму, и первым предложил себя и свою голову, чтобы нетерпеливая ярость не причинила вреда никому другому. Христос, дарующий награды в жизни, проявляет заслуги пастыря: он сам защищает паству.[\[112\]](#)

Так семь епископов Римской церкви последовательно пали от руки пастыря, пять из них в течение восьми лет - героические атлеты Христа, которые в самом очаге язычества, как в могущественном театре Бога, вынесли на себе тяжесть гонений и, победив даже в смерти, получили мученический венец и пальму.

Воцарение Галлиена[\[113\]](#) восстановило мир в церкви. Его указ о полной религиозной веротерпимости, восстановлении конфискованного церковного имущества и разрешении "восстановить то, что они называли своими кладбищами",[\[114\]](#) завоевал благодарность

христианских подданных. Однако его характер отнюдь не оправдывал эпитет "святой и благочестивый император", присвоенный Дионисием Александрийским. [115] Это было первое официальное признание христианства как *religio licita*, или узаконенной веры, и в течение сорока лет церковь наслаждалась сравнительным покоем; по крайней мере, таким покоем, который был возможен, пока двадцать соперничающих императоров - фантастические вещи, "на которых было подобие царской короны" - боролись за главенство и изводили землю своими взаимными опустошениями. В этот период Феликс, епископ Римской церкви, который, согласно *Liber Pontificalis*, очень усердно чтит мучеников Катакомб, сам стал призывником этой знатной армии и был обезглавлен в соответствии с императорским указом, как и Агапет, христианин знатного рода.

Мягкий и приветливый Тацит [116] правил беспокойным народом всего шесть месяцев. Его брат Флориан удерживал пурпур лишь половину этого срока. Пробус, "справедливый", чье имя, как гласит эпитафия, выражало его характер, [117] пал от рук своих же буйных легионеров. Чувственный и отвратительный Карин проявил экстравагантность Гелиогабала, усугубленную жестокостью Домициана. В его правление умер Евтихий, чья эпитафия и титул - ΕΥΤΥΧΙΑΝΟΣ ΕΠΙΣ - были найдены в "папском склепе" Каллиста. [118]

Христианству было суждено пройти последнее испытание, прежде чем оно взойдет на трон Сезара. Церковь должна была еще раз пройти через очищающее пламя гонений, прежде чем ей можно было доверить бразды правления империей. Долгий мир и временное процветание породили гордыню и роскошь, ослабили нравственность христианской общины. Расколы и междоусобицы разрушили единство веры, а епископы стали стремиться к временной власти и утверждать необоснованный авторитет. "Прелаты ругались на прелатов, - говорит Евсевий, - а народ восстал на народ, нападая друг на друга со словами, как с дротиками и копьями". [119] Удары невзгод были необходимы, чтобы отсеять ложное и фальшивое и оставить испытанное и истинное. От роковой дремоты религиозной апатии, в которую погрузилась церковь, ее предстояло грубо пробудить. Ее прежние страдания были ничтожны по сравнению с этой великой скорбью, которую историки того времени называли "гонением". [120]

В конце третьего века римский мир оказался под управлением группы людей, которые поднялись на головокружительную высоту власти из самых низов жизни. Диоклетиан, изначально раб или, по крайней мере, сын раба, низвел надменную аристократию Рима до состояния восточного рабства. Максимиан, паннонский крестьянин, своей кровожадной жестокостью выдал дикость своей натуры. Галерий, иллирийский пастух, но на троне империи еще ярче проявил исконное варварство своего характера. Констанций был более благородного происхождения, чем любой из его коллег, и он один украсил свое высокое положение достоинством, справедливостью и милосердием. Мир стонал под гнетом своих жестоких хозяев. Их поборы были настолько истощающими, что не осталось ни одного человека, которого можно было бы обложить налогом, говорит Лактанций, [121] кроме нищих.

Первые годы правления Диоклетиана в большинстве своем характеризовались принципами религиозной терпимости. Действительно, его жена и дочь, императрицы Приска и Валерия, если и не приняли христианскую веру, то благосклонно отнеслись к ней, а некоторые из первых лиц императорского дома принадлежали к этой теперь уже влиятельной секте. [122] Но даже в этот период христиане не были свободны от опасности. Говорят, что Кайус, римский епископ, прожил восемь лет в катакомбах из-за гонений и в конце концов принял мученическую смерть в 296 году нашей эры. [123] Примерно в это же время пострадали Марк и Марсилиан, два римских христианина знатного рода, давшие свое имя одной из катакомб. Другие, особенно в армии, где древняя вера была наиболее твердой и где, по словам Евсевия, начались гонения, [124] претерпели мученическую смерть как доблестные воины Христа. Буря, предвестниками которой были эти события, разразилась над христианами в 303 году. Серия жестоких эдиктов, написанных,

по словам Евсевия, острием кинжала,^[125] были направлены на искоренение имени христиан. ^[126] Они были составлены со злобной изобретательностью, чтобы не оставить шансов на спасение, кроме как в открытом отступничестве. Все церковное имущество было конфисковано. Церкви были разрушены до основания, а священные писания сожжены в огне. ^[127] Все собрания для богослужения были запрещены под страхом смерти. Священнослужителей всех орденов рьяно разыскивали и бросали в темницы, предназначенные для самых страшных преступников. ^[128] Все христианское сообщество было объявлено вне закона, лишено всех светских должностей, прав гражданства и подвергнуто наказанию самых мерзких рабов. С нарастающей жестокостью эдикт следовал за эдиктом, как удары грома в бушующую бурю. Произошло всеобщее и неумолимое запрещение христианского имени. Жестокий монстр Галерий, о котором его христианские подданные говорили, что он никогда не ужинал без человеческой крови, ^[129] предложил сжигать живьем всех, кто отказывается приносить жертвы богам; и чудовищная изобретательность гонителей исчерпала себя в придумывании новых пыток для своих жертв.

В Италии, особенно в Риме, работу по уничтожению охотно продолжал Максимиан, непримиримый враг христиан, а после его смерти - отвратительный сладострастник Максенций, в котором боролись за власть двойные страсти - жестокость и похоть. Эти чудовища беззакония наслаждались кровавым карнавалом и изобиловали катакомбы жертвами, некоторые из наиболее известных из которых будут вскоре упомянуты. После того как Диоклетиан, пресыщенный резней и утомленный государственными заботами, удалился в свое убежище в Салониках, Галерий продолжил преследования с еще большим рвением. Это были последние усилия язычества, предсмертные муки его смертельной агонии. Но христианская религия, подобно вытопанной траве, которая растет быстрее, расцветала, несмотря на гнет, которому она подвергалась. Подобно розмарину и тимьяну, которые, чем больше их бьют, тем богаче они благоухают, она вдыхала запахи святости, благоухающие в мире и по сей день. Хотя хрупкие и непостоянные люди пали под ударами бедствий, стойкие и верные остались; и из мученической крови, более обильной, чем зубы дракона, выросло новое воинство христианских героев, претендующих на звездный и неувядаемый мученический венец.

Но время избавления было уже близко. Пораженный силой Бога, чьи титулы и свойства он узурпировал, несчастный Галерий, мучимый страшной болезнью, умолял о заступничестве христиан, которых он так безжалостно предал забвению. Церковь с возвышенным великодушием проявила благородство евангельской мести и повиновалась предписанию своего божественного Учителя молиться за тех, кто преследовал и презирал ее. С предсмертного ложа раскаявшегося монарха пришло уничижительное извинение за его жестокие деяния; и, в качестве позднейшего искупления его преступления, был издан указ о величайшем признании христианства и восстановлении права на поклонение Богу. Подобно трубе юбилея, эдикт об освобождении пронесся по стране. Он проник в мрачное подземелье, темную шахту, тусклый лабиринт катакомб; и из их мрачных глубин огромные процессии "благородных борцов за религию" ^[130] потянулись к давно оставленным церквям с благодарными песнями хвалы Богу.

Но это предательское спокойствие вскоре было вновь нарушено. Суеверный тиран Максимин попытался возродить умирающее язычество и возобновить гонения. Он оказал христианству высокую честь, попытавшись полностью организовать языческое священство по образцу церковной иерархии, и восстановил древнее богослужение с ненужной пышностью. Он запретил собрания на кладбищах и повторил эдикт об истреблении христиан. ^[131] Но отвратительная смерть этого жестокого сладострастника вскоре избавила церковь от самого непримиримого из ее врагов. С далекого острова Британия - этой конечной точки империи - прибыл цесаревич, который должен был возвести новую веру на престол ее гонителей и утвердить ее в качестве

государственной религии,[132] событие, более гибельное для ее чистоты и духовной силы, чем самые жестокие притеснения, которые она когда-либо терпела. Константин, победив врагов христианства, которые были и его собственными, стал его защитником, больше, как легко поверить, из убеждения в его истинности или из политики, чем из-за якобы чудесного видения креста Христова, предвещавшего кровавую победу.[133] Он издал в Милане в 313 году н. э. декрет о полной и неограниченной веротерпимости[134], ставший отныне хартией церковных вольностей.[135]

Страдания самых знаменитых жертв гонений запечатлены только в истории, которая умалчивает о великой армии неизвестных мучеников, чьи имена записаны только в Книге Жизни. Епископы Церкви всегда первыми ощущали на себе гнев тиранов. Епископская кафедра часто была лишь ступенькой к эшафоту. Однако не было недостатка в верных пастырях, которые вели за собой стадо Христово и свидетельствовали о своей преданности доверию, жертвуя своей жизнью. Мы видели, как пострадал Кайус еще до окончательной вспышки гонений. Марцеллин, его преемник, навлек на себя гнев тирана Максенция, был низведен до должности конюха в общественных конюшнях, где содержались лошади цирка, и вскоре сгинул под тяжестью своих страданий и страданий церкви.[136] Марцелл, которого иногда путают с Марцеллином, поплатился изгнанием за твердость в поддержании церковной дисциплины против тех, кто отступил от веры в те времена огненных испытаний. Это событие зафиксировано в Дамасинской надписи:

VERIDICVS RECTOR LAPSOS QVIA CRIMINA FLERE
PRAEDIXIT MISERIS FVIT OMNIBVS HOSTIS AMARVS
HINC FVROR HINC ODIVM SEQVITVR DISCORDIA LITES
SEDTIO CAEDES SOLVVNTVR FOEDERA PACIS
CRIMEN OB ALTERIVS CHRISTVM QVI IN PACE NEGAVIT
FINIBVS EXPVLSVS PATRIAE EST FERITATE TYRANNI
HAEC BREVITER DAMASVS VOLVIT COMPERTA REFERRE
MARCELLI VT POPVLVS MERITVM COGNOSCERE POSSET.[137]

Говорящий правду правитель, поскольку он проповедовал, что отпавшие должны оплакивать свои преступления, был горько ненавидим всеми этими несчастными. Отсюда ярость, отсюда ненависть, раздоры, споры, смута и резня; и узы мира были разорваны. За преступление другого, который в мирное время отрекся от Христа, он был изгнан с берегов своей страны по жестокости тирана. Узнав об этом, Дамасий пожелал рассказать вкратце, чтобы народ признал заслуги Марцелла.

Ни Марцелл, ни Марцеллин не были похоронены в катакомбе Калликста, которая, поскольку Диоклетиан конфисковал все общественные кладбища, была недоступна для христиан, но в частном склепе христианской матроны Присциллы, на Саларианском пути. Евсевий, преемник Марцелла, также был изгнан из-за споров о "отпавших". Новый свет на эту тему недавно пролила находка Де Росси в гробнице епископа следующей дамаской надписи во фрагментарном состоянии:

HERACLIVS VETVIT LABSOS [*sic*] PECCATA DOLERE

ЭВСЕВИВС МИЗЕРОС ДОКВИТА СВА КРИМИНА ФЛЕРЕ

SCINDITVR [IN] PARTES POPVLOS GLISCENTE FVRORE

SEDTIO CAEDES BELLVM DISCORDIA LITES

EXTEMPLO PARITER PVLSI FERITATE TYRANNI

INTEGRA CVM RECTOR SERVARET FOEDERA PACIS

PERTVLIT EXILIVM DOMINO SVB IVDICE LAETVS

LITORE TRINACRIO MVNDVM VITAMQ - RELIQUIT.

Ираклий запретил отпавшим скорбеть о своих грехах. Евсевий учил несчастных плакать о своих преступлениях. Народ разделился на партии, и с нарастающей яростью начались смута, резня, драки, раздоры и распри. Сразу же оба были изгнаны жестокостью тирана, хотя правитель хранил узы мира в неприкосновенности. Он перенес свое изгнание с радостью, взирая на Господа как на своего Судью, и на тринакрийском берегу предал мир и свою жизнь.

Упомянутый в надписи Ираклий - это, вероятно, тот еретический лидер, о котором говорится в эпитафии Марцелла, приведенной ранее. Об этом событии не упоминается ни в одном из церковных писателей, и эта надпись на сайте, по словам доктора Норткота, является восстановлением утраченной главы в истории церкви. [\[138\]](#) Останки Евсевия были привезены из Сицилии, места его изгнания, его преемником Мелькиадом и погребены в катакомбе Калликста, но не вместе с другими епископами, подходы к гробнице которых были завалены землей, вероятно, чтобы предотвратить ее нарушение врагами веры. Мелькиадес, с которым заканчивается длинная череда римских епископов-мучеников, был последним из своего ордена, похороненным в катакомбах, и де Росси предполагает, что обнаружил на кладбище Калликста его гробницу и тот самый саркофаг, в котором он лежал. [\[139\]](#)

Одним из самых прославленных мирских мучеников времен гонений Диоклетиана был галантный молодой солдат Себастьян, давший свое имя одной из древнейших базилик Рима и прилегающим к ней катакомбам, а также Адауктусу, казначею императорского дворца. В дамасской эпитафии последнего встречаются прекрасные строки:

INTEMERATA FIDE CONTEMPTO PRINCIPE MVNDI
CONFESSVS XRM CAELESTIA REGNA PETISTI. [\[140\]](#)

С непоколебимой верой, презирая владыку мира, исповедуя Христа, ты стремился к небесным сферам.

Несколько христианских кладбищ получили свое название от мучеников этого периода, в том числе имена святых Агнессы, Петра и Марцеллина, Панкратия, Генероса, Зенона, Сотериса и *Четырех Инкоронати*, о которых будет уместнее рассказать в описании их соответствующих гробниц. История сохранила имена и многих других доблестных исповедников, которые оказались верными до самой смерти среди огненных испытаний, жестоких издевательств и бичеваний, которым они подвергались. Среди них можно назвать Космо и Дамиана, двух святых братьев из Киликии, которые с большим мастерством практиковали в Риме искусство врачевания, из чистой любви к Богу и ближним, отказываясь получать что-либо за свои услуги; [\[141\]](#) Симплиция и Фаустина, которые были утоплены в Тибре по приказу тирана, и их мученическую сестру Беатриче, гробницы и эпитафии которой Де Росси считает восстановленными. [\[142\]](#) Однако большинство легенд того, что можно назвать римской мифологией, изуродовано абсурдными и

суеверными дополнениями, а сами мученики стали объектами идолопоклоннического почитания, далекого от духа того первобытного христианства, за которое они погибли.^[143]

Следующие надписи из катакомб - единственные свидетельства о жертвах преследований, чьи имена они носят.

Рис. 21. Здесь покоится Ланнус, мученик Христов. Он пострадал при Диоклетиане. Для его преемников также.

ПРИМИТИВЫ В ТЕМПЕ QVI POST
MVLTA ANGVSTIAS FORTISSIMVS MARTYR
ET VIXIT ANNOS P - M - XXXVIII CONIVG - SVO
PERDVLCISSIMO BENEMERENTI FECIT.

Примитиус в мире, после многих мучений, доблестный мученик. Он прожил тридцать восемь лет, больше или меньше. [Жена его вознесла это своему дражайшему мужу, достойнейшему.

HIC GORDIANVS GALLIAE NVNCIVS
IVGVLATVS PRO FIDE CVM FAMILIA TOTA
QVIESCVNT IN PACE
THEOPHILA ANCILLA FECIT.

Здесь лежит Гордиан, наместник Галлии, казненный за веру, со всей своей семьей: они покоятся в мире. Феофила, служанка, установила это.^[144]

История катакомб неразрывно переплетена с историей христианства. Сама их структура отражает характер времени, в которое они были созданы. Отсутствие ограничений или укрытий, а также

превосходная конструкция и орнамент тех, что относятся к самым ранним временам, указывают на сравнительную безопасность церкви до того, как она пробудила ревность или страх римских императоров. Их огромная площадь и переполненные галереи свидетельствуют о быстром росте христианской общины. Измененный характер, который они постепенно принимали, загроможденные проходы, замаскированные входы, хитроумные извилины и приспособления для сокрытия или побега, грубо нацарапанные надписи и безвкусные росписи выдают чувство страха и ярость гонений, которые преследовали охотников за христианами в этих подземных святынях веры. Более величественные и богато украшенные строения, дорогие мозаики, мраморные лестницы и богатые резные саркофаги более поздних веков говорят о воцарении христианства на престоле царей и о почитании мощей и святых и мучеников. А их убогая архитектура, варварские росписи и постепенное разрушение в поздние годы их истории свидетельствуют о постепенном затмении искусства и окончательном отказе от него. Поэтому мы должны тщательно определить хотя бы ближайшую дату появления той или иной особенности, чтобы правильно истолковать ее значение.

Последнее и самое ужасное гонение на церковь перед ее окончательным триумфом оставило множество свидетельств своей жестокости и продолжительности в изменениях, которые одновременно происходили в катакомбах. Бог приготовил место для своих святых и спрятал их в расщелинах скалы, как в углублении своей руки. Когда публичное исповедание христианства было запрещено законом, верующие удалились от света дня и в самых глубоких и темных уголках этих подземных склепов, у могил своих мучеников, наслаждались утешением религиозного поклонения, преломляли хлеб и пили вино в память о своем умирающем Господе.^[145]

Но после указа Валериана, запрещавшего входить и проводить собрания на христианских кладбищах, даже эти убежища оказались небезопасными, и последние святыни веры подверглись бессовестному вторжению. Гонения неустанно преследовали христиан по лабиринтам катакомб и оскверняли гробницы святых усопших святотатственными беспорядками и кровопролитием. Иногда языческие солдаты, опасаясь преследовать свои жертвы в этих неизвестных проходах, заграждали вход, чтобы предотвратить их бегство; и многие были погребены заживо и погибли от голода в этих мрачных камерах.^[146]

Теперь в строительстве катакомб произошли значительные изменения. Они стали явно предназначены для целей безопасности и сокрытия. Новые галереи стали менее широкими и высокими, а *локулы* - более тесными из-за больших трудностей с извлечением вырытого материала. В это время многие из нижних *пиани* были сделаны для дополнительных захоронений и большей секретности. Главные входы были заблокированы, а лестницы снесены. Иногда целые галереи были засыпаны землей, удаление которой является главным препятствием для современных исследований, или заложены каменной кладкой, чтобы помешать преследованию; также были предусмотрены средства эвакуации на случай насильственного вторжения в эти укрытия. Яркий пример тому - катакомбы Калликста. Древняя лестница была частично разрушена, вход полностью завален, а некоторые галереи замурованы. Узкие проходы для бегства соединялись с соседним *аренарием*, а с крыши последнего на поверхность земли была построена очень узкая потайная лестница, как показано на рисунке [выше](#), попасть на которую можно было только по подвижной лестнице, соединявшей ее с полом.^[147]

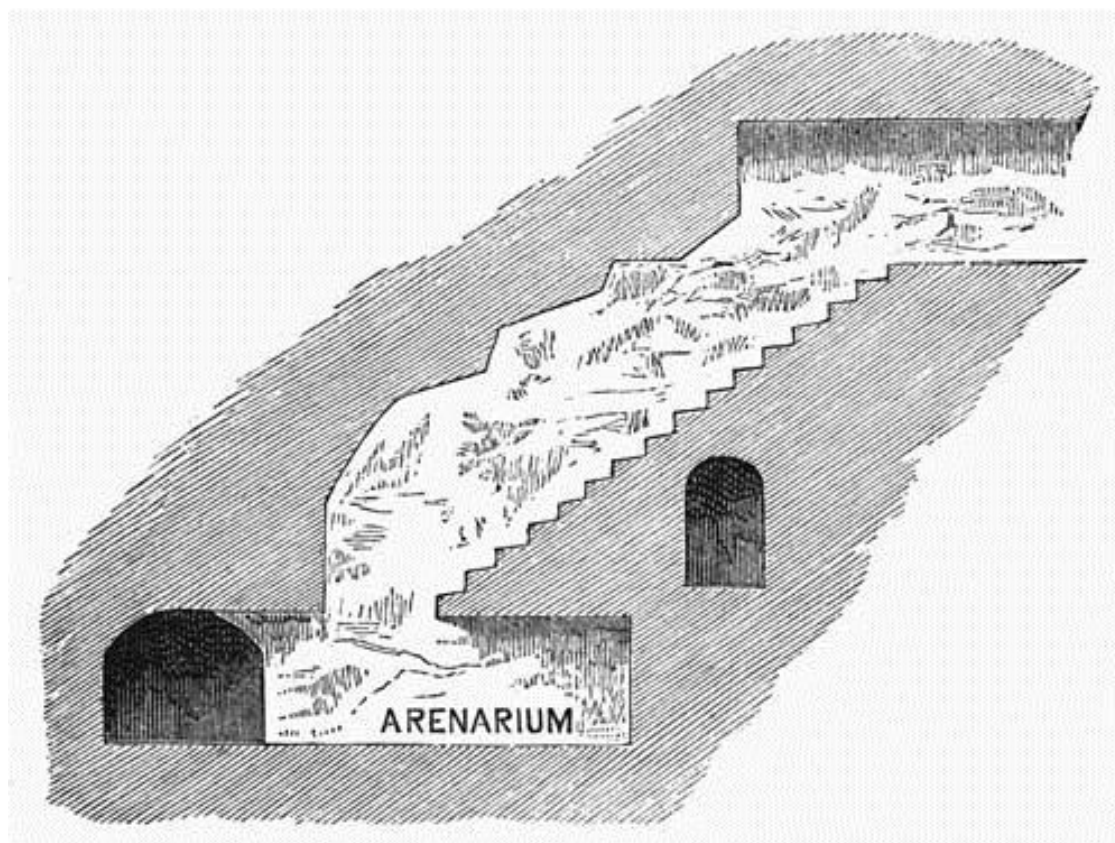

Рис. 22. Потайная лестница в Аренарий.

Невозможно, чтобы вся христианская община или хотя бы значительная ее часть когда-либо укрылась в этих подземных склепах. Их огромные размеры и количество камер действительно позволили бы огромному количеству людей на некоторое время укрыться в их глубинах; но трудности с обеспечением регулярного питания, замкнутая атмосфера и вероятное выдыхание вредных газов из могил - особенно при открытии *bisomus*, или двойной гробницы, для второго заключенного - кажутся непреодолимыми препятствиями. Поскольку именно религиозные лидеры христианской общины были особенно несносны для власти имущих, они, скорее всего, будут искать укрытия в катакомбах не из-за недостатка мужества, а, как впоследствии мученик Киприан, чтобы лучше руководить и управлять гонимой церковью. Отсюда и приведенные ранее примеры того, как епископы и другие церковные деятели лежали скрытыми, некоторые годами, в этих глубинах, и их посещали верующие для наставления или совершения богослужений.^[148] Однако есть свидетельства, что во время обострений гонений частные христиане искали безопасности в этих углублениях и, зарываясь в их глубины, уходили от преследования врагов. Тертуллиан рассказывает о "даме, не привыкшей к лишениям, которая дрожит в склепе, опасаясь схватить свою служанку, от которой зависит ее ежедневное пропитание". Главы христианских семей и те, кто был наиболее несносен для языческих властей, с особой вероятностью покинули бы общество живых, чтобы жить в безопасности среди мертвых. Отец Марчи предполагает, что запасы зерна были заложены для содержания скрывающихся беглецов, а де Росси описывает некоторые склепы в катакомбах Калликста, которые, вероятно, использовались для хранения кукурузы или вина во время гонений. Здесь часто встречаются колодцы, которых вполне достаточно для снабжения водой; а множество найденных ламп рассеивали темноту, в то время как их внезапное погасание служило лучшим укрытием от нападения врагов.^[149] Поэтому христиан заклеили как скрытную, любящую темноту расу,^[150] которая бежит от света дня, чтобы зарыться в землю, как кроты.

Эти худшие, чем дейдалийские, лабиринты были прекрасно приспособлены для того, чтобы уходить от преследования. Зная их хитросплетения и следуя известному указателю, христианин мог бесстрашно погрузиться во тьму, где его преследователь вскоре должен был неразрывно потеряться. Возможно, звуки христианского богослужения и смягченный каданс гимна исповедников, проносящиеся по дальним коридорам, со странным благоговением падали на души грубых солдат, незаметно приближающихся к своей добыче, и, возможно, нередко имели спасительную и освящающую силу. Но иногда, выслеженные ищейками гонений или преданные каким-нибудь жалким отступником, поглощенным иудинной жадой золота, христиане были застигнуты врасплох во время своих преданий, и их убежище становилось их могилой. Такова была трагическая судьба Стефана, убитого во время служения у алтаря; таково событие, описанное Григорием Турским, когда гекатомба жертв была разом сожжена языческой ненавистью; такова опасность, которая вырвала из пораженного сердца крик, не гнева, но скорби: *Tempora infaustra, quibus inter sacra et vota ne in cavernis quidem saluari possimus!* - "О печальные времена, когда среди священных обрядов и молитв, даже в пещерах, мы не можем спастись!" Не нужно прилагать больших усилий воображения, чтобы представить себе опасности и спасения, которые, должно быть, были частыми эпизодами в героической жизни первых воинов креста.

В катакомбах христиане могли более безопасно, чем в других местах, совершать таинства религии, часто под прикрытием обрядов погребения, которые могли быть священными в глазах их врагов. И помимо погребальных целей, это, по-видимому, было их главным назначением. Для этого многие из их главных камер и часовен были вырыты, снабжены сиденьями, проветривались *люминарными* и украшались библейскими или символическими картинами. С какими чувствами первобытные верующие должны были проводить торжественные богослужения и слышать слова жизни в окружении умерших во Христе! С какой силой прозвучало бы обещание о воскресении тела среди разрушающихся реликвий земной жизни! Как горячо они молились о своих товарищах по несчастью, когда сами ежечасно находились в опасности! Их святым стремлением было свидетельствовать о добром исповедании даже до смерти. Они горели желанием подражать рвению мучеников веры, бесславных героев более благородного рыцарства, чем рыцарство оружия, христианских атлетов, завоевавших в кровавых схватках на арене или среди огненных пыток на костре не лавровый или лавровый венец, а венец жизни, звездный и немеркнущий, который никогда не прейдет. Их скромные могилы - более великие памятники, чем трофейные гробницы гордых завоевателей Рима на Аппиевом пути. Мы можем легко ступить рядом с их прахом; мы можем благоговейно упоминать их имена. Хотя телесное присутствие этих новобранцев из могилы - этой несчастной надежды армии христианства - больше не ходит среди людей, их неустрашимый дух оживлял сердце каждого члена той маленькой общины гонимых христиан, "которых мир не стоил; которые скитались в пустынях, и на горах, и в норах и пещерах земных, ... будучи нищими, страждущими, мучимыми".^[151]

Невозможно дать даже приблизительную оценку количеству жертв первых гонений. Это число иногда, несомненно, сильно преувеличивалось. Кроме того, вопреки свидетельствам современной истории, оно необоснованно преуменьшается.^[152] Тацит утверждает, что при Нероне огромное количество^[153] было осуждено и наказано. Плиний говорит, что храмы почти опустели^[154] из-за этого заразительного суеверия. Ювенал, Марциал и другие классические авторы отмечают необычайные страдания христиан. Киприан, в середине третьего века, говорит: "Невозможно перечислить мучеников Христовых".^[155] Евсевий, очевидец последнего гонения, утверждает, что во время него пострадало бесчисленное множество людей. Описав их мучительные пытки, он добавляет: "И все это происходило не в течение нескольких дней, а в течение целого ряда лет. В один день убивали десять или больше, затем двадцать, снова тридцать или даже шестьдесят, а иногда и сто мужчин с женами и детьми".^[156] Он также описывает уничтожение христианского города со всеми его жителями в результате пожара.^[157] Лактанций,

также свидетель современников, рассказывает, что христиан часто окружали со всех сторон и сжигали вместе.^[158]

Весьма примечательно, что в катакомбах найдено так мало эпитафий мучеников - не более пяти или шести, и некоторые из них не отличаются несомненной подлинностью. Но это можно объяснить смирением и скромностью первых христиан, которые не решались присвоить страдальцам за истину величественный титул мученика, который они ограничивали единственным верным и истинным свидетелем, Иисусом Христом. "Мы, - говорили жертвы гонений в Лионе, - лишь ничтожные и смиренные исповедники".

Правда, встречаются некоторые надписи памятного характера и более позднего времени, чем время гонений, некоторые из них посвящены большому числу мучеников, но они практически не имеют исторической ценности. Такова надпись трем тысячам мучеников в катакомбе Присциллы, которая уже приводилась,^[159] и следующая из катакомбы Калликстана: MARCELLA ET CHRISTI MARTYRES CCCCL - "Марцелла и четыреста пятьдесят мучеников во Христе". В древних маршрутах говорится о восьмидесяти или даже восьмистах мучениках, похороненных в одном месте Катакомб; а Пруденций утверждает, что видел останки около шестидесяти в одной могиле.^[160] Но превзойти все остальные преувеличения может надпись в церкви Святого Себастьяна о ста семидесяти четырех тысячах святых мучеников и сорока шести епископах, также мучениках, которые, как утверждается, были погребены в соседних катакомбах. Другая древняя традиция утверждает, что двенадцать тысяч христиан, которые были заняты на строительстве бань Диоклетиана, были похоронены в катакомбе Святого Зенона.^[161] Пьяцца утверждает, что двести восемьдесят пять христиан были преданы смерти за два дня при императоре Клавдии II, 268 г. н.э., и что более двух тысяч были казнены за отказ принести жертву изображению солнца. Действительно, некоторые римские археологи видят в каждой пальмовой ветке или чаше, которые так часто находят в катакомбах, неопровержимое доказательство того, что это могила мученика.^[162]

Такая зверская жестокость и пышное уничтожение жизни, как предполагают эти традиции, даже если они преувеличены, кажется невероятной; но страницы современных историков, Евсевия и Лактанция, дают слишком подробные и косвенные отчеты о гонениях, свидетелями которых они были, чтобы мы могли принять самодовольную теорию Гиббона, что страдания христиан были сравнительно немногочисленными и незначительными. "Мы сами видели, - говорит епископ Кесарийский, - толпы людей, одних обезглавленных, других сожженных заживо в один день, так что орудия убийства были затуплены и разбиты на куски, а палачи, утомленные резней, были вынуждены отказаться от кровавой работы".^[163] ... Они постоянно соперничали друг с другом, - продолжает он, - изобретая новые пытки, как будто предлагались призы тому, кто придумает наибольшую жестокость".^[164] Людей, единственным преступлением которых была их религия, бичевали железными прутьями или *plumbatæ*, то есть цепями с бронзовыми шарами, образцы которых были найдены в могилах мучеников, пока плоть не свисала клочьями, и даже кости были сломаны; их связывали цепями из раскаленного железа и жарили на огне так медленно, что они часами или даже днями лежали в смертельной агонии; Их плоть счищали с костей лохматыми раковинами или разрывали раскаленными щипцами, железными крюками и инструментами с ужасными зубами или когтями, примеры которых были найдены в катакомбах;^[165] Расплавленный металл и пластины из раскаленной латуни прикладывали к обнаженному телу, пока оно не превращалось в одну неразличимую рану; смесь соли и уксуса или негашеной извести втирали в трепещущую плоть, разорванную и кровоточащую на дыбе или биче - пытки более бесчеловечные, чем когда-либо применял дикий индеец к своему смертному врагу. Мужчин десятками и сотнями приговаривали к работе в шахтах, с перерезанными сухожилиями на одной ноге, с выколотым глазом и раскаленным железом в глазнице. Целомудренные матроны и

нежные девы были отданы - судьба в тысячу раз хуже смерти - в притоны позора и похоти гладиаторов и подвергнуты безымянным унижениям, слишком ужасным, чтобы их можно было выразить словами.[166] И все эти тяжкие страдания часто переносились с радостью и ликованием, ради любви к божественному Учителю, когда одно слово, одно зернышко ладана, брошенное на языческий алтарь, могло бы избавить жертвы от мучений. Никакой промежуток времени, никакое отвращение к идолопоклонническому почитанию, воздаваемому в последующие века мощам мученика, не должно ослабить в наших сердцах глубокого и разумного благоговения, с которым мы склоняемся перед его могилой.

Однако, по большей части, мы остались без достоверных свидетельств о трагических сценах христианского мученичества. Первобытная церковь, конечно, хранила эти воспоминания о нравственном героизме как свое самое ценное наследие для последующих времен. Климент Римский, как говорят, назначил нотариусов для поиска деяний мучеников;[167] и, как мы уже видели, Фабиан пострадал от смерти за свое усердие в сохранении этих записей.[168] Но эти драгоценные документы в большинстве своем погибли во время гонений Диоклетиана, хотя фрагменты, вероятно, были включены в поздние мартирологи. Ранние Деяния более достоверны и просты по своему характеру. Более поздние становятся все более витиеватыми по стилю, перегруженными невероятным и невозможным, пока их историческая ценность полностью не утрачивается, за исключением тех случаев, когда они подтверждаются сопутствующими свидетельствами или монументальными свидетельствами катакомб. Пруденций, привлеченный в Рим славой этих хранилищ праха мучеников, написал трактат[169] об их страданиях, в котором его пылкое воображение и риторический стиль нашли максимальное потворство. Позднейшие писатели еще больше приукрасили и преувеличили оригинальные Деяния, пока самые дикие истории древней мифологии или средневековой легенды не были превзойдены монашескими мартирологами.

Этот "священный роман", как презрительно называет его Гиббон, становится не чем иным, как записью самых поразительных чудес, самых ужасных пыток и более чем человеческой выносливости.[170] В ней подробно описывается конфликт между христианином и его языческим гонителем: *hinc martyr, illinc carnifex* - здесь мученик, там палач. Один обрушивает свою ярость на жертву, другой демонстрирует стоическое перенесение страданий, сравнимое с тем, что испытывает американский дикарь на погребальном костре, или же нечувствительность к боли, которая снижает заслугу его деяний. "Она приготовлена, поворачивайте и ешьте", - говорит[171] Святой Лаврентий, жарясь на решетке. Он не чувствует боли от уксуса и соли, которыми натирают его кровоточащие раны. "Посоли меня еще больше, чтобы я был нетленным", - говорит Таракх своему мучителю. Он продолжает говорить после того, как его язык вырван с корнем. Рваные раны на унгуле принимают в возбужденном воображении форму имени Христа.[172] Божественные запахи исходят от тела, которое сияет, как золото, среди пламени, отказывающегося разгореться на нем. Голос с небес приветствует непобедимого победителя, и его душа в виде голубя возносится к небесам.[173] Неизменные природные инстинкты грубо нарушаются в некоторых Деяниях. Мать упрекает своего ребенка за то, что он выпрашивает чашку воды, страдая под прутьями ликторов; и в то время как его обезглавливают на ее глазах, она одна, не дрогнув, поет благодарственный стих.[174] Нередко мученик старается насмешками и пренебрежением раззадорить языческого магистрата, который скрежещет зубами и закатывает глаза в бессильной ярости.[175] "Молчи, негодяй! О змея темного ума, да будет проклятие над тобой!" - восклицает святой Бонифаций, обращаясь к своему палачу. Викентий угрожает своему судье огненной судьбой бездонной ямы.[176] Эти Деяния мучеников назначались для чтения в церквях,[177] пока не были запрещены Трулльским собором 706 года н.э.

Энтузиазм к мученичеству временами распространялся почти как эпидемия. Это была одна из самых примечательных черт эпохи гонений. Несмотря на ужасающие пытки, которым они подвергались, чем сильнее разгоралась языческая ярость, тем выше и ярче пылал пыл христианских героев. Эпоха за эпохой созывала воинов Христа на битву, высшей наградой которой была смерть. Они повязывали гонения как венок на свои брови и ликовали в "славном бесчестии" страданий за Господа. Клеймо позора стало знаком высшей чести. Помимо небесных радостей, они обретали нетленную славу на земле, и память о смиренном рабе часто озарялась славой, превосходящей славу Курция или Горация. Самый захудалый олененок благодаря мученичеству был вознесен на самый высокий небесный пьедестал. Посвящение в страдания было возведено в ранг таинства и названо крещением огнем или кровью.

Горящие желанием получить награду, стремительные кандидаты на смерть часто с нетерпением спешили схватить пальму победы и мученический венец. Они с радостью ступали по огненному пути к славе и шли на костер с такой же радостью, как на брачный пир. "Их оковы, - говорит Евсевий, - казались золотыми украшениями невесты".^[178] Они желали мученичества с большей страстью, чем люди впоследствии стремились к епископству.^[179] В самых острых муках они ликовали от того, что их сочли достойными пострадать за своего божественного Учителя. "Пусть нас разорвут унгулы", - восклицает Тертуллиан,^[180] - "кресты выдержат нашу тяжесть, пламя охватит нас, меч перережет нам горло, дикие звери набросятся на нас; сама поза молитвы - подготовка к любому наказанию". "Эти вещи, - говорит святой Василий, - далеко не ужас, а скорее удовольствие и отдых для нас".^[181] "Тираны были вооружены, - говорит святитель Златоуст, - а мученики наги; однако нагие одержали победу, а носившие оружие были побеждены".^[182] Сильные уверенностью в бессмертии, они бросили вызов мечу.

Хотя они были слабы телом, они казались облеченными в заместительную силу и были уверены, что, хотя их "считали овцами на заклание", ничто не могло отлучить их от любви Христа. Закутанные в огненное одеяние и плащаницу, они все же ликовали в своей славной победе. В то время как свинцовый град падал на искалеченные тела, а глаза застилали тени смерти, дух был охвачен блаженным видением открывающихся небес, и над ревом толпы сладко падало на внутреннее чувство заверение в вечной жизни. "Ни одна группа Океанид не могла утешить христианского Прометея; но перед его взором предстали бесчисленные ангелы, их гимн торжественно донесся до его слуха, и запахи открывшегося рая наполнили воздух. Хотя тупое ухо чувства ничего не слышало, он мог слушать невидимого Корифея, который приглашал его на небо и обещал ему вечный венец".^[183] Имена "великого воинства мучеников", хотя и забыты людьми, записаны в Книге жизни. "Господь знает, кто Его".

Есть запись, записанная на небесах,
Которая будет жить вечно;
Ангел, стоящий у Божьего престола.
Сокровищами хранит каждое слово и стон;
И не только речь мученика,
Но каждая рана там запечатлена,
Со всеми обстоятельствами боли.
Багровая струя, нанесенная ране...
И ни одна капля не пролита напрасно.^[184]

Дух мученичества был новым принципом в обществе. У него не было классического аналога.^[185] Сократ и Сенека страдали со стойкостью, но не с верой. Самая возвышенная языческая философия теряла свою значимость перед возвышенностью христианской надежды. Она смотрела за пределы теней времени и убогих земных забот на величие Бесконечного и Вечного. Героические смерти верующих демонстрировали духовную силу, более могущественную, чем первобытные

природные инстинкты, любовь к жене или ребенку, или даже сама жизнь. Как торжественный голос, доносящийся до тупого уха человечества, эти святые примеры взывали к вопросу: "Что пользы человеку, если он приобретет весь мир, а душу свою потеряет?" И этот голос пробудил эхо во многих сердцах. Своей смертью мученики обратили в свою веру больше людей, чем при жизни. "Убивайте нас, кастрируйте нас, осуждайте нас, растирайте нас в порошок", - восклицает неустрашимый христианский апологет; "наше число возрастает пропорционально тому, как вы нас уничтожаете".[186] Земля была напоена кровью святых, но они все равно множились и росли, славно иллюстрируя непреходящую истину: "Кровию мучеников семя церковное" (*Sanguis martyrum semen ecclesiae*).[187]

Христианство, после долгого подавления, в конце концов стало триумфальным. После обращения Константина церковь вышла из укрытия катакомб под солнечные лучи императорской благосклонности. Легенда о семи спящих в Эфесе поразительно иллюстрирует чудесное преобразование общества. Эти братья-христиане, укрывшиеся в пещере во время Декийских гонений, проснулись, согласно легенде, после более чем столетнего сна и обнаружили, что христианство господствует повсюду, а христианский император находится на троне Сезаров.[188] Доктрины Христа, подобно лучам солнца, быстро облучили мир.[189] С хорами и гимнами, в городах и деревнях, на дорогах и рынках пели хвалу Всевышнему.[190] Врагов Божьих как будто не было. [191] Господь принес лозу христианства из далекой земли, изгнал язычников, посадил и поливал ее, пока она не обвилась вокруг скипетра царей, не оплела колонны Капитолия и не заполнила всю землю. Языческие фанзы были покинуты, боги низвергнуты, и языческие фламены больше не приносили жертвы капитолийскому Джову. Рим, который с триумфом тащил за собой на колеснице столько покоренных божеств, в конце концов покорился более могущественному, чем все боги Олимпа. Старые верования исчезли с небосклона человеческой мысли, как звезды полуночи на рассвете. Изгнанные божества покинули свои древние места. Они больше не ходили по долине Темпе и в роще Дафны.[192] Наяды не купались ни в ручье Скамандра, ни в Симуа, а nereиды - в водах светлого Эгейского моря. Нимфы и дриады перестали бродить по сиаемским уединениям. Ореады больше не ходят по свету на возвышенной вершине Иды.

О тщетные ложные боги Эллады!
Вы исчезли навсегда!

Задолго до признания христианства религией империи его влияние ощущалось во всем обществе. В условиях распада общества оно было единственным консервативным элементом - солью, сохранявшей его от разложения. Посреди анархии и смятения организовывалось сообщество по принципу, ранее неизвестному в языческом мире, правящее не террором, а любовью, не физической силой, а нравственной властью, вдохновляемое возвышенной верой в мире неверия и культивирующее нравственную чистоту среди мерзостей чувственного века.

Однако эта могучая энергия ускользнула от внимания или вызвала лишь презрение некоторых из самых внимательных наблюдателей и величайших мыслителей, которых видел мир. Классическая литература содержит лишь несколько кратких заметок о религии, преобразившей эпоху. Целая плеяда философов и историков, скорбно взирая на кипящую массу морального гниения вокруг себя и глубоко осознавая ее очевидную неизлечимость, относилась как к презренному самому мощному моральному агенту в мире - тому регенеративному принципу, который должен был реорганизовать общество по более высокому типу, чем когда-либо было известно ранее.[193] Царство Небесное не приходит незаметно, и язычество, казалось, совершенно не осознавало своей надвигающейся гибели.

Но это удивительное влияние, которое так много достигло, в конце концов, как ни странно, потеряло свою силу и не выполнило начатую им регенеративную работу. Оно не смогло

остановить вырождение эпохи или предотвратить распад империи. Многочисленные преступления этой колоссальной оргии вызвали к небесам о возмездии. Зараза была слишком въедливой, чтобы ее можно было искоренить; зло было неискоренимым; Рим уже был в состоянии упадка и смерти. Он был взвешен на весах и признан несостоятельным. Поэтому неумолимое наказание, которое всегда следует за злом, как тень за его сутью, было спущено на землю. Ужасная Немезида, как мстительная Судьба, настигла великий и нечестивый город в его гордыне и вине; и мистический Вавилон Запада, пропитанный чувственностью, идолопоклонством и кровью, вскоре увидел готов у своих ворот и гуннов в своих стенах.[194]

[31] О происхождении катакомб существует множество причудливых теорий. Их приписывают доисторической расе троглодитов, которые ненавидели дневной свет и зарывались в землю, как кроты. Макфарлейн красноречиво апострофирует древним этрурам, которые, по его мнению, раскопали их за двенадцатьсот лет до христианской эры. Мы уже видели, как они были ошибочно приписаны язычникам-римлянам.

[32] *Victoribus victi leges dederunt*. На Тибре, Тигре и Ниле это изречение получило поразительное подтверждение. Однако иудаизм по своей сути консервативная, а не агрессивная религия. Он не был приспособлен к таким масштабным завоеваниям, как христианство или даже магометанство. Древняя форма мышления, отслужив свое, была разрушена. Можно сказать, что иудаизм умер, породив христианство".

[33] Hist., v, 5.

[34] В 1853 году в Венозе, в Южной Италии, была обнаружена еврейская катакомба, содержащая одну галерею высотой семь футов и длиной четыреста футов. В 1854 году еще одна была обнаружена в Ории, с множеством еврейских символов и надписей. В Апулии и Калабрии было много евреев.

[35] *In eo quippe haud ulla, ut in reliquis, Christianæ religionis indicia et signa apparebant*-Bosio, Rom. Sott., 142.

[36] *Cimitero degli Antichi Ebrei Scoperto recentemente in Vigna Randanini, illustrato da Raffaele Garrucci*. 8vo. Roma, 1862.

[37] См. рис. 18.

[38]

*Nunc sacri fontis nimus, et delubra locantur
Judæis.*-Sat., iii, 13.

[39] Невероятно, чтобы апостол Петр принимал какое-либо участие в основании Римской церкви. Если бы это было так, Павел не стал бы, как он это делает, полностью игнорировать его труды. "Только Лука со мной", - пишет Павел незадолго до своей смерти; однако он и Петр притворяются, что пострадали в один и тот же день. История о двадцатипятилетнем епископате святого Петра в Риме слишком абсурдна, чтобы требовать опровержения. Сама мелочность деталей в легендах о святом Петре является их опровержением. Напрасно нам показывают кресло, на котором, по преданию, он сидел, купель, в которой он крестился, келью, в которой он был заключен, фонтан, бьющий из ее пола, столб, к которому он был прикован, цепи, которые он носил, отпечаток, сделанный его головой в стене и коленями в каменной мостовой, место его распятия, то самое отверстие, в которое было помещено подножие креста, и гробницу, в которой, как говорят, лежит его тело; Все они не способны убедить ни один ум, в котором суеверие не уничтожило критический ум. Могучий факел, возвышающийся в сердце Рима в честь галилейского рыбака, как

и религиозная система, видимым выразителем которой он является, основан на теневой традиции, противоречащей как свидетельствам Писания, так и историческим фактам и выводам разума. Вопрос о том, был ли Петр *когда-либо* в Риме, недавно публично обсуждался под самой сенью Ватикана. Истинно, *Tempora mutantur*.

[40] Nos quoque ut Judaicæ religionis propinquos, sub umbraculum insignissimæ religionis certé licitæ.- Ad Nat., i, 11.

[41] Execrantur rogos, et damnant ignium sepulturas.-Minuc. Felix, Octav., ii, 451. Тертуллиан объявил его символом адского пламени. Возможно, также, что расходы и публичность, связанные с практикой кремации, заставили первых христиан принять менее дорогостоящий и более частный способ подземного погребения. Меривейл, правда, утверждает, что ранние римские христиане сжигали своих мертвых (vi, 444), и приводит в поддержку этой странной теории лишь языческое посвящение D. M., найденное на некоторых христианских гробницах. Как будет показано (Книга III, i), эти буквы были частью общей эпитафической формулы и не дают никаких оснований для этого поразительного утверждения.

[42] Епископ Холл.

[43] Из этой надписи следует, что некоторые из семьи Реститута все еще оставались язычниками и были похоронены отдельно от остальных. Ранние христиане считали незаконным смешивать язычников и верующих в одном погребении. Святой Киприан выдвигает против еретического епископа Астурийского обвинение в том, что он "хоронил своих детей в оскверненных могилах и среди чужих". См. также Руфь i, 17. Сравните Cic., de Leg., ii, 22, и de Off., lib. ii.

[44] Aроl. xxxix. Следующая надпись, недавно обнаруженная в руинах Кесарии, римского города в Африке, свидетельствует о том, что состоятельные христиане выделяли средства на погребение своих более бедных соседей:

AREAM AT [AD] SEPVLCHRA CVLTOР VERBI CONTVLIT
ET CELLAM STRVXIT SVIS CVNCTIS SVMPTIBVS
ECCLESIAE SANCTÆ HANC RELIQVIT MEMORIAM,
SALVETE FRATRES PVRO CORDE ET SIMPLICI
EVELPIVS VOS SATOS SANCTO SPIRITV.
ECCLESIA FRATRVM HVNC RESTITVIT TITVLVM....

Поклонник Слова отдал это место под гробницы и построил склеп на свои средства; он оставил этот памятник Святой Церкви. Радуйтесь, братья! С чистым и простым сердцем приветствует вас Евэлпий, рожденный от Святого Духа.

Братская община заменила эту надпись.....

[45] 2 Тим. iv, 21. Suet., Vit. Ner., c. 28, 29; Tac., Ann., xv, 37. См. также Dio., lxiii, 13.

[46] Например, Флавия Домицилла, племянница Домициана, и ее муж Клеменс. Их дети были усыновлены императором и назначены его наследниками. Так близко подошло христианство к тому, чтобы захватить скипетр Сезаров в первом веке. Dio Cass., Hist., lxvii, 13. Suet. in Domit., xv. Племянница Домитиллы, также одноименная, пострадала в изгнании за веру в 97 г. н.э. Она дала землю для катакомб, которые до сих пор носят ее имя.

Марсия, Маммея, мать Алекса. Северуса, императора Филиппа, а также Приска и Валерия, жена и дочь архиепископа Диоклетиана, либо приняли христианство, либо очень благоволили к нему.

[47] Apol., с. 37.

[48] [Примечание переводчика: сноска в оригинале отсутствует].

[49] Religiosum locum unusquisque sua voluntate facit, dum mortuum infert in locum suum. Маркиан. Digest., i, 8, 6, § 4.

[50] Cod. Justin., lib. ix, tit. 19, de Sepulchro Violato, leg. 1, 5; Cod. Theod., lib. ix, tit. 17. Proximum sacrilegio majores semper habuerunt. Так восклицает поэт:

Res ea sacra, miser; noli mea tangere fata:
Sacrilegae bustis abstinere manus.

"Не прикасайся к моему памятнику, негодяй; это святыня: даже святотатственные руки воздерживаются от нарушения могил".

[51] Xen., Mem., ii, 2, § 13.

[52] Roman Sepulchral Inscriptions, p. 9, London, 1858.

[52a] [Примечание транскриптора: сноска в оригинале отсутствует].

[53]

Mille pedes in fronte, trecentos cippus in agrum

Hic dabat; heredes monumentum ne sequeretur.

Hor., I Sat., viii, 12.

[54] Буквально: "разгневанные боги".

[55] Reinesius.

[56] Corpora animadversorum quibuslibet petentibus ad sepulturam danda sunt. Digest., xlviii, 24, 2.

[57] Обе эти цитаты приведены д-ром Макколом в его "Христианских эпитафиях первых шести веков", восхитительном небольшом томе, моя заслуга перед которым будет признана в [другом месте](#). Он также приводит следующую цитату из книги Хензена "Inscr. Lat. Select. Col., No. 6371: ΡΕΤΟ Α ΒΟΒΙΣ [VOBIS] FRATRES BONI PER VNVM DEVM NE QVIS VI TITVLO MOLESTET POST MORTEM- "Я умоляю вас, добрые братья, единым Богом, чтобы никто силой не повредил эту надпись после моей смерти".

[58] Aringhi, lib. iv, с. xxvii.

[59] Иногда анафема призывалась на нарушителя могилы, как в следующем интересном примере, найденном на острове Саламис и процитированном д-ром МакКолом из Kirchoff, Corpus Inscript. Græc., No. 9303: Οἶκος αἰώνιος Ἀγάθωνος ἀναγνώστου καὶ Εὐφημίας ἐν δυοῖ θήκαις ἰδίᾳ ἑκάστῳ ἡμῶν. Εἰ δέ τις τῶν ἰδίων ἢ ἕτερός τις τολμήσῃ σῶμα καταθέσθαι ἐνταῦθα παρὲς τῶν δύο ἡμῶν, λόγον δῶν τῷ θεῷ καὶ ἀνάθεμα ᾗτω μαραναθάν- "Вечное жилище Агафону, чтецу, и Евфимию в двух могилах, по одной на каждого из нас отдельно. Если кто-либо из наших родственников или кто-либо другой посмеет похоронить здесь тело рядом с нами двумя, пусть даст отчет перед Богом и да будет предан анафеме".

[60] Примечательно, что эпитафия Шекспира должна представлять собой почти такой же безвкусный образец эпиграфики, как и любая из варварских надписей в катакомбах. См. следующую копию:

Добрый друг, ради Иесуса, ради Бога.
Чтобы в пыль покрылась она.
Будь благословен тот, кто щадит камни.
И да будет проклят тот, кто двигает мои кости.

[61] Мейтланд читает так: IN CHRISTO. MARTYRIVS VIXIT ANNOS XCI PLVS MINVS ELEXIT DOMVM VIVVS. В ПАКЕ. "Во Христе. Мартирий прожил девяносто один год, больше или меньше. Он выбрал себе дом при жизни. В мире".

[62] Collegium salutare Dianæ et Antinoi, constitutum ex Senatus Populique Romani decreto, quibus coire, convenire, collegiumque habere liceat. Qui stipem menstruam conferre volent in funera, in id collegium coeant, neque sub specie ejus collegii nisi semel in mense coeant, conferendi causa unde defuncti sepeliantur.

[63] Сестерций, или сестерций, стоил около 2d-5 фартингов, а сестерций - около 3d-4 фартингов. Амфора вмещала около шести галлонов.

[64] Muratori, tom. ii, classis vii, *Collegia Varia*.

[65] Ibid.

[66] Траян с подозрением относился даже к пожарным командам и благотворительным обществам (Pliny, X Epis. 43 et 94) и запретил собрания христиан, но разрешил ежемесячные взносы в клубы - Permittitur tenuioribus stipem menstruam conferre. Дигесты, xlvii, 22, 1.

[67] Modicam unusquisque stipem *menstrua die*, vel quum velit, et si modo velit, et si modo possit, apponit: nam nemo compellitur, sed sponte confert.... Nam inde non epulis ... sed egenis alendis *humandisque* ... etc. Tert., Apol., c. 39.

[68] См. [первую](#) сноску.

[69] Bullettino, 1864, 62.

[70] Rom. xvi, 5, 3.

[71] Philosophoumena, ix, 11.

[72] Actorem sive syndicum, per quem, quod communiter agi fierique oporteat, agatur, fiat.-Digest., iii, 4, 1, § 1.

[73] E veramente che almeno fino dal secolo terzo i fedeli abbiano possiduto cemeteri a nome commune, e che il loro possesso sia stato riconosciuto dagl'imperatori, è cosa impossibile a negare.-De Rossi, Rom. Sott., tom. i, p. 103.

[74] Ужасное преступление величества (*crimen majestatis*).

[75] Hostes Cæsarum, hostes populi Romani.

[76] Non pluit Deus, duc ad Christianos.-Aug., Civ. Dei, ii, 3.

[77] Si Tiberis ascendit in mœnia, si Nilus non ascendit in arva, si cœlum stetit, si terra movit, si fames, si lues, statim, "Christianos ad leones."-Apol., x. "Но я молю вас, - добавляет он, - были ли несчастья неизвестны до Тиберия? Истинному Богу не поклонялись, когда Ганнибал побеждал в Каннах или галлы заполняли город".

[78] Евсевий описывает их активность, когда они приносили дрова и солому из магазинов и бань для сожжения Поликарпа. Eccl. Hist., iv, 15.

[79] Ergo abolendo rumori Nero subdedit reos et quæsitissimis pœnis affecit, quos per flagitia invisos vulgus Christianos appellabat.... Et pereuntibus addita ludibria, ut ferarum tergis contacti laniatu canum interierint, aut crucibus affixi, aut flammandi atque, ubi defecisset dies, in usum nocturni luminis urerentur.-Ann., xv, 44.

[80] Телеграфная депеша из Рима от 16 января 1873 года сообщает, что Папа утверждает, что обнаружил тела апостолов Филиппа и Иакова. Это крайне маловероятно и не имеет практического значения, если это правда. Не кости святых, похороненных много веков назад, а дух, который одушевлял их, и принципы, за которые они умерли, являются истинными источниками силы Церкви".

[81] Sulpic. Sever., Hist., ii, 41.

[82] Euseb., Hist. Eccles., iii, 17. 93-96 ГГ. Н.Э.

[83] Prope jam desolata templa cœpisse celebrari; et sacra solennia diu intermissa repeti.-Epis. ad Traj. Среди наиболее выдающихся страдальцев во время этих гонений был Климент, третий епископ Рима, сосланный в Понт и, как говорят, брошенный в море, 103 г. н. э.; также преподобный Игнатий, епископ Антиохийской церкви, связанный по преданию с самим Спасителем, как один из тех детей, которых он взял на руки и благословил. Приговоренный Траяном к отдаче на растерзание диким зверям в амфитеатре в Риме, страсть к мученичеству овладела его душой. "Пусть я стану пищей диких зверей, - восклицал он, - через них я дойду до Бога. Ибо я - пшеница Божия; и меня будут молотить зубами дикие звери, чтобы я стал чистым хлебом Христовым" -Epis. ad Romanos, §§ 4, 5.

[84] Sacra Romana diligentissimè curavit, peregrina contempsit.-Spartian. in Hadrian. A. D. 117-138.

[85] Euseb., Hist. Eccles., iv, 9. Jus. Mar., Apol., i, 68, 69.

[86] A. D. 138-161.

[87] Irenæus, iii, 3, § 3.

[88] A. D. 161-180.

[89] Следующая надпись, относящаяся к антониновскому периоду, приводится Мейтландом (стр. 40) как из катакомбы Калликста. Хотя она, по-видимому, подразумевает фактическое преобладание гонений, очевидно, даже если она подлинная, она более поздняя, чем предполагаемое время. Наличие священной монограммы, а также несколько пестрый и плеонастический стиль указывают на происхождение не ранее эпохи Константина, когда вошло в моду с внешним фарисейством украшать гробницы мучеников, хотя к истинам, за которые они погибли, часто относились с пренебрежением:

Рис. 20.- Символ "Оправданный мученик".

АЛЕКСАНДР СМЕРТЕН НЕ БЫЛ, НО ЖИЛ В АСТРАЛЕ И В ЕГО ТЕЛЕ, В ЭТОМ ТВМВЛО КВИЕСЦИТ. VITAM EXPLEVIT SVB ANTONINO IMP QVI VBI MVLTVM BENEFITII ANTEVENIRE PRAEVIDERET PRO GRATIA ODIVM REDDIDIT. GENVA ENIM FLECTENS VERO DEO SACRIFICATVRVS AD SVPPPLICIA DVCITVR. O TEMPORA INFAVSTA QVIBVS INTER SACRA ET VOTA NE IN CAVERNIS QVIDEM SALVARI POSSIMVS. QVID MISERIVS VITA SED QVID MISERIVS IN MORTE CVM AB AMICIS ET PARENTIBVS SEPELIRI NEQVEANT TANDEM IN COELO CORVSCANT. PARVM VIXIT QVI VIXIT IN. X. TEM.

"Во Христе. Александр не умер, но живет над звездами, а его тело покоится в этой гробнице. Он закончил свою жизнь при императоре Антонине, который, предвидя, что от его услуг будет большая польза, воздал злом за добро. Когда он стоял на коленях и собирался принести жертву истинному Богу, его повели на казнь. Печальные времена, когда среди священных обрядов и молитв даже в пещерах мы не находимся в безопасности. Что может быть более жалким, чем такая жизнь? И что может быть более жалким, чем такая смерть? Когда они не могут быть похоронены своими друзьями и родственниками, то в конце концов они сияют на небесах. Едва ли жив тот, кто жил в христианские времена".

Мейтланд переводит заключительные буквы IN. X. TEM, на "In Christianis temporibus". Печь, по-видимому, указывает на то, что мученика постигла смерть от огня или, возможно, от погружения в кипящее масло - способ наказания, которому, как говорят, подвергся святой Иоанн, но не получил никакого вреда.

Другая, еще более апокрифическая надпись приводится Мейтландом (стр. 65), она, вероятно, относится к пятому веку. Упомянутая Пудентиана, как говорят, тратила свое состояние на помощь бедным и погребение мучеников.

HOС EST COEMETERIVM PRISCILLAE
В QVO EXISTVNT CORPORA TRIVM MILLIVM MARTYRVМ
МУЧЕНИК ЗА АНТОНИНОВУ ИМПЕРИЮ
AFFECTORVM QVOS S. PVDENTIANA
FECIT IN HOС SVO VENERABILI TEMPLO SEPELIRI.

"Это кладбище Присциллы, на котором покоятся тела трех тысяч мучеников, пострадавших при императоре Антонине, которых святая Пуденциана велела похоронить в этом ее собственном месте поклонения" - Айхер, *Hortus Inscriptionum*. Более подлинными реликвиями этого царствования являются большие плитки, которыми вымощена часть катакомбы Калликста. На всех них написано: OPVS DOLIARE EX PRAEDIIS DOMINI N ET FIGL NOVIS, что, по словам Марини, является клеймом императорской мануфактуры Марка Аврелия.

[90] "Hanc dextram ad te Jupiter, tendo, quae nullius unquam sanguinem fudit" - форма молитвы, приведенная Клавдианом. *Euseb.*, v, 5.

[91] A. D. 180-193.

[92] См. *гл. ii*, кн. *iii*.

[93] *Strom.*, lib. *ii*, A. D. 193.

[94] *Apol.*, 37. Sicut sub Hilariano praeside, cum de areis sepulturarum nostrarum adclamassent, areae non sint.-*Ad Scap.*, c. *iii*. 203 Г. Н.Э.

Во всей мартирологии нет более патетического эпизода, чем история юной матери Перпетуи, пострадавшей в Карфагене при Севере. Мало кто может без волнения читать акты ее мученичества, на которых лежит печать подлинности в их совершенно естественном, не преувеличенном тоне и отсутствии чуда. Молодая - ей было всего двадцать два года - красавица, из знатной семьи, горячо любимая, ее язычник-отец умолял ее пожалеть его седины, слезы матери, ее беспомощного младенца. Но вера победила даже тоску естественной привязанности, и, бледную и слабую от недавних родовых мук, ее вместе со спутницей Фелицитас привели в переполненный амфитеатр и подвергли жестоким ударам рогов разъяренных зверей. В предсмертной агонии, больше осознавая свою уязвленную скромность, чем боль, она с достоинством одернула на себе растрепанное одеяние. Казалось, она была в экстазе, пока милосердный удар гладиатора не освободил ее от страданий, и она не сменила пыль и кровь арены и крики разъяренной толпы на песни искупленных и блаженное видение Господа, которого она любила.

[95] *Cædit et humanas hostias.*-*Lamprid.*, *Heliogabalus*.

[96] A. D. 222.

[97] *Euseb.*, *Hist. Eccles.*, vi, 21.

[98] Место, где, по преданию, находилась Святая Мария в Трастевере.

[99] A. D. 250-253. Execrabile animal Decius, qui vexaret ecclesiam.-Lactan., de Mort. Persec., c. 3, 4. По его словам, он предпочел бы терпеть соперника на свой трон, чем епископа в Риме. Сурр., Ер. 53.

[100] Называемые соответственно *Sacrificati*, *Thurificati* и *Libellatici*, из которых первые считались наиболее виновными. Возмущенная риторика Киприана выражает его священный ужас перед этим гнусным отступничеством: "Они поспешили предать свои души смертельной ране..... Тот алтарь, где он собирался умереть, - разве это не его погребальная гряда? Разве не должен был он бежать, как от гроба или могилы, от этого дьявольского алтаря, когда увидел, что он дымится и испускает смрадный запах?... Ты сам был жертвой. Ты принес в жертву свое спасение, сжег свою веру и надежду в этих отвратительных кострах" - *Nonne ara illa, quo moriturus accessit, rogos illi fuit? Nonne diaboli altare quod foetore tætro fumare et redolere conspexerat, velut funus et bustum vitæ suæ horrere ac fugere debebat?... Ipse ad aram hostia, victima ipse venisti. Immolâsti illic salutem tuam, spem tuam, fidem tuam, funestis illis ignibus concremâsti.*-De Lapsis, p. 124.

[101] Дионисий Александрийский, в Euseb., vi, 41.

[102] A. D. 254-259.

[103] *Ἐκκλησία*, Euseb., vii, 10.

[104] Milman, Hist. of Christianity, Am. ed., Book II., chap. vii.

[105] Euseb., Hist. Eccles., vii, 10.

[106] *Ut episcopi et presbyteri et diacones incontinenter animadvertantur, ... capite quoque mulctentur.*-Cypr., ep. 72, ad Successum.

[107] *Οὐδαμῶς ἔξεσται ὑμῖν ἡ συνόδους ποιεῖσθαι ἢ εἰς τὰ καλούμενα κοιμητήρια εἰσιέναι*-Dionys., in Euseb., vii, 11. *Jussum est, ut nulla conciliabula faciant, neque cœmeteria ingrediantur.*-Pontius, Passio Cypriani.

[108] В Африке Киприан, неустрашимый епископ Карфагена, после бурного епископата обрел мученический венец. Получив приговор, осуждающий его на смерть, он воскликнул "Слава Богу!" и отправился навстречу своей судьбе с такой же радостью, как на брачный пир.- Понтий, Passio Cypr.

[109] "Vitam solitariam agebat in cryptis". О святом Урбане аналогично сказано: "Solebat in sacrorum martyrum monumenta."-Acts of Cecilia.

[110] Baronius: Ann., tom. iii, p. 76. Среди его спутников в смерти был Ипполит, обращенный римлянин, о котором сохранилась красивая легенда. Его родственники-язычники, которым была доверена тайна его затворничества, обеспечивали его нужды за счет своих детей, мальчика и девочки десяти и тринадцати лет. Однажды он задержал детей в надежде, что родители найдут их и таким образом получат возможность получить религиозные наставления от доброго епископа. Его план удался, и в конце концов они вместе со своими детьми приняли крещение и мученическую смерть! Baron., Ann., iii, 69. Даже если эта история не является подлинной, она, несомненно, является примером многих инцидентов, которые происходили в странных социальных отношениях церкви в катакомбах.

[111] *Xistum in cimiterio animadversum sciatis ... et cum eo diaconos quatuor.*-Cypr., Epis., lxxx, ad Successum.

[112] Другим мучеником, чьи Деяния, хотя и обезображенные некоторыми гротескными и преувеличенными обстоятельствами, содержат элементы большой красоты, был Лаврентий, диакон епископа Сикста. Считая это не святотатством, а скорее высшим посвящением имущества церкви, он раздавал его в виде милостыни страждущим христианам. Получив повеление отдать императору конфискованные церковные сокровища, он представил комиссару несколько престарелых и бессильных нищих, сказав: "Это сокровища церкви". После невероятных пыток, ставших темой многих картин римско-католического искусства, он, как говорят, был зажат до смерти на медленном огне. Ambros., Officin., i, 41.

[113] A. D. 259.

[114] Euseb., Hist. Eccles., viii, 13.

[115] Ib., viii, 23.

[116] A. D. 275.

[117] *Probus et vere probus situs est. Obiit* A. D. 283.

[118] Григорий Турский, писавший в VI веке, утверждает, что при Нумериане, брате и современнике Карина, Хрисанф и Дарья приняли мученическую смерть в катакомбе на *Via Salaria*. Заметив, что некоторые верующие посещают их гробницы, император приказал заложить вход и засыпать его кучей песка и камней, чтобы они могли быть заживо погребены в общей мученической смерти. Когда в IV веке их останки были обнаружены Дамасом, он воздержался от их удаления и просто сделал отверстие в соседней галерее, чтобы паломники к ранним святыням веры могли, не нарушая ее, созерцать эти "христианские Помпеи". Григорий утверждает, что эти интересные реликвии все еще можно было увидеть в его дни - скелеты мужчин, женщин и детей, лежащие на полу, и даже серебряные сосуды (*urcei argentei*), которые они использовали.

[119] Euseb., Hist. Eccles., viii, 1.

[120] Ibid.

[121] *De Mort. Persec.*, c. xxiii.

[122] Euseb., Hist. Eccles., viii, 1.

[123] Caius ... fugiens persecutionem Diocletiani in cryptis habitando, martyrio coronatur.-Lib. Pontif.; cp. Euseb., Hist. Eccles., vii, 32.

[124] Ἐκ τῶν ἐν στρατείαις ἀδελφῶν καταρχομένου τοῦ διωγμοῦ.-Hist. Eccles., viii, 1.

[125] Vita Const., ii, 54.

[126] Следующая надпись, найденная в Испании и приведенная Грутером, кажется задуманной как погребальный памятник мертвому и похороненному христианству. Но, хотя оно и было, по-видимому, уничтожено, оно, как и его божественный Автор, наделенное инстинктом бессмертия, возросло триумфатором над всеми своими врагами.

DIOCLETIAN - CAES - AUG - GALERIO - IN ORIENTE - ADOPT - SVPERSTITIONE CHRIST - VBIQ - DELETA ET CVLTV DEOR - PROPAGATO.

"Диоклетиан, цесаревич Август, приняв Галерия на Востоке, повсюду уничтожил христианское суеверие и распространил поклонение богам".

[127] Euseb., Hist. Eccles., viii, 2. Последствия гонений ощущались даже в Британии. (Gildas, de Excid. Britan., in Bingham, viii, 1.) Альбан был первым британским мучеником в несколько более ранний период.

[128] "Темницы, предназначенные для убийц, - говорит Евсевий, - были заполнены епископами, пресвитерами, дьяконами, чтецами и экзорцистами, так что не оставалось места для осужденных за преступления."-Hist. Eccles.

[129] Nec unquam sine cruore humano cœnabat.-Lactan., de Mort. Persec.

[130] Дата эдикта - 30 апреля 311 г. н.э. Euseb., Hist. Eccles., ix, 1.

[131] Евсевий приводит эдикт, взятый с медной таблички в Тире, в котором император говорит об "избирателях отвратительного тщеславия, подобно погребальной куче, давно заброшенной и затушенной, вновь поднимающейся в могучем пламени и вновь разжигающей погасшие бренды". Hist. Eccles., ix, 9.

[132] Придворный панегирист Константина с благодарностью говорит о нем как о "свете и избавителе, возникшем в густой и непроницаемой тьме мрачной ночи". Euseb., Hist. Eccles., x, 8.

[133] Евсевий сравнивает победу на Мильвийском мосту с победой Моисея и израильтян над фараоном и его войсками. Hist. Eccles., ix, 9.

[134] Daremus et Christianis et omnibus liberam potestatem sequendi religionem quam quisque voluisset - "Мы предоставляем христианам и всем свободный выбор следовать любому способу поклонения, который они могут пожелать" - Миланский декрет, сохраненный в Lactantius, de Mort. Persec., и в Euseb., Hist. Eccles., x, 5.

[135] В насильственных смертях или страшных болезнях многих своих гонителей христиане признавали возмездие Всевышнего, которое считалось столь примечательным, что послужило поводом для специального трактата de Mortibus Persecutorum, приписываемого перу Лактанция. Нерон бесславно погиб от собственной руки. На Домициана было совершено покушение. Во время правления Аврелия войны, голод и мор опустошали землю. Деций несчастно погиб в болоте, а его тело стало добычей бродячих шакалов и нечистых канюков. Валериан, попавший в плен к персам и послуживший подножием для своего надменного врага, как говорят, был заживо сожжен, а его кожа была набита соломой. Аврелиан был убит рукой доверенного слуги, а Карин - кинжалом мужа, которому он нанес непоправимую обиду. Диоклетиан, долгие годы мучимый болезнями, которые даже повлияли на его рассудок, как говорят, покончил с собой. Галерий, как и его соперники в кровопролитии и гонениях Ирод и Филипп II, стал объектом ненависти и отвращения, будучи "съеден червями" еще при жизни. Максимиан пал от руки народного палача, а Максенций в час поражения был задушен в тибре под стенами своей столицы. Северус вскрыл себе вены и истек кровью. Первый Максимин был убит; второй, беглец и изгнанник, покончил с собой, приняв яд, и, по словам Евсевия, был так измучен внутренними муками, что "его тело стало могилой для его души". Лициний, последний из гонителей, был убит своими свирепыми солдатами, а его имя, согласно постановлению сената, навсегда заклеено позором. Так с унижениями и пытками, часто превосходящими те, что они причиняли своим христианским подданным, погибли враги церкви Божьей, словно преследуемые божественным возмездием, не менее неумолимым, чем мстящая Немезида из языческой мифологии. См. Lactantius, de Mort. Persec., passim; Euseb., Hist. Eccles., viii, 17; ix, 9, 10; Tertul., Ad. Scap., c. 3.

[136] Церковь Святого Марчелло на Корсо напоминает о месте его оскорблений. Есть основания полагать, что каждая церковь или титул в городе имела свое собственное кладбище за стенами, над которым властвовал пресвитер, имевший соответствующий титул. Марцеллин, как епископ, отвечал за церковное кладбище Калликста, как следует из современной надписи.

[137] Gruter, Inscrip., p. 1172, No. 3.

[138] Rom. Sott., p. 172.

[139] О Сильвестре, преемнике Мелькиада, сохранилось приятное предание о том, что, бежав из-за гонений в пещеры горы Соракт, император Константин послал за ним для получения религиозных наставлений. Увидев приближающихся солдат, которые, как он думал, должны были вести его на мученическую смерть, Сильвестр воскликнул "Ныне время, ныне день спасения", а через несколько дней был поставлен епископом Рима в императорском дворце Латерана. Соракта, некогда священная для Аполлона и муз, а теперь для Христа и святых, известна в память об этом событии как *Монте-Сан-Сильвестро*.

[140] Gruter, p. 1171, No. 8.

[141] Их имена и благочестие увековечены двумя церквями в Риме. Евсевий также с одобрением описывает историю христианской матроны Софронии, жены префекта Рима, которая покончила с собой, чтобы избежать грязных объятий тирана Максенция. Hist. Eccles., viii, 14.

[142] Bullettino, январь, 1869.

[143] Следующие сатирические замечания де Бросса, писателя-романиста, относительно поставок мощей из катакомб Святой Агнессы, покажут, насколько неаутентичны эти предметы почитания: "Вы видите здесь столицу катакомб всего христианства. Мученики, исповедники и венценосцы, они выстроились по обеим сторонам. Когда в чужой стране требуется несколько святынь, Папе остается только спуститься сюда и сказать: *"Кто из вас хочет быть святым в Польше? Alors s'il se trouve quelque mort de bonne volonté il se lève et s'en va."*

[144] Из катакомбы Святой Агнессы. Древний мартиролог сообщает об обращении римского дворянина с таким именем во времена Юлиана, а также его жены и пятидесяти трех членов его семьи, и о его последующей мученической смерти и погребении в катакомбах. Вероятно, Теофила научилась в Галлии писать по-латыни, хотя и только теми необычными греческими буквами, которые, как сообщает нам Юлий Цезарь, использовались в этой стране, и что после смерти всей семьи она наняла какого-то такого же неграмотного каменщика, чтобы тот выгравировал эту замечательную надпись.

[145] Де Росси приводит несколько датированных надписей времен правления Диоклетиана (№№ 16-28), тем самым абсолютно точно определяя возраст этих частей катакомб.

[146] В романе Хоторна "Мраморный фавн" есть фантастическая легенда о "Призраке катакомб", призраке предателя христиан, который до сих пор преследует место своего ужасного вероломства.

[147] См. план этого *аренария* и лестницы в главе v, [рис. 26](#).

[148] В 359 г. н. э. Либерий, епископ Рима, в течение года скрывался в катакомбе Святой Агнессы, пока не умер арианин Констанций; а в 418 г. Бонифаций I. в катакомбе Святой Фелицитас, во время узурпации антипапы Евлалия.

[149] Подобные раскопки в Кеснеле, во Франции, долгое время были заселены как людьми, так и скотом.

[150] Latebrosa et lucifugax natio.-Minuc. Felix.

[151] Сравните следующие пылкие строки Берниса:

"La terre avait gémi sous le fer des tyrans;

Elle cachait encore des martyrs expirans,

Qui dans les noirs détours des grottes reculées

Dérobaient aux bourreaux leurs têtes mutilées."

Poème de la Religion Vengée, chap. viii.

[152] См. особенно эрудированное, но неудовлетворительное сочинение Додуэлла "De Paucitate Martyrum", а также трудоемкое описание суровости гонителей у Гиббона.

[153] Ingens multitudo.-Ann., xv.

[154] Jam desolata templa.-Epis., 97, lib. x.

[155] Exuberante copia virtutis et fidei numerari non possunt martyres Christi.-Lib. de Exhort. Martyr., c. xi.

[156] Euseb., Hist. Eccles., viii, 9.

[157] Ibid., viii, 11.

[158] Universum populum cum ipso pariter conventiculo concremavit. Lactan., Instit. Divin., v, 11: Gregatim amburebantur.-Ibid.

[159] Page 78.

[160]

Sexaginta illic defossas mole sub una

Reliquias memini me didicisse hominum.-Peristeph., xi.

[161] История о мученической смерти десяти тысяч христиан на горе Арарат при Траяне и о расправе Максимиана над Громовым легионом, состоявшим из шести тысяч христиан, - выдумки более позднего времени. В церкви святого Гериона в Кельне хранится множество предполагаемых реликвий, в основном головы, этих последних. Легендарная тенденция к преувеличению цифр кажется непреодолимой. В память об умерщвлении невинных греческая церковь канонизировала четырнадцать тысяч мучеников. По другому представлению, заимствованному из Откр. xiv, 3, это число раздуто до ста сорока четырех тысяч. Абсурдная история об одиннадцати тысячах кельнских мучеников, вероятно, основана на ошибочном переводе надписи VRSVLA - ET - XI - MM - VV, истолкованной как Урсула и одиннадцать тысяч девственниц, вместо одиннадцати девственниц-мучениц.- Maitland, p. 163. Римская легенда, конечно же, преувеличенная, гласит, что семьдесят тысяч христиан приняли мученическую смерть в Колизее.

[162] В "Иерургии" Рока, романистическом труде, есть рассказ о катакомбах в Нипи, недалеко от Рима, в которых, как говорят, тридцать восемь гробниц мучеников, эпитафия одного из которых ясно утверждает его смерть от обезглавливания: MARTYRIO CORONATVS CAPITE TRVNCA TVS IACET - "Увенчанный мученичеством, будучи обезглавленным... лежит здесь".

Красивая краткость следующих слов, по-видимому, указывает на их подлинность: "Паулус был предан смерти в пытках, чтобы жить в вечном блаженстве".

"Клементий, замученный, умерший, спит; воскреснет".

Из следующей надписи, найденной на чаше, прикрепленной к гробнице, следует, что мученика сначала заставили выпить яд, который оказался неэффективным, и он был умерщвлен мечом: "Смертельный сквозняк не осмелился преподнести Констанцию венец, который было позволено предложить сталью."

[163] Euseb., Hist. Eccles., viii, 9.

[164] Ibid., viii, 12.

[165] Называемые *ungulæ*, из-за их сходства с когтями хищного зверя.

[166] См. примеры вышеупомянутых пыток в "Истории" Евсевия. Eccles., v, 2; vi, 41; viii, 14; The Martyrs of Palestine, viii; и Lactantius, passim.

22 апреля 1823 года, рассказывает кардинал Виземан, была вскрыта могила в катакомбах, и рядом с белыми и полированными костями восемнадцатилетнего юноши, чья эпитафия была на ней написана, был найден скелет мальчика двенадцати или тринадцати лет, обугленный и почерневший в основном в верхней части. Вероятно, это были останки юного мученика, поспешно погребенного в чужой могиле, чтобы обнаружиться через пятнадцать веков.

Пруденций описывает мученика Ипполита как разорванного на части:

Cernere erat ruptis compagibus ordine nullo,
Membra per incertos sparsa jacere situs.

[167] Lib. Pontif., c. iv. Этих нотариусов греки называли *ὀξύυράφοι* или *ταχυυράφοι*, то есть писателями от руки. Евсевий говорит, что они сообщали о вневременных речах Оригена (Eusebius. Hist. Eccles., vi, 36).

[168] Hic fecit sex vel septem subdiaconos, qui septem notariis imminerent ut *gesta martyrum* fideliter colligerent.-Lib. Pontif.

[169] Перистефанон - "О венцах [мучеников]".

[170] В XIII веке многие из этих историй были собраны в *Legenda Aurea* Жаком де Ворагином, архиепископом Генуи. После открытия книгопечатания пресса изобиловала этой легендарной литературой, "Цветами святых", "Деяниями мучеников" и т. д., украшенными многочисленными гравюрами, изображающими с ужасающей подробностью дантовские муки, о которых так любил излагать монашеский ум.

[171] Assatum est: versa et manduca.

[172]

-Latus ungula virgineum
Pulsat utrimque, et ad ossa secat,
Eulalia numerante notas.
Scriberis ecce! mihi Domine;
Quàm juvat hos apices legere.- Peristeph., Hymn ix.

[173] См. мученичество Поликарпа, Euseb., Hist. Eccles., iv. 15.

[174]

At sola mater hisce lamentis caret,
Soli sereno frons renidet gaudio.-Prudent., Peristeph.

[175]

Ego гонитель saucius
Pallet, rubescit, æstuat,
Insana torquens lumina.
Spumasque frendens egerit.-Ibid., Hymn ii.

[176]

Bitumen et mixtum pice
Imo implicabunt Tartaro.-Ibid.

[177] Отсюда и легенды, слово, которое впоследствии стало означать невероятное или вымышленное. На простой словесной ошибке основывается рассказ средневековых писателей о самом грозном оружии, называемом катом, от названия которого произошли глаголы catomare и catomizare, чтобы выразить его применение. В конце концов выяснилось, что catomus - это латинская форма греческого наречия κατ' ὤμων, означающего "на плечах". (Maitland, p. 167.)

[178] Hist. Eccles., v, 1.

[179] Multique avidius tum martyria gloriosis mortibus quærebant quam nunc episcopatus pravis ambitionibus appetunt.-Sulpio. Sever., Hist., lib. ii.

[180] Apol., c. 30.

[181] Gregory Nazianzen. Orat. de Laud. Basil. См. также поразительный язык Игнатия. (Euseb., Hist. Eccles., iii, 36.)

[182] Chrys. Hom. 74, de Martyr.

[183] Kip, p. 88 - из Maitland, p. 146. Иногда жажда мученичества перерастала в страсть или даже в эпидемию. Евсевий говорит (Hist. Eccles., viii, 6), что в Никомидии "мужчины и женщины с какой-то божественной и невыразимой готовностью бросались в огонь".

[184]

Inscripta Christo pagina immortalis est,
Excepit adstans angelus coram Deo.
Et quæ locutus martyr, et quæ pertulit:
Nec verbum solùm disserentis condidit,
Omnis notata est sanguinis dimensio,

Quæ vis doloris, quive segmenti modus:
Guttam cruoris ille nullam perdidit.-Peristeph.

[185] Язычники называли мучеников βιῳθάνατοι, или самоубийцами.

[186] Tertul., Apol., с. 50.

[187] Уже в середине II века Иустин Мученик говорит: "Нет ни одного народа, греческого или варварского, или какого-либо другого имени, даже из тех, которые бродят племенами или живут в палатках, среди которых не возносились бы молитвы и благодарения Отцу и Творцу вселенной во имя распятого Иисуса". В указе Максимиана говорится, что почти все люди отказались от поклонения богам и присоединились к христианской секте: Σχεδὸν ἅπαντας ἄνθρώπους, καταλειφθείσης τῆς τῶν θεῶν θρησκείας, τῷ ἔθνει τῶν Χριστιανῶν συμμεμιχότας. Euseb., Hist. Eccles., ix, 9. Лукиан Антиохийский говорит, что до последнего гонения большая часть мира, включая целые города, предалась истине - Pars pæne mundi jam major huic veritati adstipulatur; urbes integrae; etc.- Перевод Евсевия Руфином.

[188] Даже сангвиническое воображение Тертуллиана не может представить себе возможность такого события. "Sed et Cæsares credidissent super Christo", - восклицает он, - "si aut Cæsares non essent seculo necessario, aut si et Christiani potuissent esse Cæsares."-Apol., с. 21.

[189] Οἱ ἅ τινες ἡλίου βολή.-Euseb., Hist. Eccles., ii, 3.

[190] Ibid., ix, 1; x, 9.

[191] Там же, x, 4. Буквально: "Их больше нет, потому что их никогда не было". В своей красноречивой речи о ремонте Тирского собора Евсевий с замечательным изяществом и уместностью применяет обетования Писания о восстановлении изгнанных евреев из Вавилона и окончательном создании Церкви Божьей (Пс. lxxx; xcviii; Ис. lii; liv) к состоянию христианства в его дни. Приведенные выше цитаты даны почти его словами.

[192] Через несколько лет после смерти Константина император Юлиан обнаружил в этом знаменитом святилище Аполлона, в праздник бога, вместо тучных волов и толп поклонников, которых он ожидал, только одного гуся и бледного и одинокого священника в обветшавшем и опустевшем храме.-Gibbon, ii, 448, Am. ed.

[193] См. вдумчивое эссе на эту тему в книге Фруда "Краткие исследования по великим вопросам", первая серия.

[194] Сама церковь пережила много развращений до прихода Константина. Среди недавно обращенных из язычества возникла целая плеяда ересей. "Когда священный хор апостолов, - говорит Гегезипп (*apud* Euseb., iii, 32), - скончался, тогда обманом и заблуждением лжеучителей возникли комбинации нечестивых заблуждений". Расколы Маркиана и Новатиана, Валентина и Монтана рано разорвали христианскую общину. Исключительный экклезиазм Киприана, епископские замашки Виктора, светские амбиции и хитрость Павла Самосатского были предвестниками того духа, который впоследствии принес столь горькие плоды. Та гордость и роскошь начали вторгаться в простоту первобытных времен, которая, когда церковь грелась под солнцем императорской благосклонности, так сильно угасила ее духовную силу.

ГЛАВА III.

НЕИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ЗАБРОШЕННОСТЬ КАТАКОМБ.

Со времени Миланского эдикта, 313 г. н. э., в истории катакомб открывается новая эра. Христианство, выйдя из этих мрачных укрытий, где оно так долго скрывалось во тьме, смело шагнуло к свету дня. Она отбросила свое скромное одеяние, облачилась в атрибуты имперского государства и, к несчастью, променяла свою первобытную простоту на мирскую власть и великолепие. Но в этом и заключалась ее опасность. Тень этой власти оказывала пагубное влияние на церковь. Непозволительный союз небесной невесты с грешным миром породил коррупцию и религиозные заблуждения. Избалованная, когда она подчинялась политике Сезаров, она вскоре стала ее добровольным инструментом и запятнала свои белоснежные одежды соучастием в имперских пороках. В конце концов христианство стало "истиной, ставшей ложью", и люди, по выражению д'Обинье, оставив драгоценные ароматы веры, склонились перед пустым сосудом, в котором они находились.

Влияние Константина, похоже, было чревато скорее злом, чем добром для новой религии, которую он отстаивал. Похоже, что он принял христианское имя скорее из соображений целесообразности, чем по убеждению, и, запятанный родственной кровью жены, сына и племянника, не заслуживает титула святого, даруемого в пышном поклоне продажной церковью. Даже жрецы ложных богов, ужаснувшись его преступлений, восклицали: "Невозможно искупить подобные деяния". Он использовал как язычников, так и христиан, как ортодоксов, так и еретиков, в качестве орудия для достижения своих политических целей. Его целью, похоже, было скорее создание и укрепление иерархии церковных сторонников, чем помощь делу истины; он навязал организации греческой и латинской церковью тот монархический и светский характер, который они сохранили с тех пор.^[195]

Перенос резиденции империи с Тибра на Босфор позволил христианству развиваться в Риме, менее подавленному имперским влиянием, и, возможно, в менее развращенной форме, чем на Востоке. После эдикта о веротерпимости места поклонения, которые были закрыты или разрушены во время гонений, были открыты или восстановлены с величием, соперничающим с древними храмами. Но катакомбы по-прежнему сохраняли глубокий и патетический интерес, как колыбель веры, убежище церкви во время бури бедствий, усыпальница святых и мучеников. Поэтому над входами в древние кладбища или рядом с ними возводились многочисленные базилики или лаборатории в честь святых усопших.

После полного признания христианства необходимость в подземном погребении отпала, поэтому оно постепенно вышло из употребления и было вытеснено погребением в многочисленных базиликах или рядом с ними. Даже римских епископов теперь хоронили не в так называемом папском склепе, а в наземных церквях, и этому примеру вскоре последовали все. "Надписи с консульскими датами, - говорит доктор Норткот, - вероятно, дают нам достаточно точное представление об относительном соотношении двух способов захоронения. С 338 по 360 гг. н. э. два из трех захоронений, по-видимому, происходили в подземной части кладбищ, в то время как с 364 по 369 гг. н. э. пропорции были равны". В течение следующих двух лет почти не появлялись сообщения о наземных захоронениях, но после этого подземные склепы быстро пришли в упадок".^[196]

Примечательно, что в 370 и 371 годах н. э. произошло внезапное и всеобщее возвращение к подземным захоронениям. Это изменение очень хорошо объясняется современной историей катакомб. Этим древним усыпальницам уже был нанесен большой ущерб из-за распространившейся практики возведения базилик, более или менее роскошных, над

гробницами прославленных мучеников эпохи гонений.[197] Поскольку церковные власти не хотели тревожить их останки, стало принято выкапывать землю до уровня их могил. Поскольку они часто находились на нижних уровнях катакомб, сотни могил иногда уничтожались при этих раскопках и строительстве.[198] Дамасус, епископ Рима с 358 по 384 г. н. э., неутомимый в своих усилиях по защите и, по возможности, восстановлению Катакомб, старался предотвратить массовое разрушение этих священных склепов. Он исследовал многие галереи, которые, чтобы сохранить в неприкосновенности могилы мучеников, были завалены землей и камнями во время гонений. Он расчистил[199] и расширил проходы, ведущие к наиболее выдающимся гробницам, и построил широкие лестницы для размещения многочисленных паломников к этим святыням. Он облицовал многие камеры мраморными плитами, построил шахты для доступа света и воздуха и подкрепил разрушающиеся стены и галереи, где это было необходимо, опорами и арками из прочной каменной кладки. Он также составил многочисленные метрические надписи в честь мучеников, которые были выгравированы на мраморе в необычайно изящном стиле. Мало найдется катакомб, в которых не было бы следов его реставрации или украшений.

Благочестие или суеверие богатых людей, принявших христианство, заставляло их расширять подземные часовни и гробницы мучеников, украшать их дорогим мрамором, фресками, мозаикой, лепными украшениями и сводчатыми крышами. Современные гробницы и памятники также отличались невиданным ранее великолепием, а надписи приобрели пестрый и раздутый характер, далеко отличающийся от простоты первобытных веков. Архитектура и живопись также свидетельствуют о том, что с ростом богатства и роскоши наступил упадок и фатальное затмение искусства.

К периоду Дамаса относится описание Пруденцием святилища Ипполита, часть которого уже цитировалась.[200] "Эта маленькая часовня, - продолжает он, - в которой хранятся брошенные одежды его души, сияет чистым серебром. Богатые руки установили сверкающие скрижали, гладкие и яркие, как вогнутое зеркало; и, не довольствуясь облицовкой входа парийским мрамором, они выложили большие суммы денег на украшение работы". Именно в период трудов Дамаса возрожденный интерес к катакомбам так ярко проявился во внезапном возвращении к подземному способу захоронения, и многие гробницы и часовни получили свое самое тщательное украшение.[201]

Извращение природного инстинкта, прекрасного и достойного похвалы само по себе, стало корнем большого зла в последующие времена. Наши сердца непреодолимо тянутся к , где покоятся останки дорогих усопших в последнем долгом сне смерти. Хотя мы знаем, что там находится лишь дремлющий прах, мы любим размышлять над их могилами, и нам кажется, что там мы общаемся с их духами теснее, чем в других местах. Особенно первых христиан привлекали могилы их отцов в вере, многие из которых были и их отцами во плоти, чье святое терпение или славная мученическая смерть навсегда освятили их память. Естественно, что у них возникало желание украсить и облагородить их гробницы, а также в благочестивой преданности размышлять и молиться рядом с их почтенными останками. Эта невинная и даже похвальная практика постепенно, а возможно, и неизбежно, привела к злоупотреблениям. Восхищение верой, терпением и героическим духом мученика постепенно переросло в суеверное почитание его тела, крови, костей, пепла, одежды, посоха или любой личной реликвии. Иудаизм считал прикосновение к чему-либо, связанному с мертвыми, ритуальным загрязнением, но христианские идеи наделяли даже рассыпающийся прах мучеников особой святостью.

Первое ясное свидетельство этого чувства мы находим в случае с Игнатием, пострадавшим при Траяне в 107 году н.э. Возможно, опасаясь суеверного почитания его останков, он

молился, чтобы дикие звери превратили его в гробницу, чтобы от него ничего не осталось.[202] Его желание было исполнено лишь частично, так как "остались более крупные и твердые кости, которые были перенесены в Антиохию и сохранены как неоценимое сокровище, оставленное Церкви благодатью, которая была в мученике".[203] Евсевий говорит об обугленных останках Поликарпа как о "более драгоценных, чем самые богатые драгоценности, и более испытанных, чем золото".[204] Кровь мучеников считалась талисманом особой силы. Губку, пропитанную ею, иногда носили как священную реликвию, а их друзья или родственники, возможно, как сверхъестественный амулет. Пруденций описывает, как зрители мученической смерти святого Винсента окунали свои одежды в его кровь, чтобы сохранить ее как своего рода палладиум для последующих поколений:

Толпы спешат запачкать льняной жилет
кровью, добытой из вен мученика,
И таким образом священный оберег
Дома, чтобы защитить будущий род.[205]

В рассказе о смерти Ипполита он описывает сбор его изуродованных конечностей с такой подробностью, которая отвратительна даже для поэзии мартирологии.[206] С утонченной жестокостью галльские гонители бросали останки мучеников из Вьенны собакам и несколько дней охраняли их безжизненные тела, чтобы лишить христиан меланхоличного удовольствия совершить последние печальные обряды погребения оставшихся фрагментов.[207]

Первобытные христиане справедливо проводили различие между почитанием мучеников и поклонением, которое следует оказывать только Верховному Существу. "Мы поклоняемся Христу как Сыну Божьему, - говорит Смирнская церковь, - а мучеников мы заслуженно любим как учеников и подражателей нашего Господа".[208] "Мы не строим храмы нашим мученикам как богам, - говорит Августин, - но лишь поминаем их как умерших людей, чьи духи живут с Богом; мы не воздвигаем алтари и не приносим жертвы нашим мученикам, но единственному Богу, как их, так и нашему".[209] Но восторженные чувства народа в конце концов не смогли провести это правильное различие, и многие богословские писатели того времени, не предвидя катастрофических последствий, к которым приведет такая практика, увлеклись народным течением.

Одной из форм, которую приняло это почитание, были праздники в честь мучеников. "По благородной метафоре", - говорит Мильман,[210] , - "день их смерти считался днем их рождения в бессмертии".[211] Церковь Смирны праздновала годовщину страстей своего епископа-мученика "с радостью и весельем, как день его рождения".[212] Тертуллиан утверждает, что эта практика имеет авторитет апостольской традиции.[213] Сначала эти праздники проводились с религиозной торжественностью, сопровождалась празднованием евхаристии, часто в высеченных в скале камерах катакомб, где тонкая плитка отделяла умерших во Христе от благочестивых верующих, которые отмечали страсти их общего Господа. В эпоху гонений этот обряд имел глубокое и трогательное значение. Часто причастие к этому празднику было посвящением самого получателя на мученическую смерть. Но после умиротворения церкви он часто превращался в сцену излишеств и вульгарного веселья, больше похожую на языческие банкеты в честь мертвых, чем на христианскую торжественность. Более того, они открыто использовались благородной апелляции к низменным аппетитам, в противовес языческим праздникам, чтобы побудить бедняков посещать церковные праздники.[214] Эта деградация изначально достойной похвалы практики и усиление суеверия, к которому она привела, вызвали насмешки язычников и порицание более благочестивых и вдумчивых христиан. Философствующий

Юлиан отвращался от поклонения мощам, как от загрязнения. Другой языческий писатель противопоставляет почитание неясных имен мучеников, ненавистных богам и людям,^[215] утонченному и поэтическому *культу* Минервы и Юпитера.^[216] Вигилантий, испанский пресвитер, резко осуждает "поклонников пепла и идолопоклонников"; с другой стороны, Иероним превозносит святость этих реликвий, "вокруг которых, - говорит он, - постоянно витают души мучеников, чтобы услышать молитвы просящих". После тщетных попыток сдержать злоупотребления и эксцессы церковные власти были вынуждены в конце концов подавить эти праздники.

Почитание мощей мучеников имело два поразительных и противоположных последствия. Приведя в первую очередь к украшению их гробниц, оно в конечном итоге стало причиной их разрушения и запустения. Вследствие этого чувство стало предметом честолобивого желания разделить место упокоения тех, кто был так свят в жизни и так славен в смерти. Поэтому на задворках аркосолий часто выкапывали новые могилы, прорезая в прекрасных фресках, которыми они были украшены, и уродуя или уничтожая росписи.^[217] Кувуклии также были обезображены, их симметрия нарушена, а конструкция поставлена под угрозу в результате подобных неосмотрительных раскопок.

Многочисленные надписи сообщают нам, что многие люди получили эту привилегию при жизни, как, например, следующие примеры: IN CRYPTA NOBA RETRO SANCTOS EMERVM SE VIVAS BALERA ET SABINA (*sic*) - "В новой крипте за святыми: Валерия и Сабина купили его для себя, пока жили". ΕΝΘΑΔΕ ΠΑΥΛΕΙΝΑ ΚΕΙΤΑΙ ΜΑΚΑΡΩ ΕΝ ΧΩΡΩ - "Здесь лежит Паулина на месте блаженных". Другая надпись периода Дамаса рассказывает о том, что он был похоронен "в порогах святых, чего многие желают, но немногие получают".^[218] Иногда упоминается имя святого или мученика, как, например, в одной из надписей о покупке могилы "у гробницы Ипполита, над *аркосолием*"^[219], а в другой - у гробницы Корнелия.^[220] Также и гробница Цецилии была отделена от гробницы одного из первобытных епископов всего лишь дюймом скалы. Таким образом, неосмотрительная набожность тех, кто соблюдал эту практику, нанесла Катакомбам огромный ущерб. Многие паломники к могилам мучеников, получая, по их мнению, духовную пользу от близости к их священному праху, поселялись в маленьких кельях рядом с их могилами при жизни и разделяли их гробницы после смерти. В ответ на вопрос своего друга Паулина из Нолы, полезно ли для души, чтобы тело было похоронено рядом с ракой какого-нибудь святого,^[221] Августин написал специальный трактат^[222] в оправдание этой практики; хотя, как мученики помогают людям, по его признанию, это вопрос за пределами его понимания. Мы уже видели, что Иероним, современник Августина, придерживался очень сильного мнения по этому вопросу. Более согласуется с разумом и Писанием настроение, содержащееся в эпитафии архидиакона Сабинуса, недавно найденной в Сан-Лоренцо:

NIL IVVAT IMMO GRAVAT TVMVLIS HAERERE PIORVM
SANCTORVM MERITIS OPTIMA VITA PROPE EST
CORPORE NON OPVS EST ANIMA TENDAMVS AD ILLOS
QVAE BENE SALVA POTEST CORPORE ESSE SALVS.^[223]

Ничто не помогает, а скорее мешает держаться поближе к гробницам святых; хорошая жизнь - лучшее приближение к их заслугам. Не телом, а душой мы должны приближаться к ним; когда она спасена, это может служить доказательством спасения и тела.

Даже Дамасус, который, если бы мог, претендовал на погребение со святыми усопшими, побоялся потревожить их останки и был похоронен в гробнице *над* катакомбой Калликста. О подземном склепе он говорит:

HIC FATEOR DAMASVS VOLVI MEA CONDERE MEMBRA
SED TIMVI SANCTOS CINERES VEXARE PIORVM.

Здесь я, Дамас, признаюсь, желал положить свои конечности, но боялся потревожить святой прах святых.

Стремление к общению со святыми усопшими сохранялось на протяжении жизни последующих поколений. Толпы паломников по-прежнему посещали святыни мучеников и, по обычаю путешественников, оставляли следы своего пребывания в многочисленных граффити, написанных на стенах. Некоторые из них - имена классической формы, такие как Лев, Феликс, Maximus, Теофил; другие, написанные в менее доступных местах, имеют более позднюю дату и иностранный характер, испанский, британский или немецкий, как Ильдебранд, Этельред, Лупо, Бонизо, Иоаннес. Имена часто сопровождаются буквами *Pb.* или *Presb.*, указывающими на церковный сан писателя.

Многие из самых высоких сановников церкви и государства, папы и прелаты, принцы и дворяне, короли и королевы, и даже некоторые прославленные носители императорского пурпура, продолжали привозиться, часто издалека, в течение всего периода Средневековья, чтобы лечь в смерть как можно ближе к освященному праху первых мучеников и исповедников веры. Среди них были и запятнанные кровью, которые надеялись искупить свои преступления религиозной аскезой и попасть в рай благодаря заступничеству святых, рядом с останками которых лежали их кости. Несколько мелких королей англосаксонской гептархии, одни изгнанные своими подданными или соперниками, другие бежавшие с поста, читали молитвы и пересчитывали четки в склепах Катакомб и были похоронены в их окрестностях. Ниже перечислены некоторые из наиболее известных, взятые из списка аббата Гаума:[\[224\]](#) Папы Лев I, Григорий I, II и III, Лев XI; император Гонорий и Мария, его жена; Валентиниан и Отто II; Кедвалла, король вестготов; Конрад, король мерсийцев; Оффа и Ина, саксонские короли, с Эльдибургой, женой последнего; императрица Агнесса, королева Шарлотта Кипрская и графиня Матильда, которая так обогатила папский престол своими пожертвованиями. Они были похоронены не в катакомбах, а в возведенных над ними базиликах, которые считались причастными к их святости. Таким образом, как замечает святой Златоуст, ссылаясь на предание о гробницах святых Петра и Павла, короли откладывали свои короны у гробниц рыбака и палаточника.[\[225\]](#)

Во второй половине IV - начале V века управление катакомбами, по-видимому, уже не находилось в руках церковных властей, а было под контролем фоссоров,[\[226\]](#) с которыми друзья умершего заключали сделку о погребении. Встречаются многочисленные надписи, в которых фиксируется эта сделка, вместе с именами продавцов и покупателей, а иногда и свидетелей договора, и даже цена, которая была уплачена, как в следующих примерах: COSTAT NOS EMISSE IANVARIVM ET BRITIAM LOCVM ANTE DOMNA EMERITA A FOSSORIBVS BVRDONE ET MICINMO ET MVSCO RATIONE AVRI SOLIDVM VN SEMES (*sic*)- "Это бесспорно, что мы, Януарий и Брития, купили место перед [гробницей] леди Эмериты[\[227\]](#) у фоссоров Бурдо, Мицина и Мускуса за полтора солида золота" - (около 7 долларов.) EMPTVM LOCVM A BARTIMISTVM VISOMVM HOC EST ET PRETIVM DATVM A FOSSORE HILARO ID EST FOLN ... PRESENTIA SEVERI FOSS. ЭТ ЛАВРЕНТ - "Место, купленное Бартимистом, то есть бисом, и цена, уплаченная фоссору Иларусу, 1400 фоллов (около 5 65 долларов) в присутствии фоссоров Севера и Лаврентия". Вероятно, фоссоры также готовили и гравировали

погребальные плиты, что, по-видимому, подразумевается в следующем: LOCVM MARMARORI (sic) QVODRISOMVM - "Четырехместная гробница, [купленная] у каменотеса". [228]

На следующей иллюстрации из катакомбы Калликста изображен каменотес, стоящий в кубе, усыпанном могилами, и окруженный орудиями своего труда. На его плече лежит мотыга, которой он копал рыхлый туф, а в руке - лампа с шипом, которым она крепилась к скале во время работы. У его ног лежат компасы для разметки локулов, а над головой мы читаем простую эпитафию: "Диоген ископаемый, погребенный с миром восьмого числа до календ октября".

Рис. 23.- Диоген Фоссор.

На сопровождающей гравюре из Аринги изображен фоссор, активно занятый раскопками сводчатой галереи при свете лампы, подвешенной рядом с ним. Следы, оставленные мотыгами, как показано здесь, видны на стенах проходов так же отчетливо, как если бы фоссор только что прекратил свои труды.

Рис. 24. Фоссор за работой.

После кратковременного возвращения к подземным захоронениям во времена Дамаса эта практика быстро сошла на нет, и после 410 года н. э. едва ли можно найти хоть один достоверный пример. В тот роковой год взрыв готской трубы, поразивший слух полуночников[229] на улицах Рима, возвестил о его захвате войсками сурового Алариха. В условиях социальных и гражданских беспорядков, сопровождавших распад империи, не было ни времени, ни средств для украшения гробниц святых, и катакомбы пришли в неизбежное запустение и упадок. От этого года не осталось ни одной надписи на гробнице, что является ярким свидетельством царившей анархии и неразберихи, когда даже обычные почести не воздавались мертвым.

Подобно мощному потоку, сметающему и подавляющему искусство и цивилизацию Юга, пришло нашествие варварских орд Севера; однако, подобно потоку, оно оплодотворило и обогатило почву, оставив после себя зародыши будущих плодов. Покорив мир своим оружием и развратив его своими пороками, могучая ткань Римской империи потеряла внутреннюю силу и сплоченность и начала рассыпаться на части. Тайные причины ее распада долгое время действовали исподтишка, и наконец ее падение стало полным и окончательным. Трижды в течение трех лет (408, 409, 410 гг. н. э.) Рим осаждали войска Алариха, и, тщетно добиваясь передышки дорогим выкупом, он наконец был отдан на растерзание смелой, жадной и алчной дикости северян. Разграбление мира, накопленное за тысячу лет завоеваний, оставляло, однако, мало поводов для нарушения мест упокоения мертвых. Грубые солдаты с голодным злорадством смотрели на золото и серебро, драгоценные украшения и роскошные одеяния со всех сторон, но они не обращали внимания на произведения искусства, и многие порфиновые вазы и бесценные статуи были безжалостно искромсаны варварскими боевыми топорами. Тем не менее, завоеватель

уважал базилики апостолов и священные сосуды их святынь, заявляя, что он не воюет со святыми.[230]

Но последующие завоеватели были то менее щепетильны, то более алчны. Пять раз в течение пятого века и столько же в шестом Вечный город, "который был назван всемогущим", осаждали его непримиримые враги. Церкви были разграблены дощечками и другими сокровищами, и даже тусклые склепы катакомб отзывались звоном шагов вооруженных солдат, которые святотатственными руками лишали святыни дорогого убранства и разрывали могилы мертвых в поисках спрятанных сокровищ.[231] Каждое последующее нашествие, которому подвергался Рим, возобновляло эти сцены осквернения и грабежа. Гунны, готы, лангобарды, а позже норманны и сарацины были соперниками в разорении и разрушении.

В мирные периоды римские понтифики старались восстановить катакомбы и украсить святилища мучеников, которые по-прежнему оставались объектами благочестивого почитания. Во время нашествий варваров, как и во время языческих гонений, они служили убежищем. Бонифаций I, некоторое время скрывавшийся в катакомбе Фелицита, впоследствии тщательно ее украсил. Симмах и Вигилий также особенно усердно заботились о катакомбах. Последний восстановил многие из уничтоженных эпитафий Дамасина.[232] Мы также читаем о том, что папы шестого и двух последующих веков восстанавливали кладбища и устраивали праздники мучеников в их подземных святилищах. Скульптура и фрески этого периода, конечно же, демонстрируют развращенный вкус и некачественное исполнение того времени.

Теперь в дело вступил новый элемент разрушения. Это был массовый перенос тел святых из катакомб в городские церкви, чтобы спасти их от осквернения Астольфом и его святотатственными лангобардами. Эти благочестивые грабители разграбили и планомерно опустошили древние кладбища, унеся с собой мощи мучеников. После этого папа Стефан III опубликовал послание самого святого Петра, в котором нарушителям освященных гробниц грозило вечное проклятие. Однако этих духовных угроз оказалось недостаточно для защиты священных реликвий. Работа по переводу была возобновлена, и папа Павел I сообщает о перенесении в 761 году н. э. тел более ста "мучеников, исповедников и девственниц Христовых, с гимнами и духовными песнями, в город Рим". Он также жалуется на запустение, в котором оказались катакомбы. Их глубокие ниши были отданы совам и летучим мышам, а ближе ко входу укрылись бродячие лисы и шакалы. Там же кампанские пастухи часто сворачивали свои стада и "превращали священные места в конюшни и нары". Они также становились местом, где скрывались воры и должники, разбойники и бандиты, которые укрывались в их запутанных лабиринтах.

В четвертом веке мы наблюдали практику строительства церквей над гробницами мучеников. Естественное благоговение перед их останками вскоре перешло в суеверное почитание и веру в их чудодейственную силу. Этим суеверием были заражены даже такие проникательные умы, как Ориген, Хризостом и Амвросий.[233] Вскоре стало считаться, что для освящения церкви необходимо, чтобы она была освящена некоторыми святыми мощами. Их помещали не только на алтарь, но и в боковые стороны порталов, чтобы благочестивые люди целовали их при входе.[234] Приобретение этих мощей стало прибыльным ремеслом. Святой Августин жалуется на некоторых бродячих монахов, которые занимались продажей мощей мучеников, если они действительно были мучениками.[235] Вследствие такой практики Феодосийский закон 386 года н. э. запрещает снимать с тела погребенного, разрывать или продавать останки мученика.[236] Из-за большого количества поддельных реликвий четвертый Карфагенский собор в 401 году н. э. запретил использовать любые

реликвии, подлинность которых не может быть подтверждена.[237] Мартин Турский рассказывает, как он, вызвав призрак так называемого мученика, обнаружил, что почитаемые мощи принадлежат обычному вору.[238] Императрица Константина в конце шестого века написала Григорию Великому письмо о предоставлении главы святого Павла, чтобы освятить новую церковь. Он ответил, что не может разделить тела святых, и заявил, что опасность вторжения в их гробницы иногда даже смертельна.[239] Но благочестивое почитание сменилось более меркантильным духом, и торговля мощами превратилась в торговлю позором и бесчестьем. Не только тела так называемых мучеников разрывались на части, а их конечности продавались в разные и далекие места, но и святотатственным мошенничеством умножались мощи любимых святых, пока столько же разных городов не стали претендовать на обладание их единственными подлинными головами, руками или телами, как и на честь быть родиной Гомера.[240]

В народных представлениях эти реликвии были наделены самыми чудодейственными силами. От них исходил восхитительный аромат, который будоражил чувства. Лишенный плоти череп объявлял имя и мученическую смерть своего владельца. Кости святого Лаврентия переместились в могиле, чтобы освободить место для костей другого святого. Разжижение крови мученика до сих пор могут наблюдать верующие в годовщину смерти святого Януария в Неаполе.[241] Если верить многочисленным преданиям, эти чудотворные человеческие останки исцеляли больных,[242] воскрешали мертвых и, что еще сложнее, обращали еретиков в истинную веру. Кроме того, простое прикосновение к брэндее или платку с могилы мученика, опилкам его цепей или маслу из лампы перед его святыней приносило не только физическую, но и духовную пользу. Эти священные реликвии обладали талисманной силой, защищающей от зла. Их носили с собой в бой, чтобы отвратить несущуюся смерть и притупить острие меча. Их прикрепляли к башням, чтобы уберечься от удара молнии.[243] Их инкрустировали в короны и регалии королей,[244] носили в кольцах и амулетах как профилактику от яда или болезни, и они придавали ужасную святость клятве, принесенной на алтаре.[245]

Слабые исторические свидетельства того, что этим реликвиям воздается идолопоклонническое почтение, можно увидеть на примере так называемой "Святой Феодосии Амьенской". Ее эпитафия, найденная в катакомбе недалеко от Саларианского пути, гласит следующее:

AVRELIAE THEVDOSIAE
БЛАГОДЕТЕЛЬНАЯ И
INCOMPARABILI FEMINAE
AVRELIVS OPTATVS
CONIVGI INNOCENTISSIMAE
HAT - АМБИАНА.

Аврелий Опат своей невиннейшей жене Аврелии Феодосии, благосклоннейшей и несравненной женщине, по нации амбианке.

Конгрегация реликвий постановила, что Феодосия была и святой, и мученицей, и уроженкой Амьена. Ее останки были торжественно доставлены в этот город, и 12 октября 1833 года они были приняты с величайшим великолепием не менее чем двадцатью восемью прелатами в митрах и пятнадцатью сотнями других церковников, помещены в великолепную раку и почитались так, как в древние времена почитали богиню-покровительницу. Кардинал Виземан произнес проповедь по этому случаю и сравнил перенесение ее останков на родину с перенесением костей патриарха Иосифа из Египта в Ханаан; а епископ Салинис

одобрил почитание ее мощей , "потому что мученики после Иисуса Христа также являются *Христом*, открывающим небо для человечества".[246]

Такой практикой перевода мощей Рим разорвал цепь положительных доказательств и разрушил нежные и патетические ассоциации, связанные с останками святых усопших. Гробница мученика, находящаяся на своем прежнем месте и не потревоженная, представляет собой объект глубочайшего интереса; но если ее перенести в какую-нибудь отдаленную церковь или аббатство и заново украсить пышным декором или театральной отделкой, то его предполагаемые мощи вызывают лишь скептицизм или презрение. Действительно, в именах, которые даются этим мощам, так мало попыток правдоподобия, что писатель-романист, аббат Барбье де Монто, признается, что большая часть тел, найденных в катакомбах, не имеющих собственных имен, получила, когда они были выставлены на всеобщее почитание, имена по бессистемности, которые имеют лишь смутное или общее значение, как Феликс, Фортунат, Виктор.[247]

После этого отступления мы возвращаемся к средневековой истории катакомб. Усилия Стефана III., Адриана I. и Льва III. в восьмом и девятом веках, направленные на восстановление их древней чести и великолепия, были безуспешными. Гробницы святых постоянно покидались и разрушались. Перевод святых мощей возобновился с еще большей энергией. Папа Паскаль I. был самым ревностным проводником этой работы. Надпись в церкви святого Прасседа, которую он построил для их приема, сообщает о перенесении туда 2300 тел за один день, 20 июля 817 года. Сменявшие друг друга папы продолжали вывозить из катакомб грузы реликвий, чтобы повысить достоинство или святость церквей, которые они строили или восстанавливали, а также в качестве доказательства собственного благочестивого рвения. Вероятно, в этот период множество мощей было перенесено в Пантеон, с тех пор известный как Святая Мария ад Мартирес.

Святилище всех святых и храм всех богов
От Юпитера до Иисуса.[248]

Эти постоянные набеги на христианские кладбища привели к быстрому разрушению многих галерей и камер и к их окончательному запустению, как выработанная шахта - шахта, которая была источником больших богатств для церкви, чем сокровища из серебра или золота. С удалением мощей мучеников исчез главный мотив для защиты и украшения катакомб, и в сгущающейся тьме Средневековья они быстро исчезли из поля зрения человечества. В некоторых из них, расположенных в непосредственной близости от церкви или монастыря, все еще оставалась открытой подземная часовня, где время от времени совершалась месса в предполагаемую годовщину мученика, чье имя, зачастую ошибочно, связывали с ними; или же какой-нибудь ревностный и отважный паломник мог проникнуть в их туманные глубины. Но на некогда прекрасную Кампанью обрушилась беда. Опустошение, мор и смерть нависли над пустынной равниной. Под влиянием естественного обветшания, а также набегов сарацинов, норманнов и греков, которые один за другим вторгались в Италию и опустошали страну огнем и мечом, базилики и оратории византийской эпохи обветшали или были разрушены, а монастыри опустели; их обитатели в трусах и сандалиях, долгое время бывшие единственными хранителями катакомб, укрылись в городских стенах. Дожди тысячи осеней и морозы стольких же зим привели к разрушению *люминариев*, обвалу крыш и разорению галерей. Знания о прошлом терялись в сгущающемся мраке темных веков, так что в перечислении римских катакомб в XIV веке упоминаются только три, и те были связаны с какой-нибудь церковью. В пятнадцатом веке была известна только одна, Себастьяна.

Однако есть свидетельства того, что некоторые галереи были доступны и использовались в темных и зловещих целях, что соответствует их мрачному и безлюдному характеру. В период беззакония с XI по XV век, когда раздоры, гражданские войны и анархия опустошали страну, а классические мавзолеи превращались в вооруженные крепости, эти мрачные подвалы стали местом встречи повстанцев и заговорщиков, которые не боялись выдать свои кровавые тайны молчаливым спящим в своих узких камерах. В их мрачных недрах замышлялись те "измены, хитрости и добыча", которые опустошали землю. Нередко вооруженные отряды приверженцев враждебных домов - Монтегю и Капулетти того времени - встречались на этих подземных площадках для сражений, и воинственные кличи гвельфов и гибеллинов, Колонна и Орсини разносились по полым коридорам, нарушая тишину могил. Кровопролитие и жестокость часто оскверняли священные для религии места и прах святых усопших. Петрарка так описывает это нечестивое использование катакомб:

Они стали похожи на пещеры разбойников,
Чтоб только добрым вход был закрыт;
И среди алтарей и святых статуй
Замышляют все жестокие дела.[249]

В период "авилонского пленения", когда папский престол был перенесен с берегов Тибра на берега Роны, из-под защиты крепости Сант-Анджело на крепостные высоты Авиньона, упадок всего, что относилось к церкви в Италии, был стремительным. Город Рим, процветание которого полностью зависело от церковных празднеств, обеднел и почти опустел. Кампанья превратилась в пустыню, а входы в катакомбы были завалены мусором или заросли спутанными зарослями и гигантскими сорняками. Многие из этих входов были замурованы городскими властями, чтобы они не стали прибежищем грабителей, а также для безопасности жителей.

Во время короткой и бурной карьеры этого странного реформатора, Колонна ди Ренци (1347-1354), некоторые из потайных склепов упоминаются как места заговоров и контрзаговоров того беспокойного времени; подобно канализации и катакомбам Парижа во время революции и клоакам Рима во время запретов и гражданской войны, они стали местами убежища и укрытия. Накануне расправы над Риенци его призывали укрыться в этих древних святилищах гонимой церкви, но он, как и Нерон за тринадцать веков до этого, ответил, что не станет хоронить себя заживо.[250]

За исключением этих редких упоминаний в хрониках Средневековья о Катакомбах почти ничего не говорится, и со временем они стали практически неизвестны. Однако они не остались совсем без внимания. Кладбище Себастьяна никогда не было полностью забыто, оно всегда было открыто для паломников; и даже в самый мрачный период, похоже, находились те, кто, вдохновленный преданностью или любопытством, проникал в самые доступные склепы и оставлял на стенах надписи с датой своего посещения. Так, в одном месте мы находим запись о епископе Пизы и его спутниках, посетивших катакомбы в начале XIV века. Другое граффито с именами трех человек и датой 1321 г. н.э. гласит следующее: "Соберитесь, о христиане, в этих пещерах, чтобы читать священные книги, петь гимны в честь святых и мучеников, которые, умершие в Господе, похоронены здесь; петь псалмы за тех, кто сейчас умирает в вере. В этой тьме есть свет. В этих могилах звучит музыка".[251]

На одной из могил была найдена небольшая позолоченная серебряная корона с датой 1340 г. н. э. и пальмовый лист, выполненный из серебра. В другом склепе написаны шесть имен - немецких, в латинизированной форме, с крестом после каждого, а под ним - дата 1397 года.[252] Вероятно, это была компания немецких священников, совершавших

паломничество в Вечный город и к его святыням. В двух или трех кубулах катакомбы Калликста есть *граффити*, фиксирующие визиты некоторых францисканских монахов в пятнадцатом веке. Брат Лоренс из Сицилии, датированный 17 января 1451 года, сообщает, что вместе с двадцатью другими людьми он пришел посетить святое место.^[253] В 1467 году некоторые шотландские паломники,^[254] и два года спустя аббат Святого Себастьяна, с большой партией,^[255] оставили записи о своих визитах в эту катакомбу. Имена Помпонио Лето и других литераторов Римской академии также были найдены в нескольких склепах. Однако эти люди, хотя и были явными любителями античности,^[256] с энтузиазмом занимались лишь языческой ученостью и по праву заслужили упрек в том, что они скорее язычники, чем христиане. За исключением таких нечастых и мимолетных посещений, похоже, что эта бесценная сокровищница христианской археологии и наследие первобытной церкви до нашего времени были полностью забыты, пока не предстали перед глазами удивленного мира благодаря исследованиям XVI и последующих веков.

^[195] Зосима. Его исповедание христианства вызвало презрение отступника Юлиана.

Скотт сравнивает его с блудником, который лишает престарелую родительницу украшений ее молодости, чтобы украсить пышного жениха. Но Новый Рим разделил упадок материнского города, как привой, взятый со старого дерева, разделяет упадок родительского ствола. По мере того как угасали древние свободы, их место занимали роскошные, но унижительные деспотии Востока. Императоры принимали стиль и титулы богов. Раб или пастух, возведенный капризной фортуной на трон мира, в конце концов удостоился самого нелюдимого поклонения. Во времена принцессы Анны Комнины эта деградация, похоже, достигла своего апогея. "Твоя вечность" - таков был кощунственный эпитет эфемерной марионетки, на мгновение облачившейся в ливрею бесчестия. "Если я могу говорить и жить", - затаив дыхание, прошептал титулованный раб - Проспатар, или Аколит, - стоявший ближе всех к трону и заслонявший глаза руками, словно ошеломленный сиянием императорского лица. Грубые латинские крестоносцы быстро справились с этими высокими титулами и торжественным этикетом.

^[196] Roma Sotterranea, pp. 95, 96. При жизни Константина, похоже, были широко распространены подземные усыпальницы.

^[197] Они назывались *martyria* или *memoriæ*. См. Euseb., Vit. Const., iii, 48.

^[198] Последствия этой практики очевидны в *Сан-Аньезе фуори ле Мура*, возведенной над гробницей Девы-мученицы, и в Сан-Лоренцо, где галереи катакомбы Кириака были обнажены и частично разрушены.

^[199] При расширении катакомб с целью захоронения иногда было проще пробить новые галереи на более высоком уровне, используя земляной слой в старых галереях в качестве пола в новых. Иногда новые галереи прорезали прямо через *локулы* старых.

^[200] Chap. i, p. 11. К этому же периоду относится описание катакомб Иеронимом, процитированное на [странице 36](#). Иероним одно время исполнял обязанности секретаря Дамаса.

^[201] Святой Амвросий, примерно в это время, порицает строительство дорогих гробниц, как будто они должны быть вместилищем души, а не тела: "Frustra struunt homines pretiosa sepulchra, quasi ea animæ, nec solius corporis, receptacula essent.-De Bono Mortis.

Василий призывает людей готовить свои похороны делами благочестия, пока они живы. "Ибо какая нужда, - спрашивает он, - в пышном памятнике или дорогом погребении?" - Hom. in Divites.

[202] Ignat., Ep. ad Rom., § iv. Euseb., Hist. Eccles., iii, 36.

[203] Деяния о мученичестве, § xii.

[204] Hist. Eccles., iv, 15.

[205]

Plerique vestem lintheam
Stillante tingunt sanguine,
Tutamen ut sacrum suis
Domi reservent posteris.-Peristeph., v.

[206]

Hic humeros, truncasque manus et brachia, et ulnas,
Et genua, et crurum fragmina nuda legit.-Ibid., iv.

[207] Euseb., Hist. Eccles., v, 1.

[208] Ibid., iv, 15.

[209] Nos martyribus nostris non templa sicut diis, sed memorias sicut hominibus mortuis, quorum apud Deum vivant spiritus, fabricamus; nec ibi erigimus altaria, in quibus sacrificemus martyribus, sed uni Deo et martyrum et nostro.-De. Civ. Dei, xxii, 10.

[210] Hist. of Christianity, book iv, c. 2.

[211] Отсюда название Natalitia, Γενέθλια.

[212] Euseb., Hist. Eccles., iv, 15.

[213] De Coron. Mil., c. ii.

[214] Diesque festos, post eos, quos relinquebant, alienos in honorem sanctorum martyrum vel non simili sacrilegio, quamvis simili luxu celebrantur.-Augustin., Epis. xxix. См. также Boldetti, Osservazioni sopra i cimiteri dei SS. Martiri, p. 46.

[215] Diisque hominibusque odiosa nomina.-Aug., Epis., xvi.

[216] Ibid.

[217] См. [рис. 12](#) и [76](#).

[218] "Intra limina sanctorum, quod multi cupiunt et rari accipiunt."

[219] "At Ippolytu super arcosoliu," (sic.)

[220] "Ad Santum Cornelium". См. также эпитафию на [с. 132](#).

[221] "Apud sancti alicujus memoriam".

[222] De Curâ pro Mortuis Gerendâ, написано около 421 г. н. э.

[223] Bullettino, 1864, 33.

[224] Les Trois Romes, tom. iv, p. 39. Аринги приводит аналогичный список в своей главе "De imperatoribus ac regibus, qui apud Vaticanum sepulturæ traditi sunt.-Roma Subterranea, lib. ii, c. 9.

[225] Chrys., Quod Christus sit Deus. См. легенду, [p. 186](#).

[226] От fodere, fossum, копать.

[227] Святая Эмерита приняла мученическую смерть во время Валериановых гонений.

[228] Иероним резко осуждает торговлю местами упокоения мертвых - Quì sepulchra venditant, et non coguntur ut accipiant pretium, sed a nolentibus etiam extorquent.-Quæst. Heb. in Gen. xxiii.

[229] "Nocte Moab capta est, nocte cecidit murus ejus!" восклицает Иероним.-Ad Principiam.

[230] Gibbon, iii, 283. Am. Ed.

[231] Следующие строки папы Вигилия, 537 г. н. э., описывают это событие:

Dum peritura Getæ posuissent castra sub urbem,

Moverunt sanctis bella nefanda prius,

Totaque sacrilego verterunt corde sepulcra,

Martyribus quondam rite sacrata piis.

"В то время как готы расположили свой лагерь, которому вскоре предстояло погибнуть, перед городом, они сначала вели недозволенную войну против святых и со святотатственным умыслом разрушали целые гробницы, некогда торжественно освященные благочестивым мученикам".

В течение пятого и шестого веков кладбища открывались внутри стен, поскольку выходить за ворота было опасно.

[232]

DIRVTA VIGILIVS NAM POSTHAEC PAPA GEMISCENS

HOSTIBVS EXPVLSIS OMNE NOVAVIT OPVS.-Inscr. in Lateran.

"Папа Вигилий, оплакивая разрушенные памятники, возобновил всю работу после изгнания врага".

[233] Эти отцы цитировали такие места, как 2 Царств xiii, 21; Еккл. xlviii, 13, 14; xlix, 10-15; Деяния v, 15, и xix, 11, в доказательство действительности мощей.

[234] Поэтому во время совершения мессы священник целует алтарь и призывает к прощению "мощами святых, которые там находятся" - см. Миссал. Опат рассказывает об одной даме, которая перед причастием целовала мощи неизвестно какого мученика, если это был мученик.-Ante spiritualem cibum et potum, os nescio cujus martyris, si tamen martyris, libare dicebatur.-Oper., lib. i.

[235] Membra martyrum, si tamen martyrum, venditant.-Aug., de Oper. Monach.

[236] Humatum corpus nemo ad alium locum transferat; nemo martyrem distrahat, nemo mercetur.-Cod. Theod., De Sepulchris Violatis, leg. 7.

[237] Omnino nulla memoria martyrum probabiliter acceptetur nisi aut ibi corpus, aut aliquæ certe reliquæ sint.-Conc. Carth., v, Can. 14.

[238] Sulpitii Severi, Vita Martini, cap. viii. Юлиан отвращался от поклонения реликвиям, как от зловония костей мертвецов. Он сравнивал церкви с белыми гробами, полными гнили и всякой нечистоты.

[239] Greg. Max., Epis. iv.

[240] Во времена Реформации предполагаемые фрагменты истинного креста, как говорят, могли бы нагрузить большой корабль. Мощи святых развозили по стране из дома в дом разносчики, которые занимались их продажей, выплачивая процент церкви или аббатству, которому они принадлежали. D'Aubigné's Hist. Ref., i., с. 3.

[241] Однажды кровь отказалась разжижаться, что, по словам священников, было вызвано зловредным влиянием французов. Французский генерал передал, что если чудо не произойдет в течение часа, то его пушки разнесут церковь по ушам. Кровь немедленно разжижилась.

[242] Подтверждение под присягой свидетельствует о чудесном исцелении, вероятно, от истерии или ипохондрии, которое недавно совершила реликвия из катакомб в *Отеле Дье* в Монреале, Канада.

[243] Гвоздь истинного креста, говорит Григорий Турский, брошенный в Адриатику королевой Радегундой, сделал ее отныне одним из самых безопасных морей для плавания вместо одного из самых бурных - De Gloria Martyrum. Из другого Константин сделал удила для своего коня.

[244] Железную корону Ломбардии Римская конгрегация реликвий объявила священным талисманом, сделанным из гвоздя Распятия, хотя первое достоверное упоминание о ней относится к полуночи темных веков, 888 г. н.э. Со времен Карла V ни один государь не осмеливался носить эту священную корону, пока Наполеон, желая освятить свою узурпированную власть, собственной рукой не водрузил ее себе на голову в Милане в 1805 году со словами: "Бог дал мне ее; пусть бережется тот, кто ее коснется" - *Dieu me l'a donnée; gare à qui la touche*. Она была вывезена австрийцами из собора Монцы в 1859 году.

[245] На мраморных табличках в церкви святого Прасседа в Риме перечислены ее драгоценные сокровища, среди которых зуб святого Петра и зуб святого Павла, часть сорочки Девы Марии - *de camisia beatæ Mariæ Virginis*, часть пояса Христа - *de cingulo D. N. Jesu Christi*, часть жезла Моисея, часть земли, на которой молился Христос, также тростник и губка, три корешка тернового венца, часть полотенца, которым Он омыл ноги ученикам, часть пелен - *rannis*, в которые Он был завернут при рождении, и часть бесшовного одеяния - *de veste inconsutili*. Весь этот халат ранее выставлялся в Треве, где заблуждающиеся приверженцы этого христианского идолопоклонства взывали к его заступничеству с формулой: "Святой Плащ, молись за нас!" В 1854 году в официальном "Венском вестнике" было объявлено, что зуб святого Петра, подаренный Пием IX императору Австрии, будет в течение четырех дней выставлен для обозрения и поклонения верующих. До Реформации эти реликвии были еще более нелепыми и абсурдными, и были рассчитаны на то, чтобы

вызвать улыбку или насмешку в зависимости от того, кто преобладал в наблюдателе - юморист или циник. В церкви Всех Святых в Виттемберге, рассказывает д'Обинье, были выставлены фрагмент Ноева ковчега, немного копоти из печи Трех Еврейских Детей и девятнадцать тысяч других реликвий. В Шафхаузене было выставлено дыхание святого Иосифа, которое Никодим получил в своей перчатке. В Вюртемберге можно было увидеть перо, вырванное из крыла архангела Михаила. (Hist. Ref., i, с. 3.) Хейвуд в своей интермедии "Четыре П", один из которых был Пардонером, среди своих "реликвий" перечисляет "Всех святых", благословенную челюстную кость, большой палец Троицы и другие, в которых еще более странная смесь абсурда и богохульства. (См. "Расследование происхождения Реформации", написанное настоящим автором, в Evangel. Repos., London, Eng., Feb., 1865.) Августин говорит, что навозная куча, на которой сидел Иов, все еще посещалась в его дни! В соборе Святого Петра в Риме выставлена монета, которая, как говорят, является одной из тридцати золотых (?), за которые Иуда предал своего Учителя. По легенде, их изготовил Терах, отец Авраама, который был знаменитым ремесленником при царе Нимроде. Они были ценой поля Ефрона, а также монетами, на которые был куплен Иосиф и на которые его братья покупали кукурузу в Египте. Несмотря на анахронизм, Моисей, как говорят, дал их в качестве приданого царице Савской, которая преподнесла их Соломону. Навуходоносор, как утверждается, унес их, а волхвы принесли их обратно в жертву Христу. Наконец Мария бросила их в сокровищницу Храма, откуда священники отдали их Иуде за его вероломство. (См. Bingham, xiv, 4, § 18.)

Камень, на котором коронуют английских государей, - это, согласно почтенной традиции, камень, из которого была сложена подушка Иакова в Вефиле.

В соборе Генуи хранится чудесный кубок, известный в истории как Святой Грааль, который в давние времена был объектом стольких рыцарских походов, а в последнее время - предметом стольких величественных эпосов. Это был сосуд, изначально состоящий из одного изумруда (так гласит легенда), чудесная чаша, с помощью которой Иосиф прорицал - чаша, вложенная в горлышко мешка Вениамина. Это была также мистическая чаша мудрости Соломона и, наконец, чаша, из которой Христос причастился на Тайной вечере. Отсюда и ее название - San Greal, то есть *sanguis realis*, настоящая кровь. Иосиф из Аримафеи привез ее в Британию, но она таинственным образом исчезла из-за распушенности времен. Как она попала в Геную, точно не известно. Со времен Вольфрама фон Эшенбаха, миннезингера XIII века, и до Теннисона и Лоуэлла это было излюбленной темой поэзии. См. статью писателя о легенде в Harper's Weekly, 5 февраля 1870 г.

[246] Не далее как в 1870 году предполагаемые мощи недавно найденной святой Аврелианы, девственной мученицы третьего века, которая, как предполагается, была членом семьи римского императора Аврелиана, были перенесены с многочисленными религиозными церемониями из катакомб в Цинциннати, в Соединенных Штатах. В римско-католическом соборе в Буффало, штат Нью-Йорк, находится плита из Катакомб с надписью: DP - PEREGRINVS XII KAL - MARTIAS Q - VIXIT - M - - "Пereгринус, похороненный в двенадцатый день до календ марта, который прожил ... месяцев". Таким образом, он был младенцем, но его считают мучеником, а восковая фигура взрослого мужчины с зияющими ранами демонстрирует предполагаемый способ его смерти. У его ног находится то, что, как говорят, является флаконом с кровью мученика. В этой же церкви находится то, что описывается как "большой кусок настоящего креста, с которого стекала священная кровь Христа", и "частицы костей святых Петра и Павла и многих других святых мучеников".

Мейтланд цитирует рассказ Мабильона о почитании некоего святого Виара, основанном на обнаружении камня с буквами S - VIAR. Однако оказалось, что это фрагмент надписи

PRAEFECTVS - VIARVM - "Хранитель путей ". Для подобных предположений нет абсолютно никаких оснований. Во всей христианской эпитафике нет ни одной современной надписи, подлинность которой не вызывала бы сомнений и которая могла бы привести к идентификации останков, имени и даты первобытного мученика.

[247] Le plupart des corps saints trouvés dans les Catacombes manquant de noms propre, ont reçu lorsqu'on les a exposés à la vénération publique, des noms de circonstance, qui n'ont qu'une signification vague; comme Felix, Fortunatus, Victor.-Année Liturgique à Rome, p. 151.

[248] Чайльд Гарольд. Бонифаций IV, как говорят, ранее перенес сюда двадцать восемь телег с реликвиями из Катакомб. Таким образом, как мы читаем в варварских стихах на его эпитафии в крипте собора Святого Петра, он очистил святыню от всех демонов и посвятил ее всем святым:

"-Templa ...

Delubra cunctorum fuerant quæ demonorum (*sic*)

Hic expurgavit sanctis cunctisque dicavit."

[249]

Quasi spelunca di ladron son fatti,
Tal ch'à buon solamente uscio si chiude;
E tra le altari, e tra statue ignude,
Ogni impresa crudel par che si tratti.

Canzone xi.

[250] Это древнее использование катакомб не было забыто и в наши дни. Этот бесстрашный понтифик, Пий VII, вместо того чтобы уступить требованиям первого Наполеона, угрожал удалиться в эти мрачные подземелья, которые укрыли так много первобытных епископов.

[251] MacFarlane, p. 36.

[252] Ibid., 49, 50.

[253] "Fuit hic ad visitandum sanctum locum istum."

[254] "Quidem Scoti hic fuerunt."

[255] "Cum magnâ comitivâ."

[256] "Unanimes antiquitatis amatores."

ГЛАВА IV.

ПОВТОРНОЕ ОТКРЫТИЕ И ИССЛЕДОВАНИЕ КАТАКОМБ.

Похоже, что повторное открытие катакомб было провидчески отложено до периода, особенно подходящего для их выгодного изучения. В полноте времени, когда великая Реформация освобождала умы людей от пут суеверий, а давно выработанные верования и обычаи сравнивались с еще более древней первобытной верой и практикой, было открыто это чудесное свидетельство чистоты, простоты и благочестия ранней церкви. Эти христианские свидетельства, не имеющие аналогов, кроме как в самих Священных Писаниях, после того, как они были запечатаны в темные века невежества и суеверий,

появились на свет в период интеллектуального подъема и возрождения классической науки, которая стимулировала умы людей к изучению прошлого и спасению от забвения бесценных останков древности. Вновь изобретенный печатный станок и резец гравера сохранили записи о многом, что с тех пор исчезло; а римские археологи, искавшие в памятниках древности подтверждения папской доктрины и практики, вывели на свет опровержение их существования в первые века существования церкви. Отказ от этого свидетельства аннулировал бы все монументальные свидетельства, будь то священные или светские, касающиеся прошлого.

Повторное открытие этого подземного города произошло в 1578 году. Несколько рабочих, копавших *луццолану* в винограднике на Саларианском пути, неожиданно наткнулись на древнее кладбище[257] с его рисунками, надписями, саркофагами и могилами. Это событие произвело глубокую сенсацию в Риме. Город был поражен, говорит Бароний, который сам осматривал и описывал новооткрытые катакомбы, обнаружив под своими предместьями давно скрытые христианские колонии.[258] Эти древние святыни вновь стали излюбленными местами преданного почитания. Здесь, среди прочих, проводили ночи в молитвах святой Карл Борромео и святой Филипп Нери.

Самыми первыми систематическими исследователями катакомб были испанский священник Альфонсо Чакконио и два фламандских мирянина Филипп де Винге и Жан л'Эврё,[259]. Однако объемные рукописи и рисунки двух первых так и не были опубликованы и покоятся на огромных кладбищах литературы - в библиотеках Рима, Неаполя, Брюсселя и Парижа. Ценная рукопись l'Heureux, результат двадцатилетнего труда, хотя и была готова к публикации и даже разрешена к печати в 1605 году, оставалась ненапечатанной в течение двух с половиной веков, когда падре Гарруччи предоставил ее публике под соответствующим названием "Агиоглипта".[260] Столь длительный период между лицензированием и публикацией, вероятно, не имеет аналогов в истории литературы.

Антонио Бозио, уроженцу Мальты и адвокату по профессии, принадлежит честь первым открыть изумленному взору Европы чудеса этого огромного города мертвых. Его вполне можно назвать Колумбом этого подземного мира. Вдохновленный и поддерживаемый высоким энтузиазмом, он провел шесть и тридцать лет, пробираясь по мрачным коридорам, расшифровывая полустертые надписи и делая рисунки остатков раннехристианского искусства. Он настолько привык к этому троглодитическому существованию, что киммерийский мрак катакомб был более благодарен его глазам, чем дневной свет, который ослеплял и почти слепил его. Его труды были огромны, а зачастую и тяжелы, и опасны. Ему часто приходилось прокладывать проход своими руками через накопившийся за века мусор, и он постоянно подвергался опасности, в рвении исследователя, заблудиться в извилинах галерей, из которых ему несколько раз удавалось спастись. В своем великом труде он описывает себя мчащимся с затаенным дыханием, желание, которым он горел, добавляло крылья к его усталым ногам. Он снова пробирался змеиными лапами по низким и разрушающимся переходам, утешая себя мыслью о том, что эта скромность соответствует смиренному и благоговейному духу, в котором следует подходить к месту, освященному такими воспоминаниями. Но он был вознагражден за все свои труды открытием "картин, ярких, как краски вчерашнего дня, и символов, все еще острых и угловатых от первобытного гравировального инструмента".

Старший д'Израэль приводил Бозио в качестве яркого примера энтузиазма гения. "Взяв с собой питание отшельника на неделю, - замечает он, - этот новый Плиний часто спускался в недра земли при свете лампы, расчищая песок и руины, пока не открывалась какая-нибудь гробница или не становилась разборчивой какая-нибудь надпись, прослеживая застывшую

скульптуру и улавливая угасающую картину. Возвращаясь в первобытные века христианства среди местных впечатлений, историк христианских катакомб собирал памятники эпохи и расы, которые были скрыты под землей".[261]

Литературная деятельность этого исследователя-первопроходца была огромна. Он тщательно изучил всех латинских, греческих и восточных отцов; все церковные записи, каноны и постановления соборов; жития святых, деяния мучеников - в общем, все, что могло бы проиллюстрировать историю катакомб и ранней церкви. Результат этих трудов виден в громоздких многотысячных томах, написанных его собственной рукой, которые до сих пор хранятся в Ораторианской библиотеке в Риме. Ему не было позволено увидеть публикацию своего великого труда, в котором миру была открыта удивительная *terra incognita*, так долго скрытая под суетной жизнью Вечного города, но он умер во время написания последней главы. Однако это был слишком ценный вклад в христианскую археологию, чтобы оставаться неопубликованным, и он был передан миру под соответствующим названием "Подземный Рим",[262] в 1632 году, или через пять лет после смерти автора.

Эта книга содержит восхитительный топографический отчет о каждом кладбище, которое он исследовал, с упорядочиванием больших консульских дорог, ведущих из города. Попытка Бозио идентифицировать кладбища и основные гробницы и святыни, описанные в древних церковных записях, не всегда достаточно точна. Он довольно неkritичен и путается в своем расположении, хотя честен и, в вопросах личных наблюдений, точен. Его работа представляет собой большую ценность, поскольку в ней содержится информация о многих склепах и памятниках, а также копии многих картин, которые погибли в результате упадка или вандализма за последние двести лет или чье местоположение было забыто. Среди них - упомянутое ранее Еврейское кладбище, о котором не сохранилось никаких свидетельств, кроме описания Бозио. Его имя, написанное в свойственном ему смелом стиле, встречается во многих недавно открытых галереях Катакомб, что свидетельствует о том, что он ранее исследовал те части, которые теперь засыпаны землей.

Со времен Бозио многие предметы бесценной ценности были утрачены в результате беспорядочных и бессистемных раскопок частных и независимых исследователей. Они проводились не по системе просвещенных археологических исследований, а просто по капризу; слишком часто ими руководило суеверное рвение к идентификации и переводу мощей святых, или более подлый мотив торговли их останками, или грабеж золота и серебра, которыми все еще украшались некоторые из наиболее известных святынь. В ходе этих поисков было уничтожено или испорчено множество картин, скульптур и надписей, о которых не сохранилось никаких сведений. После 1688 года раскопки продолжались под понтификальным надзором, хотя часто ими пренебрегали из-за безразличия или нехватки средств.

В 1651 году падре Аринги, ученый священник-ораторианец, опубликовал латинский перевод великого труда Бозио [263], добавив к нему множество собственных важных открытий. Эта книга в значительной степени использовалась при подготовке этих страниц, разумеется, в сочетании с более поздними и более точными исследованиями.

Катакомбы теперь часто посещались путешественниками, которые оставили записи о своих впечатлениях в опубликованных работах. Среди них были два выдающихся англичанина, Джон Эвелин и епископ Бернет. Крепкий протестантизм последнего, отвергая необоснованные выводы, сделанные римскими археологами из этого свидетельства первобытных веков, перешел в несправедливый скептицизм в отношении характера этого свидетельства. Он не брезгает утверждать, что "те места погребения, которые украшены

помпезным названием Катакомбы, являются не чем иным, как упомянутыми Фестом Помпеем puticoli, где лежал самый низкий сорт римских рабов", и что они попали во владение христиан только в четвертом или пятом веке.[264] Более тщательное или более откровенное изучение этих ранних свидетельств христианства показало бы ему ошибочность этого утверждения, в котором ему последовал Миссон, французский протестант, и некоторые другие авторы.

В 1681 году Бертоли опубликовал интересную работу о погребальных лампах катакомб[265] с многочисленными иллюстрациями; но более ценным вкладом в литературу по этой теме стала коллекция христианских эпитафий [266] Рафаэля Фабретти, в течение многих лет хранителя этих священных склепов, который предотвратил массовое уничтожение надписей в результате их небрежного удаления. Ученый бенедиктинец Мабильон лично изучил свидетельства, обнаруженные в катакомбах, и написал трактат о почитании неизвестных святых.[267] Это привело к публикации под патронажем Климента XI. богословского и апологетического, а не научного, трактата о кладбищах святых мучеников и первых христиан Рима,[268] Марка Антонио Болдетти, преемника Фабретти на посту хранителя катакомб в течение тридцати лет. Но в его случае, как и в случае некоторых других римских археологов, теологическое рвение соседствовало с антикварным энтузиазмом, что иногда снижало или уничтожало ценность его исследований.

Обширная коллекция древних надписей Грутера,[269] , опубликованная в начале века, и особенно коллекция Муратори,[270] , были ценным вкладом в христианскую эпиграфику. Ученый иезуит Марангони подготовил материал для систематического труда по топографическому принципу Бозио, когда труд почти десятилетней давности был уничтожен пожаром. "Кажется, - пишет де Росси, описывая это событие, - что литературная история катакомб - это всего лишь Илиада катастроф и невозполнимых потерь".

Следующее выдающееся имя, которое мы встречаем в связи с этой темой, - Боттари, одинаково сведущий в мирских и священных древностях. Его большой труд о скульптуре и живописи катакомб[271] был издан в Ватикане под патронажем Климента XII. в 1737-1754 годах. Другие археологи, среди которых можно назвать Буонаротти, Мамачи,[272] Марини, Лупи, Заккариа,[273] Данцетта,[274] Оливьери, Борджиа и других, иллюстрировали эту тему в различных работах в течение восемнадцатого века. Создание Бенедиктом XIV Христианского музея в Ватикане значительно облегчило изучение этих древностей. Однако вкус к археологическим исследованиям, даже среди церковников, был в основном ограничен остатками языческой древности; и среди многочисленных музеев Рима только один был посвящен христианским памятникам первобытных веков, такие огромные сокровища которых лежали погребенными в земле.

В течение нынешнего столетия значительный вклад в литературу о катакомбах внесли д'Агинкур,[275] Рёстелл,[276] Рауль-Рошетт,[277] аббаты Гауме[278] и Гербе,[279] епископ Мюнтер,[280] кардинал Май,[281] и особенно падре Марчи[282] и Гарруччи.

Кардинал Виземан в своей прекрасной истории о Фабиоле[283] пытается реабилитировать первобытные века в одежде современного романизма. Он собирает вместе легенды и предания из самых разных периодов, часто основанные на очень скудных свидетельствах, которые наиболее благоприятны для притязаний ультрамонтанизма, и таким образом полностью уничтожает историческую ценность произведения, превращая его по сути, как и по форме, в простой роман.

Самым великолепным вкладом в литературу о катакомбах, по крайней мере, с точки зрения художественного совершенства и стоимости, является превосходный труд М. Перре,^[284] в шести огромных фолиантах, с примерно пятью сотнями цветных рисунков, две трети из которых никогда ранее не копировались, и таким же количеством *факсимильных* надписей. Он был подготовлен под руководством Французской академии надписей, и по решению Законодательного собрания Французской Республики 1851 года на его издание было выделено сто восемьдесят тысяч франков. При его создании не было пощажено ни одного расхода. В течение нескольких лет в проекте был задействован квалифицированный штат художников и архитекторов. Галереи и *кувуклия* представлены на тщательно проработанных чертежах, планах и разрезах, а многие фрески скопированы в натуральную величину. Однако в этих последних художники предусмотрительно постарались воспроизвести оригинальную силу, цвет и экспрессию, а не *делать факсимиле* выцветших и часто полустертых картин. Поэтому многие из картин имеют прерафаэлитскую красоту, что снижает их ценность как точного отображения искусства катакомб. Приходится сожалеть, что печать, сопровождающая эти листы, не более достойна общего великолепия этой великолепной работы. "Она собрана вместе", - говорит уже цитировавшийся писатель^[285], - "без дискриминации или критического исследования, и дает очень неточное представление о результатах, к которым пришло научное исследование, в отличие от простой церковной традиции". Мы редко осмеливаемся делать заявления на ее авторитете, если они не подтверждены более достоверными свидетельствами, но многие из ее точных рисунков подземной архитектуры повышают ценность этих страниц.

Однако все предыдущие исследователи остались далеко позади благодаря неоценимым трудам кавалера Де Росси, нынешнего *хранителя* катакомб и главы римской археологической комиссии. Его глубокие знания христианских древностей, неоспоримая откровенность и честность заявлений, терпение и находчивость в исследованиях, научный метод, точные наблюдения, и тщательные выводы ставят его далеко позади всех его предшественников в этой увлекательной, но трудной области исследований. Однако, хотя на его изложение фактов всегда можно положиться, его теоретические выводы иногда следует воспринимать с осторожностью, в силу той, казалось бы, неизбежной тенденции римско-католических писателей обнаруживать древние свидетельства в пользу своей современной веры и практики там, где их не может найти никто другой.

В настоящее время катакомбы находятся под юрисдикцией римского кардинала-викария, которому помогает комиссия по священной археологии, назначенная нынешним понтификом. Насколько позволяют ограниченные средства, которыми они располагают, они ревностно занимаются раскопками и исследованием этого подземного Рима, применяя систематический метод, который уже увенчался замечательным успехом и обещает самые счастливые результаты в будущем. По разрушающимся руинам, картинам, украшениям и надписям разных эпох де Росси восстанавливает его историю, часто с величайшей тщательностью и верностью. Его "*Roma Sotterranea*"^[286] содержит общую историю катакомб по принципу, принятому в этом томе, и конкретный анализ катакомб Калликста, воплощающий его самые важные открытия. Ученый автор также публикует полное собрание всех христианских надписей первых семи веков, найденных в окрестностях Рима. Первый том^[287] содержит все надписи с консульскими датами, которые бесценны как для определения хронологии катакомб, так и как свидетельства доктрины, показывающие ее постепенное разложение в более поздние времена. Де Росси также редактирует выходящий раз в два месяца журнал "*Bullettino di Archeologia Cristiana*", в котором сообщается о новых открытиях.

Доктору Мейтленду принадлежит честь быть первым английским писателем на эту тему, за исключением случайных упоминаний таких путешественников, как Ивлин и Бернет. Его восхитительный том "Церковь в катакомбах" представляет большой интерес, но, будучи написанным тридцать лет назад, он уже устарел, а недавние открытия Де Росси и других показали ошибочность некоторых выводов, особенно о происхождении катакомб. Его главы о религиозном искусстве и символизме имеют постоянную ценность, а теологическое значение этих христианских свидетельств обсуждается с большой откровенностью и умеренностью.

В 1852 году мистер Макфарлейн опубликовал небольшой том, в котором дал популярный рассказ о катакомбах, не делая, однако, никаких ссылок на их доктринальные учения. "Я, - говорит он, - тщательно избегал споров". В "Письмах из Рима" преподобного Дж. В. Бургона есть несколько ценных глав на эту тему. Преподобный Дж. Спенсер Норткот, доктор философии, римско-католический священник, опубликовал в 1857 году обширный "Отчет о местах погребения ранних христиан в Риме", составленный в основном на основе данных падре Марчи, чьи ярко выраженные романистские взгляды он полностью принял. Совместно с преподобным У. Р. Браунлоу, магистром философии, он опубликовал в 1869 году результаты трудов де Росси в сжатой форме, с уменьшенными копиями многих его табличек. С теми же оговорками, что и в случае с его предыдущим томом, это ценный вклад в литературу по данному предмету.[288] Совсем недавно преподобный У. Б. Марриотт, доктор философии, написал работу под названием "Свидетельства катакомб", состоящую из трех монографий, иллюстрирующих развитие *культы* Марии, постепенное вторжение папской власти, отраженное в христианском искусстве, и критический анализ знаменитой аутунской надписи.

В Америке преподобный Вм. Инграхам Кип, доктор философии, опубликовал в 1853 году небольшую книгу популярного характера, в которой приводится рассказ о катакомбах, в основном от Мейтланда, Макфарлейна и Аринги. Однако авторитеты, на которых она основана, с тех пор были заменены, а некоторые из взглядов, которых они придерживались, опровергнуты недавними открытиями.

Единственная оставшаяся работа, которую можно упомянуть в качестве иллюстрации к этой теме, - это замечательный том по христианской эпиграфике[289] преподобного Джона Маккоула, LL.D. Расширения, интерпретации и поправки ученого автора к часто эллиптическим, неясным и неграмматическим надписям катакомб и других раннехристианских кладбищ, а также реконструкция из нескольких искаженных фрагментов важных исторических свидетельств, кажутся непосвященным скорее гаданием, чем процессом рассуждения.[290]

[257] Катакомба Святой Присциллы.

[258] Ipsamet urbs obstupuit, cum abditas in suis suburbiis se novit habere civitatis Christianorum colonias.-Ann. Eccl., ann. 130. Примечательно, что в год их повторного открытия Онофрий Павиниус, монах-августинец, опубликовал отчет о христианских кладбищах, полностью основанный на древних документах церкви. В то время были доступны только три из них - Себастьяна, Лаврентия и Валентина.

[259] В переводе с греческого - Иоанн Макарий.

[260] Paris, 1856.

[261] Essay on the Literary Character. Eng. ed., p. 144.

[262] Roma Sotteranea, opera postuma di Antonio Bosio composta disposta ed accresciuta da Giovanni di Severano, Sacerdote della Congregazione dell'Oratorio. Roma, 1632.

Макфарлейн и Кип ошибаются в определении периода трудов Бозио, откладывая их примерно на тридцать лет.

[263] Roma Subterranea novissima post Ant. Bosium et Joan. Severanum. Romæ, 1651. Два тома, фолиант. Говорят, что в Америке есть только два экземпляра этой работы. Версия Аринги, написанная на латыни, более известна за пределами Италии, чем итальянские трактаты Бозио, Болдетти или Боттари.

[264] "Письма из Италии в 1685 и 1686 годах". Роттердам. Рр. 209.

[265] Li antichi lucerni sepolcrali figurante raccolte dale cave sotterranea e grotte di Roma. Roma, 1681.

[266] Inscriptionum antiquarum quæ in ædibus paternis asservantur etc. Romæ, 1702.

[267] De Cultu Sanctorum Ignotorum.

[268] Osservazioni sopra i cemeteri dei SS. Martiri ed antichi cristiani di Roma. Roma, 1720.

[269] Inscriptiones Antiquæ. Amstelodami, 1707.

[270] Novus Thesaurus Veterum Inscriptionum. Mediolani, 1739.

[271] Sculture e Pitture Sacre estratte dai Cimiteri di Roma. Roma.

[272] Ero "Originum et Antiquitatum Christianorum", Roma, 1749-51, особенно касается саркофагов из катакомб.

[273] Этот знаменитый иезуит подготовил работу "Об использовании древнехристианских надписей в теологии". См. Migne, Cursus Completus Theolog., vol. v, pp. 309, etc.

[274] Данцетта продолжил план Заккарии. Его работу, которую он назвал Theologia Lapidaria, оставив незавершенной, взял на себя Джеатано Марини, который провел много лет, собирая материалы, чтобы охватить первые десять веков. Его прервала Французская революция, и его тридцать один том, хранящийся в Ватикане, является незаконченным памятником его образованности и трудолюбию.

[275] В книге "История искусства по памятникам". 6 vols. fol. Paris. Д'Азенкур приехал в Рим, намереваясь провести шесть месяцев в изучении этого предмета, но его увлечение настолько захватило его, что заняло оставшиеся пятьдесят лет его жизни.

[276] В книге Бунзена "Beschreibung der Stadt Rom. Stuttgart, 1830.

[277] Mémoire sur les antiquités Chrétiennes des Catacombes. (Mém. de l'Acad. des Inscr., XIII.) См. также Tableau des Catacombes.

[278] In Les Trois Romes.

[279] Esquisse de Rome Chrétienne.

[280] Sinnbilder und Kunstvorstellungen der Alten Christen. Altona.

[281] Veterum Scriptorum Nova Collectio. Roma, 1831.

[282] Monumenti delle Arti Cristiane Primitive nella Metropoli del Cristianesimo. Roma, 1844. Политические неурядицы 1848 года помешали его завершению. Однако теологическое суждение этого автора во многих случаях исказило его суждения. "На каждой странице его работы, - пишет критик в "Эдинбургском обозрении" (январь 1859 г., изд. Ам. ссххi, р. 48), - преобладает над всеми другими соображениями неумное желание найти среди этих записей первобытной церкви доказательства в поддержку позднейшего римского вероучения".

[283] London, 1857.

[284] Les Catacombes de Rome, par Louis Perret. Шесть томов, фолианты. Париж, 1852-57. Эта книга стоит в Соединенных Штатах 600 долларов. Известно, что в Америке находятся только три экземпляра. Один из них - подарок покойного императора французов парламентской библиотеке Канады.

[285] Edinburgh Review, January, 1859, p. 48. Де Росси с нежностью отзывается об этом превосходном издании - *la grandiza edizione*, - которое, несмотря на свои недостатки - *Mal grado i suoi difetti* - является ценным вкладом в литературу катакомб.

[286] Roma Sotterranea Cristiana. Roma, 1864-67. Четыре тома, два с текстом и два с табличками, выполненными с большой точностью. Текст напечатан в Ватиканской типографии. На листах оттиск *Venezia*.

[287] Inscriptiones Christianæ Urbis Romæ Septimo Sæculo Antiquiores. Romæ. Один том. fol., 1857-61. Посвящена нынешнему папе, "другому Дамасу, который вывел на свет памятники мучеников... подавленные разрушением" - "Pio IX., Pont. Max. alteri Damaso, qui monumenta martyrum,... ruinis obstructa in lucem revocat". Обе эти работы, воплотившие в себе результат последних исследований, были отданы должное при подготовке этих страниц. Несколько иллюстраций взяты из тех же источников.

[288] Roma Sotterranea. Лондон, 1869. 8vo., pp. 414. Продается в Нью-Йорке примерно за 16 долларов 00 центов.

[289] "Христианские эпитафии первых шести веков", преподобный Джон МакКол, доктор права, президент Университетского колледжа в Торонто. Торонто и Лондон, 1869. Д-р Маккол ранее был хорошо известен археологическому миру благодаря своему научному труду "Бриттско-римские надписи", который вызвал одобрение самых высоких критических авторитетов в Европе. Составителю этих страниц очень помогли его ветеранская ученость и критический пересмотр текста.

[290] Среди небольших трактатов о катакомбах и отдельных статей в энциклопедиях и журналах высшей литературы можно упомянуть следующие, большинство из которых были использованы при подготовке этих страниц: Remusat, Musée Chrétien de Rome; Revue des Deux Mondes, Juin 15, 1863; Revue Chrétienne, Mai, 1864; Jehan, Dict. des Origin. du Christ., pp. 212, 89; Martigny, Dict. des Antiq. Chrét., p. 106; Bouix, Théologie des Catacombes, Arras, 1864; Piper, Mythologie und Symbolik der Christlichen Kunst, Weimar, pp. 184, 51, и Die Graben Schriften der Altenten Christen in Evang. Kallendar 1855, p. 27, 1827, p. 37; Edin. Rev., январь, 1859, и июль, 1864; Contemp. Rev., сентябрь, 1866, и май, 1872; Монументальное богословие профессора Беннета в Meth. Quar. Rev., январь и апрель, 1871; M'Clintock and Strong, Cyclopædia, in verbo. В "Истории священного искусства в Италии" К. Л. Хеманса, сына поэтессы, есть две интересные главы о катакомбах и ценные заметки о древнем искусстве, *passim*. В книге Сеймура "Утро с иезуитами" есть несколько интересных параграфов на эту

тему, а также в книге профессора Силлимана "Визит в Европу". Преподобный Вм. Артур, М.А., прочитал в Эксетер-Холле лекцию о катакомбах. В "Ручной книге Рима" Мюррея, изд. 1867 г., есть интересная информация на эту тему. В журнале Harper's Mag. за апрель 1865 года опубликована популярная статья профессора Грина, консула США в Риме. В Schaff's Ch. Hist., 1, § 93; Killen's Anc. Ch., pp. 348-351; Stanley's Eastern Churches, и Milman, *passim*, есть интересные ссылки на эту тему. В "Справочнике по археологии" Весткропа, Лондон, 1867 г., и в "Dict. Épig. Chrétienne, Paris, 1852, содержатся ценные материалы по эпиграфике катакомб. Иконография христианства Дидрона, Париж, 1841; История искусства лорда Линдсея, Лондон, 1847; История искусства Любке, Лондон, 1869; Священное искусство миссис Джеймсон, Христианское искусство и символизм Тирвитта и Прогулки по Риму Хэйра также внесли свой вклад.

ГЛАВА V.

ГЛАВНЫЕ КАТАКОМБЫ РИМА.

Прежде чем оставить этот раздел нашей темы, мы сделаем беглый обзор наиболее примечательных из той обширной системы христианских кладбищ, которая окружает город Рим. Будет удобнее рассмотреть их в топографическом порядке, начиная с тех, что находятся на Аппиевом пути, и огибая город к северо-западу, по большим дорогам, на границах которых в основном расположены катакомбы. Земля возле этих дорог испещрена погребальными раскопками, в которые, как говорят, есть шестьсот входов, разбросанных по Кампанье. Бозио обнаружил их почти в каждом винограднике у Саларианского пути. В некоторых из них крестьяне хранят свое вино, хотя страх не позволяет им отходить далеко от устья; а иногда виллы проваливаются внутрь из-за проседания почвы.

Различные группы склепов назывались по-разному в разные периоды или даже в один и тот же период, и порой трудно или невозможно разобраться в противоречивых свидетельствах и определить, к каким кладбищам относились древние названия. Оригинальные записи - мартирологи и *Liber Pontificalis*^[291] - иногда совершенно ненадежны, а само существование святых и мучеников, чьи жизни записаны, часто является крайне апокрифическим; и даже если их предания в основном верны, во многих случаях сомнительно, что они похоронены в катакомбах, которые носят их имена. Часто, однако, эти традиции подтверждаются надписями и другими монументальными свидетельствами, которые устанавливают несомненную идентичность катакомб, как в случае с катакомбой Калликста и другими, о которых мы еще расскажем.

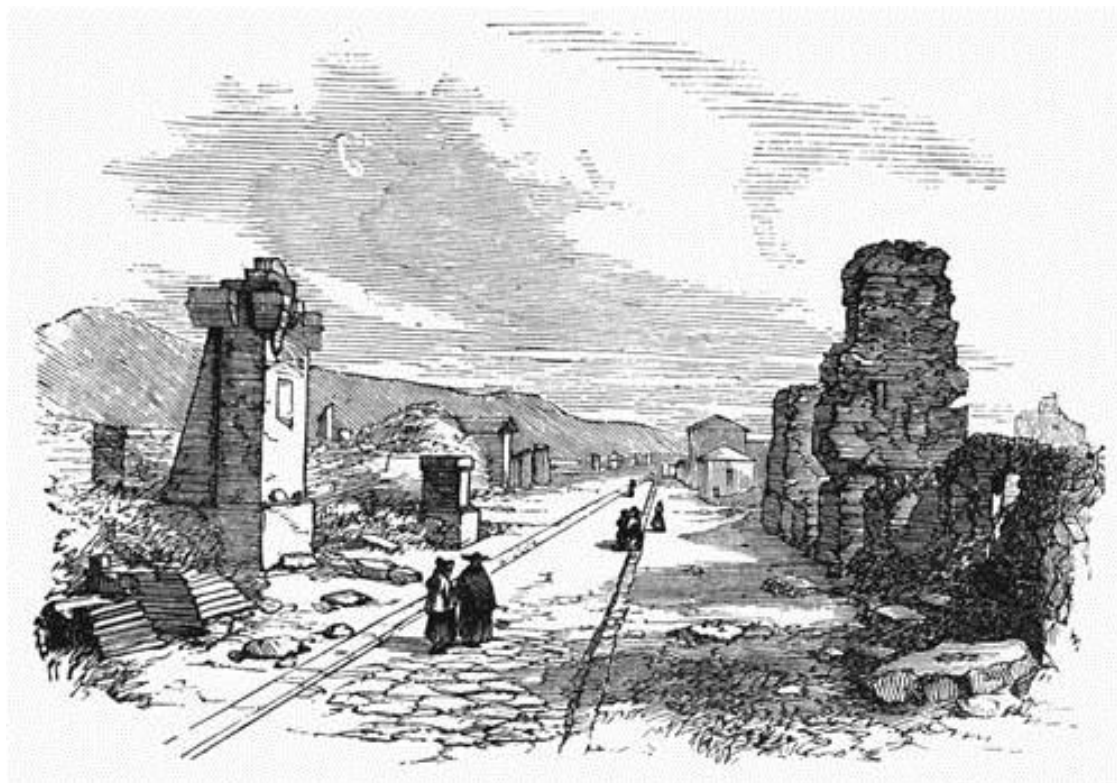

Рис. 25.- Гробницы на Аппиевом пути.

К юго-востоку от древней Porta Капена города Рима тянется знаменитый Аппиев путь, самая замечательная из тех огромных торговых артерий, по которым в самые отдаленные провинции стекались живительные потоки из великого сердца империи. По обеим сторонам этой "королевы дорог", [292], как ее гордо называли, выстроились величественные гробницы, в которых покоился прах могущественных мертвецов. [293] "История христианского Рима, - пишет падре Марчи, [294] - дает этой же дороге титулы славы несравненно более прочные, справедливые и неоспоримые. Мы вынуждены признать ее королевой христианских дорог по причине большего количества и протяженности ее кладбищ, а еще больше по причине большего количества и известности ее мучеников". При нынешнем понтифике эта историческая дорога была раскопана и открыта для проезда вплоть до Альбано; и теперь можно проехать по этой аллее гробниц по той самой дороге, по которой Гораций и Вергилий, Август и Мекен, Цицерон и Сенека, должно быть, часто въезжали в Рим. Но она представляет более глубокий интерес как дорога, по которой великий апостол язычников подошел к городу, "посол в узах", чтобы проповедовать Евангелие и в Риме и завершить свое свидетельство славной мученической смертью. По этой же дороге, согласно древней традиции, его тело было тайно перенесено ночью и помещено в соседние катакомбы; сюда же направлялось множество траурных процессий, несущих в эти скромные склепы останки первых римских епископов, мучеников и исповедников.

Древний Porta Сарена с капающим с него акведуком [295] исчез, а фонтан Эгерии, растоптанный скотом, больше не является прибежищем нимф и наяд. Пройдя через современные ворота Себастьяна и пересекая классическую Альмо, путешественник достигает на небольшом расстоянии маленькой церкви *Domine quo vadis*, с которой связана одна из самых красивых легенд мартирологии. [296]

Примерно в миле и трех четвертях от города он приходит к Винья Анимендола, на дверях, ведущих к которой, висит мраморная табличка с надписью *SCMETERVIV S. CALLIXTI*. Под

этим виноградником находится знаменитая катакомба Калликста, которую мы предлагаем описать несколько подробнее, поскольку это придаст больше определенности уже полученным общим представлениям и послужит типичным примером происхождения и истории катакомб в целом.

В 1849 году де Росси нашел в погребке этого виноградника разбитую мраморную плиту с изуродованной надписью ELIVS - MARTYR, а в начале - верхнюю часть букв RN. Он сразу же предположил, что это фрагмент надгробия Корнелия, римского епископа III века, чья гробница, вероятно, находится неподалеку. По его уговорам папа купил виноградник, и археологическая комиссия приступила к раскопкам. Они были вознаграждены некоторыми из самых замечательных открытий, которые были сделаны до сих пор.

Кладбище расположено между улицами Аппиа и Ардеатина, которые соединены узкими перекрестками. Де Росси составил карту основной его части, разделенной на пятнадцать прямолинейных и в целом прямоугольных участков. Размеры этих участков не дробные, а круглые числа - 100, 125, 150 и 250 футов, что не может быть результатом случайности и, вместе с другими свидетельствами, указывает на то, что они, как и подобные языческие усыпальницы, изначально представляли собой множество отдельных мест погребения. Когда они попали под церковный контроль Калликста, около 200 года н. э., они, вероятно, получили одно общее название, стали структурно едиными и использовались в качестве общественного кладбища церкви.

Первое из этих мест, которое мы попадаем в виноградник, известно как крипта Святой Люцины. Он выходит на Виа Аппиа на сто футов и расширяется *вглубь* на двести тридцать футов. Границы этой территории точно определены наличием небольшого языческого гипогея с каждой стороны, который христиане не осмелились разрушить. В центре, у дороги, находится массивный памятник, показанный на разрезе этого склепа, [рис. 14](#), который, по предположению Де Росси, был христианским мавзолеем,[\[297\]](#) цитируя Тертуллиана[\[298\]](#) в качестве свидетеля того, что у них были *monumenta et mausolea* в очень ранний период.[\[299\]](#) Это более вероятно, если учесть, что поместье принадлежало знатному римскому роду Цецилиев, с которым был связан Цицерон и многие гробницы которого были найдены поблизости. Этим, вероятно, объясняется его близость к величественному мавзолею Сесилии Метеллы. Имена многих Цецилиев и других знатных римских семей также встречаются на эпитафиях в этом склепе. Это была, несомненно, одна из самых древних областей Катакомб.

В этом районе в 1852 году в галерее необычной ширины у подножия гробницы, которой она, очевидно, принадлежала, была найдена оставшаяся часть эпитафии Корнелия.

Эта гробница обрамлена пилястрами, покрытыми прекрасной белой лепниной, и изуродованная надпись в известной манере Дамаса отмечает ее украшение этим понтификом. Многочисленные *граффити* свидетельствуют о том, что это была любимая святыня. Выцветшие фрески с изображением Корнелия, Киприана и двух других епископов, одетых в стелу, тонзуру и нимб, де Росси относит к IX веку. Рядом с гробницей находится короткая колонна из каменной кладки, покрытая лепниной, которая, вероятно, поддерживала алтарь или вазу с маслом, в которой в древности сжигали лампы перед святынями мучеников;[\[300\]](#) действительно, фрагменты такой вазы были найдены среди мусора гробницы. Среди реликвий, отправленных Григорием Великим королеве Теоделинде, согласно списку, до сих пор хранящемуся в соборе Монцы и написанному почерком этого папы, есть одна *ex oleo S. Cornelii*, которая, должно быть, прибыла из этого места.

Когда Лучина стала переполнена гробницами, в ста ярдах от нее была открыта еще одна такого же размера. В нем находится знаменитый "Папский склеп", гробница Святой Цецилии и другие памятники, представляющие наибольший интерес. Мы дадим несколько подробный отчет о строительстве и последовательных изменениях этого района, следуя искусному анализу Де Росси, который дал точные планы, разрезы и измерения всего комплекса. Он простирался, как показано пунктирными линиями на прилагаемом плане, на двести пятьдесят футов вдоль узкой поперечной дороги, обозначенной M N, и на сто футов *в агро*. Прежде всего, христианский владелец должен был закрепить это место для захоронений с помощью надлежащих юридических форм, которые, как мы видели, защищали места захоронения от вторжения или нарушения до времен позднейших гонений. Затем в местах A и B были проделаны отверстия в поверхности и построены лестницы, уходящие на глубину тридцати девяти футов. Эти лестницы были частично облицованы кирпичом, но в основном были вырублены в твердом туфе. Стены были покрыты тонкой штукатуркой, белой и прочной - свидетельство древности - и украшены полосами ярко-красного пигмента. Первоначальные ступени были покрыты мрамором, но впоследствии их восстановили каменной кладкой. Верхняя часть, обозначенная пунктиром, разрушена на глубину десяти футов, и есть свидетельства полной непроходимости прохода, несомненно, во времена гонений. Лестница B использовалась в качестве винного склада, ее загораживает стена и меньшая поперечная лестница.

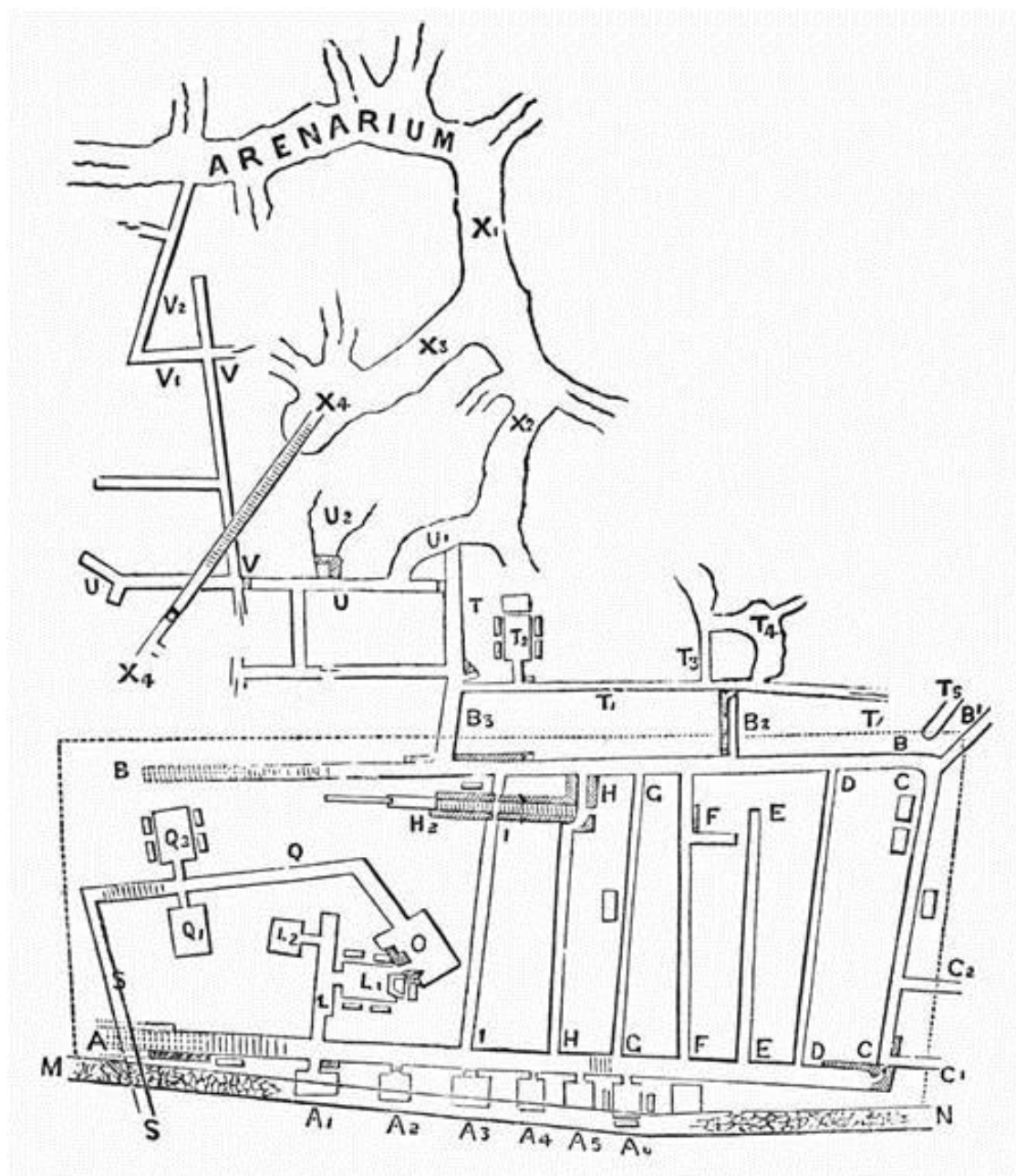

Рис. 26. Часть кладбища Калликста.

Сначала по бокам участка был вырыт амбулакрум или галерея, а затем построено несколько поперечных проходов, как D, E, F, G, H, I. Стены густо усеяны могилами, а в некоторых местах пол был опущен, чтобы дать место еще большему количеству *локулов*. В D, C фоссоры, обнаружив, что стена осыпается, вынуждены были укрепить ее каменной кладкой и не опускать пол галереи. Поэтому она не ровная, а местами имеет ступени, которые были выточены до наклонной плоскости. Растущий спрос на могилы привел к образованию *кубул* A₁- A₆, а также других в глубине территории. Многие из них украшены фресками, а A₃ известна как *Capella dei Sacramenti*, или Часовня Таинств, из-за так называемых литургических росписей. В A₄ пол из цветного мрамора симметричного дизайна, а в A₆ находится большая *гробница*, облицованная мрамором и обрамленная мраморными пилястрами. Железные прутья, поддерживавшие стол-гробницу, еще можно увидеть. В этих галереях много греческих и латинских надписей, а на некоторых плитках, закрывающих *локулы*, стоит печать императоров М. Аврелия и Коммода, что позволяет определить дату этого района. Некоторые проходы полностью вымощены такой плиткой. Также встречаются многочисленные ниши

для светильников. В месте F был вырыт колодец, в котором до сих пор есть вода. Он оборудован отверстиями для ног, чтобы человек мог спуститься в него, чтобы вычистить. Это характерно и для других колодцев в катакомбах.

Постоянно растущая потребность в могилах вынудила фоссоров попытаться построить галереи на более низком уровне. Соответственно, мы видим лестницу H, H₂, состоящую из тридцати четырех ступеней, ведущую вниз из галереи H. Однако скала, через которую спускается эта лестница, уже не является твердым *tufa granolare* верхнего уровня, а представляет собой очень рыхлый слой *пуццолана*, что привело к необходимости защитить стены кирпичной кладкой. Обнаружив, что этот пласт залегает на большой глубине, они прорыли горизонтальный проход и еще одну узкую экспериментальную расщелину в поисках более твердой породы, но вскоре отказались от этой попытки, не найдя ни одной подходящей для погребения могилы. Те немногие могилы, которые они обнаружили, быть построенными из кирпича; в одной из них был найден маленький терракотовый саркофаг, содержащий тело младенца. Это показывает полную непригодность *пуццолановых* пластов, в которых раскопаны *аренарии*, для строительства катакомб. Мы видели, что около 200 г. н. э. Калликст стал хранителем этого кладбища, которое, по-видимому, стало местом погребения епископов Рима, а не криптами Ватикана, как раньше. Согласно *Liber Pontificalis*, из восемнадцати епископов от Зефирина до Сильвестра, то есть с 197 по 314 год н. э., не менее тринадцати были похоронены на этом кладбище. Этот Калликст изначально был рабом, а затем был возведен в высшее церковное достоинство, включая сам епископат - доказательство превосходства церкви над всеми социальными различиями. Согласно Ипполиту, несомненному автору недавно обнаруженной "Философской книги", он достиг этого сана бесчестным путем, обманом и хитростью. В свое время он был сослан императором на рудники Сардинии за растрату вверенных его попечению денег, а по возвращении впал в ересь, граничащую с пантеизмом, или, по крайней мере, был обвинен в этом преступлении. Но хотя характер Калликста свидетельствует о зарождающемся развращении римской церкви уже в начале третьего века, это не должно предостерегать нас от кладбища, названного его именем. Сам он погребен в другом месте,^[301] а святые исповедники и мученики, дремавшие здесь, навсегда освятили это место своим освященным прахом.

К середине третьего века, как мы уже видели, даже сами кладбища не были защищены от посягательств тиранов-гонителей. Когда защита закона была снята, общественные лестницы A и B, [рис. 26](#), были заблокированы и частично разрушены, в соседнем *аренарии* были открыты новые проходы B₂ и B₃ для входа и выхода христиан, а с крыши последнего на открытый воздух была построена очень узкая и крутая потайная лестница X₄, требующая лестницы, которую можно было убрать, чтобы пресечь преследование, или помощи друзей для входа или выхода.^[302] Здесь мы имеем впечатляющий пример того, каким опасностям подвергались гонимые христиане, когда их жестокие языческие враги охотились в этих мрачных склепах. Следует отметить разницу между прямыми и узкими галереями катакомб и широкими и несимметричными извилинами *аренария*. С соседними помещениями также образовывались переходы в S, C₁, C₂ и B₁, иногда проходящие прямо через *loculi* и *cubicula*. Теперь наблюдалась предельная экономия пространства, каждый свободный фут стены был занят; надписи стали более грубыми, указывая на бедность и угнетение; а лепные или мраморные украшения сменились грубой резьбой по туфу в виде карнизов, колонн и капителей. Некоторые из кубул сделаны больших размеров, как будто для поклонения, иногда шести или восьмиугольные, и иногда с апсидальными углублениями.

В ужасный период гонений Диоклетиана, когда кладбища были конфискованы языческим правительством, христиане, чтобы предотвратить осквернение священных гробниц, особенно епископов, засыпали главные галереи землей с огромными затратами и трудом. Многие из этого до сих пор загромаждает проходы и является главным препятствием для их исследования. После прекращения гонений некоторые из этих галерей, ведущих к главным криптам, были расчищены с помощью цилиндрических шахт, сделанных для этой цели; иногда новые галереи были вырыты в туфе над старыми, пол которых был сформирован из уплотненной земли в прежней галерее. Там, где эта земля была удалена, высота двух галерей местами достигает двадцати футов, они заполнены могилами до самого верха, причем верхняя часть намного уже нижней. Препятствия на лестницах А и В также были удалены, а ступени обновлены.

Мы видели, что Дамасус был неутомим в восстановлении катакомб. Поэтому можно было ожидать, что эта важная область будет свидетельствовать о его трудах. Таким свидетельством является широкая лестница из тонкой каменной кладки, не показанная на [рис. 26](#), сделанная для удобства толп паломников, которые стекались к этим священным святыням, "Папскому склепу" и гробнице Святой Цецилии. Эта лестница была обнаружена де Росси в 1854 году, полностью заваленная огромной массой земли и мусора, как и камеры, в которые она вела. Ее устранение потребовало больших затрат и труда. Вестибюль L, в который мы входим первым, построен полностью из каменной кладки и освещен большим *светильником*. Его оштукатуренные стены покрыты *граффити* - свидетельство того, что мы приближаемся к месту, особо почитаемому древней церковью.[\[303\]](#)

Эти случайные записи поколений паломников, посещавших гробницы первобытных епископов, мучеников и исповедников, во многих случаях оказываются очень важными и, по словам де Росси, "верными отголосками истории и безошибочными проводниками по этим подземным лабиринтам". Но иногда, как мы увидим далее, они также свидетельствуют о разложении доктрины и зарождающейся вере в человеческое посредничество между человеком и Богом.

Войдя в это знаменитое святилище (L₁ на плане), мы с некоторым разочарованием обнаружили, что вместо того, чтобы быть настоящей реликвией третьего или четвертого века, большая часть кладки насчитывает всего несколько лет. Когда в 1854 году в него был сделан вход, что можно было сделать только через *люминарий*, он был обнаружен в разрушенном состоянии, заваленный землей, битым кирпичом и всяким мусором. Когда все это было удалено, свод просел, и его пришлось почти полностью перестраивать и облицовывать каменной кладкой. Сама камера сравнительно невелика - всего одиннадцать на четырнадцать футов. Она имеет бочкообразную крышу и освещается большим *светильником*. Мостовая выложена из мрамора и покрывает могилы, сделанные под ней. С каждой стороны находятся восемь больших *локул*, в нижнем ряду которых есть места для саркофагов. Стены раньше были облицованы мрамором и имели полуовальные мраморные колонны, основания которых сохранились до сих пор. В конце, противоположном входу, находится большая *гробница*, перед которой возвышается на две ступени помост. На этом помосте находятся четыре гнезда для установки оснований стольких же коротких колонн, которые поддерживали мраморный стол, выступающий из стены, как нельзя более похожий на современный римский алтарь. Все это было окружено низким парапетом из мраморных решеток, фрагменты которых были извлечены из *завалов*, которыми было завалено место.

В этой маленькой камере были похоронены не менее одиннадцати римских епископов третьего века, а также другие в непосредственной близости от нее, когда гонения или другие причины не позволили им быть погребенными в ее священной оболочке. Как мы уже

видели,[304] де Росси обнаружил в мусоре этой камеры то, что он считает оригинальными эпитафиями пяти из этих епископов, и предположительные доказательства присутствия других. Святой Сикст, действительно, часто упоминается в *граффити* как тот, кому здесь оказывалось особое почтение, и де Росси нашел в этом склепе фрагменты его эпитафии, которые мы уже приводили ранее.[305] Следующая дамаская надпись была обнаружена де Росси среди обломков этой камеры в ста двадцати фрагментах, и с большим мастерством и образованностью реконструирована и восстановлена на стене.

HIC CONGESTA IACET QVAERIS SI TVRBA PIORVM
CORPORA SANCTORVM RETINENT VENERANDA SEPVLCHRA
SVBLIMES ANIMAS RAPVIT SIBI REGIA CAELI
HIC COMITES XYSTI PORTANT QVI EX HOSTE TROPAEA
HIC NVMERVS PROCERVVM SERVAT QVI ALTARIA CHRISTI
HIC POSITVS LONGA VIXIT QVI IN PACE SACERDOS
HIC CONFESSORES SANCTI QVOS GRAECIA MISIT
HIC IVVENES PVERIQVE SENES CASTIQVE NEPOTES
QVIS MAGE VIRGINEVM PLACVIT RETINERE PVDOREM
HIC FATEOR DAMASVS VOLVI MEA CONDERE MEMBRA
SED CINERES TIMVI SANCTOS VEXARE PIORVM.

"Здесь, если хотите знать, лежит целая толпа святых.

В этих почтенных усыпальницах покоятся тела святых,

Их благородные души Небесный дворец принял к себе.

Здесь лежат спутники Ксиса, уносящие трофеи от врага;

Здесь ряд старейшин, охраняющих алтари Христа;

Здесь похоронен священник, который долго жил в мире;

Здесь святые исповедники, которых прислала нам Греция;

Здесь лежат юноши и мальчики, старики и их целомудренные отпрыски,

Которые предпочли, как лучшая часть, сохранить свое девственное целомудрие.

Здесь я, Дамасус, признаюсь, хотел бы положить свои конечности,

Но я боялся потревожить святой прах святых".[306]

Древняя летопись утверждает, что в этой части катакомб похоронены восемьдесят или, по одним данным, восемьсот мучеников, а в углу этой самой крипты находится яма удивительной глубины, вероятно, полиандрия, в которую "была навалена целая толпа" жертв гонений.

Помимо этих реставраций Дамаса, есть свидетельства последовательных украшений этой знаменитой святыни вплоть до эпохи Льва III, в конце восьмого века. Изменения были настолько велики, что де Росси признается, что невозможно сказать, каким был первоначальный характер палаты.

К "Папскому склепу" примыкает склеп Святой Цецилии (О, [рис. 26](#)), в который мы попадаем из первого через узкий дверной проем в скале. Это одна из самых больших *кубышек* в Катакомбах, площадью почти двадцать футов, залитая светом большого *люмината*. Камера, которая, судя по всему, была значительно увеличена по сравнению с первоначальными размерами, когда-то была облицована мрамором и мозаикой, как и стороны дверного проема и арка над ним. Кроме того, она часто украшалась росписями, что свидетельствует о ее особой святости. Среди них - большая голова Господа, византийского типа, с греческим нимбом, в полукруглой нише, и фигура святого Урбана в полный рост в понтификальных одеждах, с надписью его имени. Обе эти картины, по мнению де Росси, относятся к десятому или одиннадцатому веку. Другая картина, вероятно, седьмого века, изображающая богато одетую римскую даму с украшенными драгоценностями браслетами и ожерельем, предположительно представляет Святую Цецилию. Считается, что в большом углублении в стене рядом с "Папским склепом" хранился ее саркофаг. Де Росси и его английские редакторы, похоже, в основном принимают римскую легенду об этой прославленной мученице. Протестантские читатели, однако, возьмут на себя смелость отвергнуть чудесную часть истории как выдумку пятого века, когда легенда впервые появилась.

Святая Цецилия, дева и мученица, согласно ее апокрифическим Деяниям, была девой благородного звания - *ingenua, nobilis, clarissima*. Она пела так сладко, что ангелы спускались послушать ее голос; ей же приписывают изобретение органа, который, таким образом, является ее атрибутом в искусстве. Она была обручена с Валерианом, язычником из патрицианского рода, но дала обет быть супругой только Христа. В день свадьбы она призналась Валериану в своей клятве и заверила его, что ее всегда охраняет ангел Божий, который отомстит за ее нарушение. Он обещал уважать ее обет, если сможет увидеть ее небесного гостя. Она сказала ему, что его глаза должны быть сначала просветлены верой и очищены духовной ефремой крещением, и отправила его к святому Урбану, скрывавшемуся тогда в катакомбе Калликста, который наставлял и крестил его. Вернувшись, он застал Цецилию молящейся, рядом с ней был ангел, который увенчал ее бессмертными цветами - лилиями чистоты и розами мученичества. Вошел его брат Тибуртий и, пораженный небесным благоуханием, так как сейчас было не время цветов, тоже обратился и крестился. Отказавшись жертвоприношение языческим богам, братья оба получили мученический венец.[\[307\]](#)

Самой Цецилии было уготовано более славное свидетельство. По приказу римского префекта она была заключена в кальдарий, или банную камеру, в своем собственном дворце, которая была раскалена до удушья. Через целый день и ночь ее нашли невредимой. На ее челе не было ни капли пота, конечности не сковывала усталость. Ликтор был послан отрубить ей голову. Трижды топор обрушивался на ее нежную шею, но, поскольку закон запрещал наносить более трех ударов, ее оставили в живых, хотя она была вся в крови. Три дня она пролежала, свидетельствуя о Божьей благодати и обращая многих к вере, а затем, раздав свое имущество бедным и отдав свой дом под церковь, сладко уснула. Ее тело положили в кипарисовый гроб - очень необычный для катакомб, сомнительно, чтобы хоть один пример был обнаружен, - и похоронили на кладбище Калликста, "рядом с часовней пап".

Но чудеса не прекратились с ее смертью. При переводе мучеников из катакомб Паскалем I. в 817 году останки Цецилии были упущены. Святая явилась папе в видении и указала место ее погребения.^[308] Он отыскал это место и обнаружил ее тело таким же свежим и совершенным, как и в гробнице за пять веков до этого! Он поместил его в мраморный саркофаг под главным алтарем церкви Святой Цецилии, которую он перестроил на месте ее дворца.

В 1599 году, или почти восемь веков спустя, кардинал Сфондрати, восстанавливая церковь, обнаружил этот древний саркофаг. Он был открыт в присутствии заслуживающих доверия свидетелей, и там, как гласят церковные записи того времени, облаченная в золотую ткань, с льняными одеждами, пропитанными кровью у ног, помимо остатков шелковых драпировок, лежала нетленная и девственная форма святой Цецилии в том самом положении, в котором она умерла.^[309]

Трудно сказать, какова доля правды в этой легенде; но, как и во многих других римских преданиях, большая примесь вымысла сводит на нет претензии целого. Однако ее сладкий и нежный мистицизм выводит ее из области фактов в область поэзии и почти обезоруживает враждебную критику.^[310] Чрезмерное восхваление девственности указывает на сравнительно позднее происхождение. В праздник Святой Цецилии, 22 ноября, ее гробница украшается цветами и освещается лампадами, а в ее подземной часовне совершается месса богато одетым священником - странный контраст с примитивным богослужением, с которым была знакома только она. В саркофаге, обнаруженном рядом с ее гробницей, были найдены останки, как предполагается, ее мужа Валериана и его брата Тибуртия, которые, очевидно, были обезглавлены, а также префекта Максима, который был обращен в христианство их мученической смертью и сам был забит до смерти *отвесами*. Череп последнего был найден проломленным, как будто таким оружием, а его обильные волосы матово блестели от крови!

Другие определенные участки этой катакомбы были признаны и определены их очертания. Отец Марчи утверждает, что это "колоссальный регион Roma Sotterranea, а все остальные - лишь небольшие или средние провинции".^[311] Примерно в ста ярдах от "Папского склепа" находится гробница другого прославленного мученика и епископа, святого Евсевия; *граффити* на стенах, лестнице и украшениях свидетельствуют о том, с каким почтением к ней относились. Проводя здесь раскопки в 1856 году, де Росси нашел важную эпитафию Евсевия, которая была приведена ранее.^[312]

С ним тесно связаны прилегающие кладбища святого Сотериса, девственного мученика из той же семьи, из которой происходил Амвросий, и святой Бальбины, обширное, в несколько *пиастров*, и необычайно грандиозное. Пока они исследованы лишь частично, но обещают богатейшие результаты при дальнейшем изучении. В Святой Бальбине много двойных и даже четверных *кубикул*, а также самая большая и регулярная группа подземных камер, которые еще не были обнаружены, и все они освещены одной большой шестиугольной шахтой. Очевидно, они были вырыты для поклонения, а не для погребения. Катакомбы были расширены и украшены Марком, епископом Рима, в 330 г. н. э., который был похоронен в базилике, возведенной над этими гробницами.

Поначалу все эти участки были отдельными владениями, и так же тщательно ограничены в своих пределах, как и наземные здания. Однако когда гонители вторглись в усыпальницы христиан, уже не защищенные законом, различные участки были соединены огромным и запутанным лабиринтом поперечных ходов, чтобы облегчить бегство и обеспечить дополнительное место для захоронения. Поскольку области, даже если они были смежными, часто находились на разных уровнях, фоссоры проявляли немалую изобретательность,

чтобы соединить различные галереи; хотя часто для этого им приходилось прорываться через *loculi* и *cubicula*. Таким образом, участок, который мы так подробно описали, находится на пять футов ниже, чем соседний с одной стороны, что позволяет нам определить его точную границу.

Теперь мы проведем более быстрый обзор других главных катакомб Рима.

Почти напротив кладбища Калликста, на Аппиевом пути, находится кладбище Пртекстатуса. Один из входов, расположенный в вигне Молилари, представлен на [рис. 2](#). Изношенная лестница, истоптанная ногами благочестивых поколений, ведет в подземные галереи значительной протяженности. Она известна как место мученической смерти святого Сикста и его дьяконов в 259 году н. э., а также как место погребения двух из них, Фелицита и Агапета, памятные эпитафии которых были найдены. Их гробница, случайно обнаруженная рабочими в 1857 году, представляет собой уникальный пример большого квадратного склепа, не вырубленного в скале, а построенного из прочной каменной кладки и ранее облицованного мрамором. Это объясняется древней записью о том, что христианская матрона Мармения построила их гробницу прямо под своим домом. Здесь же была найдена дамасская эпитафия Януария, пострадавшего при Аврелии в 162 году н.э. На этом кладбище также находится тот набор камер, с шестиугольной квартирой, известной как часовня с двумя залами, представленная в разрезе и перспективе [на рис. 10 и 11](#).

Особый интерес к катакомбам Святого Себастьяна вызывает тот факт, что они являются единственными, о которых сохранилось хоть какое-то представление во тьме Средневековья. В тот смутный период она была известна во всех древних документах как *Cœmeterium ad catacumbas*, что и дало общее название этой обширной системе подземных усыпальниц. Находясь под владениями монахов-августинцев, она пользовалась религиозной защитой в самые грубые века и была открыта для случайных паломников к святым местам Вечного города. Именно его чаще всего посещают современные путешественники, ведь сюда можно попасть без специального разрешения, которое необходимо получить для исследования других катакомб. Она расположена на Аппиевой дороге, примерно в двух милях от Себастианских ворот. Над входом в катакомбы была возведена величественная базилика, как говорят, во времена Константина. Часть первоначального здания, которая еще сохранилась, как утверждается, еще более древняя, датируемая первым веком. За исключением этого возможного исключения, в настоящее время сохранилось лишь несколько следов древней постройки, а нынешнее здание было возведено в 1611 году кардиналом Сципионом Боргезе. Церковь очень богата картинами, скульптурами и реликвиями, среди которых - предполагаемая голова Калликста, рука Андрея и тело Себастьяна, отпечатки ног Спасителя в камне с Аппиевой дороги и то самое кресло, на котором Святой Стефан принял мученический венец и которое было окроплено его кровью!

Эта катакомба получила свое название от имени христианского мученика Себастьяна, пострадавшего во время гонений Диоклетиана. История его мученичества очень красива, но, как и в большинстве подобных легенд, ее историческая ценность сводится на нет чудесными эпизодами его истории. Согласно "Деяниям святого Себастьяна", этот молодой и галантный офицер был уроженцем Нарбонны в Галлии и занимал высокий пост командира преторианской гвардии Диоклетиана и Максимиана. Его доступ к императорам позволил ему предложить гонимым христианам мощную защиту, которую он не преминул предоставить. Двое его соратников, Марк и Марцеллин, уже собирались отречься от своего вероисповедания, когда Себастьян увещевал их к стойкости с такой горячностью, что они были готовы принять мученическую смерть и обратить в свою веру судей и всех присутствующих. За свою верность христианской вере он был пронзен стрелами и оставлен

умирать. Однако он выздоровел либо благодаря благочестивой заботе христианской матроны Ирины, либо благодаря особой милости Богородицы. Не успокоившись, он предстал перед императором, порицая его за гонения на христиан и предрекая свою смерть. Он был немедленно схвачен по приказу тирана и забит до смерти дубинками на ипподроме дворца, 286 г. н.э. Его тело с позором бросили в Клоаку Максима, или главную канализацию Рима, чтобы лишить его христианского погребения. Но место, где оно лежало, было открыто во сне, его останки были спасены из отвратительной и неосвященной могилы и благочестиво погребены в Катакомбе, носящей его имя.

Оскорбления, которым он подвергся, были с лихвой компенсированы почестями, оказанными его мощам. Над его гробницей горит огнями и драгоценностями главный алтарь церкви, а мраморное изображение святого, пронзенного стрелами, напоминает о его мученической смерти. Гений Берини, Гвидо и Караччи прославили его память в живописи без смерти и в "оживших бюстах".[\[313\]](#)

С церковью связано неправильное полуподземное здание, в котором, по преданию, некоторое время покоились тела святых Петра и Павла. Согласно легенде, после мученической смерти этих "князей апостолов" восточные христиане послали за их освященными останками как за принадлежащими им по праву соотечественников. Их тела были доставлены так далеко от их первоначальных усыпальниц, когда сильная буря помешала совершить святотатственный акт, и римские христиане вновь поместили священные мощи в эту камеру, где они оставались, по одним данным, год и семь месяцев, а по другим - сорок лет.[\[314\]](#)

Нынешняя постройка датируется, вероятно, временем Либерия, серединой четвертого века. Неумомимый Дамасус сделал мраморное покрытие - *fecit platoniam - u*, похоже, сослался на легенду в следующей, довольно неклассической метрической надписи:

HIC HABITASSE PRIVS SANCTOS COGNOSCERE DEBES
NOMINA QVISQVE PETRI PARITER PAVLIQVE REQVIRIS
DISCIPVLOS ORIENS MISIT QVOD SPONTE FATEMVR
SANGVINIS OB MERITVM CHRISTVMQVE PER ASTRA SEQVVTI
AETHERIOS PETIERE SINVS ET REGNA PIORVM
ROMA SVOS POTIVS MERVIT DEFENDERE CIVES
HAEC DAMASVS VESTRAS REFERAT NOVA SIDERA LAVDES.

"Здесь, вы должны знать, когда-то обитали святые. Если вы спросите их имена, то ими были Петр и Павел. Восток посылал учеников, как мы охотно признаем. Сами святые, по заслугам пролитой ими крови, следовали за Христом до самых звезд, искали небесного дома и царства блаженных. Рим же получил возможность защищать своих граждан. Да будет позволено Дамасу записать эти факты для вашей похвалы, о новые звезды небесного воинства".

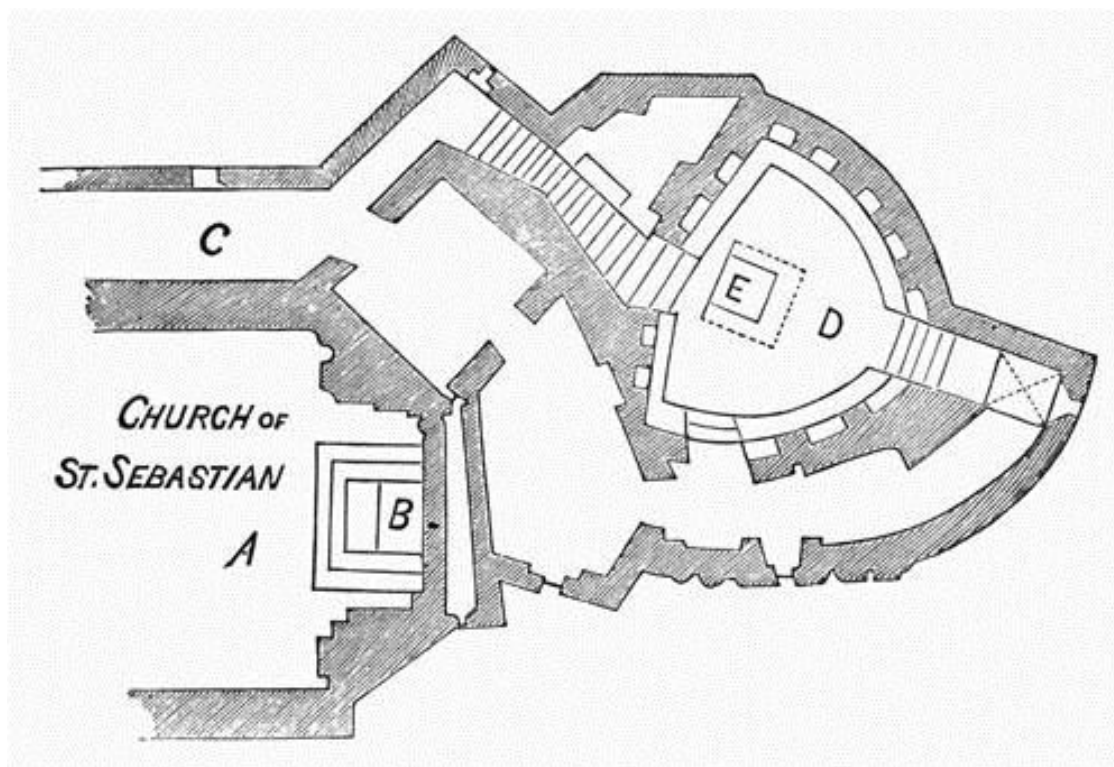

Рис. 27. План крипты святых Петра и Павла.

На рис. 27 и 28 показаны план и перспектива крипты. D - камера, E - подземный свод. Вокруг стены расположены двенадцать *аркосолий*, перед которыми проходит низкое каменное сиденье. В центре - отверстие в полу, переходящее в сводчатую и украшенную фресками мраморную гробницу площадью около шести футов и такой же глубины. Здесь, согласно преданию, два великих апостола лежали бок о бок при смерти, и за этим местом на протяжении многих веков закрепилось название Катакумба.

Дверь из левого нефа церкви ведет в собственно катакомбы. Она была так долго открыта, что была лишена всех интересных объектов, а почти все памятники и надписи были вывезены в музеи города. Несмотря на значительную площадь, он не так велик, как некоторые другие. До того как в 1854 году де Росси исследовал катакомбы Калликста, его путали с этим кладбищем, но он доказал, что это мнение ошибочно.

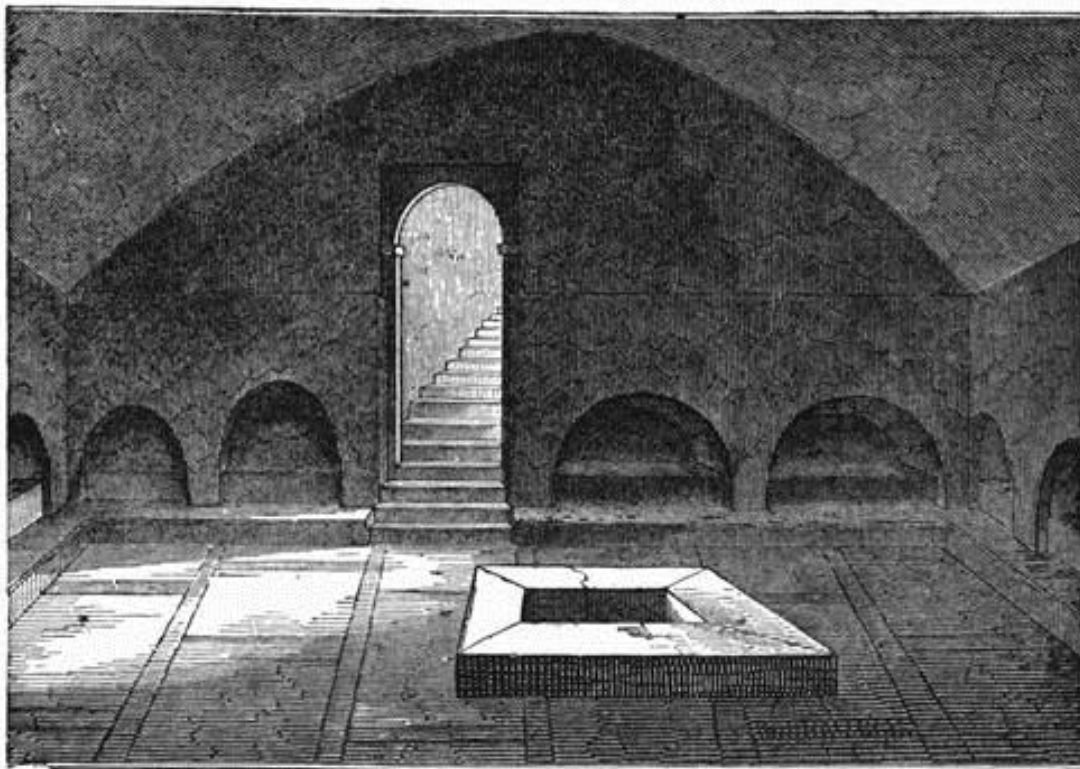

Рис. 28. Склеп святых Петра и Павла.

Почти напротив церкви Святого Себастьяна находится еврейская катакомба, обнаруженная в 1859 году в Винья Ранданини и уже частично описанная. Главный вход представляет собой открытую камеру, первоначально сводчатую, с полом из черно-белой мозаики и стенами из каменной кладки. Особенностью этого кладбища является количество глубоких могил в полу, способных вместить несколько тел, а также множество саркофагов, некоторые из которых украшены тонкой резьбой и позолотой. На стенах и гробницах часто встречается семистворчатый подсвечник. Эта катакомба часто подвергалась разграблению, а галереи усеяны мраморными фрагментами ее памятников. Большинство надписей было выкопано из этих *обломков* и прикреплено к соседним стенам. У другого входа, на Аппиевом пути, возвышаются каменные сиденья, предназначенные, как полагают, для отдыха носильщиков мертвых.

Недалеко от этого кладбища, выходящего на Виа Ардеатина, находится кладбище, которое, по заключению де Росси, по очень веским основаниям принадлежит Домитилле, внучатой племяннице императора Домициана, об изгнании и вероятной мученической смерти которой за христианскую веру мы уже говорили. Вход представляет собой элегантное сооружение из тонкой кирпичной кладки с карнизом из терракоты, построенное на склоне возвышенности и расположенное недалеко от дороги. С входом связаны внешние камеры, в одной из которых находится колодец, предназначенный, как предполагается, для хранителя катакомб и проведения религиозных служб, связанных с погребением умерших и годовщинами мучеников. Просторный вестибюль внутри содержит углубления, некогда занятые несколькими большими саркофагами, фрагменты которых сохранились до сих пор. Вся крыша и стены покрыты самыми изысканными арабесками и изящными пейзажами, а также библейскими картинами, выполненными в стиле лучшего классического периода. Очевидно, что это памятник богатой и знатной семьи.

С этой катакомбой связана гробница Нерее и Ахилла, камергеров Домитиллы, принявших мученическую смерть во II веке. Широкая и красивая лестница ведет к предполагаемым гробницам мучеников на нижнем уровне катакомб. Чтобы облегчить паломникам посещение этих святынь, галереи были расширены и облицованы каменной кладкой, вероятно, Иоанном I, 523 г. н.э. Здесь есть два главных *пiani*, в нижнем из которых находится большая камера, вымощенная мрамором и освещенная *светильником* необычного размера, достигающим поверхности земли. Большая часть надписей - греческие или латинские, выполненные греческими буквами, что позволяет отнести датировку этой катакомбы к тому периоду, когда греческий язык еще считался своего рода священным и официальным языком церкви.

На Виа Лабикана находится несколько интересных катакомб. В полутора милях от города находится катакомба Петра и Марцеллина, первого священника и второго экзорциста времен Диоклетиана, которые, как говорят, похоронены здесь вместе с другими мучениками. Вход в катакомбы ведет из церкви, построенной на руинах древнего сооружения, которое традиционно называют мавзолеем Елены.

Эта традиция дала название интересной катакомбе Елены, обнаруженной в 1838 году в Винья-дель-Гранде, примерно в четверти мили дальше по Виа Лабикана. Очевидно, что она была построена уже после того, как церковь была замирена. Мраморная лестница, мозаичные мостовые и элегантные лепные украшения выдают имперское величие, невозможное в эпоху гонений, которое не встречается ни в одной другой катакомбе. Сходство стиля и материала с соседней гробницей Констанции, сестры Елены, указывает на синхронность строительства. Вход в катакомбы находится в одной из тех *Brevissimæ ecclesiæ*, или лабораторий для медитации и молитвы, которые были возведены в начале XIX века рядом с большинством кладбищ, ныне, как правило, находящихся в руинах. Как показано на иллюстрации, спуск осуществляется по легкой лестнице и наклонной плоскости в сводчатую галерею с мозаичным покрытием, в которой находятся *аркосоллии* с кирпичными арками. Галереи имеют большую ширину, а *люминарии*, как можно заметить, имеют цилиндрическую форму. Один из них, , как можно заметить, завален мусором. Указанный двойной вход соответствует древнему обычаю, особенно в подземных собраниях, разделять полы. Той же цели служат балюстрады внутри склепа и даже параллельные галереи, ведущие в одну и ту же камеру. Эта катакомба поражает количеством *люминариев*, *аркосоллий*, *кубул* и мозаик. Также были найдены разнообразные мраморные, стеклянные и терракотовые вазы, а также многочисленные монеты и медали Константиновского периода.

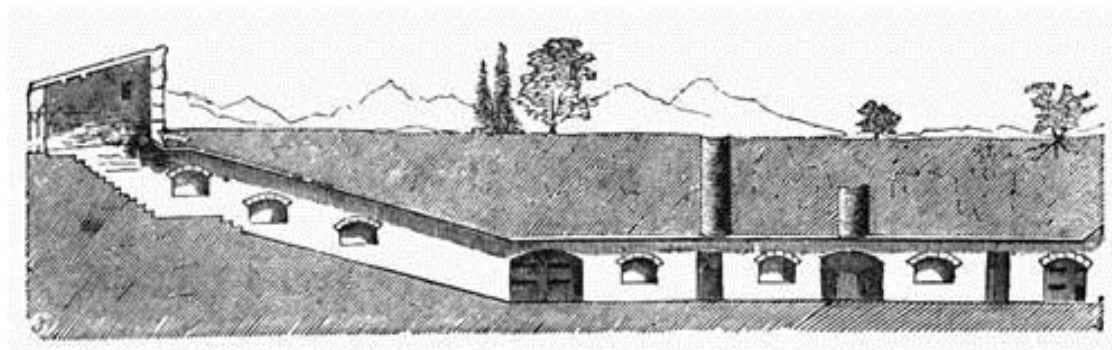

Рис. 29. Секция катакомбы Елены.

Примерно в трех милях от Рима по этой дороге, в Винья-дель-Фискале, находится катакомба *i Santi Quatro*, или *Quatuor Coronati*, "Четыре коронованных", как их еще называют. Считается, что это были христианские скульпторы, которые за отказ использовать свое искусство в служении идолопоклонству приняли мученическую смерть при Диоклетиане. На их головы

были надеты железные короны с шипами, а затем их бичевали до смерти *отвесами*. В десяти милях от Рима на этой же дороге находится катакомба святого Зотика, также почитаемого как один из первомучеников.

На улице Тибуртина, примерно в десяти минутах ходьбы от Порты ди Сан-Лоренцо, находится катакомба Святой Кириаки, названная в честь христианской матроны из знатного рода, которая основала ее на своей земле в 258 году нашей эры. В течение тридцати двух лет своего вдовства она использовала свое огромное состояние для помощи святым и в конце концов сама приняла мученический венец. Здесь, как говорят, тело святого Лаврентия было сначала погребено, а затем перенесено в соседнюю церковь, где оно до сих пор почитается с благочестивым суеверием. Раскопки, проведенные для утепления древней базилики Сан-Лоренцо и расширения кладбища, используемого в настоящее время, открыли ряд галерей этой катакомбы, обнажив давно скрытые *локулы* и росписи для света дня. Можно сравнить стиль древних надписей и надписей современного некрополя, которые, в соответствии с указом Папы, все на латыни; не в пользу последних, несмотря на строгую цензуру, которой они должны были сначала подвергнуться. Эта катакомба, как и другие, была исследована и описана Бозио два с половиной века назад. На противоположной стороне дороги находится кладбище Ипполита, упомянутое в стихах Пруденция в четвертом веке.

Примерно в миле с четвертью от Порты Пиа, на Виа Номентана, находится катакомба Святой Агнессы. Легенда об этой святой - одна из самых красивых в мартирологии, и ее с особой полнотой сохранил святой Амвросий в своем трактате "О девственницах". Юная мученица была дочерью богатых и знатных римских родителей и описывается в Деяниях, носящих ее имя, как обладающая милой и нежной красотой. Когда сын префекта города добивался ее замужества, она отвергла его предложение, заявив в порыве страстного красноречия о своей преданности жениху благороднее, богаче и прекраснее всех на земле, который обручил ее кольцом своей веры и увенчал драгоценностями, по сравнению с которыми земные дары были бы пустым звуком, - жениху столь прекрасному, что солнце и луна были восхищены его красотой, и столь могущественному, что ангелы были его слугами.[315] Так она выдала свою привязанность к делу Христа, и ее тут же подвергли пыткам, чтобы заставить отречься от веры. С трогательной *наивностью* Деяния рассказывают, что для ее запястий не нашлось достаточно маленьких оков. Как венец бесчестия, которому могла подвергнуться ее девичья скромность, ее отправили на место позора - *ad locum turpitudinis*; но ее нестриженные волосы золотыми волнами струились до ног, образуя идеальную вуаль, и глаза созерцателей ее деградации были поражены слепотой. Сначала ее бросили в пламя, которое, как говорят, безвредно играло вокруг нее, затем публично обезглавили в амфитеатре, и, преодолевая слабость своего возраста и пола, она получила венец мученичества в нежном возрасте тринадцати лет, 303 г. н.э.[316]

Она часто изображается в искусстве; иногда, в связи с ее именем, с ягненком в качестве ее атрибута. Действительно, после Христа и апостолов нет более распространенной фигуры.[317] Позорное логово, в котором она была выставлена на позор, сменилось христианским святилищем *Святой Агнесы на площади Навоне*, одной из самых красивых церквей Рима. Подземная келья, отличающаяся особой святостью, как говорят, была сценой ее унижения и освобождения. Ее похоронили в саду в миле от города, и Констанция, дочь Константина, исцелившись у ее гробницы от опасного недуга, воздвигла над ее телом церковь *Святой Агнесы фуори ле Мура*, которая является одним из наименее измененных и наиболее красивых образцов императорских базилик. Длинная лестница, стены которой покрыты надписями из соседних катакомб, ведет вниз к церкви, которая была построена на одном уровне с предполагаемой гробницей святой.[318]

Многие знатные римские семьи выбирали место своего погребения рядом с гробницей столь прославленной мученицы. Здесь была погребена сама Констанция, а вскоре после нее - две другие дочери Константина, Елена, жена Юлиана, и Константина, жена Галла. Умершие, первая - во Вьенне в Галлии, вторая - на краю Вифинии, они были привезены с запада и востока, чтобы воссоединиться со своей сестрой, спящей рядом с этим прославленным святым. Этот регион стал, по сути, модным кладбищем великих в течение четвертого века; это очевидно по превосходной регулярности и просторности коридоров, а также по более трудоемкому исполнению, хотя и более низкому стилю картин. Так со временем образовалась обширная катакомба Святой Агнессы.

Рис. 30.- Вход в катакомбы Святой Агнессы.

Вход на кладбище расположен в восхитительной долине в четверти мили от церкви, в виду сказочных холмов, воспетых Марциалом и Плинием, и рядом с руинами языческого храма. Позади остались серые стены и башни Рима, а со всех сторон раскинулись торжественные просторы Кампании. Все в этом пейзаже изящно и живописно, "и не без благочестивой нежности, - говорит Перре, - очарование этого места^[319] вливается в душу паломника к святыне христианской героини". Лестница, по которой осуществляется спуск, относится, вероятно, к временам Константина. Могилы по обе стороны от просторной галереи были давно разграблены. Некоторые из них, судя по их размерам, явно предназначались для *бисом*. Консульская дата 336 г. н. э. на одной из гробниц подтверждает возраст этой части катакомб. Один комплекс камер, расположенный недалеко от входа, но в более низком и, следовательно, недавно построенном *рояле*, получил название базилики. В большом *кувуклии* есть два туфовых сиденья по бокам и одно более возвышенное для председательствующего пресвитера. Перед пресвитером должен был стоять алтарь, вероятно, небольшой передвижной из дерева, если таковой вообще существовал. На противоположной стороне галереи находится камера, разделенная колоннами и аркой, которая, предположительно, предназначалась для женщин собрания, или, возможно, для

катехуменов, еще не допущенных к празднованию евхаристии. Была найдена соединенная серия из пяти камер, а в одном *кубрике*, называемом *scuole grande*, помещается семьдесят или восемьдесят человек. Большая часть архитектуры, однако, является изношенной, что свидетельствует об упадке и затмении искусства в пятом или шестом веке. Другая камера известна как Дамская капелла, или Гробница Девы, из-за так называемого изображения Мадонны, которое она содержит;^[320] и третья - как Баптистерий, из-за наличия источника воды, который, как предполагается, использовался в обрядах крещения.

Особый интерес к этому кладбищу представляет его связь с прилегающим *аренарием*, или песчаным карьером. Она находится рядом с базиликой Святой Агнессы и перекрывает часть катакомб. Он состоит из ряда больших и мрачных пещер, совершенно не похожих на расположенные внизу склепы. В катакомбе ведет лестница, а также глубокая шахта с отверстиями для ног, вырубленными в скале для подъема. Вероятно, это был единственный способ спастись во времена гонений. Есть также очевидные свидетельства существования лебедки, с помощью которой раскопанный туф поднимали и либо складывали в *аренарий*, либо увозили. Это кладбище было тщательно исследовано падре Марчи, который опубликовал план территории размером примерно семьсот на пятьсот пятьдесят футов. Объединенная длина проходов в этой части составляет около двух английских миль. Однако падре Марчи утверждает, что эта площадь составляет лишь одну восьмую часть всей Катакомбы, совокупная протяженность улиц которой, таким образом, равна пятнадцати или шестнадцати милям.

Сразу за Porta Pia на этом Номентанском пути находится маленькая катакомба Никодима. На третьей миле, как мы читаем в древних записях, находилась гробница Остриана или Фонс Петри, как ее называли по преданию, что Петр когда-то крестился в ней. Однако она не была точно идентифицирована. Почти в шести милях от города находится так называемая катакомба Александра, епископа Рима 117-120 гг. н. э., который, согласно Liber Pontificalis, принял мученическую смерть через обезглавливание на этом месте при императоре Адриане вместе с пресвитером Эвентием и диаконом Феодулом. В 1853 году здесь, ниже уровня Кампаны, были обнаружены руины древней базилики, возведенной в честь этих мучеников. В сооружении без крыши был найден саркофаг с именем Александра и, вероятно, когда-то содержавший его прах. Могилы здесь менее потревожены, чем в катакомбах близ Рима. Это кладбище стало использоваться для погребения сравнительно поздно, так как язык некоторых надписей указывает на явное приближение к современному итальянскому. В 1857 году нынешний понтифик с большой помпой заложил фундамент большой церкви, которая должна была включать в себя все древнее сооружение.

Саларианский путь чрезвычайно богат христианскими кладбищами. Среди них выделяется катакомба Святой Присциллы, один из самых благородных памятников первобытной церкви. Она интересна еще и тем, что случайная находка в 1578 году привела к открытию этих огромных сокровищниц христианской древности. Вход в него прекрасно расположен среди зелени, в винограднике Ирландского колледжа, примерно в двух милях от Porta Салара.^[321] Традиция утверждает, что это кладбище было вырыто во владениях сенатора Пуденса, упомянутого Святым Павлом; а склеп, называемый, судя по языку надписей, *Капелла Грека*, якобы является усыпальницей его дочерей Пудентианы и Пракседеса, а также других членов этой выдающейся христианской семьи. Если это так, то это самая древняя из обнаруженных катакомб. Классический стиль архитектуры, фрески, изящные лепные рельефы и гирлянды, а также характер надписей указывают на период, предшествовавший деградации искусства и угнетению церкви. Некоторые из галерей очень длинные и прямые, а одна из них - самая обширная из всех обнаруженных. Ее главный склеп

примечателен тем, что построен из обычной каменной кладки, без обычных *локулов* в стенах, и, очевидно, предназначен для приема саркофагов - еще одно доказательство его высокой древности. Часть этого кладбища была построена с большим трудом в древнем *аренариум*, и показывает, насколько непригодны были эти раскопки для целей христианского погребения. Длинные стены из массивной каменной кладки и многочисленные столбы из кирпича были построены для поддержки крыши и предоставления места для *локулов*. Большая шахта для удаления *луццолана* была превращена в *светильник*, заложив кирпичом примерно половину его первоначальных размеров. Только одно из четырех *riani*, в которых построена катакомба, легкодоступно, поэтому оно исследовано лишь частично. Древние записи утверждают, что здесь похоронены Марцеллин и Марцелл, епископы-мученики церкви во времена Диоклетиана, а также Кресцентин и Сильвестр; мы уже видели памятные надписи о трех тысячах других мучеников, чьи останки, как говорят, освящают эти священные склепы.

На этой же дороге находятся катакомба святой Фелицитаты с тремя галереями, сильно обветшавшими; катакомба Фрасо и Сатурнина, значительная по размерам, но труднодоступная; и склеп Хрисанфа и Дарии, в котором эти мученики были заживо замурованы по приказу императора Нумериана. На старом Саларианском пути находится катакомба Гермеса, который, как говорят, пострадал во времена Адриана. Она частично построена, как мы видели, в *аренариум*, и содержит самую большую подземную церковь из всех найденных, с замечательными мозаиками Даниила и воскрешения Лазаря на своде крыши.

На северо-западном берегу Тибра сравнительно мало катакомб, представляющих интерес, из-за меньшей численности населения этой части Рима в древние времена. Мы кратко перечислим наиболее важные из них. На Фламиниевом пути находится кладбище Святого Валентина. На Аврелиевом пути находятся кладбища Агаты, Панкратия и Калеподия. Последнее - предполагаемое место захоронения Каллиста и многих мучеников - находится под церковью, посвященной Панкратию - английскому Панкрату - и на предполагаемом месте его страданий. На Виа Портуенсис, недалеко от города, находится катакомба Понтиана, римского патриция III века. Она примечательна очень совершенным подземным баптистерием, который будет [описан далее](#). На Остийском пути, рядом с базиликой *Сан-Паоло-фуори-ле-Мура*, находится древнее кладбище Коммодилла, или Луцина, на котором, по преданию, было положено тело апостола Павла после его мученической смерти. Оно находится в очень разрушенном состоянии, большинство галерей завалены и непроходимы, но здесь Болдетти нашел две самые древние сохранившиеся надписи. На этой дороге также находится катакомба святого Зенона, в которой, как говорят, были похоронены двенадцать тысяч христиан, работавших на строительстве бань Диоклетиана.

На Ватиканском холме, который сейчас увенчан самым грандиозным храмом христианства, по преданию, существовало самое древнее христианское кладбище Рима. Традиция утверждает, что на этом месте, на месте древнего храма Аполлона и неподалеку от предполагаемого места мученической смерти апостола в цирке Нерона, были погребены останки святого Петра, которые после перенесения в крипту Себастьяна были возвращены сюда.^[322] Здесь же древние церковные документы фиксируют погребение десяти римских епископов первого и второго веков;^[323] после чего, как мы видели, катакомба Калликста стала их главным местом погребения. Серия папских захоронений в этом месте снова начинается с захоронения Льва Великого в 461 году нашей эры. В тусклых криптах под главным алтарем собора Святого Петра находятся гробницы большинства его преемников,

многие из которых далеко ушли по жизни и характеру от скромного галилейского рыбака.[324]

Мы не можем лучше завершить этот неизбежно несовершенный обзор этих древних христианских кладбищ, чем процитировать следующий отрывок из "Les Trois Romes" аббата Гаума, хотя и характеризующийся несколько пылкой риторикой: "Вот славный памятник, - восклицает он, - веры и милосердия наших предков! Этот гигантский труд был завершен общиной бедняков, лишенных средств, без таланта, как и без богатства, постоянно преследуемых и часто разоряемых. В чем же тогда заключался секрет их силы? Именно на эту проблему наводит вид катакомб в целом и катакомб на Аппиевом пути в частности. Решение кроется в одном слове - вера. Эта сила, неизвестная древнему миру, и слишком мало признанная в современном мире, - эта вера - была тем рычагом, с помощью которого первые христиане могли сдвигать горы, переворачивать и изменять вселенную. Одной рукой они построили в недрах земли город, более удивительный, чем Вавилон или Рим царей; а другой, схватив языческий мир в бездне деградации, в которую он был ввергнут, они подняли его до ангельской добродетели и подвесили к кресту."

[291] Эта книга, на которую так часто ссылаются, приписывается Дамасу, но большая ее часть, несомненно, гораздо более позднего происхождения. Хотя большая часть информации в ней ценна, еще большее ее количество совершенно не аутентично.

[292]

"Qua limite noto

Appia longarum teritur *Regina Viarum*."-Stat. Syl., II, 2.

[293] Часто простое вульгарное богатство демонстрировало свою показную наглость даже в смерти величием и великолепием этих гробниц, призванных навечно увековечить память о своих обитателях. Но, словно в упрек этой посмертной гордыне, теперь они представляют собой лишь разрушающиеся руины, часто используемые в неблагородных целях, а имена их обитателей забыты. Многие из них в бурный период Средневековья использовались в качестве крепостей. Совсем недавно гробница Августа на Кампус Мартиус использовалась как арена для боев быков и как летний театр, где Арлекин разыгрывал свои шутки над могилой императора. Некоторые гробницы были превращены в конюшни, свинарники или угольные погреба. Урна Агриппины, жены Германика, долгое время использовалась в качестве меры для кукурузы. Во многих лачугах *виньяроло* в Кампанье можно увидеть свиней, которые едят из скульптурных саркофагов, а в императорских залах, где пировали повелители мира, они устраивают свои нечистые пирушки. "Expende Hannibalem, - говорит римский сатирик, - quot libras in duce summo invenies?"

[294] Monumenti delle Arti Cristiane Primitive, p. 73.

[295] Substitit ad veteres arcus, madidamque Capenam.-Juv., Sat., iii.

[296] Легенда утверждает, что когда апостол Петр на ранней заре покидал Рим, чтобы избежать мученической смерти, он встретил Господа, несущего свой крест, и, бросившись к его ногам, воскликнул: Domine quo vadis - "Господи, куда ты идешь?". Учитель ответил с нежным упреком: Venio Romam iterum crucifigi- "Я иду в Рим, чтобы снова быть распятым". Пораженный раскаянием и угрызениями совести, ученик, согласно преданию, вернулся в город и там был распят по собственной просьбе головой вниз, как недостойный разделить тот же способ смерти, что и Господь, от которого он отрекся. В соседней церкви Святого Себастьяна находится белая мраморная плита с оттисками, сделанными, *как говорят*,

ногами Господа. Впервые эта история упоминается Оригеном, который относит ее к святому Павлу. Святой Амвросий заменяет его святым Петром, но точное место не было установлено до пятнадцатого века, а Аринги в семнадцатом веке первым упоминает об отпечатке ступней на "этом камне, самом достойном, более ценном, чем любая драгоценность". Эта белая мраморная плита, конечно, совсем не похожа на темно-серый порфир Аппиевой мостовой, а неровные углубления на ее поверхности слегка напоминают человеческие ступни. Но никакие исторические трудности не являются слишком большими для благочестивой веры Рима.

[297] Rom. Sott., ii, 367.

[298] De Resurrect. Carnis., c. 27.

[299] Rom. Sott., i, 210.

[300] Эльвирский собор 305 г. н. э. запретил дневное горение восковых лампад на кладбищах мертвых: "Не возжигайте восковых лампад на кладбищах" (Cereos per diem placuit in cœmeterio non incendi. Conc. Elib., can. 34.

[301] Он был убит, выбросившись из окна своего дома во время народных волнений в Риме. Его тело было брошено в колодец, а затем тайно перевезено на кладбище Калеподия, на Виа Аурелия, в непосредственной близости от него.

[302] См. разрез этой лестницы на [рис. 22](#).

[303] Здесь же было найдено несколько многоугольных базальтовых брусчаток, очевидно, с проезжей части выше.

[304] Рр. 81-83.

[305] Рр. 85, 86.

[306] Старое кирпичное здание с тремя апсидами и сводчатой крышей, расположенное рядом со входом в этот склеп, долгое время использовавшееся в качестве склада садовника, было принято считать базиликой, которую Дамасус выделил для погребения себя, своей матери и сестры; но более вероятно, что это была *фабрика* для богослужений или празднования агапы, или просто для хранителя катакомбы.

[307] Около 230 г. н. э., говорится в Деяниях, хотя христиане тогда наслаждались глубоким миром.

[308] Старинная фреска в церкви Святой Цецилии изображает явление мученика понтифику, когда он спал на своем троне в день Святого Петра.

[309] В арочной нише под главным алтарем Святой Цецилии находится прекрасная мраморная статуя святого в лежащей позе работы Стефано Мадерны, сопровождаемая следующей надписью:

EN TIBI SANCTISSIMAE VIRGINIS CAECILIAE IMAGINEM QVAM IPSE INTEGRAM IN SEPVLCHRO
IACENTEM VIDI EADEM TIBI PRORSVS EODEM CORPORIS SITV HOC MARMORE EXPRESSI.

"Вот образ святейшей Девы Цецилии, которую я сам видел нетленной в ее гробнице. В этом мраморе я изобразил для тебя ту же самую святую в той же самой позе тела".

[310] Современные дополнения менее претендуют на наше почтение. Скептик не увидит причин, почему останки Цецилии должны бросать вызов законам природы в течение четырнадцати веков, когда спустя всего два останки Карла Борromeо, также святого, выставленные в Милане в дорогих одеждах, расшитых золотом и сверкающих драгоценными камнями, показывают только черную и разлагающуюся голову и безглазые глазницы, кожу, сморщенную и разорванную, и сжатые губы, расходящиеся в жуткой улыбке.

[311] Monumen. Art. Crist. Prim., p. 172.

[312] Page 95.

[313] Этот поразительный объект христианского искусства, по словам миссис Джеймсон, вызывал у итальянских женщин преданность, ведущую к безнадежной страсти, безумию и смерти. ("Священное и легендарное искусство", *in loco*.) Святой солдат рассматривается как своего рода христианский Аполлон, изгоняющий болезни и мор.

[314] Папа Григорий I. впервые упоминает эту историю, ок. 600 г. н. э., как причину отказа послать голову святого Павла императрице Константине.

[315] Discede a me fomes peccati ... quia jam ab alio amatore præventa sum, qui mihi satis meliora obtulit ornamenta, et annulo fidei suæ subarravit me, longe te nobilior, et genere et dignitate.-Ambros., Epis. 34.

[316] Дамасус в конце четвертого века так вспоминает это событие в одной из своих метрических надписей, которая сейчас находится в боковом приделе базилики *Сант-Аньезе фуори ле Мура*:

FAMA REFERT SANCTOS DVDVM RETVLISSE PARENTES
AGNEN CVM LVGVBRES CANTVS TVBA CONCREPVISSET
NVTRICIS GREMIVM SVBITO LIQVISSE PVELLAM
SPONTE TRVCIS CALCASSE MINAS RABIEMQVE TYRANNI
VRERE CVM FLAMMIS VOLVISSET NOBILE CORPVS
VIRABVS IMMENSVM PARVIS SVPERASSE TIMOREM
NVDAQVE PROFVSVM CRINEM PER MEMBRA DEDISSE
NE DOMINI TEMPLVM FACIES PERITVRA VIDERET
O VENERANDA MIHI SANCTVM DECVS ALMA PVDORIS
VT DAMASI PRECIBVS FAVEAS PRECOR INCLYTA MARTYR.

"Слава сообщает, что благочестивые родители вернули Агнессу, когда труба зазвучала похоронными песнопениями; что дева внезапно покинула лоно своей кормилицы и добровольно отвергла угрозы и ярость жестокого тирана, когда он решил сжечь ее благородное тело в огне; что она преодолела сильный страх с помощью своих слабых сил и распустила свои роскошные волосы по обнаженным конечностям, чтобы лицо погибающего человека могло увидеть храм Господа. О святая, вечно чтимая мною, священное украшение скромности, прославленная мученица, я прошу тебя помочь молитвам Дамаса".

[317] Jameson, Sac. and Leg. Art., p. 381. Согласно святому Иерониму, в четвертом веке ее слава была во всех землях.

[318] Здесь в праздник Святой Агнессы, 21 января, совершается церемония благословения двух ягнят, эмблемы невинности и имени *Агнус*, ягненка младенца-мученика. Из шерсти этих ягнят ткутся *паллии*, которые, после того как они лежат на так называемой гробнице святого Петра, раздаются папой великим церковным сановникам как эмблемы должности.

[319] "Attendrissement."-Les Catacombes de Rome, tom. ii, p. 52.

[320] См. [рис. 90](#).

[321] См. [рис. 1](#).

[322] Вероятно, это "трофей на Ватикане", упомянутый римским пресвитером Каиусом, которого цитирует Евсевий, Hist. Eccles., ii, 25. Когда Гелиогабал устроил свой цирк в Ватикане, тело, как говорят, было снова перенесено к святому Себастьяну; но невозможно распутать запутанные рассказы древних документов.

[323] На этом месте, по словам Де Росси, в XVII веке была обнаружена гробница самого первого епископа после Петра, (?) носящего просто имя LINVS.

[324] Особый интерес для англоязычных посетителей этой святыни ушедшего величия представляют три урны с прахом "Якова III.", "Карла III." и "Генриха IX.", как они обозначены, последних принцев злополучного дома Стюартов. Третий из них, Генрих Бенедикт Мария Клемент, второй сын Якова Претендента, принял ордена в Риме, был возведен в пурпур и при жизни своего брата, Карла Эдуарда, был известен как кардинал Йорк. После смерти брата он принял королевский титул Генриха IX, короля Англии. Узурпация Бонапарта стала причиной его бегства в Венецию, где, постаревший и немощный, потомок рода королей погрузился в абсолютную нищету. Его успешный соперник на британском троне, Георг III, узнав о его плачевном положении, щедро назначил ему ренту в 4 000 фунтов стерлингов, которой он пользовался до самой смерти в 1807 году, в возрасте восьмидесяти двух лет. Вместе с изможденным стариком, умирающим на чужом берегу, ушел из жизни последний представитель злополучной династии, внесшей через несколько поколений столько трагических и романтических эпизодов в драму истории.

КНИГА ВТОРАЯ.

ИСКУССТВО И СИМВОЛИЗМ КАТАКОМБ.

ГЛАВА I.

РАННЕХРИСТИАНСКОЕ ИСКУССТВО.

Условия, в которых христианское искусство культивировалось в первые века, были крайне неблагоприятны для его наивысшего развития. Оно не было, подобно языческому искусству, эстетическим выразителем господствующей религии, пользовалось покровительством великих и богатых, украшало многочисленные храмы богов, дворцы и банкетные залы императоров и сенаторов, прославляло добродетели патриотов и героев, воплощало концепции поэтов и провидцев. В христианской системе не было места таким изображениям, как славный бог солнца Аполлон, прекрасная Афродита или возвышенное

величие Юпитера, которые до сих пор остаются недостигнутыми *шедеврами* мастерства скульптора. К прекрасным мифам Гомера и Гесиода относились с отвращением, а христианам было категорически запрещено делать какие-либо изображения верховного объекта их поклонения - запрет, который в ранние и более чистые дни христианства они никогда не нарушали.

Тем не менее, свидетельства катакомб дают основания полагать, что искусство не было, как это часто утверждается, полностью отвергнуто первохристианами по причине его идолопоклоннического использования язычниками. Они скорее приняли и очистили его для христианских целей, как и различные элементы античной цивилизации. И только когда растущее богатство и разращение церкви привели к более щедрому использованию искусства и его извращению в суеверных целях, оно вызвало осуждение отцов первых веков.

Искусство любого народа - это результат и следствие внутреннего живого принципа: каково дерево, таков и его плод. Получив адекватное представление о его искусстве, мы можем хотя бы приблизительно оценить моральное состояние любой эпохи или сообщества. Это вечное выражение феноменов человечества. Иконография первых веков христианства - это, таким образом, живописная история его развития и последовательных изменений, которые оно претерпело.^[325] В ней нашли отражение разложение вероучения, рост догм, распри ересиархов и раскольников.^[326]

Фрески катакомб - это неоценимые по своей ценности иллюстрации чистого и возвышенного характера той первобытной христианской жизни, отпрыском которой они были. Они были выразителями могучей духовной силы, "стремящейся", как замечает Куглер, "типизировать в земном и тленном постоянное и вечное".^[327] Сама интенсивность той древнехристианской жизни в условиях репрессий и гонений создавала еще более настоятельную потребность в религиозной символике как выражении глубочайших чувств и как общем знаке веры. Раннехристианское искусство, таким образом, было не реалистичным и чувственным, а идеальным и духовным. Оно стремилось выразить внутреннюю сущность, а не внешнюю форму.

Христианству нечего бояться сравнения этих остатков его первобытного искусства с остатками искусства, существовавшего до него в язычестве. Так же мало протестантизму стоит опасаться их сравнения с памятниками той разращенной формы христианства, в которую так скоро, увы, выродилась ранняя церковь. С одной стороны, можно увидеть бесконечный контраст между отвратительным состоянием общества под властью империи и чистотой жизни первых христиан, а с другой - постепенное разложение доктрины и практики по мере приближения к византийской эпохе. Эксгумация Помпеи и недавние исследования Катакомб приводят к резкому контрасту между христианским и языческим искусством. Во время путешествия по пустынным покоем первых "две тысячи лет катятся назад", и мы стоим среди предметов, знакомых взгляду служанок и матрон времен расцвета Рима. Но какой рассказ о господствующей чувственности, какой практический комментарий к язвительным сарказмам Ювенала, обличениям Отцов и ужасным портретам святого Павла мы читаем в грязных картинах, разбросанных по всем сторонам. Ничто не дает более яркого представления об ужасающей деградации языческого общества в первом веке христианской эры, чем раскопанное искусство этого римского Содомы. Среди тишины и мрака катакомб мы переносимся в совершенно иной мир; мы дышим более чистой нравственной атмосферой; нас окружают свидетельства бесконечно более благородной общественной жизни; мы поражаемся неизмеримому превосходству во всех элементах истинного достоинства и величия ничтожных и гонимых христиан над высочайшим развитием античной цивилизации.

Украшение этих подземных склепов - первое применение искусства ранними христианами, о котором до нас дошли какие-либо сведения. Универсальный инстинкт заставляет нас украшать гробницы усопших. Это видно и в грубом погребальном тотеме американского дикаря, и в массивных мавзолеях Аппиевой дороги, и в великолепных мавританских гробницах Альгамбры.[328] Поэтому нет ничего удивительного в том, что первобытные христиане украшали религиозными картинами, выражающими их веру и надежду, могилы умерших или во времена гонений начерчивали на могиле мученика корону и пальму, эмблемы победы, или голубя и оливковую ветвь, прекрасный символ мира. Однако не следует думать, что первые зачатки христианского искусства были грубыми и бесформенными сочинениями, какие мы видим у варварских племен. Первобытные верующие должны были не столько создать принципы искусства, сколько приспособить уже полностью развитое искусство для выражения христианской мысли. Подобно неопитам, обращенным из язычества, языческое искусство должно было быть крещено на службу христианству. "Зародыши новой жизни, - говорит доктор Любке, - находились в зародыше в умирающем античном мире. Античное искусство было одеждой, в которую молодые и будоражающие мир идеи христианства были вынуждены закутаться".[329] Поэтому ранние картины превосходят по исполнению, и проявляют богатство, энергичность и свободу, как лучшие образцы классического периода. Их дизайн более правильный, орнамент более целомудренный и элегантный, а аксессуары более изящные, чем в более поздних образцах. Они разделяли постепенный упадок, характерный для искусства умирающей империи, становясь все более бедными по замыслу, жесткими по манере, условными и иератическими по типу, пока не погрузились в варварство византийского периода.

Это противоречит мнению, которого придерживались до недавнего времени. Лорд Линдсей утверждает о росписях Катакомб, что "если рассматривать их как произведения искусства, то они представляют собой бедные произведения - скудость изобретений уступает лишь слабости исполнения, уступая, в общем, худшим образцам современного языческого искусства".[330] Но эта характеристика была результатом несовершенного знакомства с предметом. Действительно, он говорит о катакомбах как о "большей части закрытых и недоступных, а фрески стерты временем и уничтожены". Но недавние открытия позволили обнаружить множество важных примеров, которые полностью опровергают его обесценивающую оценку. Во многих из недавно открытых склепов краски свежи, как будто нанесены вчера; а по стилю и исполнению фрески катакомб "приближаются, - говорит выдающийся искусствовед Куглер, - к настенным росписям лучшего периода империи".[331] Никто не может просмотреть великолепные тома Перре, чтобы не поразиться изяществу, энергичности и классической красоте многих воспроизведенных там картин. Признается, что французские художники "подправили" поблекшие краски, и некоторые из картин можно назвать скорее реставрацией, чем точной копией; но их нигде не обвиняют в том, что они не соответствуют общему характеру и духу оригиналов.

Древность этих лучших образцов христианского искусства еще больше подтверждается тем, что они были найдены в самых старых склепах Катакомб; как и архитектурный характер этих более древних камер, они указывают на публичность их строительства и их правовую защиту. В более поздних раскопках, напротив, картины немногочисленны и некачественны по типу и исполнению - свидетельство гонений и унижения христиан, а также упадка искусства. Более знаменитые святыни, правда, неоднократно украшались в разные периоды вплоть до девятого века;[332] но время этих украшений можно приблизительно определить по внутренним свидетельствам, о чем говорит наличие монограммы Константина, нимба,[333] и других характерных знаков.

Таким образом, раннехристианское искусство возникло на основе уже существовавшего, отбирая и адаптируя то, что соответствовало его духу, и решительно отвергая все, что напоминало об идолопоклонстве или чувственном характере древней языческой жизни. Он удалял, по выражению доктора Любке, то, что не соответствовало новым идеям, и сохранял здоровые ростки, из которых должно было вырасти дерево христианского искусства в величественном великолепии. Как христианство было антитезой язычеству по духу, так и его искусство было в высшей степени свободно от языческих заблуждений. Здесь нет бесстыдных плясок обнаженных фигур, как на стенах Помпеи, но есть целомудренные картины с фигурами, одетыми с головы до ног; или, если историческая точность требовала изображения обнаженной формы, как в картинах наших первых родителей в Эдемском саду или в истории Ионы, они инстинктивно скромны и невинны. Языческое искусство, гений с поникшим крылом и перевернутым факелом, стояло у дверей смерти, но не бросало света на мир за ее пределами. Христианское искусство, вдохновленное возвышенной верой, проникало сквозь завесу чувств, за тени времени и видело чистый дух, парящий над могилой, подобно эссенции, поднимающейся из алембика, в котором все грубые качества материи остались позади. Поэтому в тексте использовались только образы надежды и нежной радости. Здесь нет ни малейшего признака отчаяния язычества, даже естественной печали.

Независимые статуи в первые века использовались редко, если вообще использовались.^[334] Казалось, подражание им, в виде которых изображалось большинство языческих божеств, было связано с большей опасностью впасть в идолопоклонство, чем использование живописи; именно против создания нарисованных изображений и был направлен запрет Писания.^[335] Поэтому их изготовления особенно избегали. Действительно, скульптура так и не стала по-настоящему христианской, и даже в руках Анджело или Торвальдсена не было триумфов мастерства, подобных Фидию или Праксителю. Христианская графика, однако, в своем благороднейшем развитии намного превзошла даже самые грандиозные достижения, о которых мы имеем хоть какие-то сведения от школ Апеллеса и Зевксиса. Христианство - это воплощение более мягких милостей; язычество, в его чистом виде, - более суровых добродетелей. Первое нашло свое лучшее выражение в живописи, второе - в скульптуре.

Первые христианские картины были легкими и изящными эскизами в манере более древнего классического искусства; и если бы не замена христианской концепции на языческую - библейская сцена или персонаж, как Даниил в логове льва, Иона или Добрый Пастырь, или какой-нибудь яркий христианский символ, - их было бы трудно отличить от современных языческих картин.^[336] В то время как главная фигура придавала всему изображению несомненно христианский характер, аксессуары, разделение пространства, колорит и общая трактовка были вполне в античной манере. Гирлянды, фестоны цветов и вазы с фруктами; изящные арабески, роскошные лозы, виноград, птицы и джинны; идеальные головы, маски и сказочные животные; сцены охоты, сбора урожая и пасторальные группы;

олицетворения часов, времен года, рек и т.п. составляли *антураж* или были частью картины. Так, крыша склепа в древнейшей части (вероятно, первого века) кладбища Домитиллы полностью покрыта ветвями, изящно изгибающимися с изысканной естественностью, и полностью свободными от условной сдержанности и геометрической симметрии, которые указывают на последующий упадок искусства. Среди ветвей порхают птицы и крылатые гении, похожие на маленьких купидонов. Другой образец большой красоты, второго века, в катакомбе Пртекстатуса, представляет собой хорошо прорисованную сцену сбора урожая, с венками из роз, виноградной лозы и лавра, и с птицами, порхающими вокруг своих гнезд. Фреска с изображением Доброго Пастыря и надпись подтверждают ее христианский характер. Драпировка и рисунок фигур в ранних примерах также исключительно хороши.

Некоторые из христианских символов были характерны и для языческого искусства: пальма, корона, корабль и другие, о которых будет сказано далее. Однако под влиянием христианства они приобрели более глубокое и благородное значение, чем когда-либо прежде. Но есть и другие, более яркие примеры заимствования сюжетов из языческого искусства, когда они подходили к христианским темам. Орфей, очаровывающий диких зверей своей лирой, - часто повторяющаяся фигура в катакомбах, и христианские отцы называют его прообразом Того, Кто привлек к Себе всех людей сладостной убеждающей силой Своего Божественного Слова. Победа Господа над смертью и адом и, вероятно, древнее толкование его проповеди духам в темнице^[337], возможно, нашли своего рода параллель в прекрасной легенде о верном влюбленном, ищущем в подземном мире потерянную Эвридику, укушенную смертоносным змеем; в то время как под звуки его чудесной арфы успокаивался мрачный Дис, колесо Иксиона замирало, Тантал забывал свою жажду, а камень Сизифа зависал в воздухе.^[338] Орфические стихи, по мнению отцов, также содержали множество истинных пророчеств о нашем Господе. Однако они, как и свидетельства сивилл, были благочестивыми подделками послехристианского времени.

Еще одна басня из языческой мифологии, воспроизведенная в раннехристианском искусстве, - басня об Улиссе и сиренах. Саркофаг в крипте Лучины изображает "многопланового" странника Итаки, привязанного к мачте, глухого к приманкам довольно похожих на гарпий дочерей моря, и поэтому благополучно проплывающего мимо. Максим Туринский, живший в V веке, объяснял корабль Улисса как "прообраз церкви, а мачту - как крест, которым верные должны быть ограждены от соблазнов чувств". Таким образом, - говорит он, - нас не удержит ни пагубное слушание голоса мира, ни отклонение от курса к лучшей жизни, ни падение на скалы сладострастия".^[339]

Эти реминисценции языческого искусства чаще встречаются в скульптурах саркофагов, в которых классический тип кажется более устойчивым, чем в росписях. Так, на барельефе в Латеранском музее, изображающем восхождение Илии на огненной колеснице на небо, странным образом Меркурий изображен стоящим у головы лошадей. Вероятно, это результат неосознанного подражания какому-то языческому образцу. На саркофаге из катакомбы Калликста, в сцене сбора урожая, изображены Купидон и Психея. Однако оно было найдено погребенным под полом и имело признаки того, что было покрыто штукатуркой, как будто для того, чтобы скрыть языческие фигуры. На других были замечены барельефы Вакха в сопровождении купидонов, оленей и сатиров, несчастного Марсиаса, покинутой Ариадны и возвращающегося Улисса. Вероятно, некоторые из этих несоответствий возникли из-за того, что саркофаг был вырезан языческим художником, поскольку скульптурой христиане занимались реже, чем живописью. Действительно, некоторые из этих сюжетов, оскорбляющих христианские чувства, были тщательно замазаны резцом или перевернуты на стену; как, например, в крипте Луцины, на которой

изображена сцена вакханалии, а на грубой стороне, открывающейся взору, начертана христианская эпитафия. На саркофагах Констанции и Елены, дочерей Константина, хранящихся сейчас в Ватиканском музее, изображены сцены сбора винограда, битвы и вакхические маски; а на саркофаге, в котором был похоронен император Карл Великий, вероятно, языческого происхождения, изображено изнасилование Прозерпины. На позолоченных стеклах катакомб, некоторые из которых, очевидно, использовались для праздничных целей, языческое влияние также проявляется в таких изображениях, как Ахилл, Геркулес, Дедал, Минерва, Грации, Купидон и Психея, Нептун с трезубцем и речной бог как символ Иордана.

Даже в ярко выраженных христианских сюжетах иногда видно, что художник не освободился от влияния языческих типов. Так, Добрый Пастырь изображен в короткой тунике и бушлате римского крестьянина, часто с классическим сириноксом или деревенской трубой, вероятно, в связи с воспоминаниями о популярном сельском божестве, боге Пана. В Латеранском музее находится наглядный пример - саркофаг Паулины, где языческая скульптура была адаптирована в качестве христианского Доброго Пастыря. На барельефе Ионы в Ватиканской библиотеке классическое влияние прослеживается в Тритоне, дующем в свой рог, и Ириде, плывущей над судном с развевающимся платком, чтобы показать, что буря утихает. Корабль напоминает баржи, которые плавают по Тибру, а морское чудовище, проглотившее пророка-отступника, похоже на то, которое угрожало Андромеде.

Таким образом, христианство сохранило среди обломков античной цивилизации некоторые зародыши классического искусства, над которыми оно трудилось, пока они не ожили под более благотворным влиянием последующих времен. Таким образом, она стала, как замечает доктор Любке, посредником между античной языческой жизнью и искусством современного христианства. Однако выдающийся критик Рауль-Рошетт приписывает языческим типам слишком большое влияние на искусство катакомб и почти отрицает в нем всякую оригинальность или своеобразие трактовки; и он, конечно, совершенно ошибается, говоря о почти языческой физиономии украшений катакомб.^[340] В заблуждение его ввели некоторые памятники в катакомбах Претекстатуса, обнаруженные и описанные Боттари и поначалу считавшиеся христианскими.^[341] Однако это мнение было опровергнуто в монографии падре Гарруччи, посвященной этому вопросу.^[342]

Исключительный и уникальный характер этих памятников заслуживает несколько подробного рассмотрения. Они находятся в галерее катакомб, недалеко от Аппиевой дороги. В своде *аркосолия* изображена Венера - сюжет, никогда не встречавшийся в раннем христианском искусстве - в сопровождении двух гениев в младенческом возрасте. Рядом с ними находятся следующие эпитафии языческого жреца и его жены:

NVMENIS ANTISTES SEBASIS VINCENTIVS HIC [EST]

QVI SACRA SANCTA DEVM PIA MENTE CO[LVIT].

Здесь лежит Винцентий, жрец божества Себасиса, который с благочестивым умом соблюдал священные обряды богов.

VINCENTI HOC OLIM FREQVENTES QVOD VIDES^[343]

PLVRES ME ANTECESSERVNT OMNES EXPECTO

MANDVCA BIBE LVDE ET VENI AD ME

CVM VIVES BENEFAC HOC TECVM FERES.

О Викентий, многие прежде толпами, как ты видишь, шли до меня; я жду всех. Ешь, пей, играй и приходи ко мне. Пока ты жив, води себя хорошо: это ты перенесешь с собой".

В *аркосолии*, к которой это приложено, находятся замечательные картины, изображенные на прилагаемой гравюре.^[344] Первая картина слева изображает смерть Вибии, жены Винцентия, и озаглавлена ABREPTIO - VIBIES - ET - DESCENSIO. Она изображена уносящейся на руках Плутона, что указывает на преждевременность ее смерти. Бог стоит прямо на своей *квадриге*, ведомый Меркурием и держащий в руках форму Вибии. На оригинальном изображении из урны у подножия Меркурия видна река Ахерон, по которой Плутон собирается спуститься в inferнальные области, на что указывает слово DESCENSIO.

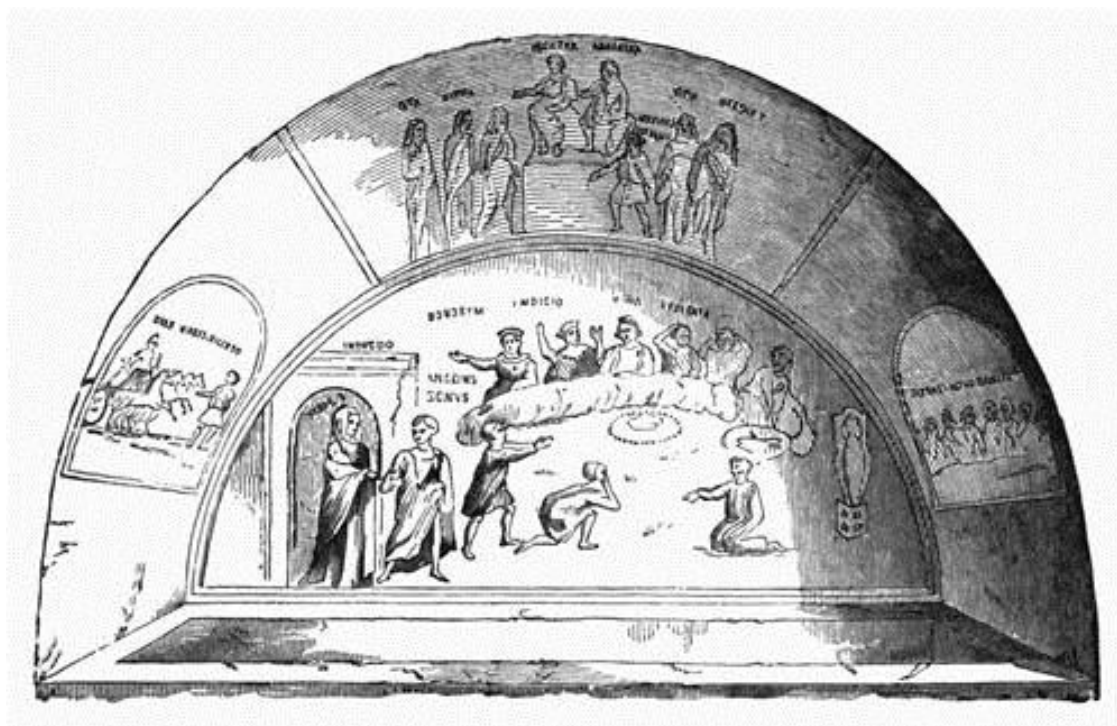

Рис. 31.- Перспектива интерьера свода с языческой росписью.

В верхней части свода изображен суд Вибия над Плутоном. Бог восседает на своем троне вместе со своей женой Прозерпиной, а над их головами написаны слова ДИСПАТЕР и АБРАКВРА - титулы божеств. Справа от трона мы видим три судьбы - ФАТА - ДИВИНА, а слева - ВИБИЮ, которую опережает Меркурий - МЕРКВРИВ - НВНТИВС и сопровождает АЛКЕСТИДА, героиня супружеской любви. Над головами всех фигур написаны их имена.

Главная картина серии, та, что находится в тимпане арки, представляет введение Вибия на пир благословенных. Она изображена в левом углу картины и обозначена как INDVCTIO - VIBIES. Ее вводит юноша, увенчанный цветами и держащий в руке цветочный венок. Его имя - ANGELVS - BONVS - добрый вестник - возможно, свидетельствует не столько о христианском влиянии, сколько о греческих и восточных идеях, которые довлели над всеми этими сценами. Далее Вибия появляется на пиру в окружении тех, кто был признан достойным воздаяния за добро - BONORVM - IVDICIO - IVDICATI. Они расположились вокруг стола в форме полумесяца, покрытого подушками, на головах у них праздничные короны. На переднем плане видны слуги.

Четвертая сцена, крайняя справа от свода, представляет собой погребальный пир в честь Вибии. Его дает ее муж Винцентий, обозначенный по имени, жрецам Себасиса, над головами которых написаны слова: SEPTE - PII - SACERDOTES. Все эти картины не только своими

надписями, но и замыслом и обработкой показывают свое языческое происхождение. Они не являются христианскими ни в каком смысле и ни в какой степени; нет никаких оснований предполагать, как это утверждается, что они выполнены гностиками, но совершенно очевидно обратное.

Но как объяснить присутствие этого языческого памятника в пределах христианского кладбища? Объясняя это обстоятельство, М. Перре отмечает две вещи. Во-первых, *аркосолий* не носит исключительно христианский характер. М. де Сольси привел примеры нескольких еврейских и языческих гробниц в форме *аркосолий*.^[345] Во-вторых, нет ничего странного в том, что семья, практикующая восточный обряд, например, поклонение Митре, который вместе с фригийскими и исихастскими мистериями был широко распространен в Риме в первые христианские века, имела частное место погребения, каким, по-видимому, и был этот аркосолий. Он расположен недалеко от Аппиевой дороги, с которой, вероятно, был отдельный вход. Рядом находится языческий *колумбарий*, который сейчас образует один из входов в катакомбы, и который, похоже, является частью галереи, содержащей эту гробницу. Возможно, это пространство было изначально захвачено с христианского кладбища, но более вероятно, что галерея и гробница были построены независимо друг от друга, и что фосфориты неожиданно наткнулись на них при раскопках. Эта догадка подтверждается признаками того, что впоследствии она была перекрыта, но препятствия давно устранены. Невозможно допустить, чтобы христиане, пренебрегая священными обычаями первобытных веков, смешивали свои гробницы с гробницами язычников.^[346]

Но христианское искусство, хотя и подверглось языческому влиянию, не стало подневольно следовать языческим типам. Оно вводило новые формы для выражения новых идей или использовало существующие формы с новым значением; точно так же, как само христианство вводило новые слова или придавало новое значение старым, не только на классических языках, но и на всех языках, которые оно приняло в качестве носителя своих возвышенных истин. Оно создало цикл символических типов, имеющих особое христианское значение; и все более обогащалось и расширялось за счет аллегорических представлений религиозной доктрины, иллюстраций истории и чудес Ветхого и Нового Завета. Но христианское искусство вскоре утратило ту свободу обращения, которую оно унаследовало от своих классических родителей, и погрузилось в фиксированные и условные формы, которые бесконечно повторялись. "Не прошло и нескольких лет, - говорит Мейтланд, - как империя воображения угасла, и гений искусства, с "потухшим факелом и заплывшим глазом", должен был оплакивать введение иератического стиля, который, где бы он ни появлялся по всему миру, теснил и почти уничтожал изобретательскую способность". Подобно иероглифам Египта и Индии, или, хотя и в меньшей степени, картинной письменности затерянных рас Центральной Америки, объекты христианского искусства стали не столько репрезентативными, сколько символическими. Индивидуальный гений может лишь безнадежно бороться с оковами общепринятой системы. От свободы природы он опускается до подневольного копирования, которое вряд ли можно назвать искусством вообще.

И все же символы катакомб, пусть зачастую грубые и неотесанные, не должны вызывать у нас презрения. Они выполняли свое предназначение не менее полно, чем триумфы искусства в *Камере Рафаэля* или Сикстинской капелле. Они были обращены не к внешнему чувству, не к критическому вкусу, а к внутреннему взору души и к возвышенной способности веры. Они были не просто изображениями внешних подобий вещей, но и намеками на вечные истины, выходящие за рамки времени и пространства. Грубо нацарапанный якорь говорил о надежде, которая простиралась за пределы этого мира и устремлялась к великим

реалиям мира грядущего; голубь говорил о затаенном мире Божьем, который хранил сердце и разум среди гонений и страданий силой вечной жизни; а пальма была символом окончательной победы над смертью и адом.

Когда эпоха гонений миновала, эта детская и трогательная простота христианского искусства сменилась более витиеватым характером. Вызванное из мрачных подвалов катакомб, чтобы украсить церкви, возведенные Константином и его преемниками, оно постепенно превратилось в многоцветное великолепие великолепных фресок и мозаик базилик. Теперь она стала более личной и исторической, и менее абстрактной и доктринальной. Технические манипуляции становились все менее понятными, а художественная концепция формы все более слабой, пока постепенно не превратилась в неподвижные и жесткие типы, характерные для византийской живописи. В ней проявилась слабость не младенчества, а дряхлости, и ее можно назвать последним вздохом искусства до его возрождения после долгой дремоты Средневековья. Однако она важна тем, что позволяет проследить развитие религиозных заблуждений и введение неортодоксальных дополнений к христианской вере, а также показывает медленный прогресс в направлении поклонения изображениям. Она демонстрирует неапостольскость некоторых римских доктрин, начало которых можно обнаружить здесь. Она выражает свой безмолвный протест против некоторых других, которые тщетно ищут в тех местах, где, согласно римской теории, они непременно должны быть найдены. Там, где искусство все еще использовалось в катакомбах, оно разделяло разложение и деградацию, описанные выше.

Именно к этому периоду относится большинство осуждений искусства или, скорее, злоупотреблений им в трудах первобытных отцов. Ближе к концу четвертого века Августин возмущается суеверным почитанием картин, а также растущим почитанием гробниц, которые, по его словам, церковь осуждала и пыталась исправить.^[347] Его современник, Епифаний, клеймит занятие живописью как противоречащее авторитету Писания.^[348] Примерно в то же время Паулин из Нолы использовал библейские картины для обучения грубой и неграмотной толпы, посещавшей святилище Феликса. "Может возникнуть вопрос, - говорит он, - по какой причине, вопреки общепринятому обычаю, я расписал это священное жилище личными изображениями?... Здесь собралась толпа деревенщин несовершенной веры, не умеющих читать, которые до обращения ко Христу использовали профанные обряды и повиновались своим чувствам, как богам. Поэтому я счел целесообразным оживить картинами все жилище святого. Картины, нарисованные такими красками, возможно, вызовут у грубых умов изумление. Надписи помещены над картинами, чтобы буква могла объяснить то, что изобразила рука".^[349]

Самый слабый интеллект мог бы подняться через материальное к постижению духовной истины.^[350] Но это церковное использование искусства быстро стало источником религиозного разврата и объектом суеверного поклонения. В конце концов оно вызвало суровое иконоборчество Льва Исаврийского и его преемников и было официально запрещено всеобщим Константинопольским собором в восьмом веке. Еще в начале четвертого века Эльвирский собор, словно предчувствуя плачевный результат, который последует за этим, запретил использование изображений в церквях, "чтобы не рисовать на стенах то, чему поклоняются и что обожают".^[351]

Иконоборческий дух, однако, был направлен главным образом против *нарисованных* изображений, которые рассматривались как особые объекты идолопоклонства. Самые ранние примеры таких изображений приписываются гностикам, которые так странно смешивали доктрины христианства с языческими суевериями. Они утверждали, что обладают современными изображениями Христа из коллекции Понтия Пилата! Но,

несомненно, как и предполагаемая статуя Христа в Кесарии Филипповой, упомянутая Евсевием,[352] даже если они и имели какое-то отношение к нашему Господу, они были гораздо более позднего происхождения. Согласно Августину,[353] у еретиков-карпократов были подобные изображения; а Марцеллина, принадлежавшая к этой секте, выставила в гностической церкви в Риме фигуры Христа, Павла, Гомера и Пифагора. В таком же эклектичном духе император Александр Северус поместил среди своих лавров изображения Господа и Авраама, а также Орфея и Аполлония.[354]

Мозаика, которая в классические времена использовалась только для украшения полов, в христианском искусстве стала использоваться для более почетной задачи - украшать стены величественных базилик и церквей. Этот неподатливый материал не был приспособлен для очерчивания объектов, требующих тонкой выразительности, но зато прекрасно подходил для изображения ярко выраженных типов и торжественных фигур Христа и святых, аналогичных тем, что изображены на витражах готических соборов и монастырей. Отсюда мозаики, а постепенно и все византийское искусство, застыли в выражении суровости и мрачности, наполняя сознание зрителя торжественностью и благоговением.[355] Этот характер до сих пор ярко выражен в искусстве греческой церкви, особенно в России, где существует сильное и суеверное благоговение перед картинами, не известное больше нигде. Многие церкви полностью покрыты картинами, которые ценятся не за их исполнение, так как они часто отвратительно уродливы, а как своего рода талисманы в связи с их предполагаемой религиозной святостью.[356] Таким образом, искусство, которое является дочерью язычества, перейдя на службу суевериям, испортило, а зачастую и язычество, христианство, как языческие жены Соломона обратили его сердце от поклонения истинному Богу к идолопоклонству. Легки приписывает эту деградацию стиля скрытому манихейству темных веков, монашескому страху перед красотой как смертельным искушением и ужасным картинам Данте, которые открыли воображению такую бездну ужасов. Но с помощью этого средневекового искусства, несовершенного и даже гротескного, каким оно часто бывало, перед умами людей грубого и варварского века живо представало напряженное представление о сценах страстей Христовых и реалистичное чувство наказания погибших.

Будет удобно рассмотреть искусство катакомб под двумя названиями: символические и библейские картины, и отдельно обсудить золоченые бокалы и другие интересные предметы, найденные в этих склепах. Де Росси делит предмет на символические, аллегорические, библейские и литургические картины; но некоторые из этих делений, как, например, последнее, предполагают весь вопрос о назначении и интерпретации этих картин.

[325] Книга М. Дидрона "Христианская иконография" является ценным вкладом в эту важную тему.

[326] В прекрасной фигуре Прессенсе все искусство - это золотая арфа, дрожащая от проносающегося над ней бриза.

[327] Handbuch der Kunstgeschichte, p. xii.

[328] Одним из самых ранних свидетельств существования человека на планете является погребальная пещера в постплиоценовом штреке в Ориньяке, во Франции, в которой сохранились свидетельства проведения погребального банкета и других погребальных обрядов. "Искусственно закрытая катакомба, - говорит д-р Уилсон, - погребенные мертвецы, дары внутри, пепел и обломки последнего погребального пиршества снаружи... все это рассказывает постоянно повторяющуюся историю благоговейного благочестия, неизбывной

скорби и инстинктивной веры в будущую жизнь, которая живет в груди самого грубого дикаря" - "Prehistoric Man," by Daniel Wilson, LL.D., Toronto University, p. 84.

[329] "История искусства", д-р Вильгельм Любке, том i, стр. 275.

[330] "История христианского искусства", т. i, с. 39.

[331] Handbuch der Kunstgeschichte, p. 14.

[332] Г-н Дж. Х. Паркер относит к пятому или шестому веку многие картины, которые де Росси относит ко второму или третьему. Эти выдающиеся авторитеты представляют два крайних мнения. Вероятно, истина лежит между ними.

[333] Ни один пример первого не известен до 312 г. н.э. Нимб дается Господу в четвертом веке, ангелам - в пятом, но своего самого широкого применения он достиг только в седьмом. (Martigny, Dict. des Antiqs. Chrét.) Он использовался в дохристианском языческом искусстве, как египетском, так и классическом. В византийском искусстве она является символом власти и должности, поэтому ее одинаково давали фараону, Саулу, Ироду, Константину, Иуде, апокалиптическому Дракону и Сатане. Иногда Иуда изображается *в черном цвете*. (Didron, Iconog. Chrét. in loco.)

[334] Далее будут упомянуты некоторые гностические изображения.

[335] Исх. хх, 4. 709 - *резное* изображение, от корня 709 - резать, вырезать.

[336] Эти изображения, как правило, были на гладкой белой штукатурке и выполнены в красивых ярких цветах, по большей части в пространствах, ограниченных линиями яркого синего, желтого или красного цвета, или полосами египетского лотоса или лилии. Если они находились на потолке, то в *люнетах*, разделенных аналогичным образом. Эти полосы часто проходят вокруг *локул* и *аркосолий* и делят стены на панели. Иногда последние покрыты сетчатым или решетчатым узором ярких непрозрачных цветов. В настоящее время росписи часто сильно выцвели и испорчены.

[337] 1 Пет. iii, 19.

[338] Медиievalная концепция "изгнания Христа из ада" и освобождения наших первых родителей, погубленных коварством змея, является ярким аналогом этого мифа. Сравните также довольно фантастическое объяснение Бэконом этой легенды с помощью принципов натурфилософии и морали. См. его "Мудрость древних", гл. xi.

[339] Hom. i, De Cruce Domini.

[340] "La physionomie presque payenne qui offre le décoration des Catacombes de Rome." - Discours Sur l'origine des types imitatifs de l'Art du Christianisme. Paris, 1834, p. 96.

[341] Sculture e pitture sagre, etc., t. iii, pp. 193, 218.

[342] Le Mystère de Syncrétisme Phrygien dans les Catacombes Roman de Prétextat. (Nouvelle Interprétation.) Paris, 1854.

[343] Другое прочтение::

HIC ORO NE INQVETES QVOT VIDES.

[344] Рис. 31, из Perret, tom. i, planche lx. Описание в тексте переведено с его рассказа, основанного Гарруччи. См. также Tre sepolcri con pitture ed iscrizioni appartenenti alle superstizioni pagane del Bacco Sabazio e del Persidico Mitra. Napoli, 1852.

[345] Voyage dans les terres bibliques, pl. 5.

[346] Perret, i, p. 44.

[347] Novi multos esse sepulchrorum et picturarum adoratores ... quos et ipsa ecclesia condemnat, et tanquam malos filios corrigere studet.-Aug., de Morib. Eccl. Cathol., lib. i, c. 34.

[348] Contra auctoritatem Scripturarum.-Epiphan., ad Johan. Hierosol.

[349]

Forte requiratur, quam ratione gerendi

Sederit hæc nobis sententia, pingere sanctas

Raro more domos animantibus adsimulatis.

Turba frequentia his est

Rusticitas non casta fide, neque docta legendi.

Hæc adsueta diu sacris servire profanis,

Ventre Deo, tandem convertitur advena Christo.

Propterea visum nobis opus utile, totis

Felicis domibus picturâ illudere sanctâ:

Si forte attonitas hæc per spectacula mentes

Agrestes caperet fucata coloribus umbra,

Quæ super exprimitur titulis, ut litera monstret

Quod manus explicuit.

-Paulin., De Felice Natal. Carm., ix, vv, 541, et seq.

[350]

Segnius irritant animos demissa per aurem

Quam quæ sunt oculis subjecta fidelibus.

-Hor., de Arte Poeticâ.

Mens hebes ad verum per materialia surgit

Et, demersa prius, hac visa luce resurgit.

-На дверях Сен-Дени, Париж.

В Средние века эти базилики, или "Евангелия в камне", несомненно, передавали много религиозной истины. О соборе Святого Марка в Венеции доктор Гатри говорит: "Он не более примечателен своим восточным великолепием, чем потоком евангельской истины, представленной всем взорам в мозаиках, которые покрывают и украшают его купола и

стены..... Здесь с удивительной полнотой и верностью представлено главное, спасительное учение, слава Павла и надежда грешников: "Иисус Христос и Он распят". В 483 году н. э. папа Сикст посвятил народу Божьему -plebi Dei- мозаики Санта-Мария-Маджоре в Риме, выполненные для его назидания.

[351] Placuit picturas in ecclesia esse non debere, ne quod colitur aut adoratur in parietibus depingatur.-Concil. Eliber., A. D. 305, с. 36.

[352] Τοῦτον δὲ τὸν ἀνδριάντα εἰκόνα τοῦ Ἰησοῦ φέρειν ἔλεγον.-Hist. Eccles., vii, 18.

[353] Sectae ipsius (Carpocratis) fuisse traditur socia quaedam Marcellina, quæ colebat imagines Jesu et Pauli, et Homeri et Pythagoræ, adorando incensumque ponendo.-Aug., de Hæresib., с. vii; cf. Iren., advers Hæres., i, с. xxv, § 6. Рошетт изображает один из этих гностических тессаров или амулетов с головой Христа и словом ΧΡΙΣΤΟΣ, сопровождаемым символической рыбой.

[354] In larario suo ... Christum, Abraham et Orpheum, et hujusmodi ceteros, habebat ac majorum effigies, rem divinam faciebat.-Lamprid., in Alex. Sever., с. xxix.

[355] Lübke, vol. i, p. 316.

[356] Stanley's Eastern Churches, passim.

ГЛАВА II.

СИМВОЛИЗМ КАТАКОМБ.

Первобытное христианство было чрезвычайно склонно к религиозному символизму. Рожденное на Востоке и в лоне иудаизма, давно знакомого с этим универсальным восточным языком, оно приняло типы и фигуры как свой естественный способ выражения. Они составляли основу символической драпировки скинии и храмового богослужения, предвеля великие истины Евангелия. Ветхий Завет сверкает таинственными образами. В возвышенных видениях Исайи, Иезекииля и Даниила движутся странные существа дивной формы и пророческого значения. В Новом Завете Божественный Учитель передает самые возвышенные уроки в притчах неповторимой красоты. В апокалиптических видениях святого Иоанна язык образов исчерпывается для изображения низвержения сатаны, триумфа Христа и славы Нового Иерусалима.

Поэтому первобытные христиане, естественно, использовали аналогичный способ художественного выражения для передачи религиозного учения. Кроме того, в качестве необходимой меры предосторожности во времена гонений они скрывали от профанного взгляда своих врагов тайны веры под завесой символизма, который, тем не менее, открывал глубочайшие истины сердцам посвященных. О том, что такая маскировка не была излишней, свидетельствует недавнее обнаружение языческой карикатуры на Распятие на стене под Палатином, а также зафиксированное осквернение евхаристических сосудов отступником Юлианом.[357] Для тех, кто владел ключом к "христианским иероглифам", как называет их Рауль-Рошетт,[358] говорили на языке, который понимали как самые неграмотные, так и самые ученые. То, что для надменного язычника было бессмысленными каракулями, для смиренного верующего красноречиво говорило о величайших истинах и нежнейшем утешении.

Хотя иногда эта символика фантастична и надуманна, в целом она имеет глубокое религиозное значение и часто отличается необычайной поэтической красотой. В вечной

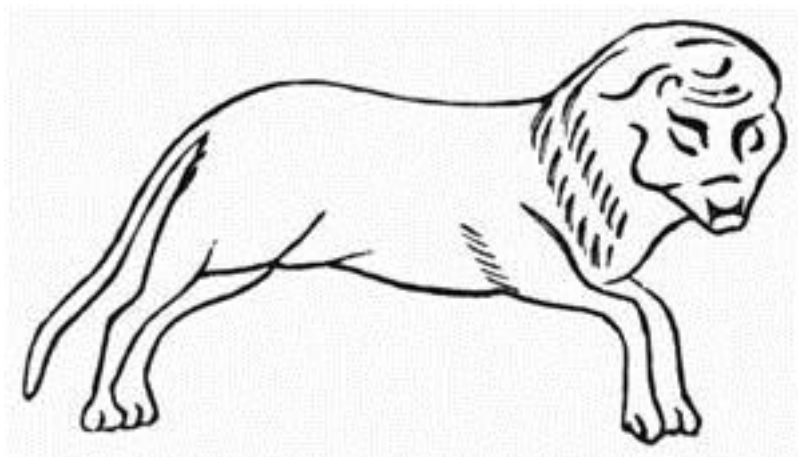
песне любви он находит во всей природе подобия Божественного объекта своей преданности. За тенью времени он видит вечные истины грядущего мира. Она не земная, а полностью сверхчувственная по своему характеру, и использует материальные формы только как намеки на невидимое и духовное. Она обращена к внутреннему видению души, а не к внешнему чувству. Поэтому его достоинство заключается не в художественной красоте исполнения, а в приложимости религиозного значения - испытание, лежащее слишком глубоко для понимания непосвященного. Возможно, на избегание реалистичного изображения, как замечает Куглер, повлиял и страх, который пронизывал первобытную церковь перед малейшим приближением к идолопоклонству.

Однако при интерпретации этого религиозного символизма следует соблюдать большую осторожность, чтобы не вывести его за пределы возможностей или намерений. Она должна быть изъята из сферы теологических споров, слишком часто становящихся полем битвы религиозного гнева и ожесточения, и переведена в сферу научной археологии и беспристрастной критики. Аллегоризирующий ум, если у него есть какая-либо теологическая догма, которую он должен поддерживать, обнаружит символические доказательства в ее поддержку там, где их не может обнаружить никто другой.[359]

Одно из самых поразительных обстоятельств, которое производит впечатление на наблюдателя при посещении этих безмолвных покоев мертвых, - это полное отсутствие всех образов страдания и горя или трагического ужаса, которыми изобилует священное искусство над землей. Здесь нет ни изображений семикратной скорби *Mater Dolorosa*, ни трупных Магдалин, сопровождаемых безглазыми черепами как вечным *воспоминанием о смерти*. Здесь нет изображений агонии и кровавого пота Христа, его креста и страстей, его смерти и погребения; флелляций, пыток и огненных мучений мученичества, подобных тем, что терзают душу во многих церквях и картинных галереях Рима.[360] Только изображения радости и мира изобилуют со всех сторон. Эти мрачные склепы - школа христианской любви и нежного милосердия, облагораживающих мыслей и возвышающих порывов. Первобытные верующие, несмотря на многочисленные гонения, радовались даже в скорбях. "Нет ни малейшего признака скорби, - говорит д'Агенкур, - ни признака негодования, ни выражения мести; все дышит кротостью, доброжелательностью и любовью". "При одном только взгляде на катакомбы, - говорит Рошетт, - можно было бы предположить, что гонения не имели жертв, поскольку христианство не делало никаких намеков на страдания". Здесь нет символов скорби, нет обращений к болезненным симпатиям души, нет ничего, что могло бы вызвать мстительные чувства даже к гонителям церкви; только милые пасторальные сцены, фрукты, цветы, пальмовые ветви и лавровые венцы, ягнята и голуби; ничего, кроме того, что наводит на мысль о радостной невинности, как о золотом веке мира.

Использование живописных изображений, по-видимому, часто было вызвано необходимостью. Многие христиане не понимали никакой другой письменности. Многочисленные надписи, в которых проявляется крайнее невежество, убогое исполнение, грамматика и орфография свидетельствуют о низком и необразованном состоянии тех, кто прикреплял их к стенам.[361] Родственники усопшего, естественно, хотели бы иметь какой-нибудь знак, по которому они могли бы узнать в этом огромном и однообразном лабиринте могил могилу своего ушедшего друга. Для людей, не знающих букв, надпись не могла бы служить этой цели. Поэтому мы часто находим на могиле какое-нибудь живописное изображение, либо с надписью, либо без нее. Иногда это были грубые фигуры, фонетически соответствующие имени покойного, а иногда - эмблемы его ремесла. К первому типу относятся следующие примеры, скопированные со стен галереи Лапидария:

PONTIVS - LEO - SE - BIVO - FECIT - SIBI
 ET PONTIA - MAZA - COZVS - VZVS. (*sic.*)
 FECERVNT - FILIO - SVO - APOLLINARI - BENE
 МЕРЕНТИ -

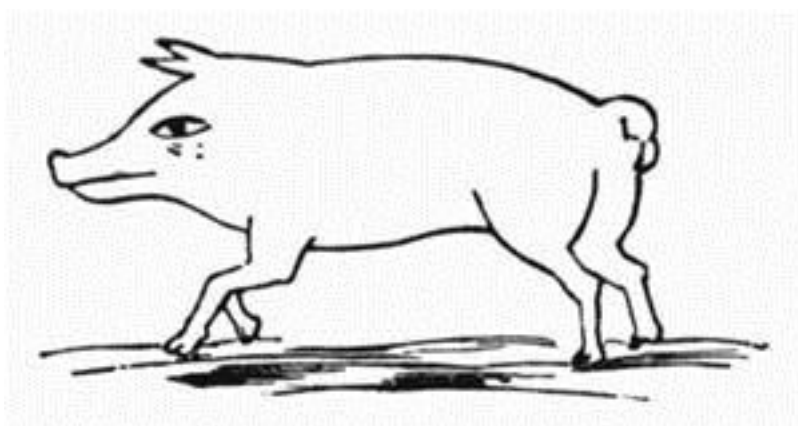
"Понтий Лев сделал это для себя еще при жизни. Он и его жена Понтия Максима сделали это для своего достойного сына, Аполлинария".

Рис. 33.- Фонетический символ.

Друзья Льва, вероятно, не смогли прочитать эту надпись, отвратительная латиница которой выдает невежество каменщика, выполнившего ее, и поэтому выгравировали на камне грубое очертание льва - символ его собственного имени.

На другой плите высечен контур маленького поросенка - живописный перевод несколько необычного имени Порцелла. Возможно, это был термин ласкового обращения, подобный устаревшему английскому "Pigsney".

PORCELLA HIC DORMIT IN P -
 Q - VIXIT ANN - III - M - X - D - XIII -

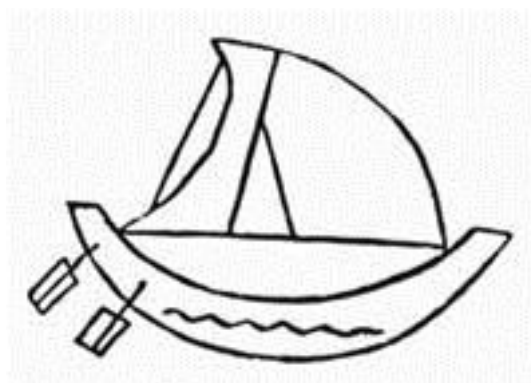
"Здесь спокойно спит Порцелла. Она прожила три года, десять месяцев и тринадцать дней".

Рис. 34. Фонетический символ.

Подобным образом на гробницах Драконтия, Витула и Онагера изображены соответственно дракон, бык и осел - фонетические синонимы этих имен. В некоторых случаях эти фигуры

могут быть просто изобразительной паронимазией, но объяснение, предложенное выше, является более вероятным. В следующем примере это почти утверждается:

NABIRA IN PACE ANIMA DVLCIS
QVI VIXIT ANOS XVI - M - V -
ANIMA MELEIEA
TITVLV FACTV
APARENTES SIGNVM NABE. [sic.]

"Навира в мире; милая душа, прожившая шестнадцать лет и пять месяцев; душа, сладкая как мед; эта эпитафия была сделана ее родителями. Знак - корабль".

Рис. 35.- Фонетический символ.

Чаще всего цифры указывали на профессию или род занятий покойного, как в следующей эпитафии, вероятно, торговца шерстью, найденной доктором Мейтлендом в стене Пьяццо ди Спанья в Риме. Многие важные погребальные таблички, как христианские, так и языческие, были использованы таким образом для самых обычных целей. Предметы, изображенные на гравюре, - это, вероятно, ножницы, гребень, ковш и неизвестный инструмент, используемый для очистки шерсти.

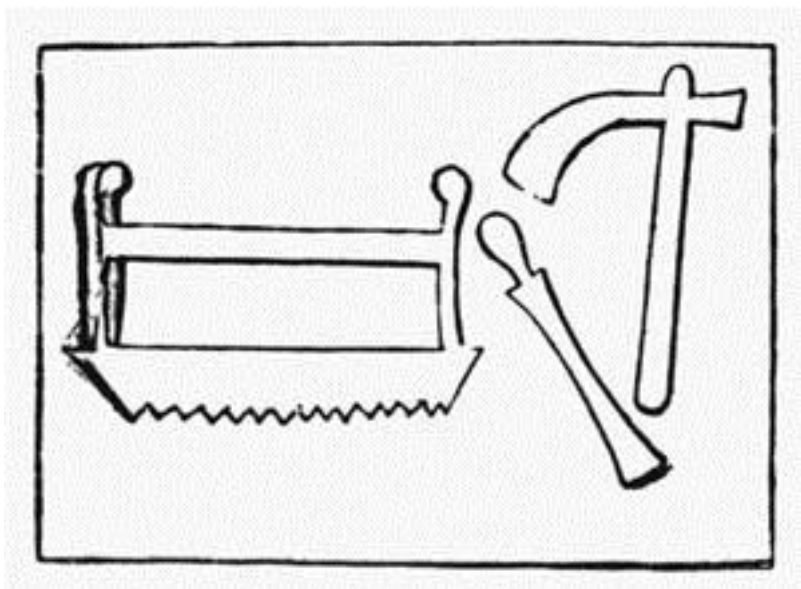

"В Венерию, с миром".

Рис. 36.- Орудия шерсточесальщика.

Следующее изображение из галереи лапидария указывает на профессию плотника. Пила и адз очень похожи на те, что используются сейчас:

BAVTO ET MAXIMA SE VIVI
FECERVNT.

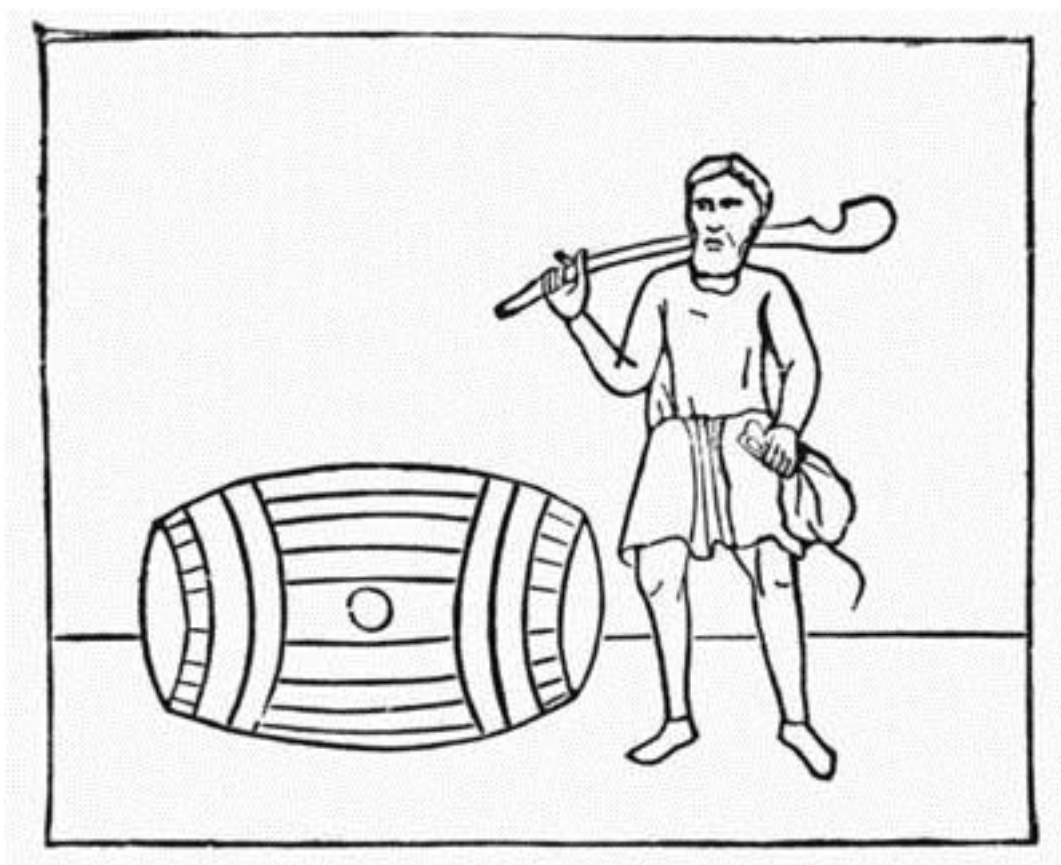

"Баутусу и Максиму. Они сделали это при своей жизни".

Рис. 37. Инструменты плотника.

На другой плите изображена фигура, вероятно, виноградаря, в короткой римской тунике, стоящего возле бочки с вином, символа его профессии. Похоже, он выходит в поле с мотыгой на плече, а в руке у него кошелек, содержащий, возможно, провизию на день.

GAUDENTIO FECERVN FRATRI
QVI VICSIC ANNIS XXVIII - M - VIII - D - XVII

"Гавдентию. Это сделали его братья. Он прожил двадцать восемь лет, восемь месяцев и семнадцать дней".

Рис. 38. Гробница виноградаря.

В катакомбе Святой Агнессы есть фреска с изображением мужей, несущих на плечах винный окур, смысл которой, вероятно, тот же. Мистер Хеманс довольно причудливо интерпретирует этот символ как означающий согласие или союз верующих, связанных священными узами, как шести бочки - обручами.^[362] Мейтланд переводит его как обозначение имени собственного. Мы видели примеры, изображающие фоссоров за работой,^[363] и фигуры Фабретти - плиту скульптора, демонстрирующую изготовление саркофагов. Встречаются и другие примеры, в которых гробница фуллера обозначается молотками, сапожника - башмаками или колодками, пекаря - хлебами, дровосека - топором, бакалейщика - весами и т. п., хотя смысл некоторых из этих фигур вызывает сомнения. Дидрон, однако, заходит слишком далеко в толковании этих символов, делая голубя, рыбу, якорь и овцу лишь эмблемами профессии пловца, рыбака, моряка и пастуха соответственно, тем самым нарушая признанные каноны эпиграфической критики, о которых мы сейчас расскажем.^[364]

Но гораздо большая часть этих символов имеет религиозное значение и относится к миру и радости христианина, а также к святым надеждам на жизнь за гробом; многие из них были заимствованы непосредственно из языка Священного Писания. Часто они были очень простыми и примитивными, такими, которые можно было легко нацарапать шпателем на влажной штукатурке или нарисовать на камне. Однако иногда они были тщательно проработаны в превосходных фресках или скульптурах.

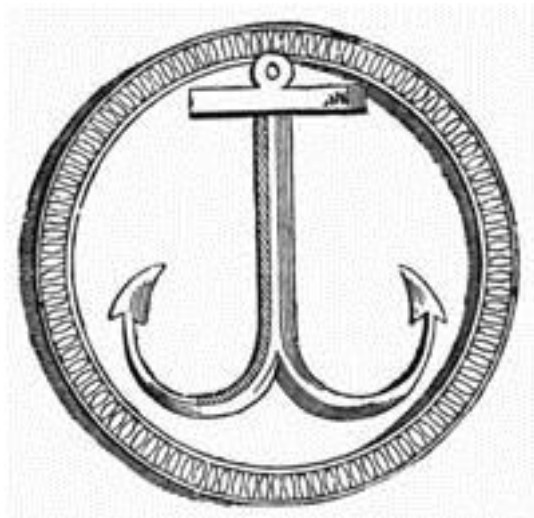

Рис. 39.- Символический якорь.

Прекрасный намек святого Павла на то, что надежда христианина - это якорь души, надежный и непоколебимый, часто изображается в катакомбах в виде якоря, часто грубо нарисованного, но красноречивого и имеющего глубочайший смысл для разума верующего. Он заверял терзаемого бурей путешественника по бурному морю жизни в том, что, пока якорь его надежды брошен "под завесой", его жизненная кора обойдет самые жестокие удары и самые дикие волны преследований и, наконец, безопасно скользнет в гавань вечного покоя. Эта аллюзия становится более очевидной, если обратить внимание на то, как часто она встречается на надгробиях тех, кто носит имя Надежда, в его греческой или латинской форме, как ΕΛΠΙΣ, ΕΛΠΙΔΙΟΣ, SPES и т. д. На прилагаемом примере он изображен

на христианской патере. Этот символ не является неизвестным в классическом искусстве. Он встречается на кольце из Помпеи, хранящемся в Неаполитанском музее, со словом ΕΛΠΙΣ, Норе.

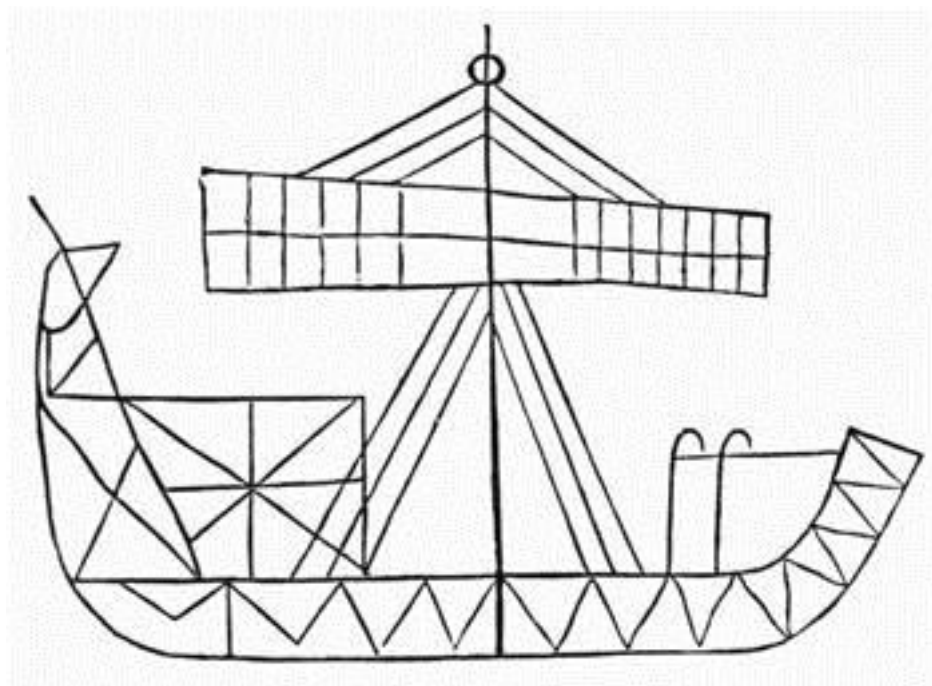

Рис. 40. Символический корабль.

С этим символом схож символ корабля, который также может означать душу, ищущую страну, находящуюся вне поля зрения, так как корабль направляется к земле за горизонтом. Иногда его можно рассматривать как прообраз церкви; в более поздние времена он изображался управляемым Святым Петром и Святым Павлом.^[365] Символ "небесного корабля" - ἡ ναὺς οὐρανοδρομίου - упоминается Климентом Александрийским как вошедший в моду во втором веке. Эта фигура также использовалась в языческом искусстве как эмблема конца жизни, и ее до сих пор можно увидеть высеченной на гробнице возле Неаполитанских ворот Помпеи. В катакомбах исполнение символа часто очень грубое, дизайн, очевидно, скопирован с неуклюжих барж на Тибре. Мачта и верфь иногда представляют собой смутное подражание кресту.^[366] Прилагаемый рисунок взят из Лапидарной галереи Ватикана.^[367]

Пальма и корона - символы, которые часто встречаются, часто в очень грубой форме. Хотя они характерны и для иудейского^[368] и языческого искусства, в христианском символизме они приобрели более высокое значение, чем когда-либо прежде. Они напоминают о том великом множестве, которое никто не может исчислить, и с которым Вера видит дорогих усопших, идущих в белом, с пальмовыми ветвями в руках. Венец - это не венок из плюща или лавра, петрушки или лавра, желанная награда древних игр; не чаша земного веселья, которая, возложенная на разгоряченное чело, вскоре падала увядшей гирляндой к ногам; но венец жизни, звездный и неувядающий, бессмертный венок славы, который святые будут вечно носить на брачном ужине Агнца. Это эмблемы победы над последним врагом, уверенность в том, что

Борьба и горе остались в прошлом;
Слава и достоинство живут дальше.

Пальма и корона, соединенные вместе, причем последняя окружает священную монограмму, представлены на прилагаемом примере с плиты в Ватиканской библиотеке.

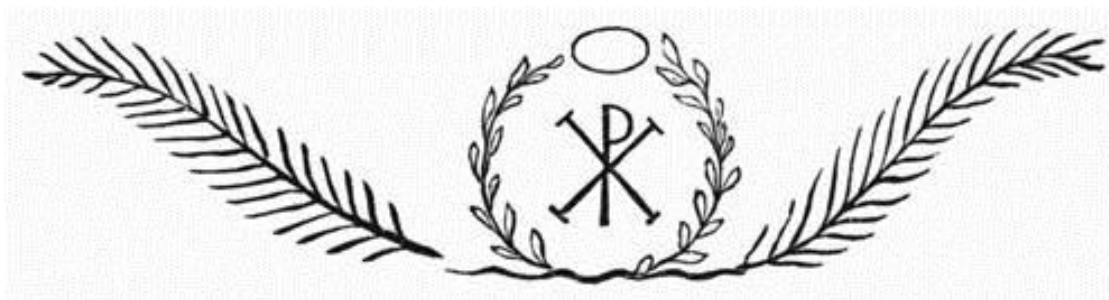

Рис. 41.- Символические пальма и корона.

Пальма также утверждалась, но, как мы увидим, без каких-либо оснований, в качестве эмблемы мучеников и обозначения их гробниц.

Одним из самых красивых символов катакомб является голубь, вечный синоним мира. Действительно, это слово часто добавляется к фигуре, чтобы яснее показать ее значение, как на [рис. 42](#) и [43](#).^[369] Невинность и чистота голубя делают его подходящей эмблемой душ усопших христиан, парящих за пределами земных пороков к мирному блаженству небес.^[370] Поэтому в аллюзии к этой мысли иногда употребляются слова *anima innocens*, *anima simplex* - "невинная душа", "простая душа". Возможно, здесь также содержится ссылка на наставление Господа: "Итак, будьте безвредны, как голуби". Мягкость и нежность этих прекрасных птиц делают их символом привязанности во все века, что хорошо видно по частым аллюзиям на них в бесподобной "Песне Песней". Поэтому в катакомбах оно часто используется в связи с домашними добродетелями усопшего и взаимным постоянством мужа и жены. Выражение *palumbus sine felle* - "голубь без желчи" - часто применяется в христианских эпитафиях усопшим, особенно в его уменьшительной форме - *palumbulus sine felle* - на гробницах маленьких детей, как если бы покойные родители преподносили своих младенцев Господу, как голубей-черепашек и молодых голубей в древнееврейском жертвоприношении посвящения младенцев.

"В мире Божиим".

Рис. 42. Символические голуби.

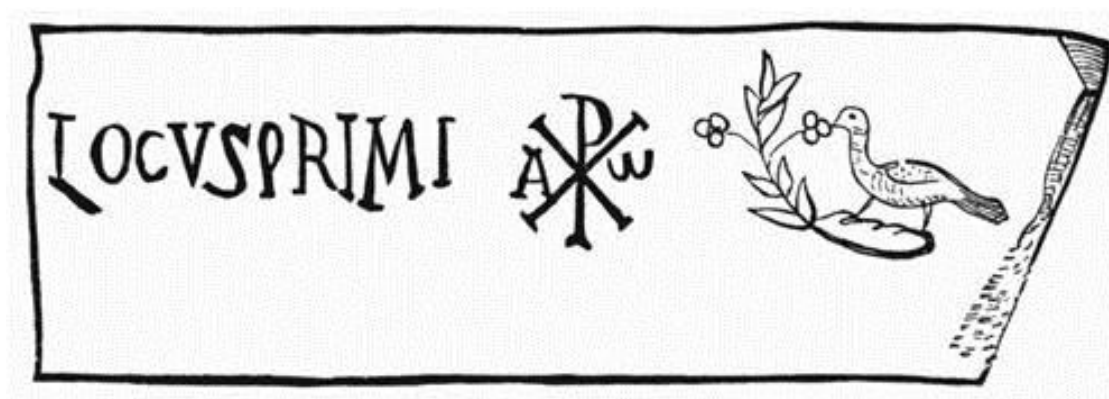
Голубь обычно несет в клюве или когтях оливковую ветвь, знак успокоения вод Божественного возмездия с лица земли. (См. [рис. 43](#).) Таким образом, является, по выражению Тертуллиана, "вестником мира Божьего".

Рис. 43. Символический голубь.

Рис. 44.- Голубь и ваза.

"Место Примуса".

Рис. 45.- Голубь, поедающий оливковые ягоды.

Иногда его можно увидеть пьющим из вазы или клюющим виноград или ягоды оливы - символ наслаждения души райскими плодами и освежающими напитками.[\[371\]](#) (См. [рис. 44](#) и [45](#).) Голубь, сидящий на рукоятках креста,[\[372\]](#) является подходящим символом мира с

Богом, приобретенного смертью Господа нашего Иисуса Христа. Голубь в клетке может означать верного, подвергающегося гонениям, или душу, заключенную в теле.

Голубь также использовался в Катакомбах как символ Святого Духа в изображениях крещения Господа нашего, и, по описанию Паулинуса, подобным образом использовался в церкви Нолы. [373] Тертуллиан [374] применяет к церковному зданию выражение *columbæ domus* - "дом голубя", возможно, имея в виду голубиную религию и характер христиан. В средневековом искусстве Святой Дух, в виде голубя с крестообразным нимбом, символом божественности, изображается парящим над лицом вод первобытного хаоса, вдохновляющим пророков и святых, и даже пригвожденным к кресту над распятым телом нашего Господа. Эта священная эмблема Параклита, Божественного Утешителя, с чудовищным нарушением приличий была начертана на боевых флагах, а Святое Имя присвоено военному ордену и военным кораблям. [375]

Эта эмблема использовалась и в языческом искусстве. Легкокрылые скакуны, влекущие воздушную колесницу Венеры, были голубями. С дубов Додоны голуби произносили оракулы о будущем. Голубь был также небесным посланником Магомета. Олива также была священна для Минервы и как символ мира вплеталась в корону победителя.

Рис. 46.- Символический павлин.

Использовались и другие языческие типы, но с новым, более благородным христианским значением. Так, павлин, гордая птица Юноны, часто появляется в катакомбах, но не как символ всевидящего ока Бога, в подражание языческому мифу о ста глазах Аргуса, а как эмблема бессмертия. [376] С павлином по смыслу и форме часто путали феникс, чудесную историю о возрождении которого из пепла погребального костра с непоколебимой верой пересказывает Климент Римский. [377] Лактанций делает ее темой сложной поэмы [378], а Тертуллиан приводит ее в качестве яркой иллюстрации воскрешения мертвых. [379] Он также считался символом нового рождения и вечного счастья. Петух, обычно ассоциирующийся со святым Петром, [380] трактуется как символ неусыпной бдительности; возможно, это также эмблема или намек на раскаяние апостола за его отречение от Господа.

Еще одна адаптация классического символизма - использование оленя, атрибута Дианы, в качестве эмблемы жаждущего живой воды христианина. Он обычно изображается пьющим у

ручья, вероятно, в связи с тем, что псалмопевец стремится к Богу, как заяц к ручьям.[381] Иногда встречается заяц - подходящий образ гонений на христиан, охотящихся в тайных норах в земле, как кролики в своих убежищах. Лошадь толкуется как символ стремления или скорости в христианском беге, или, возможно, счастливо пройденного жизненного пути;[382] и лев - стойкости души, или, исходя из представления о том, что он спал с открытыми глазами, бдительности против ловушек греха.[383] Примечательно, что собака, языческий символ верности, никогда не встречается, кроме как в качестве аксессуара в сценах охоты явно языческого типа; вероятно, из-за отвращения к этому, по их мнению, нечистому зверю со стороны евреев, которые так сильно повлияли своими характеристиками на христианские мысли и чувства.[384] Змей, обычный языческий символ и вместе с петухом атрибут Эскулапа, нигде не появляется, кроме как в сцене искушения Евы "старым змеем, дьяволом".

Виноградная лоза - подходящий символ тесного союза верующего и Христа, оливковое дерево - жизни, плодотворной в добрых делах, или Церкви, в чьих укрывающих объятиях все души могут найти покой, как птицы воздушные в ветвях дерева. Цветы и плоды могут быть эмблемами будущего блаженства; а каравай - хлеба жизни или святой евхаристии. Фонтан - прообраз живых вод, а лира - влияния божественного Орфея. Светильник и светлица - это эмблемы духовного освещения через Евангелие. Весы могут означать справедливый суд над усопшим или, возможно, окончательный суд и восточное понятие психостаза.[385] Дом, вероятно, обозначает скинию тела, или, возможно, последний долгий дом могилы, или дом нерукотворный на небесах. Большинство символов, однако, относятся к личности и делам Христа, как центральной и доминирующей идее церкви Катакомб. Некоторые из них настолько важны и часто встречаются, что требуют более детального рассмотрения.

Одним из самых ярких и красивых символов является тот, который представляет Христа как доброго пастыря, а верующих - как овец его стада. Если голубей, как мы видели, можно рассматривать как олицетворение блаженных духов усопших, то овцы более уместно символизируют тех, кто, будучи еще во плоти, входит и выходит и находит себе пастбище. Навевая мысли о сладостной древнееврейской идиллии[386], от которой мир никогда не устанет; которая, напеваемая бледными устами умирающих на протяжении веков, укрепляла их сердца, когда они входили в темную долину; и которой Господь придал еще больший пафос нежной притчей о заблудшей овце - неудивительно, что она стала излюбленным образцом той неустанной любви, которая ищет заблудших и отверженных и снова приводит их в свое лоно. Эта нежная история повторяется снова и снова, делая мрачные склепы яркими сценами идиллической красоты и освящая их священными ассоциациями.

В этом символе очень удачно изложена вся суть христианской доктрины. Он иллюстрирует сладостные пастырские представления о взаимоотношениях человека с Пастырем Израиля, который ведет Иосифа, как стадо,[387] и его индивидуальную зависимость от того, кто является Пастырем и Епископом всех душ.[388] Но в особенности она иллюстрирует характер и служение нашего Господа, а также многочисленные отрывки Писания, в которых Он предстает как Добрый Пастырь, оставивший Свой вечный престол, чтобы искать в этом диком мире заблудших и блуждающих овец, ради спасения которых Он отдал Свою жизнь, чтобы привести их на вечнозеленые небесные пастбища.

Этот сюжет подвергается всем возможным видам обработки и бесконечно повторяется - грубо нацарапан на погребальных плитах, искусно изваян на саркофагах, вылеплен на лампах и вазах, выгравирован на печатях и перстнях, прорисован золотом на стекле и написан на фресках, как правило, на самом видном и почетном месте, в сводах палат и тимпанах *аркосолия*. [389] Добрый Пастырь обычно изображается в виде юношеской

безбородой фигуры в короткой римской тунике и бушлате, с нежностью несущей потерянную овцу, которую он нашел и с ликованием возложил на свои плечи. Это, очевидно, не личный образ, а аллегорическое представление "Господа Иисуса, Великого Пастыря овец". Обычно его окружает, как на [рис. 47](#), группа ворсистых последователей, чьи действия и поведение указывают на расположение души и манеру слушать слово. Одни искренне слушают, другие увлечены стрижкой травы у своих ног - это те, кто занят заботами, удовольствиями и богатством этого мира. Прогуливающийся баран беспечно отворачивается, как бы отказываясь слушать; а часто нежная овца нежно прижимается к ногам пастуха или ласкает его руку. Один раннехристианский писатель, современный этому примитивному искусству, дает свое толкование этим картинам. Он сравнивает бедняков этого мира с овцами в бесплодной пустыне; не находя здесь ничего привлекательного, они стремятся к тому, что наверху. Богатые же, напротив, подобны овцам на приятном пастбище, их головы и сердца всегда устремлены к земным вещам. Часто дождь или вода из скалы - эмблема росы благодати или воды спасения - падает, обильно на слушающих овец, скудно на тех, кто кормится, и совсем не на тех, кто отворачивается.

Рис. 47.- Добрый пастырь.

Иногда овца с выражением человеческой нежности и любви прижимается к плечам пастыря; в других случаях она более или менее крепко держится одной или двумя руками, как будто для того, чтобы не сбежать. В некоторых случаях складка видна на заднем плане, что, кажется, завершает аллегория. Часто пастух несет в руке посох или костыль, на который он иногда опирается, как бы изнемогая под своей ношей. Иногда его даже изображают сидящим на кургане, как бы одолеваемым усталостью, напоминая тем самым патетические слова из *Dies Iræ*:

Quærens me sedisti lassus.

Иногда он изображается с музыкальным инструментом, таким как классический сиринкс или труба Пана, в руке, как на [рис. 48](#), как бы указывая на сладостное убеждающее воздействие его слова. В связи с этой мыслью Григорий Назианзен замечает: "Добрый пастырь в одно время дает отдых своим овцам, а в другое время ведет и направляет их, редко своим посохом, чаще своей трубой". На фреске в катакомбе Святой Агнессы нежность и жалость пастыря противопоставлены корыстной суровости наемника, который не заботится об овцах и грубо хватается за ногу ту, которая пытается освободиться, в то время как Добрый Пастырь просто

зовет своих овец, и они слышат его голос и следуют за ним. Иногда вместо доброго пастыря выступает Орфей, чью лиру овцы слушают с радостным вниманием.

Рис. 48. Добрый пастух с Сиринокс.

Иногда пастух изображается ведущим или несущим на плечах не овцу или ягненка, а козленка или козу. Этот кажущийся солецизм считают небрежным подражанием языческим фигурам силванского божества Пана, который часто появляется в искусстве в подобном виде. Однако более вероятно, что это намеренное отклонение от обычного типа, как бы иллюстрирующее слова Господа: "Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию", и указывающее на Его нежность к падшим людям, радующимся больше о потерянной овце, которая была найдена, чем о девяноста девяти, которые не заблудились. Вероятно, это также было задумано как протест против суровости новатиан, отказывающих в примирении кающимся отступникам. Иногда Господь, символически представленный таким образом, сопровождается одним или несколькими своими учениками, как пастырями, которым дано повеление пасти стадо Христово, над которым Святой Дух поставил их блюстителями.

В катакомбе Святой Агнессы есть замечательная фреска, изображающая ягненка между двумя волками, над которым написано слово SENIORES, очевидно, аллегорическое представление истории о Сусанне и старцах, а в мистической форме - образ церкви, окруженной гонениями, или иллюстрация слов Господа: "Вот, Я посылаю вас как овец среди волков".

Фигура Доброго Пастыря была излюбленным символом во все века, и часто встречалась в языческом искусстве. Меркурию поклонялись под именем Кривоноса, или Бараносца, и именно так его изображали в живописи и скульптуре.^[390] Чаще под этой фигурой появляется бог Пан, обычно несущий в руке простой инструмент, которому он дал свое имя. Римские поэты используют этот милый пасторальный образ в своих прекрасных эклогах^[391], чтобы проиллюстрировать нежную заботу пастуха о своем стаде, бережно несущего ягнят на руках или на плечах, напоминая вдохновенный язык, на котором Исайя изображает любовь-доброту Всевышнего к своему народу.^[392] На основании этого внешнего сходства между языческими и христианскими темами Рауль-Рошетт решил, что фрески катакомб были небрежным подражанием языческому типу, упустив из виду их отчетливую христианскую интерпретацию. Но обнаженные фавны, танцующие с нимфами в языческом искусстве, как в гробнице Насоса, бесконечно далеки от сладостной и нежной грации христианского "Пастора Бонуса". Тертуллиан во втором веке говорит о потирах, на которых были изображены Добрый Пастырь и заблудшая овца.^[393] Евсевий говорит, что Константин поместил статую этого сюжета на форуме Константинополя. Он также изображен на мозаике в Равенне, 440 г. н. э., и в катакомбе в Киринее в Африке.^[394]

Но иногда Господа изображают не в виде пастуха, а в виде ягненка.^[395] На самом деле, этот символ не менее уместен, чем только что рассмотренный, и в равной степени имеет санкцию Писания. Многочисленные жертвоприношения в скинии и храме указывали на Агнца, закланного от основания мира, истинную Пасху человечества. Непорочная чистота, мягкость и божественная привязанность Икупителя, Его терпение в страданиях и гонениях делают этот прекрасный символ подходящим прообразом Его невинности и страданий, когда Его вели как агнца на заклание, и Он, как овца, онемевшая перед стригущим ее, не открывал уст Своих.^[396] В благочестивом признании Господа Иоанном Крестителем,^[397] и в возвышенных видениях Апокалипсиса,^[398] Он образно представлен таким образом; и этому божественному Агнцу вечно воспевается песнь хвалы, чести и благодарения.^[399]

Рис. 49.- Агнец как символ Христа.

На прилагаемой гравюре с саркофага в Латеранском соборе четвертого или пятого века ягненок, одетый в нимб, на котором начертаны священная монограмма и буквы Альфа и Омега, эмблемы божественности, стоит на холме, возможно, предназначенном для горы Сион,^[400] из которого текут четыре потока, вероятно, "реки воды жизни,... исходящей от престола Бога и Агнца" и разделяющейся на четыре четверти земли. Эти потоки также по-разному интерпретируются как означающие четырех евангелистов и четыре реки рая.^[401] На саркофаге более позднего времени Господь изображен в человеческом облике со свитком в руке, стоящим на кургане, из которого вытекают четыре мистические реки, а рядом с ним - агнец, несущий на голове латинский крест. По обе стороны - агнцы, олицетворяющие апостолов, которым он дает последнее поручение проповедовать во всех землях Евангелие, содержащееся в свитке, который он держит, и крестить священной водой у их ног. Иногда изображают двенадцать агнцев, приближающихся к одному в центре, как на фресках в соборе Святого Климента в Риме и в Равенне. На патере из позолоченного стекла в Ватиканской библиотеке изображены агнцы, выходящие из Иерусалима и Вифлеема, на что указывают их названия, написанные выше, и приближающиеся к горе Сион, с которой стекают четыре евангельских потока, объединенные в мистический Иордан. Возможно, это символизирует двенадцать колен или язычников, пришедших с востока и запада, чтобы испить воды жизни. Паулинус описывает мозаику в своей базилики Фонди, где крест, символизирующий Христа, был установлен на скале, а вокруг него стояли два стада, овец и коз соответственно. "Пастух отворачивается, - говорит он, - от козлов слева, а правой рукой обнимает заслуженных ягнят".^[402] Это была, возможно, первая из серии художественных изображений Страшного суда, кульминацией которой стали трагические ужасы Сикстинской капеллы.

Иногда молочник изображается рядом с ягненком, или висящим на крюке у его бока, или даже покоящимся на его спине. Иногда его также несет Добрый Пастырь. Без должных на то оснований этот образ был возведен в символ Евхаристии. Более естественно рассматривать его как эмблему благословений спасения, описанных Исаией в образе вина и молока, или же он может означать, что душа питается искренним молоком Слова.

На саркофаге Юния Басса в криптах собора Святого Петра, датированном 359 г. н. э., изображены несколько сцен из истории Священного Писания, которые будут описаны далее. В спандрелях арок над ними находится серия барельефов, на которых наивно изображены ягнята, исполняющие другие сцены из Священного Писания. В одном из них ягненок, олицетворяющий Моисея, ударяет по скале, из которой вырывается вода, а другой получает закон из рук Бога. Три ягненка в огненной печи представляют трех еврейских детей в печи Навуходоносора. Нашего Господа символизирует агнец, на голову которого другой, олицетворяющий Иоанна Крестителя, льет воды крещения, а Святой Дух в виде голубя вдыхает божественную благодать. Агнец, олицетворяющий Христа, умножает хлебы и выводит Лазаря из могилы.

Одним из самых примечательных и важных по своему богословскому значению символов Катакомб является рыба. Он является одним из самых древних во всем иератическом цикле. Она сопровождает первую датированную надпись, на которой изображена любая эмблема,[403] , а около сотни примеров относятся к первым трем векам. Он также был одним из первых, который был прекращен. В четвертом веке она быстро пришла в негодность, а к началу пятого почти полностью исчезла из религиозного искусства.[404]

Отказ от этой замечательной фигуры можно объяснить ее загадочным и анаграмматическим характером. Это яркая иллюстрация той *disciplina arcana* первобытной церкви, которая использовала знаки, тайный смысл которых ее языческие враги не могли понять. Когда эпоха гонений миновала, отпала необходимость скрывать под аллюзиями и эмблемами, известными только посвященным, религиозные истины, которые открыто провозглашались со всех сторон. Поэтому этот чисто условный знак вышел из употребления.

Этот символ, вероятно, получил свое происхождение от того, что начальные буквы имен и титулов Господа нашего на греческом языке - Ἰησοῦς Χριστός, Θεοῦ Υἱός, Σωτήρ, Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель - образуют слово ΙΧΘΥΣ, рыба. "В этом единственном слове, - говорит Опат, - заключено множество священных имен".[405] Это же слово встречается акростихом в начальных буквах некоторых так называемых сивиллиных стихов, цитируемых Евсевием[406] и Августином,[407] которые, несомненно, были христианского происхождения. Символ впервые упоминается Климентом Александрийским,[408] , и, вероятно, он возник в аллегорической школе христианства, которая возникла в этом городе.[409]

По всей видимости, в этом символе также содержится намек на таинство крещения. "Мы - маленькие рыбки, - говорит Тертуллиан, - во Христе, нашей большой рыбе. Ибо мы рождаемся в воде и можем спастись, только пребывая в ней"[410] , то есть через духовную благодать, видимым знаком которой является крещение. "Этот знак, - говорит Климент, - не позволит людям забыть о своем происхождении". "Он (то есть Христос) есть та рыба, - говорит Опат, - которая в крещении спускается в ответ на молитву в крещальную купель, так что то, что раньше было водой, теперь называется, от рыбы, (*a pisce,*) *piscina*".[411] Даже мифическая рыба, упоминаемая в апокрифической книге Товита,[412] случайные изображения которой встречаются в катакомбах, интерпретируется некоторыми Отцами как

образ Господа. "Та рыба, которая живой вышла из реки к Товию, - говорит Августин, - чье сердце (печень), поглощенное страстью, обратило демона в бегство, была Христом".[413]

Этот священный знак также считался эмблемой страданий Господа и пользы его искупления.

"Спаситель, Сын Божий, - говорит Проспер Аквитанский, - это рыба, приготовленная в Его страстях, внутренними средствами которой мы ежедневно просвещаемся и питаемся".[414]

"ΙΧΘΥΣ - это мистическое имя Христа, - говорит Августин, - потому что Он живым спустился в глубины этой смертной жизни, как в пучину вод".[415] "Рыба, в пасти которой была монета, уплаченная в качестве дани, - говорит Иероним, - была Христом, ценой крови которого были искуплены все грешники". Ориген говорит о нем лишь как о "фигурально названной рыбе".[416] "Таким образом, этот символ стал, - говорит доктор Норткот, - священным

тессером, воплощающим с удивительной краткостью и отчетливостью полное сокращение вероучения - исповедание веры, как в две природы и единство личности, так и в искупительное служение нашего благословенного Господа".[417]

Рис. 50.- Символическая рыба.

Немногие символы, если таковые вообще существуют, были более распространены, чем этот. Он грубо нацарапан на погребальных плитах, нарисован в *кувуклии*, изваян на саркофагах, вылеплен на лампах,[418] выгравирован на кольцах и печатях,[419] вырезан из слоновой кости, перламутра и драгоценных камней, отлит в бронзе или стекле. Эти последние, часто проколотые, чтобы носить их как амулет, часто давали неофиту при крещении, чтобы напомнить ему о привилегиях и обязательствах, которые оно давало, и их часто находят похороненными вместе с мертвыми. На одном из выгравировано слово ΣΩΣΑΙΣ - "Да спасешь ты нас"; а на погребальном светильнике, помимо изображений рыб, выгравировано слово ΙΧΘΥΣ, и, как бы в пояснение, киферы Α. Ω., ΙΗ. ΧΘ. ΣΩΤΗΡ - то есть Первый и Последний, Иисус Христос, Спаситель. На плите, на которой выгравированы две рыбы и якорь, есть надпись: ΙΧΘΥΣ ΖΩΝΤΩΝ - "Рыба живая". Иногда этот священный знак наносится на языческие надгробия, которыми закрывают *локулы* катакомб, чтобы придать им христианский характер. Часто исполнение очень грубое, как на рис. 50; иногда оно имеет более художественную форму, как на рис. 51. Однако она редко встречается одна, но ассоциируется с другими христианскими эмблемами, такими как якорь или голубь (см. рис. 52 и 53), как бы указывая на то, что усопший покоится во Христе, в надежде и мире. Иногда рыба держит во рту венок, возможно, в намек на корону, которую Христос даст всем своим святым. Дидрон возражает против применения этих символов к Христу, поскольку рыба не носит нимб. Но в этот ранний период нимб вообще не носили; поэтому такой критерий неприемлем.

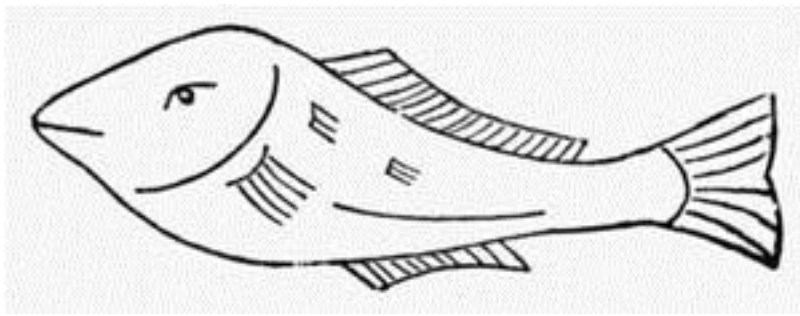

Рис. 51.- Символическая рыба.

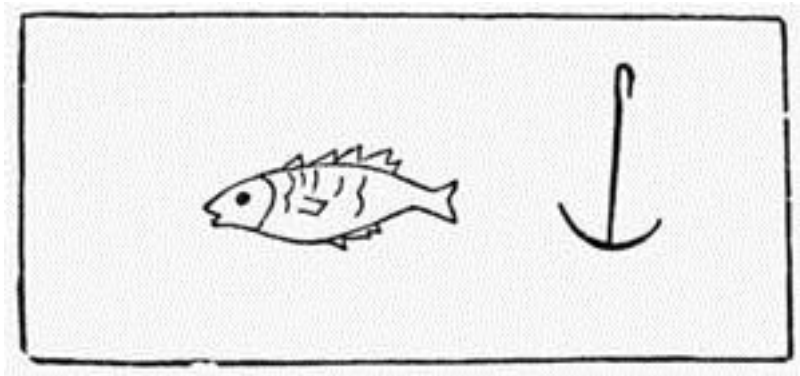

Рис. 52.- Рыба и якорь.

Из катакомбы Гермеса. Самый ранний датированный пример - 234 г. н.э.

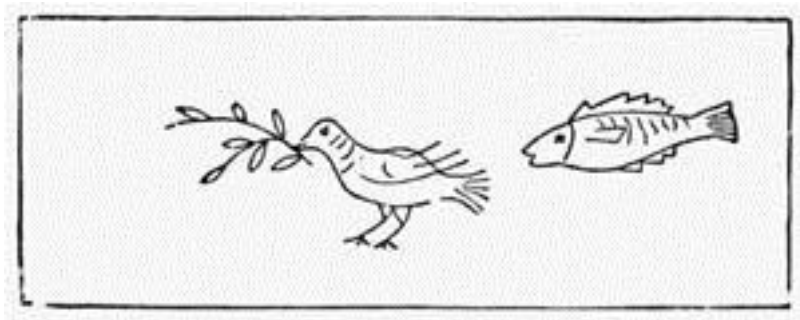

Рис. 53.- Рыба и голубь.

Из катакомбы Святой Присциллы.

Рис. 54.- Евхаристический символ.

Эта священная рыба иногда изображается, как на [рис. 54](#) из крипты святой Люцины, несущей на спине корзину с хлебом и флягу с вином, а иногда и буханку хлеба во рту. В этих случаях, вероятно, имеется ссылка на хлеб жизни, который Христос преломляет своим ученикам, или, возможно, на святую евхаристию. Иногда птица изображается черпающей

пищу из рта рыбы, что символизирует душу, получающую подпитку от Христа. На евхаристию также указывают частые изображения рыбы и хлеба на столе, иногда с молитвенной фигурой рядом; а также изображение семи человек, вместе вкушающих хлеб и рыбу, вероятно, Христа, обедающего с учениками на берегу моря после своего воскресения.

Мелито Сардийский говорит о Господе в образе рыбы, зажаренной на огне скорби.^[420] Мистическое толкование было дано также хлебом и рыбам, умноженным Христом для накормления народа, как обозначающим семикратные дары Духа и отправления Закона и Евангелия.^[421]

Замечательная греческая надпись, найденная около тридцати лет назад на древнем христианском кладбище в Аутене, во Франции, проливает свет на глубокое религиозное значение символа рыбы.^[422] Ее дата, как указывает характер эпиграфики, по мнению самых выдающихся критиков, составляет около 400 года.^[423] Язык отличается гомеровской чистотой и силой, что объясняется тем, что в четвертом и пятом веках Аутун был своего рода "французским Итоном", где греческий, язык "Гомера и богов", тщательно культивировался. Ниже приводится текст, восстановленный и переведенный Мариоттом. Можно заметить, что слово ΙΧΘΥΣ встречается акростихом в начальных буквах первых пяти строк и четыре раза в основной части надписи. Предполагается, что фигура рыбы была также выгравирована, хотя теперь, к несчастью, стерта, в обоих нижних углах, где для нее, по-видимому, были оставлены места.

ΙΧΘΥΟΣ οὐρανόυ ἅγιον γένος, ἦτορ σεμνῷ
Χρῆσε, λαβὼν ζωὴν ἄμβροτον ἐν βροτείοις
Θεσπεσίωυ ὑδάτων- τὴν σὴν, φίλε, θάλπεο ψυχὴν
Ὑδάσιυ ἀεναίοις πλουτοδότου Σοφίης,
Σωτῆρος δ' ἁγίων μελιθεά λάμβανε βρώσιυ.
Ἔσθιε πεινάων ΙΧΘΥΝ ἔχων παλάμαις.
ΙΧΘΥΙ χεῖρας ἄραρα- λαλαίεο δέσποτα Σῶτερ
Εὐθύ μοι ἡγητήρ, σε λιτάζομε, φῶς τὸ θανόντων.
Ἀσχανδίε πάτερ, τῷ 'μῷ κεχαρισμένε θυμῷ,
Σὺν μητρὶ γλυκερῇ καὶ πᾶσι τοῖσι ἐμοῖσι
ΙΧΘΥΝ ἰδὼν υἱοῦ μνήσεο Πεκτορίου.

"Отпрыск небесного Ихта, [Христос,] смотри, чтобы сердце твое было в святом благоговении, теперь, когда из божественных вод ты получил, будучи еще среди смертных, источник жизни, которая есть бессмертие. Ускорь душу твою, возлюбленный, к еще более полной жизни, с неизменными водами мудрости, дарующей богатство, и прими медово-сладкую пищу Спасителя святых. Ешь с жаждой, держа в руках Ихтус [Божественную пищу]. На Ихтусе [Христе] сцеплены руки мои; по любви Твоей приблизись ко мне и будь моим путеводителем, моим Господом и Спасителем; молю Тебя, Ты Свет тех, для кого смертный час миновал. Отец мой, Асхандей, дорогой моему сердцу, и ты, милая мать, и все, кого я люблю на земле, часто, когда вы смотрите на Ихт [святой знак Христа], так часто думайте обо мне, Пекториусе, вашем сыне".^[424]

В этом прекрасном выражении первобытной веры и надежды римская интерпретация обнаружила свидетельства молитв за умерших, обращения к Деве Марии, доктрину трансубстанциации и причастия в одном роде, а также упоминание о "священном сердце Иисуса". Марриотт хорошо показал грамматические и другие трудности, которые создают

эти вынужденные интерпретации, и абсурдность импорта в древность "спорных фраз сравнительно современной теологии, совершенно неизвестных ранней церкви".

Иногда, в результате путаницы метафор, характерной как для живописных, так и для литературных образных выражений, символ рыбы применяется как к людям, так и к Господу. Действительно, это, возможно, было его первичным применением, и это подтверждается тем, что в Писании апостолы названы "ловцами человеков". Греческая литургия использует ту же фигуру и, следуя метафоре, говорит о жезле креста, крючке проповеди и наживке благотворительности.^[425] На саркофагах и фресках катакомб, несомненно, в связи с этой функцией христианского служения, часто встречаются изображения людей, вытаскивающих рыбу из воды. Однако их не следует путать с эпизодическими сценами рыбной ловли, скопированными с языческого искусства; символических рыб следует тщательно отличать от дельфинов, которые часто встречаются на саркофагах, и от "большой рыбы", проглотившей Иону. Примечательно, что бронзовое изображение с потиром и рыбой было найдено в Аутене, по соседству с приведенной выше надписью. Эта фигура также встречается на некоторых древних монетах и в изображениях финикийского Дагона или бога-рыбы.

Примечательно, что в катакомбах сравнительно мало изображений креста, этого священного знака спасения, который в последующие годы был извращен для столь суеверного использования; а когда он встречается, то, как правило, в какой-то замаскированной форме, а не в той, которой он обычно обозначается сейчас, известной как латинский крест. Вероятно, это объясняется двумя причинами. Сама святость символа и то отвращение, с которым к нему относились язычники, сговорились не позволять ранним христианам выставлять его на всеобщее обозрение. Почти невозможно представить себе, с каким отвращением относились к кресту в первые века греческие и римские умы. На протяжении веков он был освящен самыми священными и почтенными ассоциациями и наделен самым возвышенным и торжественным интересом как эмблема искупления мира. Она развеивалась на освященных знаменах и была начертана на гербах самых гордых монархов Земли. Она сияла на шпилях и куполах соборов и, украшенная золотом и драгоценными камнями, блистала на многих святынях. Его начертали на челе младенца во время крещения и держали перед глазами умирающего; с ним связаны самые глубокие чувства и самые святые надежды души.

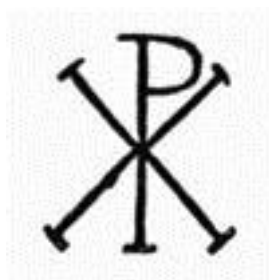
Не так было в первые века существования церкви. Тогда это был знак бесчестия и позора - наказание для самых низких рабов и самых мерзких преступников. К нему относились с ненавистью и отвращением, более сильными, чем те, что испытывает сегодня преступник на гильотине. Само его название было отвратительным для римских ушей^[426], а князь римских ораторов осуждал его как самое нечестное и жестокое наказание, позорное и несчастное дерево.^[427] Таким образом, эта христианская эмблема стала объектом насмешек и издевательств со стороны язычников-гонителей. Иллюстрацией этого может служить кощунственная карикатура на Распятие, найденная на стенах дворца Сезаров и относящаяся ко времени Септимия Севера.^[428] На ней изображена фигура с головой осла, прикрепленной к кресту, которую другая фигура, стоящая рядом, приветствует, целуя руку, или поклоняется в классическом смысле этого слова. Внизу грубые каракули, которые были истолкованы следующим образом: Ἀλεξόμενος σέβετε (sic) Θεόν - "Алексоменос поклоняется своему богу", вероятно, это насмешка какого-то римского legionera над солдатом-христианином из дома Сезара. Лукиан также презрительно говорит о нашем Господе как о "распятом самозванце".^[429]

Христиане, таким образом, благоговейно скрывали этот священный знак от толпы; но они лелеяли его в своих сердцах и во времена гонений с радостью переносили его поношение.

Ранние отцы, как греческие, так и латинские, признают, что этот символ встречается повсюду во вселенной, и с пылким красноречием рассказывают о его мистическом значении. Точки компаса, говорит Иероним, и четыре измерения пространства, упомянутые апостолом, [430] излагают его. Его форму принимали птицы в полете, люди во время плавания и молитвы, его можно увидеть на мачтах и верфях кораблей. [431] "Крест", - говорит Иустин Мученик, [432] , - "запечатлен на всей природе; едва ли найдется ремесленник, который не использовал бы его фигуру среди орудий своего труда". Его можно было увидеть в луче и доле плуга, в формах цветов и листьев. Он был типизирован в бесчисленных аналогиях Писания: в измерении ковчега, количестве слуг Авраама, форме посоха Иакова и жарении пасхального агнца; в жезле Моисея, семиветвистом подсвечнике и волновых жертвах храмового служения; и он был освященным знаком, отмеченным кровью на перемычках домов Евреев. Он исцелял укушенные змеями раны израильтян в пустыне, побеждал амаликитян в битвах и возвращал к жизни сына вдовы, давшей хлеб пророку. Это был знак Божий на святых Иерусалима, который должен был стать знаком Сына Человеческого на небесах. Христиане носили священный знак, как знамя, на лбу, [433] и форма, от которой люди когда-то содрогались, говорит Златоуст, стала знаком высшей чести, так что даже императоры отложили диадему, чтобы принять крест. "Пусть несет крест, - говорит Паулин, - тот, кто хочет носить корону". [434] Христиане были известны как "почитатели креста" [435] , и этот знак Христа [436] использовался для освящения каждого акта их жизни, их опускания и подъема, их выхода и входа. [437] В особенности, как отмечают некоторые отцы, [438] был принят в качестве молитвенной позы, и Златоуст приводит в пояснение слова Псалмопевца: "Да будет воздевание рук моих, как вечерняя жертва". [439] Тертуллиан и Астерий Амасенус [440] прямо заявляют, что таким образом излагаются страсти Господа.

Этот символ приобрел в народе силу священного талисмана, способного изгонять демонов, побеждать сатану, отвращать зло, защищать во время опасности или искушения и затыкать пасти львам, готовым пожрать неустрашимых исповедников веры. [441] Крестное знамение на лбу и сердце, по словам Пруденция, изгоняет все зло. [442] Другой поэт V века рекомендует мистическую прелесть как противоядие от болезней скота. В такое суеверие христианство уже выродилось. [443]

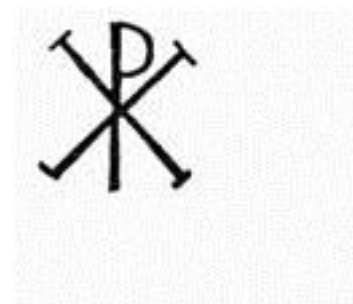
Чаще других христианских символов в катакомбах встречается так называемая константиновская монограмма, . ✠ Первым достоверным примером ее является следующая, датированная 331 годом н. э: [444]

ASELLVS ET LEA PRISCO PATRI BENEMERENTI IN PACE QVI BIXIT ANNIS
LXIII MENSIBVS III DIES N XII.

В СИГНАЛЕ

Аселл и Лия - Приску, их достойному отцу, в мире, прожившему шестьдесят четыре года, три месяца, двенадцать дней. В знамении Христа.

Рис. 55.- Самая ранняя датированная монограмма Константина.

Несколько похожая форма встречается с датой 291 г. н. э., но де Росси считает, что это лишь декоративная точка.[\[445\]](#) Следующий фрагмент, возможно, относится к 298 году, когда один из консулов носил имя Галлус; но невозможно доказать, что именно он упоминается в надписи: [VI]XIT ... ... GAL . CONSS.- "Он жил во Христе... и Галл были консулами".[\[446\]](#)

В 339 году встречается второй датированный пример, заключенный в круг. В 341 г. н. э. встречаются три примера, а в 343 г. н. э. он встречается четыре раза в одной надписи. После этого она становится очень распространенной, и даже используется в качестве знака препинания между словами.

Эта монограмма образована, как можно догадаться, сочетанием греческих символов Х и Р, первых двух букв слова ΧΡΙΣΤΟΣ, или Христос. На самом деле его можно рассматривать скорее как сокращенную форму написания этого слова, чем как самостоятельный символ, подобно тому как мы иногда пишем Xt. и Xmas. для Христа и Рождества. Действительно, скорее всего, она возникла в результате распространенной практики сокращенного и монограмматического письма, примеров которой мы имеем так много в этих надписях. То, что монограмма обозначает имя Господа, становится очевидным при рассмотрении нескольких надписей, в которых она встречается, как, например, в самом первом датированном примере, приведенном выше. См. также следующие: IN PACE ET IN DEO - "В мире и во Христе Боге"; BIBAS IN - "Да живешь ты во Христе"; IN VICTRIX, что, вероятно, означало "Victrix (женское имя), побеждающая во Христе". Марангони приводит сопутствующий оттиск печати на штукатурке могилы. См. [рис. 56](#).

"Надейся на Него", *то есть* на Христа.

Рис. 56. Христианская печать.

Эта монограмма вскоре стала почти универсальной в катакомбах, на могильных плитах, лампах, вазах, кольцах, печатях, гирях, драгоценных камнях и т. д., во всех мыслимых

модификациях формы, некоторые из которых показаны на иллюстрации на следующей странице. См. также виньетку на титульном листе, скопированную с алебастровой плиты в Collegio Romano, происходящей из катакомб.

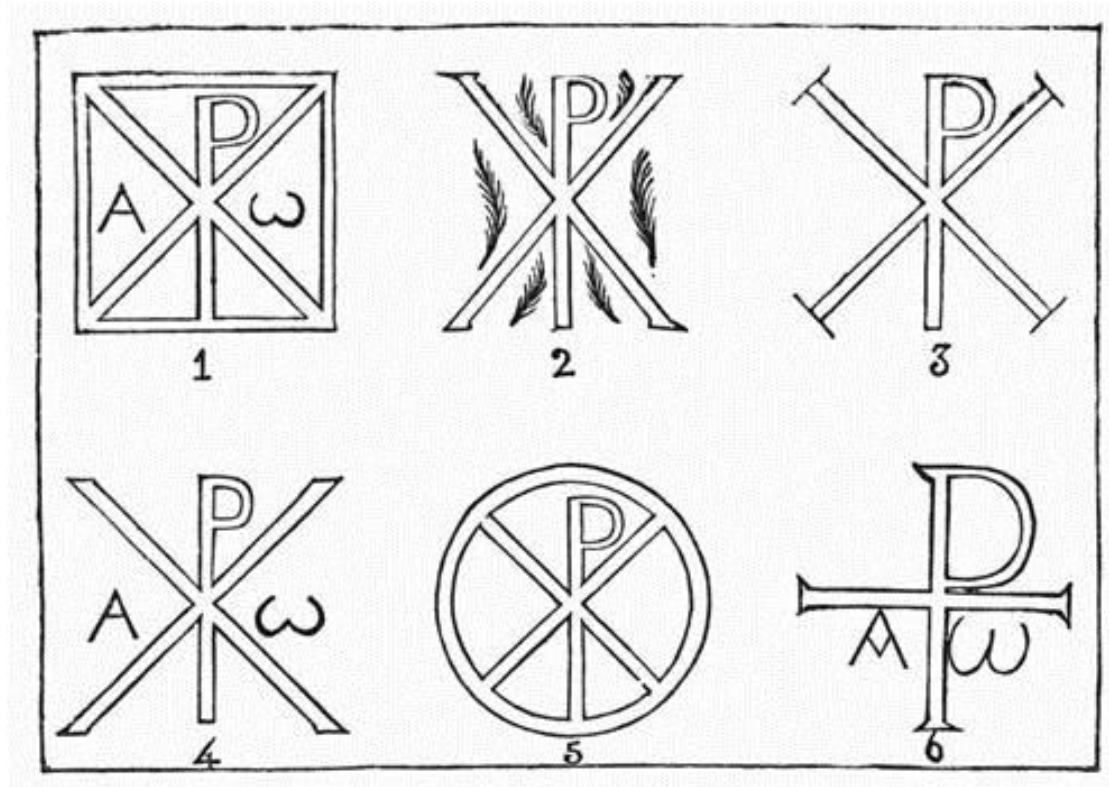

Рис. 57.- Различные формы константиновской монограммы.

Рис. 58. "Тасарис во Христе, первый и последний".

Часто монограмму сопровождают греческие буквы Альфа и Омега, как в номерах 1, 4 и 6 на [рис. 57](#), в аллюзии к возвышенному отрывку из Откровения, описывающему вечность Христа.^[447] Иногда порядок букв меняется на противоположный, вероятно, по незнанию художника, как на прилагаемом грубом примере, [рис. 58](#). Иногда весь текст располагался наискосок или даже переворачивался вверх ногами, несомненно, по той же причине. Даже в самой простой форме надпись считалась достаточной, чтобы придать христианский характер надгробию, которое изначально было языческим. Такие надписи называются *opisthographæ*, то есть написанные за спиной. В следующем примере из Аринги буквы D. M.,

обозначающие языческую формулу DIS MANIBVS, - "Божественному Манесу", - частично стерты, а вместо них поставлен знак освящения.

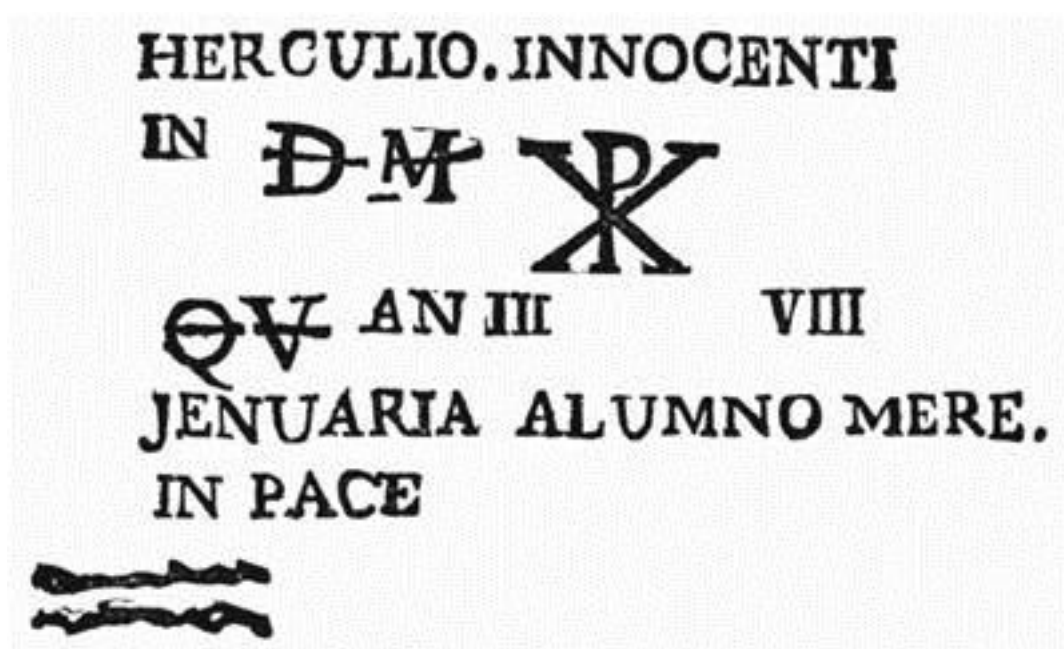

Рис. 59.- Опистографическая надпись.

Предполагается, что эта монограмма была заимствована с прославленного лабарума, или боевого штандарта Константина, на котором была изображена эта священная фигура. Она, в свою очередь, была получена от изображения, которое императорский новообращенный видел или думал, что видел, прорисованного в небе огненными символами ярче, чем полуденное солнце, перед битвой на Мильвийском мосту. Вероятно, солнечный ореол необычайного великолепия был превознесен пылким воображением Константина в знак божественной помощи, а легенда 'Εν τοῦτω νικά' была добавлена легковерным историком позже. Христианская эмблема, по словам Пруденция,^[448] была нанесена на щиты и шлемы всей армии, а также на императорский штандарт; "и таким образом, - говорит Мильман, - кроткий и мирный Иисус впервые стал Богом битвы, а крест, святой знак христианского искупления, - знаменем кровавых разборок".^[449]

Вероятно, на вышеупомянутую легенду намекает следующая надпись из Бозио:

IN HOC VINCES

SINFONIA ET FILIIS.

В этом ты победишь. Во Христе. Sinfonia, также для ее сыновей.

На замечательном саркофаге в Латеранском музее изображена монограмма^[450], опирающаяся на крест и окруженная венком, над которым кормятся голуби; вероятно, это символ душ блаженных, питающихся надеждой на бессмертный венец и сладостью вечного

блаженства. Внизу сидят два солдата, которые, как считается, символизируют христианских воинов, еще не вошедших в покой, чье единственное место безопасности - у подножия креста; или же они могут относиться к Драconi, или императорской гвардии Лабарума, которая, по словам Евсевия, прошла невредимой под ливнем копьев.

На представленной ниже увеличенной копии раннехристианской печати изображен триумф креста над старым змеем, дьяволом, а также символ спасения святых, представленных голубями у его подножия. В более позднем искусстве фигуры львов, орлов, соколов, павлинов, голубей и ягнят, сгруппированные вокруг креста, похоже, означают его силу усмирять злые страсти и вдохновлять на святые добродетели.

Рис. 60. Раннехристианская печать.

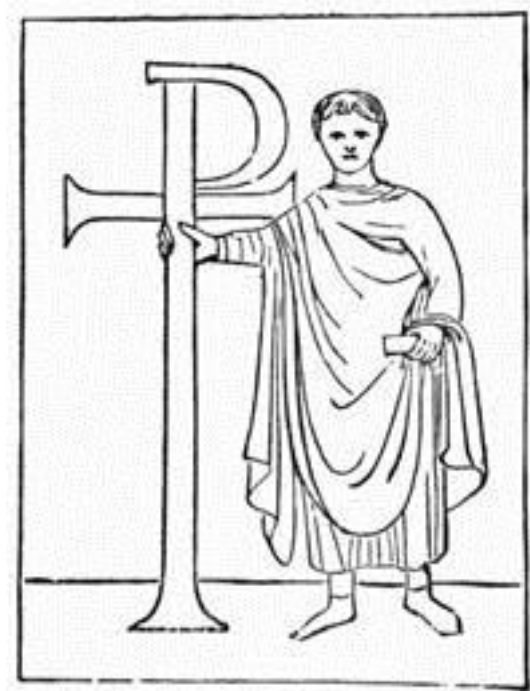

Рис. 61.- Монограмма, объединенная с крестом.

Переход монограммы в крест происходил очень постепенно. Сначала один штрих Х стал совпадать с вертикальной частью Р, а другой - под прямым углом к ней, как в № 6, [рис. 57](#). В конце концов петля П исчезает, и получается греческий крест. В других примерах [рис. 57](#) крест, если это вообще был крест, был не в греческой и не в латинской форме, а в той, которая известна как Андреевский. Наконец, нижняя рука удлинялась, пока не принимала форму, показанную на прилагаемой гравюре, которая была найдена на могиле неопита четырех лет от роду. Первый датированный пример простого незамаскированного креста в катакомбах встречается не ранее 407 года н. э.; [\[451\]](#), но во второй половине V века он стал довольно распространенным. Он также стал более нарядным по форме, часто украшался драгоценными камнями и венками из цветов, особенно на поздних барельефах. В четвертом веке он уже стал объектом такого суеверного почитания, что вызвал упреки Юлиана и экстравагантное восхваление многих христианских отцов. [\[452\]](#) Во времена Златоуста предполагаемое открытие истинного креста императрицей Еленой было воспринято повсеместно и "сразу же материализовало, - говорит Милман, - духовное поклонение христианства". [\[453\]](#) Его положение было открыто в видении, а подлинность доказана чудесными исцелениями, которые он совершал, как записал святой Кирилл, впоследствии епископ Иерусалимский, предполагаемый очевидец этого события. Драгоценная реликвия, распространенная по всему христианству [\[454\]](#) и носимая в качестве священных талисманов, во многом способствовала развитию духа суеверия, кульминацией которого стали римские праздники Изобретения и Воздвижения Креста, а также церковные гимны и службы, часто граничащие, по крайней мере, с идолопоклонством. [\[455\]](#) Это также привело к зарождению чудесной легенды о кресте в апокрифических Евангелиях и древних преданиях. [\[456\]](#)

Таким образом, крест постепенно приобрел ту форму, в которой его принято изображать сейчас; но это был знак радости и веселья, увенчанный цветами, украшенный драгоценными камнями, "залог воскресения, а не воспоминание о страстях". [\[457\]](#) Это было как радуга в облаке для Ноя после потопа - обещание милости, а не символ гнева. Первобытная Церковь представляла воображению не мертвого Христа, а прославленного Искупителя. Она не задерживалась у пустой гробницы, а верой следовала за воскресшим Господом. Гонимые святые разделяли триумф Его победы над смертью и могилой и чувствовали, что раз Он жив, то и они должны жить.

Ранние верующие тщательно избегали, как будто их удерживал священный интердикт, любых попыток изобразить ужасные сцены страстей Христа, реалистичное изображение которых в римско-католическом искусстве так часто шокирует чувства и ранит душу. Эту торжественную трагедию они считали темой для благочестивых и молитвенных размышлений, а не для художественных портретов. Поэтому мы не находим изображений агонии и кровавого пота, насмешек и позора, смерти и погребения Господа. "Катакомбы Рима, - говорит Милман, - верные своему общему характеру, не предлагают ни одного примера распятия, и ни в одной ранней письменности не встречается упоминания о таком предмете искусства". [\[458\]](#) "Страсти представлены на сайте не буквально, - говорит доктор Норткот, ярый сторонник римско-католических взглядов, - а под покровом тайны. Не наш Возлюбленный Господь, а кто-то другой несет свой крест. Корона, возложенная на его голову, скорее из цветов, чем из шипов, и лучше соответствует мистическому языку Супруга в кантиках [\[459\]](#), чем буквальному толкованию". [\[460\]](#) С этим согласуется утверждение выдающегося прусского археолога, профессора Пайпера из Берлина. Говоря о серии художественных изображений, относящихся к первым пяти векам, сцен из жизни Господа, которые простираются от его рождения до появления перед Пилатом, он говорит: "Дальше, однако, эта серия не идет: смерть и воскресение Христа вообще не были предметом изображения в этот период." [\[461\]](#)

В V веке Паулин из Нолы говорит о Христе как о снежном агнце, стоящем у подножия креста.^[462] Иногда ягненок нес крест, в других случаях он стоял посреди него; и, словно того, чтобы ярче вспомнить жертвенную эмблему, ягненка представляли израненным и истекающим кровью, невинной жертвой, отданной на несправедливую смерть.^[463]

В 692 году н. э. Квинисекстанский собор постановил, что историческая фигура Христа в человеческом обличье должна быть заменена картинами с ягненком^[464] - свидетельство того, что ранние изображения были чисто аллегорическими. Однако агнец все еще продолжал использоваться, и потребовалось повторное предписание папы Адриана в восьмом веке, чтобы обеспечить единообразие в использовании; и даже после этого иногда происходил возврат к прежней практике.

Самое древнее из сохранившихся изображений распятия - миниатюра в сирийском евангелии, датируемая 586 г. н. э., которая сейчас находится в Лаврентьевской библиотеке во Флоренции. Тратовка сюжета чрезвычайно грубая, граничащая с гротеском. Фигура Господа увенчана нимбом и одета в длинную пурпурную мантию. Воины на земле бросают жребий о его одежде, а солнце и луна смотрят вниз на сцену. На другой картине изображено вознесение Христа и излияние Святого Духа. "Это самые древние живописные изображения, - говорит профессор Пайпер, - земной жизни Иисуса и его вознесения. В несколько более поздний период, - продолжает он, - они появляются и на западе".^[465]

Григорий Турский, примерно в конце шестого века, упоминает, видимо, как необычное новшество, картину в церкви в Нарбонне, на которой изображено распятие Господа.^[466] Примерно в то же время Венантий Фортунат упоминает о том, что, по-видимому, было металлическим крестом с изображением Христа.^[467]

Фигура Иисуса впервые появилась стоящей у подножия креста, часто с распростертыми руками, как бы в молитве, что было распространено в восьмом веке. Иногда бюст изображался только на вершине креста или даже парящим над ним, как в реликварии, подаренном Григорием Великим Феоделинде; голова увенчана нимбом, но без какого-либо выражения боли.

В девятом веке фигура Христа поднимается в центр креста, но он все еще жив, с открытыми глазами и поднятой головой, как бы указывая на то, что божественная природа не подвержена смерти. Руки не прибиты, а протянуты в молитве; солнце и луна, затмевающие, смотрят вниз на ужасную трагедию; но все же чувство благоговения не позволяло изобразить на лице Искупителя какое-либо выражение страдания. Только в одиннадцатом веке искусство попыталось изобразить агонию или смерть Сына Божьего.^[468] С этого времени он изображается безжизненным на кресте, его руки и ноги пронзены гвоздями, в боку - рана от копья, из которой стекающая кровь иногда падает на головы зрителей, как бы указывая на действенность искупления; в тринадцатом веке голова сильно падает на одну сторону.^[469]

Расположение драпировок на этих картинах сильно различается. В десятом веке божественная жертва полностью облачена в длинное одеяние с рукавами, непокрытыми остаются только руки и ноги. В одиннадцатом и двенадцатом веках одеяние становится короче, а рукава исчезают; в тринадцатом оно сводится к короткой тунике, а в четырнадцатом становится не более чем узким поясом на чреслах, на котором оно с тех пор и остается. Обычно изображается *suppedaneum*, или опора для ног. Часто она имеет форму глобуса или чаши. Подставка для тела никогда не изображалась в искусстве. Иногда на фоне можно увидеть гробницу с ангелом и двумя Мариями. В одном из примеров, в соборе Святого Иоанна Латеранского, изображены райские врата и древо жизни.

Выражение лица также претерпело изменения - мрачное затмение скорби, не менее болезненное для созерцания. На ранних изображениях распятия лик Исккупителя все еще нежен и благодушен, это тип нежности и истины; но постепенно на нем все сильнее и сильнее проступает выражение скорби и физической муки, пока все божественное не исчезает, и остается только человеческая агония на изборожденном лице. Безмятежный и радостный облик, который, как мы увидим, всегда носили изображения Господа в катакомбах, исчезает, и он изображается как "человек скорбей", раздавленный безнадежным горем, увенчанный терновым венцом, пронзенный гвоздями и запятнанный капающей кровью из ужасной раны от копья в его боку. Искусство исчерпало свои возможности в изображении самых острых форм мучительного страдания, опускаясь все ниже и ниже в глубины грубой материальности и свирепости обращения с этой священной темой. Даже гений Микеланджело лишь усиливает контраст между нежным и жалостливым Добрым Пастырем из катакомб и неумолимым Судьей из Сикстинской капеллы, грозящим виновным молниями гнева - языческий Зевс, а не христианский Бог милосердия. Эта разительная перемена слишком точно отражает соответствующую деградацию и материализацию религиозной веры.

Распятый Христос был изображен не только в предсмертных муках на земле, но эти человеческие страдания были внесены даже в изображения небес, навевая мрак на их славу и печаль на их радость. Божественный Отец часто изображается сидящим на троне своего величия и держащим в руке крест, на котором висит агонизирующее тело его Сына.[470]

На Востоке поклонение образам, по-видимому, возникло раньше, чем на Западе.[471] В VIII веке его разращение вызвало иконоборческую ревность Льва Исаврийского, и на общем соборе были осуждены как идолопоклоннические все символы Христа, кроме святой Евхаристии.[472] Их уничтожение было строго преследовано Восточной империи; но Григорий II. стал защитником поклонения изображениям на Западе, и Италия, придерживаясь своих древних языческих инстинктов, заменила это новое идолопоклонство тем, от которого она отказалась.

Развитие наскального изображения страсти было более постепенным, чем ее обработка в графике. Этим занимались скульпторы. Сначала фигура Господа была просто нарисована на плоской поверхности дерева или металла. Затем на ней вырезали контуры и выставляли в рельефе, как на диптихе из слоновой кости 888 года н. э. в Ватиканском музее. На нем солнце и луна, как джинны, держат факелы над крестом; и по необычной ассоциации идей, Ромул и Рем, которых сосет волчица, появляются у его подножия, вероятно, в намеке на духовное покорение Христом Римской империи.[473] Обращение к этой священной теме постепенно проходило через стадии *basso*, *mezzo* и *alto rilievo*, становясь все более отстраненным, пока в XIV веке не появилась фигура Господа на кресте, завершенное и портативное распятие.[474] От этого, через быстрые этапы, мы приходим к грубым и отвратительным изображениям, которыми изобилует римско-католическое христианство; в каждой церкви и у каждой святыни; в домах как князей, так и крестьян; на углах улиц и на обочинах дорог; часто в народном представлении наделенные способностью плакать, двигаться, говорить и творить чудеса.[475] Через такие градации между душой человека и живым Спасителем появился образ мертвого Христа, уводящий мысли от веры в живого Господа к идолопоклонническому почитанию безжизненного символа.

Таким образом, как замечает доктор Мейтланд, в живописи зрение вытеснило веру, а в скульптуре осязание вытеснило зрение. Но еще один ресурс чувственности должен был быть открыт; и в 1223 году, "когда мир остывал", [476] как утверждала Римская церковь, с более глубоким смыслом, чем она знала, святой Франциск Ассизский симулировал получение

стигматов пяти ран Христа, и с тех пор он носил на своем теле - живом распятии - знаки Господа Иисуса. Впоследствии это чудо часто повторялось, но Церковь, стремясь в растущей тьме времени идти по зрению, а не по вере, все дальше и дальше уходила от центрального источника света и силы и потеряла всякую способность сообщать холодному и умирающему миру духовную жизнь и тепло.

Печальный урок истории, которую мы прослеживаем, слишком очевиден. В ранние века, в пылом сиянии первобытной веры, не требовалось никакого внешнего символа, чтобы открыть душе присутствие Божественного или истолковать глубокий смысл искупления. Церковь не нуждалась в чувственном образе Того, Кого, не видя, она любила, чтобы эта любовь не остыла. Когда пыл веры ослабевал, она все больше полагалась на видимые знаки, чтобы оживить свою вялую преданность; но только после того, как шесть веков собирающегося мрака пронесли над ее головой после рокового союза с имперской властью, вырождающееся искусство осмелилось изобразить перед глазами чувства предсмертные муки и муки смертной агонии страдающего Сына Божьего. В церкви Катакомб этим образам печали и мрака нет места. Здесь все светло, радостно и вселяет надежду. В следующей главе мы увидим, что эти черты поразительно проявляются во всех изображениях Господа, которые там встречаются.

Примечание: в предыдущих замечаниях мы не упоминали о дохристианских крестах, примеров которых так много. Нет ничего удивительного в том, что эта, возможно, самая простая из всех геометрических фигур привлекла внимание многих разнообразных и древних рас и даже рассматривалась как знак, имеющий мощное мистическое значение. Этот вопрос рассматривался с большой долей фантастической теории С. Баринг-Голдом, М.А., (*Curious Myths of the Middle Ages*, pp. 341, et seq.); более философски - Крейцером, (*Symbolek*, pp. 168 et seq.) и различными путешественниками и исследователями древних останков во многих странах. Сэр Роберт Кер Портер упоминает иероглиф креста, сопровождаемый клинописью, который он видел на камне среди развалин Сузы. (*Путешествия*, т. ii, с. 414.) Прескотт упоминает его среди предметов поклонения в храмах идолов в Анауаке (*Завоевание Мексики*, т. iii, с. 338-340.) Он был найден на храме Сераписа в Александрии, на что ссылались языческие жрецы, чтобы побудить Феодосия не разрушать это здание. (Возможно, это был нилометр, а возможно, так называемый "ключ Нила", который часто держали в руках египетские божества в качестве эмблемы жизни, или символ Венеры, вероятно, имеющий фаллическое значение. Он также встречается на вавилонских цилиндрах, на останках финикийцев и этрусков, а также среди браминских и буддийских древностей Индии и Китая (*Tertul., Apol.*, с. 16.). Это также знак молота Тора, которым он поразил великого змея из скандинавской мифологии (*Medhurst's China*, p. 217). На основании довольно скудных доказательств С. Баринг-Гулд приписывает его использование доисторическим обитателям озер Швейцарии. Он также утверждает, что в 1850 году он был найден в сочетании с некоторыми ихтическими изображениями на мозаичном полу дохристианской эпохи, недалеко от По во Франции. Этот пример, вероятно, относится к постхристианскому периоду.

[357] Когда гонения прекратились, эта завеса тайны была сброшена, и в ход пошло менее эзотерическое искусство; но даже когда христианство вышло победителем из катакомб, символические картины отмечали его триумф на стенах базилик и баптистериев, возвышавшихся в крупных населенных пунктах.

[358] *Mémoire sur les antiquités Chrétiennes des Catacombes.* (Mém. de l'Acad. des Inscr., XIII.)

[359] Иногда эта сверхнастойчивая интерпретация приводит к абсурдным ошибкам. Аринги посвящает две страницы фолианта объяснению некоторых фигур, встречающихся в надписях катакомб, которые он называет изображениями человеческого сердца. Он иллюстрирует эту тему, используя много священных и светских знаний, а также многочисленные цитаты из Писания, Отцов и классических авторов. Другой археолог, Болдони, предполагает, что эти фигуры означают самую горькую печаль сердца - *Dolorem cordi intimum*; а еще один считает, что они представляют собой изображения сердца, пронзенного шипом, символом глубочайшей скорби. Эти загадочные фигуры, скрытый смысл которых искали с таким пустым трудом - *arcana[m] significationem inani labore investigarint*, говорит де Росси, - были, однако, ничем иным, как украшениями на листьях, использовавшимися в языческих и христианских надписях в качестве знаков препинания! См. следующий пример:

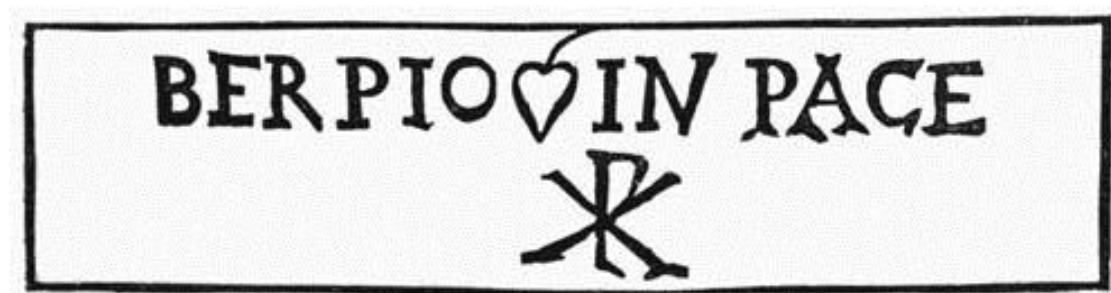

Рис. 32.- К Берпию (или Верпию) в мире.

[360] См. особенно церковь Сан-Стефано Ротондо, где находится хронологический ряд мученичеств, представленных во всех их ужасах, от распятия Господа до правления Юлиана. Среди прочих *гротесков* - изображение святого Дионисия, идущего в полном епископском облачении во главе процессии, держа в руках голову, залитую кровью!

Желание найти мучеников привело к тому, что слишком ретивые антиквары обнаружили орудия пыток в орудиях торговли, обычно изображаемых на надгробиях катакомб. Адз и пила плотника становятся предметом сенсационной истории о разрубании и распиливании христианского страдальца, а кукурузная мера пекаря превращается в огненную печь мученика.

[361] См. [рис. 122-128](#) и контекст.

[362] *Sac. Art*, p. 43.

[363] [Рис. 23, 24](#).

[364] Такие символы не были свойственны христианским гробницам. Существует множество языческих примеров подобного характера. Так, у культариуса, или рубщика, на могиле лежат ножи; у пуллариуса, или выкорыща, - клетка или курятник; у табеллариуса, или почтальона, - письменный прибор; у мраморариуса, или каменщика, - молоток и долото. Иногда изображается магазин, в котором торгуются покупатели. Сумка или кошелек означают агента; деньги - банкира и т. п. Аския или топор, столь часто встречающийся на римских гробницах, вероятно, представляет собой жертвенный инструмент. Аналогичны им сфера и цилиндр, выгравированные на гробнице Архимеда, а также квадрат и компасы на современных масонских памятниках. На армянских кладбищах молоток, совок, послед, весы и ножницы указывают на могилу плотника, каменщика, сапожника, бакалейщика или

портного. На кладбище Эст в Париже животные, изображающие животных, обозначают могилу французского баснописца Лафонтена; маски - Мольера; палитра или кисти - живописца. См. также морские и военные трофеи на гробницах многих выдающихся моряков и солдат.

[365] Рис. 112. Этот символ современные итальянцы обозначают как *La Navicella di San Pietro* - кора Святого Петра. Из-за воображаемого сходства тела церкви с кораблем или из-за вышеупомянутой аллюзии, слово *неф*, применяемое к этой части, было образовано как бы от *navis* - корабль. Не может ли оно происходить от *ναός* - храм?

[366] "*Arbor quædam in navi*", - говорит святой Амвросий, - "*est crux in ecclesia*".

[367] Сравните следующий прекрасный отрывок из Тертуллиана, в котором метафора тщательно проработана: "Среди рифов и заливов, среди мелей и проливов идолопоклонства плавает Вера, ее паруса наполнены Духом Божьим; безопасно, если она осторожна, надежно, если она внимательно следит за собой. Но для тех, кого смывает за борт, - это глубина, откуда не выбраться; для тех, кто садится на мель, - это неизбежное кораблекрушение; для тех, кого затягивает в водоворот, где в идолопоклонстве нечем дышать. Все его волны душат; каждый вихрь увлекает в Аид" - *De Idol.*, с. 24.

[368] Сравните 2 Ездры ii, 44, 45. См. ранее, рис. 18. Пальма изображена на монетах Симона Бархокаба.

[369] См. также рис. 15, 77 и 82. Фигуры часто очень условны и больше похожи на гусей или уток, чем на голубей.

[370] См. Пса. lxxviii, 13. В средневековом искусстве душа изображается выходящей из уст умирающего или летящей по воздуху в виде голубя. На одном из примеров есть надпись - *animæ interfectorum* - души убитых.

[371] См. распространенное эпиграфическое выражение ΠΙΕ ΕΝ ΘΕΩ - "Пей в Бога", и слова Августина об умершем друге - "*Jam ponit spirituale os ad fontem tuum, Domine, et bibit quantum potest.*" - *Con.*, ix, 3.

[372] См. рис. 60 и 106. "Голуби, сидящие на кресте, - говорит Паулинус, - показывают, что Царство Божие открыто для простых".

*Quæque super signum resident cæleste columbæ
Simplicibus produnt regna patere Dei.*

[373] *Per columbam Spiritus Sanctus fluit.* - *Ep. ad Sever.*

[374] *Contra Valentin.*, с. iii. Иногда над алтарем помещали золотого или серебряного голубя (Bing., viii, 6, § 19), что до сих пор иногда встречается даже в протестантских церквях. В Средние века церкви и аббатства назывались по этому символу, например, *Санта-Колумба* и *Сент-Коломб*, церковь Святого голубя. Они также посвящались Святому Духу под названиями Святой Параклит, Санто Спирито и Святой Эсприт.

[375] Согласно апокрифическому Евангелию, Святой Дух в виде голубя обозначил Иосифа как супруга Девы Марии, осветив его голову; и таким же образом, говорит Евсевий (vi. 29), Фабиан был обозначен как божественно назначенный епископ Рима. Согласно необычной легенде, Святой Дух в виде голубя присутствовал на Ниццком соборе и *подписал* составленный там *Символ веры*. В артурианской легенде снежный голубь сопровождал явление Святого Грааля. В XV веке голубь, осветивший палатку Эдуарда III в Кале, считался

проявлением Святого Духа. (*Mémoires de Phil. de Commines*, iv, 10.) Семь голубей, парящих вокруг головы Господа или Девы Марии, символизируют в средневековом искусстве семь даров Духа.

[376] См. [рис. 46](#), 89.

[377] *Ep. ad Corinth.*, § 25.

[378] *De Phœnice*.

[379] *De Resurrec. Carn.*, с. 13.

[380] См. [рис. 102](#).

[381] *Psa. xlii*, 1. См. [рис. 132](#).

[382] См. [рис. 115](#).

[383] В более позднем искусстве эта фигура используется как эмблема льва из колена Иуды и иногда изображается открывающей апокалиптическую книгу с семью печатями. Четыре живых существа из видения Иоанна (гл. iv, 6, 7) - лев, телец или вол, орел и человек или ангел - и тетраморфная фигура из видения Иезекииля (гл. i, ст. 10) стали символами четырех евангелистов, а также Христа.

В средневековом искусстве грубые и гротескные фигуры - "Горгоны и гидры, и химеры ужасные" - заняли место ярких и благодатных символов катакомб. Для испуганного воображения эпохи вся природа кишела злобными и демоническими существами, которые воплотились в драконах и грифонах, чудовищных формах и лицах, которые преследуют готические монастыри и аббатства, особенно в северных странах Европы, где дикость природы отражается в странности искусства. Но даже в своей искаженной гротескности это искусство доказало свое нравственное превосходство над веселым и жизнерадостным духом язычества. Напряженное сознание греха и зла, смертельной борьбы человеческой души с силами тьмы, которые в ней проявляются, по сути своей благороднее легкомысленной чувственности древнего искусства и жизни без надежды и страха перед будущим.

[384] См. *Иов xxx*, 1; *Пс. xxii*, 16; *Матф. vii*, 6; *Фил. iii*, 2; *Откр. xxii*, 15.

[385] Сравните пророчество о гибели Белшазара - *Дан. v*, 27. Аналогично взвешивание судеб Ахилла и Гектора в *Илиаде*. Несколько таких символов часто ассоциируются вместе (*McCaul*, 49). Так, на плите, датированной 400 г. н. э., теснятся монограмма Константина, весы, мумия, канделябр с семью светильниками, дом и рыба. На мраморном амвоне в Равенне шесть серий, по десять в каждой, из овец, павлинов, голубей, оленей, уток и рыб. Символично это или нет, но подборка представляет собой замечательную параллель со многими фигурами из катакомб.

[386] *Psa. xxiii*.

[387] *Psa. lxxx*, 1.

[388] *1 Пет. ii*, 25.

[389] См. [рис. 105](#).

[390] *Pausanias*, lib. x.

[391] Tibullus, Eleg., ii, 11, 12; Calpurn., Eclog., v, 39.

[392] Isa. xl, 11.

[393] Patrocinabitur Pastor, quem in calice depingitis. A parabolis licebit incipias, ubi est ovis perdita, a Domino requisita et humeris ejus revecta.-De Pudicit., ii и x.

[394] Поздние христианские поэты также прославили эту нежную тему. В строках, чей лирический каданс очаровывает слух, как пастушья труба, Фома Аквинский поет:

Костяной пастор, панис вере,
Jesu, nostri miserere,
Tu nos pasce, nos tuere;
Tu nos bona fac videre,
In terra viventium.

Tu qui cuncta scis et vales,
Qui nos pascis hic mortales
Tuos ibi commensales
Cohæredes et sodales
Fac sanctorum civium.

Другой гимн эпохи Средневековья звучит следующим образом:

Jesu dulcissime, e throno gloriæ
Ovem deperditam venisti quærere!
Jesu suavissime, pastor fidissime,
Ad te O trahe me, ut semper sequar te!

[395] В дистихе, сопровождающем *Agnus Dei* в церкви Святого Пуденциана в Риме, оба символа приписываются нашему Господу:

Hic agnus mundum restaurat sanguine lapsum,
Mortuus et vivus idem sum, pastor et agnus.

"Этот Агнец Своею кровью восстанавливает погибший мир. Мертвый и живой, я один; я одновременно Пастырь и Агнец".

Паулин прекрасно говорит: "Тот же Агнец и Пастырь управляет нами в мире, который из волков сделал нас агнцами. Он теперь Пастырь тех овец, за которых некогда был жертвой Агнца" - Epis. iii, ad Florent.

[396] Isa. liii, 7.

[397] Иоанн i, 19.

[398] Откр. v, 6.

[399] Ibid., v, 12.

[400] "И взглянул я, и вот, Агнец стоит на горе Сионе" - Откр. xiv, 1.

[401] Паулин так описывает мозаику на эту тему в Фонди (Epis. xii, ad Severum).

Petram superstat, ipse petra ecclesiæ,
Ex qua sonori quatuor fontes meant,
Evangelistæ, viva Christi flumina.

"На скале стоит Тот, Кто Сам есть скала Церкви, и из нее исходят четыре голоса, евангелисты, живые реки Христа".

Agnus Dei до сих пор часто встречается на алтарных покрывалах и надгробных плитах.

[402]

Et quia celsa (cruce) quasi iudex de rupe superstat,
Bis geminæ pecudis discors agnis genus hædi
Circumstant solium; lævos avertitur hædos
Pastor et emeritos dextra complectitur agnos.

-Epis. xii, ad Sulpic. Sever.

[403] A. D. 234. De Rossi, Inscript. Christ., No. 6. (См. [рис. 52](#).) Конечно, могли быть и более ранние, точную дату которых мы не можем определить.

[404] В более позднем искусстве, действительно, эта фигура иногда встречается на крестильных купелях, в мозаиках и в архитектуре, но, вероятно, как простое украшение, без какого-либо религиозного смысла. В византийском искусстве она неизвестна, разве что как естественное изображение, например, рыб, плавающих в воде, или, на фресках последнего суда, как восстановление человеческих конечностей, которые они пожирали, иллюстрируя отрывок: "И море отдало мертвых, которые были в нем" - Откр. хх, 13.

[405] Piscis nomen, secundum appellationem Græcam, in uno nomine per singulas literas turbam sanctorum nominum continet 'ΙΧΘΥΣ,' quod est Latine, Jesus Christus, Dei Filius, Salvator.-Optat., Cont. Parmen., lib. iii.

[406] Orat. Const. ad Coet. Sanct., § 18.

[407] De Civ. Dei, xviii, 23.

[408] Pædag., lib. iii, cap. ii. Этот символ также встречается в христианских катакомбах в Александрии и в Кирии, в Верхнем Египте.

[409] Иудеи-христиане этого города уже были знакомы с этим способом создания значимых названий, который иллюстрируется именем их национальных героев, Маккавеев, состоящим из начальных букв, מִכָּהְ; их боевой клич, הַיְהוָה בְּאֵלֵינוּ מִכָּהְ - "Кто подобен Тебе, Господи, среди богов?"

[410] Nos, pisciculi secundum ΙΧΘΥΝ nostrum Jesum Christum, in aqua nascimur, nec aliter quam in aqua permanendo salvi sumus.-De Baptismo, cap. i.

[411] Hic (sc. Christus) est piscis qui in baptismo per invocationem fontalibus undis inseritur ut quæ aqua fuerat a pisce etiam piscina vocitetur.-Epis. Milevitanus. Писцина - это бассейн, в котором омывают священные сосуды.

[412] См. гл. vi и xi.

[413] Est Christus piscis ille qui ad Tobiam ascendit de flumine vivus, cujus jecore per passionem assato fugatus est diabolus.

[414] Dei Filius, Salvator, piscis in sua passione decoctus, cujus ex interioribus remediis quotidie illuminamur et pascimur.-De Promis. et Prædic. Dei, ii, 39.

[415] ΙΧΘΥΣ, in quo nomine mystice intelligitur Christus, eo quod in hujus mortalitatis abyssu, velut in aquarum profunditate vivus.-De Civ. Dei.

[416] Χριστὸς ὁ τροπικῶς λεγόμενος Ἰχθύς.-Opp. ed. Bened., tom. iii, p. 584.

[417] Rom. Sott., p. 210. Вероятно, от этого символа ауреола в средневековом искусстве получила свое название vesica piscis.

[418] См. [рис. 113](#).

[419] См. [рис. 118](#).

[420] Piscis ... Christus tribulationis igne assatus. Сравните фразу Августина - Piscis assus Christus passus.

[421] Plerique septiformis Spiritus gratiam in panibus definitam, in piscibus quoque duplicis testamenti figuram intelligendam putant.-Ambrose, in Luc. ix.

[422] Это было тщательно исследовано кардиналом Питра - его первооткрывателем - Кирхоффом, Гарруччи, Ле Бланом и другими выдающимися учеными. Монография Марриотта, последнего редактора, является шедевром эпиграфической критики.

[423] Кардинал Питра помещает ее около 250 г. н. э., но удлиненная форма букв, ранних примеров которой не существует, запрещает это предположение.

[424] Эпитафия Аберция, фригийского епископа II века, также содержит аллюзию на небесный Ихт, и, вероятно, на евхаристию, в строках, которые мы цитируем:

... Πίστις δὲ προσῆγε

Καὶ παρέθηκε τροφήν, Ἰχθὺν θείας ἀπὸ πηγῆς.

Παμμεγέθη, καθαρὸν, ὃν ἐδράξατο παρθένος ἀγνή-.

Καὶ τοῦτον ἐπέδωκε φίλοις ἔσθειν διὰ παντός,

Οἶνον χρηστὸν ἔχουσα, κέρασμα διδοῦσα μετ' ἄρτου.

"Вера принесла к нам и поставила перед нами пищу, рыбу из божественного источника, большую и чистую, которую святая дева взяла в руку и дала своим подругам, чтобы они всегда ели ее, держа в руках хорошее вино, давая с хлебом смешанный напиток".

Святая дева", судя по контексту, как замечает Мариотт, явно олицетворяет Веру, хотя падре Гарруччи и доктор Норткот считают ее не кем иным, как Девой Марией.

[425] Мы уже видели, как Тертуллиан называет верующих маленькими рыбками-писцами.

[426] Nomen ipsum crucis absit non modo a corpore civium Romanorum, sed etiam a cogitatione, oculis, auribus.-Cicero, pro Rabirio.

[427] Crudelissimum et teterrimum ... arbor infelix, infame lignum.-Cic., pro Rabirio.

[428] Сейчас находится в музее Collegio Romano.

[429] Τὸν ἀνεσκολοπισμένον ἐκεῖνον σοφιστήν.-De Morte Peregr.

Тертуллиан упоминает как распространенное языческое заблуждение идею о том, что Бог христиан имеет голову осла. Он также говорит о языческом изображении фигуры с ушами осла, копытом на одной ноге, несущей книгу и одетой в тогу, на которой была прикреплена надпись: "Бог христиан, рожденный от осла" -Apol., с. 16.

Вероятно, подобные карикатуры были распространены. На плите, недавно обнаруженной в Винья Нуссинер, изображен осел с надписью "Hic est Deus Hadriani", очевидно, сатирический намек на благосклонное отношение этого императора к христианству.

[430] Eph. iii, 18.

[431] Ipsa species crucis quid est nisi forma quadrata mundi?... Aves quando volant in æthera, formam crucis assumunt; homo natans per aquas, vel orans, forma crucis vehitur. Navis per maria antenna cruci similata sufflatur.-Hieronym. in Mark xv.

[432] Apol., i, 72. См. также Minuc. Felix, cap. 29.

[433] Ego Christianus ... et vexillum crucis in mea fronte portans.-Hieron., Ep. 113.

[434] Tolle crucem qui vis auferre coronam.

[435] Crucis religiosi.-Tertul., Apol., 16.

[436] Signum Christi, τὸ κυριακὸν σημεῖον.-Clem. Alex., Strom., vi, 11.

[437] Ad omnem progressum atque promotum, ad omnem aditum et exitum, ad vestitum, ad calceatum, ad lavacra, ad mensas, ad lumina, ad cubilia, ad sedilia, quæcunque nos conversatio exercet, frontem crucis signaculo tenemus.-Tertul., de Coron. Mil., с. iii.

[438] Crucis signum est, cum homo porrectis manibus Deum pura mente veneratur.-Minuc., Dial., p. 90. Expansis manibus in modum crucis orabat.-Paulin., Vit. Ambros., p. 12. Hic habitus orantium est, ut manibus in cœlum extensis precemur.-Apuleius.-Согласно Евсевию, Константин был изображен на монетах империи таким образом.-Ὡς ἄνω βλέπειν δοκεῖν ἀνατεταμένους πρὸς Θεὸν, τρόπον εὐχόμενου.-Vit. Const., l. iv, с. 15.

[439] Chrys. in Psal. cxli, 2. Сравните выражение Павла о "воздевании святых рук" в молитве.-1 Tim. ii, 8.

[440] Nos vero non attoleimus tantum, sed etiam expandimus, et Dominica passione modulantes, et orantes Christo confitemur.-Tertul., de Orat., с. 11. Τὸ τοῦ σταύρου πάθος ἐν τῷ σχήματι ἐξικονίζει.-Aster., ap. Phot., cod. 271. Такое отношение к молитве было характерно и для язычников в их обращениях к *Dii Superi*, или небесным богам. Поэтому Вергилий изображает Энея молящимся с воздетыми к небу руками - Duplices tendens ad sidera palmas.

[441] См. пример этого чуда, записанный у Евсевия -Hist. Eccles., viii, 7.

[442]

Fac cum vocante somno
Castum petes cubile,
Frontem locumque cordis,

Crucis figura signet.
Crux pellit omne noxium.- Гимн vi.

[443] Endelevius, De mortibus Bovium. В более поздние времена крестное знамение использовалось как в греческих, так и в латинских благословениях, которые давались со многими пуританскими различиями и со значительной мнимой духовной пользой. Chrét., pp. 406-410. Крест также дал название многим знаменитым церквям, которые часто имели крестообразную форму. Во Франции более десятка соборов или аббатств носят имя Сент-Круа, а в Италии - Санта-Кроче. В Великобритании есть церковь Святого Креста в Винчестере и Холируд в Эдинбурге. Крест также использовался для обозначения границ, приходов, перекрестков дорог; отсюда фраза "просить милостыню у креста, как калека". Из трехсот шестидесяти придорожных крестов, когда-то существовавших в Ионе, сохранился только один. Этот знак использовался для обозначения начала и конца книг, а также в качестве знака препинания. Он придавал юридическую силу юридическим документам и до сих пор сопровождает руководство по знакам церковных сановников.

Распятие было отменено Константином из почтения к способу смерти Господа.

Вряд ли крест публично использовался, пока практиковался этот позорный способ наказания. Более ранние примеры, вероятно, имели крестильное значение как знак веры. Такими были кресты, воздвигнутые или инкрустированные Константином в его баптистериях и других местах. Лишь постепенно он стал символом страданий Христа.

[444] De Rossi, Inscript. Christ., No. 39.

[445] Ibid., No. 17.

[446] Ibid., No. 26. С истинным археологическим энтузиазмом де Росси восклицает: "Едва ли какой-либо памятник из всего этого класса заслуживает такого внимания, как этот фрагмент гробницы. Ибо если это действительно имя Галла, коллеги Фаустуса, то вот, чего я всегда страстно желал, я наконец-то с радостью получил - увидеть своими глазами определенный датированный памятник, на котором изображена знаменитая монограмма χ до 312 года. Если бы я мог найти утраченную часть надписи, - добавляет он, - которая, если бы на ней было написано имя Фаустуса, показалась бы мне драгоценнее золота и драгоценных камней - auro contra et gemmis cariorum aestimarem". Но ему не было позволено быть таким счастливым, и вполне вероятно, что упомянутый Галлус - это другой, гораздо более поздний.

[447] Rev. i, 8. Пруденций в своем девятом гимне перефразирует ту же мысль:

Alpha et Ω cognominatus; ipse fons et clausula

Omnium quæ sunt, fuerunt, quæque post futura sunt.

В средневековом искусстве буквы Ω ω часто начертаны на крестообразном нимбе, указывающем на Господа, в аллюзии к Писанию, $\epsilon\gamma\omega\ \epsilon\iota\mu\iota\ \Omega\ \omega\upsilon$ - "Я есмь Сущий".

[448]

Christus purpureum gemmanti textus in auro,

Signabat labarum, clypeorum insignia Christus

Scripserat: ardebat summis crux addita cristis.

-In Symmachum, vv. 487-489.

[449] Hist. of Christianity, bk. iii, chap. i. Со времен Константина монограмма стала часто встречаться на монетах империи. Валентиниан III и его жена Евдоксия впервые нанесли его на императорскую корону. В более позднем греческом искусстве крест обычно сопровождается буквами IC-XC НИКА, то есть "Иисус Христос - победитель". Евсевий описывает статую Константина в Риме с этой монограммой. (Hist. Eccles., ix, 9.)

[450] См. [рис. 104](#), гл. iv. Паулинус называет горький крест, окруженный цветочным венцом:

Ardua floriferæ Crux cingitur orbe coronæ.

-Epis. xii, ad Severum.

[451] De Rossi, Inscrip. Christ., No. 576. Конечно, могут быть и более ранние примеры, которые не датированы.

[452] В более позднем искусстве изобретательность была исчерпана в умножении разновидностей формы креста. Помимо обычных греческих и латинских типов, существовал крест Воскресения, представляющий собой тростниковый стержень с небольшой крестовиной, обычно несущий баннерет; Голгофский крест, со ступенями у подножия; *crux gammata*, или четырехкратное повторение греческой буквы Γ, *crux gemmata*, *stellata*, *florida* и т. д. Существовало также бесчисленное множество мелких разновидностей, для которых в геральдическом жаргоне предусмотрены отличительные названия.

[453] Hist. Christianity, iii, 3. Евсевий молчит об этом событии.

[454] Одним из гвоздей Елена успокоила Адриатику; из другого Константин сделал удила для своего коня; часть ежегодно выставляется в Риме с троекратным титулом Господа нашего на еврейском, греческом и латинском языках, причем первый не поддается расшифровке.

[455] Свидетельствует следующее из *Vexilla Regis*, обращенное к материальному кресту: "Радуйся, Крест, наша единственная надежда! Даруй милость благочестивым, изгладь грехи нечестивых".

O crux, ave, spes unica!

Piis adauge gratiam;

Reisque dele crimina.

Сравните также следующее, из Службы изобретения Креста: "О Крест, великолепнее всех звезд,... который один был достоин нести выкуп мира! Сладкое дерево, священные гвозди, несущие столь драгоценное бремя, спаси этот народ, собравшийся сегодня, чтобы воспеть хвалу тебе."-O Crux, splendidior cunctis astris,... quæ sola fuisti digna portare talentum mundi! dulce lignum, dulces clavos, dulcia ferens pondera, salva præsentem catervam in tuis hodie laudibus congregatam.

Эта священная тема также стала предметом благороднейшей церковной лирики, но ни одна из них не превзошла по впечатляющей преданности следующие строки Савонаролы, Лютера из Италии, чья реформа, увы, была утолена в его собственной крови.

O croce, fammi loco!

E le mie membre prendi!

Che del tuo dolce foco

Il cor e l'anima accendi!

La croce e l' crocifisso,

Sia nel mio cor scolpito,

Ed io sia sempre affisso
In gloria ov'egli è ito!

Крест Господа моего, дай место, дай место!
Тебе отдается моя плоть!
Очищенная в Твоем огне любви и хвалы,
Душа моя, вознесись чистой к небесам!
Ах! Исчезни каждый недостойный след
земных забот и гордости;
Оставь лишь начертанный на сердце моем
Крест, Распятый.

[456] Согласно этой легенде, заболевший Адам послал Сета к вратам Эдема, чтобы попросить целебного бальзама от древа жизни, но ангел-хранитель ответил, что должны пройти века, прежде чем это благодеяние будет даровано человеку. Однако Сиф получил три семени, которые он посадил у могилы своего отца, расположенной на месте Голгофы. Из них произошел жезл Аарона, а также дерево, которое наделило своей таинственной силой Вифездинскую купальню и, поднявшись на поверхность в час страстей, стало орудием распятия Господа. После этого знаменательного события оно было сброшено в городской ров вместе с крестами двух разбойников и засыпано мусором; но по заступничеству Елены земля разверзлась, вдохнула божественные ароматы, три креста были обнаружены, а крест Господа нашего был явлен тем, что исцелил неизлечимую болезнь и воскресил мертвеца. См. также *Legenda Aurea, De Inventione et Exaltatione Sanctæ Crucis*.

Материал, из которого изготовлен крест, описан в следующем дистихе:

*Pes crucis est cedrus, corpus tenet alta cupressus,
Palma manus retinet titulo lætabor oliva-*.

"Нога - кедр, тело несет возвышенный кипарис, руки - пальма, титул - олива".

[457] Milman, *Hist. Christianity*, bk. iv, c. 4.

[458] *Hist. Christianity*, bk. iv, c. 4. Одно или два явных исключения, как в полуподземной часовне, пристроенной к церкви Святого Себастьяна, по своим внутренним признакам - поникшая голова, суровое выражение лица и деградировавшее искусство - указывают на их позднее происхождение, Перре считает, что они относятся к двенадцатому или тринадцатому веку. Боттари изобразил одну (Tav. 190), которая, возможно, относится к седьмому или восьмому веку.

[459] *Cant.* iii, 11.

[460] Northcote's "Catacombs", p. 130.

[461] Weiter aber geht diese Reihe nicht; Tod und Auferstehung Christi sind in diesem Bereich gar nicht zur Darstellung gekommen.-Ueber den Christlichen Bilderkreis, p. 7. Берлин, 1852. Епископ Мюнтер, действительно, утверждает, что, хотя невозможно точно определить первое появление распятия, до конца седьмого века церковь ничего о них не знала - Es ist unmöglich das alter der crucifixe genau zu bestimmen. Vor dem Ende des siebenten Jahrhunderts kannte die Kirche sie nicht.-Sinnbilder, etc., p. 77.

[462] *Sub cruce sanguineâ niveo stat Christus in agno.*-Epis. xxxii.

[463] Agnus ut innocua injusto datur hostia letho.-Paulin., Epis. xxxii.

[464] Christi Dei nostri humana forma characterem etiam in imaginibus deinceps pro veteri agno erigi ac depingi iubemus.-Concilium Quinisextum, Canon 82.

[465] Das sind die ältesten Bilder von dem Ende des irdischen Lebens Jesu und seiner Erhöhung.... Bald darauf kommen sie hin und wieder auch in Abendlande vor.-Ueber den Christlichen Bilderkreis, pp. 26, 27.

[466] Est et apud Narbonensem urbem pictura quæ Dominum nostrum quasi præcinctum linteo indicat crucifixum.-De Glor. Mar., i, 23.

[467] Crux benedicta nitet Dominus qua carne pependit.-Carm., lib. ii, 3.

[468] Самый ранний пример мертвого Христа находится в MS., датируемом 1059 г. н.э. Древнейшая настенная картина на эту ужасную тему, которая сейчас так распространена во всем римско-католическом христианстве и которая была предписана Бенедиктом XIV в 1754 году как необходимая для каждого алтаря, находится в церкви Урбана в Риме и имеет дату A. X. R. I. MXI.-Anno Christi 1011. Немногие из тех, что находятся в итальянских церквях, старше XIV века.

[469] Наклон апсиды от осевой линии в некоторых церквях, как говорят, представляет собой это опущение головы.

[470] Didron, Iconog. Chrét., pp. 226, 505.

[471] Die also dem Morgenlande entstammen, says Professor Piper.-Ueber den Christlichen Bilderkreis, p. 27.

[472] Константинопольский собор, 754 г. н.э.

[473] Hemans, Sacred Art in Italy, p. 534.

[474] См. рельефы на мраморных кафедрах в Пизе и Сиенне.

[475] См. один из них в Лукке, приписываемый традицией работе Никодима, который был настолько знаменит, что в клятве, любимой королями Плантагенетов, говорилось: "Святым Вультом из Лукки". Hemans, Sac. Art, p. 534. Другой в Неаполе, как говорят, одобрительно отзывался о святом Фоме Аквинском. Возможно, самым отвратительным из сохранившихся изображений Господа является одно в соборе Бургоса в Испании. Это чучело из человеческой кожи, с париком из фальшивых волос и короной из настоящих шипов. В других местах есть Ессе Нотос из воска с эмалевыми глазами и другие грубые и нехудожественные способы обращения с этой торжественной темой.

[476] Refrigerante mundo, говорится в римской канцелярии ко дню святого Франциска.

ГЛАВА III.

БИБЛЕЙСКИЙ ЦИКЛ В КАТАКОМБАХ.

Библейский цикл катакомб, как назвал его Де Росси, имеет тот же символический характер, что и другие произведения искусства. В большинстве своем он имеет двойную цель: во-первых, буквальное представление определенных исторических событий; во-вторых, типичное или аллегорическое обращение к духовным истинам христианства, особенно к

кардинальным доктринам жертвоприношения, воскресения и вознесения Господа. Диапазон этого художественного цикла охватывает великую драму искупления, от падения человека до его восстановления через великого Человека, Христа Иисуса; при этом, однако, тщательно избегаются сцены страстей, которые нигде не представлены иначе, как под покровом аллегории или символа. Эти многочисленные и разнообразные библейские изображения свидетельствуют о поразительном знакомстве первобытных христиан со Священным Писанием, что разительно отличается от распространенного невежества в отношении этих священных книг в современном папском Риме. Действительно, эти склепы, должно быть, представляли собой грандиозное иллюстрированное Евангелие, навевающее на разум верующего уроки святого писания и, вероятно, предоставляющее катехуменам веры и недавно обращенным из язычества средства для обучения этим священным темам. Исполнение часто может быть грубым, а рисунок - некрасивым; но для благочестивого ума это примитивное христианское искусство представляет более глубокий интерес, чем все триумфы гения в галереях Ватикана.[477]

Вследствие своей символической цели эта иератическая серия скорее эклектична, чем энциклопедична по своему характеру. Из огромного разнообразия доступных тем, число выбранных для художественного представления было сравнительно ограниченным; и художник, обрабатывая их, часто довольствовался постоянным и неизменным повторением одних и тех же типов, которые часто имели самую грубую и условную форму. "Инциденты, которые служили примером главных доктрин веры", - говорит Куглер,[478] , - "выбирались предпочтительнее других". Таким образом, сама неизменность этих доктрин придавала некоторый характер используемым живописным изображениям.

Сюжеты из Ветхого Завета более многочисленны в пропорции к целому, чем можно было бы предположить. Это также является результатом и иллюстрацией аллегорической природы серии. "Рим, - говорит лорд Линдсей, - похоже, с самого начала принял и неуклонно придерживался системы типичного параллелизма - завуалировать великие события искупления, страдания, веру и надежды церкви под параллельные и типичные события патриархальной и иудейской диспенсаций".[479] Мы можем подробно остановиться лишь на наиболее ярких из этих библейских сцен. Для удобства мы включим сюда те, что изваяны на саркофагах, а также те, что нарисованы на стенах. Испытание и грехопадение наших первых родителей - частая тема, которая встречает значительное разнообразие трактовок.[480] Обычно их изображают стоящими у древа познания, вокруг которого обвился змей, и принимающими от него плод

"Чей смертный вкус

Принес смерть в мир и все наше горе".

В следующем примере из катакомбы Калликста фартуки из фиговых листьев, которыми они пытаются скрыть свой позор, указывают на то, что акт непослушания уже свершился.

Рис. 62.- Искушение и падение.

На саркофаге в Латеранском музее находится барельеф, на котором Господь наш, как представитель Вечного Отца, стоит между Адамом и Евой и дает первому сноп зерна, символизирующий, что в поте лица своего он должен есть хлеб, а второй - ягненка, чтобы она усердно трудилась своими руками в домашнем деле прядения - предназначенного труда женщины во все времена. Возможно также, как предполагает доктор Норткот, ягненок был символом и немой пророчеством "Агнца Божьего, которого должна была принести вторая Ева, чтобы искупить все зло, которое первая Ева принесла человечеству".

Рис. 63.- Адам и Ева, получающие свой приговор.

На другом саркофаге в том же музее изображен рельеф Каина и Авеля, приносящих в жертву плоды земли и первенцев стада. Однако этот сюжет крайне редко встречается в катакомбах.

Одна из наиболее часто повторяющихся фигур в этой серии - Ной в ковчеге. Он всегда повторяется в одной неизменной фазе, имеющей самый примитивный и скудный характер. Здесь нет ни малейшей попытки исторического отображения реальных сцен потопы. Вместо огромного судна, несущегося по волнам, с его огромным и разнообразным живым грузом, есть только небольшая, похожая на кафедру,^[481] в которой стоит Ной и принимает в свою руку возвращающегося голубя с оливковой ветвью во рту. Характерным примером является следующая гравюра, которая, несмотря на кажущееся отсутствие перспективы, является точной копией картины в катакомбе Калликста.

Рис. 64.- Ной в ковчеге.

Рис. 65.- Ной в ковчеге.

Иногда поза патриарха слегка изменена, как на [рис. 65](#) из катакомбы Святой Присциллы; , но это все разнообразие трактовки, на которое был способен художественный гений той эпохи.

В барельефах трактовка этой темы демонстрирует еще большую степень деградации и ограниченности, как в следующих примерах из христианских саркофагов четвертого века.

Иногда фигура до смешного напоминает игрушку под названием "Джек в коробке", сходство усиливается тем, что крышка полуоткрыта, а на передней части вырезан замок.

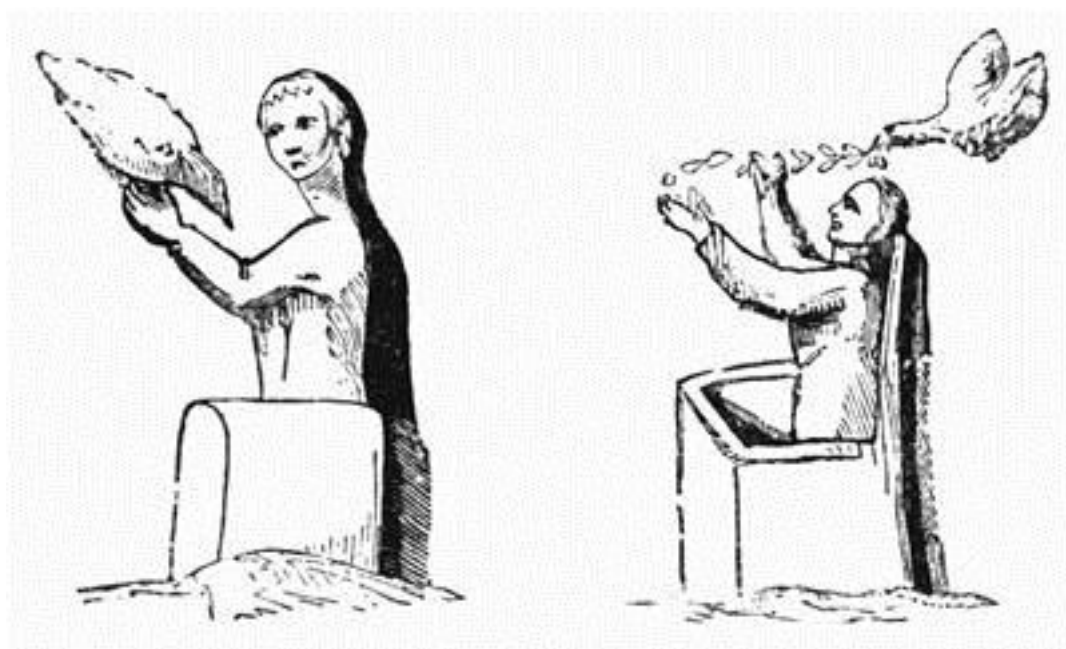

Рис. 66.- Ной в ковчеге.

Это грубое изображение, однако, рассматривалось, в соответствии с изложением Святого Петра,[\[482\]](#) как символ христианского крещения; ковчег же был изображением церкви Христа, в которой верующие "могут так пройти через волны этого беспокойного мира, чтобы в конце концов прийти в землю вечной жизни". Голубь и оливковая ветвь могут также означать, что измученная душа, оправданная верой, обретает мир с Богом и входит в бесконечный покой.[\[483\]](#)

Рис. 67.- Апамейская медаль.

Другой излюбленной темой раннехристианских художников было жертвоприношение Исаака, как прообраз великой жертвы, которая должна быть принесена, когда в полноте времени Бог предоставит Себе агнца для жертвоприношения. Из этой темы гонимые христиане, несомненно, часто черпали духовное утешение в огненных испытаниях веры, которым они подвергались. Она также учит долгу самопожертвования. "Пусть я, подобно отроку Исааку, - говорит Паулин, - буду принесен Богу в живую жертву и, неся свои дрова, последую за Святым Отцом под крестом".^[484] Этот сюжет повторяется, с большим разнообразием трактовок, как во фресках, так и в скульптуре. На [рис. 68](#), с кладбища Святой Присциллы, Исаак изображен несущим дрова для жертвоприношения. На [рис. 69](#) из катакомбы Марцеллина он уже связан, и Авраам протягивает руку, чтобы зарезать своего сына, а из-за алтаря появляется божественно замененный агнец.

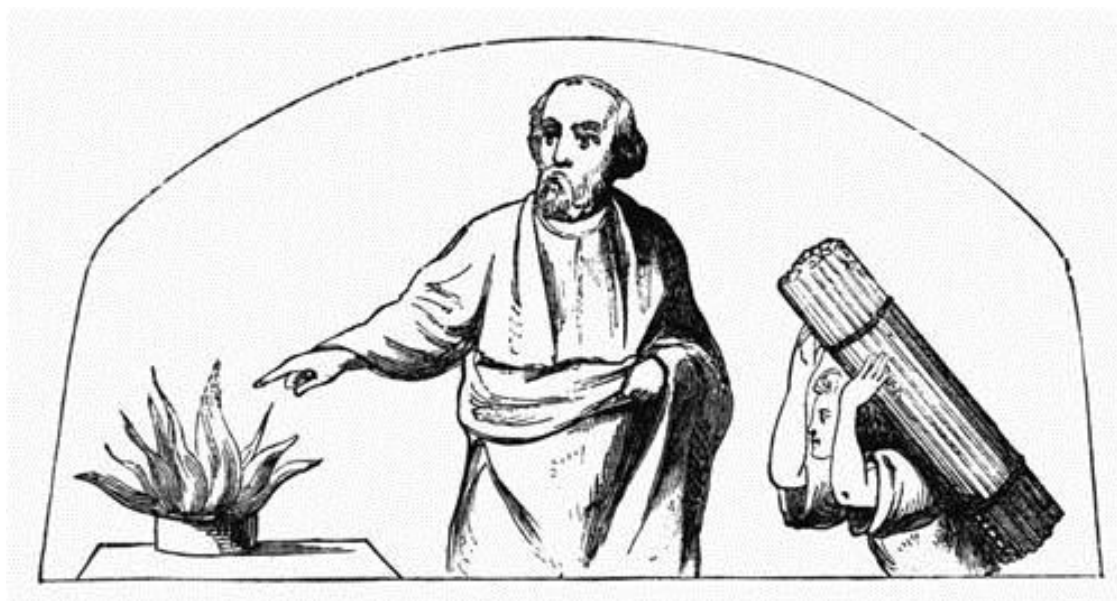

Рис. 68. Жертвоприношение Исаака.

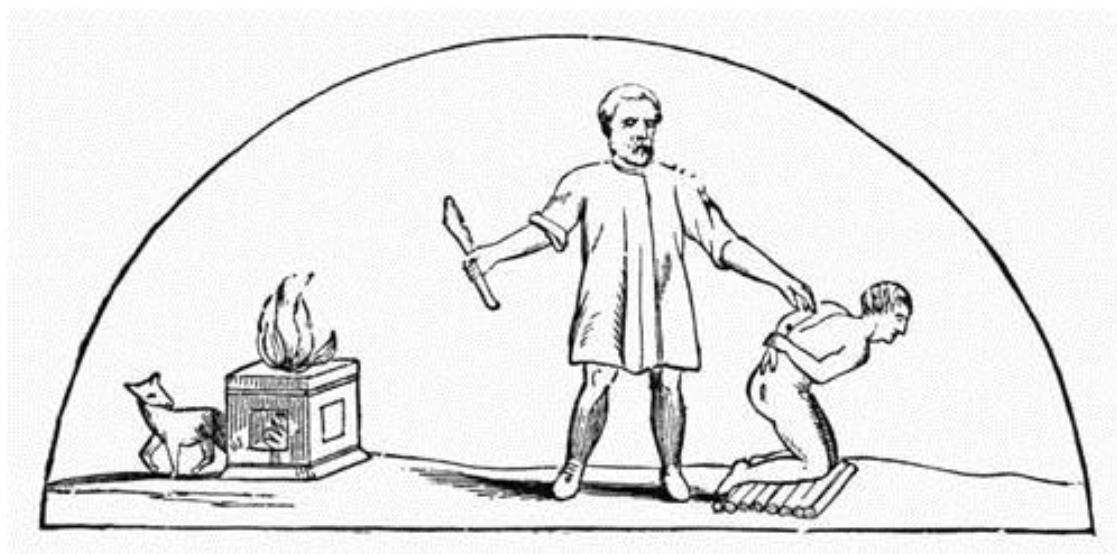

Рис. 69.- Жертвоприношение Исаака.

В нескольких примерах рука, протянутая выше, захватывает нож, чтобы помешать завершению жертвоприношения. Григорий Нисский часто проливал слезы при чтении этой патетической истории (см. [рис. 107](#)).

Иосиф, проданный своими братьями и впоследствии спасший их живыми, был ярким прообразом Того, Кто искупил своей кровью виновный род, ставший причиной его смерти. Поэтому этот сюжет с особой уместностью появляется среди гробниц первохристиан.

В этом библейском цикле изображено несколько сцен из жизни Моисея. Одна из них, как иногда трактуют, по классическому изяществу и достоинству напоминает какую-то благородную античность. Это Моисей на горе Хорив, снимающий обувь со своих ног. Этот акт трактуется некоторыми христианскими отцами[485] как эмблема отречения от мира, плоти и дьявола, требуемого от слуг Христа. Прилагаемый пример, [рис. 70](#), взят с кладбища Калликста.

Рис. 70. Моисей на горе Хорив.

Рис. 71. Моисей, принимающий Закон.

На рис. 71 из саркофага в Латеране изображен Моисей на горе Синай, принимающий из рук Бога Закон, который должен был стать учебным пособием для приведения людей ко Христу. Иногда Моисей также изображается разбивающим скрижали закона при спуске с горы.

Рис. 72.- Моисей и корзины с манной.

Рис. 73.- Моисей, ударяющий по скале.

В катакомбе святого Кириака находится уникальное изображение схождения манны - эмблемы "истинного хлеба, сошедшего с небес". Она падает обильным дождем и собирается в одеяниях четырех израильтян. Согласно Мартиньи, на сопровождающей гравюре, [рис. 72](#), из катакомбы Святой Присциллы, и на другой гравюре из катакомбы Калликстана, Моисей изображен стоящим среди корзин с манной, собранной в пустыне. Если бы не суровое и старческое выражение лица, столь отличное от юного облика Господа на фресках катакомб, их можно было бы принять за изображения Христа и семи корзин с остатками пищи, оставшихся после кормления народа.

В истории Моисея чаще, чем в какой-либо другой, повторяется сцена, когда он черпает воду из скалы, - эмблема духовных благословений, приходящих в Церковь через страдания Мессии: "Ибо они пили из той духовной скалы, которая шла за ними; а скала эта была Христос".^[486]

Иллюстрация на [рис. 73](#) взята из саркофага, найденного на кладбище Святой Агнессы.

[Иллюстрация на рис. 74](#) взята с фрески более раннего времени в катакомбе Марцеллина.

Рис. 74. Моисей, поражающий скалу.

На двух или трех позолоченных стеклах, о которых пойдет речь далее и которые относятся к сравнительно позднему времени, эта сцена грубо обозначена, а над головой или сбоку от фигуры написано слово *Petrus* или Петр. На основании этого обстоятельства римско-католические писатели утверждают, что во многих саркофагах и других изображениях этого события уже не Моисей, а Петр, "вождь нового Израиля Божьего", ударяет по скале эмблемой божественной силы - вывод, для которого нет абсолютно никаких доказательств, кроме весьма тривиального факта, о котором говорилось выше.[\[487\]](#)

Страдания патриарха Иова являются предметом нескольких таких иллюстраций из Писания. На прилагаемой иллюстрации, взятой с кладбища Марцеллина, он изображен сидящим в печали и оплакивающим день, который дал ему рождение. Первохристиане, несомненно, часто находили утешение в огненных испытаниях гонений, сравнивая свои страдания с еще более ужасными страданиями патриарха Уза.

Рис. 75.- Страдания Иова.

На саркофаге Юния Басса изображен барельеф Иова, утешаемого своими друзьями. Жалоба патриарха на то, что даже его жена отвращалась от его дыхания - так гласит Вульгата в переводе Иеронима, который был в ходу в этот период, - гротескно иллюстрируется женской фигурой, которая прижимает к носу платок.[\[488\]](#)

Победа юноши Давида над великим чемпионом врагов Израиля, казалось, поразительным образом предвосхищала триумф первобытного христианства над колоссальным язычеством, которому оно противостояло. Это был также символ победы Господа над более могущественным врагом, чем наглый филистимлянин; а некоторые отцы уподобляли камни и прашу иудейского пастуха кресту Христа, на котором сатана побежден, а его царство низвергнуто. Благочестивый монарх Израиля был также признанным прообразом Того, Кто был корнем и потомством Давида, Кто должен унаследовать его престол и вечно царствовать над домом Иакова.

Перевод Илии часто изображался как типичный пример вознесения Господа, которое считалось слишком священной темой для прямого отображения в искусстве. Колесница в целом напоминает классическую *квадригу*. На саркофаге в Латеранском музее Елисей изображен благоговейно принимающим мантию Илии, эмблему двойной меры его духа, которая покоилась на нем. На заднем плане два сына пророков с явным изумлением взирают на эту сцену. Два медведя, которые также указаны, вероятно, предназначены для тех, кто пожирал детей, насмехавшихся над пророком Елисеем на его пути в Вефиль.

Рис. 76 - Перевод Илии.

На рис. 76, с фрески более раннего времени в катакомбе Калликста, видно, что в задней части *аркосолия* были сделаны могилы, отрезавшие голову Илии и ноги двух нижних фигур.

Согласно натянутой трактовке римско-католических авторов по этому вопросу, дар мантии Илии его преемнику на посту - это прообраз дарования Христом власти святому Петру как "князю апостолов" и его особому представителю на земле. "Это, несомненно, - говорит доктор Норткот, - напомнило бы римским христианам о паллиуме, символе юрисдикции, который носят епископы Рима и который они передают митрополитам как от самого тела святого Петра - *De Corpore Sancti Petri*".^[489] Более невероятное предположение было бы трудно представить. Более благородным по замыслу, а также более основательным по Писанию является толкование этого типа, данное святителем Златоустом: "Илия, возносясь на небо, позволил своей мантии упасть на Елисея: Иисус, когда тоже вознесся, оставил дар своих милостей ученикам - милости, которые составляют не просто одного пророка, но бесконечное множество Елисеев, гораздо более великих и прославленных, чем этот один".^[490]

Рис. 77. Три еврейских ребенка.

Гонимые святые, которые осмелились встретить смерть и опасность в самых ужасных их проявлениях вместо того, чтобы отречься от своей веры, находили большое утешение в воспоминаниях о том, как Бог избавил своих слуг в давние времена. Когда в их ушах *все еще*

звучал кроважидный крик римского плбса - *Christiani ad leones* - и, возможно, рев диких хищных зверей бил по их содрогающимся нервам, их поддерживала мысль о верности тех древних героев, которые за свою честность перед Богом храбрились в пламени огненной печи и в опасностях львиного логова. Три древнееврейских ребенка обычно изображаются с восточными *диадемами* и туниками. На приведенном выше примере с кладбища Святой Присциллы изображен голубь, несущий оливковую ветвь, залог победы и мира.

Рис. 78. Три еврейских ребенка.

На [рис. 78](#) из кладбища Гермеса они изображены стоящими в "пылающей огненной печи", пламя которой, хотя и было в семь раз жарче, чем обычно, играло вокруг них, даже не задевая их одежды.

В следующем примере из катакомбы Святой Агнессы печь уменьшена до неглубокого сосуда, в котором Евреи стоят невредимыми. Это было неверно истолковано как изображение мученической смерти через кипячение в масле. Однако его связь с фигурой Даниила в логове льва и общее сходство с другими группами на ту же тему, несомненно, указывают на его истинный характер.

Рис. 79. Три древнееврейских ребенка.

На всех этих картинах выражение лица и походка трех бессмертных детей - более бесстрашных, чем даже отважные Гораций из классической истории, - когда они спокойно стоят среди пламени, указывает на присутствие с ними в их огненном испытании Всемогущего Избавителя своих святых. Примечательно, однако, что четвертая фигура, "подобная Сыну Божьему", никогда не изображалась в этих группах. Как будет показано далее, попытки изобразить Божественное в средневековом искусстве были отложены.

Вера и героизм многих первохристиан, отказывавшихся возжигать фимиам на языческих алтарях или приветствовать статуи царей, были недостойным подражанием верности этих еврейских юношей, отказавшихся поклониться огромному золотому образу, установленному на равнинах Дуры.

Даниил в логове обычно представлен обнаженной фигурой, стоящей между двумя львами, с руками, простертыми как бы в мольбе, и таким образом, говорит святой Григорий, побеждающей львов молитвой. Хотя в целом это образ избавления народа Божьего, иногда, по ассоциации, это может быть памятью о христианских мучениках, пожираемых дикими зверями в соседнем Колизее, песок которого так часто был залит их кровью. Характерным примером является следующая фреска из катакомбы Святой Присциллы. См. [рис. 80](#).

Иногда другая фигура, интерпретируемая как "пророк Nabassus", изображена как ангел, держащий Даниила за волосы на голове и предлагающий ему пищу, как описано в апокрифической истории о Бэле и драконе. На другой фреске Даниил изображен отдающим чудовищу пирог, который он приготовил для его уничтожения. История о Товии и рыбе, а также о Сусанне и старцах также проиллюстрированы в этой замечательной серии картин. Последние представляют интерес как свидетельство знакомства с апокрифическими книгами в первые века. В катакомбах также встречаются образы Исая, который, подобно волхвам, приходит издалека, чтобы положить свои дары к ногам Христа, и Иезекииля в долине сухих костей.

Рис. 80. Даниил в логове львов.

Одним из самых распространенных и, если судить по стилю исполнения, одним из любимых сюжетов фресок и саркофагов в этом библейском цикле является история Ионы. Она повторяется снова и снова с высокой степенью живописности и с большим разнообразием трактовок, чем, пожалуй, любая другая. Она также изображена на лампах, вазах, медалях, золоченых бокалах и погребальных плитах. История обычно представлена в виде серии из четырех сцен: буря и чудовище морских глубин, поглощающее пророка; его освобождение из ужасных челюстей и возвращение на сушу; его отдых под тенью тыквы, чтобы подкрепиться и отдохнуть; его уныние и гнев, когда тыква засохла и он лежит в своем несчастье под палящим солнцем. Иногда эти четыре сцены занимают четыре стены *кувуклии* или отсеки сводчатого потолка; или могут быть представлены только две, как на гравюре с кладбища Святой Присциллы [на противоположной странице](#), где Иона изображен ребенком, выходящим из пасти морского чудовища, а затем лежащим под будкой.

Иногда вся история сжимается в одну многолюдную сцену, как в следующем примере. Характер маленькой коры очень похож на тот, что можно увидеть на языческих фресках (рис. 81).

Рис. 81. История Ионы.

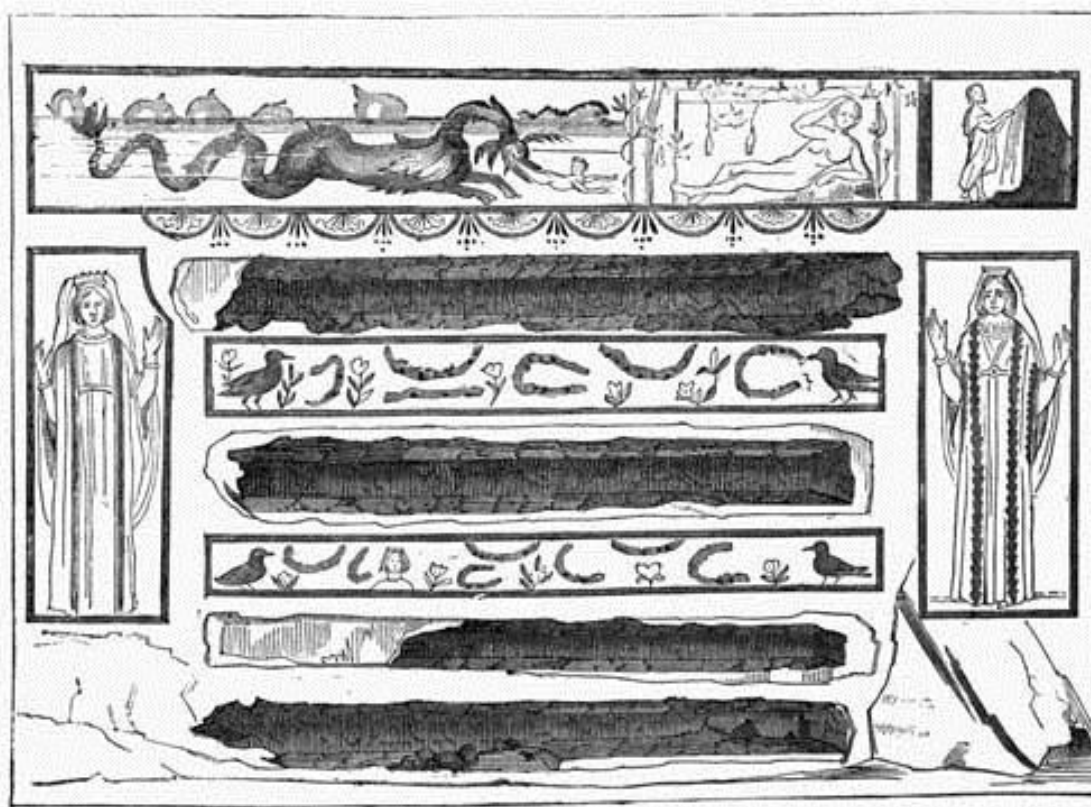

Рис. 82. Иона, Моисей и Оранти.

В некоторых случаях "корабль" сводится к простой лодке, а "мореплаватели" - к одному человеку, как на [рис. 83](#), с кладбища Святой Присциллы.

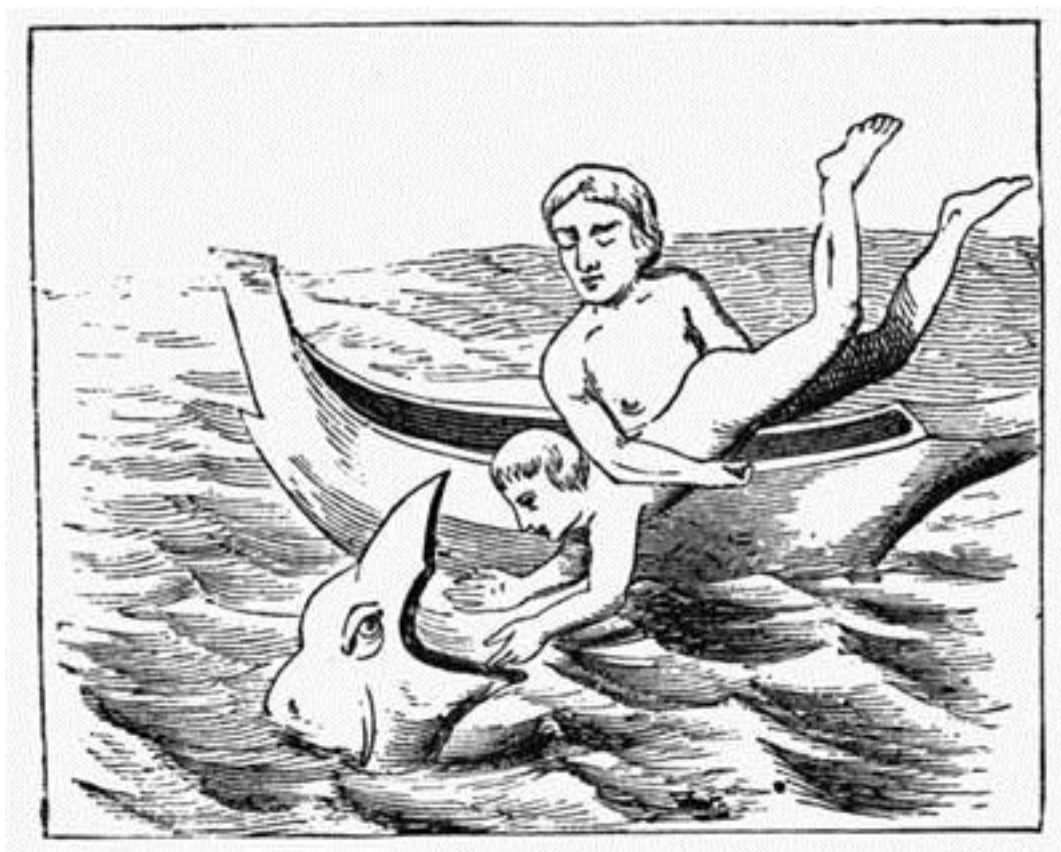

Рис. 83.- Иона, проглоченный "большой рыбой".

На следующем примере саркофага ([рис. 84](#)) на заднем плане изображен несколько поразительный анахронизм - Ной, принимающий голубя с носа судна Ионы. Море" здесь - узкий ручей, а "рыба", чудовище с головой и лапами четвероногого, с одной стороны лодки заглатывает непокорного пророка, а с другой - выбрасывает его на скалистый берег. Подобные солецизмы отнюдь не редкость в этих группах.

Рис. 84.- Ной и Иона.

На другом саркофаге в Латеранском музее можно заметить влияние языческой мысли. Буря олицетворяется тритоном, дующим через свернутую раковину, а Ирида, парящая с плавком над судном, обозначает спокойствие, наступившее после изгнания пророка.

Огромная рыба" в этих сценах не похожа ни на одно живое существо. Обычно это чудовище с искаженным телом, длинной шеей и большой головой, иногда вооруженной рогами (см. [рис. 81, 82](#)), вероятно, чтобы отличить его от символической рыбы, эмблемы Господа, или как тип "старого змея, дьявола". Возможно, эта форма была заимствована из мифологических представлений о морском чудовище, из пасти которого Андромеда была спасена Персеем. Последняя история, как и история о Девкалионе и многие другие в греческой мифологии, вероятно, берет свое начало в Священном Писании.

Эта тема, естественно, была близка ранним христианам, так как она была изложена самим Господом как прообраз Его собственного воскресения и воскресения Его учеников. Поэтому, когда гонимые верующие собирались в этих торжественных и безмолвных покоех мертвых, они начертали на могильных плитах, скрывавших от их взора тлеющий прах усопших, или на стенах *кувуклий*, в которых они поклонялись, этот символ веры и надежды на славное воскресение. Он также нес в себе урок высочайшего значения для первобытных христиан, призванных быть свидетелями Бога в городе, более нечестивом и идолопоклонническом, чем даже Ниневия. Это был мощный стимул к верности даже до смерти. Потрепанная бурей кора, хищное чудовище, будка и тыква пророка - все это было прообразом сурового жизненного пути, зевающей могилы и скорого перехода в чащу вечного блаженства и освежающих плодов дерева жизни.

Между Иеронимом и Августином долго и ожесточенно спорили о природе растения, которое осеняло пророка. Иероним назвал его плющом, но Августин сохранил слово "тыква" в более древней италийской версии и исключил из своей епархии Гиппо Вульгату Иеронима, содержащую нежелательный перевод. Это любопытный комментарий к древнему спору в церкви и доказательство древности катакомб, что их фрески, похоже, следовали более древней версии и свидетельствовали против *нововведений* Иеронима. См. [рис. 85](#), копия разбитой могильной плиты, на которой будка пророка уменьшена до одной ветки тыквы.

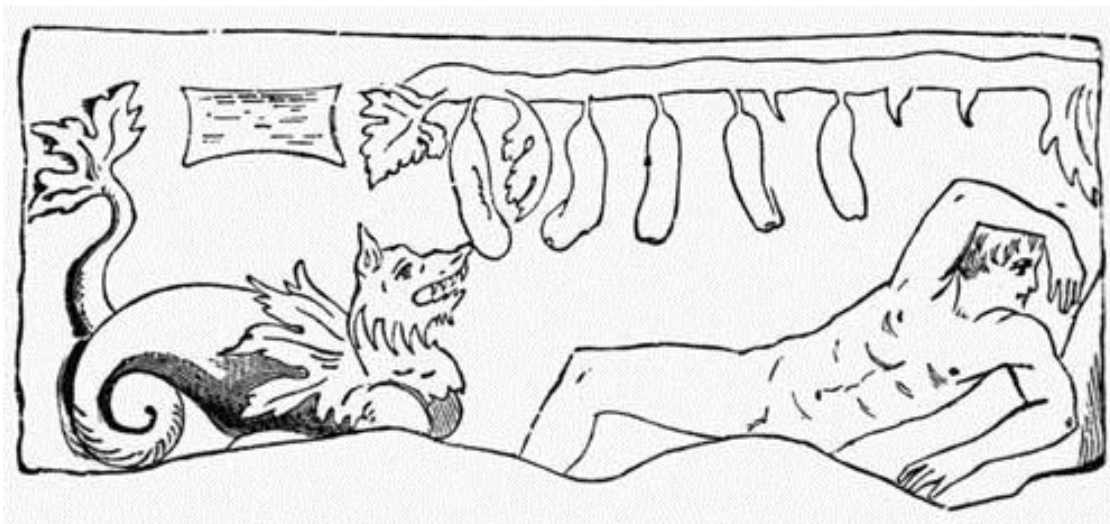

Рис. 85. Тыква Ионы.

На этом заканчивается ветхозаветный цикл, столь богатый святым учением, все типы и символы которого указывают на великую Антитезу, о которой говорили Моисей и пророки. Подобным образом и новозаветный цикл будет сгруппирован вокруг личности и дел Искупителя; исключая, однако, торжественные сцены преображения, страстей, воскресения и вознесения, которые являются основными темами более позднего религиозного искусства; и без малейших признаков того идолопоклоннического почитания Марии, которое является главной чертой современного романизма, показывая тем самым, как далеко эта церковь отошла от обычаев апостольских времен.

Первая тема этого новозаветного цикла - явление Господа волхвам в виде звезды на востоке, знак того, что над миром возшла Светлая и Утренняя Звезда. [491] В катакомбах найдено более двадцати повторений этой сцены.

Следующий пример саркофага из катакомбы Калликста представляет волхвов, несущих свои дары и ведомых звездой к месту, где лежал Младенец. Младенец завернут в пелену и лежит в яслях. Волы и ослы стоят рядом с Богомладенцем, вероятно, в причудливой аллюзии на Писание: "Вол знает своего хозяина, а осел - колыбель своего господина", а также в качестве исторической иллюстрации к этой сцене. Иосиф и Мария появляются на заднем плане как простые аксессуары группы.

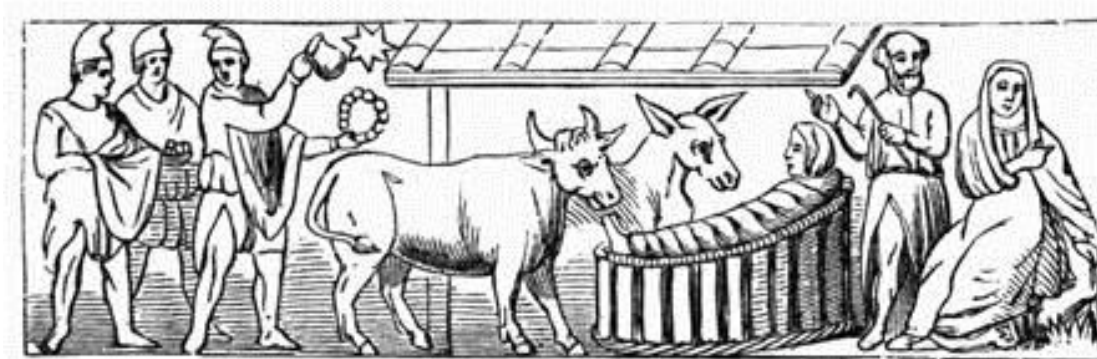

Рис. 86. Поклонение волхвов.

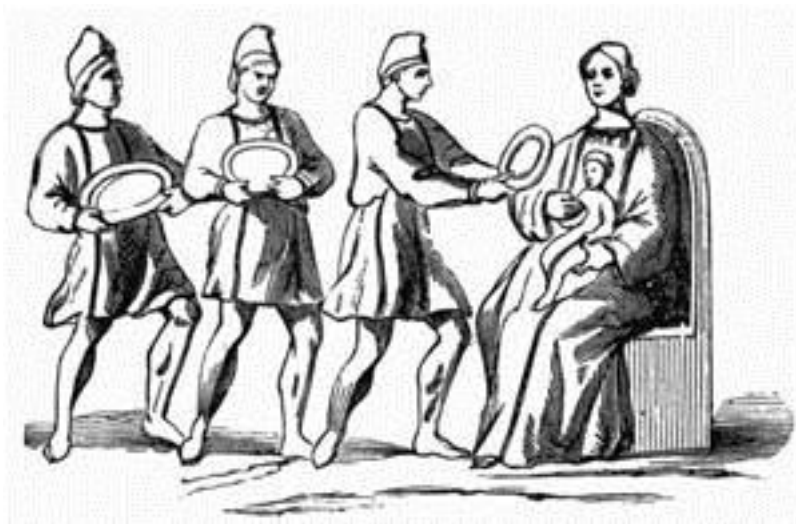

Рис. 87.- Поклонение волхвов.

На прилагаемой гравюре с фрески на кладбище святого Марцеллина Дева Мария изображена сидящей в спокойной позе и одежде римской матроны, держащей на руках младенца Христа, но ничуть не напоминающей современную Мадонну.^[492] Волхвы приносят свои подношения как первые плоды почитания всего мира. Иногда их число увеличивается до четырех или сокращается до двух, в этом случае они располагаются по обе стороны от Богородицы, чтобы сохранить равновесие и симметрию картины.^[493] Иногда группу дополняет фигура Иосифа, но обычно это молодой и безбородый мужчина, что противоречит римской традиции о его преклонном возрасте, заимствованной из апокрифических Евангелий. Эти легенды послужили темой для большей части религиозного искусства пятого и последующих веков; но доктор Норткот признает, что "до этого времени христианские художники, похоже, строго держались в рамках канонических книг Священного Писания".^[494]

Фреска в катакомбе Нерее и Ахилла, относящаяся ко II веку, считается самым древним из сохранившихся художественных изображений Девы Марии. На этих ранних изображениях она, как правило, изображена в вуали, и выражает достоинство и скромность в своей позе и одежде, и только в историческом отношении к божественному ребенку. Только позднее она появляется одна или даже в качестве главной фигуры. Доктор Норткот, правда, приводит пример одного изображения Иосифа,^[495] Марии и младенца Иисуса, относительно которого он говорит, что Дева не входит в композицию как второстепенный персонаж, но сама служит мотивом всей картины.^[496] На гравюре, которую он приводит, это действительно выглядит так; но в оригинале и в копии, приведенной Де Росси,^[497] , которая показывает всю картину, фигура Девы Марии - лишь очень маленькая и подчиненная часть сложного декоративного оформления, и ее положение не вертикальное, как если бы она была главным объектом, а горизонтальное, как только принадлежность к основной группе. Все эти ранние изображения Девы Марии, говорит г-н Мариотт,^[498] встречаются только в той связи, которая прямо указана в Священном Писании, и ни одно из них не было бы неуместным в иллюстрированной английской Библии, настолько они отличаются от Мадонн римско-католического искусства.

Рис. 88.- Оранта.

В катакомбах есть множество фресок, изображающих людей, как мужчин, так и женщин, в позе молитвы, поэтому их называют Оранти (см. [рис. 82](#)) и сопровождающий его более простой пример с кладбища святых Петра и Марцеллина. Такие изображения часто встречаются на могильных плитах, причем пол и возраст *Оранты* всегда совпадают с полом и возрастом человека, названного в надписи. Поэтому их обычно рассматривают как портреты усопших и, вероятно, как указание на то, что они вели молитвенную жизнь и умерли в вере. Так, *оранты*, изображенные на [рис. 82](#), по мнению Перре, предназначены для Присциллы, на кладбище которой они найдены, и ее спутника.^[499] По крайней мере, наиболее вероятно, что они изображали именно умершего, а не другого человека, точно так же, как и современные погребальные чучела, а также изображения фоссоров, виноградарей и ремесленников в Катакомбах. Доктор Норткот в свое время допустил такое объяснение этих фигур. "Мы вряд ли можем ошибиться, - говорит он, - полагая, что это люди, кем бы они ни были, которые были похоронены в этих камерах".^[500] Но в своей более поздней работе о катакомбах он говорит: "Возможно, иногда это предположение и верно, но в большинстве случаев мы уверены, что оно неприемлемо";^[501] и он утверждает, что это изображения Девы Марии или символы Церкви, Невесты Христа, чья жизнь на земле - это жизнь

молитвы. Он утверждает, что это явно намерение, когда, как часто бывает, фигура является спутником Доброго Пастыря; и он приводит гравюру Бозио с одним из таких изображений, которое каталогизировано как "Добрый Пастырь и Пресвятая Дева".^[502] Но при ссылке на Бозио выясняется, что эта фигура вовсе не Дева Мария, а христианская мученица, на что указывает атрибут *plumbata*, или свинцового бича, нарисованный рядом с ней, который опущен на гравюре доктора Норткота (по недосмотру, как он объясняет); и она обозначена Бозио как *Una Donna Orante* - женщина в молитве. И эта фигура - единственная из всех, изображенных Бозио и Аринги, которая полностью совпадает с описанием доктора Норткота. Остальные, когда они ассоциируются с Добрым Пастырем, либо находятся в группах по два и более, либо смешаны с *мужчинами-орнитологами*, существование которых доктор Норткот, похоже, игнорирует.

Но даже если бы Дева Мария упоминалась на этих картинах, это ничего не доказывало бы в пользу современной мариолатрии. Действительно, ничто не может быть более разительным, чем контраст между этими простыми молящимися фигурами, ничем не отличающимися от других благочестивых мертвецов, и коронованной Царицей Небесной, принимающей почести от человечества, из более позднего римско-католического искусства. Но то, что они являются таковыми, - совершенно необоснованное и неоправданное предположение; с равной степенью уместности, или, скорее, отсутствия таковой, они были истолкованы монахами-цицеронистами Катакомб как символы мученичества, как портреты живых людей, молящихся мертвым, и как святые на небесах, молящиеся за людей на земле.^[503]

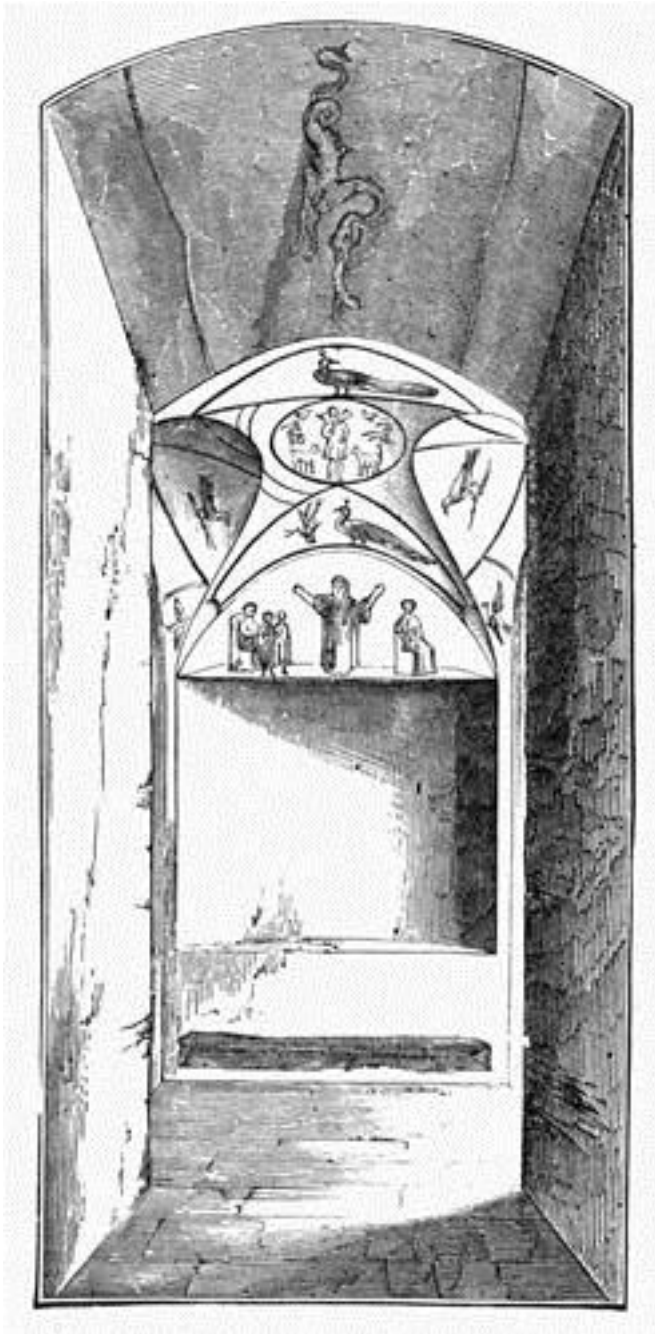

Рис. 89.- Предполагаемая Мадонна.

На позолоченных стеклах, которые будут описаны далее и которые относятся к периоду очень деградировавшего искусства, вероятно, с четвертого по шестой век, иногда встречаются изображения Девы Марии, узнаваемые по ее имени, написанному над ее головой на византийский манер. Она появляется либо одна, либо между фигурами апостолов Петра и Павла. Однако эту честь разделяют и другие святые женщины, особенно святая Агнесса. В одном из примеров Мария носит нимб - доказательство сравнительно поздней даты.

Предполагается, что одна фреска в катакомбе святых Фразо и Сатурнина имеет какое-то отношение к Деве Марии. Она изображена в люнете свода на прилагаемой гравюре. (Рис. 89.)^[504] Она интерпретируется, однако, Боттари, выдающимся романистическим антикваром, как не картина Мадонны вообще, а просто семейная группа.

Рис. 90. Древнейшая Мадонна.

Первым художественным изображением Девы Марии, имеющим хоть какое-то сходство с обычной Мадонной, которая бесконечно воспроизводится и так идолопоклоннически почитается во всем римско-католическом христианстве, является изображение в *аркосолии* в катакомбе Святой Агнессы. (Голова Богородицы покрыта вуалью, ожерелье из жемчуга украшает ее лицо, а руки протянуты в молитве. Младенец Христос не сидит, а стоит перед ней, как это принято в излюбленном типе греческой церкви, особенно в России, что указывает на то, что эта картина, вероятно, была написана византийским художником, как и большинство более поздних работ в Риме. Но даже в этом изображении ранние христиане, не знавшие о грядущей мариолатрии, видели лишь выражение любви к той, кто был провозглашен "блаженной среди женщин". Священная монограмма на обеих сторонах указывает на дату не ранее четвертого века; а Мартиньи, видный романистский авторитет, считает ее более поздней, чем Эфесский собор пятого века, - A. D. 431. D. 431.

К этому времени уже произошел печальный отход от первобытной ортодоксальной веры. Богохульный титул Богородица, Матерь Божия, ставший к несчастью привычным,^[505] был применен к Деве Марии, сначала в знак протеста против арианской ереси, отрицавшей Божественность Господа, а не для возвеличивания Его Девы-Матери. Несторий решительно возразил против этого необоснованного и антикриптового титула и предложил называть ее Матерью Христа. Возникла яростная полемика, для умиротворения которой Феодосий Младший собрал Эфесский собор. Несторий был осужден, не будучи выслушанным, лишен епископского сана и отправлен в изгнание, а несносный эпитет был подтвержден с помощью обмана и насилия. Флавиан, член Собора, фактически умер от ран, полученных в этом бурном собрании; и среди этих позорных сцен впервые был сформулирован этот догмат, который был чреват столь губительными последствиями как для греческого, так и для латинского христианства.

Художественное воплощение этой доктрины претерпело стремительный упадок. Исчезает сладкая и нежная грация девы-матери, скромное покрывало сменяется короной, она становится вульгарной в выражениях, драгоценности украшают ее лицо, поза становится жесткой и безжизненной, лик темнеет и принимает выражение боли, а не мягкости и мира, а невинная улыбка Божественного Младенца сменяется неестественной суровостью и мрачностью. Начало этого упадка можно увидеть в уже описанной Мадонне (рис. 90), на которой лицо Марии украшено показным ожерельем из драгоценностей. Этот тип переходит путем быстрых градаций,

во время сгущающегося мрака темных веков, в мучительные изображения *Mater Dolorosa*, склоненной с семикратными скорбями, и грубые образы Богоматери Кровоточащего Сердца, лоно которой пронзает обнаженный меч.[506] Но даже в этом виден разительный нравственный контраст между духом христианского и языческого искусства. Самый возвышенный идеал последнего - выражение телесной красоты, в то время как первый демонстрирует самый благородный тип чистоты, скорби и любви, который когда-либо видел мир. С эпохой Возрождения этот идеал стал вдохновением искусства и породил те триумфы гения, которые разжигают восхищение в самой холодной натуре и наделяют чарами пафоса и силы догмы, которые отвергает суд.

Молчание первобытных отцов о поклонении Марии - яркое свидетельство его несуществования, а их язык, когда они говорят о ней, еще сильнее демонстрирует этот факт. Тертуллиан, по-видимому, делает вывод о ее неверии в миссию Господа и неблагоприятно сравнивает ее с Марфой и Марией.[507] Пруденций отказывается приписывать ей абсолютную безгрешность.[508] Августин утверждает естественную испорченность ее плоти.[509] Златоуст смело обвиняет ее в честолюбии и легкомыслии,[510] и говорит: "Она не получит никакой пользы от того, что будет матерью Христа, если во всем не будет поступать правильно".[511] Кирилл Александрийский, Василий Кесарийский и Иларий Пуатье высказываются в таких же недвусмысленных выражениях, которые, по словам римского богослова Петавия, не подобает произносить.[512] Еретики-коллиридиане, действительно, оказывали Марии идолопоклоннические почести;[513] но Епифаний решительно осуждает эту практику как кощунственную и опасную для души. "Пусть Марию почитают, - говорит он, - но пусть ей не поклоняются".[514] Иреней впервые указывает на причудливую антитезу между Марией и Евой, которая впоследствии была так замечательно развита в римской мысли и дикции. [515] Ефрем Сирский и Григорий Назианзен, правда, говорят о ее призыве в молитве, но это была честь, которой уже удостоились многие другие святые. Кроме того, языческие писатели, обвинявшие христиан в поклонении простому человеку, каким они считали Христа, несомненно, выдвинули бы аналогичное обвинение и в отношении поклонения Марии, если бы оно было известно; но мы нигде не находим, что это было сделано. Более того, вполне вероятно, что презрение и поношение, с которым язычники отзывались о Матери Господа, могли усилить до суеверного почитания то любовное благоговение, с которым к ней относились в первобытные века. Тертуллиан приводит кощунственный языческий эпитет "сын блудницы", примененный к Христу в связи с Его чудесным рождением.[516] Одаренному современному поэту, столь же языческому и скептическому по настроениям, как Лукреций, было поручено провести параллель или даже превзойти эту отвратительную нечестивость.[517]

Свидетельства раннехристианских надписей не менее разительно противостоят современной мариолатрии римской церкви. "В Лапидарной галерее, - говорит Мейтланд, - имя Девы Марии не встречается ни разу. Не встречается оно и в подлинно древних надписях, содержащихся в работах Аринги, Болдетти или Боттари".[518] Ни *Ave Maria*, ни *Ora pro nobis*, ни *Theotokos*, ни *Mater Dei* не встречаются ни в одном из подземных склепов или коридоров Катакомб. Даже имя Мария, которое сейчас так часто применяется в различных формах к мужчинам и женщинам во всех римско-католических странах, не встречается до 381 года, и только дважды после этого, в 536 и 538 годах - свидетельство полного отсутствия того благоговейного почитания, которое сейчас воздается Деве Марии.[519]

Это религиозное почитание лишь постепенно переросло в настоящее идолопоклонство. Его следы в раннехристианском искусстве крайне редки и неясны. В многочисленных мозаиках пятого и шестого веков в Риме и Равенне фигура Марии встречается очень редко, и никогда - только как соучастница Божественного Младенца в Рождестве или Поклонении волхвов. В них не было попытки буквального портрета, а только выражение добродетелей, которые украшали ее

характер; "чтобы", как выражается Амвросий, "лицо было образом ее ума, образцом прямоты".[520] Действительно, Августин прямо утверждает, что мы не знаем о ее внешности.[521]

В седьмом веке, наряду с прогрессирующим варварством в обращении, можно наблюдать постепенное возвышение Марии в римских мозаиках над теми местами, которые ранее были посвящены образу Христа.[522] В восьмом веке, по словам д'Агинкура, "почтение, воздаваемое ей, уже не отличалось от почтения, оказываемого Господу всех";[523] и Константинопольский собор постановили, "что тот, кто не воспользуется заступничеством Марии, должен быть проклят".[524] На сохранившихся изображениях IX века она изображена в пурпурных одеждах с драгоценными камнями как коронованная Царица Небесная, принимающая почести от четырех и двадцати старцев и небесного воинства.[525] В этом же веке легенда о ее телесном вознесении на небо, которая с тех пор стала столь заметной темой в римско-католическом искусстве и доктрине, впервые представлена в криптах собора святого Климента в Риме.[526]

В двенадцатом и тринадцатом веках апофеоз Марии становится полным. На фреске в Риме, датированной 1154 годом, папы Каллист II и Анастасий IV изображены обнимающими ее ноги в знак обожания и передающими человеческой матери почести, причитающиеся только Божественному Сыну. Теперь ей поклонялись вместе с Христом или, более того, почти без него: ее имя заменялось его именем во многих церковных сборниках. Многие из языка Писания также были кощунственно извращены из его надлежащего применения к ней. Сияющие образы Песни Песней, обращенные к церкви как супруге Христа, были применены к Марии как к ее праву; а одна из самых распространенных и популярных в Риме книг благочестия этого периода, псалтырь ее "Серафического доктора", святого Бонавентуры, содержит шокирующую пародию на книгу Псалмов, в которой имя Бога повсюду исключено, а вместо него подставлено имя Марии.[527] *Аве Мария* с ее человеческими добавлениями считалась равной по важности и ценности молитве "Отче наш" и была положена в основу тщетных повторений розария. Мария теперь разделяет управление небом и землей, "вознесенная выше херувимов и серафимов",[528] престол в славе, сидящая на радуге, окутанная ореолом, одетая солнцем, луна под ее ногами, корона из звезд на ее голове,[529] и излучающая от своей персоны лучи света, надлежащие атрибуты божества.[530] Она часто изображается, даже на небесах, с младенцем Христом на руках, просто аксессуаром для обозначения ее личности, как бы показывая его относительную неполноценность.[531] Она и сама становится объектом молитвы, имея особую литанию и многочисленные посты в литургии церкви, а ее хвалы воспеваются в некоторых из самых благородных ее текстов. К ней обращаются как к вратам рая,[532] утренней звезде,[533] и прибежищу грешников;[534] и увещевают помогать несчастным,[535] защищать от врагов, принимать в час смерти,[536] и ходатайствовать перед Богом за людей.[537] Она наделена способностью всезнания и всездущности, и ее узурпация божественных прерогатив едва не сместила Вечного с Его трона.[538]

Но кульминацией этого нечестивого богохульства, похоже, стали итальянские фрески XV века, на которых печально известная Джулия Фарнезе предстает в образе Мадонны, а папа Александр VI, мерзкий Борджиа, преклоняет колени у ее ног в качестве жертвы. Флорентийские церкви также были осквернены портретами известных блудниц, выставляющих напоказ свою убогую красоту в качестве олицетворения матери Господа. За свое обличение этих и других профанаций Савонарола погиб на костре.[539]

Стремительное развитие мариолатрии, великое разложение христианства, как справедливо назвал его Халлам, в какой-то степени можно рассматривать как реакцию против сурового и строгого характера, который был придан нашему Господу как в искусстве, так и в догматах. Он был вознесен на престол в ужасном величии, как грозный Судья человечества. Отстраненный от человеческого сочувствия, внушающий лишь ужас душе, он был уже не Христом-Утешителем, а Христом-Мстителем.[540] Религия была омрачена мрачными предчувствиями бесконечной

гибели и ожесточена полемическими распрями, а нравственная атмосфера казалась припорошенной метаниями анафем враждующих сект. К жаждающим сердцам человечества, к множеству усталых и обремененных, для которых голос Спасителя "Придите ко Мне, и Я дам вам покой" был неслышен среди конфликтов времени; и особенно к тем, кто был склонен к чувству греха и печали и трепетал при мысли о суровом, неумолимом Судье, нежное Евангелие Марии пришло со сладкой и победной благодатью, которая нашла свой путь в их самые сокровенные души. Все образы нежности и правды окружали ее. Сочетание

материнской любви и девичьей чистоты[541]

затронуло скрытые источники чувств, существующие в самых грубых натурах, и превратило поклонение Марии в религию надежды и утешения. Она стала новой Посредницей между грешной человеческой душой и Отцом Небесным. Те, кто уклонялся от Бога, обращались за помощью к Деве Марии. Жалкость ее человеческой природы считалась более сильным основанием для доверия, чем то бесконечное сострадание и вечная любовь, которые были явлены в агонии и кровавом поту Гефсимании, а также на Голгофском кресте и страстях. Поэтому Мария часто рассматривалась как своего рода божество-куратор свирепым разбойником, запятнавшим кровью лопатку, которую он носил как священный талисман, и дочерью позора, которая, странно сочетая распутство и преданность, лелеяла свой образ в самом логове порока.

Но как во зле есть душа добра, так и даже антикриптовалютные извращения Мариолатрии были не лишены моральной пользы для человечества. В грубую, необузданную эпоху вырабатывался новый идеал совершенства. Со всех сторон распространялся угрюмый аскетизм, порицавший милую и нежную благотворительность очага и дома, запрещающий любовь к жене и ребенку тем, кто хотел достичь высот святости. Женщину принижали как существо низшей природы, считали "необходимым злом" и запрещали ей, как недостойной, прикасаться рукой к священным эмблемам страстей Христовых. Но культ Марии возвысил женщину, наделил ее нравственным достоинством и силой, бесконечно превосходящими все, что было известно в языческие времена, и вызвал к ней более глубокое благоговение и рыцарское уважение.

Этот образец женственности,
Такая кроткая, такая милосердная, такая сильная, такая добрая,
Такая терпеливая, спокойная, верная, любящая, чистая,[542]

облагораживал и возвышал весь пол, а значит, возвышал и очищал все общество. Поклонение печали смягчило дикие натуры до более человеческой мягкости и смягчило ужасы долгих темных веков жестокости и крови.

Мы так долго останавливались на этом развитии романизма из-за того, что оно получило замечательное значение и возросшее достоинство благодаря булле о непорочном зачатии, изданной по личному почину нынешнего понтифика[543], и декрету о его личной непогрешимости, наложенному на все римско-католическое христианство. Мы видели, насколько он чужд всему духу и учению, как в искусстве, так и в литературе, первобытной церкви, и проследили, как он растет вместе с упадком христианства, как грибок на умирающем дереве, пока не истощил саму его жизнь и не скрыл его раннюю красоту и силу под уродством и разложением.

Другие группы новозаветного цикла - это в основном сцены из жизни Господа, а также изображения некоторых из его главных чудес и две-три иллюстрации к притчам. Эта серия, надо признать, отличается крайне скудным характером и ограниченным диапазоном, будучи примечательной как тем, что в ней отсутствует, так и тем, что она содержит. Из огромного количества сюжетов, которые рассматривались в позднем религиозном искусстве, были выбраны сравнительно немногие, которые повторяются снова и снова с неизменным повторением типа.

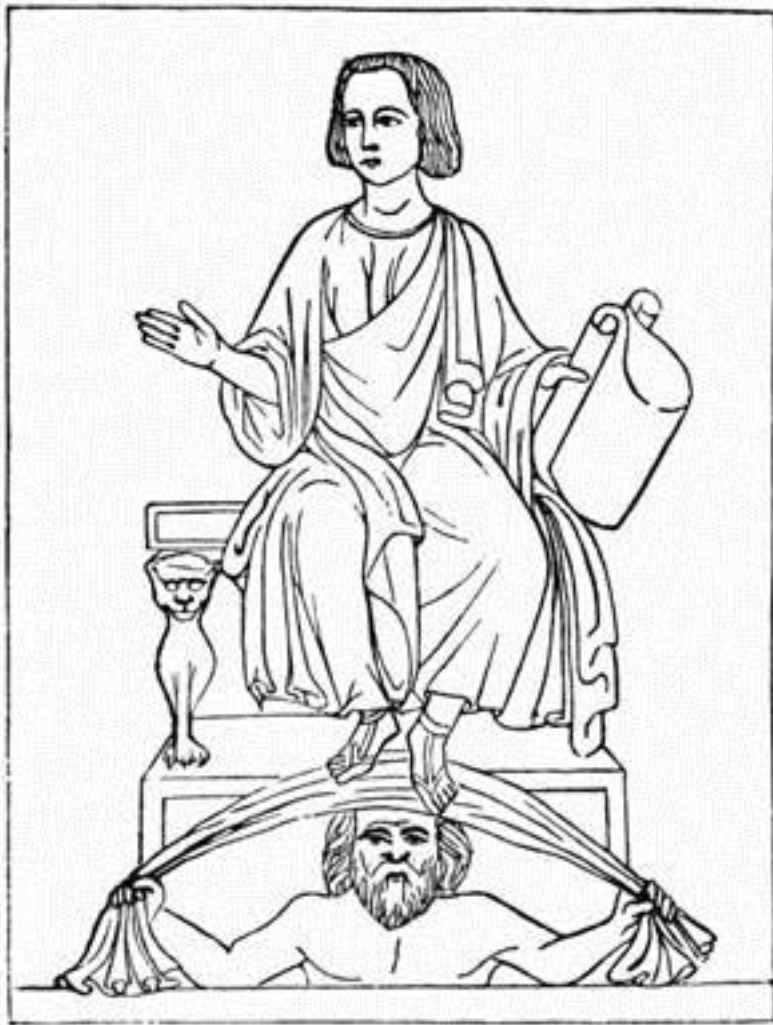

Рис. 91. Христос с врачами.

Прилагаемый барельеф с саркофага Юния Басса (359 г. н. э.), вероятно, изображает Христа, "сидящего посреди врачей, слушающего их и задающего им вопросы".^[544] Он изображен сидящим на стуле-куруле, одетым в римскую тогу и держащим в руке полураскрытый свиток. Его ноги покоятся на платке, который держит аллегорическая фигура, вероятно, олицетворяющая землю - концепция, заимствованная из языческого искусства.

Изредка встречаются фрески крещения Господа;^[545] , но сцены искушения, ставшие предметом столь гротескной обработки в средневековом искусстве, в Катакомбах не встречаются.

На саркофаге в Латеранском музее есть иллюстрация первого чуда Господа в Кане Галилейской, где он прикасается к горшкам с водой своим жезлом силы и превращает воду в вино.

Рис. 92. Христос и самарянка.

Разговор Христа с самарянкой у колодца в Сихаре - сюжет, который часто повторяется на фресках и рельефах. На прилагаемом примере из саркофага в Латеране изображена лебедка примитивной конструкции, подобная тем, что до сих пор распространены в Кампанье.

Рис. 93.- Исцеление парализованного.

Исцеление парализованного рассматривается как прообраз восстановления души, парализованной грехом. Изобретательные романисты обнаружили здесь символ "Таинства покаяния", а также "Крещения и отпущения грехов". На фресках Катакомб человек изображен в момент повиновения повелению: "Возьми постель твою и иди". Иногда кровать представляет собой просто сетчатый каркас. Она также показана, как в приведенном выше примере из катакомбы Калликста. См. [рис. 93](#).

Рис. 94. Христос исцеляет женщину с истечением крови.

Исцеление Господом недуга женщины с истечением крови, которая приблизилась и прикоснулась к подолу Его одежды, - частая тема как саркофагов, так и фресок. На прилагаемом примере с рельефа IV века Спаситель, очевидно, произносит слова: "Дочь, утешайся, вера твоя исцелила тебя". На заднем плане в запутанной перспективе видна христианская базилика того времени с полукруглым абсидой и отдельно стоящим баптистерием. Двери завешены тяжелыми шторами, чтобы не пропускать полуденный зной, как это до сих пор принято в итальянских церквях.[\[546\]](#)

Рис. 95. Чудо о хлебах и рыбах.

Чудо умножения хлебов и рыб - тема, часто встречающаяся в раннехристианской живописи и скульптуре, и рассматривалась в трудах отцов как евхаристический образ Того, Кто, как истинный Хлеб с небес, отдал свое тело на раздробление для жизни мира. Иногда, как на саркофаге в Латеране, Господь стоит между двумя учениками, благословляя обеими руками пищу, которую они держат. Иногда, как на предыдущей фреске с кладбища Святой Прискиллы, сцена представлена группой учеников, стоящих на коленях на земле, как будто они только что получили пищу, столь чудесно умноженную. У их ног лежат хлебы и рыбы, а на переднем плане стоят семь корзин, наполненных оставшимися фрагментами.

Рис. 96. Христос, открывающий глаза слепым.

Чудо открытия глаз слепым, которое было одновременно исполнением древних пророчеств о Мессии и прообразом того нравственного просвещения, которое он должен был передать,

уместно на могилах тех, кто был призван из тьмы в дивный Божий свет. Предыдущий пример взят из катакомбы Калликста.

Рис. 97. Господь благословляет маленького ребенка.

Наш Господь возлагает руку в благословении на голову маленького ребенка или, возможно, учит смирению и обличает честолюбие Своих учеников, поставив среди них ребенка, - часто повторяющийся сюжет в этом примитивном цикле. Это был урок, который первые христиане Рима должны были часто усваивать: тот, кто хочет быть величайшим среди них, должен быть слугой всех; что возвышение должности - это лишь предвосхищение опасностей и трудов. Приведенный выше пример взят из катакомбы Калликста.

Барельеф в Кирхерийском музее, изображающий притчу о сеятеле и семени, соответствующим образом символизирует сеяние в борозды общества доброго семени Царства, из которого должен вырасти урожай праведности. Частые изображения сцен рыбной ловли могут относиться к роду занятий нескольких первых учеников Господа или к их духовному призванию как ловцов человеков. Однако римско-католические писатели усмотрели в них намек на таинство крещения. Мы уже видели в постоянно повторяющейся фигуре Доброго Пастыря иллюстрацию к прекрасной притче о потерянной овце и наиболее подходящий символ Пастыря и Епископа всех душ. В катакомбе Святой Агнессы находится фреска с изображением пяти мудрых дев из притчи, выходящих навстречу жениху, и она так обозначена Бозио.^[547] Каждая из дев несет в руке сосуд с маслом, чтобы пополнить свой светильник; самая старшая держит факел или восковую свечу, издревле часто используемую в римских брачных процессиях,^[548] как это происходит и сейчас; остальные несут ветви пальмы в знак торжества. Однако один выдающийся римский богослов с извращенной изобретательностью обнаружил в сосудах с маслом современные церковные ситулы, или вазы для святой воды, а в сияющем факеле первой фигуры - хохолок, которым окропляют святую воду.^[549]

История Лазаря, как мы можем легко понять, была особенно любима раннехристианскими художниками. Она затрагивала самые глубокие чувства и внушала самые возвышенные надежды первобытных верующих. Спасаясь от мрака и отчаяния язычества в отношении будущего состояния души, они с особой горячностью восприняли славное учение о ее бессмертном существовании и воскресении тела. Среди мрака катакомб, в окружении молчаливого сонма мертвых, они с радостью слышали волнующие слова: "Я есмь воскресение и жизнь" и предавали своих близких земле, не прощаясь с ними и не жалуясь на богов, а ликуя в надежде на блаженное бессмертие. Поэтому они выгравировали на погребальной плите или нарисовали на могиле эту запись о победе Христа над смертью, как символ надежды, которая поддерживала их сердца в час жизненных испытаний. Эти изображения имеют все степени художественного достоинства, от грубо нацарапанных и едва различимых очертаний до тщательно проработанного барельефа на дорогом саркофаге. Прилагаемое изображение, пожалуй, самый простой пример. Он датируется 400 г. н.э.

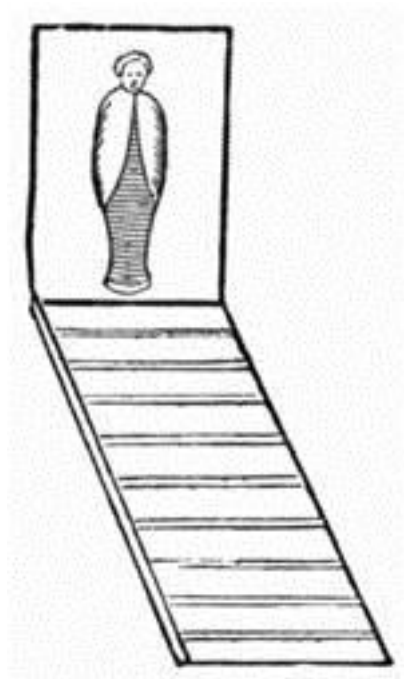

Рис. 98.- Лазарь.

Лазаря обычно представляют как мумиеподобную фигуру, "связанную по рукам и ногам погребальными пеленами", стоящую в храмовой гробнице или эдикуле, подобной тем, что стоят вдоль Аппиевой дороги. Эту фигуру наш Господь, Князь жизни, трогает жезлом своей силы, как показано на прилагаемой фреске из катакомбы святых Петра и Марцеллина.

Рис. 99. Воскрешение Лазаря.

Фигура Марии, часто очень маленького роста, нарушающего все пропорции, часто изображается склонившейся у ног Иисуса, а иногда целующей его руку в знак благодарности за возвращение ее брата к жизни. Иногда также можно увидеть Марфу, стоящую у гроба, и учеников, стоящих вокруг Иисуса. Приведенная ниже гравюра с саркофага в Латеране является характерным примером обычного типа.

Гораздо реже предметом художественного изображения становится Мария Магдалина, держащая в руках "алебастровый ящик с очень драгоценным миро", которым она помазала Господа.

Рис. 100.- Воскрешение Лазаря.[\[550\]](#)

Рис. 101.- Триумфальный въезд Христа в Иерусалим.

Триумфальный въезд Христа в Иерусалим, предвещающий и символизирующий Его окончательную победу над миром и вхождение в качестве Царя Славы в Новый Иерусалим на высоте, происходит с большой частотой и значительным разнообразием трактовок. Хотя в евангельском повествовании Закхей отделен от этой сцены, в этом примитивном искусстве он почти неизменно связан с ней, и обычно появляется на дереве, глядя на процессию. Иногда сцена сведена к простейшим элементам; в других случаях, как на [рис. 101](#) с саркофага в Латеране, она более тщательно проработана, изображая толпу, расстилающую свои одежды и усыпающую пальмовыми ветвями кроткого Победителя.

Отречение Петра от своего Учителя - тема, которая часто повторяется. Петух, чье кричание пробудило поздние угрызения совести ученика, без которого иногда было бы невозможно различить сцену, обычно изображен, как на следующем примере саркофага из Латеранского музея.

Рис. 102.- Отречение Петра от Христа.

Как мы уже отмечали, трагические сцены страстей Господних не находят места в этом примитивном цикле. Они были скорее предметом для благочестивой медитации, чем для живописной обработки. Ранние христиане предпочитали созерцать Христа скорее как победителя смерти и ада, чем как жертву страданий и позора. "Агония, терновый венец, гвозди, копье, - говорит выдающийся критик этого примитивного искусства [\[551\]](#), - кажутся забытыми в полноте радости, принесенной Его воскресением". Это тема, воскресение Христа и церкви в его лице, на которую, на своем особом языке, художники катакомб, кажется, никогда не устают излагать; смерть, поглощенная победой, и победитель, увенчанный амарантовым венком бессмертия, - это видение, постоянно стоящее перед их глазами, с живостью предвкушения, которую мы, рожденные для этой веры, можем лишь слабо осознавать."

Рис. 103.- Филат на Судном месте, омывающий руки.

Единственными сценами, связанными со страстями, кроме уже приведенной сцены отречения, являются сцены, происходящие в зале суда Пилата, и уникальный пример Симона, несущего крест. Одна сцена, в частности, была выбрана скорее как свидетельство невиновности Христа, чем Его страданий. Это та, в которой Пилат заявляет: "Я не нашел в этом человеке никакой вины", и, призвав воду, омывает руки, как бы стирая с них проклятую вину за то судебное убийство. На прилагаемой гравюре, снятой с изуродованного барельефа в Латеранском музее, изображена эта сцена. В оригинале лицо нерешительного губернатора, кажется, выражает сожаление по поводу этого извращения правосудия, которому он поддается. На заднем плане виден профиль его жены, как бы произносящей торжественное предостережение против готовящегося преступления. Слуга с фужером и пустым тазом появляется в соответствии с восточным обычаем омовения рук водой.

В последнем отсеке справа от замечательного саркофага в Латеране, представленного на [рис. 104](#), эта сцена повторяется. Вместе с ней в соседнем отсеке изображены две фигуры Христа, охраняемого римским солдатом и свидетельствующего о доброй исповеди перед Понтием Пилатом. Корона над головой последнего, если это не просто архитектурное украшение, может указывать на награду тем, кто исповедует Христа перед людьми.

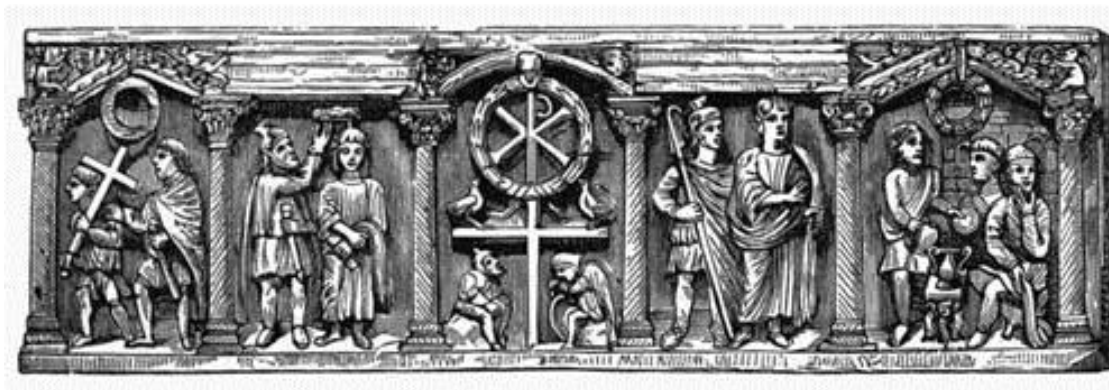

Рис. 104.- Саркофаг в Латеранском музее.

Этот саркофаг, как признает доктор Норткот, "наиболее близок к поздним изображениям Страстей Спасителя, которые можно найти в раннехристианском искусстве".^[552] Константиновская монограмма в центральном отделении уже была описана.^[553] Слева изображена фигура Христа, увенчанная не терновым венцом, а, как бы символизируя его венец ликования на высоте, цветочной гирляндой. В последнем отсеке изображен Господь или, что более вероятно, Симон Кириянин, несущий крест под охраной римского солдата. "Но здесь нет ни одного из следов страданий, - говорит доктор Норткот, - с которыми поздние художники познакомили наше воображение, а корона наверху указывает на награду за несение креста вслед за нашим страдающим Учителем".^[554] В одном случае римские солдаты изображены бьющими Господа по голове тростью;^[555] , но более близкого приближения к завершению высшей жертвы Голгофы никогда не было.

В этом библейском цикле также нет исторической трактовки величественных тем воскресения и вознесения Христа, но только в рамках ветхозаветных типов Ионы и Илии. Одна группа, гипотетически интерпретируемая как *Noli me tangere*, или слова Господа Марии в утро воскресения: "Не прикасайся ко мне, ибо я еще не вознесся к Отцу", скорее всего, представляет собой благодарность Марии за воскрешение ее брата Лазаря. Многочисленные фрески с изображением семи человек, вкушающих хлеб и рыбу, могут относиться к явлению Господа ученикам на морском берегу или к празднованию Агапы.

На раннехристианских саркофагах мы находим только одно событие после вознесения, которое иногда изображается на саркофагах, а именно: задержание Петра,^[556] , которое, вероятно, рассматривалось как прообраз того, что он был окончательно связан для распятия. Его можно отличить от Господа, арестованного римскими солдатами, по его бородатому лицу и иудейским шапкам, характерным для спутников Ирода Агриппы. Примечательно, что в этой раннехристианской скульптуре так мало упоминаний о святом Петре, и это мало указывает на его превосходство над другими апостолами; и этот факт необъясним с точки зрения римской теории о его первенстве в так называемой Апостольской коллегии. На еще более ранних фресках Катакомб он нигде особо не обозначен ни по имени, ни по атрибутам. Единственный апостол, выделенный из остальных двенадцати, - это святой Павел, который на фреске в катакомбе святой Прискиллы изображен бок о бок с Добрым Пастырем и обозначен надписью-PAVLVS PASTOR APOSTOLVS.^[557] Действительно, это был особый титул святого Павла как "в трудах более обильных", чем у любого из апостолов.^[558] Даже на саркофагах святой Петр лишь раз или два изображен с символическим жезлом власти, и эти примеры могут относиться к пятому или шестому веку. На некоторых из уже упомянутых золоченых бокалов он аллегорически изображен вместо Моисея, поражающим скалу, что подразумевает мнение о том, что он был в некотором смысле представителем последнего в новозаветной экономике. Но эти бокалы

относятся к сравнительно позднему времени, когда представление о первенстве святого Петра уже было частично развито; и даже на них святой Петр и святой Павел часто находятся рядом, без какого-либо признака превосходства первого.

В раннехристианском искусстве легко различить двух апостолов, столь высоко чтимых в Риме[559], по ярко выраженным условным типам, которым почти неизменно соответствуют их портреты. Святой Павел отличается более благородной формой лица, высоким, смелым лбом, аквилиным еврейским носом, темными волосами и глазами, ниспадающей остроконечной бородой, утонченным и задумчивым выражением лица, как у человека, воспитанного у ног Гамалиила и обученного всем премудростям греческого философа и еврейского мудреца. Галилейский рыбак представлен с крепким телосложением, широкими деревенскими чертами лица, короткими седыми волосами, густой и плотно завитой бородой, как правило, серебристо-белой, и выражением большой силы и энергии характера.[560] Вероятно, эти типы были получены из достоверной традиции, если не из реальных портретов.[561] Евсевий, Августин и другие отцы утверждают, что видели изображения этих апостолов, сохранившиеся на картинах; а предполагаемые портреты, отправленные папой Сильвестром императору Константину, ежегодно выставляются в соборе Святого Петра для почитания верующих.[562]

Нигде в катакомбах мы не находим ни малейшей поддержки представлению о том, что Святой Петр в каком-либо смысле является основателем церкви в Риме, а тем более скалой, на которой построена вселенская церковь. В раннехристианском искусстве, как и у самого апостола, эта честь возлагается на Иисуса Христа, "главный краеугольный камень, избранный, драгоценный".[563]

Рис. 105.- Расписная палата в катакомбе Святой Агнессы.[564]

Эти библейские изображения, как мы можем заметить, не сгруппированы беспорядочно, но часто расположены в определенном порядке, имеющем отношение к их доктринальному значению. Стены и потолки *кувуклий* часто разделены на отсеки геометрического дизайна, , как показано на предыдущей гравюре камеры в катакомбе Святой Агнессы. См. также [рис. 82](#) и [89](#).

Иногда картины камеры так же тесно связаны между собой, как части одной главы в систематическом богословии. Так, из-за их общего отношения, как он считает, к таинствам крещения и евхаристии, де Росси обозначает как литургические картины некоторые изображения в катакомбе Калликста.[565] Однако аллегоризирующий дух часто обнаруживает смысл во фреске или рельефе, о котором не задумывался художник. Так, доктор Норткот интерпретирует как олицетворения церкви или Девы Марии некоторые молящиеся фигуры, ничем не отличающиеся от обычных *орантистов*.

Саркофаги почти исключительно заняты сценами из библейского цикла, обычно расположенными в два ряда непрерывной чередой, подобно фигурам на фризе греческого храма. Нередко на боковой поверхности саркофага можно обнаружить десять или двенадцать групп, охватывающих около сорока фигур. Иногда отдельные группы занимают ритмичное расположение панелевидных отсеков, разделенных колоннами более или менее орнаментального характера. Бюсты усопших, мужа и жены, часто изображены крупным рельефом в вогнутом углублении в центре, похожем на половину двустворчатой раковины (см. [рис. 102](#), [103](#) и [104](#)). Таблица в [сноске](#) на следующей странице демонстрирует относительную частоту встречаемости различных сюжетов, уже описанных выше, как это было замечено на пятидесяти пяти саркофагах в Латеранском музее г-ном Бургоном, и как показано на сорока восьми примерах, скопированных Бозио.[566]

Массивность саркофагов в эпоху гонений не позволяла использовать их даже богатым людям, поскольку их подготовка и перевозка из города были бы связаны с оглаской, которая угрожала бы безопасности живых. После Константина возросшее богатство и совершенная неприкосновенность христиан позволили использовать это дорогостоящее погребение. Саркофаги больше не прятали в подземных склепах, а выставляли на обозрение в притворах величественных базилик, возведенных над землей.[567]

Так, Златоуст говорит о Константине, похороненном в рыбацкой паперти[568] , и об императорах, занимавших место носильщиков у могил апостолов. Однако в катакомбах было найдено множество саркофагов, некоторые даже предположительно первого века. Как правило, они были более простой конструкции и украшены лишь серией двояко изогнутых линий, известных как волнообразный орнамент. Их часто замуровывали в пол *кувуклии*.[569]

Читатель, рассматривая вышеприведенные изображения личности Господа[570] , должен был поразиться их удивительно юному и радостному характеру в этом примитивном цикле, в отличие от более древнего аспекта и более сурового выражения преобладающих типов более позднего искусства. Это различие свидетельствует о соответствующем изменении религиозного чувства - от жизнерадостности первых веков до мрачного аскетизма Средневековья. В искусстве катакомб Господь наш представлен, по большей части, в идеальной манере, а не в историческом смысле; или, выражаясь языком лорда Линдсея, "как абстракция, как гений, так сказать, христианства".[571] Он почти неизменно изображается в виде юношеской безбородой фигуры, означающей, как говорили древние писатели, "вечный расцвет вечности"; при этом, если пытаться выразить что-то определенное, у него лик сладкой и нежной грации, полный мягкости и благодушия.

То, что в этих первобытных типах не было попытки реалистичного портрета, очевидно из мнения многих ранних Отцов относительно личного облика Господа. Это мнение было основано на ошибочном толковании некоторых мест Писания, выражающих добровольное унижение и умаление Христа. Так, Иустин Мученик говорит о Его внешнем виде, как о неприглядном и некрасивом.[572] Тертуллиан со свойственной ему резкостью утверждает, что Христос был лишен не только божественного величия, но даже и человеческой красоты,[573] не обладал грацией и достоинством, превосходящими все человеческие.[574] "Но каким бы убогим ни был его облик, каким бы пошлым и бесчестным, - восклицает он, - он все равно будет *моим* Христом, которого я обожаю".[575] Климент Александрийский, Ориген и Василий сходятся в этом мнении относительно внешнего облика Господа, а Кирилл Александрийский дерзко заявляет, что Он был самым безобразным из сынов человеческих.[576]

Но в конце концов возобладало более справедливое толкование Писания и более достойное представление о личности Христа. Яркие образы Песни Песней и пророческих псалмов были применены несколькими отцами четвертого века к личности, а также к характеру нашего Господа. Иероним полагает, что в Его лице и взгляде должно было быть нечто небесное, иначе апостолы не последовали бы за Ним сразу же;[577] и что лучезарность и величие Божественности внутри, которые сияли даже в человеческом облике, не могли не привлечь с первого взгляда всех зрителей.[578] Хризостом и Григорий Нисский на Востоке приняли эту более благородную концепцию, как и Амвросий и Августин на Западе. Последний восклицает: "Он был прекрасен на лоне матери, прекрасен в объятиях родителей, прекрасен на кресте и прекрасен в гробу", хотя и признает, что лик Христа был совершенно неизвестен и окрашен бесчисленным множеством разнообразных выражений.[579]

Поэтому, как замечает М. Рошетт,[580] и как признает д-р Норткот,[581] не было ни одного подлинного портрета Христа, признанного ранней церковью; не был принят и какой-либо строго единый тип. Евсевий, правда, упоминает о предполагаемых портретах Господа, связанных с портретами святых Петра и Павла;[582], но они, очевидно, были предметом простого местного суеверия, как и предполагаемая статуя Христа в Кесарии Филипповой, на которой он якобы изображен исцеляющим женщину, у которой были истечения крови.[583] Самые ранние признанные изображения Христа были приписаны гностическим еретикам, а эклектичные философы Рима почитали их наряду с изображениями Гомера, Пифагора, Орфея и других героев и мудрецов.[584]

Молчание ранней традиции, как и Писания, относительно внешнего облика Спасителя человечества, кажется, провидчески предназначено для того, чтобы обратить ум от чувственного восприятия Его личности к духовному постижению Его спасительной благодати. В поддельном послании Публия Лентула, мнимого современника Христа, которое имеет неопределенную и, вероятно, позднюю дату, содержится первый письменный портрет Господа, который уже указывает на отход от юношеского типажа катакомб. "Его лик, - говорится в этом рассказе, - суров и выразителен, чтобы внушать зрителям одновременно любовь и страх. Когда он обличает или порицает, он внушает благоговение; когда увещевает и учит, его речь нежна и ласкова. Его выражение лица отличается удивительной сладостью и серьезностью. Никто никогда не видел, чтобы он смеялся, хотя его часто видели плачущим".[585]

Древнейшее из сохранившихся изображений головы Христа, рассматриваемое отдельно, - профиль, привезенный из катакомбы Калликста, ныне хранящийся в Христианском музее Ватикана, и изображенный на гравюре на следующей странице. Он выполнен в подражание мозаике, примерно в натуральную величину и отличается типа от фигуры Господа на фресках

и скульптурах Катакомб. Он изображен в зрелом возрасте, его спокойные, гладкие брови оттенены длинными каштановыми волосами, которые разделены посередине и массой падают на плечи. Глаза большие и задумчивые, нос длинный и узкий, борода мягкая и ниспадающая, а общее выражение лица безмятежное и мягкое. Этот образ стал иератическим типом многих самых благородных картин позднего итальянского искусства и, по словам аббата Бривати, вдохновил гения да Винчи, Рафаэля и Караッチи.

Рис. 106.- Древнейшее сохранившееся изображение Господа.

В катакомбе святых Нерее и Ахилла голова и бюст Христа образуют медальон в центре сводчатого потолка. Лицо имеет благородное и величественное выражение, смешанное с доброжелательностью; но оно более древнее и, вероятно, значительно более поздней даты, чем приведенное здесь. Куглер, однако, утверждает, что оно имеет приоритетное происхождение. Обе эти картины, вероятно, относятся ко второй половине четвертого века и были выполнены не христианами чистых веков Церкви, а теми, кто начал ходить по зрению, а не по вере. Первобытные христиане, как мы видели, не имели исповедуемых портретов Христа, а только аллегорические изображения Доброго Пастыря или юношеских фигур, рассматриваемых как абстракции или гении христианства. "Мы не должны, - говорит один из отцов II века, - цепляться за чувственное, но подниматься к духовному. Привычка к повседневности принижает достоинство божественного, а претендовать на поклонение духовной сущности через земную материю - значит низводить эту сущность до уровня мира чувств".^[586]

На медальоне из терракоты, найденном не в самих Катакомбах, а в мусоре возле устья кладбища Святой Агнессы, изображена голова Господа того же общего типа, что и [на рис. 106](#), но гораздо более высокого исполнения. Лицо отличается изысканной красотой и нежным изяществом выражения. Но с упадком искусства и разложением христианства этот

прекрасный тип исчез, и изображения Христа приобрели более строгий и торжественный вид. Хотя технические средства исполнения уменьшились, а передача формы становилась все более и более неправильной, все же для мощного эффекта, силы характера и глубины чувства христианское искусство демонстрировало ресурсы, превосходящие все, что можно было найти в катакомбах. Оно вырвалось из узких рамок, в которых было заключено, и нашло широкое применение во фресках и мозаиках величественных базилик, которые возвышались повсюду. В этих огромных и тенистых интерьерах главной фигурой был Христос, окруженный святыми и ангелами, вззирающий на поклоняющихся с благоговейной силой, держащий в левой руке книгу жизни, а правую поднимающий в торжественной угрозе или предупреждении.

Первым примером художественного изображения Христа в этом суровом и угрюмом облике, по мнению опытного критика г-на Хеманса, является большая мозаичная композиция V века в остийской базилике Святого Павла. Колоссальная фигура Спасителя доминирует над всеми остальными объектами, производя эффект одновременно поразительный и отталкивающий. "Мы также не можем не видеть, - говорит мистер Хеманс, - в этой странной недостойной концепции свидетельства упадка религиозного идеала, даже большего, чем упадок технической обработки, свойственной эпохе".^[587] Подобный характер носит голова Господа в крипте Святой Цецилии. Выражение лица серьезное, глаза большие и торжественные; в руке книга Евангелий, а голову окружает нимб в виде греческого креста.

Этот тип становился все более строгим и аскетичным по мере того, как на сознание людей надвигались тени Темных веков. Мрачный аскетизм монашеских орденов также наложил свой отпечаток на искусство того времени, особенно на Востоке, где монахи-вазилиане слишком точно иллюстрировали суровые, строгие суждения своего основателя о личности Христа. Грубость исполнения этой византийской школы была сравнима только с убожеством замысла суровых, жестких и почерневших портретов Господа, на которых он был представлен как "человек скорбей и знающий скорбь".

Ближе к концу десятого века искусство погрузилось в глубочайшую деградацию, как долгая ночь Темных веков достигла своего самого густого мрака. Тысячный год стал восприниматься в народе как дата конца времен и окончательного возгорания мира, столь ярко выраженного в возвышенном гимне,

Dies iræ, dies illa,
Solvat sæclum in favilla.

Взволнованное воображение человечества, размышляющего о приближающихся ужасах Последнего дня, нашло свое выражение в мрачном характере искусства того времени. Нежная милость Доброго Пастыря из катакомб сменилась суровым неумолимым Судьей, который одним взглядом уничтожает нечестивых и в ярости повергает народы. Христос больше не был божественным Орфеем, очаровывающим музыкой своей лиры души людей, вдыхающим мир и благословение из своих уст, но "Rex tremendæ majestatis", грозным Мстителем, поражающим воображение благоговением, пробуждающим в душе тревогу и раскаяние. Все суровые обличения древнееврейских пророков и странные образы Апокалипсиса нашли в искусстве предельно реалистичное воплощение. Христос поражает землю проклятием и уничтожает нечестивых, как жнивье. "Огонь идет перед ним и сжигает врагов его кругом".^[588] Великий белый престол установлен, и из-под него вырывается пламя, пожирающее виновных в его гневе. Подобно разгневанному Иову,^[589] он бросает молнии своей ярости и взрывает молнии своей силы. Ангелы трепещут от ужаса перед его грозным взглядом, и даже заступничество Девы-Матери не в силах смягчить грозное

недовольство ее Божественного Сына. Вплоть до эпохи Возрождения трагические сцены Страшного суда остаются излюбленными темами художественной обработки и демонстрируют некоторые из самых выдающихся ее достижений; но не все гения Орканьи или Михаэля Анджело могут примирить наш разум с дикой суровостью и свирепостью фресок Кампо Санто и Сикстинской капеллы.

Христос также часто изображается в средневековом искусстве с посохом и скрепами, в "шапке с гребешком и в сапогах", отправляющимся в свое изнурительное, смертное паломничество; возвращающимся на небо изможденным человеком, тяжело опирающимся на свой посох,^[590] или показывающим Отцу, сидящему на его троне, свои израненные руки и бок. Он также представляется, как в возвышенном видении святого Иоанна, восседающим в величии на своем белом коне в сопровождении небесных армий; попирающим ногами льва и дракона, сковывающим смерть и ад. В греческом искусстве, особенно в греческом, он изображается в виде архиепископа на троне, облаченного в великолепные одеяния, принимающего почести от святых и ангелов или приносящего жертву мессы, как великий первосвященник, вошедший в святая святых.

Одним из самых ярких контрастов между искусством катакомб и искусством более поздних времен является полное отсутствие в первом грубых антропоморфных изображений лиц Святой Троицы, как вместе, так и по отдельности - за исключением Господа нашего в его надлежащем человеческом облике, - которые в последнем, в знак оскорбления благочестия и хорошего вкуса, демонстрируют так много болезненных примеров. В прежние века торжественное благоговение запрещало попытки изобразить Вечного Отца или Святого Духа иначе, как с помощью символических типов. Все свидетельства христианской древности говорят против этой практики, столь распространенной в искусстве Средневековья. Ориген, Амвросий и Августин единодушно запрещают изображать Божество любым материальным предметом. Последний объявляет нечестивым для любого христианина устанавливать такое изображение в церкви, а тем более делать это в своем сердце,^[591] или представлять себе, что Божественное существо может быть ограничено рамками человеческого тела.^[592] Паулин из Нолы, рассказывая о символизме Святой Троицы в церкви Святого Феликса, описывает Христа как представленного агнцем, Святого Духа - голубем, а для Отца нет ничего, кроме голоса с небес.^[593] Григорий II, поборник поклонения образам, отрицает, что законно делать какие-либо изображения Божественной природы, но только Господа, его матери и святых.^[594] Такие фигуры были осуждены и вторым Никейским собором.^[595] Иоанн Дамаскин, ревностный защитник изображений Христа и святых, все же заявляет, что делать какие-либо изображения Божественной природы, которая бесплотна, невидима, не имеет ни материи, ни формы, непостижима, не поддается ни описанию, ни изображению человеческим искусством, - столь же великое нечестие, сколь и глупость.^[596] Урбан VIII приказал сжечь все изображения Троицы, а Бенедикт XIV запретил изображать Святого Духа в человеческом облике. Дюпен утверждает, что самые ревностные защитники изображений осуждали их;^[597] а ученый и рассудительный Бингем заявляет, что "во всей древней истории мы не встретили ни одного случая изображения Бога Отца, потому что предполагалось, что он никогда не появлялся в какой-либо видимой форме, а только голосом с небес".^[598]

Однако некоторые недавние римско-католические авторы утверждают обратное и ссылаются в доказательство этого утверждения на один или два саркофага четвертого или пятого века. На одном из них Каин и Авель приносят свои дары сидящему на камне пожилому и бородатому человеку, которого романисты интерпретируют как всемогущего Иегову. Но выдающийся археолог Рауль Рошетт, сам романист, выступает против этой точки зрения. "Я

сомневаюсь, - говорит он, - в реальности этого объяснения, противоречащего всему, что мы знаем о христианских памятниках первых веков, где вмешательство Вечного Отца обозначено лишь в сокращенной и символической манере, свойственной античности, изображением руки".

Другое предполагаемое скульптурное изображение Божества требует более тщательного изучения. "Святая Троица", - говорит доктор Норткот, - "нигде не изображена, насколько мне известно, в росписях катакомб".^[599] Но он утверждает, что скульптурный пример встречается на саркофаге пятого века из остийской базилики святого Павла, который сейчас находится в Латеранском музее. Группа, о которой идет речь, состоит из трех бородатых фигур преклонного возраста, с серьезными и сильно выраженными чертами лица. Один из них, которого доктор Норткот называет "Вечным Отцом, источником и фонтаном Божества",^[600] сидит в приподнятом кресле или подобии трона. За креслом стоит другой, описанный как Святой Дух, а перед ним - третий, обозначенный как "Вечное Слово".^[601] У ног последнего находятся две уменьшенные фигурки, одна стоящая, другая распростертая, которые, как говорят, представляют сотворение Евы из тела спящего Адама. Падре Гарруччи, опубликовавший монографию на эту тему, не идентифицирует ни одну из взрослых фигур таким же образом, как доктор Норткот, но описывает сидящего как Сына, того, кто стоит за ним, как Отца, а третьего как Святого Духа.^[602]

Мы не можем принять ни одно из этих объяснений, оба из которых так сильно противоречат всему духу и характеру раннехристианского искусства. Формулирование доктрины Троицы на Никейском соборе, в том благородном вероучении, которое до сих пор выражает веру христианства, оставило, правда, свой отпечаток на христианском искусстве и литературе. Как в живописных изображениях, так и, как мы увидим далее, в надписях, зафиксирован протест против арианской ереси, которая в этот период сотрясала и раздирала церковь. Де Росси приводит восемь примеров в раннехристианском искусстве, которые, по его мнению, имеют отношение к этой доктрине; но в семи из них на это указывает ассоциация священной монограммы с треугольником, символом триединства, а восьмой - это уникальный и аномальный барельеф, о котором идет речь.

Мы видели, что Христос в этом первобытном искусстве неизменно изображается юношей и безбородым; и на этом самом саркофаге, бок о бок с так называемой скульптурой Троицы, он предстает как представитель Божества, дающего пшеничный сноп Адаму и агнца Еве. Однако нас просят поверить, что в следующей группе он, вопреки общепринятой практике, изображен сильно бородатым и в преклонном возрасте; и что Всемогущий Отец, которого в соседней сцене замещает Сын, здесь представлен в человеческом облике, так же как и Вечный Дух. Встречается и еще одно примечательное несоответствие. Так называемые фигуры Адама и Евы очень миниатюрны и по размерам не уступают младенцу Христу на руках матери в сцене поклонения волхвов, расположенной ниже;^[603] а из них распростертая фигура, предположительно представляющая спящего Адама, значительно меньше по размеру и имеет более женский облик. Это несоответствие тем более бросается в глаза, что рядом находятся взрослые фигуры Адама и Евы, на которых меньшие фигуры не имеют никакого сходства. Вся группа, кажется, больше соответствует знаменитому суждению Соломона о живом и мертвом ребенке, чем сотворению Евы.

Рис. 107.- Бог, символизируемый рукой, явившейся Аврааму.

Раннехристианские художники так старались избежать любого изображения "Царя вечного, бессмертного, невидимого", что в сценах, где Бог говорит с небес Аврааму и Моисею, он лишь символически обозначен рукой, протянутой, чтобы остановить нож патриарха, или окружен облаками, как бы сильнее показывая свой образный характер, давая скрижали закона вождю Израиля. Прилагаемый пример такого изображения, к которому можно добавить множество других, взят из саркофага в Латеране. См. также [рис. 71](#), с. 290.

По мнению г-на Хеманса, во всем диапазоне священных мозаик Рима с четвертого по четырнадцатый век Верховное Существо никогда не представлено иначе, как символически, с помощью руки, обычно держащей корону над головой Христа, Девы Марии или святых. В более позднем искусстве рука иногда окружена крестообразным нимбом, чтобы яснее обозначить ее божественный характер. Она также видна простертой к небу на изображениях крещения и преображения Христа, агонии в саду, страстей и вознесения. [\[604\]](#)

Прошло немало времени, прежде чем самая дерзкая рука осмелилась изобразить на картине или в скульптуре всемогущего Иегову или бесконечный Дух, поддерживающий и пронизывающий вселенную. М. Эмерик Давид говорит, что французские художники девятого века впервые проявили "счастливую смелость" - *heureuse hardiesse* - изобразить Вечного Отца в человеческом облике. [\[605\]](#) М. Дидрон утверждает, что только в двенадцатом веке Божественное Существо было лично представлено, [\[606\]](#) ранее неизменно обозначалось

символом руки или божественным именем, написанным в треугольнике, окруженном кругом. По крайней мере, до более ранней из этих дат дело творения и другие действия, которые принято считать принадлежащими Отцу, всегда изображались как совершенные Сыном, "Который есть образ невидимого Бога", "Которым Он и сотворил миры".^[607] Христос также изображен как повелевающий Ною построить ковчег, как беседующий с Авраамом и как говорящий с Моисеем из горящего куста. Он также часто изображается на гигантских фресках византийских куполов, одетый с ужасающим величием и носящий титул ΠΑΝΤΟΚΡΑΤΩΡ, Всемогущий; но добавление букв ΙC ΧC, сокращение для Иисуса Христа, уверяет нас, что имеется в виду не Отец, а Сын.

Но буквальная концепция эпохи не довольствовалась символическим изображением Божества. Постепенно стали изображать не только руку, но и кисть, а искусство, постепенно становясь все смелее, попыталось изобразить лицо, которое, как утверждает вдохновение, не может видеть и жить ни один человек. Но сначала изображалось только лицо.^[608] Затем, с нарастающей смелостью, бюст и верхняя часть тела изображаются как выходящие из облаков, и, наконец, вся фигура предстает в различных аспектах и в различных образах. Всевышний представлен вооруженным мечом и луком, как Бог битв; коронованным, как король или император;^[609] и, наконец, как Папа Римский, в понтификальной тиаре и облачении. На следующем примере с витража XVI века в Труа (Франция) вечный Отец, престол во славе, увенчанный пятиконечной тиарой и облаченный в альбу и тунику, поддерживает крест, на котором висит безжизненное тело Божественного Сына.

Рис. 108.- Бог-Отец в роли Папы Римского.

Всемогущий Иегова иногда изображается как "Древний Дней", в виде немощного старика, склонившегося под тяжестью лет и ищущего поддержки, тяжело опираясь на посох или отдыхая на кушетке после трудов творения.^[610] Обращение становится все более грубым, вплоть до границ гротеска,^[611] а концепция - убогой, грубой и вульгарной, пока все божественное не исчезает и остается только человеческая слабость и немощь, что сразу указывает на деградацию вкуса, упадок благочестия и разложение учения.

Но эта грубость достигает своего наиболее оскорбительного развития в нечестивой попытке символизировать возвышенную тайну Святой Троицы гротескной фигурой с тремя головами или головой с тремя лицами, соединенными вместе, в некотором роде на манер трехголового образа Брахмы в индуистской мифологии.^[612] В других примерах Троица представлена тремя суровыми жесткими и состарившимися фигурами,^[613] обозначенными атрибутами -

диадемой, крестом и голубем, окутанными одной общей мантией и совместно венчающими на небесах Деву Марию, чей струящийся шлейф смиренно несут ангелы. Этим уничтожением Божества и возвеличиванием Марии мы можем отметить бесконечное расхождение в вере и практике современной римской церкви с простотой, чистотой и ортодоксальностью древней церкви катакомб, о чем свидетельствуют первобытное искусство и символика, бесценные памятники которых мы рассматривали.

[477] На барельефах Шартрского собора и в других средневековых церквях представлен библейский цикл, несколько схожий по характеру с катакомбным. В первом случае вся драма времени от сотворения мира до Страшного суда изложена в серии каменных изображений, состоящих из 1800 фигур, часто с трогательной *наивностью* и простым изяществом.

[478] Handbuch der Kunstgeschichte.

[479] История христианского искусства, т. I, с. 47.

[480] В диптихе из слоновой кости, вероятно, четвертого века, который изображен в "Свидетельствах катакомб" Марриотта, есть очень одухотворенный барельеф Адама в саду, дающего зверям их имена.

[481] Нет ли здесь намек на Ноя как "проповедника праведности"?

[482] 1 Пет. iii, 20, 21. Голубь - символ, говорит Тертуллиан, Святого Духа, приносящего мир Божий после мистической люстрации души в крещении -De Baptismo, vii.

[483] Трудно представить, как в этих изображениях произошел столь широкий отход от исторической истины. Высказывалось предположение, что они были скопированы с какого-то ранее существовавшего типа, на который эта форма была наложена пространственными условиями, в которых он был выполнен. Такой тип встречается на знаменитых апамейских медалях, датируемых 193-211 гг. н.э. См. [рис. 67](#). Вероятно, она была посвящена потоку Девкалиона, а дизайн был изменен христианами художниками, чтобы изобразить спасение Ноя.

[484]

Hostia viva Deo tanquam puer offerar Isaac,

Et mea ligna gerens, sequar alium sub cruce patrem.

[485] E. g., Greg. Nazianz., Orat. 42.

[486] 1 Кор. x, 4.

[487] Паулин из Нолы, в начале пятого века, описывает в вдохновенных строках некоторые картины, аналогичные тем, о которых мы говорили, но включающие некоторые сюжеты, не рассматриваемые в Катакомбах. Среди них - переход через Красное море и уничтожение фараона и его войска, Иисус Навин и ковчег Божий, Самсон, отбивающий ворота Газы, израильтяне, переходящие Иордан, и патетический эпизод с Руфью и ее невесткой, одна из которых следует за пораженной Наоми, а другая оставляет ее - эмблема, как замечает достойный епископ, человечества, частью покинувшего, частью придерживающегося истинной веры:

Ruth sequitur sanctam, quam deserit Orpa, parentem;

Perfidiam nurus una, fidem nurus altera monstrat.

Præfert una Deum patriæ, patriam altera vitæ.

[488] Job xix, 17. Эта тема также фантастически трактуется в искусстве Средневековья. В византийском MS. девятого или десятого века Иов изображен сидящим в тоскливой меланхолии среди руин своего дома, в то время как Сатана танцует перед ним в злобной радости от опустошения, которое он вызвал, и мучает свою жертву раскаленным козлом. Дидрон, Иконог. Chrét., p. 158.

[489] Roma Sotterranea, i, 310. Новоизбранный папа получает инвеституру со словами: "Прими *паллиум*, то есть полноту апостольского сана". *Паллии* посылаются иностранным епископам из гробницы святого Петра, и те, кто их получает, хранят их "*in obsequium Petri*" - в послушании и преданности Петру.

[490] Hom. ii. In Ascens. Dom.

[491] Несколько романистических писателей с сомнительной уместностью интерпретируют фреску на кладбище святой Присциллы как изображение Благовещения. Верное своему нежному гению, искусство катакомб обходит стороной трагические сцены убийства невинных, ужасы которых позднее искусство с удовольствием изображало.

[492] В церкви Ара-Кили в Риме находится чудесное изображение младенца Христа, вырезанное, как говорят, из дерева с Елеонской горы и написанное святым Лукой. Он известен как *Santissimo Bambino*, или Святой Младенец, и его возят в государственной карете для посещения больных. В свое время он получал больше гонораров, чем любой врач в Риме. Его праздник отмечается театральными представлениями сцен Адвента. Апокрифическое Евангелие от младенца, как правило, популяризирует эту особенность романизма.

[493] Согласно древней традиции, упоминаемой Оригеном и Львом Великим, волхвов было трое. В средневековых пьесах о чудесах они называются тремя цыганскими королями, а их имена - Гаспар, Мельхиор и Белшаззар.

Ранние отцы упоминают поклонение волхвов как доказательство божественности Господа, а не как дань уважения Марии. См. Клемм. Alex., Pæd., ii, 8; Origen, c. Cels., i, p. 46; Chrysos., in Matt.; Jus. Mar., Dial. cum Tryph.; Iren., c. Hæc., iii, 2; Hieron., in Esaiam, vi, 19; Ambr., in Luc., ii; Aug., Epiph. Serm.

[494] Rom. Sott., p. 261.- Одна из этих благочестивых выдумок, известная как *Proto-Evangelium* и приписываемая святому Иакову, стала источником тех легенд о ранней жизни Марии, которые послужили источником стольких сюжетов для итальянского искусства. Согласно этой традиции, она была посвящена в религиозную жизнь еще в младенчестве и до двенадцати лет оставалась в храме, где ее ежедневно кормили ангелы. См. надпись в Провансе: MARIA VIRGO MINISTER IN TEMPLO GEROSALE. Более поздние легенды утверждают ангельское предуведомление о ее рождении и непорочном зачатии, что в конце концов стало сформулированным догматом церкви, хотя и противоречит мнению древних отцов. (Kayes' Tertul., p. 386 и postea.) Святые Иоаким и Анна, ее родители, упоминаются в Миссале, который также утверждает ее свободу от первородного греха, которую разделяли только Господь, Иоанн Креститель и Иеремия.

В юности, говорится в Протоевангелии, Мария была отдана Иосифу не для замужества, а для родительской опеки. На ее руку претендовало несколько женихов, но явление голубя, слетевшего с вершины жезла Иосифа, указало на Богом избранную супругу. Со временем, в связи с растущим уважением к безбрачию, возникли легенды о ее вечной девственности,

хотя некоторые, по крайней мере, отцы придерживались противоположного мнения. См. Тертул, De Monogamia, с. 8, и De Carne Christi, с. 23; Антигностика Неандера, Комментарий Уэдона, Матф. xiii, 55. Слово πρωτότοκος, *первенец*, примененное к Иисусу, Матф. i, 25, подразумевает второе рождение впоследствии, как в Рим. viii, 29, "первенец из многих братьев"; иначе использовалось бы слово μονογενής, *только рожденный*, как в Луке vii, 12; ix, 38.

[495] Де Росси и некоторые другие авторы называют эту фигуру Исаией без всяких оснований.

[496] Rom. Sott., p. 260.

[497] Imagines Selectæ Deiparæ Virginis, pl. iv. Считается, что эта картина относится к шестому веку.

[498] Test. of Catacombs, p. 27.

[499] У одной из них одеяние цвета шафрана, мягкие карие глаза и волосы. Другая одета в малиновую мантию с пурпурными полосами. Оба богато расшиты и украшены драгоценными камнями.

[500] Northcote's Catacombs, p. 77.

[501] Rom. Sott., p. 255.

[502] Rom. Sott., pl. viii.

[503] Вышеупомянутое обстоятельство является еще одним доказательством того, что ни логические, ни исторические трудности не являются препятствием для благочестивого легковерия Рима, находящего доказательства своих любимых догм там, где рациональная критика не в состоянии их найти.

[504] Эти фигуры приведены в мельчайших подробностях в Perret, tom. iii, planches 16-20. На арке и на других люнетах можно увидеть "большую рыбу" и пророка Иону, Доброго Пастыря, несущего на своих плечах козленка, а не ягненка, и постоянно повторяющихся павлинов и голубей.

[505] В византийском искусстве изображения Девы Марии обычно надписываются буквами ΜΡ ΘΥ от ΜΗΤΗΡ ΘΕΟΥ - Богоматерь.

[506] Буквальное толкование Писания: "Да, меч пронзит и душу твою" - Луки ii, 35.

[507] Mater æque non demonstratur adhæsisse illi, cum Marthæ et Mariæ aliæ in commercio ejus frequentantur. Hoc denique in loco (Luke viii, 20) apparet incredulitas eorum cum is doceret viam vitæ.-De Carne Christi, с. 7.

[508]

Solus labe caret peccati conditor orbis,

Ingenitus genitusque Deus, Pater et Patre natus.

-Apotheosis, 894.

[509] Nec sumpsit [Christus] carnem peccati quamvis de materna carne peccati.-De Peccatorum Meritis et Remissione, lib. i, c. 24. Далее он прекрасно говорит: Solus unus est qui sine peccato natus est in similitudine carnis peccati, sine peccato vixit inter aliena peccata sine peccato mortuus est propter nostra peccata.-Ibid., c. 35.

[510] Φιλοτιμία καὶ ἀπόνοια.-Hom. in Matt., xii, 47.

[511] См. слова Господа нашего по этому поводу, Лк. xi, 28: "Да, блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его".

[512] "Infanda."-Theol. Dogmat. de Incarn., lib. xiv, c. i.

[513] Эти еретики получили свое название от *κολλύρα*, или пирога, который они предлагали обожествленной Деве. Так рано новое язычество было заменено уходящим. В современном Риме кулинарные мастерские посвящены Марии под названием "Богоматерь тортов и сахарных слив", таким образом, буквально "пекут торты Царице Небесной", как идолопоклонники Палестины, осужденные пророком. Мадам де Сталь верно сказала: "Католик - наследник язычника".

[514] Iren. adv. Hæreses, lib. iii, c. 33; lib. v, c. 19.

[515] См. гимн в каноне Богородице:

Quod Eva tristis abstulit
Tu reddis almo germine.

Сравните также "Ave maris stella".

[516] De Spectaculis, c. 30.

[517] См. примечания Шелли к "Королеве Мэб".

[518] Maitland, p. 333.

[519] Буквы В. М., столь часто встречающиеся в надписях на могилах, не имеют никакого отношения к Деве Марии. Они означают Bene Merenti-Для достойных, или Bonæ Memorïæ-Для благочестивой памяти.

[520] Ut ipsa corporis facies simulacrum fuerit mentis, figura probitatis.- De Virgin., lib. ii, c. 2.

[521] Neque enim novimus faciem Virginis Mariæ.-De Trin., c. 8.

[522] Аринги (т. ii, с. 195) копирует распятие из катакомбы "Юлий Папский", на котором Мария предстает увенчанной нимбом и несущей, на византийский манер, надпись Dei Genetrix - Матерь Божья. Вероятно, она была написана греческим художником позднего времени. Чудесные изображения Марии слишком многочисленны, чтобы их упоминать. Среди них - подмигивающая Мадонна из Римини; Мадонна из собора Св. Петра, которая пролила кровь при ударе; Мадонна в Ареццо, которая плакала от сквернословия некоторых пьяниц; другая в Риме, которая пролила слезы при вторжении французов; еще более странная Мадонна в Лукке, которая переложилла младенца Христа из одной руки в другую, чтобы уберечь его от опасности; и одна, упомянутая в Фаблие Ле Гран, которая, когда эшафот сломался, протянула нарисованную руку, чтобы спасти от смерти художника, которому она была обязана своим существованием! Практичное и нескромное любопытство царя Петра разоблало обман одной из плачущих Мадонн греческой церкви, обнаружив у нее за глазами резервуар с водой. В народных легендах Мария также часто спускалась со своего

трона славы, но не для того, чтобы преподать урок о грехе и спасении, а чтобы получить какую-нибудь пустяковую выгоду или вернуть потерянные деньги.

[523] Peinture, tom. ii, p. 38.

[524] Harduin, iv, 430, A. D. 712.

[525] В церкви Святой Цецилии в Риме. Почитание Богородицы теперь называлось ὑπερδουλεία - высшей степенью почитания.

[526] Эта легенда впервые упоминается Григорием Турским в шестом веке (De Gloria Mart., lib. i, c. 4), затем Иоанном Дамаскиным в восьмом веке, но наиболее подробно изложена в Legenda Aurea в четырнадцатом. Некоторые из ранних картин с трогательной *наивностью* изображают переселение души Марии как новорожденного младенца на небо, где она принимается в объятия своего Божественного Сына. В более позднем искусстве принятие представлено более буквально, и Мария принимается и коронуется тремя лицами Святой Троицы, а ангелы несут ее шлейф. Телесное принятие также приписывалось Иоанну Крестителю и Марии Магдалине.

[527] Например, Psal. lxxviii, 1: "Да воскреснет Мария, и да рассеются враги ее". На одной из главных церквей Рима до сих пор можно прочесть ужасное извращение Писания: "Итак, смело приступим к престолу Марии, чтобы получить милость и обрести благодать для помощи в трудную минуту".

[528] Выражение Модеста, патриарха Иерусалима в седьмом веке.

[529] В намеке на женщину в Апокалипсисе, xii, 1.

[530] См. фреску в *Кампо Санто*, Пиза.

[531] В церкви *Джезу и Марии* в Риме.

[532] Janua Cœli.

[533] Stella matutina.

[534] Refugium peccatorum.

[535] Succurre miseris.

[536] Tu nos ab hoste protege, et mortis hora suscipe.

[537] Ora pro populo, interveni pro clero intercede pro devoto femineo sexu. См. также в "Ave Maris Stella".

Salva vincla reis,
Profer lumen cæcis,
Mala nostra pelle,
Bona cuncta posce.

См. также "Regina Cœli" и "Ave Regina Cœlorum".

[538] Она была фактически названа Четвертым Лицом Троицы. В Риме на одну церковь, посвященную Христу, приходится двадцать семь церквей, посвященных Марии.

"В опасностях, в трудностях, в сомнениях, - говорится в Римском breviarii, - в пучине печали и отчаяния, думайте о Марии, призывайте Марию".

[539] В церкви Санта Мария Маджоре в Риме можно увидеть отреставрированную мозаику Поклонения волхвов, на которой Мария представлена с золотым нимбом и туникой, сидящей на государственном стуле, более высоком, чем стул Божественного Младенца. Но в копиях оригинальной мозаики V века, сделанных два столетия назад (Ciampini, Vet. Mon., i, p. 200), Мария стоит, без нимба или другого знака почета, рядом с Христом, который в сопровождении ангелов занимает трон. Очевидно, это было подтверждение божественности Сына Марии против ереси ариан, которое было извращено современными романистами до возвышения Девы Марии до равных почестей с Сыном Божиим.

Римский авторитет Папebroций утверждает, что изображение Марии как Царицы Небесной в церкви Святого Николая в Риме первоначально предназначалось для Господа, но затем было переделано в Мадонну, что является важной иллюстрацией замены ее поклонения поклонением ее Божественному Сыну.

[540] См. гневное изображение Христа на Страшном суде в *Кампо-Санто* и Сикстинской капелле.

[541] Wordsworth's Eccles. Sonnets, xxi.

[542] Longfellow's "Golden Legend".

[543] Дек., 1854. Надпись в соборе Святого Петра отмечает его публикацию.

[544] Лука ii, 46. Таково мнение Дидрона.

[545] См. [рис. 132](#).

[546] Многочисленные упоминания об этих пеленах встречаются у Отцов; *например*, Павлин, Natal. Felic., iii, 6: Aurea nunc niveis ornantur limina velis; Hieron., Epitaph. Nepot: Vela semper in ostiis; Epiphan., ep. ad. Johan. Hierosol.: Inveni vela pendens in foribus. Они также использовались при входе в языческие школы, "чтобы скрыть, - говорит Августин, - невежество, которое укрывалось внутри".

[547] Prudentes quinque virgines olei vasa cum lampadibus deferentes.-Roma Sotteranea, tom. iii, p. 171.

[548] Plutarch, Quæst. Rom.

[549] Rock's Hierurgia, p. 463.

[550] На диптихе из слоновой кости в Образовательном музее в Торонто, штат Каролина, воскрешение Лазаря изображено именно по этому примитивному типу.

[551] Lord Lindsay, Christian Art, vol. i, p. 51.

[552] Rom. Sott., p. 307.

[553] См. кн. II, гл. ii, [с. 269](#).

[554] Rom. Sott., p. 308.

[555] Согласно римской традиции, Божественный Страдалец получил пять тысяч ударов во время бичевания. Это, поскольку они были нанесены римскими солдатами, было бы выше человеческих сил и выходило далеко за рамки того, что допускал иудейский или римский закон.

[556] Деяния iv, 3.

[557] Aringhi, Roma Sotterranea, tom. ii, p. 273.

[558] Поэтому Августин утверждает, что если имя апостола не упоминается прямо, то святой Павел всегда понимается под этим титулом - *Apostolus cum dicetur, si non exprimatur quis apostolus non intelligitur nisi Paulus.*-*Contra duas Epis. Pelag., lib. iii, c. 3.* Апостолы иногда представлялись двенадцатью мужчинами, но без какого-либо индивидуального различия.

[559]

O Roma felix, quæ duorum Principum
Es consecrata glorioso sanguine;
Horum cruore purpurata ceteras
Excellis orbis una pulcritudines.

-Офис праздника святых Петра и Павла.

Св. Павел обозначается как прославленный врач, ваза избрания, учитель народов и проповедник истины во всем мире: *Egregie doctor Paule, vas electionis, doctor gentium, prædicator veritatis in universo mundo.*-*Ibid.*

[560] К этим типам относятся портреты на бронзовой медали, найденной в катакомбе святой Домитиллы, в так называемой гробнице святых Петра и Павла в соборе святого Себастьяна, а также в ранних скульптурах, мозаиках и картинах в целом.

[561] Насмешливый Лукиан, который, возможно, общался с теми, кто был свидетелем казни святого Павла, описывает его как "лысого и длинноносого галилеянина, который вззошел по воздуху на третье небо". - *Γαλιλαῖος, ἀναφαλαντίας, ἐπίρρινος, ἐς τρίτον οὐρανὸν ἀεροβατήσας.*-*Philopatris.* Никифор и Деяния Павла и Феклы описывают его как лысого - *ψιλὸς τὴν κεφαλὴν.* Апокрифические Деяния и Малалы добавляют эпитеты *ὑλुकύς* и *χάριτος πλήρης*, сладкий и полный благодати.

[562] Культ Петра, результат растущего представления о его первенстве, был развит до степени, уступающей только культу Марии. О его масштабах и характере в IX веке свидетельствует мозаика в *триклинии* Сан-Джованни ди Латерано в Риме, на которой апостол, восседающий на возвышенном троне, с ключами рая и ада на коленях, вручает паллиум, символ церковной власти, святейшему владыке, папе Лео, как он обозначен, и боевой штандарт императору Карлу Великому, оба они стоят на коленях у его ног. Ниже приводится следующая молитва, обращенная к Петру как к Богу: *BEATE PETRE DONA VITA LEONI PPE VICTORIA CARLO REGI DONA*, "Блаженный Петр, даруй жизнь папе Льву и победу королю Карлу".

Кульминацией этого религиозного культа стало возведение самого благородного из всех земных храмов, воздвигнутого в честь ничтожного рыбака, и идолопоклонническое почитание огромной бронзовой статуи, отлитой из Юпитера Капитолийского, если это не та самая статуя языческого божества, превращенного в христианского апостола и римского святого.

[563] Здесь же можно упомянуть о драгоценной римской реликвии, известной как кресло святого Петра. В июне 1867 года нынешний понтифик приказал снять бронзовое покрытие, которым этот предмет почитания был скрыт в течение двухсот лет, и обнаружилось, что кресло представляет собой массивную дубовую конструкцию с железными кольцами, за

которые его можно было нести, как *sella gestatoria*, в которой пап несут в религиозных процессиях, и частично покрытую пластинами из слоновой кости, на которых выгравированы труды Геркулеса и другие сцены. Это кресло, которое отмечается в один из церковных праздников, римская традиция утверждает, что на нем сидел Святой Петр, когда осуществлял епископскую власть в Риме, и на нем, как предполагается, его несли в государстве, как и тех надменных понтификов, которые претендовали на роль его преемников. Предполагается, что в эпоху гонений она была сохранена в склепах катакомб; действительно, традиция идентифицирует катакомбу Остриана на Аппиевом пути как место, где эта реликвия почиталась в первые века. Те, кто считает факт присутствия Петра в Риме крайне гипотетическим и полностью отвергает понятие его епископской власти, сочтут любое опровержение этой легенды излишним.

На ней изображена надпись, которая, как утверждается, была выгравирована самим Святым Петром, а также купель, в которой он крестил! (См. [рис. 131.](#))

[564] Следует заметить, что в этой камере Добрый Пастырь занимает видное и достойное место в отсеке над *аркосолием*, уравновешенное Даниилом в логове львов и тремя Евреями в печи. По левую руку находится полка для лампад, увеличенная в римском воображении в стол для подношения элементов евхаристии. На потолке изображены *оранты* и агнцы.

[565] Rom. Sott., p. 268.

[566]

	Бургон.	Бозио.
История Ионаса	23	11
Сраженный камень	21	16
Задержание Петра	20	14
Чудо с хлебами	20	14
Дарование зрения слепым	19	11
Превращение воды в вино	16	8
Воскрешение Лазаря	16	14
Отречение Петра	14	8
Даниил в логове львов	14	7
Исцеление паралитика	12	7
Сотворение Евы	11	2
Жертвоприношение Исаака	11	9
Поклонение волхвов	11	8
Падение Адама и Евы	14	10
Женщина с кровью	8	9
Вход Христа в Иерусалим	6	8
Добрый пастырь	6	9
Ной в ковчеге	5	6
Христос перед Пилатом	5	6

Дарование Закона	4	6
Три еврейских ребенка	4	3
Моисей снимает обувь	2	2
Илия, вознесенный на небо	2	3
Рождество Христово с быком и ослом	1	4
Христос, увенчанный терновым венцом	1	1

Как видно, есть только один пример Христа, увенчанного терновым венцом, и в нем суровость устранена заменой цветочной гирлянды. Как это отличается от современного римско-католического искусства, в котором сцены страстей бесконечно повторяются! В языческих саркофагах вместо этих священных сюжетов мы находим многолюдные батальные пьесы, с процессиями воинов, колесницами, лошадьми, маскерами, мифологическими группами, старинными сценами и т. д. См. саркофаги императрицы Елены и Констанции в Ватиканском музее и [ранее описанные](#).

[567] In ecclesia nullatenus sepeliantur, sed in atrio, aut porticu, aut in exedris ecclesiæ.-Council of Nantes, can. 6.

[568] Chrys., Hom. 26, in 2 Cor.

[569] Многочисленные христианские саркофаги были также найдены в Арле, Сарагоссе, Равенне, Милане и других местах.

Название саркофага, плотоядного, от σάρξ и φάγω, как известно, произошло от предполагаемого свойства *Lapis Assius*, камня из Асоса в Малой Азии, из которого они первоначально были сделаны, разъедать и поглощать мертвые тела, как приписывают ему Теофраст и Плиний.

[570] См. особенно [рис. 47, 48, 63, 91, 92, 96, 97](#) и postea [106](#).

[571] Christian Art, vol. i, p. 42.

[572] Τὸν ἀειδὴ καὶ ἄτιμον φανέντα.-Dial. cum Tryph., 85.

[573] Adeo nec humanæ honestatis corpus fuit, nedum cœlestis claritatis.-De Carn. Christi., c. 9.

[574] Sed species ejus inhonorata, deficiens ultra omnes homines.-Contra Marc., iii, 17.

[575] Si inglorius, si ignobilis, si inhonorabilis; meus erit Christus.-Ibid.

[576] Ἀλλὰ τὸ εἶδος αὐτοῦ ἄτιμον ἔκλιπον παρὰ πάντας τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων.-De Nudatione Noe, lib. ii, vol. i, p. 13.

[577] Nisi enim habuisset et in vultu quiddam et in oculis sidereum, nunquam eum statim secuti fuissent apostoli.-Epis. ad Princip. Virginem.

[578] Certe fulgor ipsa et majestas divinitatis occultæ, quæ etiam in humanâ facie relucebat, ex primo ad se venientes trahere poterat aspectu.-Hieronym. in Matth., ix, 9.

[579] Qua fuerit ille facie nos penitus ignoramus: nam et ipsius Dominicæ facies carnis innumerabilium cogitationum diversitate variatur et fingitur, quæ tamen una erat, quæcunque erat.-De Trin., lib. vii, c. 4, 5.

[580] Tableau des Catacombes, p. 164.

[581] Rom. Sott., p. 252.

[582] Hist. Eccl., vii, 18. Благодаря этой частой связи святого Павла, как и святого Петра, часто считали одним из первых учеников. "Справедливо заслуживают заблуждения те, - говорит Августин, говоря об этой ошибке, - кто ищет Христа и его апостолов не в священных томах, а на расписанных стенах" - De Consens. Evang., lib. i, cx.

[583] Эта статуя, как предполагают, вероятно, изображала философа Аполлония или императора Веспасиана, а женская фигура молящейся - олицетворенный город или провинцию. Гиббон считает невозможным, чтобы она предназначалась для *бедной* женщины, упомянутой в Евангелии. Евсевий упоминает об этой вере как о простом народном предании. "Говорят, что на этой статуе изображен Иисус" - Τοῦτον δὲ τὸν ἀνδριάντα εἰκόνα τοῦ Ἰησοῦ φέρειν ἔλεγον. - Hist. Eccl., viii, 18.

[584] Iren., adv. Hæres., i, 25. Aug., De Hæresib., c. viii. Император Алекс. Северус, как мы видели, имел одно из этих изображений Христа в своем ларарии, вместе с изображениями Авраама и Орфея. Lamprid. in Vit. Alex. Sev., c. 29.

[585] Conspectus vultus ejus cum severitate et plenus efficacia, ut spectatores amare eum possint et rursus timere..... In reprehendendo et objurgando formidabilis; in docendo et exhortando blandæ linguæ et amabilis. Gratia miranda vultus cum gravitate. Vel semel eum ridentem nemo vidit sed flentem imo. - Fabricius, Codex. Apoc. Nov. Teste., 1e., pars. 301.

Пьер Мабильон рассказывает, что одна из слез Христа была сохранена и особо почитаема в Вандоме.

Иоанн Дамаскин в VIII веке записал легенду о чудесном современном портрете Христа, который исцелил Агбара, царя Эдессы, от смертельной болезни. До недавнего времени он почитался в церкви Святого Сильвестра в Риме.

Чудесный образ, известный как Вероника, как утверждают, является реальным отпечатком черт Спасителя, сделанным на пелене или платке благочестивой еврейки, которая благочестиво отирала его чело, когда он трудился на пути к Голгофе. Этот образ она привезла в Рим, где он исцелил Тиберия Сезара от проказы, а затем был подарен императору Карлу Великому. Сейчас ему публично поклоняются в соборе Святого Петра с величайшей преданностью и великолепием. Название, вероятно, происходит от обозначения *vera icon* или *isola* - истинный образ, который обычно прилагался к изображениям Господа. Оно также было дано благочестивой еврейке, которую идентифицируют как племянницу Ирода. Колоссальная статуя Святой Вероники украшает фантом Святого Петра, и это событие отмечается в священном искусстве и благочестивых стихах. Приведенный ниже текст, хранящийся в библиотеке Святого Георгия в Виндзоре, является благоприятным образцом последнего:

Salve, Sancta facies
Mei Redemptoris,
In qua nitet species
Divini splendoris.
Impressa panniculo
Nivei candoris,
Dataque Veronicæ,
Signum ob Amoris.

Не менее апокрифичны "*Вольто Санто*", выставленный на Страстной неделе в соборе Святого Петра, и портреты, приписываемые Никодиму, Пилату, Святому Луке или небесным художникам. Один из Acheiropoietes, или картин, сделанных без рук, почти почерневший от возраста, византийского типа, трижды в год выставляется в Латеранском дворце в Риме.

[586] Clem. Alex., Strom., v.

[587] Священное искусство в Италии, стр. 212. Мозаика этого века в поклонении волхвов в Санта Мария Маджоре, о которой уже говорилось, является самым ранним примером появления в искусстве фигур ангелов, тех возвышенных творений, которые прославляют полотна художников эпохи Возрождения. Крылатые джинны в катакомбах - скорее подражание классическим типам, чем христианское значение.

Символы четырех евангелистов - ангел, лев, бык и орел - неизвестны в катакомбах и впервые появляются в IV веке. Иногда эти символы имеют отношение к четырем историческим аспектам искупления через Христа - Воплощению, Страстям, Воскресению и Вознесению, как объясняется в следующей монашеской рифме:

Quatuor haec Dominum signant animalia Christum:

Est homo nascendo, Vitulusque sacer moriendo,

Et Leo surgendo, coelos Aquilaque petendo.

[588] Psa. xcvi, 3.

[589] В строгой драме Данте Христос получает титул Государя Джове:

O summo Giove,

Che fosti 'n terra per noi crocifisso.-Purgat., canto vi.

В средневековом искусстве Христос часто изображается в виде языческого *Юпитера Тонанса*.

[590] В причудливых французских стихах, сопровождающих одну из таких картин, Господь наш, рассказывая о своем путешествии, в характерном согласии с ошибочной теологией того времени, намекает, что он хотел бы избежать нежелательной задачи:

"Папа, - говорит Иезус, - уходи.

Я игрушка, и я выполнил

Ce que faire me commandas

Quant j'us ou monde m'envoyas,

Dont bien je m'en feusse passé."

-Romant des Trois Pélerinages, A. D. 1358.

[591] Tale simulacrum nefas est Christiano in templo collocare, multo magis is corde nefarium est.-De Fide et Symbolo, c. 7.

[592] Nefas habent docti ejus (ecclesiae Catholicæ) credere Deum figurâ humani corporis terminatum.-Confess., vi, 11. См. также Orig. Cont. Cels., 6, и Ambr. на Psa. cxviii.

[593]

Pleno coruscat Trinitas mysterio;
Stat Christus in agno; vox Patris cœlo tonat;
Et per columbam Spiritus Sanctus fluit.

См. ценное примечание о доктрине Троицы в классической и индуистской мифологии в Whedon's Commentary, vol. ii, p. 77.

[594] Greg. II., Ep. i, ad Leon.

[595] Act 4. Concil. Nicen., 2.

[596] Παραφροσύνης ἄκρας καὶ ἀσεβείας τὸ σχηματίζειν τὸ θεῖον. κ. τ. λ.-De Fide Orthodox., l. iv, c. 17.

Dei qui est incorporeus, invisibilis, a materia remotissimus, figuræ expers, incircumscribitus, et incomprehensibilis, imago nulla fieri potest.... In errore quidem versaremur ... impie rursum ageremus ... si vel invisibilis Dei conficeremus imaginem.-Orat. 1 et 2 de Imaginibus.

[597] Les défenseurs les plus zelés des images ayant condamné celles-ci *i. e.*, de la Trinité ou de la Divinité.-Dupin: Bibli. Eccles., t. vi, p. 154.

[598] Orig. Eccles., bk. vi, chap. viii, § 10.

[599] Northcote's Catacombs, p. 116.

[600] Rom. Sott., p. 300.

[601] Ibid., 301.

[602] Dissertazioni Archeologiche di Raffaele Garrucci, (Roma, 4to., 1865,) vol. ii, p. 1.

[603] Доктор Норткот описывает бородатую фигуру, стоящую за креслом Марии, как изображение Святого Духа. Конечно, более естественное толкование заключается в том, что она предназначена для Иосифа.

[604] Иезекииль говорит о явлении Бога "рукой, посланной к нему". Иезек. ii, 9. Таким образом, указывается на вдохновение Исаии и божественные суды, обрушившиеся на Ананию и Сапфиру. На греческой картине в Саламине, выполненной в XVIII веке, души праведников в состоянии блаженства представлены пятью младенцами, которых держит гигантская рука, выступающая из облаков.

[605] Discours Sur les Anciens Monumens, pp. 43, 46. Пример, на который он ссылается, содержится в латинской Библии, подаренной Карлу Смелому в 850 г. н.э. Интерпретация, однако, не является однозначной.

[606] Iconog. Chrét., pp. 55, 205.

[607] На греческой картине, датируемой двенадцатым или тринадцатым веком, Христос, обозначенный буквами IC XC, изображен протягивающим руку над распростертой фигурой, обозначенной ΑΔΑΜ Ο ΠΡΩΤΟΠΛΑΤΟΣ - "Адам, перворожденный", или, скорее, "первосозданный".

[608] В одном из них крылатая голова с крестообразным нимбом, окруженная хаосом звезд и планет, произносит слово FIAT, и земля с ее обитателями появляется на свет.

[609] Во Франции Верховное Существо обычно изображалось как король, в Германии - как император, а в Италии - как папа.

[610] Как, например, в Мадлене в Париже.

[611] Мы видели картину сотворения мира, на которой Всевышний был представлен как немощный старик, одетый в церковные одежды, с *фонарем в руке*.

[612] См. фреску Андреа дель Сарто в Сан-Сальви во Флоренции, две фрески XV века в Перудже и гравюру в копии Данте, напечатанной во Флоренции в 1491 году. В примере, приведенном в "Типографии" Эймса, к трехликой голове прикреплено треугольное украшение, надпись на котором пытается математически объяснить таинственную доктрину единства в троице. Эту тайну символизировали также форма некоторых древних монастырей, число их обитателей, сходство богослужения и частей литургии; и даже колокол и

"Веревка с тремя витыми шнурами
Обозначала Святую Троицу".

Иногда Святой Дух изображается в виде голубя, исходящего из уст Отца и Сына, или даже пригвожденным к кресту вместе с Христом.

[613] См. на резных лавках Амьенского собора и в Вьерьере в департаменте Об, обе XVI века.

ГЛАВА IV.

ПОЗОЛОЧЕННЫЕ БОКАЛЫ И ДРУГИЕ ПРЕДМЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ В КАТАКОМБАХ.

С тех пор как в XVI веке были вновь открыты и исследованы катакомбы, они стали огромной сокровищницей, из которой, как из неисчерпаемой шахты, были извлечены бесчисленные реликвии христианской древности, многие из которых имеют неоценимую ценность. Среди них - множество позолоченных бокалов любопытного дизайна и удивительного интереса, лампы, вазы, кольца, печати, игрушки, безделушки и различные предметы домашнего обихода или украшения. Коллекции этих реликвий находятся в большинстве великих музеев Европы, особенно в музеях Рима. О наиболее важных из них будет рассказано в данной главе.

Уже упоминалось о многочисленных фрагментах позолоченного стекла, найденных в катакомбах, которые так замечательно иллюстрируют христианскую жизнь в первобытные века. В прошлом веке Буонаротти описал все известные на тот момент образцы. Недавно выдающийся археолог, падре Гарруччи, исчерпывающе описал эти остатки древнего искусства в своей подробной монографии на эту тему.[614] Они также богато проиллюстрированы на великолепных страницах Перре.[615]

Эти бокалы, как правило, представляют собой изуродованные фрагменты, по-видимому, дна питьевых чашек, а иногда и блюдоподобной формы классической *патеры*. Их размер варьируется от одного до четырех или пяти дюймов в диаметре. Дизайн выполнен сусальным золотом на дне чашки, так, чтобы проступать сквозь стекло с внутренней стороны, и иногда красиво разбавлен темно-фиолетовым фоном. Она защищена пластиной из стекла, сплавленной с нижней поверхностью так, чтобы превратиться в сплошную массу, подобно стеклянным пресс-папье с вложенным орнаментом, которые так часто встречаются. Изображения, запечатанные таким образом, неразрушимы до тех пор, пока стекло не будет

разбито. Эти сосуды, очевидно, были прикреплены во время захоронения к мягкой штукатурке могилы; но тонкая часть, выступающая из цемента, почти всегда разбивалась, в то время как толстая часть, погруженная в штукатурку, сохранялась. Иногда даже твердые днища этих сосудов были сломаны при попытке отделить их от стен, и часто отпечатки в цементе указывают на места, где они были прикреплены. Их редко можно найти *в целости и сохранности*, они были разрушены или унесены следующими поколениями исследователей или грабителей. Самая значительная коллекция хранится в Ватиканской библиотеке. В Британском музее хранится около тридцати экземпляров; в музеях Парижа, Флоренции и Неаполя - меньшее количество; еще несколько экземпляров находятся в различных частных коллекциях. Общее число сохранившихся экземпляров составляет всего триста сорок. За четверть века де Росси обнаружил всего два фрагмента этих бокалов. Такая редкость, несомненно, объясняется их чрезмерной хрупкостью, а также тем, что их уничтожали в больших количествах, чтобы добыть содержащееся в них золото. В некоторых из сохранившихся образцов часть золота была удалена путем вставки ножа между пластинами стекла. Возможно, изобретательная алчность еврейских "торговцев битым стеклом", печально известных еще во времена Марциала,^[616] в значительной степени способствовала уничтожению этих любопытных остатков христианской древности.

Считалось, что производство этих бокалов было известно только в Риме; но в 1864 году под поверхностью земли возле церкви Святого Северина в Кельне был обнаружен фрагмент стеклянной пластины с несколькими маленькими позолоченными медальонами с изображениями Священного Писания; а в 1866 году в каменном сундуке возле того же места был найден еще один подобный фрагмент, сопровождаемый несколькими обугленными костями.

Буонаротти считал, что все эти фрагменты были частью сакраментальных сосудов, но характер рисунков часто исключает эту идею. Некоторые из них заимствованы из басен языческой мифологии и, похоже, указывают если не на языческое происхождение, то, по крайней мере, на влияние языческих типов. Среди них фигуры Ахилла, Геркулеса, Дедала, Минервы, Меркурия, трех граций, Купидона и Психеи, а также другие группы, менее созвучные христианской мысли. Другие сцены изображают различные отрасли промышленности, например, мужчин, пилящих, строгающих и режущих дерево; кораблестроителя с его людьми за работой; портного, фармацевта и монетариста в их соответствующих магазинах. Также встречаются сцены охоты, мужчины, занимающиеся боксом, и возницы, подбадривающие своих лошадей. Более многочисленная серия представляет домашние группы, портреты мужа и жены, часто в сопровождении детей, группы играющих детей, или иногда дамы в богатом костюме, с купидонами, держащими зеркало и другие принадлежности туалета. Часто встречается сцена бракосочетания, когда жених и невеста соединяют руки над алтарем, над которым часто изображен Христос, возлагающий короны на их головы. Иногда позолоченными буквами написано прекрасное пожелание VIVATIS IN DEO - "Да живете вы в Боге". В одном случае корону дарит крылатый купидон.

Большинство сцен, однако, имеют ярко выраженный христианский характер, включая большинство сюжетов из уже описанных символических и библейских циклов; но из-за условий пространства, которое часто бывает крайне ограниченным, дизайн часто имеет очень примитивный вид. В большой кельнской *патере* медальоны содержат отдельные части различных групп, которые понятны только как единое целое. Помимо обычных сцен из истории Ветхого и Нового Заветов, есть уникальный пример триумфа Христа, на котором он предстает в полноте славы, держа в руках шар власти, а напротив него стоит фигура, которую

Гарруччи интерпретирует как Исайю, пророчащего о приходе Света мира. Перре также изобразил один пример Христа на кресте, с Марией и Иоанном рядом с ним, который, по его мнению, является более поздним, чем шестой век.

В другом классе представлены изображения Девы Марии, как правило, в молитвенном положении, либо в одиночестве, либо стоящей между Святым Петром и Святым Павлом, которую также часто занимает Святая Агнесса или другая женщина-святая. Чаше других повторяются фигуры святых Петра и Павла. Они встречаются на восьмидесяти из трехсот сорока образцов, изображенных Гарруччи, или почти на четверти всех. Как правило, они изображены в виде бюстов рядом, без малейшего намека на превосходство одного над другим. Петр часто находится слева, а не справа, который, согласно римской теории о его первенстве, он должен занимать всегда. Действительно, их совершенное равенство в достоинстве и чести подразумевается в единой короне, иногда подвешенной над их головами, или в их одновременном увенчании Христом, который появляется между ними или над ними. Представлены и другие святые, которые обозначены этикетками с их именами: Лаврентий, Винсент, Сикст, Каллист, Ипполит и т. д. Есть также пять или шесть экземпляров с иудейскими символами - ковчегом завета и свитками закона. Из-за технических трудностей, связанных с использованием довольно неподатливого материала, а также из-за общего упадка искусства, исполнение часто бывает неуклюжим и жестким. "Верующие, - говорит Буонаротти, - желая украсить эти вазы благочестивыми символами, были вынуждены прибегать к помощи неумелых мастеров или даже тех, кто занимался другими ремеслами". [617] На прилагаемой картине этого автора изображен характерный пример домашнего уклада. На ней изображены муж, жена и ребенок с девизом на латинском языке PIE ZESES - "Пей и живи". Между лицами находится предмет, похожий на древний лакриматор.

Рис. 109.- Домашняя группа из позолоченного стекла.

Вероятно, эти сосуды предназначались не для sacramentalных торжеств, а для случаев домашнего и общественного ликования, таких как брачные, крестильные и юбилейные

праздники, а также для празднования Агапе, или праздника любви, после того как он утратил религиозный характер, которым обладал в ранние времена. Отсюда и выбор сравнительно светских и мирских сюжетов; некоторые из них заимствованы из языческого искусства, а другие подразумевают соответствие модным глупостям и развлечениям мира и указывают на упадок благочестия и развращенность нравов.

Гарруччи полагает, что, судя по большому количеству бокалов с изображениями святых Петра и Павла, они, по крайней мере, использовались в связи с праздником в честь этих святых, который в IV и V веках отмечался в Риме как государственный праздник, с таким же вульгарным весельем, с каким крестьяне Кампаньи проводят свои *праздники* в наши дни. Мистер Браунлоу намекает на возможность того, что "идея сдерживания возлияний римских христиан путем изображения фигур, которые можно было увидеть с пользой только тогда, когда бокал был пуст, подсказала использование этих позолоченных кубков".[618]

На праздничную цель, для которой предназначались многие из этих сосудов, указывает дружеский характер надписей на них. Мистер Браунлоу перевел следующие примеры в этом смысле:[619] DIGNITAS AMICORVM PIE ZESES CVM TVIS OMNIBVS BIBE ET PROPINA- "Знак дружбы; пей, и (долгой) жизни тебе, со всеми твоими; пей, и поднимай тост;" CVM TVIS FELICITER ZESES-"Пусть ты будешь жить счастливо со своими"; или, более свободно, "Жизнь и счастье тебе и твоим"; ΠΙΕ ΖΕΣΕΣ ΕΝ ΑΓΑΘΟΙΣ-"Пей и живи среди хороших."

Иногда эти надписи дышат духом благочестивого поздравления и доброй воли, как, например, следующая надпись Перре: HILARIS VIVAS CVM TVIS OMNIBVS FELICITER SEMPER IN PACE DEI ZESES - "Радостно живи со всеми своими; счастливо живи вечно в мире Божьем". Августин, описывая в своей "Исповеди" благочестивое празднование годовщин святых его матерью Моникой, говорит, что она обычно приносила на праздники "небольшой кубок вина, разбавленного в соответствии с ее собственными воздержанными привычками, который она из вежливости вкушала".[620]

Хотя невозможно, чтобы все эти сосуды были предназначены для сакраментальных целей, все же не исключено, что некоторые из них использовались в качестве патентов и потиров при праздновании Святой Евхаристии. Тертуллиан говорит об изображении Доброго Пастыря на священной чаше в манере, которая, кажется, подразумевает сходство материала и орнамента.[621] В *Liber Pontificalis* говорится, что стеклянные патенсы использовались в третьем веке. Когда их вытеснили золотые и серебряные сосуды, они, вероятно, были помещены в качестве памятников на могилах усопших святых.[622]

Трудно определить даже приблизительную дату создания этих стекол. Судя по деградировавшему характеру их искусства, они явно относятся к сравнительно позднему периоду. Гарруччи и некоторые другие авторы, правда, относят их к третьему или четвертому веку; но из-за появления нимба и по другим техническим причинам Марриотт относит многие из них к пятому или шестому веку.[623] Другие особенности исполнения характерны для византийского искусства, и один из авторов *Revue Chrétienne* утверждает, что нет ни одного примера такого способа обработки, относящегося к римскому периоду. Поразительное искажение доктрины и практики также свидетельствует о позднем происхождении.

Многочисленные маленькие чашки или колбы, известные как ампулы, были найдены прикрепленными к стенам или вмонтированными в штукатурку гробниц, часто содержащие на дне красноватый осадок. Бозио решил, что это засохшая кровь, и поэтому утверждал, что эти чаши являются неопровержимым доказательством мученической смерти тех, к чьим могилам они были прикреплены. Римские церковные власти приняли эту теорию с энтузиазмом и в 1688 году издали указ, согласно которому "Священная конгрегация

реликвий, тщательно изучив этот вопрос, постановила, что ладонь и сосуд, окрашенные кровью, должны считаться самыми верными признаками мученичества". Видные романистские писатели беззастенчиво утверждают, без малейшего подтверждения своей теории современными свидетельствами, что эти чаши были наполнены кровью мученика и прикреплены к его могиле;[624] - еще один пример роковой ошибки Рима в укреплении истины оплотом лжи и тем самым поколебать наше доверие даже к тому, что является реальным. В Деяниях мучеников, действительно, упоминается о сборе их крови в салфетки, губки или пелены, чтобы хранить как талисман и реликвию дома; но никогда о ее сохранении в чаше или захоронении рядом с их могилами. Этот символ не встречается на могилах тех, кто, несомненно, был мучеником;[625] и некоторые из тех, кто имеет его, из-за своей крайней молодости или по какой-то другой причине, указанной в надписи, не могли принадлежать к этому почетному классу.[626] Более того, как замечает мистер Сеймур, некоторые из этих предполагаемых чаш с кровью мучеников имеют форму и дизайн, неизвестные вплоть до эпохи гонений.[627] В примере на следующей странице, приведенном Аринги, надпись необоснованно переведена романистскими эпиграфистами как "кровь Сатурния", а не, по аналогии с многочисленными другими надписями, "место [*locus*] святого Сатурния".

Химик Лейбниц проанализировал красный осадок в этих сосудах и обнаружил, что он состоит из органических веществ, но не рискнул утверждать, что это кровь. Рёстелл, с которым согласен Рошетт, предположил, что эти кубки были сакраментальными сосудами, а осадок - это выщелачивание вина, которое должно давать подобный органический остаток. Желание выразить единение с усопшими в праздновании Агапе, или Евхаристии, которое часто происходило рядом с их могилами, возможно, привело к обычаю прикреплять эти сосуды к могилам и пополнять их вином. Мы знаем, что эта тоска человеческого сердца со временем привела к тому, что таинство стали предлагать умершим и хоронить их в могилах.[628]

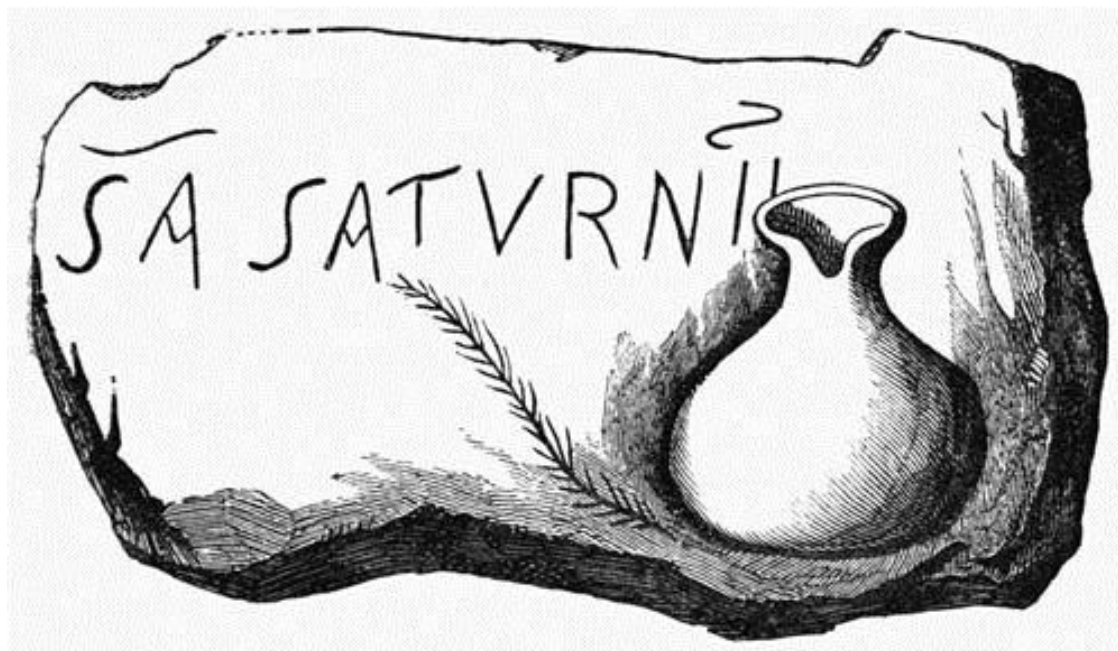

Рис. 110. Реликвия предполагаемого мученика из катакомб.

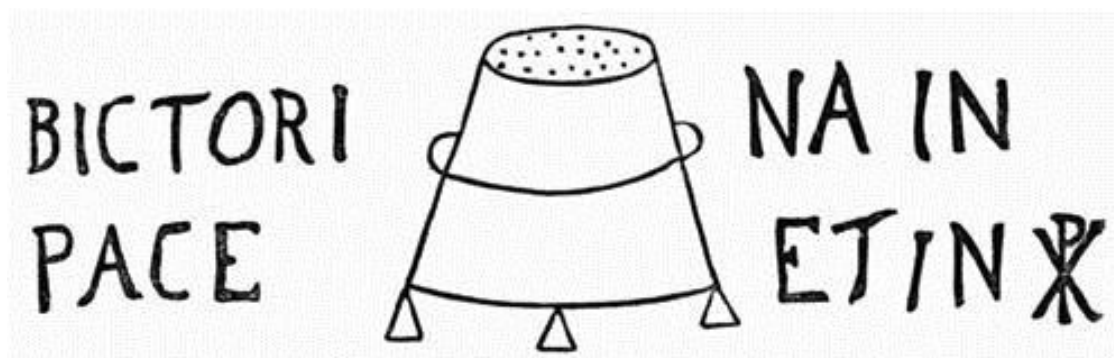
Наличие пальмовой ветви, выгравированной или нарисованной на гробнице, также, как мы уже видели, было объявлено Конгрегацией реликвий определенным признаком гробницы мученика. Но это был обычный символ победы как у язычников, так и у иудеев, и поэтому христиане, естественно, приняли его в знак того, что они "более чем победители" через

Христа, без всякой связи с мученичеством. Кроме того, его можно найти на могилах, относящихся к временам гонений, на могилах детей и даже на могиле, которую человек приготовил для себя еще при жизни. Муратори, который приводит этот пример, хотя и является набожным романистом, говорит, что пальма ни в коем случае не была знаком мученичества.^[629] Были приняты и другие критерии мученичества, такие как появление лаврового и оливкового венца, а также *оранги* на могилах; но первые также характерны для язычества, а в христианской эпитафике украшают могилы совсем маленьких детей, а вторые часто встречаются на саркофагах уже после того, как эпоха гонений прошла.

Примечательно, что в катакомбах так мало упоминаний о мученичестве. Во всем диапазоне надписей, как уже отмечалось, только пять, некоторые из которых могут быть поддельными, посвящены мученикам, или менее чем один из двух тысяч. Живописные изображения этого события встречаются еще реже. На кладбище Святой Присциллы был обнаружен терракотовый барельеф мученической смерти Святого Себастьяна, но явно позднего времени: воины вооружены арбалетами и одеты, по-видимому, в средневековые пластинчатые доспехи. Этот сюжет во все времена был излюбленной темой итальянского искусства, и, возможно, этот рельеф был оставлен у святилища святых каким-нибудь благочестивым паломником Средневековья. В катакомбе Калликста находится картина, на которой изображены два христианина, стоящие перед трибуналом римского магистрата. Это, вероятно, картина первых веков, но как она отличается от грубых и кровавых изображений мучеников в церкви *Сан-Стеффано ин Ротондо* в Риме. На одном из позолоченных стекол, выполненном много позже дней гонений, изображена группа, предположительно представляющая Исаию, рассеченного на части, а в одной из катакомб - сцена, которая, как полагают, указывает на мученическую смерть Ипполита. Изображения Даниила и трех Евреев указывают скорее на триумф, чем на испытание святых Божьих.

Мученики не оставили внешних памятников о своих страданиях, да они и не были нужны, поскольку их неустранимый дух одушевлял всю христианскую общину. Д'Азенкур говорит, что за тридцать лет поисков он нашел только одну картину, да и то позднего и варварского дизайна, изображающую мученичество.^[630] Те, кто сам ежечасно подвергался опасности, не превозносили заслуг верного исповедания Христа, которого они считали единственным достойным звания "Верного и Истинного Свидетеля". Ни одна священная литания не призывала молиться за них святому Стефану, святому Лаврентию, святому Винсенту и всем святым мученикам; ни одна подобная надпись не встречается во всей эпитафике катакомб.^[631]

В следующем грубом изображении с плиты в Лапидарной галерее римское изображение обнаружило очертания печи или котла с кипящим маслом, в который была погружена Викторина. Сравнение с другими подобными фигурками показывает, что она предназначена для кукурузной меры, наполненной зерном, - признак торговли древнего торговца мукой.

"Викторина в мире и во Христе".

Рис. 111.- Предполагаемый символ мученичества.

В Ватиканском музее хранятся некие неуклюжие на вид предметы, которые, по словам римских хранителей, являются орудиями пыток, взятыми из могил мучеников.^[632] Но место, где они были найдены, редко фиксируется, что лишает их исторической ценности, а многие из них, вероятно, являются вымышленными. Доктор Норткот признает, что они часто "сомнительной подлинности", и что "многие из них больше похожи на домашнюю утварь и, кажется, этрусского производства". "Эти, - добавляет он, - вероятно, вообще не были извлечены из катакомб".^[633] Другие имеют слишком современный вид, чтобы допустить такое предположение, и выглядят, как предполагает Мейтланд, скорее как "взятые из покоев святой инквизиции".^[634] Среди самых грозных из этих предполагаемых орудий мученичества, а также наиболее вероятно подлинных, - ужасные *plumbatæ* и *ungulæ*. Первые представляли собой бичи из небольших цепей, нагруженных бронзой или свинцом, которыми, согласно записям, мучеников часто забивали до смерти.^[635] Аринги и другие исследователи смогли обнаружить на заплесневелых скелетах первых христиан, по прошествии пятнадцатисот лет, следы, оставленные этими *plumbatæ*. В одном исключительном случае, приведенном Бозио,^[636] изображена *оранга*, рядом с которой лежит это страшное орудие пытки. *Ungulæ*, как следует из названия, - это железные когти или крюки, описанные в "Деяниях мучеников" как используемые для разрывания плоти. О страшных ранах, которые они наносят, упоминает Пруденций в своем рассказе о мученической кончине святого Винсента: "Один покрывает поцелуями двойные борозды *ungulæ*; другой с удовольствием стирает с тела багровые потеки".

В катакомбе Калеподия был обнаружен гребень с железными зубьями, который, как считается, использовался для пыток мучеников; в склепе святого Александра среди прочих железных инструментов был найден длинный узкий ковш, который, как считается, использовался для заливания расплавленного свинца в горло; а на кладбище святой Агнессы - железный крюк, предназначенный, по замыслу Аринги, для перетаскивания тел после смерти. В Ватиканском музее также хранится пара железных щипцов с ужасными зубцами и остатками деревянных рукояток, которые, вероятно, использовались для щипания и разрывания плоти беспомощных жертв языческой ярости. Подобные щипцы иногда выгравированы на погребальной плите, где, в соответствии с аналогичными примерами, они, вероятно, указывают на профессию покойного как кузнеца. Гений первобытного христианства был не склонен фиксировать обстоятельства смерти верующего и не упоминал страдания мучеников. Хотя не исключено, что некоторые из этих реликвий гонений могут быть подлинными, трудно представить, как христиане могли получить от языческих властей эти орудия пыток или почему они должны были хоронить их вместе с мучениками, и эти соображения объясняют крайнюю редкость их подлинных находок.

Огромное количество ламп было найдено в катакомбах, а их образцы хранятся почти в каждом антикварном музее. Они должны были быть абсолютно необходимы, чтобы рассеять темноту этих мрачных склепов, чтобы сделать их безопасными для проведения погребальных обрядов, для поклонения или для убежища от угнетения. Они отличаются по материалу и дизайну, но в большинстве своем выполнены из терракоты обычного античного образца и обычной работы. Многие, однако, были выполнены из бронзы или железа, часто с большим вкусом и мастерством. Некоторые из них были снабжены бронзовыми цепями, с помощью которых их подвешивали к потолку палат или коридоров. Те, что были выполнены из терракоты, часто имели ручки, за которые их можно было переносить; большинство, однако, не имели ни того, ни другого и были размещены в нишах в *туфе* возле лестниц, у входов в главные галереи, на углах коридоров и в *кувуклии*, используемой для целей поклонения.

На этих лампах обычно изображался какой-либо христианский символ, например, священная монограмма, Добрый Пастырь, пальма, рыба или голубь, а также нередко головы святых Петра и Павла. Иногда сам светильник делался в форме лодки - эмблемы церкви, плывущей по бурному морю к берегам вечности; мистической рыбы, изображение которой так широко вошло в первобытное искусство; голубя - символа бесхитростности и чистоты верующего; или петуха - эмблемы бдительности, напоминания о том, что он должен бдеть и быть трезвым. На них часто встречаются надписи, упоминающие о пяти девах или об источнике истинного духовного просвещения - божественном слове, которое является светильником для ног и светом для пути. На одном из них есть легенда: QVASI LVCERNAE LVCENTI IN CALIGINOSO LOCO - "Как свет, сияющий в темном месте", что особенно подходит к тем мрачным покоям смерти, которые, тем не менее, были освещены славной надеждой на блаженное бессмертие.

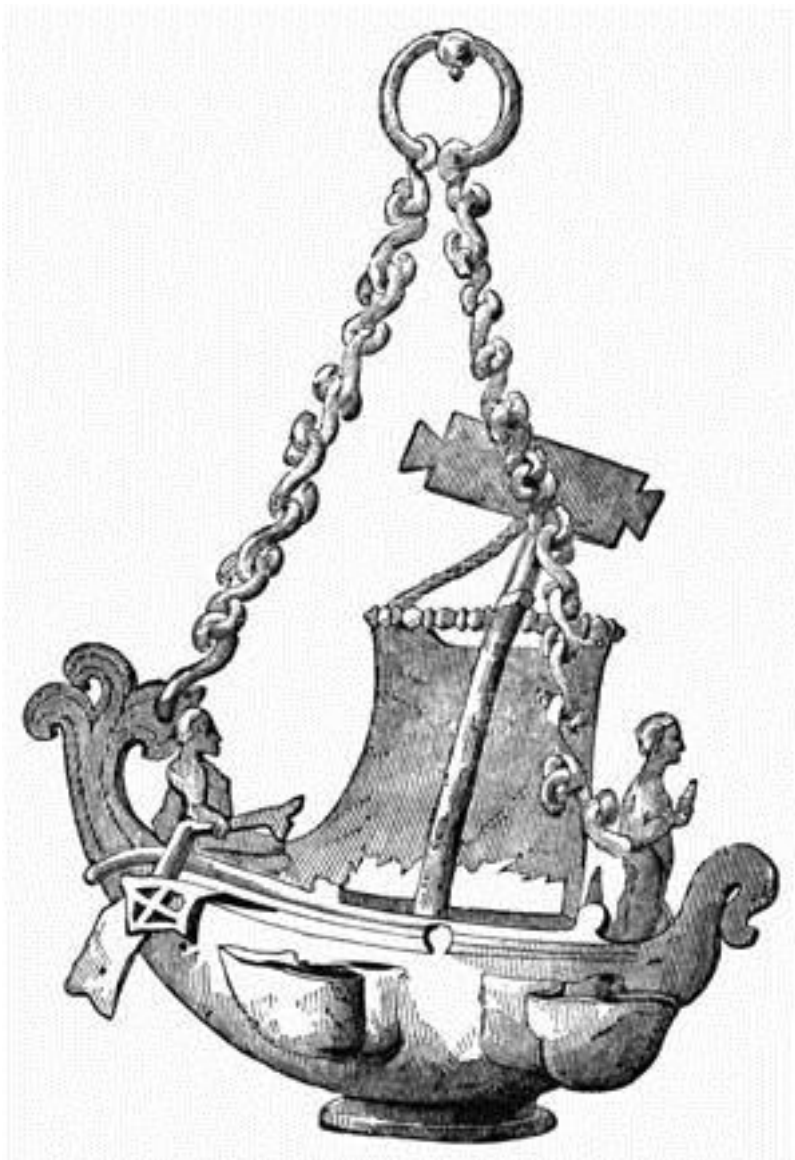

Рис. 112.- Раннехристианский символический светильник.

Прилагаемый пример символического светильника в виде лодки, снабженной цепями и кольцом для подвешивания, представляет собой характерный тип.^[637] Фигуры на маленькой лодке римские археологи интерпретируют как Петра и Павла - лоцмана на галилейском озере, как главного из апостолов, держащего руль и направляющего судьбы церкви. На табличке на мачте выбита надпись-DOMINVS LEGEM DAT. ВАЛЕРИО СЕВЕРО ЕВТРОПИО. VIVAS - "Господь дает слово. Валерию Северу Евтропию. Да будешь ты жив".

На рис. 113 изображена лампада из катакомб, на верхней части которой повторяется вечно повторяющийся ихтический символ, а на ручке - священная монограмма имени Господа. Лампаду пополняют через центральное отверстие. Иногда они горят двумя или тремя огнями. См. также терракотовую лампу с ручкой и медальоном на рис. 114 и подвесные лампы, показанные на рис. 23 и 24.

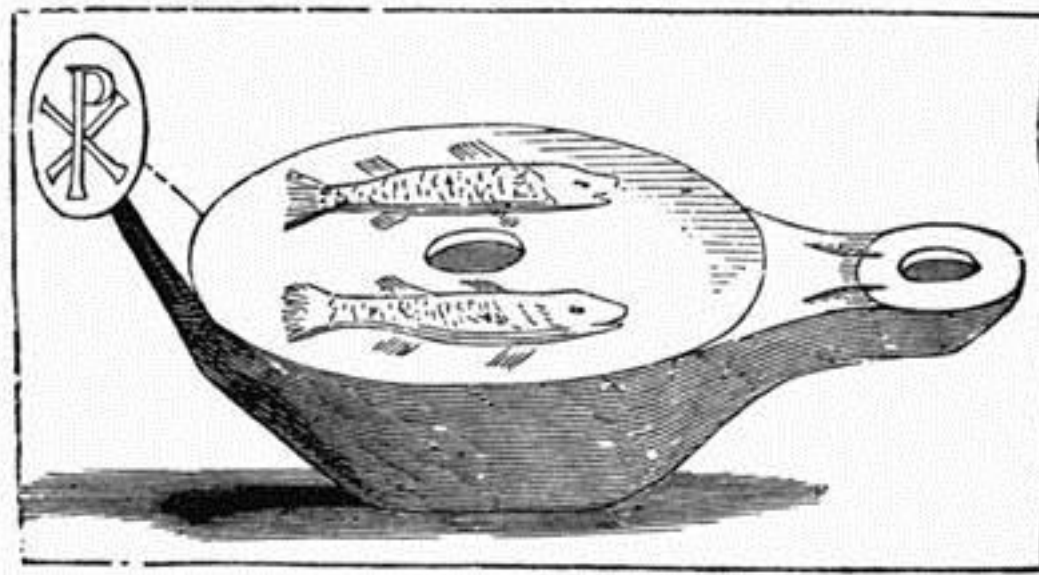

Рис. 113. Символическая лампа из катакомб.

На лампе, изображенной Перре, священная монограмма окружена головами двенадцати апостолов. На другой, найденной в еврейских катакомбах, изображен семиведерный подсвечник. Он также встречается в христианской символике и, вероятно, символизирует, как предположил доктор Маккол, семь даров Духа Божественного освещения.

Необходимость использования огней в погребальных церемониях церкви в катакомбах, вероятно, послужила причиной возникновения римского обычая хоронить мертвых под аккомпанемент горящих светильников даже среди дневного сияния. Это был также языческий обычай, в принятии которого, как и во многих других вещах, католик стал наследником язычника.^[638] Иероним упоминает о его соблюдении в свое время на похоронах знаменитой леди Паулы.^[639] Несколько других поздних отцов упоминают о той же практике.

От освещения подземных часовен произошел и обычай возжигать алтарные огни, который рано стал распространенным и который является столь яркой чертой современного романизма.^[640] Первым шагом в этом направлении, по-видимому, была практика возжигания лампад перед святынями мучеников в катакомбах, вероятно, для удобства паломников к их гробницам, которая была продолжена в церквях, возведенных над их останками. Эльвирский собор запретил этот обычай,^[641] который Вигилантий яростно осудил как подражание языческому суеверию зажигать светильники у могил умерших.^[642] "Мы почти видим, - говорит он, - как языческий обряд вводится в церкви под видом религии - кучи свечей, зажженных, пока светит солнце..... "Великую честь оказывают те, кто так поступает, - добавляет он, - блаженным мученикам, думая жалкими огоньками осветить тех, кого Агнец посреди престола озаряет блеском своей славы".^[643] Однако в пятом веке обычай стремиться воздавать "тщетную честь Отцу светов" уже укоренился.

В катакомбах было найдено множество терракотовых ваз разного размера и формы. Некоторые из них были довольно большими и, вероятно, использовались для хранения воды или вина для фоссоров или, возможно, для беженцев от преследований. Первая ваза на гравюре на следующей странице, которая в точности повторяет форму классической амфоры,^[644] имеет высоту более трех футов. Острое окончание на дне устанавливалось в подставку или втыкалось в землю, чтобы сосуд стоял вертикально. Многие амфоры были найдены в таком положении в подвалах Помпеи. Правый верхний предмет снабжен носиком

и отверстием для наполнения сосуда. В правом нижнем углу - лампада с ручкой для переноски, украшенная медальонами с изображением святых Петра и Павла. Маленькие колбы в центре гравюры - из эмали и пурпурного стекла, высотой около дюйма, вероятно, для хранения драгоценных благовоний. Эти миниатюрные вазы иногда изготавливались из агата и иногда имели форму пчелиного улья, , вероятно, символизируя молоко и мед, которые давали при крещении, чтобы обозначить искреннее молоко слова и сладость спасения, передаваемые новорожденным младенцам Христа.^[645]

Рис. 114.- Глиняные сосуды из катакомб.

Рис. 115.- Амфора.

Как правило, эта примитивная керамика, за исключением фитильных ламп, не несет никаких отличительных христианских символов; но иногда они все же есть, как на примере амфоры, дно которой было отбито. Вокруг сосуда идет надпись: VINCENTI PIE ZESE - "Винсент, пей и живи". В нижней части изображены три коня-завоевателя, вероятно, в связи с именем Винсент. Над конями - надпись AEGIS OIKOYMENE ZEP, написанная задом наперед.

Высокие сосуды, изображенные на [рис. 116](#), из серебра с золотым покрытием, описаны Перре как предназначенные для хранения святого хризма,^[647] или священного масла помазания. Скорее всего, они использовались для хранения вина для евхаристии, для которой они были достаточно велики, поскольку подземные собрания не могли быть очень многочисленными. На большом медальоне изображен бюст святого Павла, а на обратной стороне - святого Петра. На другом сосуде, помимо бюстов этих святых, изображен Господь в нимбе, а также священные символы - крест, голуби и агнцы. Нимб, форма креста, материал и стиль исполнения указывают на сравнительно позднюю дату. Некоторые из описанных нами сосудов, несомненно, использовались и в праздновании Агапы.

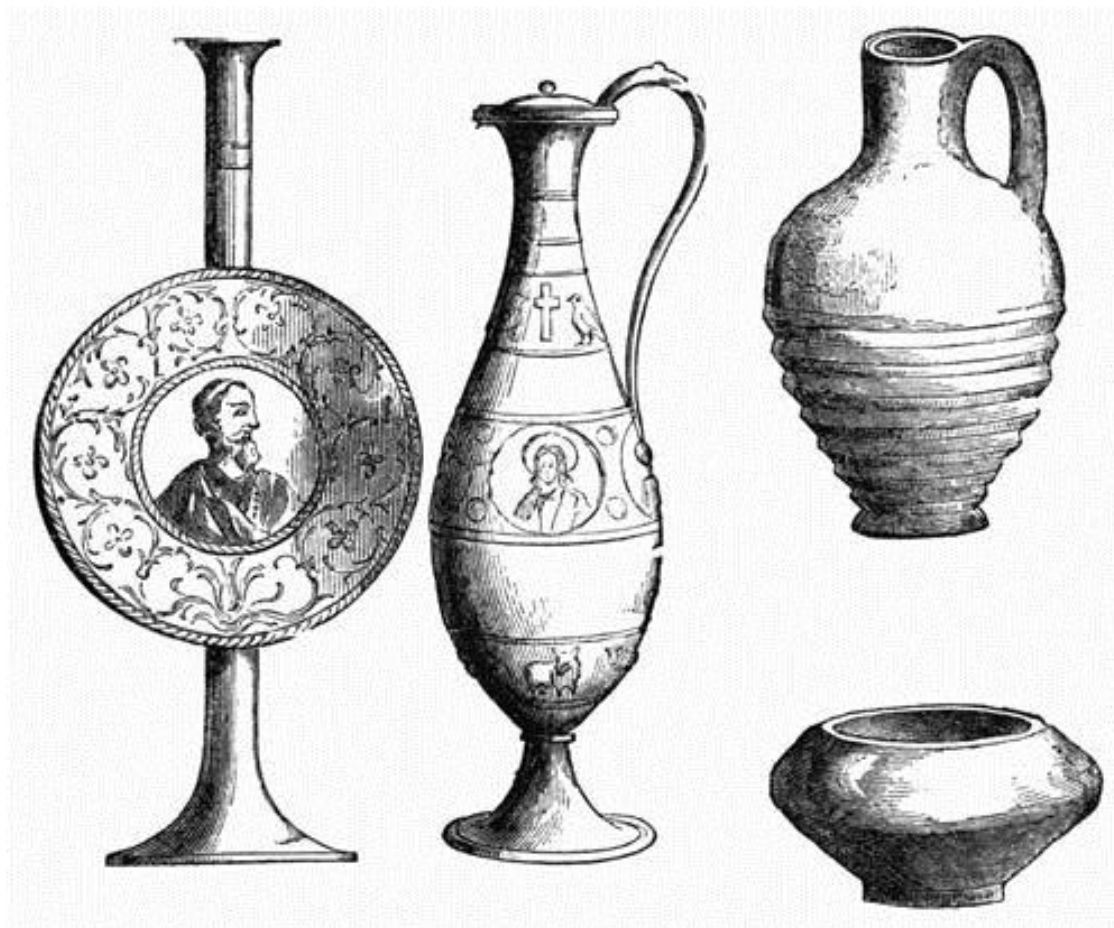

Рис. 116.- Металлические и глиняные сосуды из катакомб.

Среди наиболее интересных предметов, найденных в катакомбах, - кольца и печати ранних христиан, которые часто объединены в одно целое. Тертуллиан говорит об *annulus pronubus*, или кольце супружества, ношение которого было единственным использованием золота, известным римским женщинам во времена первобытной простоты;[648] и св. Агнесса объявляет о своем обручении с Христом кольцом его веры.[649] Перстень также считался неотъемлемой частью свадебного наряда новобрачной жены, и не для показухи, говорит Климент Александрийский, а для того, чтобы, будучи вверенной заботам о домашнем хозяйстве, она могла запечатать те домашние сокровища, которые в противном случае могли бы оказаться незащищенными.[650] Но эти кольца должны быть избавлены от всяких следов идолопоклоннического суеверия и нести только христианские символы. "На наших перстнях, - говорит только что упомянутый писатель[651] , - пусть будет изображен только голубь, или рыба, или корабль, плывущий к небу, или лира, или якорь; ибо те люди не должны гравировать идолопоклоннические формы, которым запрещено пользоваться ими; те не могут гравировать меч и лук, кто ищет мира; друзья воздержания не могут гравировать чаши для питья".

Перстни, являющиеся древними символами власти,[652] также носили епископы как своего рода значок должности и залог их духовной привязанности к Церкви Христа. Любопытный епископский перстень, который носил святой Арнульф, епископ Меца, в шестом веке, демонстрирует известный ихтический символ.[653]

На кольце, изображенном на рис. 117, священная монограмма сопровождается знаками Альфа и Омега. На печати, или инталии, изображенной на рис. 118, корабль церкви представлен в виде символической рыбы, а голуби, эмблема верующих, сидят на мачте и

корме. В наивном смешении буквального и образного Господь в телесном присутствии приближается к судну и поддерживает Петра за руку, несомненно, в намеке на испытание его веры на Галилейском море. На идентичность обоих фигур указывают имена, написанные над ними. Двое других апостолов гребут, а третий возносит руки в молитве. Несомненно, это была печать такого характера, на которую ссылается Климент Александрийский, говоря о *ναῦς οὐρανοδρομύσα* - "корабль в полном парусе к небу".

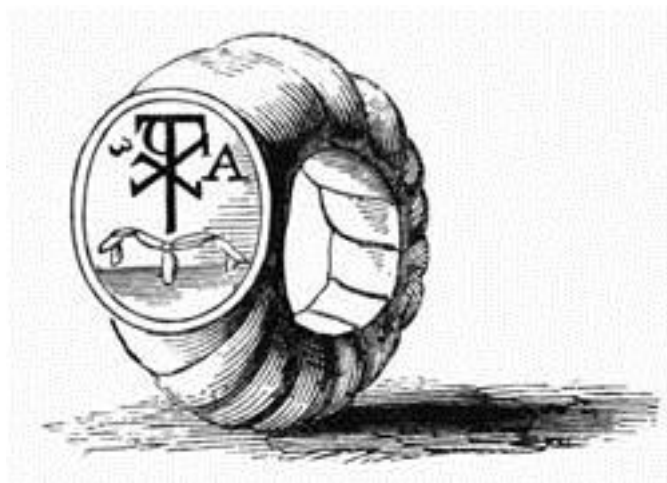

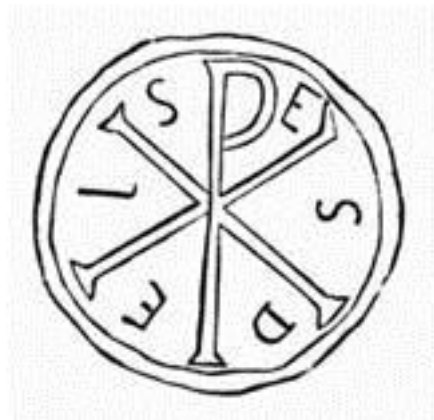
Рис. 117.- Кольцо из катакомб.

Рис. 118.- Печать из катакомб.

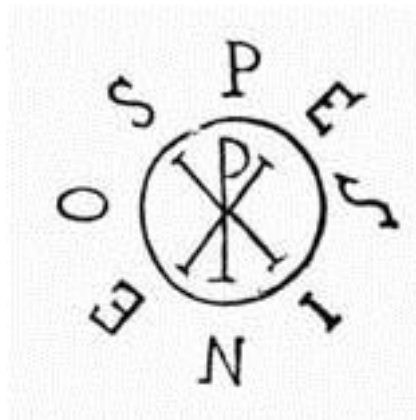
На некоторых перстнях в Неаполитанском музее, найденных в руинах Помпеи, изображены христианские символы: мистическая рыба, пальмы и якорь надежды, или синонимичное слово ЕΛΠΙΣ. Это почти единственные свидетельства существования христианского элемента в этом роскошном городе. На других помпейских кольцах изображены легкие эпикурейские девизы, такие как: *ΕΥΤΥΧΙ ΠΑΝΟΙΚΙ Ο ΦΕΡΩΝ* - "Удачи тебе, о владеец, и всем твоим"; *ΛΕΓΟΥΣΙΝ Α ΘΕΛΟΥΣΙΝ ΛΕΓΕΤΩΣΑΝ ΟΥ ΜΕΛΙΜΟΙ* - "Они говорят, что хотят; пусть говорят, мне все равно". На другом выгравирован палец, держащий ухо, и надпись *ΜΝΗΜΟΝΕΥΕ* - "Помни". На других римских кольцах выгравированы такие девизы, как *ΑΜΟ ΤΕ ΑΜΑ ΜΕ* - "Я люблю тебя, люби и ты меня"; *PIGNVS AMORIS* - "Залог любви"; *VNI AMBROSIA VENENVN CAETERIS* - "Одним нектар, другим яд".

Чаще, чем сама печать, встречается ее отпечаток на штукатурке могил, либо для выражения христианских чувств, либо как средство распознать могилу, на которой не было другого знака. Штампы монет или даже раковин, воткнутые в штукатурку, использовались, по-видимому, с той же целью. На следующей гравюре представлены отпечатки двух таких печатей. На первой - исповедание веры в Божественность Господа каким-то ортодоксальным христианином, вероятно, во времена арианской ереси. На второй благочестивый верующий заявляет о своей надежде на Христа.

CHRISTVS EST DEVS.

Христос есть Бог.

SPES IN EO.

Надежда в Нем, *то есть* во Христе.

Рис. 119.- Отпечатки раннехристианских печатей.

На других печатях можно увидеть такие благочестивые девизы, как DEVS DEDIT - "Бог дал"; VIVAS IN DEO - "Да живешь ты в Боге"; SPES IN DEO - "Надейся на Бога"; PEDE SECVNDO - "Да преуспеешь ты счастливо". Найдено огромное количество плиток с отпечатками штампа, но это всего лишь клейма императорских кирпичных печей с именами царствующих государей.

Трогательные памятники домашней привязанности можно найти в игрушках и безделушках маленьких детей, вложенных в их могилы или прикрепленных к штукатурке без них. Куклы на следующей гравюре поразительно похожи на тех, с которыми дети развлекаются в наши дни. Они сделаны из слоновой кости, а некоторые снабжены проволокой, с помощью которой можно работать с суставами, как это делают современные марионетки. Объект в левом верхнем углу - терракотовая ваза с узкой прорезью для приема денег, как у обычных детских сберегательных касс. Под ней находится кольцо из слоновой кости. Остальные предметы - маленькие бронзовые колокольчики, составляющие часть детской погремушки. В катакомбе Святого Себастьяна также была найдена небольшая терракотовая лошадка грубого дизайна, испещренная цветными пятнами.

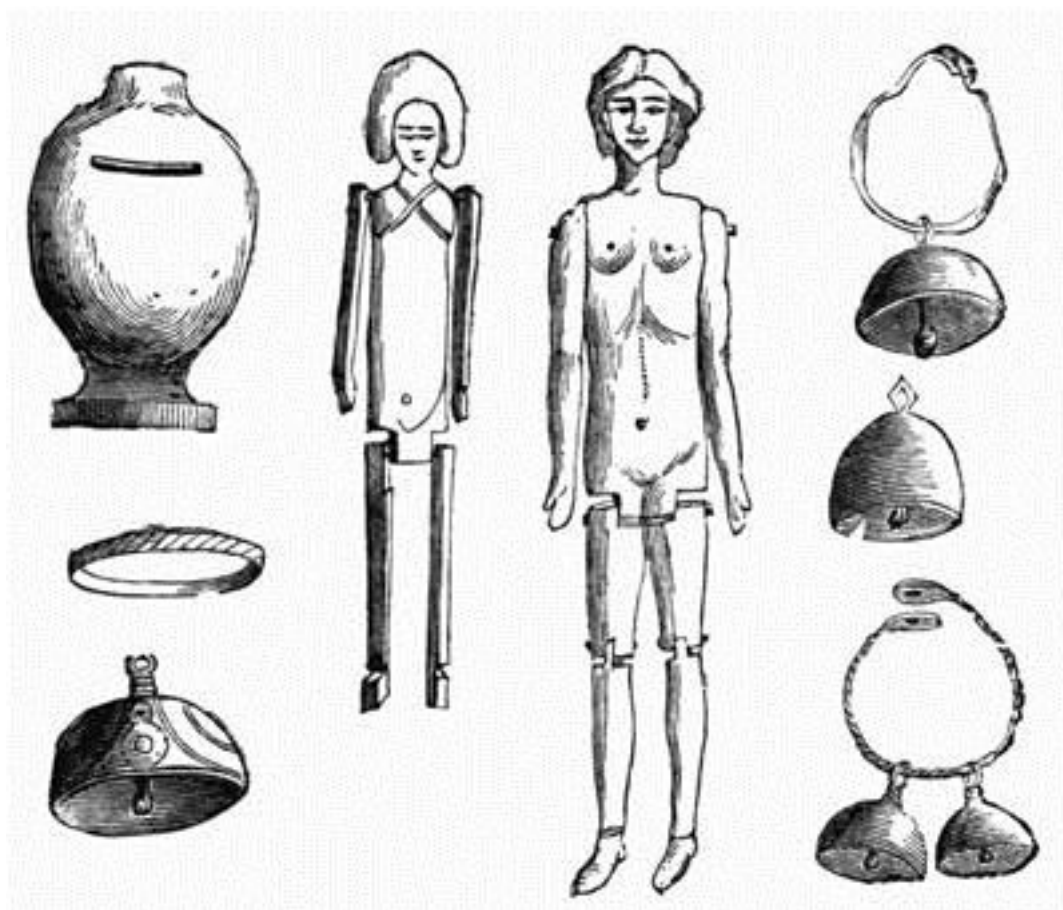

Рис. 120.- Детские игрушки, найденные в катакомбах.

Человеческие привязанности одинаковы во все века. Эти простые предметы говорят сердцу более непосредственно, чем "урна с историей или одушевленный бюст". Когда мы смотрим на эти детские игрушки в Ватиканском музее, века исчезают, и воображение рисует картины плачущей римской матери, которая кладет эти заветные реликвии своего мертвого младенца в его восковые руки или рядом с ним, когда его кладут из ее любящих рук в холодные объятия каменной могилы, а затем, с помутневшими от слез глазами, в последний раз, долго, томительно прощается с любимой формой, которая скоро навсегда закроется от ее глаз.

В катакомбах также были найдены многочисленные предметы туалета, как правило, в могилах умерших или прикрепленные штукатуркой к гробницам. Многие из них были разграблены и утеряны, но все же очень интересная коллекция хранится в Ватиканской библиотеке. Среди ее содержимого - длинные серебряные или слоновой кости косынки для волос, гребни из шкатулки или слоновой кости, флаконы и коробочки для духов, броши, серьги, браслеты, иногда с ключами для отпирания застежек, и другие украшения из бронзы, серебра или золота.^[654] На более простые нравы христианских женщин, по сравнению с окружающими их язычницами, указывает заметное отсутствие румяных горшков и баночек с косметикой, а также многих других предметов роскоши, которые составляли столь важную часть туалетных принадлежностей гордых дам Рима и которые так часто находят в развалинах Помпеи. Кроме того, христианские украшения, даже после отхода от первобытной простоты нравов, сильно отличались от тех, что были присущи развращенной цивилизации язычества. Вместо отвратительных изображений языческого искусства, наводящих на всякие дурные мысли и побуждающих к всяким низменным страстям, примеров которых так много в Неаполитанском музее, встречаются только целомудренные и скромные фигуры; и даже предметы туалета часто украшены благочестивыми девизами. Так,

на дамской заколке для волос, вероятно, подаренной жене или обрученной невесте, выгравировано прекрасное изречение: ROMVLA SEMPER VIVAS IN DEO - "Ромула, да живешь ты в Боге". Такое религиозное искусство кажется предвосхищением того дня, когда на колокольчиках лошадей будет написано "Святость Господу".

Также были найдены небольшие шкатулки из золота или другого металла для хранения части Евангелий, обычно первой главы Иоанна, которые носили на шее. По-видимому, они появились в период упадка первобытного благочестия в подражание иудейским филактериям или языческим амулетам и, вероятно, носились с той же суеверной целью, чтобы предотвратить опасность или излечить болезнь. Они были осуждены Ирнеем, Августином, Златоустом и Лаодикийским собором как пережиток язычества.^[655] На резной фигурке рыбы с отверстием, просверленным для подвешивания на шею, и, вероятно, предназначенной для амулета, выгравировано слово: ΣΩΣΑΙΤΙΣ- "Да сохранишь ты нас". Также были найдены медали, монеты и так называемые тессары гостеприимства, с помощью которых первые христиане признавали странствующих членов отдаленных церквей единоверцами и принимали их в своих собраниях и домах. Также были найдены предметы домашнего обихода: ложки, ножи, ключи, питьевые чашки и раковины, используемые в качестве таковых, и даже металлический чайник для приготовления пищи. Далее будут описаны некоторые предметы, используемые в религиозной службе, такие как купель для крещения, алтари, стулья и т. д.

Эта практика погребения вместе с умершими предметов, которыми они пользовались при жизни, была распространена среди язычников с древнейших этрусских времен до самых последних языческих погребений. В гробницы усопших клали всевозможную утварь и орудия торговли, и даже предметы питания. М. Рошетт усматривает в этом смутное и грубое представление о бессмертии души и доказательство того инстинкта человека, который отталкивается от мысли об уничтожении.^[656] Так и христиане, хотя и одушевленные более возвышенной надеждой и вдохновленные уверенностью в вечной бессмертности, долгое время следовали этому древнему обычаю, вплоть до того, что иногда клали в рот умершего кусок денег, предназначенный язычниками для выплаты Харону.^[657] Скорее всего, во многих случаях это было просто бездумное следование древним обычаям и обыкновениям. Милман утверждает, что практика захоронения денег, часто крупных сумм, вместе с мертвыми была причиной очень суровых римских законов против нарушений в гробницах, поскольку правительство хотело сохранить за собой этот источник дохода.^[658]

Рис. 121.- Статуя Доброго Пастыря.

В Христианском музее Ватикана хранится мраморная статуя Доброго Пастыря, изображенная на прилагаемой гравюре, которая, как полагают, происходит из катакомб. Хотя исполнение грубовато, но, судя по общему стилю, Румор считает ее, вероятно, самым древним сохранившимся образцом христианской скульптуры. [659] Скульптура, похоже, не так охотно, как живопись, склонилась перед новой религией и гораздо медленнее возлагала свои подношения на алтарь христианства. В ней также сохранилось много духа язычества, и она так и не прониклась христианскими чувствами. Колоссальная фигура галилейского рыбака под могучим куполом его гордого мавзолея - этого самого величественного фантома в христианстве - если не является идентичной статуей капитолийского Юпитера, то скопирована с языческой модели. Величественный Моисей Михаэля Анджело кажется скорее воплощенной концепцией облакоподобного фидийского Зевса, чем древнееврейского патриарха, описанного как кротчайший из людей. Даже возвышенные фигуры Христа и апостолов Торвальдсена демонстрируют скорее величие античного языческого искусства, чем кроткую и нежную благодать христианства. Скульптура, как хорошо замечает М. Рошett, глубоко пустила свои корни в почву язычества и была с огромным трудом пересажена оттуда. Она по сути своей языческая, и особенно приспособлена для выражения суровых добродетелей. Живопись более инстинктивна по отношению к христианскому духу и лучше подходит для изображения более мягких добродетелей.

Кроме того, профессия скульптора вызывала отвращение из-за ее связи с идолопоклонством. Тертуллиан клеймит изготовителей изображений как отцов-воспитателей дьяволов и поставщиков идолов.[660] Пруденций называет Ментора и Фидия создателями и родителями языческих богов.[661] Все, кто хоть как-то был связан с этим недозволенным ремеслом, были отвергнуты от таинства крещения и лишены святой евхаристии.[662] "Древние христиане, - справедливо замечает Буонаротти, - всегда держались в стороне от этих искусств, которыми они могли riskовать осквернить себя идолопоклонством; отсюда и возникло то, что немногие или никто из них не посвящал себя живописи или скульптуре, главной целью которых было изображение богов или мифов язычников".[663] Отсюда почти полное отсутствие христианской скульптуры в катакомбах. Даже скульптурные барельефы саркофагов, описанные ранее, по большей части являются продуктом более позднего периода, когда христианство, выйдя из этих подземных склепов, засияло светом дня и воспело благосклонность принцев.

Этот краткий обзор раннехристианской скульптуры был бы неполным без упоминания статуи знаменитого Ипполита, епископа Портуса, самого замечательного из известных образцов этого класса. Она была обнаружена рабочими, копавшими землю возле церкви *Сан-Лоренцо фуори ле муре* в 1551 году, и, вероятно, первоначально находилась в соседней катакомбе Ипполита. Епископ-мученик изображен сидящим в своеобразном епископском кресле. Фигура выполнена с классическим изяществом и достоинством, превосходящим все образцы константиновского периода. Действительно, выдающийся искусствовед Винкельман считает ее лучшим образцом раннехристианской скульптуры, сохранившимся до наших дней. Оно было сильно изуродовано, но было искусно отреставрировано и сейчас находится в Латеранском музее. На основании кресла выгравирован список опубликованных трудов Ипполита,[664] а также таблица, которую он составил для определения истинного периода праздника Пасхи. Обнаружение ошибки в этой таблице лишило ее значительной части своей ценности, и дата этого памятника, вероятно, предшествует этому открытию или началу третьего века.

Следует также упомянуть о раннехристианских диптихах, образцы которых можно найти почти в каждом антикварном музее. Они были сформированы по образцу императорских и консульских диптихов, или реестров государственных служащих Рима. Они состояли из табличек из слоновой кости, дерева или металла, сложенных вместе,[665] и содержали имена епископов, офицеров или выдающихся покровителей церкви, а также поминания мучеников и святых усопших. Эти памятники часто читались на религиозных собраниях первобытной церкви, особенно в годовщины смерти мучеников. Со временем эта практика привела к призыву их помощи в Литании святых, а также к другим ошибкам романизма. Диптихи также часто украшались сложными барельефами со сценами из библейского цикла, а в эпоху поклонения изображениям несли фигуры святых, которым развращенное христианство стало оказывать идолопоклонническое почитание. Таким образом, они стали прототипом иллюминированного миссала Средневековья.

[614] Vetri ornati di figure in oro trovati nei cimiteri dei Cristiani primitivi di Roma raccolti e spiegati da Raffaele Garrucci.-Roma, 1858.

[615] Osservazioni sopra alcuni frammenti di vasi antichi di vetro ornati di figure trovati nei cimiteri di Roma.-Firenze, 1716.

[616]

Transtyberinus ambulator,
Qui pallentia sulphurata fractis
Permutat vitreis.-Epig., i, 42.

[617] Sicche volendo i fedeli adornar con simboli devoti i loro vasi, erano forzati per lo più a valersi di artefici inesperti, e che professavano altre mestieri.-De' Vetri Cemeteriali.

[618] Rom. Sott., p. 283.

[619] Ibid.

[620] "Unde dignationem sumeret."-Conf., vi, 2. Сравните с выражением DIGNITAS в предыдущей надписи.

[621] Pastor quem in calice depingis.-De Pudicit., c. 7. Ipsæ picturæ calicum vestrorum, si vel in illis *perlucebit* interpretatio,... et ego ejus pastoris scripturam haurio *qui non potest frangi*.-Ibid., 10.

[622] Стекланные потиры широко распространены, более того, можно сказать, универсальны, в настоящее время в коптских церквях Египта. *Сан-Греаль*, или предполагаемый сосуд для учреждения Вечери Господней, хранящийся в соборе Генуи, как ни странно, из стекла, шестиугольной формы.

[623] P. 16, первое примечание. И у Христа, и у Марии есть нимб. Легенда *Christus et Istafanus* на одном из примеров, указывающая на переход на современный итальянский язык, предполагает позднюю дату.

[624] Rock's Hierurgia, p. 269.

[625] См. эпитафии Ланна и Гордиана, [стр. 98](#).

[626] Муратори приводит эпитафию девочки в возрасте двух лет и двадцати дней, на надгробии которой была найдена эта чаша, и, чувствуя абсурдность этой теории, но не желая оспаривать постановление Конгрегации реликвий, иронично добавляет: "На этих священных кладбищах особенно удивляешься двум вещам, а именно тому, что при наличии стольких стеклянных или фигурных ваз в надписях не упоминается о мученической смерти; и особенно тому, что *младенцы* страдали смертью за веру во Христа"-In sacris iis cœmeteriis duo potissimum mireris, Nempe quum tot Vasa vitrea aut figulina occurrant, nullam tamen in ipsis inscriptionibus mortis pro Christo toleratæ mentionem haberi, et praeterea Infantes ob Fidem Christi morti datos fuisse.-Nov. Thesaur. Vet. Inscrip., p. 1958, No. 8.

[627] Mornings with the Jesuits, p. 222.

[628] Третий Карфагенский собор 397 года запретил эту практику, поскольку Христос сказал: "Берите и ешьте", тогда как мертвое тело не может ни брать, ни есть - Placuit ut corporibus defunctorum eucharistia non detur. Dictum est enim a Domino Accipite et edite: cadavera autem nec accipere possunt, nec edere.-Conc. Cath., 3, can. 6. Златоуст также осуждает эту практику, поскольку слова произносились живым, а не мертвым.-Hom., 40, в 1 Кор. Григорий Великий говорит о погребении Евхаристии вместе с мертвыми: "Jussit communionem Dominici corporis in pectus defuncti reponi atque sic tumulari."-Greg. Dial., lib. ii, c. 24. Мейтланд считает, что эти чаши, вероятно, были хранилищами для ароматических камедей, которые часто использовались при погребении мертвых.

[629] "Ergo palma indicium minime Martyri fuit." - Надпись, на которой изображены две ладони, гласит: "LEOPARDVS SE BIBV FECIT".

[630] Il'a rencontré lui même dans ces souterrains aucun trace de nul autre tableau représentant une martyre.-Hist. de l'Art.

[631] Фреска мученичества Фелицитаты и ее семи сыновей в древней часовне в банях Тита, по мнению М. Рошетта (Mém. de l'Acad. des Inscr., tom. xiii, p. 165), не позднее седьмого века.

[632] Аринги посвятил этому вопросу целую главу, озаглавленную "Martyriorum instrumenta unà cum martyrum corporibus tumulo reponuntur."-Rom. Sott., i, 29.

[633] Катакомбы Рима, стр. 111, 112.

[634] Ibid., p. 187.

[635] "Flagellum quoddam ad corpus excrucium", - фраза Аринги.

[636] Rom. Sott., p. 387.

[637] Perret, tom. iv, planche 2. Корабль был излюбленным видом церкви в Средние века. В церкви Сент-Этьен-дю-Мон в Париже есть изображение судна, переполненного пассажирами, среди которых узнается портрет Франциска I. В древнем меровингском миссале повторяется та же идея, только Святой Дух заменен на лоцмана - Bene gubernatus est Spiritus Sanctus.

[638] La Corinne.

[639] Translata episcoporum manibus, cum alii pontifices lampadas cereosque præferrent.- Hieron., Ep. 27, ad Eustach., in Epitaph. Paulæ.

[640] Иногда на одном канделябре горит триста шестьдесят пять лампад, символизирующих дни года. Более впечатляющим является одинокий светильник, вечно горящий у какого-нибудь скромного святилища, - прообраз пламени любви, горящего в вечном поклонении на алтаре сердца.

[641] Canon., 34.

[642] Следующая надпись из Грутера указывает на эту практику:

QVISQVE - HVIC - TVMVLO
POSVIT - ARDENTEM - LVCERNAM
ILLIVS - CINERES - AVREA - TERRA - TEGAT.

"Кто поставит перед этой гробницей горящий светильник, пусть золотая земля покроет его прах".

Лактанций обвиняет язычников в том, что они возжигают огни для Бога, как для живущего во тьме (Institut. Divin., lib. vi, cap. 2), а Феодосийский кодекс запрещает этот обычай.

[643] Prope ritum gentilium videmus sub prætextu religionis introductum in ecclesias, sole adhuc fulgente moles cereorum accendi, etc.-Adv. Vigil., ii.

[644] От διὰ τῶν и φέρω - из-за ручек на каждой стороне шеи. Они также назывались diota, или двуухие, от διώτη.

[645] Lac significat innocentiam parvulorum.-Hieron., in Esai. lv, 1. Deinde egressos lactis et mellis prægustare concordiam ad infantiae significationem.-Ibid., Contr. Lucif., c. 4. См. также Тертул., de Coron. Mil., c. 3; Clem. Alex., Pædagog., lib. i, c. 6.

[646] Nam utique et altare portarent et vasa ejus, et aquam in manus funderent sacerdoti, sicut videmus per omnes ecclesias.-Aug., Quæst. Vet. et Nov. Test., qu. 101. См. также Кирилл, Catech. Myst., 5, n. 1.

[647] "Renfermer le Saint-chrême". Tom. i, p. 266.

[648] Cum aurum nulla norat præter unico digito, quem sponsus oppignerasset annulo pronubo.-Apol., c. 6.

[649] Et annulo fidei suæ subarravit me.-In Ambr. Ep. 31.

[650] Clem. Alex., Pædagog., iii, 2.

[651] Ibid.

[652] См. пример фараона, Быт. xli, 42; и Ахазуэра, Эсфирь iii, 10 и viii, 2.

[653] Pitra, Spicil. Solesm., tom. iii, tab. iii, n. 4.

[654] Когда в 1544 году была вскрыта гробница императрицы Марии, жены Гонория, было найдено множество украшений и безделушек, из которых, как говорят, было извлечено не менее тридцати шести фунтов золота. Императрица Пластиция также была погребена с такой же роскошной погребальной пышностью, которая, однако, была уничтожена в 1577 году в результате случайного возгорания ее расшитых золотом одеяний.

[655] Iren., lib. ii, c. 57. Aug., tract 7, in Joan.; serm. 215, de Tempore. Chrysos., hom. vi, Contr. Judæos. Conc. Laodic., can. 36.

[656] Il y avait là une notion confuse et grossière sans doute de l'immortalité de l'âme, mais il s'y trouvait aussi la preuve sensible et palpable de cet instinct de l'homme, qui repugne à l'idée de la destruction de son être.-Mém. de l'Acad. des Inscr., tom. xiii, p. 689.

[657] Рошетт говорит, что эта практика продолжалась до времен Фомы Аквинского, который писал против нее.

[658] "Золото может быть справедливо взято из гробницы, которая больше не содержит своего первоначального владельца, - говорит министр Теодориха одному провинциальному губернатору, - действительно, это своего рода вина - оставлять без дела спрятанное с мертвыми то, что могло бы поддержать живых."-Aurum enim justè sepulcro detrahitur, ubi dominus non habetur; imo culpæ genus est inutiliter abdita relinquere mortuorum, unde se vita potest sustentare viventium.-Cassiod, Var., iv, 34.

[659] Italienische Forschungen, vol. i, p. 168.- Тема раннехристианской скульптуры полностью рассмотрена в недавней работе д-ра Вильгельма Любке, озаглавленной Geschichte der Plastik. Two vols. Leipzig: Seeman, 1870.

[660] Qua constantia exorcizabit *alumnos suos*, quibus domum suam cellariam præstat ... quid aliud quam procurator idolorum demonstraris? - De Idol., c. 11.

[661] Fabri deorum, vel parentes numinum.-Peristeph., x, 293.

[662] Constit. Apostol., lib. viii, c. 32.

[663] Stettero sempre lontane di quelle arti, colle quali avessero potuto correr pericolo di contaminarsi colla idolatria, e da ciò avvenne, che pochi, o niuno di essi si diede alla pittura e alla scultura, le quali aveano per oggetto principale di rappresentare le deità, e le favole de' gentili. - Buonarroti, De' Vetri Cemeteriali.

[664] Они были очень объемными, и хотя некоторые из них погибли, те, что сохранились, бросают большой свет на один из самых неясных периодов в истории церкви и подтверждают титул Оригена Запада, присвоенный Ипполиту Прессенсом. Среди его важнейших работ - комментариев к большей части Ветхого и Нового Завета, трактаты об антихристе, о дарах Святого Духа, о добре и происхождении зла, о Боге и воскресении. Кроме того, он был особенно отмечен как энергичный и искусный полемист, писал против платонизма и иудаизма, а также, как мы уже видели, (стр. 173) против Каллиста, епископа Римского, за его пантеистическую ересь. Однако его великим произведением является "Философская книга" (Philosophoumena). "Это обширный репертуар, - говорит Прессенсе, - в котором рассматриваются все доктринальные споры церкви, начиная с самых ранних веков и самых туманных истоков гностицизма. Христианская древность не оставила нам более ценного памятника, чем трактат "О всех ересях" Ипполита, обнаруженный несколько лет назад среди пыльных сокровищ монастыря на горе Афон".

[665] Отсюда и название - от διπτύχου, двуединый; когда использовалось несколько табличек, они назывались πολύπτύχον, или многообразные.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

НАДПИСИ КАТАКОМБ.

ГЛАВА I.

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР НАДПИСЕЙ.

Немного найдется в Риме мест, более привлекательных для изучающего христианскую археологию, чем Галерея лапидариев во дворце Ватикана. В этом длинном коридоре[666] сохранилось множество эпиграфических останков почтенного прошлого, разбитых обломков древности, которые плыли по течению времени и здесь, как в тихой гавани, наконец нашли приют. Стены с обеих сторон полностью покрыты плитами с надписями, прикрепленными к их поверхности. По правую руку расположены языческие памятники, собранные в окрестностях города, - скульптурные и votivные таблички, алтарные посвящения, фрагменты императорских рескриптов и эдиктов и другие свидетельства могущества и великолепия времен расцвета Рима. Слева - скромные эпитафии первых христиан, грубо высеченные на камне или нацарапанные на штукатурке и принесенные сюда главным образом из склепов Катакомб. Но больший интерес для тех, кто хочет восстановить ранние века церкви и

Для сеансов сладкой тихой мысли

и в сеансах сладостного молчаливого размышления,[667]

этот длинный коридор с надписями, чем все четыре тысячи апартаментов огромного дворца пап с их бесценными бронзами, мраморами, драгоценными камнями, фресками и другими остатками классического искусства. От благородных галерей, где Лаокоон навечно запечатлен в камне, а Аполлон, повелитель меткого лука, следит за стрелой, летящей к цели, он перейдет к простым мраморным плитам, которыми выложены эти стены. В грубых

надписях здесь он обнаружит одни из самых сильных свидетельств явленной религии и самые яркие доказательства чистоты веры, простоты поклонения и неповрежденных доктрин ранней церкви. Таким образом, в этих залах богатства и власти, в самом дворце римских пап, первобытное христианство поднимает свой торжественный протест против антихристианской системы, представителями которой они являются.

Здесь противостоят друг другу памятники языческого и христианского Рима. Зритель стоит между двумя самыми разными мирами и не может не быть поражен огромным контрастом между ними. "Я провел, - говорит М. Рошетт, - много дней в этом святилище древности, где священное и профанное стоят лицом к лицу в письменных памятниках, сохранившихся до нас, как в те дни, когда язычество и христианство, стремясь всеми силами, вступали в смертельный конфликт".^[668] С одной стороны, запечатлены гордость и пышность мирских званий, возвышенные титулы и разнообразные отличия всех классов, от божеств до рабов. Неизменные исторические имена могущественных завоевателей Рима, предводителей его когорт и легионов смешиваются с именами гордых граждан-патрициев и одинаково отображают на своих могильных плитах благородный набор *græno men*, *po men* и *so gno men*, которые свидетельствуют об их высоком социальном положении или гражданской власти.^[669] Дорогая резьба и сложные барельефы многих из этих памятников свидетельствуют о богатстве того, кого они увековечивают. Изящно выверенная классическая эпитафия с элегическими гекзаметрами, дышащими суровой и холодной философией стоа, или полным отчаянием в отношении будущего, или, может быть, жалобной и страстной жалобой на богов, показывает, как расы, не знавшие истинного Бога, встречали ужасную тайну смерти. Многочисленные алтари всем сказочным божествам Пантеона, хвастливые надписи и возвышенные атрибуты, приписываемые теневому выводу Олимпа - "непобедимый, величайший и лучший", - при свете дня сегодняшнего выглядят как неосознанная сатира на высокие притязания этих исчезнувших держав. Фрагментарные эдикты императоров, многочисленные военные трофеи и записи сложных политических порядков свидетельствуют о могуществе и величии империи в дни ее наивысшего могущества и великолепия.

По другую сторону коридора находятся скромные эпитафии презираемых и гонимых христиан, многие из которых своей грубостью, краткостью, а зачастую и следами невежества и поспешности подтверждают истину Писания о том, что "не много могучих, не много благородных призвано". И все же эти "краткие и простые летописи бедняков" обращены к сердцу с такой силой и пафосом, по сравнению с которыми самое возвышенное классическое красноречие кажется холодным и пустым. Увлекательная задача - излагать скульптурные легенды катакомб - огромного кладбища первобытной церкви, которое, кажется, отдает своих мертвецов под наши вопросы, чтобы свидетельствовать о вере и надежде Золотого века христианства. Мы размышляем над этими полустертыми надписями.

Грубо написанные, но каждая буква
полна надежды и в то же время разбитого сердца,
Полная нежного пафоса
Здесь и в будущем -

мы оказываемся лицом к лицу с церковью первых веков и можем постичь ее дух лучше, чем с помощью любых других сохранившихся свидетельств. Эти простые эпитафии не говорят обычным языком, как эдикты императоров, памятники сильных мира сего или даже труды святых отцов; они произносят крик человеческого сердца в часы его глубочайших переживаний; они преодолевают пропасть времени и заставляют нас почувствовать себя сродни страдающим, скорбящим, но торжествующим христианам первобытных веков.

Эти надписи были найдены *in situ* при исследовании Катакомб или выкопаны в виноградниках в окрестностях города. Их старательно собирали антиквары на протяжении последних трехсот лет. До 1578 года во всей Италии сохранилось не более тысячи христианских надписей. Из них ни одна не была извлечена из катакомб, а самая ранняя датируется 533 годом. При всем своем хваленом почитании прошлого и исповедуемой преданности древностям примитивного христианства, Римская церковь позволила памяти о Катакомбах, святыне и святилище веры в первые века, быть столь же полностью забытой, как и о Трое; и даже после их повторного открытия многие из основных записей прошлого были бездумно уничтожены или безрассудно потеряны по невежеству или небрежности их самозванных хранителей и хранительниц. Многочисленные бесценные надписи погибли от воздействия времени; многие из них были рассеяны по государственным и частным коллекциям Европы; и многие другие были изуродованы или разрушены ногами поколений верующих в церквях, частью которых они являются. Бозио описывает множество памятников, сохранившихся в его время, от которых де Росси видел лишь фрагменты, и последний патетически сожалеет о разрушении и опустошении этих драгоценных реликвий христианской древности.^[670]

Христианская эпиграфика, однако, не была полностью заброшена в Средние века. Рукописный сборник эпитафий, найденный в Айнзидлене и отнесенный к девятому веку, частично христианский, а другой, найденный в Клостер-Ньюбурге, - исключительно христианский. Рукопись в библиотеке Святого Марка в Венеции содержит около ста пятидесяти раннехристианских эпитафий. Первую коллекцию после возрождения письма составил Пьетро Сабини, а другую опубликовал Онофрио Панвини. Лев X. приказал Рафаэлю, *архитектору* собора Святого Петра, сохранить от повреждений *надписи-лапидарии* на более древнем сооружении; но систематических попыток сохранить их не предпринималось до тех пор, пока Бенедикт XIV не поручил эту задачу Франческо Брамбини. Он собрал большое количество надписей в длинной галерее Ватикана, но они не были упорядочены до конца прошлого века, когда их классифицировал выдающийся археолог Джеатано Марини по приказу Пия VI. В Латеранском музее падре Марчи начал собирать новую коллекцию, которая была значительно расширена и прекрасно классифицирована и упорядочена кавалером Де Росси. Есть и другие коллекции в Римской коллегии, в Кирхерианском и других музеях. Многие могильные плиты также прикреплены к стенам или вставлены в мостовую церковью Святого Павла, Святого Григория, Святого Лаврентия, Святого Марка, Святой Марии в Трастевере и некоторых других в Риме.^[671]

Выдающийся ученый-эпиграфист Де Росси пропустил через горнило своей критической экспертизы все сохранившиеся надписи первых шести веков, найденные в окрестностях Рима. В первом томе своих "Христианских надписей" он приводит все надписи с консульскими датами, а именно тринадцать сотен и семьдесят четыре. В последующих томах он планирует представить оставшуюся часть серии, классифицированную в соответствии с их доктринальными, историческими или другими характеристиками. Он относится к предмету с максимальной откровенностью и умеренностью и иллюстрирует эти часто непонятные темы исчерпывающими и разнообразными исследованиями. В настоящее время сохранилось более одиннадцати тысяч таких эпитафий, и их число постоянно увеличивается благодаря прогрессивному исследованию катакомб. Анализ их общих характеристик и внешнего вида позволяет сделать следующие выводы.

Надписи, как правило, выгравированы на мраморных плитах длиной от одного до трех футов и высотой в один фут, которые используются для закрытия могил умерших; многие, однако, представляют собой просто царапины на мягкой поверхности штукатурки, затвердевшей при

высыхании; некоторые написаны красной или черной краской, или, что более редко, древесным углем. Высота букв варьируется от полудюйма до четырех дюймов, а поверхность надписей часто окрашена красноватым пигментом. Пруденций, ссылаясь на эту практику высекания букв в камне, призывает верующих "омыть своими слезами борозды на этих мраморных плитах".[672]

Эпитафии в большинстве своем написаны унциальным шрифтом, часто без разделения слов,[673] хотя иногда они разделяются пробелами, точками или листочками. Они часто изобилуют сокращениями и монограмматическими аббревиатурами, навязанными ограничением пространства или экономией труда, как на следующем рисунке:

Рис. 122.- "Гемелла спит спокойно".

Хотя иногда надписи хорошо вырезаны, часто они выполнены убого, представляя собой разрозненные и малоразборчивые каракули, как в следующих примерах, второй из которых свидетельствует о переходе к более поздней скорописи.

Рис. 123.- "Ligurius Successus, в мире".

Рис. 124.- "Домиций в мире. Лия воздвигла это".[674]

Эта древняя эпиграфика часто демонстрирует крайнее невежество и преступает все законы грамматического построения. Орфография часто ужасна, а общий стиль и характер совершенно варварские, что делает смысл крайне неясным или вовсе не поддающимся расшифровке. Язык был сильно испорчен иностранцами и рабами, составлявшими значительную часть населения. Поздние примеры часто отмечены отсутствием конечных инфлексий и использованием вместо них предлогов, а также другими признаками разрушения величественного латинского языка, который был проводником такой благородной литературы и такого возвышенного красноречия, и его вырождения из чистоты эпохи Августа в смешанный диалект Средних веков, из которого произошел современный итальянский.^[675]

Варварская латинизация следующих слов указывает на деградацию, в которую впал язык:

IIBER QVI VIXI QVAI QVO
PARE IVA ANOIVE I ANORV
M PLVI MINVI XXX I PACE.

Читать: *Liber, qui vixit cum compare sua annum I. Annorum plus minus XXX. В темпе.*

Либер, который прожил со своей женой один год. Он прожил тридцать лет, больше или меньше. В покое.

Иногда надпись встречается в перевернутом виде, вероятно, так ее поместил человек, не умеющий читать. В следующем примере, из катакомбы Святой Присциллы, голубь был позже добавлен, чтобы частично исправить ошибку невежественного ископаемого. Возможно, эпитафия была нацарапана на камне при тусклом свете, пробивавшемся сквозь *люминарий*, но когда ее принесли к могиле, было слишком темно, чтобы разглядеть, какая сторона была верхней.

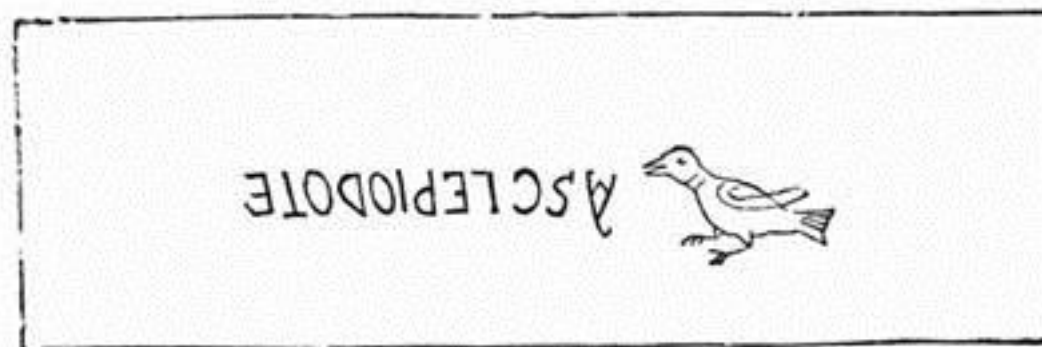

Рис. 125.- Надпись вверх ногами.

В одном из примеров в галерее лапидариев, представленном на [рис. 126](#), надпись действительно написана задом наперед, как еврейский текст. Возможно, как предполагает Мейтланд, каменотес сделал оттиск на мраморе с письменной копии и был слишком невежественен, чтобы понять, что она, конечно же, перевернута.

Рис. 126.- Перевернутая надпись.

Читать: *Elia Vincentia. qui vixit an ... et mesis II, cum Virginis que vixit annu diem.*

Элия Винцентия, прожившая ... лет и два месяца, и прожившая с Виргинием год и один день.

Большинство ранних эпитафий отличаются трогательной краткостью и простотой. Часто на могиле записано только одно слово - имя, данное при крещении, как на [рис. 127](#), где также изображены христианские символы - монограмма, крест и пальма.

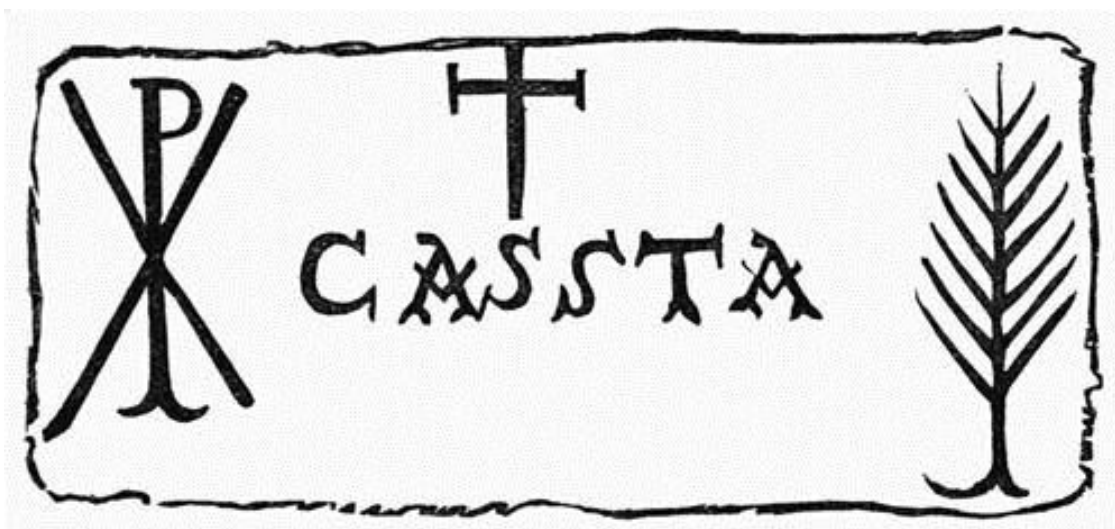

Рис. 127.- "Каста". (*sic.*)

На [рис. 128](#) имена трех человек указаны на одной и той же плите, которую можно узнать как христианскую только по символу Доброго Пастыря:

Рис. 128.- "Септимины, Аврелий, Галимед".

Часто добавляется фраза IN PACE, или DORMIT IN PACE, в подтверждение христианской веры усопшего (см. [рис. 122-124](#)), или, более кратко, слово LOCVS с префиксом, как LOCVS PRIMI - "Место Primus", [\[676\]](#), как будто описывая последний долгий дом, дом, предназначенный для всех живущих.

Поздние надписи часто далеки от этой наивной простоты, они раздуты по стилю и сложны по исполнению, свидетельствуя о возросшем богатстве и растущей гордости христианской общины. В дальнейшем мы будем часто приводить такие примеры. Очень примечательна серия, выполненная под руководством папы Дамаса во второй половине четвертого века. Он составил множество метрических эпитафий в честь мучеников, которые были выгравированы на мраморе в необычайно элегантном оформлении, разработанном его секретарем, Фурием Дионисием Филокалом, который также был искусным художником. Поэтому буквы этих дамасских надписей являются такой же отличительной чертой раннехристианской эпиграфики, как и знаменитый альдинский шрифт в библиографии эпохи возрождения образования. В катакомбах найдется немного таких надписей, и де Росси смог таким образом восстановить несколько ценных исторических памятников по нескольким фрагментам, подобно тому, как искусный анатом восстанавливает скелет по части позвонков. Некоторые из наиболее важных из них уже были приведены; другие будут встречаться в дальнейшем. Латинский язык часто бывает посредственностью школьника, но они представляют большую ценность для определения личности и прояснения истории многих важных христианских гробниц.

Большинство эпитафий, как и следовало ожидать, написано на латыни. Тем не менее, значительная часть из них написана на греческом, чему способствовало несколько причин. Хотя латынь была языком основной массы римского населения, греческим языком владели и образованные слои. Кроме того, со страниц Ювенала [\[677\]](#) и современных авторов мы знаем, что Рим кишел рабами и другими выходцами из Греции и Малой Азии, которые, хотя и могли говорить на латыни, испытывали большие трудности с письмом на ней. Более того, греческий язык, по-видимому, был в первые века своего рода церковным языком в Риме, как и латынь сейчас во всем римско-католическом христианстве. Именно на этом языке впервые была возвещена радостная весть о новом Евангелии, и на нем же святой Павел написал свое Послание к Римской церкви. Новое евангельское вино полилось из классической чаши, в которой так долго возносились возлияния богам. Вероятно, религиозные чувства привели к тому, что даже те, кому он был незнаком, приняли язык, на котором изначально передавались самые святыя учения и самые большие надежды, на котором апостольские отцы и величайшие апологеты, богословы и историки ранней церкви вели битвы за веру. Ответы римской литургии долгое время продолжали произноситься на этом языке, и следы этой практики до сих пор сохранились в *Kyrie, eleeson! Christe, eleeson!* из чина мессы. Это примитивное греческое влияние также оставило свой неизгладимый след в нашем языке в таких словах, как церковь, епископ, пресвитер, евхаристия, крещение, катехизис, литургия, псалом и гимн.

Иногда смиренному скорбящему приходилось довольствоваться записью латинских слов греческими буквами, как в следующих примерах: ΛΕΙΒΕΡΕ ΜΑΞΙΜΙΛΛΕ ΚΟΙΟΥΓΕ ΑΜΑΝΤΙΣΣΙΜΑΕ ΦΙΚΙΤ ΕΝ ΠΑΚΕ. Читать: *Liberæ Maximillæ conjugī amantissimæ, vixit in pace* - "Либере Максимилле, любящей жене. Она жила в мире". ΒΕΝΕ ΜΕΡΕΝΤΙ ΦΙΛΙΕ ΘΕΟΔΩΡΕ ΚΥΕ ΒΙΞΙΤ ΜΗΝCΙC ΧΙ ΔΙΕΞ XVIII. Читаем: *Bene merenti filiæ Theodoræ, qui vixit menses XI, dies XVIII* - "Нашей достойной дочери Феодоре, которая прожила одиннадцать месяцев и восемнадцать дней". [\[678\]](#)

При копировании латинских надписей возникало много ошибок, поскольку каменщик принимал римские символы за аналогичные греческие, например, А за Δ, Т за Γ, а латинские Н и Р за греческие *Eta* и *Rho*. Греческое влияние прослеживается и в измененном склонении латинских слов: *maritous* - *maritos*, *filies* - *filias* и т. п. Доля греческих надписей среди надписей до времен Константина оценивается в одну восьмую.^[679] После этого периода она стала меньше, что свидетельствует о постепенном ослаблении греческого влияния. В Галлии и западных провинциях эта доля не так велика. В Аутене есть только одна греческая эпитафия.

Из одиннадцати тысяч сохранившихся надписей только триста семьдесят четыре имеют даты. Период существования остальных можно определить лишь приблизительно, сравнив их с теми, чей возраст известен; внимательно изучив исполнение, язык и общее настроение - более ранние надписи менее пестрые и более классические по стилю; наличие или отсутствие определенных символов, например, священной монограммы, примеров которой до эпохи Константина не известно; расположение в катакомбах - те, что находятся в нижних *пианах*, относятся к более позднему периоду.

Руководствуясь этими критериями, де Росси пришел к следующим выводам: Около шести тысяч эпитафий относятся к первым четырем векам и находятся в катакомбах; остальные были найдены над землей. Из этих шести тысяч около четырех тысяч относятся к 324 году н. э., когда Константин стал единоличным правителем. Д., когда Константин стал единоличным императором.

Только одна из *датированных* надписей относится к первому веку (71 г. н. э.), две - ко второму (107 г. н. э. и 111 г.) и двадцать три - к третьему; четвертый век представлен более чем пятьюстами; пятый - почти столькими же; шестой - около трехсот, в основном в его ранней половине; седьмой - всего семью.

Из этих датированных надписей все до 313 года н. э., когда был издан эдикт. Д., когда Миланский эдикт дал мир церкви, находятся в катакомбах. После этого события подземное погребение быстро сократилось. Из эпитафий, датированных между 313 и 337 годами н.э. н. э. и 337 г. н. э., две трети - из катакомб, а одна треть - из базилик и других наземных мест погребения. С 337 г. н. э. и до времени Юлиана доля каждого из них была примерно равной. Из датированных надписей последней четверти этого века около четверти - подземные. Из тех, что были сделаны между 400 и 410 годами н. э., ни одна из десяти не относится к катакомбам, а после этого периода не встречается ни одного подземного примера.^[680] Иногда в эпитафиях позднего времени упоминается название церкви и местоположение гробницы, как, например, в следующей: *DEPOSITVS IN BASILICA SANCTORVM NASARI ET NABORIS SECVNDV ARCV IVXTA FENESTRA*, (A. D. 404,)- "Погребен в базилике святых Насария и Набора, во второй арке у окна"; *DEPOSITA IN CONTRA COLONNA VII*, (A. D. 452,)- "Погребен в пространстве напротив седьмой колонны".

Христианская эра была принята в качестве обозначения времени только после шестого века. Поэтому даты в римских надписях обозначались именами консулов на год, обычно написанными в сокращенной форме.^[681] Часто встречается добавление *VC.*, для *Vir Clarissimus* - "Прославленный человек", или, в случае императорских консулов, *DN.*, для *Dominus Noster* - "Наш Господь".^[682] В одном случае эпитет *DIVVS* - "Божественный", принятый у императоров, используется в христианской эпитафии, бездумно подражая языческой формуле.

Этот способ обозначения дат, к которому было применено название *hypatic* (от *ὑπάτος*, консул), просуществовал до второй половины VI века и является последним признанием

этого почтенного института - римского консульства. Год императора, введенный Юстинианом в 537 году н. э. для датировки всех государственных актов, появляется и после этого времени.

Ближе к концу IV века дата иногда указывается именем председательствующего епископа церкви в Риме, как SVB LIBERIO EPISCOPO, SVB DAMASO EPISCOPO или TEMPORIBVS SANCTI INNOCENTII, последнее выражение используется, вероятно, после смерти названного папы. Также используются имена епископов других епархий, кроме Римской, что свидетельствует о равенстве епископских рангов в первобытные века. Так, в 397 году н. э. мы имеем имя PASCASIO EPISCOPO, согласно Де Росси, вероятно, епископа древней епархии в непосредственной близости от города. В шестом веке имена некоторых священников и даже дьяконов использовались как местные знаки времени.

В большом количестве надписей упоминается день месяца, хотя год не указывается. Кардинал Виземан объясняет это обычаем отмечать годовщину смерти усопшего как годовщину его рождения в высшую жизнь.^[683] Но подобный обычай наблюдается и в языческих эпитафиях; а доктор Маккол хорошо подметил^[684], что день погребения упоминается чаще, чем день смерти. Дата рождения приводится редко^[685], но продолжительность жизни указывается почти всегда, часто с большой точностью. Указывается не только количество лет, месяцев и дней, но часто, с восхитительной точностью, часы, полчаса и даже "скрупулы" или двадцать четвертые доли часа, как в следующем примере: BENE MERENTI IN PACE SILVANA QVAE HIC DORMIT VIXIT ANN. XXI. MENS. III. HOR. IV. СКРВПЛОС VI.- "Достойной Сильване, которая спит здесь спокойно. Она прожила двадцать один год, три месяца, четыре часа и шесть скрупул". Шесть скрупул - это четверть часа.

Когда точное число лет было неизвестно, использовались выражения PLVS MINVS, ПЛЕОН ЕЛАТТОН - "больше или меньше".^[686] Часто продолжительность супружеской жизни также указывается с предельной определенностью, как, например, в следующем:^[687] SILVANA NICIATI MARITO BENE MERENTI CUM QVO VIXIT ANNIS TRIBVS MANSIBVS DVABVS HORIS UNDECIM, - "Сильвана своему достойному мужу Никиатису, с которым она прожила три года, два месяца, одиннадцать часов".

День месяца обычно указывается обычным способом, со ссылкой на деление на календы, ноны и иды.^[688] Дни недели называются обычными классическими именами: *Dies Solis* - воскресенье, *Dies Lunæ* - понедельник, *Dies Martis* - вторник, *Dies Mercurii* - среда, *Dies Jovis* - четверг, *Dies Veneris* - пятница, *Dies Saturni* - суббота. Иногда, однако, первый и последний дни недели обозначаются христианскими названиями *Dies Dominica*, день Господень, и *Dies Sabbati*, день отдыха.

Христианские надписи также обычно игнорируют все упоминания о месте рождения или стране усопшего, как бы признавая, что истинная страна христианина находится за пределами могилы.^[689] Как будто в знак повиновения предписанию оставить отца и мать, чтобы следовать за Христом, подробности о семье или происхождении, которые так заметны в некоторых языческих надписях, почти никогда не встречаются.

Мистер Бургон кратко выразил основные моменты контраста между современными эпитафиями и эпитафиями ранних христиан следующим образом: "Они никогда не упоминают дату рождения,^[690] мы же редко ее опускаем. Они постоянно указывают день погребения, мы - никогда. Они редко упоминают год смерти, мы же никогда не опускаем его. Мы никогда не упоминаем о погребении, они - всегда. Они часто указывают годы супружеской жизни, мы - никогда. У них выжившие занимают видное место, даже

называются по имени, а иногда упоминаются исключительно. У нас же мертвые названы всегда, а живые - редко".[691]

Среди этих надписей есть несколько примеров *opisthographæ*, как их называют,[692], то есть христианских эпитафий, написанных на плитах, которые первоначально носили языческий характер. Последние, как правило, испорчены или стерты, залиты цементом или прислонены к стене, поставлены вверх ногами или боком, чтобы показать, что они отвергнуты христианским художником. Иногда, однако, они все еще читаемы, но явно не имеют никакого отношения к христианскому погребению. Некоторые из них вообще не являются погребальными эпитафиями, а те, что являются, посвящены целой семье, хотя и прикреплены к одной христианской могиле. Присвоение языческих памятников для христианских надписей покажется не столь странным, если вспомнить, что сами храмы богов были каменоломнями, из которых были построены многие церкви и дворцы более поздних времен.

Иногда, как в примере, приведенном на рис. 59, языческая формула посвящения "Божественным духам" - D. M., от *Dis Manibus*, стирается, и священная монограмма придает плите христианский характер. Иногда, однако, эти буквы появляются в явно христианских надписях, и в этом случае Фабретти и другие утверждают, что они могли иметь толкование *Deo Magno* или *Deo Maximo* - "Верховному Богу". С еще меньшей вероятностью М. Рошетт считает их *Divis Martyribus* - "Божественным мученикам", для этого выражения во всем диапазоне катакомб не найдется ни одного лика. Обе интерпретации являются совершенно беспричинными предположениями, для которых христианская эпиграфика не дает абсолютно никаких оснований. Более вероятно, что они были небрежным или условным подражанием обычной языческой формуле, которую христиане иногда перенимали без раздумий или, возможно, не понимая ее значения, так же как они подражали крылатым гениям и другим классическим аксессуарам языческого искусства в орнаментации катакомб. Доктор Маккол предположил, что римские скульпторы, вероятно, держали на продажу могильные плиты, как это часто делается сейчас, с уже выгравированными общими формулами, которые покупались без учета их уместности, и что при заполнении надписей христиане иногда забывали стирать буквы, имевшие языческое значение. Возможно также, что их использование иногда указывает на сохранившиеся остатки языческого суеверия.

Буквы ВМ., которые часто встречаются в этих надписях, ошибочно интерпретируются как означающие *Beatus* или *Beata Martyr*, что не имеет под собой никаких оснований. Они, несомненно, обозначают постоянно повторяющуюся фразу, как в языческой, так и в христианской эпиграфике, *Bene Merenti* - "Достойному" или *Bonæ Memoriam* - "Счастливой памяти".

[666] Его длина составляет восемьсот футов, и он содержит около трех тысяч надписей.

[667] Сонеты Шекспира, № XXX.

[668] *Tableau des Catacombes*, p. x.

[669] Cp. Juv., "Gaudent prænominе molles auriculæ". В христианских надписях они встречаются очень редко. См. *postea*.

[670] *Demolita et horrendum in modum vastata*. - *Prolegomena to Inscr. Христа*. Ему часто приходится жаловаться, что он не может прочесть часть надписи: - *Reliqua legere haud potui*. Марангони рассказывает, что тысячи эпиграфов были доставлены из катакомб в церковь Святой Марии в Трастевере; семь телег - в церковь Святого Джованни де Фьорентини; две

телеги - в другую церковь Святого Джованни в Риме; однако в настоящее время в портике первой церкви находится всего около двадцати, а в двух последних - ни *одного*. См. Neman's Sac. Art. in Italy, pp. 58, 59.

[671] Последние работы Фабретти, Муратори, Орелли, Мартини, кардинала Майи и Перре содержат многочисленные примеры. При подготовке этих страниц все они были обложены данью.

[672]

Nos pio fletu, date, perluamus
Marmorum sulcos.- Перистеф., гимн vii.

[673] В качестве иллюстрации мы приводим следующие примеры:

CALEVIVSBENDIDITAVINTRISOMVVBIPPOSITIERANT
VINIETCALVILIVSETLVCIVSINPA.

Калевий продал Авинию место для трех тел, где (уже) были помещены Кавилий и Луций в покое.- De Rossi, Inscr. Christ., No. 489.

ΤΡΙΑΚΟΝΤΑΠΕΝΤΑΕΤΗCΕΝΘΑΔΕΚΙΤΕΥΠΑΤΙΑ.
ΘΥΓΑΤΗΡΑΝΤΩΝΙΟΥΚΩCΤΑΝΤΙΝΟΠΟΛΙΤΙCΑ.

Здесь лежит Гипатия, тридцати пяти лет от роду, дочь Антония, уроженца Константинополя.- Де Росси, № 583.

Оригиналы труднее расшифровать, но с небольшой практикой это становится сравнительно легко. Иногда буквы сильно различаются по размеру, как, например, в следующем случае:

LoCVSavgvStileCToRis.
Место Августа, чтеца.

[674] См. также безлюдность эпитафии Мартируса, [рис. 19](#), и Тесариса, [рис. 58](#).

[675] Различия падежей постепенно исчезают, винительный и родительный падежи часто используются без разбора, а первый часто заменяется аблаутом, как в следующих фразах: *cum uxorem, cum fratrem, sine aliquam, pro caritatem, decessit de seculum* и т. д. Переход на итальянский язык обозначается префиксом буквы *i*, как в словах *ispiritus, iscribet*; аффиксом *e*, как *posuete* для *posuit*, и общим смягчением произношения, как *santa* для *sancta, meses* для *menses*, и *sesies* для *sexies*. Имена *Стефано* и *Филипо* также имеют очень современный вид.

Видно, что неправильная постановка придыхания отнюдь не является особенностью кокни, как в следующих примерах: *-Hossa, hordine, Hosiris, helephantus, post hobitum, Hoctobris, heterna* и т. д. В следующих примерах буква *h* опущена: *Onorius, ora, omo, ilaris, ospitium, onestus, oc, ic*. Также часто встречается перестановка букв *t* и *d*, *v* и *b*, например, *adque - atque, bibit - vivit*. Также встречаются такие формы, как *vicxit, visit, bissit* или *visse* от *vixit*; *michi* от *mihi*; *pake* или *pache* от *pace*; *opsequia* от *obsequia*; *quisquenti* от *quiescenti*; *depossio* от *depositio*; *vocitus* от *vocatus*; *pulla* от *puella*; *omniorum* от *omnium*; *restutus* от *restitutus*; *pride* от *pridie*; *que* или *qae* от *quæ*, и тому подобное. Многие из этих особенностей, однако, характерны как для более поздних языческих, так и для христианских надписей.

[676] См. [рис. 45](#).

[677] См. его "Græculus esuriens" (Sat., iii, 78) и выражение "In Tiberem defluxit Orontes."-Ib., 62.

[678] Иногда два языка странным образом смешиваются в одной и той же эпитафии; а иногда мы находим греческую надпись латинскими буквами, как, например, в следующей: PRIMA IRENE SOI. Читается: *Πρῖμα εἰρήνη σοι* - "Прима, мир тебе".

[679] В датированных надписях пропорция меньше, так как латиноязычные христиане скорее всего использовали консульские даты в качестве указателей времени.

[680] Из четырехсот галльских надписей в Ле Блане лишь немногие имеют даты, и ни одна из них не является более ранней, чем время Константина. Первая относится к 334 году н. э.; следующая, в Аутене, - к 374 году н. э. Они также более искусственны и риторичны по стилю, чем римские.

[681] Например, POL - II - ET - APR - II - COS, который, в расширенном виде, читается так: *Pollione iterum et Apro iterum Consulibus*, то есть 176 г. н. э.

L - FAB - CIL - M - ANN - LIB - COS - *Lucio Fabio Cilone, Marco Annio Libone Consulibus*, то есть 204 г. н. э. Для экономии места мы обычно опускаем имена консулов, указывая только дату.

[682] Иногда встречаются формы VVCC., *Viri Clarissimi*; DD. NN., *Domini Nostri*; и AVGG., или AAVVGG., *Augusti*.

[683] *Fabiola*, p. 146.

[684] *Christian Epitaphs*, Introd., p. xxii, note †. Мы обязаны этим мастерским пролегоменам за некоторые из приведенных иллюстраций.

[685] В одном из примеров это подробно указано таким образом: *Ora noctis - IIII. --- VIII Idus Madias die Saturnis luna vigesima Signo Apiorno*, - "В четвертый час ночи, на восьмой день перед майскими идами, в двадцатый день Луны, в знаке Козерога". Де Росси считает это астрологическим гороскопом - пережитком языческого суеверия.

[686] Самый большой возраст, который мы наблюдаем в христианских эпитафиях, - девяносто один год. См. [рис. 19](#). Самый юный - три месяца - *Mens. III*. В "Муратори" (стр. 382, № 5) мы заметили следующий замечательный пример долголетия: *M. Flavius Secundus filius fecit Flavio Secundo patri q. vixit ann. CXII, et Flaviæ Urbanæ matri piæ vixit ann. CV.* - "М. Флавий Секунд, сын, сделал это Флавию Секунду, своему отцу, который прожил сто двенадцать лет, и своей благочестивой матери, (которая) прожила сто пять лет". Кенрик приводит эпитафию трехлетнего ребенка и его матери (*маммулы*) восьмидесяти лет; а также эпитафию мужчины ста двух лет, девяносто из которых прошли без болезней. Средняя продолжительность жизни, согласно Ульпиану, составляла тридцать лет.

[687] Отношения обычно выражаются такими фразами, как *vixit mecum*, *duravit mecum*, *vixit in conjugio*, *fecit mecum*, *fecit cum compare*. McCaul, *Christ. Epitaphs*, Introd. xv.

[688] *Ib.*, xxvii.

[689] Из 5000 эпитафий в "Индексе Сквайера" только в сорока пяти упоминается страна покойного. См. один пример, стр. 401, вторая сноска, а также следующий, датированный 388 г. н. э: *Rapetiga, medicus, civis Hispanus, qui vixit in pace annos plus minus XXV*, - "Рапетига, врач, гражданин Испании, проживший в мире двадцать пять лет, больше или меньше."

[690] Это не совсем верно.

[691] Письма из Рима, стр. 202, 203.

[692] От ὀπίσθιος и γράφω, писать снова.

ГЛАВА II.

ДОКТРИНАЛЬНЫЕ УЧЕНИЯ КАТАКОМБ.

"Какое проникновение в привычные чувства и мысли первобытных веков церкви, - замечает ученый и красноречивый декан Стэнли, [693] , - можно сравнить с тем, что дают римские катакомбы! Почти не замеченные Гиббоном или Мошеймом, они, тем не менее, дают нам представление о тех ранних временах, превосходящее то, которое можно получить из любых письменных авторитетов, на которые опираются Гиббон и Мошейм..... Сюжеты живописи и скульптуры ставят перед нами точные идеи, с которыми были знакомы первые христиане; они напоминают нам о том, чего они не содержат, о тех идеях, с которыми первые христиане не были знакомы..... Тот, кто основательно погрузится в образы катакомб, будет ближе к мысли ранней церкви, чем тот, кто выучит наизусть самый подробный трактат даже Тертуллиана или Оригена".

Изучая надписи, картины и скульптуры этого подземного города мертвых, мы можем проследить развитие христианской мысли из века в век; мы можем проследить последовательные изменения в доктрине и дисциплине; мы можем прочесть неопровержимые свидетельства, написанные железным пером в скале навечно, о чистоте первобытной веры и о постепенном разложении, которое она претерпела.

В нашу эпоху критического исследования самых основ веры будет нелишним изучить этот обширный корпус христианских свидетельств о доктринальных учениях первобытных времен, которые передавались от верующих, живших в апостольский век или рядом с ним, и таким образом providчески сохранены в этих подземных раскопках, как вечный памятник веры и практики золотого расцвета христианства.

Хотя мы не ожидаем найти в этих надписях полную систему богословия, мы, несомненно, ищем определенное выражение религиозных убеждений тех, кто писал эти памятники об умерших. Мы ожидали увидеть в них упоминания о жизни усопших, о достоинствах их характера и о надеждах оставшихся в живых на их будущее состояние в мире духов. В этих ожиданиях мы не разочаровались. В этих эпитафиях мы находим множество свидетельств о доктринах и дисциплине первобытной церкви, ценность которых трудно переоценить. Нас поражает бесконечный контраст их настроений с языческими надгробными памятниками, а также заметное отсутствие в них, относящихся к ранним векам и более чистому периоду христианства, доктрин, которыми характеризуется Римская церковь. Мы также найдем упоминания о некоторых ересь, которые, подобно очагам чумы, увы, так скоро начали заражать церковь, [694] а некоторые из них даже обрели выдающееся церковное покровительство. [695]

Римская церковь особенно претендует на традиции ранних веков и древности катакомб как на доказательства апостольского характера ее особых догм и обычаев. Но эти древние записи - палимпсест, который она исписала своими собственными глоссами и толкованиями; и когда испытание современной критики возрождает подлинные документы и удаляет накопленные ошибки, свидетельство прошлого оказывается разительно противоположным притязаниям Римского Престола и учениям римской доктрины. Выдающаяся ученость, кропотливые исследования и археологическое мастерство таких

выдающихся авторитетов, как Де Росси, Питры, Гарруччи и других римских *савантов*, служат лишь оружием для опровержения многих самых заветных верований Рима. Есть, правда, и такие, кто переносит в эти исследования способность видеть то, что они хотят видеть, и то, что другие не могут воспринять. Нередко случается и так, что крайнее легковерие и суеверие сочетаются с большой образованностью и высокими научными достижениями. Однако эффект от честного изучения этих свидетельств непредвзятым умом виден на примере мистера Хеманса, ученого автора книги "Древнее христианство и священное искусство в Италии". Этот джентльмен, хотя и перешел из англиканской общины в римскую и сильно симпатизировал многим ее институтам, как видно из его интересной книги, почувствовал, что исторические и монументальные свидетельства катакомб, раннехристианского искусства и литературы вынуждают его проследить свои шаги и, пусть неохотно, осудить и отказаться от веры, которую он исповедовал.

Протестантизму, таким образом, нечего бояться самого тщательного изучения этих свидетельств первобытного христианства. Они не дают никаких оснований для характерных доктрин и практики современной Римской церкви. До середины четвертого века нет ни одной надписи, ни картины, ни скульптуры, которые бы хоть в малейшей степени подтверждали ее высокомерные предположения и ошибочные догмы. Все, что было до этой даты, отличается евангельским характером; и только после этого периода начинают проявляться отличительные особенности романизма. Благотворное дыхание гонений и "сладостное использование невзгод" в ранние века способствовали сохранению нравственной чистоты церкви; но ослабляющее влияние императорской благосклонности и приток богатства и роскоши привели к разращению практики и ошибкам в учении. Атрибуты мирской пышности и власти стали одеждой Нессуса, которая сковывала ее духовную жизнь. Поэтому катакомбы, грубая колыбель ранней веры, стали также могилой большей части ее простоты и чистоты.

Поэтому при исследовании раннехристианской эпиграфики определение дат имеет первостепенное значение, так как только надписи более раннего и признанного более чистого периода церкви могут дать авторитетное свидетельство о первобытном учении. Поэтому сначала мы рассмотрим в хронологическом порядке все надписи, датированные ранее IV века, которые имеют какое-либо доктринальное значение, а затем извлечем из более поздних примеров свидетельства о древности романистских учений. Мы возьмем надписи, приведенные в его великом труде, [696] Де Росси, наиболее выдающимся авторитетом в этом вопросе; но, принимая его факты, признавая его честность и добросовестность исследования, которым мы будем стремиться подражать, мы не можем во всех случаях принять его выводы.

Первая датированная надпись, имеющая какой-либо доктринальный характер, относится к 217 году. [697] Она взята из большого саркофага, найденного в *Via Labicana*, и представляет большой интерес как указание на высокое социальное положение и почетные должности покойного как члена императорского дома, а также на благочестивую уверенность его благочестивых вольноотпущенников в его духовном блаженстве. Верхняя часть следующей надписи, набранная более крупным шрифтом, выгравирована на лицевой стороне саркофага, а набранная более мелким шрифтом - на обратной. Использование саркофага свидетельствует о богатстве покойного.

M - AVRELIO - AVGG - LIB - PROSENETI
A CVBICVLO - AVG -
PROC - THESA VRORVM
PROC - PATRIMONI - PROC -

MVNERVM - PROC - VINORVM
ОРДИНАТОАДИВО КОММОДО
В КАСТРЕНСЕ ПАТРОНО ПИССИМО
ЛИБЕРТИ - БЕНЕМЕРЕНТИ
САРКОФАГВМ ДЕ СВО -
АДОРНАВЕРВНТ -

PROSENE RECEPTVS ADDEVM - V - NON ----- SSA ----- NIA PRAESENTE - ET - EXTRICATO - II
REGREDIENS IN VRBE AB EXPEDITI ONIBVS SCRIPSIT AMPELIVS LIB.

-Inscrip. Christ., No. 5.

Марку Аврелию Просене, вольноотпущеннику двух Августов, из опочивальни Августа, прокуратору сокровищ, прокуратору достояния, прокуратору подарков, прокуратору вин, назначенному обожествленным Коммодом на службу в лагере, самому любезному Покровителю. Для него, достойного, его вольноотпущенники за свой счет поставили (этот) саркофаг.

Просеней получил к богу, на пятый день перед Нонами Прзена и Экстриката (будучи консулами) во второй раз.

Ампелий, его вольноотпущенник, вернувшись в город с войны, написал (эту надпись).

Здесь мы имеем самое раннее свидетельство доктрины о состоянии усопших. Однако это не темное и мрачное предчувствие чистилищных огней, а, напротив, радостная уверенность в скором принятии в присутствии Бога. [698] Сохранение языческого титула императора - "обожествленный Коммод" - является аномальной чертой христианского памятника, хотя, несомненно, это всего лишь бездумное подражание обычной эпитафической формуле.

Сопровождающая надпись 234 года н. э. - первый пример столь распространенных впоследствии символов, рыбы и якоря, но никаких других ярко выраженных христианских черт. В следующем году, 235 г. н. э., появляется следующая эпитафия, в которой, возможно, есть намек на бессмертие в выражении *de saeculo recessit* - "отошел от мира" или "от века". [699] AVRELIA DVLCISSIMA FILIA QVAE DE SAECVLO RECESSIT VIXIT ANN - XV - M - IIII - SEVERO ET QVINTIN COSS,- "Аурелия, наша очень милая дочь, которая отошла от мира, когда Северус и Квинтин были консулами. Она прожила пятнадцать лет и четыре месяца". Эпитет "очень милая дочь" особенно подходит к христианскому персонажу, хотя часто встречается и на языческих гробницах.

В 238 году н. э. на саркофаге, на котором впервые датировано изображение Доброго Пастыря, мы находим следующую трогательную надпись. В ней нет ничего доктринального, кроме фразы "благочестивейший" или "боголюбивый", выражающей юношескую набожность умершего. ΗΡΑΚΛΙΤΟΣ Ο ΘΕΟΦΙΛΕΣΤΑΤΟΣ ΕΖΗCΕΝ ΕΤ(η) Η ΠΑΡΑ Η(μέρας) ΙΓ ΕΝΟΗCΕΝ ΗΜ(ε)Ρ(ας) ΙΒ.... ΞΑΝΘΙΑC ΠΑΤΗΡ ΤΕΚΝΩ ΓΛΥΚΥΤΕΡΩ ΦΩΤΟC ΚΑΙ ΖΩΗC- "Очень набожный Гераклит прожил восемь лет и тринадцать дней. Он болел двенадцать дней..... Ксанфий, его отец, для своего сына слаще света и жизни". Упоминание о продолжительности болезни очень редко встречается в этих эпитафиях. Тоска по отцу прекрасно выражена в последней фразе.

В следующем примере указана лишь консульская дата, 249 г. н. э., и заверение, что покойный спит, DORMIT - ярко выраженный христианский синоним смерти. В 268 году н. э.

встречается фрагмент, на котором с трудом можно расшифровать надпись родителей "их достойному сыну, который прожил двенадцать лет и одиннадцать месяцев". Главный интерес представляет последняя строка: VIBAS INTER SANCTIS (*sic*) IHA - "Да живешь ты среди святых".

Значение последних трех букв неизвестно. Их интерпретировали как означающие *in pace* или *et have*; но последняя редко, если вообще когда-либо, встречается в христианской эпиграфике. Д-р Маккол гениально предположил, что последнее слово означает *sanctissimas*, или "самые святые", а H - это плохо отрезанная M. Это естественное восклицание скорбящих друзей, примеры которого мы еще встретим, конечно, не является признаком более поздней римской практики молитв за мертвых или заступничества святых. На этой плите также находятся первые известные примеры голубя, оливковой ветви и вазы.

Следующая датированная надпись, относящаяся к 269 году н. э., имеет очень варварский характер - латинские слова греческими буквами, не выгравированные, а просто нарисованные на плите. Очевидно, что она, как показывает ее убогая грамматика и орфография, является продуктом крайнего невежества. Нужно обладать сильной догматической предрасположенностью, чтобы обнаружить в ее бессвязном языке какой-либо смысл, помимо подтверждения святости характера усопшего. После указания даты она гласит следующее: ΛΕΥΚΕΣ - ΦΙΛΕΙΕ ΣΕΒΗΡΕ - ΚΑΡΕΣΣΕΜΕ - ΠΟΣΟΥΕΤΕ - ΕΔ - ΕΙΣΠΕΙΡΕΙΤΩ - ΚΑΝΚΤΩ - ΤΟΥΩ - Read, *Leuces filiæ Severæ carissimæ posuit et spiritui sancto tuo*, - "Leuces воздвигла этот (памятник) своей очень дорогой дочери и твоему (*sic*) святому духу."

Больше ничего доктринального не происходит до 291 года, когда мы находим следующий варварский пример. Грамматика и орфография отвратительны, а разделение слов совершенно произвольно: EX VIRGINEO TVO BENE MECO VIXISTI LIB ENIC ONIVGA INNOCENTISSE MACERVONIA SILVANA REFRIGERA CVM SPIRITA SANCTA. Читать, *Ex virginio tuo bene tecum vixisti libens in conjuga innocentissima Macervonia Silvana. Refrigerera cum spiritis sanctis* - "Мацервония Сильвана, ты хорошо жила со мной с самого девичества твоего, радуясь невиннейшему браку. Освежись среди святых духов".

Никакое искреннее толкование не может обнаружить в заключительном восклицании ничего, кроме естественного выражения желания счастья усопшего среди освященных.

Таким образом, ни в одной из надписей первых трех веков - эпохи чистоты веры - нет ничего, что могло бы хоть в малейшей степени подтвердить предположения римских спорщиков о древности римских догм. Также нет никаких указаний на эти догмы до второй половины четвертого века, как станет ясно из краткого рассмотрения основных надписей, имеющих хоть какое-то отношение к доктрине до этого периода. В 302 году н. э. мы находим следующую прекрасную надпись о супружеской и сыновней привязанности, которая, однако, свидетельствует лишь о высоком христианском характере покойного: DOMINO PATRI PISSIMO AC DVLCISSIMO SECVNDO VXOR ET FILII PRO PIETATE POSVERVNT - "Высокочитимому, самому благочестивому и очень милому отцу Секундусу. Его жена и сыновья в знак своего почтения установили эту плиту".

В 310 году н. э. в эпитафии юноши двадцати двух лет мы находим красивый эвфемизм для обозначения смерти: ACCERSITVS AB ANGELIS - "Вызванный (буквально, посланный за) ангелами". Здесь нет доктрины чистилища. Душа христианина, подобно Лазарю, переносится ангелами на лоно Авраама, а не, подобно Дивею, в мучительное пламя, хотя и призвана чистилищем в дополнение к делу Христа. В 329 году н. э. встречается еще более благородное выражение: NATVS EST LAVRENTIVS IN ETERNVM ANN XX - DORMIT IN PACE - "Лаврентий родился в вечность на двадцатом году своего возраста. Он спит спокойно".

Иногда слово *natus* относится к новому рождению - духовному возрождению и принятию в церковь через обряд крещения. Так, в примере, датированном 338 г. н. э., говорится, что юноша двадцати четырех лет родился и умер в один и тот же год, хотя и с интервалом в несколько месяцев. В 377 году н. э. мы находим выражение COELESTI RENATVS AQVA - "Рожденный заново от небесной воды".

В 335 году н. э. восхваляется целомудренный и скромный характер христианской матроны, без какого-либо намека на римское представление о высших достоинствах девственности, следующим образом:

B - M - CVBICVLVM - AVRELIAE - MARTINAE - CASTISSIMAE - ADQVE. PVDICISSIMAE - FEMINAE - QVI - FECIT - IN - CONIVGIO - ANN - XXIII - D - XIII - "Одному достойному. Спальное место Аурелии Мартины, целомудренной и скромной женщины, прожившей в браке двадцать три года и четырнадцать дней".

Первобытные христиане не сомневались в скором счастье тех, кто умер в вере. Они не могли допустить кощунственной мысли, что искупительной крови Христа недостаточно, чтобы смыть их вину, и что поэтому они обречены на каторжные костры,

Пока преступления, совершенные в дни их жизни.
Были сожжены и очищены.

Все выражения, применяемые к смерти праведников, указывают на уверенность в мире и счастье их духов. Так, в дополнение к уже приведенным примерам, мы имеем: A. D. 339, BENE QVESQVENTI (*sic*) IN PACE - "Покойся с миром"; A. D. 339, IN PACE DECESSIT, A. D. 349 и A. D. 360, IBIT и EXIBIT IN PACE - "Отошел с миром"; A. D. 348, REQVIEVIT - "Вошел в покой"; A. D. 353, PAVSABIT - "Упокоится"; A. D. 355, QVIESCIT - "Он покоится", не REQVIESCAT - "Пусть покоится", как пишут романисты, но радостная уверенность в нынешнем покое в мире Божиим; A. D. 359, IVIT AD DEVM - "Он отошел к Богу"; A. D. 363, SEMPER QVIESCIS SECVRA - "Ты почиваешь вечно, свободная от забот"; A. D. 368, QVIENCIS (*sic*) IN PACE CONIVX INCOMPARABILIS - "Ты почиваешь в мире, несравненная жена"; A. 369 г., VOCITVS (*sic*) IIT IN PACE - "Отозванный, он ушел с миром"; в 380 г. мы находим AETERNA REQVIES FELICITATIS - "Вечный покой счастья". Христиане, как утверждается в следующей фразе, скорбели не так, как люди, лишенные надежды: IVLIAE INNOCENTISSIMAE ET DVLCISSIMAE, MATER SVA SPERANS - "Милейшей и невинной Юлии, ее матери, надеющейся". Любимые были "не потеряны, но ушли прежде": PRAECESSIT NOS IN PACE - "Он ушел прежде нас с миром"; ΠΡΟΑΠΕΛΘΩΝ ΤΟΥ ΚΑΘ ΗΜΑΣ ΒΙΟΥ - "Уйдя прежде из нашей жизни". Иногда тело, по-видимому, рассматривается как оковы и путы для души, привязывающие ее к земле, как, например, в следующем: ABSOLVTVS DE CORPORE - "Освободился от тела"; CORPOREOS RVMPENS NEXVS GAVDET IN ASTRIS - "Разорвав узы тела, он радуется звездам", то есть небу.

Полностью надписи, из которых приведены выдержки, можно найти в "Христианских надписях" Де Росси под соответствующими датами.

Следующая, датированная 381 г. н. э., поднимается до более высоких поэтических высот, хотя и игнорирует метрические деления, которые в копии обозначены параллелями:

THEODORA QVAE VIXIT ANNOS XXI M. VII D. XXIII IN PACE.... AMPLIFICAM SEQVITVR VITAM DVM
CASTA AFRODITE || FECIT AD ASTRA VIAM CHRISTI MODO GAVDET IN AVLA || RESTITIT HAEC
MVNDO SEMPER CAELESTIA QVAERENS || OPTIMA SERVATRIX LEGIS FIDEIQVE MAGISTRA || DEDIT
EGREGIAM SANCTIS PER SECVLA MENTEM || INDE EXIMIOS PARADISI REGNAT ODORES ||
TEMPORE CONTINVO VERNANT VBI GRAMINA RIVIS || EXPECTATQVE DEVM SVPERAS QVO

SVRGAT AD AVRAS || HOC POSVIT CORPVS TVMVLO MORTALIA LINQVENS || FVNDAVITQVE
LOCVM CONIVNX EVACRIVS INSTANS.

Феодора, прожившая двадцать один год, семь месяцев и двадцать три дня. В мире. Ведя возвышенный образ жизни, целомудренная Венера, она устремилась к звездам. Теперь она радуется во дворе Христа. Она сопротивлялась миру, всегда следуя за небесными вещами. Благочестивая блюстительница закона и госпожа чести, она, находясь в этом мире, прилагала выдающийся ум к святым вещам. Поэтому она царствует (среди) прекрасных ароматов рая, где трава вечно зеленеет у небесных потоков,^[700] и ожидает Бога, чтобы подняться на верхний воздух. Она положила свое тело в эту гробницу, оставив смертные вещи, и Эвакий, ее муж, построил памятник, руководя работой.

Первой надписью, благоприятствующей римской доктрине, является следующий варварский пример (380 г. н. э.).

HIC QUIESCIT ANCILLA DEI OVEDE
SVA OMNIA PEPENDIT DOMVM ISTA
QVVM AMICI DEFLENT SOLACIVM Q. REQVIRVNT
PRO HVNC VNVM ORA SVBOLEM QVEM SVPERIS
TITEM REQVESTI ETERNA REQVIEM FELICITAS CAVSA MANEBIS.

Читайте: *Hic quiescit ancilla Dei quæ de suis omnibus pependit domum istam, quam amicæ deflent solaciumque requirunt. Pro hac una ora subole quam superstitem reliquisti. Eterna requie felicitatis causa manebis.*

Здесь покоится служанка Божия^[701], которая из всех своих богатств владеет только этим единственным домом: ее друзья оплакивают ее и ищут утешения. Молись за это единственное дитя Твое, которое Ты оставила. Ты будешь пребывать в вечном покое счастья.

Тоскливая мольба осиротевшего сердца о молитвах ушедшей матери, однако, является слабым основанием для римской практики обращения к святым.

До этой даты мы не нашли ни малейших признаков римской доктрины; и если эти доктрины передавались, как утверждают их защитники, с самых ранних веков, то невероятно, чтобы они не оставили следов в датированных надписях на протяжении почти четырех столетий. После этого времени, правда, изредка встречаются эпитафии, которые, будучи истолкованными в соответствии с канонами теологической критики, содержат чувства, не оправданные Писанием; но это может быть результатом небрежности выражения или разложения доктрины, уже имевшего место в церкви.

Если те надписи, которые явно поддерживают ромейские догмы и дата которых нам известна, относятся к позднему периоду, мы можем предположить, что те надписи аналогичного характера, которые не имеют даты, имеют тот же относительный возраст и, следовательно, не имеют ценности как доказательство древности таких догм. Доктор Норткот признает этот факт, но возражает против этого вывода как основанного на отрицательных доказательствах; , однако он сам использует ту же линию аргументации относительно отсутствия воинского звания у первохристиан. Но мы не остаемся в стороне от негативных доказательств. У нас есть самые убедительные свидетельства положительного характера, которые мы рассмотрим далее, показывающие, что даже в пятом и шестом веках

огромная часть надписей носит в высшей степени евангельский характер и полностью противоречит самым заветным доктринам Римской церкви.

Взгляд христианина на смерть всегда, в отличие от угрюмой покорности или пустого отчаяния язычества, полон бодрости и надежды. Ее суровый фронт завуалирован под самыми мягкими синонимами. Могила рассматривалась лишь как временное пристанище тела, в то время как освобожденный дух считался уже радующимся в присутствии Бога в более широком дне, и более ярком свете, и более справедливых полях, чем земные. Следующие примеры проиллюстрируют благочестивую ортодоксальность этих раннехристианских эпитафий.

ABIIT ETHERIAM CVPIENS CAELI CONSCENDERE LVCEM. (383 Г. Н.Э.).

Она ушла, желая вознестись к бесплотному свету небес.

LIMINA MORTIS ADIIT
EVTVCHIVS SAPIENS PIVS ADQ BENIGNVS
IN CHRISTVM CREDENS PREMIA LVCIS ABET. (393 г. н. э.

Евтухий, мудрый, благочестивый и добрый, веруя во Христа, вошел в порталы смерти, (и) имеет награды света (небесного).

DVLCIS ET INNOCES (*sic*) HIC DORMIT SEVERIANVS SOMNO PACIS...
CVIVS SPIRITVS IN LVCE DOMINI SVSCEPTVS EST. (A. D. 393.)

Здесь спит сном покоя милый и невинный Севериан, чей дух принят в свет Господень.

HIC IACET VRBICA SVABIS (*sic*) SEMPERQ. PVDICA
VIXIT VERBORVM VERA LOQVUTA (*sic*) IN SEMPITERNALE
AEVVM QVIESCIT SECVRA. (A. D. 397.)

Здесь лежит Урбика, приятная и всегда скромная. Она жила как оратор правды. Она покоится без забот в течение бесконечного времени.

NEC REOR HVNC LACRIMIS FAS SIT DEFLERE
CORPORIS EXTVS VINCLIS QVI GAVDET IN ASTRIS
NEC MALA TERRENI SENTIT CONTAGIA SENSVS. (A. D. 399.)

Я также не считаю правильным оплакивать со слезами того, кто, освободившись от оков тела, радуется среди звезд и не чувствует злой заразы земного чувства.

ПАВСАБЕТ (*sic*) ПРАЭТИОСА АННОРВМ
PVLLA (*sic*) VIRGO XII. TANTVM ANCILLA DEI ET XPI.

Претиоза ушла на покой, дева двенадцати лет от роду, служанка Бога и Христа. (401 Г. Н. Э.).

NON TAMEN HAEC TRISTES HABITAT POST LIMINA SEDES
PROXIMA SED CHRISTO SIDERA CELSA TENET. (A. D. 406.)

Тем не менее она занимает не скорбные места за порогом, но обитает на возвышенных звездах, рядом с Христом.

HIC REQUIESCET (*sic*) IN SOMNO PACIS MALA....
ACCEPTA APVT (*sic*) DEVM. (A. D. 432.)

Здесь покоится в сонме мира Мала... Принята в присутствие Божие.

REDDITVR HAEC MERITIS QUAE SINE FINE MANET.

Эта (жизнь) без конца, которая остается, дарована за его благочестивую пустыню".

В следующей эпитафии, датируемой 472 годом н. э., усопший представлен утешающим оставшихся в живых мыслью о блаженстве блаженных:

LEVITAE CONIVNX PETRONIA FORMA PVDORIS
HIS MEA DEPONENS SEDIBVS OSSA LOCO
PARCITE VOS LACRIMIS DVLCE CVM CONIVGE NATAE
VIVENTEMQVE DEO CREDITE FLERE NEFAS.

Я, Петрония, жена диакона, образец скромности, положила свои кости в этом месте упокоения. Воздержитесь от слез, мои милые дочери и мужья, и верьте, что запрещено плакать о том, кто живет в Боге".

Первые христиане признавали себя странниками и пилигримами на земле и желали лучшей страны, даже небесной. Они чувствовали, что, говоря языком Киприана, истинное Отечество души находится на небесах. Это чувство выражено следующим образом в эпитафии на сайте , датируемой 493 г. н. э.: MIGRAVIT DE HOC SAECVLO - "Он переселился из этого мира". Аналогичная идея содержится и в следующем: FELIX VITA FVIT FELIX ET TRANSITVS IPSE- "Счастлива была жизнь, счастлива и смерть", буквально "транзит"; HIC REQUIESCIT ... QUAE A DEO INTER EXORDIA VIVENDI DE HAC LVCE SVBLATA EST VT IN MELIORE LVMINE VIVERE MERERETVR- "Здесь покоится которая была отнята Богом в самом начале жизни от света земного, чтобы быть достойной жить в более славном свете (небесном)".

Далее следует яркий протест против языческих представлений о будущем состоянии.

SI MENTIS VIRTVS LVCISQVE SERENIOR VSVS
DEFVNCTO IN XPO REVENIT NON TARTARA SENTIT
CYMERIOSQVE LACOS MERITIS POST FATA SVPERSTES
FVNTERIS ET LEGEM PERIMENS TERRAEQVE SEPVLCRIS
ASTRA TENET NESCIQVE MORI SIC LVCE RELICTA.

Поскольку бодрость духа и более безмятежное наслаждение светом возвращаются к умершим во Христе, она не чувствует (мук) Тартара и киммерийских озер, своими заслугами выживая после смерти и разрушая тот закон могилы, (который) наложен на земные гробы, она занимает звезды и не знает смерти, покинув таким образом свет.

Мы также находим такие выражения, как: DEPOSTVS (*sic*) IN PACE FIDEI CATHOLICE, (*sic*) - "Погребенный в мире католической веры", 462 г. н. э.; HIC. REQ. IN PACE DEVS, (*sic*)-"Здесь покоится в мире Божиим", 500 г. н. э.; IN PACE ECCLESIAE-"В мире церкви", 523 г. н. э.; IN PACE ET BENEDICTIONE-"В мире и благословении"; SEMPER FIDELIS MANEBIT APVD DEVM-

"Вечно верный, он пребудет с Богом", (*circ.* 590); FATVM FECIT-"Она исполнила свою судьбу";[702] REDDIDI NVNC DIVO RERVN DEBITVM COMMVNE OMNIBVS-"Я отдал сейчас Господу Вселенной долг, общий для всех", A. D. 483; ZOTICVS HIC AD DORMIENDVM-"Зотик здесь лег спать"; DORMITIO ELPIDIS-"Спальное место Эльпиды";. DORMIVIT ET REQUIESCIT-"Он спал и покоится"; DORMIT SED VIVIT-"Он спит, но живет"; QUIESCIT IN DOMINO IESV-"Он покоится в Господе Иисусе"; IVIT AD DEVM-"Он отошел к Богу"; EVOCATVS A DOMINO-"Призванный Богом"; ACCEPTA APVD DEVM-"Принятый Богом"; ΕΤΕΛΕΙΩΘΗ-"Он закончил свою жизнь"; ΕΚΟΙΜΗΘΗ-"Он уснул"; DAMALIS HIC SIC - V - D- "Здесь лежит Дамалис, ибо так угодно Богу."

Многие из этих недатированных надписей полны христианской мысли и дышат уверенностью в счастье усопших, как, например, следующая из Латеранского музея:

MACVS PVER INNOCENS

ESSE IAM INTER INNOCENTES COEPISTI

QVAM STAVILIS TIBI HAEC VITA EST

QVAM TE LAETVM EXCIPET MATER ECCLESIA

MVNDQ REVERTENTEM COMPREMATVR PECTORVM

GEMITVS STRVATVR FLETVS OCVLORVM.

Макус, невинный мальчик, ты уже начал быть среди невинных. Как уверен ты в своей нынешней жизни. С какой радостью мать твоя, Церковь, (на небесах) приняла возвращение из этого мира. Пусть утихнет стон этого лона, пусть высохнут эти плачущие глаза.[703]

Сходный характер носят и следующие: SALONICE ISPIRITVS TVVS IN BONIS - "Салоник, дух твой среди добрых"; REFRIGERAS SPIRITVS TVVS IN BONIS - "Ты освежаешь дух свой среди добрых"; ΠΡΩΤΟΣ ΕΝ ΑΓΙΩ ΠΝΕΥΜΑΤΙ ΘΕΟΥ ΕΝΘΑΔΕ ΚΕΙΤΑΙ-"Здесь в Святом Духе Божьем лежит Прот"; CORPVS HABET TELLVS ANIMAM CAELESTIA REGNA-"Земля имеет тело, небесные сферы - душу"; ΓΛΥΚΕΡΟΝ ΦΑΟC ΟΥ ΚΑΤΕΔΕΨΑΣ (*sic*) ΕΞΗΕΞ ΓΑΡ ΜΕΤΑ ΟΥ ΠΑΝΑΘΑΝΑΤΟΝ-"Ты не покинул сладкого света, ибо с тобой был Тот, Кто не знает смерти", буквально, "всепобеждающий"; AGAPE VIBIS IN ETERNVM - "Агапе, ты живешь вечно"; DORMIT ET VIVIT IN PACE ΧΟ, (*sic*)-"Спит и живет в мире Христовом"; MENS NESCIA MORTIS VIVIT ET ASPECTV FRVITVR BENE CONSCIA CHRISTI-"Душа живет, не зная смерти, и сознательно радуется в видении Христа"; PRIMA VIVIS IN GLORIA DEI ET IN PACE DOMINI NOSTRI ΧΡ.- "Прима, ты живешь во славе Божией и в мире Христа, Господа нашего".[704]

Славная доктрина воскресения, которая является особенной характеристикой нашей святой религии, отличающейся от всех верований древности, была повсеместно зафиксирована в катакомбах. Она символизировалась в постоянно повторяющихся изображениях истории об Ионе и воскрешении Лазаря, а также решительно утверждалась в многочисленных надписях. Когда первые христиане опускали останки усопших святых в их последний покой, священные слова Евангелия "Я есмь воскресение и жизнь", должно быть, со странной силой разносились эхом по длинным коридорам этого безмолвного города мертвых и наполняли сердца верующих, хотя и окруженных свидетельствами их смертности, ликующим трепетом победы над смертью и могилой. Это было вознаграждением за все их страдания. Этого их не могла лишить даже злобная изобретательность гонений. Пусть даже тело будет уничтожено, а прах развеян по водам или посеян блуждающими ветрами, все равно, все равно Господь знает, кто Его, и хранит прах Своих избранных. Тертуллиан высмеивает язычников за то,

что они верят в доктрину метемпсихоза и отвергают доктрину воскресения.[\[705\]](#) "Не дай Бог оставить на вечную погибель, - восклицает он, - труд своих рук, заботу своих мыслей, вместилище своего Духа!"[\[706\]](#)

Надежда на воскресение часто выражается с особой силой, как в следующих примерах:

HIC REQUIESCIT CARO MEA NOVISSIMO VERO DIE

PER XPM CREDO RESVSCITABITVR A MORTVIS. (A. D. 544.)

Здесь покоится моя плоть; но в последний день, через Христа, я верю, что она будет воскрешена из мертвых.

RELICTIS TVIS IACES IN PACE SOPORE

MERITA RESVRGES TEMPORALIS TIBI DATA REQUIETIO.

Ты, достойный, оставив свои (отношения), спи спокойно - ты воскреснешь - тебе дарован временный покой.

В эпитафии 449 года мы читаем: RECEPTA CAELO MERUIT OCCVRRERE XPO AD RESVRECTIONEM PRAEMIVM AETERNVM SVSCIPERE DIGNA - "Принятая на небо, она заслужила встречу с Христом при воскресении, достойная получить вечную награду". В следующем примере из катакомб Неаполя христианская уверенность перенимает возвышенный язык Иова:

CREDO QVIA REDEMPTOR MEVS BIBIT (*sic*) ET NOBISSIMO DIE

DE TERRA SVSCITABIT ME IN CARNE MEA VIDEBO DOM.

Верую, потому что жив Искупитель мой и в последний день поднимет меня от земли, чтобы во плоти моей я увидел Господа".

Более кратко эта кардинальная доктрина утверждается в следующем: IVSTVS CVM SCIS XPO MEDIANTE RESVRGET - "Юстус, который воскреснет со святыми через Христа". HIC IN PACE REQUIESCIT LAVRENTIA QVAE CREDIDIT RESVRECTIONEM - "Здесь покоится с миром Лаврентий, который верил в воскресение".[\[707\]](#)

Первобытные христиане, похоже, отвергали саму идею смерти. "*Non mortua sed data somno*", - поет Пруденций, перефразируя слова Господа, - "Она не мертва, но спит".[\[708\]](#) Поэтому катакомбы назывались *coemeterium*,[\[709\]](#) или место для сна, а погребальный склеп - *cubiculum*, или спальная камера. Мертвые не были "погребены", как показывают языческие выражения *conditus*, *compositus*, *situs*; но *depositus*, "положены" в свои скромные постели, пока не наступит вечное утро, и труба ангела не разбудит их; переданы как драгоценное упование на нежное хранение матери-земле, и "лежат в ожидании воскресения".[\[710\]](#) Святые "уснули" в Иисусе, и в утро бракосочетания души они должны проснуться с Его подобием и быть удовлетворенными. Первобытные христиане верили, что сила, вызвавшая Лазаря из гроба, может вновь пробудить к жизни дремлющие миллионы людей в этой долине сухих костей, гораздо более великой, чем в видении Иезекииля, пока они не встанут на ноги, как великое войско.

Но этот сон был сном только тела, а не души. Древние христиане, как мы видели, были уверены в немедленном счастье тех, кто умер в вере. Они верили, что, отсутствуя в теле, они присутствуют с Господом; что как только они переходят от земной смерти, они вступают в неугасающую жизнь и неувядающее блаженство небес. Хотя их окружали тлеющие тела

святых во Христе, взор веры видел их прославленные духи, увенчанные звездами и увенчанные пальмами, среди белоснежных одеяний перед престолом Божиим. Они не допускали и мысли о долгом и тоскливом периоде забвения, о чистилищных огнях, прежде чем душа сможет войти в радость и покой.

Возвышенные размышления, которыми Киприан завершает свой трактат *De Mortalitate*, благородно выражают великие утешительные мысли, которые поддерживали первобытных христиан и поддерживают святых Божьих во все века. "Мы всего лишь пилигримы и странники здесь, внизу, - восклицает он, - так давайте же приветствовать день, который подарит нам радости небес. Какой изгнанник не тоскует по родной земле? Наша истинная родина - это рай. Там нас ожидает большая и любящая компания. О блаженство тех небесных сфер, куда не проникает страх смерти! Там нас ожидает славный хор апостолов, ликующая компания пророков, бесчисленное воинство мучеников. Давайте с нетерпением поспешим к ним. Будем стремиться поскорее оказаться с ними, чтобы скорее оказаться с Христом".

Какой разительный контраст с этими святыми надеждами представляет собой пустота и отчаяние язычников в отношении будущего. По сравнению с этой уверенностью в блаженном бессмертии как холоден и безрадостен их теневой элизиум, их бесплотные видения мира духов; как ужасны мрачное Ахеронтское озеро, темный поток Леты, Стикс и огненный Флегетон. Эти грубые надписи ранних христиан - как отблеск небесного солнца в безрадостную эпоху. Их возвышенная надежда, устремленная за пределы этого мира и возлагающая руки веры на вечные истины грядущего мира, более возвышенна, чем нетленная слава классических мудрецов или хвастливое бахвальство римского поэта о земном бессмертии - *Non omnis moriar*.

Даже высокая философия Греции и благородный стоицизм римского разума не приносят утешения душе, оказавшейся лицом к лицу с торжественной тайной смерти. Вынужденная и угрюмая покорность неизбежному - вот все, чему они могут научить. Они не проливают света на мир за могилой, *DOMVS AETERNA* - "Вечный дом",^[711] и *SOMNO AETERNALI* - "В вечном сне" - написаны на их могилах, часто сопровождаемые перевернутым факелом, эмблемой отчаяния. Для них смерть - это неразрешимая и неразрешимая проблема. Их самые возвышенные рассуждения не имеют авторитета, чтобы удовлетворить разум. Только Евангелие Христа рассеивает ужасные тени могилы, сажает цветок надежды в самом пепле могилы, проливает свет на жизнь и бессмертие; оно утоляет душевный голод человечества и отвечает на тоскливый крик человеческого сердца.

Даже вдумчивый ум Плиния не мог извлечь утешения из различных теорий относительно будущего состояния, а смотрел на аннигиляцию как на всеобщую гибель. "Всем, - говорит он, - с последнего дня жизни выпадает тот же жребий, что и до первого; и после смерти нет больше сознания, чем было до рождения".^[712] О мудром и добром Агриколе философ Тацит мог сказать только с недоверчивым вздохом: "Несомненно, если есть место для ушедших духов праведников, если великие души не погибают вместе с телом, то ты спокойно почиваешь".^[713] "В то, что маны существуют", - говорит Ювенал, - "или в то, что существует неземной мир, не верят даже мальчики, разве что те, кто еще в яслях".^[714] Угрюмо покоряясь судьбе, язычник смиряется с неизбежной гибелью. После того как имя вышло из роковой урны, он навсегда покидает свой лес, свою виллу, свой приятный дом и вступает на кору, которая должна нести его в вечное изгнание.^[715] Мудрейшие мудрецы могут лишь раздуть угли своих надежд до мерцающего пламени и воскликнуть: "Ха! Мы увидели огонь".

Ниже приведены примеры меланхолии и отчаяния, которыми часто дышат языческие эпиграфы:

PRAEVENERE DIEM VITAE CRVDELIA FATA

ET RAPTAM INFERNA ME POSVERE RATE

НОС ЛЕКТО ЕЛОГИО ИВВЕНИС МИСЕРЕРЕ IACENTIS

ET DIC DISCEDENS SIT TIBI TERRA LEVIS.

Жестокие судьбы предвосхитили срок жизни и поместили меня, похищенного, в адскую кору. Прочитав эту элегию, пожалейте падшего юношу и скажите, уходя: "Да будет земля светла для тебя".

INFANTI DVLCISSIMO QVEM DII IRATI AETERNO SOMNO DEDERVNT- "Очень милому ребенку, которого разгневанные боги предали вечному сну". SVSCIPE NVNC CONIVNX SI QVIS POST FVNERA SENSVS DEBITA MANIBVS OFFICIA-"Прими теперь, о муж, если после смерти есть хоть какое-то сознание, обряды, причитающиеся ушедшим духам." Таким образом выражается безнадежная разлука с умирающей женой: CARE MARITE MIHI DVLCISSIMA NATA VALETE - "О муж, дорогой для меня, и дорогая дочь, прощай". Или более кратко: AVE ATQVE VALE - "Радуйся и прощай".

Иногда унылый взгляд на жизнь напоминает горький опыт древнееврейского моралиста: "Суета сует, все суета!" Один из таких примеров гласит:

DECIPIMVR VOTIS ET TEMPORE FALLIMVR ET MORS

DERIDET CVRAS ANXIA VITA NIHIL.

Нас обманывают наши клятвы, вводит в заблуждение время, а смерть насмехается над нашими заботами; тревожная жизнь - ничто.

Сходный характер имеет и следующее высказывание, напоминающее жалобу Иова: "Он распускается, как цветок, и его срубают". VIVE LAETVS QVICVNQVE VIVIS VITA PARVVM MVNVS EST MOX EXORTA EST SENSIM VIGESCIT DEINDE SENSIM DEFICIT - "Живи радостно, кто бы ты ни был, кто бы ни жил. Жизнь - это маленький дар. Едва зародившись, она незаметно расцветает, а затем незаметно угасает". Следующий пример поражает своей мизантропией: ANIMAL INGRATIVS HOMINE NVLLVM EST - "Нет более неблагодарного животного, чем человек". Вдохновенная апофегма "Мы ничего не принесли в этот мир и, несомненно, ничего не сможем вынести" иллюстрируется следующим: EX OMNIBVS BONIS SVIS НОС SIBI SVMPSERVNT-"Из всех своих богатств они обладают только этой могилой". Мы также находим выражение: MATER GENVIT ME MATER RECIPIT - "Мать (земля) питала меня, она снова принимает меня", аналогичное заявлению Писания: "Прах ты, и в прах возвратишься". Спон приводит также следующий пример: VIXI VT VIVIS MORIERIS VT SVM MORTVVS - "Я жил, как живешь ты, ты умрешь, как умер я". Иногда предлагается холодное утешение, что другие также являются объектами скорби и смерти, например, DOLOR TALIS NON TIBI CONTIGIT VNI - "Такое горе касается не тебя одного"; NEC TIBI NEC NOBIS AETERNVM VIVERE CESSIT - "Ни тебе, ни нам не дано жить вечно". Аналогична этому и христианская надпись: ΕΥΨΥΧΕΙ ΣΕΚΟΥΝΔΕ ΟΥΔΕΙΣ ΑΘΑΝΟΤΟΣ - "Будь весел, Секундус; никто не бессмертен".

Более болезненным, чем мрачный стоицизм многих языческих надписей, является легкий эпикурейский тон, который часто встречается, как в следующем примере, где жизнь сравнивается с пьесой:

VIXI - DVM - VIXI - BENE - IAM - MEA
PERACTA - MOX - VESTRA - AGETVR
FABVLA - VALETE - ET - PLAVDITE -

Пока я жил, я жил хорошо. Моя пьеса закончилась, скоро закончится и ваша. Прощайте и аплодируйте мне.[\[716\]](#)

В следующем примере настроение еще более анакреонтическое. Он дышит истинным языческим духом: *Carpe diem* - "Пользуйся днем. Срывай каждый цветок удовольствия, когда проходишь мимо. Выдавите весь нектар жизни в один неистовый глоток и выпейте его до дна. Давайте есть и пить, ведь завтра мы умрем". Даже в торжественном присутствии смерти душа, не омраченная страшной тенью будущего, с сожалением обращается к исчезнувшим земным удовольствиям и находит единственное утешение в мысли об их наслаждении.

D - M - TI : CLAVDI - SECVNDI
HIC - SECVM - HABET - OMNIA
BALNEA - VINVM - VENVS - CORRVM PVNT - CORPORA
NOSTRA - SED - VITAM - FACIVNT B - V - V - V -

К божественным манам Тиберия Клавдия Секунда. Здесь он наслаждается всем. Бани, вино и похоть разрушают наши конституции, но именно они делают жизнь такой, какая она есть. Прощай, прощай.[\[717\]](#)

Следующая фраза выражает самую суть грубой чувственности: QVOD EDI ET BIBI MECVM HABEO QVOD RELIQVI PERDIDI - "То, что я ел и пил, у меня с собой; то, что я оставил, я потерял". Сравните моральную противоположность чувства, выраженного Джоном Уэсли: "То, что я отдал, у меня осталось; то, что я сохранил, я потерял".

Нередко языческие эпитафии содержат вспышку презрения или пренебрежения к несправедливым богам, которые сидят на крыше и потешаются над человеческим горем, как видно из следующих примеров:

PROCOPE - MANVS - LEBO - CONTRA - DEVM
QVI - ME - INNOCENTEM - SVSTVLIT.

Я, Прокоп, поднимаю руки против бога, который отнял у меня невинность.

В эпитафии в Лapidарной галерее убитая горем мать в горечи своей души восклицает:

ATROX O FORTVNA TRVCI QVAE FVNERE GAVDES
QVID MIHI TAM SVBITO MAXIMVS ERIPITVR
QVI MODO IVCVNDVS GREMIO SVPERESSE SOLEBAT
HIC LAPIS IN TVMVLO NVNC IACET ECCE MATER.

О неумолимая Фортуна, радующая жестокой смертью!
Почему Максимус так внезапно похищен у меня?
Тот, кто недавно был радостен в моем лоне,
Этот камень теперь отмечает его гробницу, - Поддержите его мать.

Сравните также следующее: INVIDA LIBITINA FILIIS ABSTVLIT PATREM - "Завистливая Либитина отняла отца у его детей"; VICTA EST IVSTICIA NON AEQVO IVDICE FATO - "Справедливость побеждена несправедливым судьей, судьбой";. DIIS INIQVIS ANIMVLAM TVAM RAPVERVNT - "Несправедливым богам, (которые) похитили душу твою".

Но святые учения христианства открыли измученным и отягощенным душам людей, страдающим от чувства сиротства, любящее Отцовство Бога,^[718] и породили дух кротости и смирения, совершенно чуждый языческому разуму. Патетический интерес, как иллюстрация этого факта, представляет христианский фрагмент, датируемый ок. 600 г. н. э., на котором до сих пор можно прочесть надпись

QVI - DEDIT - ET - ABSTVLIT
.... OMINI - BENEDIC

Знакомые слова наводят на нетленную мысль, которая во все века служила источником утешения для скорбящих. "Как голос из могил, - говорит доктор Мейтланд, - прерываемый рыданиями, но отчетливо слышимый, доносятся до слуха эти слова: "Давший и взявший - благословенно [имя] Господа"".

Изредка мы находим языческие надписи, дышащие ощущением духовного существования и надеждой на будущую жизнь.^[719] Тоска человеческого сердца, которое

жаждет прикосновения исчезнувшей руки
и звука голоса, который затих,

и жажда души по общению с дорогими усопшими в любовном поединке на безмолвной земле патетически выражены в следующей молитве Furia Spes: PETO VOS MANES SANCTISSIMAE (sic) ... MEVM CONIVGEM HORIS NOCTVRNIS VT VIDEAM ET ETIAM VT EGO DVLCIVS ET CELERIVS APVD EVM PERVENIRE POSSIM- "Молю вас, святейшие духи, чтобы я могла видеть своего мужа в полуночные часы; а также чтобы я могла более сладко и быстро идти к нему".

Однако более распространено чувство безнадежной разлуки, выражаемое частым причитанием: VALE VALE LONGVM VALE - "Прощай, прощай, долгое прощание" или, что еще печальнее, VALE AETERNVM - "Прощай навсегда".

В катакомбах часто встречаются примеры обращений к усопшим, выражающие пожелание им счастья и покоя. Эти аккламации цитируются романистскими писателями как свидетельство веры в доктрину чистилища и действенности молитв за умерших. Важность этого вопроса оправдывает его тщательное изучение. Многие из примеров, приводимых римскими спорщиками, вовсе не являются предикативными, а просто декларативными.^[720] Но есть и другие, в которых выражение принимает отчетливо оптативную форму. Некоторые из них могут быть сравнительно поздними, как *граффити* или надписи паломников возле более известных святынь, примеры которых мы видели в так называемом "папском склепе". Но другие, несомненно, являются частью оригинальных эпитафий. Например, мы находим такие выражения, как VIVAS - "Да будешь жить"; VIVAS IN DEO, $\text{ZH}\text{C EN OEO}$ - "Да будешь жить в Боге"; VIVAS IN ETERNVM - "Да будешь жить вечно"; ETERNA TIBI LVX - "Вечный свет тебе"; ESTOTE IN PACE - "Будь в мире"; VIVAS INTER SANCTOS - "Да живешь ты среди святых"; VIVAS IN

NOMINE ХТИ-"Да живешь ты, во имя Христа";"ZHCHC (*sic*) IN ΔΕΟ ΧΡΙΣΤΟ-"Да живешь ты в Боге Христе;" VIVAS IN DOMINO ZEZV-"Да живешь ты в Господе Иисусе;" VIVAS VINCAS-"Да живешь, да побеждаешь;" DORMITIO TVA INTER DICAЕIS, (ΔΙΚΑΙΟΙC)-"Да будет сон твой среди праведных;" DEVS TIBI REFRIGERET-SPIRITVM TVVM REFRIGERET-"Бог освежит тебя, освежит дух твой;" ΕΙΡΗΝΗ COI-"Мир тебе;" EN ΕΙΡΗΝΗ ΣΟΥ ΤΟ ΠΝΕΥΜΑ-"В мире да будет дух твой;" Ο ΘΕΟΣ ΑΝΑΠΑΥCΗ ΤΗΝ ΨΥΧΗΝ EN CΚΗΝΑΙC ΑΓΙΩΝ-"Дай Бог душе твоей покой в шатрах святых." Как видно, это не ходатайства за умерших, а просто апострофы, обращенные к ним, как видно из следующего: ΖΩΤΙΚΕ ΖΗCΑΙCEN (*sic*) ΚΥΡΙΩ ΘΑΡΡΙ, (*sic*) - "Зотикус, да живешь ты в Господе. Будь весел". Это были не более молитвы за души усопших, чем стих Байрона "Светлым будет место упокоения твоего".

Но пожелание иногда принимает форму молитвы о любимом человеке, как ΜΝΗCΘΗC ΙΗCΟΥC Ο ΚΥΡΙΟC ΤΕΚΝΟΝ ΕΜ...- "Помяни, Господи Иисусе, чадо наше"; ΔΕΟΥC ΧΡΙCΤΟΥC ΟΜΝΙΠΟΤΕC CΠΙΡΙΤ ... ΤΟΥ ΡΕΦ.ΙΓΕΡΕ IN ☩ , (латинский в греческом символов,)- "Да освежит Всемогуший Бог Христос дух твой во Христе". ΝΗΜΝΗΘΗ ΕΑΥΤΟΥ Ω ΘΕΟC ΙCΤΟΥC ΑΓΝΑC (*sic*)- "Помяни его, Боже, среди агнцев Твоих;" ΜΝΗCΘΗΤΙ ΚΥΡΙΕ ΤΗC ΚΟΙΜΗCΕΩC ΤΗC ΔΟΥΛΗC CΟΥ ΑΝΑΠΑΥCΟΝ ΤΗΝ ΨΥΧΗΝ ΤΟΥ ΔΟΥΛΟΥ CΟΥ EN ΤΟ ΦΩΤΙΝΩ EN ΤΩ ΑΝΑΨΥΞΕΩC ΕΙC ΚΟΛΠΟΝ ΑΒΡΑΜ,- "Помяни, Боже, сон раба Твоего; дай покой душе раба Твоего во свете, в обновлении на лоне Авраама:" DOMINE NE ADVMBRETVR SPIRITVS - "Господи, не дай (этой) душе погрузиться во тьму"; ΜΝΗCΘΗ ΑΥΤΟΥ Ο ΘΕΟC ΕΙC ΤΟΥC ΑΙΩΝΑC - "Пусть Бог помнит его вечно".[721]

Эти интенсивные выражения привязанности пылкой итальянской натуры[722], которая охотно последовала бы за любимым объектом - "хоть и потерянным для глаз, но дорогим для памяти" - за барьер могилы, несомненно, являются слабым фундаментом, на котором можно построить огромную систему наемных месс по умершим. И все же это единственные свидетельства, которые могут извлечь из этих христианских надписей первых шести веков увлеченные римские спорщики.[723] И, следует помнить, что эти надписи были не сформулированным и авторитетным вероучением, составленным учеными теологами, а необученными высказываниями скромных крестьян, многие из которых были недавно обращены из язычества или иудаизма, в религиях которых подобные выражения были обычной погребальной формулой. Приведенные примеры свидетельствуют о распространенности этой практики в языческой эпиграфике: AVE или HAVE VALE - "Приветствую, прощай"; DI TIBI BENEFACIANT - "Пусть боги будут добры к тебе"; OSSA TVA BENE QVIESCANT - "Пусть кости твои хорошо покоятся"; SIT TIBI TERRA LEVIS - "Пусть земля будет светла для тебя";" ΧΑΙΡΕ ΕΥΠΛΟΕΙ-ΕΥΔΡΟΜΕΙ-"Радуйся, благополучное плавание, благополучный путь;" ΕΥΨΥΧΕΙ ΚΥΡΙΑ ΚΑΙ ΔΩΗ CΟΙ ΟCΙΡΙC ΤΟ ΨΥΧΡΟΝ ΥΔΩΡ-"Будь весела, о госпожа, и тебе Осирис дает испить прохладной воды;"[724] EN ΜΥΡΟΙC CΟΙ ΤΕΚΝΟΝ Η ΨΥΧΗ-"В драгоценных запахах пребывает душа твоя, дитя мое;" ΗΙC ΜΑΝΕC PLACIDA ΝΟCΤΕ QVIESCANT ET SVPER IN NIDO MARATHONIA CANTET AEDON- "Здесь пусть отдыхают маны всю безмятежную ночь, а над тобой в своем гнезде пусть поет марафонский соловей;"BENE VALEAS MATER ROGAT TE VT ME AD TE RECIPIAS VALE- "Прощай, мать твоя молится, О возьми меня к себе, прощай."[725] В еврейских эпитафиях эти восклицания встречаются гораздо чаще, чем в христианских надписях. В качестве примера можно привести следующее: MARCIA BONA IVDEA DORMITIO IN BONIS - "Марсия, хорошая еврейка, твой сон будет среди хороших". На многих современных ивритских надгробиях есть слова: "Пусть его душа будет связана в узел жизни".

Поэтому неудивительно, что те новообращенные христиане, которые были воспитаны в языческих или иудейских суевериях, сохранили следы этого древнего обычая, столь

близкого человеческому сердцу, не подозревая, к каким пагубным последствиям он может привести. Их свобода языка еще не была ограничена, как замечает епископ Кип, холодными правилами обычной логики из-за страха перед смертельной ересью. Из свидетельств отцов мы знаем, что в молитвах церкви часто упоминались умершие. Однако эти молитвы часто были благодарениями - εὐχὴ εὐχαριστήριος - за тех, кто спит во Христе, или воспоминаниями об их добродетелях для улучшения живых.[726] Многие отцы решительно протестуют против мысли, что умершим могут помочь какие-либо молитвы от их имени, и решительно утверждают их неизменное состояние в потустороннем мире.[727] Однако представление о действенности этих молитв постепенно проникло в церковь; то, что они были задуманы не для избавления от чистилищного огня, видно из того, что даже в сравнительно поздний период они возносились от имени патриархов, пророков, апостолов, мучеников и святых, и даже самой Девы Марии, которая, как считалось, находилась в непосредственном присутствии Бога. В конце концов даже эта чудовищная ошибка вошла в церковь и передала в руки наемной иерархии ключи от рая и ада.

Но в свидетельствах Катакомб нет и следа той мучительной доктрины, которая подвешивает сердце на крючьях страшного ожидания и выжимает из израненных чувств подати наемному священству за осуществление своих призрачных функций по избавлению душ усопших от пылающего пламени. В их жизнерадостном искусстве и благочестивых эпитафиях нет и намек на дантовские ужасы, худшие, чем сизифов труд, и муки более страшные, чем у Тантала, под напряженным представлением о которых на протяжении веков сжималось сердце христианства. Нет; ранняя церковь верила, что благочестивые умершие уже наслаждаются более продолжительной жизнью, более неземным воздухом и сладким блаженством рая.[728]

С римской практикой молитвы за умерших связана и молитва за них. Для этого свидетельства катакомб еще меньше оснований, чем для первого. Есть, правда, указания на то, что этот обычай был небезызвестен, но они очень редки и исключительны. Во всех датированных надписях первых шести веков, а это тринадцать сотен и семьдесят четыре надписи, есть только *одно* обращение к усопшим. Это уже приведенная надпись 380 года, в которой из сердца осиротевшей и невежественной девушки[729] в час ее горькой печали и утраты вырывается мольба: PRO HVNC VNVM ORA SVBOLEM - "Молись за это, единственное твое дитя". Немногочисленные недатированные надписи подобного характера, вероятно, относятся к столь же позднему, а может быть, и гораздо более позднему времени, чем эта; и почти всегда призыв произносится кем-то из родственников покойного, как будто вызванный скорее естественной привязанностью, чем религиозным чувством. Таким образом, мы имеем следующие примеры: PETE PRO FILIIS TVIS - "Молись за детей твоих"; "PETE ET ROGA PRO FRATRES ET SOBOLES TVOS, (sic) - "Умоляй и молись за братьев твоих и детей"; ORA PRO PARENTIBVS TVIS - "Молись за родителей твоих"; VIBAS IN PACE ET PETE PRO NOBIS-"Да живешь ты в мире и молись за нас"; VIBAS IN DEO ET ROGA-"Да живешь ты в Боге и молись"; IN ORATIONIBVS TVIS ROGES PRO NOBIS QVIA SCIMVS TE IN Χ - "В молитвах ваших молитесь за нас, ибо мы знаем вас (как находящихся) во Христе." ΔΙΟΝΥΣΙΟΣ ΝΗΠΙΟΣ ΑΚΑΚΟΣ ΕΝΘΑΔΕ ΚΕΙΤΕ ΜΕΤΑ ΤΩΝ ΑΓΙΩΝ ΜΗΝΣΚΕΘΕ ΔΕ ΚΑΙ ΗΜΩΝ ΕΝ ΤΑΙΣ ΑΓΙΑΙΣ ΥΜΩΝ ΠΡΕΥΧΑΣ ΚΑΙ ΤΟΥ ΓΛΥΨΑΤΟΣ ΚΑΙ ΓΡΑΨΑΝΤΟΣ - "Дионисий, младенец непорочный, лежит здесь со святыми. Помяни и нас в святых молитвах твоих; да, и скульптора, и писателя тоже". Последняя фраза написана более мелкими буквами, как бы в качестве послесловия.[730]

Эти несколько примеров среди одиннадцати тысяч надписей, большая часть которых относится к послеконстантиновскому периоду, являются незначительным основанием для обширной римской системы обращения к святым. "Если бы эта доктрина, - говорит епископ

Кип, - столь созвучная многим глубочайшим чувствам нашей природы, была принята первобытной церковью, мы должны были бы найти ее широко и ясно написанной повсюду в этих эпитафиях. Для доказательства этого не хватило бы и полдюжины надписей среди тысяч, которые ясно говорят об обратном". Насколько же отличается от этих скромных склепов современная римская усыпальница с ее непрекращающимися призывами мертвых к молитвам живых и живых к молитвам мертвых; с ее постоянно повторяющимися *Orate pro anima* и *Maria sanctissima, ora pro nobis*. Мы тщетно ищем во всех коридорах этих древних святилищ христианской веры хоть один пример этих ставших уже универсальными римских формул.

Обращение к святым, вероятно, возникло из суеверного почитания мучеников после того, как эпоха гонений прошла. *Miserere nostrarum precum*, "Жалея, услышь нашу молитву", - поет Пруденций в конце четвертого века в своем гимне святому Винсенту. VT DAMASI PRECIBVS FAVEAS PRECOR INCLYTA MARTYR - "Прославленная мученица, я умоляю тебя помочь моим молитвам", - пишет Дамасус примерно в тот же период в своей эпитафии на св. Агнессе; а в эпитафии своей сестре Ирине он восклицает: NOSTRI REMINISCERE VIRGO VT TVA PER DOMINVM PRAESTET MIHI FACVLA LVMEN - "Помни меня, о дева, чтобы с Божьей помощью твой факел мог дать мне свет".

Так со временем сформировалась обширная небесная иерархия, наделенная атрибутами Божества,[731] узурпировавшая заступничество Христа и соперничавшая с языческим многобожием. Первобытные отцы отвергали поклонение каким-либо святым или ангелам, а также вмешательство какого-либо посредника с Богом, кроме Христа. "Мы поклоняемся Сыну Божьему, - пишут пресвитеры Смирны, - а мучеников только любим".[732] "Мы приносим жертвы не мученикам, - говорит Августин, - а единому Богу, как их, так и нашему";[733] "и не является наша религия, - возмущенно добавляет он, - поклонением мертвецам".[734] "Это дьявол ввел такое почитание ангелов", - говорит Златоуст;[735] а Лаодикийский собор (361 г. н. э.) запретил их призыв как идолопоклонство и оставление Христа.[736]

Теперь мы перейдем от этих полемических тем к рассмотрению общих для христианства доктрин о триединстве Божества и божественности Иисуса Христа. Из церковной истории мы знаем, что в первые века возникло множество ересей, связанных с этими величественными темами; но ни одно свидетельство не обвиняет церковь в Катакомбах в отходе от первобытной и ортодоксальной веры в этих важных аспектах. Часто, действительно, вера в эти кардинальные доктрины настолько сильно утверждается, что можно предположить, что она является задуманным и энергичным протестом против современных еретических представлений.

Доктрина сущностной божественности Сына Божьего неоднократно и поразительно утверждается. Не только символические буквы Альфа и Омега часто ассоциируются со священной монограммой, в аллюзии на возвышенный отрывок из Откровения, описывающий вечность Христа, но его имя и мессианский титул в различных случаях сочетаются с именем Божества, чтобы указать на их идентичность. Таким образом, мы имеем выражения $\text{ZHCHC IN DEO XPICTO}$, (*sic*)- $\text{EN THEO KYPEIO XEICTO}$, (*sic*)- $\text{VIBAS IN CHRISTO DEO- IN DOMINO IESV}$ - "Да живете в Боге Христе, в Господе Христе, в Христе Боге, в Господе Иисусе." Или же божественные атрибуты еще сильнее выражены следующим образом: $\text{DEOYC XPICTOYC OMNIPOTEC}$, (*sic*)- "Бог Христос Всемогущий;" $\text{DEO SANC XRO VN LVC}$, (*sic*)- "Бог, святой Христос, единственный свет;" $\text{DEO SANC } \text{X} \text{ VNI}$, (*sic*)- "Христу, единому святому Богу." Мы видели оттиск на штукатурке могилы, где какой-то ортодоксальный верующий,

вероятно, в знак протеста против арианской ереси, "поставил свою печать", что "Христос есть Бог". Рис. 119, стр. 386.[737]

Три лица Троицы упоминаются по отдельности в нескольких эпитафиях, в которых покойный, по словам, спит IN DEO-IN CHRISTO-IN SPIRITU SANCTO, а в совокупности - в следующей, датируемой 403 годом, QVINTILIANVS HOMO DEI CONFIRMANS TRINITATEM AMANS CASTITATEM RESPVENS MVNDVM- "Квинтилиан, человек Божий, твердо придерживающийся учения о Троице, любящий целомудрие, созерцающий мир." В более поздних примерах из Аквилеи и других мест мы находим формулу IN NOMINE SANCTAE TRINITATIS-PATRIS ET FILII ET SPIRITVS SANCTI - "Во имя Святой Троицы - Отца, Сына и Святого Духа".[738]

Патристические свидетельства сообщают нам, что обе эти доктрины твердо соблюдались первобытными христианами. Доксологии, благословения и формулы крещения в древних литургиях произносятся во имя Троицеединого Бога. Божественность трех лиц и в то же время единство Божества отчетливо и часто утверждаются. Это также утверждается в частых христианских надписях "Единому Богу"-DEO VNO. (sic.)

Таково, таким образом, свидетельство катакомб о доктринах первых верующих - свидетельство, более благоприятное для общего характера древнего христианства, чем труды Отцов и церковных историков того времени; вероятно, как замечает доктор Мейтланд, потому что "могильная табличка более благоприятна для выражения благочестивых чувств, чем спорное послание или даже столь необходимое епископское обличение". Из этих последних источников мы знаем, что ересь, раздоры, упреки и взаимные анафемы рано опозорили религию мира и любви. Но никакие звуки этих оскверняющих споров не тревожили эти тихие места упокоения христианских мертвецов. Повсюду слышится выражение веры и надежды, радости и мира - мира Божьего, превосходящего всякое разумение. Пораженный и скорбящий верующий не раздражался, подобно язычникам, страстными жалобами и бессильным гневом на богов, но склонялся в кроткой покорности перед Его волей, исполняющей все хорошо. С благочестивым и укоризненным духом он переносил жизненные невзгоды и со спокойной уверенностью и святой радостью встречал смертный приговор,

Не как раб в каменоломне, ночью
бичеванием в темницу; но, поддерживаемый и успокаиваемый
Непоколебимым доверием, приближался к своей могиле,
Как тот, кто накинул драпировку своего ложа
И ложится в приятные сны".[739]

[693] Восточные Церкви.

[694] Тертуллиан говорит, что они разрушают душу, как лихорадка разрушает тело - De Præscrip. Hæreticorum, с. 2.

[695] Гностик Маркион добивался приема в римские пресвитеры, а Валентин даже стремился занять епископскую кафедру. "Speraverat episcopatum Valentinus."-Tertull., Adv. Valent., с. iv.

[696] Inscriptiones Christianæ Urbis Romæ Septimo Sæculo Antiquiores.

[697] Более ранние надписи выражают только консульские даты, и только в одном случае - имя и возраст покойного.

[698] Доктор МакКол отмечает появление подобного выражения в языческой надписи, приведенной Муратори, (978, 979) следующим образом: D.M. in hoc tumulo jacet corpus exanimis (sic) cujus spiritus inter deos receptus est; sic enim meruit, - "В этой гробнице лежит безжизненное тело, чей дух принят среди богов, ибо так он заслужил."

[699] Употребление *recedo* в значении "умереть" является классическим; но в приведенной форме оно неизвестно в языческой эпиграфике.

[700] Сравните Уэсли.

"Там пребывает вечная весна,
И никогда не увядающие цветы".

[701] Де Росси считает *Ancilla Dei* собственным именем.

[702] Ниже приводится краткое жизнеописание неизвестного святого из Неаполя: SERVVS DEI ... ET AD VITA (sic) PERBENIT (sic,) - "Раб Божий ... и достиг жизни".

[703] Burgon.

[704] Об антиохийских христианах Златоуст пишет: "Они не говорят об усопшем "он умер", но "он совершен"" - Hom. in Matt., 68.

[705] Apol., с. 48.

[706] De Resur. Carn., с. 9. Он упоминает о длительном существовании костей и зубов и приводит историю о фениксе в качестве аргумента в пользу этой доктрины, с. 13.

[707] Поддельная эпитафия XIV века, выдаваемая Мейтлендом, стр. 82, за подлинную, таким образом фантастически касается этой величественной темы: QVI INQVIETVS VIXI NVNC TANDEM MORTVVS NON LVBENS QVIESCO, SOLVS CVR SIM QVAESERIS (sic) VT IN DIE CENSORIO SINE IMPEDIMENTO FACILIVS RESVRGAM- "I who lived restless, being now at length dead, rest unwillingly. Спрашиваете ли вы, почему я один? Чтобы в день Суда я мог легче подняться без препятствий".

[708] См. также эпитафию, приведенную в [Книге I, гл. iii.](#)-ALEXANDER MORTVVS NON EST SED VIVIT SVPER ASTRA- "Александр не умер, но живет выше звезд".

[709] Подобным образом африканские христиане называли свои места погребения accubitoria - "местами сна".

[710] Wiseman, Fabiola, p. 145. Доктор МакКол, однако, считает это выражение просто эквивалентным слову "погребенный".

[711] Эта фраза иногда, хотя и очень редко, случайно используется в христианских эпитафиях, как и выражение Τὸν ἀϋρνήγορον ὕπνον καθεύδει - "Спит сном, который не знает пробуждения". Несколько языческую форму имеет следующая эпитафия кардинала Порто-Кареро в Толедо: *Hic jacet pulvis cinis et nihil* - "Здесь лежит пыль и прах, и ничего больше".

[712] Omnibus a suprema die eadem quæ ante primum, nec magis a morte sensus ullus aut corporis aut animæ, quam ante natalem.

[713] Si quis piorum manibus locus, si non cum corpore extinguuntur magnæ animæ, placide quiescas.-Vit. Agric.

[714]

Esse aliquid manes et subterranea regna,

Nec pueri credunt, nisi qui nondum ære lavantur.-Sat., ii, 149.

[715] См. самую печальную, но самую прекрасную из од Горация - "К Делию", II, 3.

... Et nos in æternum
Exilium impositura cymbæ.

[716] В таком же духе умирающий император Август спрашивал, хорошо ли он сыграл свою роль в жизненном фарсе, и просил аплодисментов своих придворных.

Δότε κρότον

Kaì πάντες ὑμεῖς μετὰ χαρᾶς κτυπήσατε.

[717] Шведский поэт Георг Сент-Ернхельм приказал написать на своей гробнице языческую фразу: VIXIT DVM VIXIT LAETVS - "Пока он жил, он жил весело".

[718] "Бог считает даже щетину свиньи", - говорит Тертуллиан, - "а тем более волосы своих детей".

[719] Ниже предлагается практическая проверка существования духов: TV LEGIS ET DVBITAS MANES ESSE SPONSIONE FACTA INVOCA NOS ET INTELLIGES - "Вы, читающие эту эпитафию и сомневающиеся, существуют ли духи, обратитесь к нам, и по нашему ответу вы узнаете."

[720] Так, в "Иерургии" Рока, стандартном романистском авторитете, такие выражения, как REQ IN PACE, объясняются иногда вопреки грамматической конструкции контекста, как означающие "Да будет тебе покой", как если бы REQUIESCAS, вместо, по аналогии с многочисленными другими примерами, "он отдыхает", -REQUIESCIT. Иногда кардинальное слово полностью опущено, как в выражении IN PACE ET BENEDICTIONE, которое совершенно необоснованно переводится: "Да почиешь ты в мире и благословении".

[721] Иногда модернизированная форма языка указывает на позднее происхождение *граффити*, найденных на древних памятниках, как, например, в следующем: PREGA ILA PER SILVINA, VIVI ILA NEL DIO CRISTO.

[722] Обожание Цицерона к своей дочери нашло выражение в строительстве храма в ее память.

[723] Рок приводит их как "*доказательство*" того, что первобытные христиане верили, что душа умершего может находиться в промежуточном состоянии, где действенность таких чаяний может достичь его, а его дух может быть освежен и благодетельствован мольбами его оставшихся в живых братьев.-Hierurgia, p. 322. Он приводит несколько примеров, подобных вышеприведенному; но никакое накопление подобных доказательств не дает ни малейшего основания для порочной практики Римской Церкви.

[724] Burgon.

[725] Ibid.

[726] Ut ex recordatione eorum proficiamus.-Orig. in Rom., xii. Эти поминовения усопших обычно отмечались в годовщины их смерти - в день их рождения, как это называлось - Oblationes pro defunctis pro natalitiis, annua die facimus-Tertul., De Coron. Mil., c. 3; ср. De Monogam., c. 10.

[727] Quando isthinc excessum fuerit, nullus jam locus pœnitentiæ est, nullus satisfactionis effectus.-Cypr. ad Demet., § 16; cf. Greg. Naz., de Rebus suis, и Hieron. in Galat., с. 6. Современная греческая церковь возносит молитвы за умерших, не веря в доктрину чистилища.

[728] Доктрина чистилища была впервые проповедана Григорием Великим; и это огненное царство, столь богатое доходами от слез и крови, было впоследствии официально присоединено к папским владениям буллой.

[729] См. варварский латинизм надписи, с. 426.

[730] Некоторые из примеров предполагаемого обращения к святым, приводимые романистскими писателями, являются совершенно необоснованными предположениями. Так, буквы P. T. PR. N. S. были, без малейших оснований, расширены таким образом: *Pete pro nobis*, "Молитесь за нас". Другие - просто просьбы помянуть дорогих усопших, как, например, ΔΙΟΝΥΣΙΝ ΕΙΣ ΜΝΙΑΝ ΕΧΕΤΕ - "Помяните Дионисия". *Граффи* паломников у святынь прославленных мучеников, в которых иногда встречаются обращения к умершим, не являются критерием первобытной веры и практики, поскольку они встречаются во все эпохи вплоть до сравнительно позднего средневековья. Пример, приведенный в тексте, взят у Бургона.

[731]

Qui lumine Christi
Cuncta et operta vides, longeque absentia cernis.

-Paulin., Nat. vi.

См. также Литанию святых в Римском миссале.

[732] Υἱὸν τοῦ Θεοῦ προσκυνοῦμεν τοὺς δὲ μάρτυρας ἀγαπῶμεν.-Euseb., iv, 35.

[733] Nec ... sacrificemus martyribus, sed uni Deo et martyrum et nostro.-De Civ. Dei, 22, 10.

[734] Non sit nobis religio cultus hominum mortuorum.-De Ver. Relig., с. 55.

[735] Ὁ διάβολος τὰ τῶν ἀγγέλων ἐπεισήγαγε.-Hom., 9.

[736] Οὐ δεῖ Χριστιανοὺς ἀγγέλους ὀνομάζειν.-Can., 35. Святые" первобытной церкви, говорит Шафф, были всем телом верующих, а не узкой духовной аристократией, как в римской церкви. Константинопольский собор 712 г. н. э. постановил: "Кто не воспользуется заступничеством Девы Марии, да будет проклят". "Пусть Бог Всемогущий простит ваши грехи благодаря заслугам Богоматери", - сказал Григорий VII Беатриче и Матильде.

[737] Мы имеем множество свидетельств того, с каким рвением первые христиане изучали Писание. Библия не была такой запечатанной книгой, какой она является в современном Риме. Иероним советует часто читать ее и почти никогда не откладывать, изучать ее не как труд, а для удовольствия и наставления, и каждый день заучивать наизусть некоторые ее части -Divinas Scripturas sæpius lege, imo nunquam de manibus tuis sacra lectio deponatur.-Ep. ad Nepotian., 7. Non ad laborem, sed ad delectationem et instructionem animæ.-Ep. ad Demetriad., 15. Никто не может игнорировать псалмы, и ни в каком Священном Писании не может быть никакой разницы.- Еп. к Евстоху, 19.

В раннем периоде Церкви мы не находим следов той яростной нетерпимости и ужасающих анафем, которыми отмечен современный романизм. Тертуллиан золотыми словами

утверждает ту свободу совести, которую впоследствии так безжалостно попирали ногами Доминик и Торквемада. "Это основное право человека, - восклицает он, - чтобы каждый человек поклонялся в соответствии со своими убеждениями. Принуждение к религии не является частью религии" -Ad Scap., 2. Сравните также мудрые слова Кассиодора: "Cum divinitas patiatur multas religiones esse, nos unam non audemus imponere. Retinemus enim legisse, voluntarie sacrificandum esse domino, non cujusquam cogentis imperio."

[738] Язычник Лукиан сатирически изображает христианское учение о Троице, "один в трех и три в одном" - "Ἐν ἑκ τριῶν, καὶ ἐξ ἑνὸς τρία.-Philopatr., ad fine. Плиний упоминает о христианском поклонении Христу как Богу: "Carmenque Christo quasi Deo."-Ep. ad Had. В ответ на языческие обвинения в поклонении простому человеку, распятому самозванцу-ἀνεσκόλοπισμένον σοφιστήν, (Luc., de Mort. Pereg.), христиане отвечают, что он также Бог: Ὕιός καὶ πατήρ εἷς ἄμφω κύριος-Clem., Paed., iii, 12; "Deus est et Dei Filius, et unus ambo."-Tertul., Apol., 30. В противовес христианскому монотеизму Тертуллиан высмеивает политеизм язычников и сравнивает состязания богов у Гомера с состязаниями гладиаторов -Ad. Nat., 10. Подражая острой иронии Исаяи, он восклицает: "Вы делаете котел из Сатурна, сковороду из Минервы. Даже мыши грызут, пауки оскверняют ваших богов" - Ibid., ii, 12. Троица Платона и индусских мудрецов была всего лишь умозрительной тонкостью. Тертуллиан отвергал слияние философии и христианской доктрины. "Прочь такое пестрое христианство", - восклицает он.- De Præscrip. Hæret., с. 7. Сравните его благородное исповедание веры в Бога, вечного Духа, бесплотную сущность, истинного Прометея, давшего порядок миру, завершающееся благородными словами: "Мы говорим, и перед всеми людьми мы говорим, и разорванные и кровоточащие под вашими пытками мы кричим: "Мы поклоняемся Богу через Христа"" -Apol., 17-22.

[739] Танатопсис Брайанта.

ГЛАВА III.

ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ И ХАРАКТЕР В КАТАКОМБАХ.

Надписи в катакомбах дают нам много интересных указаний на социальное положение, домашние отношения и общий характер первобытных христиан, а также на их религиозные убеждения. Они приподнимают завесу веков с погребенного прошлого и заставляют его снова жить, освещенное тысячей естественных штрихов, которые мы тщетно ищем в книгах. Они преодолевают пропасть времени и делают нас в некотором смысле современниками ранней церкви. Они дают нам представление о повседневной жизни и занятиях древних верующих, о которых ничего не сказано на переполненных страницах истории. Извилистые катакомбы - это галерея шепота ушедших веков. Их скромные эпитафии - это отголоски, пронизанные глубоким и нежным смыслом, слишком низкие и нежные, чтобы быть услышанными через распри прошедших лет. В их трогательном пафосе мы, кажется, слышим всхлипы естественной скорби по любимым и потерянным, "падение поцелуев на безответную глину", биение человеческого сердца в час его глубочайших переживаний, когда разлука открывает фонтаны чувств в душе. Мы читаем о тоске привязанности, которая простирается за пределы могилы и жаждет воссоединения с дорогими усопшими в небесах; это выражение неугасимой любви, которую не может уничтожить сама смерть. Мы видим символическую пальму и корону, грубо нацарапанные на могиле, где христианский атлет, сражаясь и храня веру, погрузился в безмятежный покой. Мы также читаем записи о

мирском звании усопших - иногда возвышенном, чаще низменном и безвестном - часто сопровождаемые эмблемами их скромного труда.

Сами имена, написанные на этих мраморных плитах, часто красиво и продуманно выражают христианские чувства или характер. Иногда указывается соответствие имени и характера, как, например, в следующем случае: ΣΙΜΠΛΙΚΙΑ Η ΚΑΙ ΚΑΛΩΝΥΜΟΣ - "Симпликия, которая также правильно называлась"; HIC VERVS QVI SEMPER VERA LOCVTVS - "Здесь лежит Верус, который всегда говорил истину". Эти имена часто давались в зрелом возрасте, когда новообращенный из язычества отбрасывал свое прежнее обозначение, часто имевшее идолопоклоннический смысл, чтобы принять другое, более соответствующее христианскому вероисповеданию. Таким образом, мы имеем такие замечательные имена, как INNOCENTIA, "Невинность"; CONSTANTIA, "Постоянство"; PRVDENTIA, "Благоразумие"; DIGNITAS, "Достоинство"; DECENTIA - "Уютность"; PEREGRINVS - "Паломник"; SABBATA - "Покой"; ANASTASIA - "Воскресение"; ΠΙΣΤΙΣ - "Вера"; ΕΛΠΙΣ и SPES - "надежда"; ΑΓΑΠΗ - "любовь"; ΕΙΡΗΝΗ - "мир"; ΑΓΑΘΗ - "добрый"; ΕΥΣΕΒΙΟΣ - "благочестивый"; ΕΥΚΑΡΠΙΑ - "добрый плод"; PROBVS - "справедливый"; FELIX - "счастливый"; FIDELIS - "верный"; FORTVNATA - "удачливый"; VERVS - "истинный"; DIGNVS - "достойный"; CASTA - "чистый"; BENIGNVS - "добрый"; NOBILIS - "благородный"; AMABILIS - "приветливый"; INGENVA - "искренний"; VENEROSA - "почтенный"; GAVDIOSA - "радующийся", GRATA - "приятный", CANDIDVS - "откровенный", DVLCIS и ΓΛΥΚΥΣ - "сладкий", SEVERA - "тяжелый"; с компаративами, FELICIOR, NOBILIOR и т.д., и суперлативами: FELICISSIMA - "самый счастливый"; NOBILISSIMA - "самый благородный"; FIDELISSIMA - "самый верный"; DIGNISSIMA, - "самый достойный"; DVLCISSIMA - "самый сладкий" и т. п.[740]

Иногда благочестивое слово или словосочетание использовалось в качестве имени собственного, как у древних евреев и английских пуритан. Таким образом, мы имеем такие примеры, как QVOD VVLT DEVS, "То, что угодно Богу"; DEVS DEDIT, "Бог дал"; ADEODATVS[741] и ADEODATA, "Дано Богом"; ΘΕΟΤΟΚΟΣ, "рожденный Богом"; ΘΕΟΔΩΡΑ, "данный Богом"; DEO GRATIA, "благодаря Богу"; ΘΕΟΦΙΛΟΣ, "возлюбленный Богом";[742] RENATVS - "рожденный свыше"; REDEMTVS - "искупленный"; ACCEPTESSIMA - "очень приятный"; BONIFACIVS - "хорошо делающий"; ΕΥΠΡΟΣΔΕΚΤΟΣ - "принятый" или "приемлемый"; и ΣΩΖΟΜΕΝΗ - "спасенный".[743] Де Росси считает, что выражения ANCILLA DEI, "служанка Бога", и SERVVS DEI, "слуга Бога", иногда являются именами собственными.

Некоторые из имен в этих надписях, вероятно, были даны язычниками в знак упрека и презрения, а затем приняты христианами в знак смирения и самоуничижения. Трудно объяснить иначе такие имена, как CONTVMELIOSVS, "вредный"; CALAMITOSA, "разрушительный"; PROIECTVS, "изгнанный"; SERVILIS, "подневольный"; и особенно такие отвратительные эпитеты, как FIMUS и STERCORIA, "навоз" и "грязь". В последнем случае, возможно, содержится намек на слова святого Павла (1 Кор. iv, 13): "Мы сделали мерзостью мира и отбросами всего до сего дня". Таким образом, первобытные верующие обвязывали гонения венком вокруг своих бровей, ликовали в славном бесчестии и превращали клеймо позора в знак чести.

В Писании встречается несколько имен, которые выглядят странно на фоне тех греческих или латинских, которыми они окружены. Так, мы имеем Петра, Иоанна, Павла, Стефана, Ребекку, Елизавету, Сусанну и Марию. Однако крайняя редкость последнего имени, столь популярного во всем христианстве, свидетельствует о том, что почитание Девы Марии - порождение более поздних времен.

Имена животных часто применялись как к христианам, так и к язычникам: Апер, Лев, Леопард, Порцелла, Мускул, Тигр, Урсус и Урса; некоторых из них мы видели изображенными на гробницах.[744] Другие имена происходили от месяцев, например, Januarius, Aprilis, December и т. д.; и даже от названий языческих божеств, например, Mercurius, Apollinaris и т. д. Иногда записывается имя питомца, под которым умершего знали при жизни: Агнелла, "Маленький ягненок"; Лепускул и Лепорилла, "Маленький заяц"; Розула, "Маленькая роза"; Джокундилла, "Веселая штучка", и т. д.[745]

Большинство имен, как и следовало ожидать, были классического происхождения, иногда указывая на союз с семьями сенаторского, консульского или даже императорского ранга. Мы также находим указания на обычай принимать имена царствующей династии. Современные Виктории и Альберты находят свои аналоги в Аврелиях и Констанциях Аврелианского и Константиновского периодов. Возвышенные *grænomen*, *nomēn* и *cognomen* языческих эпитафий редко появляются в этой христианской серии. Встречаются лишь два-три примера таких тройных имен. Даже два имени становятся редкостью, а лица, несомненно имеющие право на эти знаки отличия, записывались только под одним именем. Отказавшись от гордости рождения, места и власти, они отложили свои мирские титулы ради нового имени, данного в христианском крещении. Иногда имена усопших вообще не записываются в эпитафиях, возможно, как предполагает Фабретти, потому что они желают, чтобы их записали только в Книге Жизни.[746] Возможно, по той же причине, а также из-за бедности или невежества, на большинстве погребальных плит и перекрытий нет никаких надписей.

Эти надписи часто дают представление о социальном положении и занятиях покойного. Иногда перечисление титулов указывает на возвышенное положение и занятие важных доверительных должностей. Особенно часто это происходило после публичного утверждения христианства. Многие из поздних надписей в помпезных и раздутых выражениях, сильно контрастирующих с краткостью и простотой ранних примеров, повествуют о гражданских достоинствах и отличиях усопших. Мы уже видели эпитафию императорского прокурора.[747] Ниже приведены примеры более позднего времени.

IVN BASSVS - V - C - QVI VIXIT ANNIS - XLII MEN - II IN IPSA PRAEFECTVRA VRBI NEOFITVS IIT AD DEVM- "Юний Басс, знатнейший человек, проживший сорок два года и два месяца. Занимая должность префекта города, он, будучи неопитом, отошел к Богу". (359 г. н. э.) ADVENIT HOSPES ROMANVS PRINCEPS IN VRBEM CVI FVIT HIC PRIMVM IVRISCONSVLTOR AMICVS - "Римский император (Константин) прибыл в город чужестранцем, первым другом которого был этот адвокат". HIC REQUIESCINT (*sic*) IN PACE PRAETEXTATVS VI - EX QVESTOR SCP ET FILIA EIVS PRAETEXTATA CF- "Здесь покоятся с миром Прæтекстат, прославленный человек, бывший квестор Священного дворца, и его дочь Прæтекстата, самая выдающаяся женщина." (486 г. н. э.) IVLIVS FELIX VALENTINIANVS - VC - ET (SP -) EX SILENTIARIO SACRI PALATII EX COM - CONSISTORII - COM - DOM- "Юлий Феликс Валентиниан, человек высочайшего достоинства и внимания,[748] бывший силенциарий Священного дворца, бывший граф консистории, граф домашних войск." (A. D. 519.)

СЕНАТОР МАЙОРВМ ЛОНГА ВЕНИЕНС ДЕ СТИРП

AVXISTI MENTIS NOBILITATE GENVS

IVDICIS IMPERIVM SERVANS BONITATE MAGISTRA

CVM TIBI SVBIECTIS TV QVOQVE MILES ERAS

VRBANOS FASCES GAVDENS TIBI ROMA PARABAT. (A. D. 533.)

Сенатор, происходящий из длинного рода предков, ты возвышал свой род благородством ума, сохраняя авторитет судьи силой добра. Ты был также воином с теми, кто тебе подчинялся, и Рим, радуясь, готовил для тебя фасции города.

Мы имеем также такие примеры, как SCRINARIVS PATRICIAE SEDIS, "секретарь патрицианского ордена"; PRIMICERIVS MONETARIORVM, "начальник банкиров"; ARGENTARIVS, "торговец деньгами"; VIATOR AD AERARIVM, "сержант казначея"; PRAEFECTVS ANNONAE, "префект рынка"; VESTITOR IMPERATORIS, "хозяин императорского гардероба"; MAGISTER SCOLAE TERTIAE, "магистр третьей школы"; MEDICVS, "врач" и т.д.

Однако большая часть христиан принадлежала к низшему сословию, многие из них, вероятно, были рабами, поскольку большинство жизненных искусств выполнялось этим угнетенным классом. Цельс насмехался, что "шерстяники, кожевники, сапожники, самые неграмотные из людей, были ревностными проповедниками Евангелия"; но Тертуллиан возражает, что каждый христианский ремесленник может научить истинам более возвышенным, чем когда-либо знал Платон.^[749] Надписи в катакомбах свидетельствуют о том, что не многие мудрые, не многие могучие присоединились к этой фаланге героических душ; но они также учат, что самый низкий труд может быть достойным и облагороженным, если он делается во славу Божию. Мы видели на гробницах эмблемы профессий плотника, каменщика, курьера, торговца шерстью, сапожника, виноградаря и фоссора. Мы находим также такие записи о торговле, как PISTOR REGIONIS XII, "пекарь Двенадцатого округа"; ORTVLANVS, от hortulanus, "садовник"; PATRONVS CORPORIS PASTILLARIORVM, "покровитель корпорации кондитеров"; PRIMICERIVS CENARIORVM, "начальник поваров"; HORREARIVS, "хранитель зерен"; CARBONARIVS, "продавец древесного угля"; POPINARIVS, "виктуалер"; BVVVLARIVS DE MACELLO, "мясник с развалин"; CAPSARARIVS (sic) DE ANTONINIA, "хранитель одежды в Антониновых банях"; QVADRATARIVS, "Каменщик"; POLLICLA QVI (H)ORDEVM BENDIT (sic) DE BIA NOBA (sic,) "Поллика, который продает ячмень на Новой улице"; IOHANNES VH. OLOGRAFVS (sic) PROPINE ISIDORI, "Джон, уважаемый человек, счетовод в таверне Исидора;" также, менее уважаемый, VRBANVS VH. TABERNARIVS, "Урбан, уважаемый человек, содержатель таверны". Однако это было в 584 году н. э., когда чистота веры и практики сильно пошатнулась. Эти скромные записи сохранились и изучаются с интересом, когда многие из самых гордых памятников Рима разрушились.^[750]

Очень часто какая-нибудь фраза, выражающая христианский характер или выдающиеся добродетели усопшего, записывается с любовью его скорбящими друзьями. Эти свидетельства призваны внушить очень высокое мнение о чистоте, безгрешности и благородстве жизни первобытных верующих; тем более поразителен их контраст с отвратительной развращенностью языческого общества, которым они были окружены. При многих моментах внешнего сходства с языческими надписями в этих христианских эпитафиях прослеживается мировая разница в духе. Вместо пышности и гордыни языческих панегириков мы имеем прославление скромных добродетелей, смирения, кротости и истины. Христианский идеал совершенства, на который указывает характер восхвалений усопших, оказывается совершенно чуждым языческим чувствам. Ниже приведены характерные примеры:

FELIX SANCTAE FIDEI VOCITVS (sic) IIT IN PACE

CVIVS TANTVS AMOR ET CARITAS RETENETVR AB AMICIS IN AEVO

QVI CVM ESSET FVIT SOLACIVS MISERICORS OMNIBVS NOTVS.

Феликс священной чести, отозванный с миром, чья любовь и привязанность так горячо лелеются его друзьями; кто, когда он был в жизни, был известен всем за сочувствие к страждущим и сострадание к бедствующим.

IN SIMPLICITATE VIXIT AMICVS PAVPERVM INNOCENTIVM MISERICORS SPECTABILIS ET PENITENS - "Он жил в простоте, друг бедных, сострадательный к невинным, человек внимательный и покаянный". INFANTIAE AETAS VIRGINITATIS INTEGRITAS MORVM GRAVITAS FIDEI ET REVERENTIAE DISCIPLINA- "Юного возраста, безупречного девичества, благородных манер, хорошо воспитанный в вере и благоговении."

Чаще других выражений встречается фраза, характерная и для языческих эпитафий, BENE MERENTI, - "Достойному", обычно обозначаемая буквами В. М. Но встречаются и многие другие, имеющие более ярко выраженный христианский характер, например, SERVVS DEI, FAMVLVS DEI, "Слуга Божий"; ΔΟΥΛΟΣ ΠΙΣΤΟΣ ΘΕΟΥ, "Верный слуга Божий"; ΑΓΙΟΣ - ΘΕΟCEΒΕC, "святой поклонник Бога"; ΓΛΥΚΕΡΑΝ ΑΓΙΑΝ, "приятный и святой человек"; SANCTISSIMVS, "самый святой человек"; ANIMA DVLCIS ET INNOCENS, "милая и невинная душа"; AMICVS OMNIVM, "Друг всех людей"; ΠΑΣΙΦΙΛΟΣ ΚΑΙ ΟΥΔΕΝΙ ΕΧΘΡΟΣ, "Друг всех и враг никого"; SEMPER SINE CVLPA, "Всегда без вины виноватый"; AMATOR PAVPERVM - "Любитель бедных"; HOMO BONVS - "Добрый человек"; STVDIOSVS - "Ревностный"; SPIRITO SANCTO - "Святой душой"; INNOCENTISSIMVS - "Самый невинный человек" и т.п. Другие имеют более общий характер, например HONESTES RECORDATIONES (sic) VIR, "человек, достойный того, чтобы его помнили с честью"; ΑΕΙΜΝΗCΤΟC, "вечно памятный"; ΘΕΟΦΙΛΕCΤΑΤΟC, "самый набожный или боголюбивый"; MIRE (sic) SAPIENTIAE, "Прекрасной мудрости"; LAVDABILIS FEMINA, "Похвальная женщина"; CONIVX DIGNISSIMA, "Достойнейшая жена"; CASTISSIMAE ADQVE PVDICISSIMAE FEMINAE, "Самой целомудренной и скромной женщине"; MIRAE PVLCHRITVDINIS ATQVE IDONEITATIS - "прекрасной красоты и способностей"; MIRAE INTEGRITATIS ET FIDEI ATQVE CONSTANTIAE - "прекрасной честности, веры и стойкости"; SAPIENS PIVS ATQVE BENIGNVS - "мудрый, благочестивый и добрый"; HOMO FIDEI ET INTEGRITATIS OPINIONIS BONAE MENTIS INTEGRAE AMICVS AMICORVM, "Человек здоровой веры и честности, здравого рассудка, здравого ума, друг своих друзей"; SVABIS (sic) SEMPERQVE PVDICA VERA LOQVENS, "Приятный и всегда скромный, говорящий правду"; BONITATIS EXIMIAE ET MIRAE VERECVNDIAE ET VLTRA AETATEM SAPIENTIAE, "удивительной доброты и прекрасной скромности, и мудрая не по годам"; ANIMA DVLCIS, INNOCVA (sic) SAPIENS ET PVLCHRA, "милая духом, бесхитростная, мудрая, красивая"; AMATRIX PAVPERORVM (sic) ET OPERARIA, "Любительница бедных и внимательная к своему делу"; FIDELIS IN XPO EIVS MANDATA SERVANS MARTYRVM OBSEQVIIS DEVOTA, "Верная Христу, соблюдающая Его заповеди, преданная во вниманию мученикам"; PVRVS AMICITIAE CVLTOR SERVATOR HONESTI ELOQVIO MISEROS PIETATE IVVANS, "Бесхитростный хранитель дружбы и блюститель чести, помогающий убогим словом и ласковым попечением"; TE CARVM SVVOLES TE FIXVM SENSIT AMICVS TE LEVITAS TORVVM DVLCEM COGNOVIT HONESTVS, "Тебя сын твой чувствовал любимым, друг твой привязанным, тебя легкомысленные находили суровым, а праведные знали, что ты кроток"; ΕΥΤΕΡΠΕ Η ΤΩΝ ΜΟΥCΩΝ CΥΝΤΡΟΦΟC ΒΙΩCΑCΑ ΑΠΛΟC ΟCΙΩC ΚΑΙ ΑΜΕΜΠΤΩC, "Эвтерпа, спутница муз, жившая просто, благочестиво и безукоризненно." Последняя из них происходит из Сицилии, остальные - из Рима. Другие примеры будут приведены при рассмотрении домашних и церковных отношений первобытных христиан.

В этих поминальных записках об усопших мы имеем поразительный портрет христианских милостей и бытовых добродетелей первых верующих. Существование такой чистой и непорочной общины в низменный и чувственный век - одна из самых благородных глав в истории рода. Это был также красноречивый протест, живое свидетельство против мерзостей языческого общества и

многообразного разврата, который был в мире через похоть. От них христианская община отшатнулась с полным отвращением и в первые века жила незапятнанной среди окружающей грязи.^[751]

Хотя в некоторых языческих эпитафиях прослеживается легкая и спортивная эпикурейская жилка даже в торжественном присутствии смерти, другие свидетельствуют о высокой оценке домашних и гражданских добродетелей, как, например, в следующем примере: MIRAE BONITATIS ADQVE INIMITABILIS SANCTITATIS TOTIVS CASTITATIS RARI EXEMPLI FEMINA CASTE BONE BITE ET PIETOSE (*sic*) IN OMNIBVS ... VIXIT SINE LESIONE ANIMI MEI MECVM ANNOS XV. FILIOS AVTEM PROCREAVIT VII- "Замечательной доброты и неподражаемого благочестия, полной скромности, женщина редкого примера, целомудренной, добродетельной и благочестивой жизни во всем. Она прожила со мной без всякого раздражения моего ума пятнадцать лет и родила мне семерых детей".

Часто они выражены с восхитительной краткостью, как, например, TANTIS VIRTVTIBVS NVLLVM PAR ELOGIVM, "Столь великой добродетели нет равной похвалы"; MORIBVS PARITER ET DISCIPLINA CAETERIS FEMINIS EXEMPLVM, "Она была одинаково хороша в манерах и воспитании, являясь примером для других женщин"; DE CVIVS PVDORE NEMO DICERE POTVIT, "Против чьей скромности никто не мог ничего сказать";^[752] и это благородное свидетельство магистрату, QVID ESSET MALEDICERE NESCHT NON TANQVAM, "Что такое говорить зло, он даже не знал."

Но именно в домашних отношениях нежные и чистые привязанности христиан проявляются наиболее ярко. Сердце человека должно быть черствым, если он может без умиления читать эти скромные записи о любви и печали, которые сохранились от многих гордых памятников древности. В час слезного расставания с дорогим любимым здесь выдыхаются самые богатые привязанности души, как цветок, когда он раздавлен, выдыхает свой сладчайший аромат. Эти грубые надписи обращаются к нашим сердцам с силой и пафосом, присущими только им. Их немое красноречие проносится сквозь века и затрагивает в каждой душе аккорды, вызывающие острую симпатию. Далеко отстоящие друг от друга эпохи связаны между собой историей смерти и скорби, старой как человечество, но вечно новой. Обесцвеченные скелеты в своих каменных ложах кажутся вновь облеченными в человеческую плоть и согретыми живой любовью. Красота и нежность христианской семейной жизни наглядно демонстрируется - освящающее влияние религии превращает земную любовь в разновидность любви вечной в небесах. Узы, связывающие любящие сердца, становятся все крепче, пока смерть тщетно бьет по ним. Язык привязанности становится более пылким, когда перед ним возникает преграда в виде могилы.

Особенно это заметно, когда скорбящие родители утирают слезы над крошечным *локоном* своего младенца, отданного в земной холод из их любящих рук: бутон обещания загублен, а цветок надежды увял и расцветает только в небесах. Самые теплые слова умиления возносятся на могилы маленьких детей. Так, мы имеем такие нежные эпитеты, как DVLCIOR MELLE, "сладше меда"; ΓΛΥΚΥΤΕΡΟΣ ΦΩΤΟΣ ΚΑΙ ΖΩΗΣ, "сладше света и жизни"; AGNELLVS DEI, "маленький агнец Божий"; PALVMBVLVS SINE FELLE, "Голубка без желчи"; PARVVLVS INNOCENS, "Маленькая невинность"; MEAE DELICIAE, "Мое наслаждение"; DVLCISSIMVS CARISSIMVS, "Самая сладкая, самая дорогая"; ΕΙΡΗΝΗ ΣΟΙ ΦΟΡΤΟΥΝΑΤΗ ΘΥΓΑΤΡΙ ΓΛΥΚΥΤΑΤΗ, "Мир тебе, о Фортуната, наше очень милое дитя"; INNOCENTISSIMO PAVLO QVI - VIX - M - X - D - XIII, "Невиннейшему Павлу, жившему десять месяцев и четырнадцать дней"; ANIMA DVLCIS INNOCVA SAPIENS ET PVLCHRA, "Милый дух, бесхитростный, мудрый и прекрасный" (ребенок в возрасте трех лет); MIRAE INNOCENTIAE AC SAPIENTIAE PVERO, "Мальчик удивительной невинности и ума" (в возрасте четырех лет).) Иногда упоминается краткое пребывание маленького пилигрима на берегах жизни, например PARVM STETIT APVD NOS: "Он пробыл с нами совсем недолго".

На Сицилии приводится следующее: ΕΝΘΑΔΕ KITE (*sic*) ΕΝ EIPHNNH MAPIA EZHCEN ETH MIKPON ΠΡΟC B (KAI) ΕΤΕΛΕΙΩΘΗ, "Здесь покоится Мария: она прожила чуть больше двух лет (и) закончила свой путь". О другой сказано, что она умерла INTER MANVS PARENTVM, "В объятиях своих родителей". В эпитафии в Неаполе есть изящное изречение скорбящего сердца: IN SOLIS TV MIHI TVRBA LOCIS, "В одиноких местах ты толпишься для меня". Обычно, однако, горе родителей остается невысказанным, и мы читаем просто: PARENTES FECERVNT FILIAE, "Родители сделали (эту могилу) для своего ребенка", или, возможно, MATER INCOMPARABILI FILIAE PECIT, "Мать сделала это для своей несравненной дочери".

Иногда восхваление усопшего более изощренно, как, например, в следующей фразе, которая, вероятно, относится к позднему периоду; DALMATIO FILIO DVLCISSIMO TOTIVS INGENIOSITATIS AC SAPIENTIAE PVERO QVEM PLENIS SEPTEM ANNIS PERFRVI PATRI INFELICI NON LICVIT QVI STVDENS LITTERAS GRAECAS NON - MONSTRATAS SIBI LATINAS- "Далмацию, очень милый сын, в высшей степени гениальный и мудрый, чей несчастный отец не имел возможности наслаждаться им в течение семи полных лет, который, изучая греческий язык, приобрел латынь, не будучи обученным." [753]

Иногда встречается естественное выражение скорби, например, PARENTES DOLENTES - "Скорбящие родители"; PATER INFELIX - "Несчастный отец"; CONTRA VOTVM - "С сожалением"; PARENTES MISERI FVNEBRIS ACERVITATE (*sic*) PERCVSSI TITVLVM ERIGI IVSSERVNT - "Несчастные родители, пораженные горечью ее смерти, повелели установить эту табличку" (А. 464 г.); EREPTA EX OCVLIS GENITORIS, "Снята с глаз родителя"; QVIS NON DOLVIT AETATI TVAE PIASQVE LACRIMAS FVDIT IN TE SPES FVTVRA EXPECTABATVR PER TE PER TE GLORIA PERENNIS CELERINE FILI, FIDELIS QVIESCIS IN PACE QVI VIXIT ANN. I. M. VIII- "Кто не скорбел о твоём (незрелом) возрасте и не лил умиленных слез? В тебе была надежда на будущее. Через тебя, через тебя, о сын Целерина, ожидалась вечная слава. Верный, ты покоишься в мире, прожив один год восемь месяцев" (381 г. н. э.).

В следующем, более позднем стихотворении, выражения скорби более изощренные и искусственные, и указывают на влияние языческой мысли и дикции, особенно в последней строке:

QVOD DVLCES NATI QVOD CARA PIGNORA PRAESTANT
ABSTVLIT ATRA DIES ET FVNERE MERSIT ACERVO
HAEC MATER ET GENITOR CONSCRIBVNT CARMINA BVSTO
QVO LEGENTI SIMVL REDEAT SVB CORDE FIGVRA
ET SICCAT SAEPE MADESCANT LVMINA FLETV
SIC MEDICATVR AMOR NEC CVRANT CARMINA MANES.

"Каких милых детей, какие дорогие обещания сулят, страшный день унес и вверх в горькую смерть. Отец и мать вместе пишут эти стихи на могиле, чтобы у каждого читающего образ сразу возвращался в душу, а глаза, давно высохшие, увлажнялись слезами. Так любовь приносит облегчение, и души не заботятся о песнях".

Не менее пылко выражают свою привязанность к своим взрослым отпрыскам оставшиеся в живых родители. Более того, они, если это возможно, еще более интенсивны, как будто вырваны из кровоточащего сердца скорбью по упавшей колонне дома - сломанному посоху их уходящих лет. На следующей картине из галереи лапидариев эпитеты ласки щедро осыпают любимый объект:

ADSSERTORI FILIO KARO DVLCI INNOCO ET INCOMPARABILI QVI VIXIT ANNIS XVII - M - VII - DIEBVS VIII - PATER ET MATER FECER(VNT) - "Адсертору, нашему дорогому, милому, бесхитроственному и несравненному сыну, который прожил семнадцать лет, семь месяцев, восемь дней. Это сделали его отец и мать".

Аналогичный характер носят и следующие: PAVLA CLARISSIMA FAEMINA DVLCIS BENIGNA GRATIOSA FILIA - "Паула, прославленная женщина, милая, добрая и милостивая дочь"; NIMIVM CITO DECIDISTI CONSTANTIA MIRVM PVLCHRITVDINIS ATQVE IDONEITATIS - "Слишком рано ты пала, Констанция, прекрасный (пример) красоты и способностей".

Подобные свидетельства родительской привязанности и скорби встречаются и в языческих надписях, хотя зачастую они омрачены глубоким и мрачным отчаянием. Так, мы читаем такие нежные эпитеты в адрес маленьких детей, как FILIAE DVLCISSIMAE IAM GARRVLAE BIMVLAE NONDVM - "Очень милой дочери, которая сейчас болтает, еще не достигнув двух лет"; OBSEQUENTISSIMAE FILIAE - "Самой послушной дочери"; MATER MOERENS FILIO EX QVO NIHIL VNQVAM DOLVIT NISI CVM IS NON FVIT - "Скорбящая мать своему сыну, от которого она никогда не получала боли, кроме как когда его не было" - то есть когда он умер; PARVAE BVSTA PVELLAE THREPTVS PATER FECIT QVIS NON VVLTVM RIGAT LACRIMIS MAERORE COACTVS QVIS NON TRISTITIAM PECTORE CONCIPIT - "Ее приемный отец сделал эту гробницу для маленькой девочки. Кто не увлажняет свое лицо слезами, вынужденный скорбеть? Кто не лелеет печаль в своем лоне?" ADOLESCENTVLAE DVLCISSIMAE PATER PISSIMVS ET INFELICISSIMVS FECIT - "Самой милой юной деве ее самый нежный и несчастный отец подарил эту могилу"; FLEVIT ET ASSIDVO MAESTVS VTERQVE PARENS - "Оба скорбящих родителя непрестанно плакали".

Мы также имеем такие примеры, как "MATER AD LVCTVM ET GEMITVM RELICTA EVM LACRIMIS ET OPOBALSAMO VDVM HOC SEPVLCHRO CONDIDIT" - "Его мать, оставленная в печали и стенаниях, похоронила его, влажного от слез и бальзама, в этой гробнице;" QVAE OB DESIDERIVM FILI SVI PISSIMI VIVERE ABOMINAVIT ET POST DIES XV FATI EIVS ANIMO DESPONDIT - "Которая, из-за тоски по своему самому нежному сыну, возненавидела жизнь, и, через пятнадцать дней после его смерти, также умерла."

Иногда в своем страстном горе языческие родители упрекают себя в том, что пережили своих детей, как, например, в следующем.

CRVDELIS IMPIA MATER CARIS SVIS DVLCISSIMIS ... INFELICISSIMA MATER QVI (*sic*) VIDIT FVNVS SVVM CRVDELISSIMVM QVAE SI DEVM PROPITIVM HABVISSET HOC DEBVERA (*sic*) EOS PATI.

Жестокая, нечестивая мать, к своим дорогим, самым милым детям. Несчастнейшая мать, увидевшая (в них) свою *собственную* жесточайшую смерть, которая, если бы у нее было благосклонное божество, должна была бы претерпеть это за них - (то есть умереть вместо них).

HIC IACET EXINCTVS CRVDELI FVNERE NATVS
VLTIMA VIVENDI QVI MIHI CAVSA FVIT.

Здесь лежит, уничтоженный жестокой судьбой, сын, который был единственной причиной моей жизни".

Часто выражения в христианских эпитафиях сыновней привязанности к умершим родителям необычайно нежны и красивы, как, например: PATRI DVLCISSIMO BENEMERENTI IN PACE - "Милейшему отцу нашему, достойному, в мире" (356 г. н. э.); TIGRITI BENEMERENTI.... FILIVS FECI MATRI - "Достойной Тигрице..... Я, ее сын, сделал это для своей матери" (А. D. 393;) HOC TVMVLVM PATRIS FILIVS FIERI VOLVIT CAVSA AMORIS PATERNI RECORDATIONIS - "Эту гробницу отца сын пожелал сделать, чтобы помнить об отцовской привязанности"; TE PARENS SOBOLES CONIVNXQVE

FIDELIS TE MIXTIS LACRIMIS LVGET AMATA DOMVS- "Тебя, родитель твой, отпрыск твой, верная супруга твоя, любимый дом твой, со смешанными слезами оплакивай" (A. D. 533.)

HEV MEMORANDE PATER LONGI MIHI CAVSA DOLORIS

OPTASTI IN MANIBVS FILIORVM SAEPE TVORVM

SVMERE ET AMPLEXV DVLCI TENVARE NEPOTVM.

ADFVIT HIS VOTIS EXCELSI GRATIA CHRISTI

FELIX VITA FVIT FELIX ET TRANSITVS IPSE. (A. D. 534.)

Увы, о отец, вечно поминаемый, причина моей долгой скорби, ты часто желал умереть в объятиях своих детей, нежно уйти из жизни в сладких объятиях своих отпрысков. Эти желания благодать превознесенного Христа исполнила. Счастлива была жизнь твоя, счастлива и кончина твоя".

Мы также находим эпитафии приемных родителей и усыновленных детей, показывающие осуществление под влиянием христианских чувств прекрасной благотворительности по спасению подкидышей и сирот[754] от нищеты, бесчестия или смерти. Следующий пример датируется 392 годом н. э:

PERPETVAM SEDEM NVTRITOR POSSIDES IPSE

HIC MERITVS FINEM MAGNIS DEPVNCTE PERICLIS

HIC REQVIEM FELIX SVMIS COGENTIBVS ANNIS

HIC POSITVS PAPASANTIMIO QVI VIXIT ANNIS LXX.

"Вы сами, воспитавшие (нас), теперь занимаете место длительного упокоения. Здесь вы достигли заслуженного конца пути, чреватого великими опасностями. Здесь, в счастье, вы обрели покой, которого требует возраст. Здесь покоится приемный отец Антимио, проживший семьдесят лет".[755]

Особенно красиво и нежно поминаются супружеские привязанности. Взаимная любовь мужа и жены находит в этих надписях отражение, свидетельствующее о счастье супружеских отношений среди первохристиан. Часто покойный муж с благодарностью вспоминает о том, что его супружеская жизнь протекала в совершенной гармонии, не омраченной ни единым разладом - SEMPER CONCORDES SINE VLLA QVERELA.

Посмертные похвалы этим христианским матронам напоминают вдохновенный портрет добродетельной женщины из Священного Писания. О силе супружеского горя свидетельствуют выражения: MALE FRACTVS CONIVX - "Муж сокрушен" и GEMITV TRISTI LACRIMIS DEFLET - "Он оплакивает в слезах с горькими причитаниями". Часто встречается фраза INCOMPARABILIS CONIVX - "Несравненная жена", часто с добавлением, OPTIMAE MEMORIAE - "С прекраснейшей памятью". Иногда мы встречаем нежное выражение, заключающее в себе такую глубину смысла в простых словах: QVI AMAVIT ME - "Кто любил меня"; также фразу: CARVS SVIS - "Дорогой для своих друзей"; или: PERDVLCISSIMO CONIVGI SVO - неадекватно переведенную: "Для самого дорогого мужа". Высказывания о горе, в тайну которого не может проникнуть никто, кроме тех, кто познал его горечь, часто бывают чрезвычайно патетичными.

Дух этих надписей лучше всего виден на конкретном примере. Ниже приведены характерные примеры: DEO FIDELIS DVLCIS MARITO NVTRIX FAMILIAE HVMILIS CVNCTIS AMATRIX PAVPERVM - "Верная Богу, привязанная к мужу, кормилица семьи, скромная со всеми, любительница бедных;"

BIXIT MECVM ANNIS XXII - MENS - IX - DIES V IN QVIBVS SEMPER MIHI BENE FVIT CVM ILLA- "Она прожила со мной двадцать два года, девять месяцев, пять дней, и в течение этого времени мне всегда было хорошо в ее обществе;" CONIVGE VENERANDE BONE INNOCVA FLORENTIA DIGNA PIA AMABILIS PVDICA (*sic*) - "Моей жене Флорентии, достойной чести, доброй, бесхитростной, достойной, благочестивой, любезной, скромной."

HIC REQUIESCIT IN PACE TERTVRA CF DVLCIS PETRONII CONIVX
DEO SERVIENS VNICAE FIDEI AMICA PACIS CASTIS MORIBVS ORNATA
COMMVNIS FIDELIBVS AMICIS FAMILIAE GRATA NVTRIX NATORVM
ET NVMQVAM AMARA MARITO.

"Здесь покоится в мире Тертура, прославленная женщина, милая жена Петрония, служащая Богу, обладающая безупречной верой, друг мира, украшенная скромными манерами, приветливая с верными друзьями своей семьи, любящая няня своих детей и никогда не испытывающая горечи по отношению к своему мужу".

HIC MIHI SEMPER DOLOR ERIT IN AEVO
ET TVVM BENERABILEM VVLTVM FVAT VIDERE SOPORE
CONIVNX ALBANAQVE MIHI SEMPER CASTA PVDICA
RELICTVM ME TVO GREMIO QVEROR
QVOD MIHI SANCTVM TE DEDERAT DIVINITVS AVCTOR.

"Эта скорбь всегда будет тяготить меня. Да будет даровано мне созерцать во сне твой почитаемый лик. Моя жена Альбана, всегда целомудренная и скромная. Я скорблю о потере твоей опоры, которую наш божественный автор дал мне как священное (благо)".

В следующем стихотворении разочарованный муж оплакивает жену своей юности с приятной иллюзией, что такой любви, как у них, мир еще не знал: DOMNINAE INNOCENTISSIMAE ET DVLCISSIMAE CONIVGI QVAE VIXIT ANN - XVI - M - IIII - ET FVIT MARITATA - ANN DVOBVS - M - IIII - D - VIIII CVM QVA NON LICVIT FVISSE PROPTER CAVSAS PEREGRINATIONIS NISI - MENSIB - VI - QVO - TEMPORE - VT EGO SENSI ET EXHIBVI AMOREM MEVM MVLLIS VALII (*sic*) SIC DELIXERVNT- "Домнине, моей самой бесхитростной и милой жене, которая прожила шестнадцать лет и четыре месяца, и была замужем два года, четыре месяца и девять дней; с которой я не мог жить по причине моих путешествий более шести месяцев: в течение этого времени, как я чувствовал и проявлял свою привязанность, никто другой никогда не любил."[\[756\]](#)

Аналогичные выражения привязанности применяют покойные жены к своим умершим мужьям. В следующем стихотворении овдовевшее сердце с нежным удовлетворением думает о том, что никакие воспоминания о разлуке не омрачают ее память об утраченном: AGRIPPINA FECIT - DVLCISSIMO SVO MARITO CVM QVEM VIXIT SINE LESIONE ANIMI - ANNOS III ET M - X.- "Агриппина сделала это своему очень милому мужу, с которым она прожила, не разлучаясь, три года и десять месяцев". Аналогичное значение имеет и следующее: DIGNO MERITOQVE IVGALI MEO TETTIO FILICISSIMO DIACONO - MARCIA DECENTIA DVLCISSIMO MIHI DIEM DEPOSITIONIS LAPIDEMQVE DESCRIPSI - MERITO VIXIT ANNVS NON MINVS LXX- "Мужу моему, Теттию Фелициссиму, достойному и заслуживающему, диакону. Я, Марция Деценция, начертала этот камень ему, (который был) мне милее всех, в день его погребения. Он прожил в почете не менее семидесяти лет".

Подобный язык смешанной любви и горя встречается в языческих надписях, но без карающего влияния христианского смирения. Домашняя жизнь римлян, особенно в дни республиканской простоты, кажется, была удивительно свободна от раздоров и распрей. Так, мы часто встречаем записи о том, что более полувека прошло в браке, SINE IVRGIO, SINE AEMVLATIONE, SINE DISSIDIO, SINE QVERELA - "без споров, без подражания, без разногласий, без раздоров". С непрестанной итерацией добродетели усопшего с любовью записываются, как в следующих примерах: CONIVGEM FIDELISSIMAM - "Самой верной жене"; OPTIMA DOMINA SANCTISSIMA - "Лучшей и самой почитаемой даме"; MARITAE PISSIMAE DVLCISSIMAE RARISSIMAE - "Самой благочестивой и милой жене редчайшего совершенства"; OPTIMA ET PVLCHERRIMA LANIFICA PIA PVDICA CASTA DOMESEDA - "Лучшей и прекраснейшей, прядильщице шерсти, благочестивой, скромной, целомудренной, домоседке"; VXORI OBSEQUENTISSIMAE - "Самой послушной (или покорной) жене"; T. FL. CAPITO CONIVGI CASTISSIMAE PISSIMAE ET DE SE OPTIME MERITAE DE QVA NVLLVM DOLOREM NISI ACERBISSIMAE MORTIS EIVS ACCEPERAT - "Титу Флавию Капито, его целомудреннейшей и благочестивейшей жене, достойной его, от которой он не получил никакой причины для печали, кроме ее самой горькой смерти"; TEMPIVS HERMEROS CONIVGI CARISSIMAE ... CVIVS DESIDERIO IVRATVS EST SE POST EAM VXOREM NON HABITVRVM - "Темпий Гермерос, своей самой дорогой супруге, из-за любви к которой он поклялся, что у него не будет другой жены". Однажды мы встречаем странное замечание мужа о своей жене: CVIVS IN DIE MORTIS GRATIAS MAXIMAS EGI APVD DEOS ET APVD HOMINES - "В день смерти которой я воздал величайшую благодарность богам и людям". Вероятно, это было связано с ее освобождением от страданий.

В сопроводительной эпитафии убитая горем вдова оплакивает свою невосполнимую утрату: CONIVGI DESIDERATISSIMO ... NVNC NEQVE TE VIDEO NEC AMOR SATIATVR AMANTIS ET CONIVX MISERA FINEM DEPOSCO DOLORI - "Моему глубоко сожалеющему мужу..... Ибо не вижу я тебя теперь, и не удовлетворена лаской любящего супруга твоего, и я, несчастная жена, прошу прекратить мою печаль".

Подобные примеры супружеской любви заставляют вспомнить бессмертную любовь Алкестиды из греческого мифа, умирающей за повелителя своего лона, и Аррию из римской истории, которая отказывается пережить своего мужа и, вонзив кинжал в собственную грудь, с предсмертной улыбкой восклицает: *Pæte, non dolet* - "Это не больно, мой Пэтус". [757]

Еще один интересный класс христианских надписей - это надписи, посвященные братской привязанности. Ниже приведены типичные примеры: IOVIANO KARISSIMO FECIT (*sic*) FRATRES PIENTISSIMAE (*sic*) - "Дорогому Иовиану его самые нежные братья сделали это"; ΤΩ ΜΑΚΑΡΙΩ ΠΑΥΛΩ ΗΔΥΛΑΛΟΣ ΑΔΕΛΦΟΣ - "Блаженному Павлу, его брату Хедулалосу".

В сопроводительном поэтическом послании сестре прекрасно сказано о меланхоличном утешении скорби по утраченному:

SVME SOROR CARMEN SOLATIA TRISTA (*sic*) FRATRIS

QVI SOLVS GEMITV HEC (*sic*) TIBI VERBA DEDIT

QUAE TEGITVR TVMVLO SI VIS COGNOSCERE LECTOR

SVBLIMES GESSIT SANGVINIS HAEC TITVLOS

MORIBVS HEC CRISTVM SEMPER COMITATA SVPERSTES

QVEM POST FATA SIBI CREDIDIT ESSE DVCEM.

Сестра, прими эти стихи, печальное утешение твоего брата, который в одиноких сетованиях передал тебе эти слова. Читатель, если ты хочешь узнать, кого покрывает эта гробница, то она носила имена, которые говорили о ее высоком происхождении. При жизни она всегда следовала в своих поступках за Христом, который, как она верила, будет ее проводником после смерти.

Часто члены одной семьи были похоронены в одной могиле - милые и приятные при жизни, а в смерти не разделенные. Так, мы читаем о брате и сестре, которые умерли в один день и были похоронены вместе - VNA DIE MORTVI ET PARITER TVMVLATI SVNT; о некоем Антигоне, который занимал одну могилу со своей сестрой - LOCVM HABET CVM SORE (*sic*) SVA; о матери, которая разделила могилу своей дочери - FELICIA CVM FILIA IN PACE; также о Клавдии и Юлии, которые заняли свои места рядом со своей милой подругой Кальпурнией. Такой же обычай иногда существовал и в языческих усыпальницах, о чем свидетельствует следующая эпитафия мужа и жены, которые, чтобы не разводиться даже в смерти, смешали свой прах в одной урне:

PARATO HOSPITIO CARA IVNGVNT CORPORA

HAEC RVRSVM NOSTRAE SED PERPETVAE NVPTIAE.

В приготовленном покое они соединяют свои дорогие тела. Это наши вторые, но вечные браки.[\[758\]](#)

Иногда погребальная табличка воздвигалась рукой дружбы, вероятно, когда не было никого из родственников, кто бы отдал эту последнюю печальную дань привязанности. Де Росси считает, что следующая табличка - одна из самых древних в Риме: DORMITIONI T. FLA. EVTYCHIO. HVNC LOCVM DONABIT M. ORBIVS AMICVS KARISSIMVS KARE BALE- "В качестве места упокоения для Тита Флавия Евтихия его самый дорогой друг Марк Орбиус предоставил это место. Прощай, любимый". Один прекрасный друг таким образом отмечает потерю другого: AELIA VICTORINA POSVIT AVRELIAE PROBAE - "Ælia Victorina воздвигла этот камень Аурелии Проба". Мы также встречаем такие выражения, как "лучший друг", "дорогой и верный товарищ", "постоянный в любви и истине". Иногда скромный слуга или вольноотпущенник записывает добродетели своего господина, как в эпитафии Гордиана, воздвигнутой его служанкой Теофилой -ΥΟΦΗΛΑ ANCHΛΛΑ ΦΕCIT (*sic*); и Просены, которую написал Ампелий, его вольноотпущенник - SCRIPSIT AMPELIVS LIB. Другая была похоронена своей милой и святой кормилицей во Христе -ΘΡΕΠΤΕΙΡΑΝ ΓΛΥΚΕΡΗΝ ΑΓΙΑΝ ΕΝ ΧΡΩ.

Продолжительность болезни или причина смерти иногда, хотя и очень редко, упоминается в христианских надписях. Так, мы имеем такие сведения, как PERIT IN DIES V - "Он умер через пять дней"; ENOCHSEN ΗΜΕΡΑΣ ΙΒ - "Он был болен двенадцать дней". Языческая эпитафия жалуется на смерть покойного от магических заклинаний: CARMINIBVS DEFIXA IACVIT PER TEMPORA MVTA VT EIVS SPIRITVS VI EXTORQVERETVR QVAM NATVRAE REDDERETVR - "Одолеваемая чарами, она временами лежала немая, так что ее дух был вырван из нее силой, а не возвращен природе". Другую похитили, когда она слишком усердно ухаживала за больным мужем-DVM FOVIT NIMIA SEDVLITATE VIRVM. Еще одна умерла от внутренних ожогов, с которыми медицина была бессильна справиться -ARDENTES INTVS VINCERE QVOS MEDICAE NON POTVERE MANVS. О другой мы читаем, что после долгих и разнообразных недугов она освобождается от человеческих вещей - POST LONGAS ET VARIAS INFIRMITATES HVMANIS REBVS EXEMPTA EST.[\[759\]](#) Подобно этому выражению в христианской эпитафии-POST VARIAS CVRAS POST LONGAE MVNERA VITAE-"После различных забот, после обязанностей долгой жизни".

Тот же дух, что и в память об ушедших, приводил к украшению их могил благочестивыми фресками или сложными скульптурами, нарисованными или высеченными часто как последнее подношение любви рукой привязанности или дружбы - вот уже пятнадцать веков родственной пыли с тем, чье место упокоения она с такой любовью стремилась украсить.

Однако мы не сможем оценить безупречный характер, простое достоинство и нравственную чистоту первобытных христиан, о которых свидетельствуют эти посмертные останки, если забудем о развращенном обществе, которым они были окружены. Казалось бы, в такой затхлой атмосфере христианские благодати практически не могли развиваться. Подобно белоснежной лилии, появляющейся в девственной чистоте из грязной жижи, они еще прекраснее на фоне окружающих загрязнений. Подобно цветам, украшающим гробницу и дышащим своим ароматом среди сцен тления и смерти, эти святые персонажи благоухают дыханием небес среди социальной гнили и моральной смерти их грязного окружения.

Трудно представить и невозможно изобразить отвратительные загрязнения того времени. "Общество, - говорит Гиббон, - представляло собой гниющий, бесцельный хаос чувственности". Это был кипящий Ахерон с бурлящими страстями, непозволительными похотями и тигриной жаждой крови, подобных которым не вызывал гнев небес с тех пор, как Бог утопил мир водой или уничтожил огнем города на равнине. Только те, кто побывал в тайном музее Неаполя, или в доме, куда не может войти ни одна женщина в Помпеях, и чьи картины не может описать ни одно перо; или те, кто знаком с язвительными обличениями народных пороков римскими сатириками и моралистами и христианскими отцами, могут представить себе ужасающую испорченность эпохи и нации. Святой Павел в своем Послании к Церкви, жившей среди этого народа, намекает на некоторые черты его крайнего нечестия. Стыдно было даже говорить о том, что они творили, но что талантливые поэты прославляли своим остроумием. Озверевшее чудовище обожествлялось как Бог, получало божественные почести,^[760] и видело весь мир у своих ног, а народы трепетали перед его кивком, в то время как толпа погрязала в стилях чувственности.^[761]

Христианство должно было стать новым Геркулесом, который очистил бы этот худший, чем Аугея, источник загрязнения. Чистые нравы и святая жизнь верующих были вечным свидетельством против изобилующего беззакония и живым доказательством возрождающей силы и преображающей благодати Божьей. Ведь они сами, как утверждает один из их апологетов, "были избавлены от десяти тысяч пороков".^[762] И апостол, описывая некоторых из самых мерзких персонажей, восклицает: "Таковы были некоторые из вас, но вы омылись, вы освятились". Они с величайшим отвращением отвращались от загрязнений века и стали действительно "солью земли", единственным моральным антисептиком, предотвращающим полный распад общества.

Христиане ежедневно соприкасались с идолопоклонством. Вся общественная и частная жизнь язычников была пронизана духом многобожия. Идолопоклоннические обычаи переплетались почти с каждым действием. Судебные инстанции, торговые рынки, дороги и сады, фонтаны и реки, домашний очаг, двери и петли находились под покровительством соответствующих божеств. Орудия труда, домашняя утварь, военные знамена, достижения искусства, украшения красоты - все это было посвящено поклонению идолам. Ежедневные трапезы и обряды гостеприимства, общественные банкеты и публичные развлечения, общий язык и дружеские приветствия - все это имело религиозное значение.

Поэтому христиан особенно увещевали "хранить себя от идолов". Они считали, что их изображения были обителью деймонов, которые наслаждались запахом крови и плотской плоти.^[763] Против изготовителей изображений были выдвинуты самые суровые церковные порицания. Они были приемными отцами дьяволов,^[764] которым они приносили в жертву не зверя, а свой разум, возливали возлияние своего пота, зажигали факел своей мысли и умерщвляли более богатую и драгоценную жертву своего спасения.^[765] Верующие не могли ни украшать венками свои ворота, ни освещать свои дома, ни посещать общественные праздники, ни быть свидетелями жертвоприношения, ни принимать языческие приветствия, ни продавать благовония, ни есть мясо, оскверненное идольскими приправами.^[766] Так среди языческих обычаев и невыразимой моральной деградации жили христиане: святой народ, особый народ.

"Только мы не совершаем преступлений", - говорит Тертуллиан; "ни один христианин не страдает, кроме как за свою религию". "Ваши тюрьмы полны, - говорит Минуций Феликс, - но в них нет ни одного христианина". И эти святые жизни были аргументом, который не могли оспорить даже язычники. Этика язычества была рассуждениями немногих культурных людей, стремившихся к статусу философов. Этика христианства представляла собой систему практических обязанностей, затрагивающих повседневную жизнь самых скромных и непросвещенных людей. "Философия, - говорит Лекки, - может возвышать человека, но не способна его возродить; она может культивировать добродетель, но не может обуздать порок".[767] Но христианство дало новое представление о грехе и святости, о вечной награде и бесконечном осуждении. Оно посеяло в сердце возвышенную, бесстрастную любовь к Христу, воспламенив все его привязанности. Он превратил характер из ледяного стоицизма или эпикурейского эгоизма в безграничное и нерасчетливое самоотречение и преданность.[768]

Этот божественный принцип развил в душе новый инстинкт филантропии. Чувство всеобщего братства скрепляло сердца верующих. Любить раба, любить врага - это считалось невозможным среди язычников; но эту невероятную добродетель они ежедневно наблюдали среди христиан. "Это удивляло их безмерно, - говорит Тертуллиан, - что один человек должен умереть за другого".[769] Поэтому в христианских надписях нет ни слова горечи даже по отношению к своим гонителям. Со всех сторон дышит сладкий мир, мир Божий, превосходящий всякое понимание.

Один из самых поразительных результатов нового духа филантропии, который принесло христианство, виден в обильной благотворительности первобытной церкви. Среди развалин древних дворцов и храмов, театров и бань нет ни одного дома милосердия. Благотворительность среди язычников была в лучшем случае случайным и капризным увлечением. Среди христиан она была огромной и энергичной организацией и культивировалась с благородным энтузиазмом. А великий и нечестивый город Рим с его жестокими притеснениями и бесчеловечными преступлениями предоставлял широчайшие возможности для христоподобного служения любви и жалости. Там были рабы-христиане, которым нужно было помогать, подвергаясь невыразимым унижениям и жестоким наказаниям, вплоть до распятия на кресте за угрызения совести. Часто мученикам приходилось утешать муки, перевязывать ноющие раны, нанесенные дыбой или безымянными пытками язычников, а их израненные и разбитые сердца ободрять небесным утешением. Были отверженные младенцы, которых нужно было вырвать из рук смерти. Было тысяча видов страданий и скорбей, которые нужно было облегчить, и постоянно присутствующая мысль о Том, Кто пришел не для того, чтобы Ему служили, но чтобы служить, и отдать Свою жизнь во искупление многих, вдохновляла на героическое самопожертвование и самоотречение. И, несомненно, религия любви завоевала путь ко многим каменным языческим сердцам благодаря чарам святой благотворительности и небесным благодеяниям гонимых христиан. С тех пор этот возвышенный принцип покрыл землю своими институтами милосердия и со страстным рвением искал беды людей в каждой стране, чтобы их облегчить. В первобытной церкви регулярно проводились добровольные сборы[770] для бедных, престарелых, больных, братьев в узах и для погребения умерших. Всякое мошенничество и обман были отвратительны, а ростовщичество запрещено. Многие отдавали все свое имущество на пропитание бедных. "Наша благотворительность раздаёт на улицах больше, - говорит Тертуллиан язычникам, - чем ваша религия во всех храмах".[771] Он упрекает их за то, что они приносят в жертву богам только изношенное и бесполезное, такое, какое отдают собакам.[772] "Как это чудовищно, - восклицает александриец Климент, - жить в роскоши, в то время как многие нуждаются".[773] "Как хочешь получить, так и прояви милосердие", - говорит Златоуст; "сделай Бога своим должником, чтобы потом получить с ростовщичеством".[774] Церковь в Антиохии, рассказывает он, содержала три тысячи вдов и девственников, кроме больных и бедных. При гонителе Деции вдов и немощных, находившихся под опекой церкви в Риме, было пятнадцать сотен. "Вот сокровища церкви", -

сказал святой Лаврентий, указывая на престарелых и бедных, когда языческий префект пришел конфисковать ее богатства. Церковь в Карфагене отправила сумму, равную четырем тысячам долларов, для выкупа христианских пленников в Нумидии. Святой Амвросий продал священные сосуды миланской церкви, чтобы спасти пленников от готы, считая это самым верным посвящением на служение Богу. "Лучше одеть живые храмы Христа", - говорит Иероним, - "чем украшать храмы каменные".[775] "Бог не нуждается в тарелках и блюдах", - сказал Акакий, епископ Амиды, и выкупил с их помощью несколько бедных пленников. С аналогичной целью Паулин из Нолы продал сокровища своей прекрасной церкви и, говорят, даже продал себя в африканское рабство.[776] Христианских путешественников гостеприимно принимали верующие, а до конца четвертого века были созданы приюты для больных, престарелых и немощных. Во время Декийских гонений, когда улицы Карфагена были усеяны умирающими и мертвыми, христиане со шрамами от недавних пыток и тюремного заключения проявляли благородство евангельской мести, заботясь о своих пораженных лихорадкой гонителях, и, казалось, стремились к мученичеству христианского милосердия, еще более славному, чем то, которого они избежали.[777] Во время чумы в Александрии шестьсот христианских параболани погибли, чтобы помочь умирающим и похоронить мертвых.[778] Юлиан призвал языческих жрецов подражать добродетелям смиренных христиан.

Христианство также придало новую святость человеческой жизни и даже осудило как убийство языческий обычай уничтожения нерожденного ребенка. Обнажение младенцев было ужасно распространенной языческой практикой, которую допускали даже Платон и Аристотель. Мы имеем свидетельства нежного милосердия христиан, спасавших этих подкидышей от смерти или от более страшной участи - позорной жизни. Христианство также решительно утвердило "канон Всевышнего против самоубийства", которое язычники даже возвели в добродетель. Он учил, что терпеливое перенесение страданий, как у Иова, демонстрирует более высокое мужество, чем отказ Катона от жизни.

Из одиннадцати тысяч христианских надписей первых шести веков лишь полдюжины содержат упоминания о подневольном состоянии, и из них, как отмечает доктор Норткот, две или три сомнительны. Тем не менее, среди языческих эпитафий не менее трех четвертей принадлежат рабам или вольноотпущенникам. Заметное отсутствие признания этого несчастного социального различия - не просто случайность. Мы знаем, что христиане в значительной степени были выходцами из подневольных классов, но в Церкви Божьей не было уважения к личности. Евангелие свободы разом сняло рабство с тел и душ людей. Во Христе Иисусе не было ни иудея, ни грека, ни раба, ни свободного. Жалкий раб в перерывах между трудом и пытками с радостью улавливал освобождающую весть и поднимался на ноги, окрыленный бессмертной надеждой. Тогда "растоптанная мужественность услышала и потребовала свой венец". Жертва человеческого угнетения ликовала от вновь обретенной свободы во Христе, которую не могли купить ни богатства, ни цепи рабства, ни даже сама смерть. Для него самый возвышенный земной дворец был лишь позолоченной темницей души, его скромная койка стала прихожей небес, а его освобожденный дух перешел с соломенных поддонов на лоно Авраама.

В христианской церкви были упразднены мирские различия.[779] Самые высокие духовные достоинства были открыты для самого низкого раба. В церковной иерархии не было ни прав рождения, ни привилегий крови. В надписях катакомб нет ни значков рабства, ни почетных титулов. Богатый дворянин - повелитель многих акров земли - признавал в своем ничтожном слуге соратника по славе. Они вместе склонились за одним столом Господа, приветствовали друг друга взаимным поцелуем милосердия и бок о бок в своих тесных могилах в конце концов вернулись в неразличимый прах. История Онесима могла повториться, и патриций-хозяин принял своего вернувшегося раба "не как раба, но как брата возлюбленного". Он мог поклониться ему,

как своему церковному начальнику, и принять из рук плебея эмблемы их общего господина. Смиранные аренарии и фоссоры, грубые кампанские земледельцы и пастухи, и они, "из дома Сезара", встретились в общем братстве, связанные более крепкими узами, чем родственные или мирские, как наследники славы и вечной жизни.

Положение рабов в Риме было невыносимо жалким. Колоссальные сваи, построенные их кровью и потом, свидетельствуют о горечи их рабства. Плеть надсмотрщика была слышна на полях, а кресты с дрожащими жертвами загрязняли общественные дороги. Видий Поллио кормил своих много телами своих рабов. Четыреста этих жалких существ залили своей кровью погребальный костер Педания Секунда. Один вольноотпущенник владел более чем четырьмя тысячами этих человеческих жертв. Они не имели ни брачных прав, ни прав на своих детей. Эта бессловесная, копошащаяся масса человечества, подавленная властью, ведомая своими похотями и питаемая общественными подачками, стала рассадником порока, в котором бурно развивались все дурные страсти. Институт рабства накладывал позорное клеймо на труд и препятствовал формированию того интеллигентного среднего класса, который является истинным гарантом свободы. Христианство же, напротив, возвеличило, облагородило и в некотором смысле освятило труд примером своего Божественного Основателя. Оно освятило такие низменные добродетели, как смирение, послушание, мягкость, терпение и долготерпение, которые язычество презирало. Она не сразу уничтожила политический институт рабства, но смягчила его зло и постепенно привела к его отмене.

Одним из самых благородных триумфов христианства стало подавление кровавых зрелищ в амфитеатре. Первые христиане имели все основания с трепетом относиться к тем проклятым сценам в огромном Колизее, который и сегодня возвышается своими могучими стенами, являясь вечным памятником жестокости безхристианского вероисповедания Рима. Многие из них были растерзаны до смерти дикими зверями или еще более дикими людьми, окруженные морем безжалостных лиц, дважды восемьдесят тысяч голодных глаз злорадно наблюдали за смертной агонией исповедника Христа, в то время как ни один палец не был отведен в сторону, чтобы сделать знак милосердия.^[780] Здесь служанки и матроны, патриции и "мерзкие плебеи" Рима наслаждались благодарным зрелищем жестокости и крови. Даже женская природа забыла о своей нежности, и честь подать сигнал к смертельному удару, увенчавшему чело мученика неувядаемым амарантом, была предоставлена девственнице-весталке. Эти страшные сцены, в которых зрелище человеческих мук и смерти становилось бесстрастным наслаждением для всех классов, породили в обществе свирепую жажду крови и пыток.^[781] Они низвергали алтарь жалости и побуждали к любым излишествам и утонченности варварства. Даже дети подражали жестокому спорту в своих играх, школы гладиаторов готовились к закланию, а женщины сражались на арене или лежали мертвыми, затоптанными в песок.

Христианство с самого начала неустанно выступало против этой ужасной практики, а также против всех театральных выставок. Смешение жестокости, идолопоклонства и непристойности этих представлений было противно и человечности, и благочестию, и скромности христиан.^[782] Особенно они входили в число помп сатаны, от которых верующий отрекался при крещении. Поэтому отказ от них часто рассматривался как доказательство обращения в христианство. Театр был домом дьявола, и он имел право на все, что в нем находилось.^[783] Христианство, вскоре после того как оно взошло на трон Сезаров, подавило гладиаторские бои. Христианский город Константинополь никогда не осквернялся зверскими зрелищами. Христианский поэт красноречиво обличал кровавое зрелище, а христианский монах ценой своей жизни протестовал против его жестокости среди самого неистовства. Его героическая мученическая смерть вызвала моральное отвращение к этой практике, и законы Гонория, говоря языком Гиббона, "навсегда отменили человеческие жертвоприношения в амфитеатре".

Примечательно, что в христианских эпитафиях так мало упоминаний о военной жизни, в то время как в языческих эпитафиях они занимают видное место. В десяти тысячах языческих надписей, проанализированных М. Ле Бланом, более пятисот, или, точнее, 5-47 процентов, носили военный характер; в то время как в четырех тысячах семистах христианских, большинство из которых появилось после эпохи Константина, только -57 процентов, были военными, или одна десятая часть тех, что были среди язычников. Но даже если они служили в армии, христиане, чьим высшим достоинством было быть воинами Христа, с меньшей вероятностью, чем язычники, упомянули бы об этом в своих эпитафиях. Хотя Тертуллиан и осуждает военную службу,[784] он все же признает, что христиане занимались ею, как и другими делами,[785] и утверждает, что их можно было встретить даже в лагерях.[786] Вероятно, однако, что их число в армии было незначительным, и они, скорее всего, были обращены в христианство после поступления на службу. Между забронзовевшими и ожесточившимися грубиянами, которые были орудием жестокости царствующего тирана, и кроткими и нежными христианами не могло быть особой близости. Мы знаем, что последним часто приходилось выбирать между мечом и Евангелием; многие отказывались от своих должностей и даже принимали мученическую смерть, чтобы не лгать своей совести.[787] Они не могли принимать военную присягу, украшать оружие лавром, короновать чучело императора, праздновать его день рождения или любой другой идолопоклоннический праздник. Поэтому их обвинили в страшном преступлении - государственной измене - и объявили врагами Цезаря и римского народа.[788] Тертуллиан отвергает это обвинение и доказывает их преданность императору и своей стране.[789]

Чувствуя, что их гражданство находится на небесах, христиане не принимали никакого участия в беспокойной земной политике. "Для нас нет ничего более безразличного, - говорит Тертуллиан, - чем государственные дела".[790] Если бы только их религиозные убеждения оставались незапятнанными, они с радостью жили бы в тишине, не затронутые гражданскими амбициями или мирскими распрями. "Сами полуголые", - усмехались язычники, - "они презируют почести и пурпурные одежды".[791] Но хотя их обвиняли в том, что они не приносят пользы государству,[792], тем не менее, они были усердны в делах и пылки духом. "Мы не брамины и не индийские адепты, - говорит их великий апологет, - живущие нагишом в лесах и изгнанные из цивилизованной жизни".[793] Они не были трутнями в социальном улье, а образцами промышленности и бережливости. Вдохновленные более высокими мотивами, чем их соседи-язычники, они добросовестно выполняли низменные жизненные обязанности, усердно культивировали личные добродетели и безупречно следовали всему, что было прекрасно и благовидно.

Ни в чем, однако, превосходство христианства над язычеством не проявляется так явно, как в огромной разнице в положении и отношении к женщине в соответствующих системах. Трудно представить себе глубину деградации, в которую впала женщина, когда христианство пришло, чтобы спасти ее от позора, одеть ее в домашние добродетели, укрепить ее среди святынь дома и занять ее в нежном служении благотворительности. Греческая куртизанка, говорит Лекки, была лучшим образцом греческой жизни - единственной свободной женщиной Афин. Но как велика была разница между греческой гетерой - Фриной или Аспазией, хотя их почитали Сократ и Перикл, и христианскими матронами Моникой, Марселлой или Фабиолой. Как много женщина обязана христианству! В Риме ее положение было еще хуже. Языческие сатирики рисуют в самых ярких красках преобладающую развращенность, а историки тех времен открывают многочисленные злодеяния, позорящие человечество. Огромные богатства, умножение числа рабов, наплыв восточной культуры с ее развращающими пороками основательно развратили общество. Отношения между полами казались полностью вытесненными. Ранние римские представления о браке были забыты; он носил не моральный, а лишь юридический характер. Женщина, не заботясь о своем "добром имени", потеряла "самую главную драгоценность своей души".

Лукреции и Виргинии старых героических дней были существами традиции. Целомудренная женщина, говорит Ювенал, была *rara avis in terra*. Юлии и Мессалины выставляли напоказ свои злодеяния в высших кругах земли, а быть женой Сезара *не означало* быть вне подозрений. Увы, за несколько коротких веков христианство должно было опуститься так низко, что бесчинства Феодоры должны были соперничать с бесчинствами Агриппины или Юлии! Даже самые возвышенные языческие моралисты и философы безрассудно пренебрегали самыми священными социальными обязательствами по своему капризу. Цицерон, столь благородно рассуждавший о природе богов, развелся со своей женой Теренцией, чтобы поправить свое разбитое состояние, женившись на богатой подопечной. Катон уступил свою жену, с согласия ее отца, своему другу Гортензию, а после его смерти забрал ее обратно. Женщина была не *личностью*, а *вещью*, говорит Гиббон. Ее права и интересы терялись в правах и интересах ее мужа. У нее не должно быть ни друзей, ни богов, кроме его, говорит Плутарх. Это был век безрассудных разводов. В начале существования Содружества в Риме не было ни одного развода за пятьсот сорок лет. В царствование Нерона, говорит Сенека, женщины измеряли свои годы по мужьям, а не по консулам. Ювенал рассказывает о женщине, у которой было восемь мужей за пять лет;^[794] и Марциал, в экстравагантной гиперболе, о другой, которая вышла замуж за десять мужей за месяц.^[795] Мы также должны считать преувеличением рассказ Иеронима о женщине, вышедшей замуж за двадцать третьего мужа, будучи его двадцать первой женой.^[796]

Тем не менее, Бог не оставил себя без свидетельства в сердцах людей, и мы видим множество иллюстраций супружеского счастья в предыдущих надписях.^[797] Но христианство сначала учило святости брачных отношений, как прообразу мистического союза между Христом и Его Церковью, и налагало взаимные обязательства супружеской верности, которые раньше считались обязательными только для женщины. Отвращаясь от отвратительной разнузданности язычников, христиане считали скромность венцом всех добродетелей, и за ее нарушение грозили самыми суровыми церковными наказаниями. В конце концов это отношение усилилось до суеверного почитания безбрачия.^[798]

Ранние соборы утверждали абсолютную греховность развода.^[799] Отцы признают только одну причину, которую называет сам Христос, как делающую развод законным.^[800] Они также осуждали второй брак, или двоеженство, как его называли, которое исключало из священнического сана и участия в благотворительности церкви.^[801] Брачные отношения рассматривались как союз двух душ на время и на вечность.^[802]

Церковь, следуя принципу, заложенному святым Павлом, решительно выступала против смешанных браков с язычниками, а святые отцы осуждали их как опасные и безнравственные. Киприан рассматривает их как проституцию членов Христа.^[803] Тертуллиан также называет их духовным прелюбодеянием.^[804] В тех случаях, когда обращение происходило после брака, христианского супруга увещевали в духе апостольских наставлений стараться кротостью и любовью обратить неверующего супруга ко Христу. Так Моника, мать Августина, и Клотильда, жена Хлодвиг, привели своих языческих мужей к принятию христианства.

Обряды и благословения церкви рано прибегли к санкции христианского брака;^[805] , несомненно, в тусклых глубинах катакомб, в окружении святых мертвецов, юные сердца должны были скрепить свою верность и быть еще крепче связанными общими опасностями и гонениями, которые они должны были разделить. Здесь же супружеская пара, возможно, прогуливалась по тихим галереям, святыми беседами вдохновляясь более сильной верой и более горячей любовью. Как сладостны были разговоры о небесах в этих бессолнечных глубинах земли! Как трепетны были эти расставания, когда перед новой встречей каждый мог получить мученический венец.

Когда церковь вышла из катакомб, брачные обряды приобрели более торжественный характер и часто сопровождалась брачными процессиями, песнями, музыкой и пиршествами. Некоторые из описанных ранее позолоченных бокалов, по-видимому, были сделаны в память об этих событиях. Так, иногда мы встречаем изображения мужчины и женщины, стоящих со сцепленными руками перед брачным алтарем, в то время как Христос венчает новобрачных. Иногда бокал, использованный в обряде бракосочетания, сразу же разбивался, как бы обозначая преходящую природу даже самого высокого человеческого блаженства. Невинные празднества по этому случаю постепенно перерастали в веселье и, в соответствии с языческими обычаями, были загрязнены разнузданностью речи и действий, неподобающих христианской скромности. Эти злоупотребления вызвали резкое осуждение со стороны отцов и первых соборов, и в конце концов духовенству было запрещено посещать такие праздники. Первые христиане должны были во всех своих развлечениях и праздниках воздержанием,^[806] чистотой, благочестием украшать доктрины Евангелия. Молитва освящала их повседневную жизнь, и каждый поступок совершался во славу Божию.

В своей одежде и быту первобытные верующие были образцами трезвости и благочестия. Они отказались от всего мирского и суетного еще при крещении. Они отказывались от пышных и вульгарных одежд, как не соответствующих серьезности и простоте христианского характера. Хотя многие по социальному положению имели право на ношение пышной римской тоги, большинство считало ее слишком показной; и, презрев всякое предположение о мирской чести, они носили вместо нее обычный паллиум или плащ. Они также отвергали, как эпикурейские соблазны мира, мода на которые уходила, роскошные драпировки, дорогие шкафы и диваны, золотые сосуды и мраморные статуи, украшавшие жилища богатых язычников.

Сильный инстинкт женского ума к украшению себя был подавлен религиозными убеждениями и церковной дисциплиной, и христианские женщины предпочитали украшения кроткого и тихого духа, а не меркантильные привлекательности язычников. "Пусть ваша привлекательность будет хорошей одеждой души", - говорит Тертуллиан. "Облекитесь в украшения апостолов и пророков, черпая белизну из простоты, румянец - из скромности, глаза - из стыдливости, уста - из молчания, вложите в уши слово Божие, возложите на шею иго Христово. Облекись в шелк праведности, в виссон святости, в пурпур скромности, и ты получишь Самого Бога в качестве возлюбленного и супруга".^[807]

"Пусть женщина вдыхает запах истинного царского миро, Христова, а не благовоний и душистых порошков", - пишет Климент Александрийский, предостерегая верующих от другой языческой практики. "Пусть она будет помазана амброзийным христом промысления, и пусть наслаждается святым благовонием Духа, и пусть предлагает духовное благоухание. Она не может увенчать живой образ Бога, как язычники увенчивают мертвых идолов. Ее прекрасный венец - из амаранта, который растет не на земле, а на небе".^[808] Простая и скромная одежда христианской матроны представлена на многих изображениях *oranti*, или молящихся фигур, в камерах катакомб. Один прекрасный пример из саркофага представлен на [рис. 88](#).

С разложением церкви и упадком благочестия при послеконстантиновских императорах развилась роскошь и увеличилась пышность одежды. Изысканный классический вкус был утрачен, и варварская пышность и великолепие стали единственным выражением роскоши. Мозаики в притворах древних базилик и отдельные изображения из катакомб периода их последнего заселения иллюстрируют возросшую роскошь одежды. Примитивная простота уступила место многоцветным и расшитым одеяниям. Волосы, часто фальшивые, были закручены в неестественные формы и подняты на голове в виде возвышающейся массы, не похожей на некоторые современные модные прически, и часто искусственно окрашивались. Лицо украшалось драгоценностями - подвесками в ушах, жемчугом на шее, браслетами и множеством колец на

руках и пальцах. Святой Иероним с особой яростью осуждает попытки украсить цвет лица с помощью пигментов. "Какое дело румянам и краске до христианских щек?" - спрашивает он. "Кто может плакать о своих грехах, когда слезы омывают голые борозды на коже? С каким доверием можно возносить к небу лица, которые Создатель не может признать своим творением?"^[809] Мозаичный портрет Святой Агнессы богато украшен драгоценными камнями, и даже самые ранние образцы Мадонны украшены в византийском стиле ожерельем из жемчуга.^[810] Следующая гравюра из "Д'Азенкура" иллюстрирует безвкусные драпировки и прически, которые вызвали столь сильное патристическое негодование.

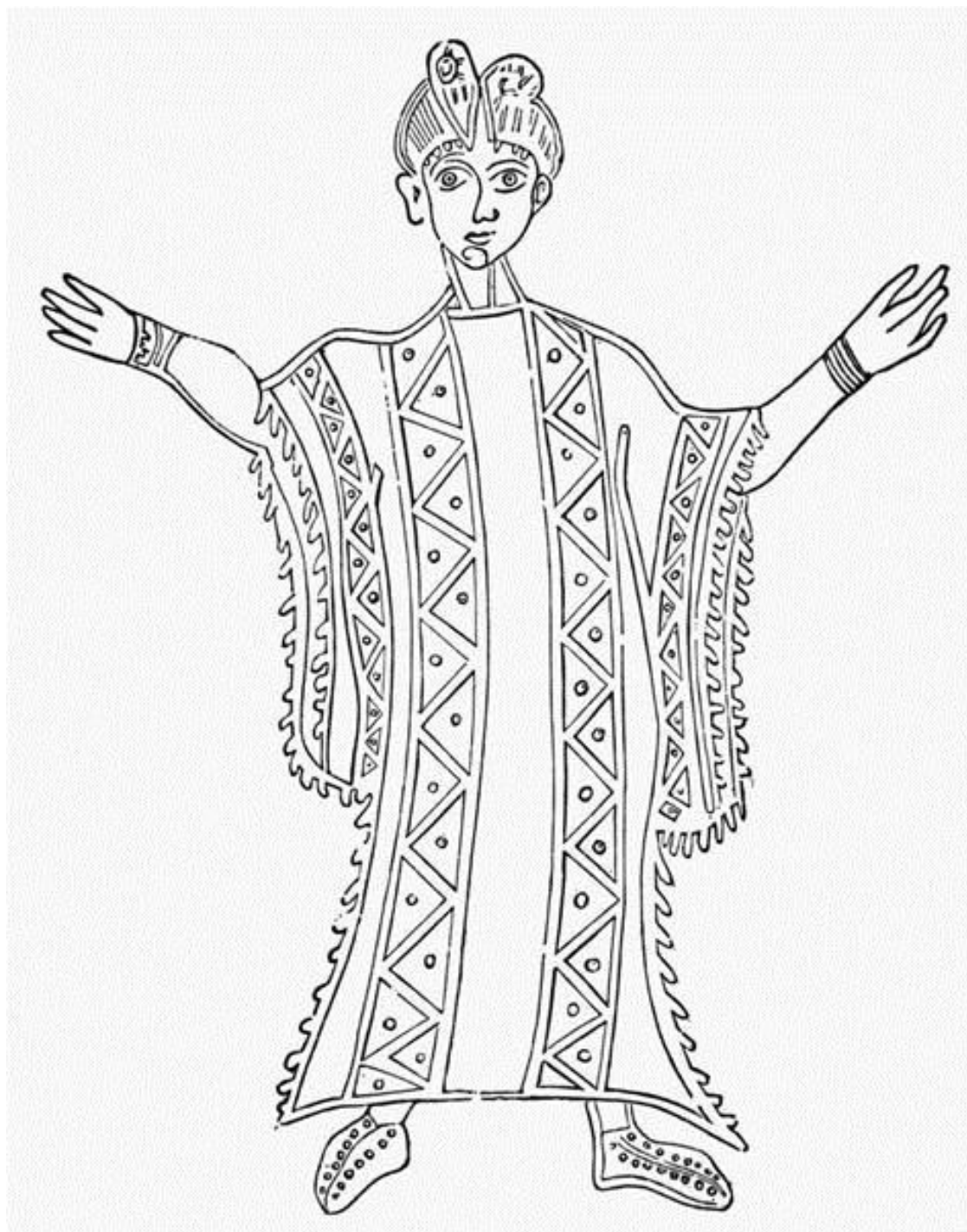

Рис. 129.- Белиция, верная девственница *que vixit annos xviii, (sic.)*

Белиция, самая верная девственница, прожившая восемнадцать лет.

О простоте погребальных обрядов первохристиан говорит характер надгробных памятников Катакомб. Ни урны, ни ожившие бюсты, ни дорогие мавзолеи не служили для поминовения усопших во Христе. Узкая могила, ничем не выделяющаяся из толпы вокруг, кроме имени усопшего, эмблемы его призвания или символа его веры, а чаще всего не даже этим, была достаточным местом для последнего упокоения святых в ранние и чистые дни церкви. По мере роста богатства и охлаждения веры все больше внимания уделялось внешнему выражению скорби или уважения к усопшим; и палаты, сначала грубо вырубленные из туфа, стали украшаться лепниной и фресками, облицовываться мраморными плитами, а надписи становились все более скупыми и искусственными. Суеверное почитание мощей святых в поздние времена привело к украшению их гробниц, а в период временного господства христианства посмертная пышность богачей проявлялась в дорогих саркофагах и погребальных памятниках.[811]

Всякая неумеренная скорбь по усопшим считалась несовместимой с христианской верой и надеждой. "Не следует оплакивать наших братьев, которые освободились от мира по призыву Господа, - говорит Киприан, - ибо мы знаем, что они не погибли, а посланы перед нами. Мы не можем облачаться в черные одежды скорби, в то время как они уже облечены в белые одежды радости. Не можем мы скорбеть и о тех, кто, как мы знаем, живет с Богом".[812] Более того, день их смерти праздновался как их Natalitia, или истинный день рождения, - их вступление в вечную жизнь на небесах. Однако первобытные верующие не были невосприимчивы к естественным страданиям, что полностью доказывают многие из уже приведенных надписей; их поддерживала возвышенная надежда и безмятежная уверенность в Боге.

Раннехристианские погребальные обряды были совершенно не похожи на пышность и пышность скорби, характерные для языческих похорон. Когда дух отлетал, тело омывали водой и одевали для погребения в безупречную белую одежду, чтобы, по мнению Златоуста, представить, как душа облачается в одежду нетления. В более поздние времена для погребения богатых людей использовались дорогие одежды из шелка и золотой ткани, против чего Иероним резко осуждает эту практику. "Почему не прекращается ваше честолюбие, - восклицает он, - посреди скорби и слез? Неужели тела богатых не могут вернуться в прах иначе, чем в шелке?"[813] Тело также часто бальзамировали или, по крайней мере, обильно умащали миррой и ароматическими специями, по примеру погребения Господа. Это было особенно необходимо в катакомбах из-за частого соседства живых с мертвыми. Мы находим частые упоминания об этой практике у Отцов.[814] Язычники упрекали христиан в том, что они не покупают ни благовоний для своих лиц, ни фимиама для богов.[815] "Это правда, - говорит Тертуллиан, - но арабы и сабеяне хорошо знают, что мы потребляем больше этих дорогих вещей для наших мертвых, чем язычники для богов".[816]

Ближайшие родственники или благочестивые друзья несли труп в могилу и предавали его, как семя бессмертия, на благодатное лоно земли, часто усыпая тело цветами, в прекрасном символизме воскресения в немеркнущее лето небес.[817] Во времена гонений за деньги часто покупалась привилегия собирать растерзанные останки мучеников и незаметно нести их по языческой "Улице гробниц" к безмолвной общине христианских мертвецов.[818] Вместо того чтобы использовать языческую *пәәпiа*, или похоронную песнь, и *рәәfіcә*, или наемных плакальщиков, христиане провожали умерших к их упокоению псалмами и гимнами,[819] распевая такие стихи, как "Возвратись в покой твой, душа моя"; "Не убоюсь зла, ибо Ты со мной"; "Блаженны мертвые, умирающие в Господе".[820] Часто, как будет показано далее, агапе или евхаристия совершалась у могилы.

Язычники хоронили своих умерших ночью из-за осквернения, которое, как считалось, вызывал сам вид похорон. Христиане отвергли это идолопоклонническое представление и, за

исключением случаев, когда это было запрещено во времена гонений, хоронили открыто днем, чтобы напомнить живым об их смертности и побудить их готовиться к смерти.

Таким образом, мы видим огромное превосходство во всех элементах истинного достоинства и совершенства первобытного христианства над развращенной цивилизацией, которой оно было окружено. Оно облагородило характер и очистило нравы человечества. Оно подняло общество из невыразимой трясины, в которую оно погрузилось, придало нежность и верность домашним отношениям и закрепило брак в неведомой прежде святости. Несмотря на разврат, которым оно заразилось в дни своего могущества и гордыни, даже самая худшая форма христианства была бесконечно предпочтительнее мерзостей язычества. Оно придавало человеческой жизни немыслимую ранее священность. Оно отводило меч от горла гладиатора и, вырывая беспомощное младенчество из-под удара безвременной смерти, вскармливало его в христианских домах. Она накрыла своей защитой рабов и угнетенных, возведя их из состояния зверей в достоинство людей и общение святых. С неустанным и страстным милосердием она тосковала по страдающим и скорбящим повсюду и создала огромную и всеобъемлющую организацию для их помощи, примеров которой мир до этого не имел и не представлял. Она была святой весталкой, прислуживающей у алтаря человечества, свидетельствующей о Божественном и поддерживающей священный огонь, горящий не для Рима, а для всего мира. Ее радость и чистота в эпоху невыразимого загрязнения и печали оживили замирающее сердце человечества и сделали возможным Золотой век в будущем, намного превосходящий тот, который поэты изображали в прошлом. Он стер с лица земли жестокие законы, подобные тем, что Драко написал кровью, [821] и вернул Правосудие, давно изгнанное, на судебское место. Она смягчила суровость уголовного кодекса и, как показал опыт, уменьшила количество преступлений. Она создала искусство более чистое и возвышенное, чем язычество, и литературу, соперничающую по изяществу формы и превосходящую по благородству духа самые возвышенные произведения классической музыки. Вместо чувственных представлений язычества, загрязняющих душу, она давала образы чистоты, нежности и пафоса, которые завораживали воображение и освящали сердце. Она учила святости страданий и слабости, а также высшему величию кротости и правды.

[740] Некоторые из них встречаются и на языческих гробницах.

[741] Так, помнится, звали сына Августина, о ранней смерти которого он так патетически сокрушается.

[742] Сравните также классические имена Диодор, Геродот, Афинадор, Гелиодор, Аполлодор, Исидор - дар Зевса, Вот, Афины, Солнца, Аполлона, Исиды; и Диоген, Гермоген - рожденный от Зевса, Гермеса; также красивые немецкие имена Готлиб, Готлоб - возлюбленный Божий, хвала Богу и т. д.

[743] Сравните пуританские имена: Accepted, Redeemed, Called, More Fruit, Kill Sin, Fly Debate, и даже длинные тексты Писания. См. Neal's Puritans, ii, 133, третье примечание. На кладбищах Новой Англии до сих пор можно встретить такие названия, как "Уверенность", "Вера", "Надежда", "Благотворительность", "Терпение", "Настойчивость" и все кардинальные добродетели, а также "Скорбь" и другие, еще более зловещие. Мистер Веллбеловед - это имя живого человека. См. также французское *Bien Aimé* и т. д.

[744] Сравните погребальные тотемы - бобра, медведя или орла - у американских индейцев. У греков также были подобные имена: Lycos - волк, Moschos - теленок, Corax - ворон, Sauros - ящерица и т. д.

[745] Иногда возникает своего рода каламбур или игра слов, как, например, в следующем случае: HIC IACET GLYCONIS DVLCIS NOMINE ERAT ANIMA QVOQVE DVLCIOR VSQVE - "Здесь лежит Гликонис.

Она была мила по имени, а нрав ее был еще слаще". HEIC EST SEPVLCHRVM PVLCRVM PVL CRAE FEMINAE - "Здесь находится прекрасная могила прекрасной женщины". Большая часть параномазии утрачена при переводе. Другая уловка - написание имени покойного акростихом в начальных буквах строк, неизменный символ деградировавшего вкуса. См. De Rossi, № 677, A. D. 432.

Встречается несколько примеров готских имен, таких как Бринга, Увильярик, Эрида (или Фреда?) Ильдебранд. В Галлии они более яркие: Ингомир, Хаген и т. п.

[746] Quia solum in libro vitæ describi avebant.-Inscrip. Antiq., p. 545.

[747] См. гл. ii, с. 419.

[748] В этих эпитафиях встречаются различные почетные титулы, обычно применяемые к консулам, иногда к покойным, и обозначаемые начальными буквами, как указано выше, и следующим образом: VI., *Vir Illustris*, "выдающийся человек"; VD., *Vir Devotus*, или *Devotissimus*, "благочестивый или очень благочестивый человек"; VC., *Vir Clarissimus*, FC., *Femina Clarissima*, "самый выдающийся мужчина или женщина"; VH., *Vir Honestus*, FH. *Femina Honesta*, "Почтенный мужчина или женщина"; VSP., *Vir Spectabilis*, "Очень знатный человек"; VP., *Vir Perfectissimus*, "Самый выдающийся человек"; VD., *Vir Doctissimus*, "Самый ученый человек".

[749] Apol., 46.

[750] Небезынтересно будет обратить внимание на некоторые профессии и занятия, упоминаемые в языческих эпитафиях. Они гораздо шире, чем у христиан, что свидетельствует о том, что последние были "особым народом", исключенным из многих занятий по причине своего аморального или идолопоклоннического характера. Помимо вышеперечисленных профессий, мы находим такие примеры, как QVADRIGARIVS - "возница", CVRSOR - "бегун", MAGISTER LVDI - "мастер игр", MINISTER POCVLI - "мастер тостов"; DOCTOR MYRMILON - "учитель гладиаторов"; DERISOR, или SCVRRRA CONVIVIORVM - "буффон, или клоун на праздниках"; STVPIDVS GREGIS VRBANAЕ - "клоун городской компании конных бандитов". У нас есть и официальные титулы, например, NABICVLARIVS CVR. CORPORIS MARIS HADRIATICI, "комиссар Гадриатической компании"; CVRATOR ALVEI ET RIPARVM MARIS, "смотритель речного канала и морских берегов"; MENSOR PVBLICVS, "государственный меритель"; VILICVS SVpra HORTOS, "смотритель садов"; CAESARIS PRAESIGNATOR, "императорский нотариус"; INVITATOR, "агент". Мы замечаем и других, таких как NVMVLARIVS, "банкир"; MEDICVS IVMENTARIVS, "врач мулов"; MEDICVS OCVLARIS, "окулист"; EXONERATOR CALCARIVS, "торговец известью"; LANARIVS, "шерстяной мастер"; PECTINARIVS, "продавец расчесок"; NEGOTIANS SALSAMENTARIVS ET VINEARIVS, "торговец солью и вином"; CVBICVLARIVS, "хранитель кушетки"; GRAMMATICVS LECTORQVE, "грамматик и чтец"; COMPARATOR MERCIS SVTORIAE, "сапожник"; FVNARIVS, "изготовитель веревок"; NEGOTIATOR LENTIC - ET CASTRENIAR - "лагерный бакалейщик и сукновальщик"; REDEMPTOR AB AERE, "подрядчик по латуни"; FABER FERRARIVS - "рабочий по железу"; NEGOTIATOR LVGDVNENSIS ARTIS - "торговец лионскими изделиями", не шелками, как сейчас бы сказали, а керамикой; EXACTOR TRIBVTORVM - "сборщик налогов"; и FANATICVS в храме Исиды, т.е. нанятый для того, чтобы возбуждать рвение своих почитателей дикими и неистовыми жестами, приписываемыми вдохновению божества. Мы находим также эпитафии актеров, танцоров, пантомимистов, об одном из которых, молодой девушке, говорится: CVIVS IN OCTAVA LASCIVIA SVRGERE MESSE COEPERAT - ужасное обстоятельство, которое следует упомянуть на ее могиле.

[751] Тертуллиан основывает свою апологию христиан на безупречности их характера, опровергает выдвинутые против них обвинения и требует доказательств. Недостойные члены

общины, говорит он, лишь как родинки или веснушки на теле или как ворсистое облако на солнечном небе, не влияющие на ее общий характер -Ad Nationes, 5.

[752] Сравните, в элегии Проперция на Корнелия, строку

Viximus insignes inter utramque facem.

"Я жил безупречно с момента возгорания брачного факела до того, как запылал мой погребальный костер".

[753] Текст и перевод приведены Бургоном.

[754] Д-р Норткот действительно утверждает, что "среди надписей на могилах христиан действительно больше примеров *выпускников*, чем среди бесконечно более многочисленных надписей на могилах язычников". (Стр. 136.) Приведенные греческие примеры характерны для этого класса: ПРОКЛН ΘΡΕΠΤΗ, "Прокле, приемной дочери"; ПЕТРОС ΘΡΕΠΤΟΣ ΓΛΥΚΥΤΑΤΟΣ ΕΝ ΘΕΩ, "Петру, милейшему приемному сыну, в Боге".

Титулы *mamma* и *tata*, иногда в уменьшительных формах *mamula* и *tatula*, эквивалентных нашим мамма и рара, встречаются в христианских и языческих эпитафиях.

[755] Выражение *papasantimio* было ошибочно переведено Паоли и Феа как "святейший Папа", но их ошибка была давно отмечена. Мейтланд и последовавший за ним епископ Кип впали в ту же ошибку. Де Росси сурово критикует первого, как "самого невежественного во всем этом споре, известном даже слабоглазым и цирюльникам" -Totius controversiæ, vel lippis ac tonsoribus notæ, ignarissimus.-Inscrip. Antiq., p. 177. Приведенный выше перевод принадлежит доктору Макколу.

[756] Этот пример и перевод взяты у Мейтланда. Следует заметить, что Домнина, должно быть, вышла замуж до своего четырнадцатилетия. Встречается несколько уведомлений о ранних браках, например.

VISCILIVS NICENI - COSTAE - SVAE QVAE FVIT -
ANNOR - P - M - XXXI - EX QVIBVS DVRABIT - MECVM ANNOS XV-.

"Вицилий к Ницце, своей ребе, которой был тридцать один год (от роду), больше или меньше, из которых она прожила со мной пятнадцать лет". Использование *costa* для обозначения *uxor*, несомненно, является аллюзией на Бытие ii, 21. Мы читаем также о Фелициссине, QVAE VIXIT ANNVS LX - QVAE FECIT CVM VIRO SVO ANNVS XLV - "Которая прожила шестьдесят лет, прожив со своим мужем сорок пять лет;" и о Януарии, L - F - QVAE VIXIT PL - M - ANN - XXVIII - C - MARITV - FEC ANN XV - M - XI - D - X- "Похвальная женщина, прожившая двадцать восемь лет, больше или меньше; она прожила со своим мужем пятнадцать лет, одиннадцать месяцев, десять дней." Следовательно, она вышла замуж, когда ей было около двенадцати лет. Самая ранняя из известных нам дат замужества - следующая: CONSTANTIAE BENEMERENTI BERGINIVS CASTAE CONPARAE - CVM QVA - FECIT ANNIS VIII. QVE VICSIT (*sic*) ANNIS XVIII - MENSES VIII - DIES XVII.- "Виргиний, с достойной Констанцией, его целомудренной супругой, с которой он прожил восемь лет, которая прожила восемнадцать лет, девять месяцев, семнадцать дней." На момент свадьбы ей было меньше одиннадцати лет. Следует, однако, помнить, что в этих южных широтах браки все еще заключаются в очень раннем возрасте, поскольку оба пола достигают юности гораздо раньше, чем в северном климате. Но за этой ранней зрелостью, особенно у женщин, следует преждевременный упадок. Подобно ярким цветам своего жаркого климата, они рано расцветают и быстро увядают.

[757] У нас также есть иллюстрации фатальной возможности развода в Империи, а также вызванных этим домашних раздоров и преступлений. В следующей эпитафии брошенная жена оплакивает убийство своего ребенка узурпатором ее прав: MATER FILIO PISSIMO MISERA ET IN LVCTV ETERNALL VENERFICIO NOVERCAE- "Своему самому нежному сыну, несчастной матери, погруженной в вечную скорбь из-за яда своей мачехи, (поднял эту плиту)". Есть также любопытная надпись, написанная совместно двумя живыми мужьями одной и той же покойной жене, в которой она обозначена как CONIVX BENE MERENTA (*sic*) - "Достойная супруга". Другая плита посвящена и жене, и наложнице - VXORI ET CONCVBINAE - римского ликтора.

[758] Подобным образом, с более нежными чувствами, чем мы могли бы ожидать от твердого монарха, Георг II. был, в соответствии с его собственной просьбой, положен в смерти рядом со своей доброй и нежной супругой, давно умершей, и перегородка между ними была удалена, "чтобы их прах мог смешаться вместе".

[759] Несколько таких примеров переведены из Кенрика.

[760] Еще при жизни Домициан назывался "Господь и Бог наш - Dominus et Deus noster".

[761] Один развратный поэт, признавая это моральное разложение причиной национального упадка, восклицает:

Hoc fonte derivata clades
In patriam populumque fluxit.

[762] Ориген, Contra Cels., i, 67. Cp. Jus. Mar., Apol., ii, 61, и Tert. Apol., and Ad. Nat., passim.

[763] Tertul., Apol., 22.

[764] Fabri deorum vel parentes numinum.-Prudentius, Peristeph., Hymn x, 293.

[765] Tertul., De Idol., vi.

[766] Мученик Лукиан предпочел умереть, чем есть идоложертвенное.

[767] Hist. of Eur. Morals, ii, 34.

[768] Пæдагог Климента Александрийского был подготовлен как руководство или "Наставление" для тех, кто стремился освободиться от языческих обычаев и привести свою жизнь в соответствие с христианским характером.

[769] Apol., c. 39.

[770] Nemo compellitur, sed sponte confert.-Apol., c. 39.

[771] Ibid., 42.

[772] Ibid., 14.

[773] Pædag., ii, 13.

[774] Hom. in 2 Tim.

[775] Epitaph. Paulæ.

[776] Greg., Dial., iii.

[777] Vita Cypr.

[778] Euseb., H. E., ix, 8.

[779] Apud nos inter pauperes et divites, servos et dominos, interest nihil.-Lactant., Div. Inst., v. 14, 15.

[780] Арена, некогда багровая от человеческой крови, теперь освящена крестом Христовым, и на том месте, где император-язычник пытался сокрушить младенческую церковь, еженедельно совершается христианская служба.

[781] При Траяне, известном своим милосердием, десять тысяч человек сражались на играх, которые продолжались сто двадцать три дня. Чтобы возбудить измученные умы зрителей, людей закалывали, распинали и сжигали до смерти.

[782] "De Spectaculis" Тертуллиана - это подробный аргумент в пользу идолопоклоннического происхождения и характера театра. Он описывает, говоря языком, применимым ко многим "спортивным" развлечениям современности, человеческих диких зверей, ослепленных страстями, возбужденных ставками и вне себя от возбуждения. "У вас есть более благородные радости", - говорит он христианам. "Удивляйтесь Божьему сигналу, пробуждайтесь при трубе ангела, славьтесь в ладонях мученичества. Хотите ли и вы крови? Вот кровь Христа" (с. 29). "Он излагает величие зрелища, когда мир, обветшавший от старости, будет уничтожен; противопоставляет театру зрелище поэтов, игроков, философов и царей в муках и пламени; и ликует в триумфе Христа" (с. 30).

[783] Tertul., De Spectac., sec. 26.

[784] De Idol., с. 19.

[785] Navigamus ... et militamus, et rusticamus, et mercamur.-Apol. с. 42.

[786] Implevimus ... castra ipsa.-Ibid., с. 37. История о Громовом легионе, состоящем исключительно из христиан, не выдерживает уничтожающей критики современности. Ниже приводится эпитафия полководца: VITALIANVS MAGISTER MILITVM, QUIESCIT IN DOMINO. Мы уже видели эпитафию офицера-DVX MILITVM, принявшего мученическую смерть при Адриане.

[787] Euseb., H. E., viii, 4. Никто ни на гражданской, ни на военной службе императора не мог быть рукоположен даже в диаконы -Bingham, Orig. Eccl., iv, 3, sec. 1.

[788] Hostes Cæsarum, hostes populi Romani.-Celsus, lib. viii.

[789] Christianus nullius est hostis, nedum imperatoris.-Ad Scapulum, i.

[790] Nec ulla res aliena magis quam publica.-Apol., с. 38.

[791] Honores et purpuras despiciunt ipsi seminudi.-In Munic. Felix, viii.

[792] Infructuosi in negotiis dicimur.-Tert., Apol., 42.

[793] Ibid.

[794] Sat., vi, 20.

[795] Epig., vii, 6.

[796] Epist., cxi.

[797] Имена Пенелопы, Андромахи, Алкестиды и Антигоны навсегда останутся яркими образцами домашних добродетелей.

[798] Отцы часто противопоставляли немногочисленных языческих весталок-девственниц множеству христианских celibатов. Христианские императоры и ранние соборы решительно пресекали блуд, пьянство, развратные танцы, нескромные пьесы и книги.

[799] Conc. Nic., 8; Ancyra, 19; Laodic., 1; Neo Caes., 3.

[800] Tertul., Contr. Marc., iv, 34 и др.

[801] Тертуллиан написал специальный трактат на эту тему - De Monogamia. Предписание епископу быть мужем *одной* жены рассматривалось как запрет на второй брак. Некоторые отцы, однако, не соглашались с этим мнением, например Гермес (Pastor, ii, 4); Августин (De Bono Viduitatis, 12). На многих языческих гробницах встречается слово *univiræ* - "единожды женатый". Есть несколько примеров того, как жены в расцвете молодости и красоты предавались уединению после смерти своих мужей, например, жены Помпея, Друза и Лукана.

[802] Красота и достоинство христианского брака благородно выражены Тертуллианом в следующем отрывке, обращенном к его собственной жене: "Как могу я описать счастье, - восклицает он, - брака, который церковь ратифицирует, таинство подтверждает, благословение скрепляет, ангелы возвещают, а наш небесный Отец объявляет действительным! Какой союз двух верующих - одна надежда, один обет, одна дисциплина, одно поклонение! Они брат и сестра, два сослуживца, один дух и одна плоть. Они вместе молятся, вместе постятся, увещевают и поддерживают друг друга. Они вместе ходят в дом Божий и за стол Господень. Они разделяют испытания, гонения и радости друг друга. Ни один из них не избегает и не скрывает ничего от другого. Они с удовольствием посещают больных, оказывают помощь нуждающимся и ежедневно без стеснения возлагают свои приношения к алтарю. Им не нужно ни скрывать крестное знамение, ни тайно выражать свою христианскую радость, ни тайком принимать евхаристию. Они присоединяются к псалмам и гимнам, соревнуясь, кто лучше прославит Бога. Христос радуется этому зрелищу и посылает на них Свой мир. Где двое во имя Его, там и Он; а где Он, туда не может прийти зло" -Ad Uxorem, ii, 8. Он так описывает трудности, с которыми приходится сталкиваться в религиозной жизни христианке, вышедшей замуж за идолопоклонника: "Во время богослужения муж назначает пользование баней; когда нужно соблюдать пост, он приглашает компанию на пиршество. Когда она хочет подать милостыню, то и сейф, и погреб закрыты от нее. Какой язычник позволит своей жене посещать ночные собрания церкви, клеветническую вечерю Господню, навещать больных даже в самых бедных лачугах, целовать цепи мученика в тюрьме, вставать ночью на молитву, оказывать гостеприимство чужим братьям?" - Ibid.

[803] Jungere cum infidelibus vinculum matrimonii prostituere gentilibus membra Christi.

[804] Ad Ux., ii, 2-9. Иероним говорит, что женщины, вышедшие замуж за язычников, становятся частью того тела, чьими ребрами они являются -Cont. Jovin., i, 5.

[805] Тайные браки были запрещены, и этот союз не мог состояться без одобрения как земного, так и небесного родителя.-Tert., Ad. Ux., ii, 9.

[806] "Охраняйтесь от пьянства, как от болиголова, - говорит Климент Александрийский, - ибо и то и другое тянет к смерти" - Pædag., i, 7.

[807] De Cultu Feminarum, ii, 3-13: "Жена должна сама ткать себе одежду", - говорит Климент Александрийский, ссылаясь на Prov. xxxi, 10-31. Это также этимологическое значение английского слова wife.

[808] Pædag., ii, 8.

[809] Ep. 54: "Polire faciem purpurisso", восклицает он, "et cerusa ora depingere, ornare crinem, et alienis capillis turritam verticem struere." Киприан предполагает, что Всевышний может не узнать их при воскресении. Они не должны красить свои волосы или одежду, поскольку это нарушает изречение, что "ни один волос нельзя сделать белым или черным"; и Бог не делал овец алыми или пурпурными.- De habitu Virginum, 14-16. "Тем не менее, - говорит Климент, - они не могут с их купленной и накрашенной красотой избежать морщин или уклониться от смерти". Тертуллиан осуждает их огненного цвета головы, "покрытые подушечками и валиками, возможно, отбросами какого-то виновного, находящегося сейчас в аду" -De Velendis Virginibus, ii, 17. "Одна нежная шея, - говорит он, - несет на себе леса и острова" - saltus et insulæ; то есть их цену.-Ibid., i, 9. При дворе Восточной империи женолюбие и восточная роскошь еще больше унизили христианский характер. Климент Александрийский с негодованием осуждает экстравагантность и порок так называемой христианской общины этого города. Богатство, которое должно было пойти на нужды бедных, тратилось на позолоченные литавры и колесницы, великолепные банкеты и бани, дорогие украшения и платья. Богатые дамы, вместо того чтобы содержать вдов и сирот, тратили свои симпатии на обезьян, павлинов и мальтийских собак" -Pæd., iii, 4. "Богатство, - добавляет он, - подобно змее, которая укусит, если мы не знаем, как взять ее за хвост" -Ibid, Он сравнивает александрийских женщин с "египетским храмом, великолепным снаружи, но украшенным лишь кошкой или крокодилом: так под их утонченными украшениями скрывались мерзкие и отвратительные страсти". Свод законов Феодосийского кодекса запрещал использовать золотую парчу или шелковые ткани (x, tit. 20; xlv, 10).

[810] См. [рис. 90](#). См. также *oranti* на [рис. 82](#).

[811] Эта лапидарная экстравагантность осуждалась, поскольку, казалось, подразумевала, что гробницы были вместилищами душ, а не тел - Ambr., De Bono Mortis.

[812] Cypr., De Mortal., 20. См. также патетический рассказ Августина о смерти его матери, Моники: Premebam oculos ejus et confluebat in præcordia mœstitudo ingens, etc.-Conf., ix, 12.

[813] Отец Марчи обнаружил вместе с обугленными костями, предположительно мощами святого Гиацинта, несколько нитей золотой ткани, как будто останки мученика были завернуты в этот дорогой материал. При вскрытии некоторых могил он также почувствовал ароматный запах. Иногда находили большие куски извести со следами льна, в который они были завернуты. Ее едкий характер ускорял разрушение тканей животных.

[814] An cadavera divitum nisi in serico putrescere nesciunt.-Vit. Pauli. У Аппринги есть глава на эту тему: (lib. i, c. 23) Cadavera unguentis et aromatibus condiuntur.

[815] Non corpus odoribus honestatis.-Ap., Minuc., p. 35. Иероним призывает заменить бальзам милостыней и благотворительностью.

[816] Thura plane non emimus, etc.-Apol., 42. "Ты ожидаешь, что твои женщины похоронят твоё тело с мазями и специями", - сказал языческий судья мученику Тараху; чтобы предотвратить это, он приговорил его к сожжению.

[817] В более поздние времена подобные обряды совершались и над могилой. "Мы украсим спрятанные кости, - поет Пруденций, - фиалками и многими ветвями; и на эпитафии и холодные камни мы окропим жидкие запахи" -Cathem., x.

[818] См. Euseb., H. E., vii, 16 и 22. Им часто отказывали в этой привилегии -Ibid., v, 1. Евтихий, римский христианин, как говорят, своими руками похоронил триста сорок два мученика.

[819] Ψάλλοντες προτέρπτετε αὐτοῦς, к. т. λ.-Constit. Apos., vi, 30. Hymnos et Psalmos decantans, etc.-Hieron., Vit. Pauli.

[820] Chrys., Hom., 4, in *Hebr.* Следующая надпись указывает на то, что труп иногда приносили в катакомбы за некоторое время до погребения; вероятно, сразу после смерти, как в Италии его теперь относят в церковь. *Pecora dulcis anima benit in cimitero Marturorum, vii, idus Jul. Dp. Postera die* - "Пекора, милая душа, пришла (была принесена) на кладбище мучеников 9 июля; была похоронена на следующий день."

[821] Христианские императоры запрещали клеймить преступников на лбу на том основании, "что человеческий лик, сформированный по образу небесной красоты, не должен быть обезображен". Они также освобождали вдов и сирот от налогов и делали взносы на их содержание.

ГЛАВА IV.

СЛУЖЕНИЕ, ОБРЯДЫ И ИНСТИТУТЫ ПЕРВОБЫТНОЙ ЦЕРКВИ.

Из свидетельств катакомб мы получаем важнейшую информацию об устройстве церкви в первые христианские века. Со всех сторон мы видим свидетельства эффективного служения, состоящего из различных рангов и достоинств, но совершенно не похожего на ту огромную иерархическую систему, которая претендует на роль ее прямого потомка. Мы также видим свидетельства упорядоченного отправления таинств и таинств религии, простых и не украшенных, но наполненных духовной жизнью и силой, по сравнению с которыми великолепный ритуал и безжизненная помпезность романизма, по крайней мере, внешне, больше похожи на языческое почитание *Vona Dea* или мистерии Митры, чем на христианское поклонение. Эти свидетельства о служении и обрядах первобытной церкви настолько полны, что доктор Норткот замечает: "Даже если бы все труды Отцов полностью исчезли, мы могли бы почти восстановить всю структуру церковной власти по разрозненным сообщениям этих надгробных надписей".[822]

Несколько сложная церковная организация, которую мы обнаруживаем, была, вероятно, постепенным развитием по мере роста церкви, а не полностью созданием самых ранних времен; надписи, относящиеся к этой теме, следует помнить, все или в основном послеконстантиновского происхождения. В ранних книгах Апостольских конституций, которые, вероятно, относятся ко второму веку, почти ничего не говорится о различных ступенях сана; но в более поздних, вероятно, пятого века, появляется полный сакердотализм. Корнелий, епископ Рима в середине третьего века, сообщает о существовании градуированного духовенства, подобного тому, что указано в надписях катакомб,[823], чьи градации Климент Александрийский сравнивает с различными чинами небесной иерархии.[824]

Высшей должностью в церкви Катакомб был епископ - главный пастырь[825] или надзиратель за паствой Христовой. Но это положение было скорее преобладанием трудов и

опасностей, чем достоинством и честью. Верховный глава римской иерархии, претендующий на атрибуты божества и восседающий на месте Бога как его наместник и непогрешимый представитель на земле, не находит прецедента для своих возвышенных предположений в своих скромных предшественниках первобытных веков. В действительности они были теми, кем он является только по названию - *servi servorum Dei*. Даже титул епископа встречался нечасто. Ни Бозио, ни Фабретти, ни Болдетти, ни кто-либо другой из ранних исследователей катакомб не нашли ни одного примера этого титула. Гробница первого римского епископа носила просто имя LINVS. В так называемом "папском склепе" титул впервые появляется, но в сокращенной форме, ЕПІ и ЕПІС, и без какого-либо символа высшего достоинства. Имя епископа впервые стало обозначать время во второй половине IV века, как в эпитафических формулах *Sub Liberio Episcopo*-*Sub Damaso Episcopo*-*During episcopate of Liberius*, (A. D. 350-366,) of *Damasus*, (A. D. 366-384.) Но это отличие было присвоено и другим епископам, кроме римских. Так, в 397 году н. э. мы находим выражение *Pascasio Episcopo*. Поскольку римского епископа с таким именем не было, Паскасий, должно быть, возглавлял какую-то из соседних областей, которых, как мы знаем, было много независимо от Рима.[826]

Слово рара, или папа, не встречается в катакомбах по крайней мере до второй половины четвертого века. Впервые оно появляется в написании *pappas* и применяется к Дамасу на полях надписи, сделанной этим епископом в честь Евсевия.[827] Но де Росси признает, что это плохо выполненное воспроизведение шестого или седьмого века предыдущей надписи, так что этот титул вполне может относиться к тому позднему периоду. Это тем более вероятно, что фразеология самой первой строки надписи: *DAMASVS EPISCOPVS FECIT EVSEBIO EPISCOPO ET MARTYRI* - "Дамас, епископ (не папа), Евсевию, епископу и мученику". Иларию (461-467) называет себя епископом и слугой Христа - "*Episcopus et famulus Christi*". В эпитафии 523 г. н. э. Ормисдас назван просто *DOMINVS PAPA*, то есть "почтенный отец" или "папа", что, вероятно, является первым применением этой фразы в христианской эпитафике. В другой, датируемой 563 г., Иоанн III обозначен как "благословеннейший отец Иоанн" - *Beatissimus papa Joannes*.[828]

Но даже этот титул, наделенный таким ужасным достоинством и верховной властью в более поздние времена, вначале был лишь выражением привычного и ласкового уважения, не свойственного епископу Рима и не впервые примененного к нему. Самое раннее его употребление приписывается Дионисию, епископу Александрии, во второй половине третьего века.[829] Римское духовенство обращается к епископу Карфагена в своих письмах как к "благословенному папе Киприану".[830] Тертуллиан применяет это имя к любому христианскому епископу.[831] Иероним обращается к Августину, епископу маленькой африканской епархии Гиппо, как к *Beatissimus papa Augustinus*,[832] и применяет то же выражение к настоятелю монастыря.[833]

Быстрое распространение христианства в метрополии империи усилило влияние и достоинство римских епископов.[834] С ростом богатства и упадком благочестия эти сановники становились амбициозными и мирскими, высокомерными и честолюбивыми и заложили основы той обширной системы духовного деспотизма, которая на протяжении веков подавляла гражданские и религиозные свободы Европы. Тем не менее, уже в конце VI века Григорий Великий, ревностно относясь к епископскому достоинству, возражает против притязаний Иоанна Константинопольского на титул "вселенского епископа" в поразительных словах: "Это я заявляю с уверенностью, что тот, кто называет себя вселенским священником или, в гордости сердца, соглашается, чтобы его так называли, тот является предтечей антихриста".[835] Его преемники в Риме не уклонились от этого проклятия, но, приняв на

себя это вселенское главенство, поставили свои ноги на шею королей, расчленили империи и даровали короны по своему усмотрению.[836]

Следующим по церковному достоинству чином были пресвитеры.[837] В первобытную эпоху не было того различия между их должностью и должностью епископов, которое появилось впоследствии. Епископ Пирсон представляет их власть и достоинство тем более значительными, чем ближе мы восходим к апостольским временам. Их основными функциями были совершение, совместно с епископами, таинств, соблюдение дисциплины, проповедь слова и пастырство в церкви. Их эпитафии в катакомбах и базиликах часто очень кратки, как, например, следующая: LOCVS GERONTI PRESB - "Место Геронта, пресвитера"; POSITVS EST HIC LEONTIVS PRESBITER (sic) - "Здесь помещен Леонтий, пресвитер". Иногда титул выражается в сокращенной форме, например: HIC QVIESCIT ROMANVS PBB. QVI SEDIT PBB - ANN - XXVIII - M - X. - "Здесь покоится Роман, пресвитер, который пробыл пресвитером двадцать восемь лет десять месяцев".[838] Болдетти приводит эпитафию ACATIVS PASTOR, который, вероятно, был пресвитером, его титул выражает его пастырскую должность. Следующая надпись, датируемая 471 г. н. э., более сложная, чем обычно, представляет определенный исторический интерес:[839]

PRESBYTER HIC POSITVS FELIX IN PACE QVIESCIT
CVIVS PVRA FIDES PROBITAS VIGILANTIA SOLLERS
PONTIFICVM CLARO PLACVIT SIC NOTA LEONI
POST LABSVM VT REPARANS VENERANDI CVLMINA PAVLI
HVIC OPERIS TANTI RENOVANDAM CREDERET AVLAM.

Здесь покоится пресвитер Феликс, чья чистая вера, честность, проникательная бдительность, когда о них узнали, так понравились прославленному Льву понтифику,[840] что, ремонтируя крышу почтенного собора Святого Павла после ее падения, он доверил ему возобновление зала столь великого дела.

Похоже, что иногда первобытные пресвитеры занимались светскими делами. Так, надпись из катакомбы Калликста гласит: ΔΙΟΝΥΣΙΟΣ ΠΡΕΣΒΥΤΕΡΟΣ ΙΑΤΡΟΣ - "Дионисий, пресвитер и врач". Другая, датируемая 533 г. н. э., посвящена диакону, который также, возможно, до рукоположения был сенатором и воином. Одна из них, найденная в Галатии, упоминает ΘΕΟΔΩΡΟΣ ΠΡΕΣΒΥΤΕΡΟΣ ΚΑΙ ΑΡΓΥΡΟΚΟΠΟΣ - "Теодора, пресвитера и серебряных дел мастера". Гиацинт, римский пресвитер III века, также был служащим императорского дома. Тертуллиан жалуется, что некоторые, занимавшиеся идолопоклонническим ремеслом, были выдвинуты на церковные должности.[841] Евсевий упоминает пресвитера из Антиохии, который был директором одной из главных школ города.[842] Созомен рассказывает о епископах Зеноне и Спиридионе, которые после возведения в епископский сан продолжали, один ткать лен, другой держать овец.[843] Действительно, четвертый Карфагенский собор (398 г. н. э.) постановил, что духовенство может посвятить свой досуг торговле или земледелию, чтобы у церкви было больше средств для благотворительности.[844]

Следующей ступенью в церковном чине были дьяконы. Они выступали в качестве помощников епископов и пресвитеров, особенно в распределении церковной благотворительности.[845] Они также принимали участие в совершении евхаристии, но не в ее освящении. До назначения лекторов они читали, а иногда и разъясняли общине Писание, подобно современным мирским проповедникам. Они также выступали в роли наставников или катехизаторов для катехуменов церкви. Их часто называют левитами,[846] из-за

воображаемой аналогии их функций с функциями левитского ордена у евреев. В церкви в Риме было только семь диаконов, в соответствии с числом, первоначально назначенным в церкви в Иерусалиме; но в других городах их число не было ограничено.^[847] Более низкого достоинства были ὑποδιάκονοι, или иподиаконы, которые помогали диаконам в исполнении их низших функций, таких как уход за причастными сосудами и т. п.

Среди раннехристианских надписей было найдено несколько эпитафий для обоих этих классов. Как правило, они очень кратки, как, например, следующая: IVL DIACONVS - "Юлий, диакон"; DEPS - FELIX - DIAC - "Феликс, диакон, похоронен (11 марта, 435 г. н. э.)"; LOCVS EXUPERANTI DIACON - "Место Эксуперанта, диакона". Под церковью святых Космо и Дамиана было найдено следующее: HIC REQUIESCIT SCVS HABVNDANTIVS DIAC ET MARTYR - "Здесь покоится святой Абундантий, диакон и мученик".^[848]

Ниже приведены характерные эпитафии иподиаконов: HIC QVIESCIT APPIANVS SVBDIACONVS QVI VIXIT ANNVS XXXII DIES XXVIII - "Здесь покоится Аппиан, иподиакон, проживший тридцать два года и двадцать девять дней;" LOCVS MARCELLI SVBD - REG - SEXTAE CONCESSVM (*sic*) SIBI ET POSTERIS EIVS A BEATISSIMO PAPA IOANNE QVI VIXIT ANN - PLM - LXVIII - "Место Марцелла, субдиакона шестого округа,^[849] уступленное ему и его потомству блаженнейшим отцом Иоанном,^[850] который прожил шестьдесят восемь лет, более или менее." (564 Г. Н. Э.).

Первым рангом низших служителей церкви были лектора или чтецы. В их обязанности входило читать в общинах назначенные уроки из Священного Писания.^[851] Эта должность была в особом почете, особенно к ее достоинству стремились молодые люди из знатных семей. Так, император Юлиан в молодости был чтецом церкви в Никомидии, как и его брат Галлус.^[852] Кандидатов на эту должность посвящали в сан, вручая им в руки Евангелие. Согласно одной из новелл Юстиниана^[853], они должны были быть не моложе восемнадцати лет, но встречаются примеры, когда их посвящали уже в семь или восемь лет.^[854] Вероятно, они, подобно Самуилу, были посвящены своими родителями на служение Богу с младенчества,^[855] и прошли через низшие должности к тем, которые имели большее достоинство и влияние. В западной церкви они вскоре перестали существовать как отдельный сан, но в конвентуальных орденах оставались до сравнительно позднего времени.

Ниже приведены эпитафии лекторов из катакомб и базилик: EQ HERACLIVS QVI FVIT IN SAECVLVM ANN - XVIII - M - VII - D - XX - LECTOR R - SEC - FECERVNT - SIBI ET FILIO SVO BENEMERENTI - INP - "Эквитий Гераклий, который был в этом мире девятнадцать лет, семь месяцев, двадцать дней, чтец второго округа. (Его родители) сделали это для себя и своего достойного сына, с миром"; CINNAMIVS OPAS LECTOR TITVLI FACIOLI AMICVS PAVPERVM - "Циннамий Опас, чтец церкви Фациола, друг бедных"; MIRAE INNOCENTIAE ADQ - EXIMIAE BONITATIS HIC REQUIESCIT LEOPARDVS LECTOR DE PVDENTIANA QVI VIXIT ANN. XXIII - "Здесь покоится Леопардус, удивительной невинности и замечательной доброты, чтец церкви Пудентиана, проживший двадцать четыре года;" HIC REQUIESCIT IN SOMNO PACIS CAELIVS LAVRENTIVS LECTOR SANCTAE ECCLESIAE AECLANENSIS QVI VIXIT ANNOS PLM - XLVIII - "Здесь покоится во сне мира Целий Лаврентий, чтец святой церкви Æclanum, проживший сорок восемь лет, больше или меньше."

Аколиты были еще одним классом, который прекратил свое существование в протестантском причастии. Как следует из названия,^[856] они были служителями церкви и несли ответственность за лампы и другую церковную утварь. Вероятно, они были потомками растущей пышности и достоинства епископов, при которых они выступали в качестве личных сопровождающих, особенно во время общественных процессий и религиозных праздников.

Единственные сохранившиеся датированные эпитафии аколитов относятся к сравнительно позднему периоду. Де Росси относит их к шестому или седьмому веку.^[857] Простота первобытной церкви уже давно ушла в прошлое. (P)ACE ABVNDANTIVS ACOL - REG - QVARTAE TT VESTINAE QVI VIXIT ANN - XXXIII DEP - INP - D NAT - SCI MARCI- "С миром, Абунданций, аколит четвертого округа, из церкви Вестины, проживший тридцать три года. Погребен с миром в день рождения святого Марка".

Должность экзорциста, в силу оккультного и таинственного характера ее функций, с самого начала была подвержена злоупотреблениям. Она была известна в синагоге, и даже там ее узурпировали для низменных и продажных целей.^[858] Борьба между сверхъестественными и inferнальными силами, по-видимому, совпала с конфликтом между христианством и язычеством. Христиане считали, что оракулы и идола богов одушевлены деймонами, которые часто узурпировали владение и людьми. Тертуллиан,^[859] Ориген,^[860] и другие святые отцы утверждают, что любой частный христианин мог изгнать этих деймонов верой и молитвой. Вероятно, это был духовный дар, подобный дару "языков", который давался для особой цели, а затем отменялся, возможно, из-за злоупотребления им. Эта таинственная функция стала отдельной должностью только во второй половине третьего века, когда экзорцисты были выделены особым рукоположением и снабжены специальными формами адъютантов. В то время этот обряд обычно проводился с торжественной церемонией перед крещением новообращенных из язычества. Он сопровождался молитвой, инфуляцией, наложением рук и крестным знаменем, чтобы избавить человека от власти князя тьмы и посвятить его на служение Богу. В более поздние времена эта должность стала предметом страшного злоупотребления, и были введены все гротескные и ужасные дополнения к экзорцизму римской церкви - чары, заговоры, ношение скапуляров и реликвий, камлания и окропления - обряды, которые находят свои аналоги только в магических заклинаниях знахарей из Кафр Краал или индейской логи.^[861] "Лучший экзорцизм", - говорит Тертуллиан, - "это бдительность и молитва, чтобы противостоять дьяволу и изгонять злые мысли". Ниже приведены эпитафии экзорцистов: IANVARIVS EXORCISTA - "Януарий экзорцист"; HIC REQVIESCIT - IN - SOMNO - PACIS - CAELIVS - IOHANNIS EXHORCISTA (*sic*) - "Здесь покоится, в мирном сне, Келий Иоанн, экзорцист".

Одержимые, или *energumens*, находились под особой опекой экзорцистов, которые использовали их на светской службе в святилище, подметая и убирая церковь, "чтобы праздность не стала соблазном для сатаны, который мог бы совратить их". Нет никаких указаний на существование этого несчастного класса людей в церкви Катакомб, по крайней мере, в том, что касается монументальных свидетельств.

Очень многочисленным классом в экономике первобытной церкви были фоссоры, или гробокопатели, трудами которых были вырыты эти огромные лабиринты. Они, по-видимому, несли особую ответственность за подземные кладбища, и мы имеем многочисленные примеры передачи и продажи могил под их руководством.^[862] Они также имели квази-церковный сан и подчинялись церковной дисциплине. "Первый орден духовенства, - говорит Иероним, - это фоссоры, которые, по примеру святого Товита, занимаются погребением мертвых".^[863] Вероятно, они также помогали обычным священнослужителям в проведении погребальных обрядов. Меланхоличное служение этого благочестивого братства, всегда являвшееся печальной необходимостью человечества, было особенно актуально для гонимой церкви катакомб.

Раскопки, очевидно, велись под единым руководством, настолько симметричным и единообразным является их характер. Значительная степень архитектурного мастерства проявляется в строительстве и украшении подземных часовен, многие из которых имеют

весьма декоративный дизайн, а также в раскопках множества галерей и различных уровней этого огромного города мертвых, доказывая, что фоссоры были не простыми инженерами-строителями. Вероятно, они также были исполнителями грубых надписей. Похоже, что эта должность иногда передавалась по наследству, так как в одной семье можно встретить до трех поколений фоссоров. Мы видели примеры многочисленных фресок, изображающих этих скромных землекопов за работой, часто как шахтеров, при свете лампы или в окружении орудий их труда.[864] Ниже приведены характерные эпитафии этого класса: MAIO FOSSORI - "Маю, ископаемому"; FELIX FOSSOR VIXIT ANNIS LXII - "Феликсу, ископаемому. Он прожил семьдесят два года"; DIOGENES - FOSSOR - IN - PACE - DEPOSITVS - "Диоген, фоссор, похоронен с миром".

С ними, вероятно, в ранние века путали остиариев, или привратников. Во времена гонений, когда христианское богослужение часто совершалось тайно и защищалось от вторжения шпионов или любопытных язычников, их должность была очень ответственной и доверительной. В их обязанности входило отличать верующих от насмешников и предателей, а также давать частные уведомления о тайных собраниях христиан. Следующая надпись шестого века, восстановленная Де Росси, рассказывает о подобной должности в базилике: LOC - DECI - CVBICVLARI - HVIVS - BASILICAE - "Место Деция, хранителя этой базилики". У нас также есть эпитафия *мансионария*, аналогичного должностного лица.[865]

Преувеличенное восхваление якобы высшей святости одинокой жизни долгое время было характерной чертой романизма. Естественным следствием этого представления было принудительное безбрачие духовенства.[866] На прокрустовом ложе этого железного правила Рим не побрезговал связать самые нежные и священные привязанности человеческой души. Эта заветная, но, как доказывает вся история, самая пагубная практика была секретом удивительной власти священства и религиозных орденов. Подавление домашних привязанностей лишь усиливало их преданность делу церкви, которая занимала место жены и ребенка и поглощала все их мысли и все их силы. Они стали священнической кастой, воодушевленной сильным *чувством собственного достоинства*, превосходящим требования родственников или страны. Но, как и следовало ожидать, эта антиприродная система привела к ужасающим злоупотреблениям и развращению, а также к самым вопиющим нововведениям.

Представление о большей святости безбрачия возникло не из учений Господа или апостолов, которые признавали важнейшую чистоту брака, а, вероятно, как предполагает Милман, из ранней ереси гностиков, для которой эта доктрина была характерна.[867] "В первые три века не было принудительного безбрачия", - говорит рассудительный Бингем.[868] Действительно, брак считался предписанием для епископов, пресвитеров и дьяконов по совету святого Павла.[869] Отдельные места Писания, в которых по временным и особым причинам рекомендуется жить одной жизнью, со временем были вырваны из своего очевидного смысла и получили более общее применение; а в трудах некоторых Отцов брак рассматривался как необходимое зло, терпимое только для увековечения рода и по причине немощи слабых. Только в четвертом веке церковь приняла учение о дьяволах, о котором святой Павел говорит как о "запрещающем жениться". Самое раннее церковное законодательство по этому вопросу было принято на испанском Эльвирском соборе 305 года н. э., который предписал женатым еkkлeзиастам разойтись со своими женами - *abstinere se a conjugibus suis* - таким образом безжалостно разлучая тех, кого соединил Бог. Синоды Анцира и Неокесарии, состоявшиеся десять лет спустя, а также один из так называемых апостольских канонов того же времени отменили это постановление и запретили любому еkkлeзиасту разлучаться с женой по религиозным соображениям под страхом отлучения, что

было подтверждено Великим собором в Ницце.[870] Последовательные попытки искоренить самые нежные человеческие инстинкты приводили лишь к их незаконному удовлетворению и скандалам, вызванным допуском *mulieres subintroductæ*, или, другими словами, наложниц. Духовенство было настолько деморализовано, что в Средние века, как замечает мистер Леа, "хотя древние каноны теоретически все еще оставались в силе, практически они повсеместно устарели".[871] В конце концов Лютер привел к великому освобождению духовенства от этого бремени, столь невыносимо тягостного для нежной совести, и снял клеймо позора с тех домашних отношений, которые Бог, поселяющий одиноких в семьях, так знаменательно благословляет.

В надписях катакомб нет и следа аскетического духа или безбрачия римской церкви. Напротив, многочисленные эпитафии посвящены почетным бракам представителей всех церковных сословий. Так, Грутер[872] приводит следующую эпитафию, которая, как полагают, принадлежит Либерию, епископу Рима, умершему в 366 году н. э., и который иногда был известен под именем Лев:

HVNC MIHI COMPOSVIT TVMVLVM LAVRENTIA CONIVX

MORIBVS APTA MEIS SEMPER VENERANDA FIDELIS

INVIDIA INFELIX TANDEM COMPRESSA QVIESCIT

OCTOGINTA LEO TRANSCENDIT EPISCOPVS ANNOS.

Эту гробницу сделала для меня моя жена Лаврентия; она всегда соответствовала моему нраву, была почтенной и верной. В конце концов разочарованная зависть потерпела поражение; епископ Лев пережил свой восьмидесятый год.

Де Росси приводит следующую историю сына епископа, датируемую 404 г. н.э. Родство смело признано и еще не замаскировано под фразой *peros* или *perhew*: VICTOR IN PACE FILIVS EPISCOPI VICTORIS CIVITATIS VCRENSIVM - "Виктор, в мире, сын епископа Виктора, из города Укренса". Следующая надпись, датируемая 445 г. н. э., была найдена в Нарбонне: RVSTICVS - EPIS - EPI - BONOSI - FILIVS.... "Епископ Рустик, сын епископа Боноса".

Существует также множество надписей, в которых пресвитеры и диаконы оплакивают смерть своих жен, "целомудренных, праведных и святых". "Дай Бог, - восклицает автор "Ревю Хретьен", - чтобы у всех их преемников были такие". Ниже приведены примеры: GAVDENTIVS - PRESBYTER - SIBI ET CONIVGI SVAE SEVERAE CASTAE HAC (*sic*) SANCTISSIMAE FEMINAE - "Гаудентий пресвитер, для себя и своей жены Севы, целомудренной и святейшей женщины;" LOCVS BASILI PRESB ET FELICITATI EIVS.... "Место Василия, пресвитера, и Фелицитаты, его (жены)". Обратите внимание также на нежное признание семейных уз в следующем: OLIM PRESBYTERI GABINI FILIA FELIX HIC SVSANNA IACET IN PACE PATRI SOCIATA - "Когда-то счастливая дочь пресвитера Габинуса, здесь лежит Сусанна, соединенная с отцом в мире".

Мы уже видели эпитафию "Петрония, жена диакона, образец скромности", вместе с которой были похоронены двое ее детей.[873] Следующая, аналогичного характера, сопровождается эпитафией дьякона на том же камне, вероятно, мужа, который так нежно оплакивал потерю своей верной супруги.

LEVITAE CONIVX SEMPER MIHI GRATA MARIA

EXITVS ISTE TVVS PROSTRAVIT CORDA TVORVM

PERPETVAS NOBIS LACRIMAS LVCTVMQVE RELINQVENS

CASTA GRAVIS SAPIENS SIMPLEX VENERANDA FIDELIS

COMPLEVIT TVA VOTA DEVS TE NAMQVE MARITVS

TE NATI DEFLENT NEC MORS TIBI SVSTVLIT VLLVM.

Мария, жена диакона, вечно угодная мне. Уход твой поразил сердца друзей твоих, оставив нам вечные слезы и скорбь. Целомудренная, благородная, мудрая, простая, почтенная, верная. Бог исполнил желания твои; о тебе скорбит муж твой, о тебе скорбят дети твои, и смерть никого не отлучила от тебя (451 г. н. э.).

Встречаются также эпитафии, свидетельствующие о распространенности брака среди низших церковных сословий, как в следующих примерах: CLAVDIVS ATTICANVS LECTOR ET CLAVDIA FELICISSIMA CONIVX- "Клавдий Аттикан, чтец, и Клавдия Фелициссима, его жена";[874] IANVARIVS EXORCISTA - SIBI - ET - CONIVGI - FECIT- "Януарий, экзорцист, сделал это для себя и своей жены;"TERENTIVS - FOSOR - (sic) - PRIMITIVE (sic) - CONIVGI - ET - SIBI -- "Терентий, фоссор, для Примитивы, своей жены и себя."

Первобытная церковь рано воспользовалась услугами благочестивых женщин, своего рода женского диаконата, для управления благотворительностью, ухода за больными, обучения молодежи и своего пола, а также для перенесения света и утешения Евангелия в самые частные и деликатные отношения жизни, для чего эти нежные служительницы обладали возможностями, недоступными для другого пола. В трудах Отцов они часто упоминаются под именами δῆκονοι, [875] диаконисс, viduæ, вдов, или ancillæ Dei, подручных Бога. В апостольские времена они должны были достигать зрелого возраста шестидесяти лет; [876] но впоследствии вдовы и даже незамужние принимались в этот класс уже в сорокалетнем [877] или даже двадцатилетнем [878] возрасте. Неженатые, однако, не давали обета вечного безбрачия, [879] и не вели монастырской жизни, а жили уединенно в своих домах, занимаясь делами благочестия и милосердия. Однако растущее почитание безбрачия в IV и V веках вызвало церковное порицание за отказ от возвышенной позиции девственности; [880] но императорский закон предоставлял свободу брака, если орден был введен до сорока лет. Насколько отличается от римской практика связывать молодых девушек, в первом порыве религиозного энтузиазма или в первой горечи разочарованных надежд, безотзывными обетами на смерть в жизни, и неразрывно скреплять эти узы, независимо от того, как измученная душа может отречься от опрометчивого обета и биться под тяжким игом. Посвященная дева ранней церкви, вместо отвратительных одеяний, похожих на погребальные пелены, в которые закутана юная монахиня, символ ее социальной смерти, носила sacrum velamen, или вуаль, мало чем отличающуюся от вуали христианских матрон, и золотой обруч вокруг волос. Обычай, ставший частью римского ритуала, лишать голову ее естественного украшения, был особо осужден некоторыми древними соборами.

Есть несколько раннехристианских надписей, иллюстрирующих эти различные классы посвященных женщин, среди которых следующие примеры: OC - TA - VI - AE - MA - TRO - NAE - VI - DV - AE - DE - I.- "Матроне Октавии, вдове Божьей"; HIC QVIESCIT GAVDIOSA CF ANCILLA DEI QVAE VIXIT ANNOS XL ET MEN V- "Здесь покоится Гаудиоза, знатнейшая женщина, служанка Божья, которая прожила сорок лет и пять месяцев" (А. 447 г.); IN HOC SEPVLCHRO REQVIESCIT PVELLA VIRGO SACRA B - M - ALEXANDRA - "В этой гробнице покоится девушка, святая дева Александра, достойная"; HOC EST SEPVLCRVM SANCTAE LVCINAE VIRGINIS - "Это гробница святой девы Луцины" - это, однако, не может указывать на особый класс. AESTONIA VIRGO PEREGRINA QVAE VIXIT ANNOS XLI; ET - DS - VIII (sic) - "Истония, странствующая

девственница, прожившая сорок один год и восемь дней" - вероятно, она была членом отдаленной церкви, полученной по рекомендательному письму, FVRIA HELPHIS (*sic*) VIRGO DEVOTA - "Фурия Элпис, освященная девственница". В V веке это посвящение иногда происходило в раннем возрасте, как, например, в следующем примере, датированном A. D. 401 г.: PRIE (*sic*) IVNIAS PAVSABET (*sic*) PRAETIOSA ANNORVM PVLLA (*sic*) VIRGO XII TANTVM ANCILLA DEI ET CHRISTI - "В день перед (календами) июня Прэтиоза ушла на покой, юная дева всего двенадцати лет, служанка Бога и Христа".[881]

В надписях катакомб нет и следа того аскетического духа, из которого в четвертом и последующих веках возникли странные явления монашества, оказавшего большое влияние на будущее христианства, смешивая добро и зло. Это было скорее результатом упадка и разложения первобытного христианства и отчаяния человечества в его восстановительной силе для мира. Поэтому многие люди бежали от неизлечимых пороков общества в уединение пустыни или горы.[882] Первобытное христианство, напротив, было в высшей степени жизнерадостным и социальным по своему характеру. Оно освящало семейную жизнь и развивало, в невиданной ранее степени, домашние добродетели.

Забота первобытной церкви о религиозном обучении молодежи и новообращенных язычников в изобилии представлена в надписях катакомб. Катехумены, или учащиеся, как означает это слово, - "кадеты христианства" - были четко определенным классом, для обучения которого были приняты особые меры. В него входили дети верующих, рожденные в церкви и потому находящиеся под ее особым попечением; а также новообращенные из язычества, которых нужно было отучить от заблуждений и обучить доктринам христианства перед принятием таинств крещения и святой евхаристии. Для последнего, в качестве предохранения от поспешного принятия христианских обетов и опасности последующего отступничества, был предписан определенный испытательный срок.[883] Кандидатов учили Священному Писанию и формальному исповеданию веры, вероятно, похожему на древний Символ веры, в котором на протяжении многих веков выражалась христианская вера церкви. Эти наставления давал сам епископ как главный катехизатор, а также пресвитеры, диаконы, лектора и другие представители низшего служения. Диакониссы и пожилые женщины выступали в роли наставниц своего пола; одна из них всегда присутствовала при допросе катехуменов-женщин катехизаторами-мужчинами.

На следующей гравюре изображена камера в катакомбе Святой Агнессы, которая, как предполагается, использовалась для обучения женщин-катехуменов. По обеим сторонам дверного проема расположены сиденья или стулья, выдолбленные из твердого туфа, которые, вероятно, занимали катехизатор и председательствующая дьяконица. На низкой каменной скамье, опоясывающей остальные стены, удобно размещались слушатели, или слушательницы, как их еще называли.

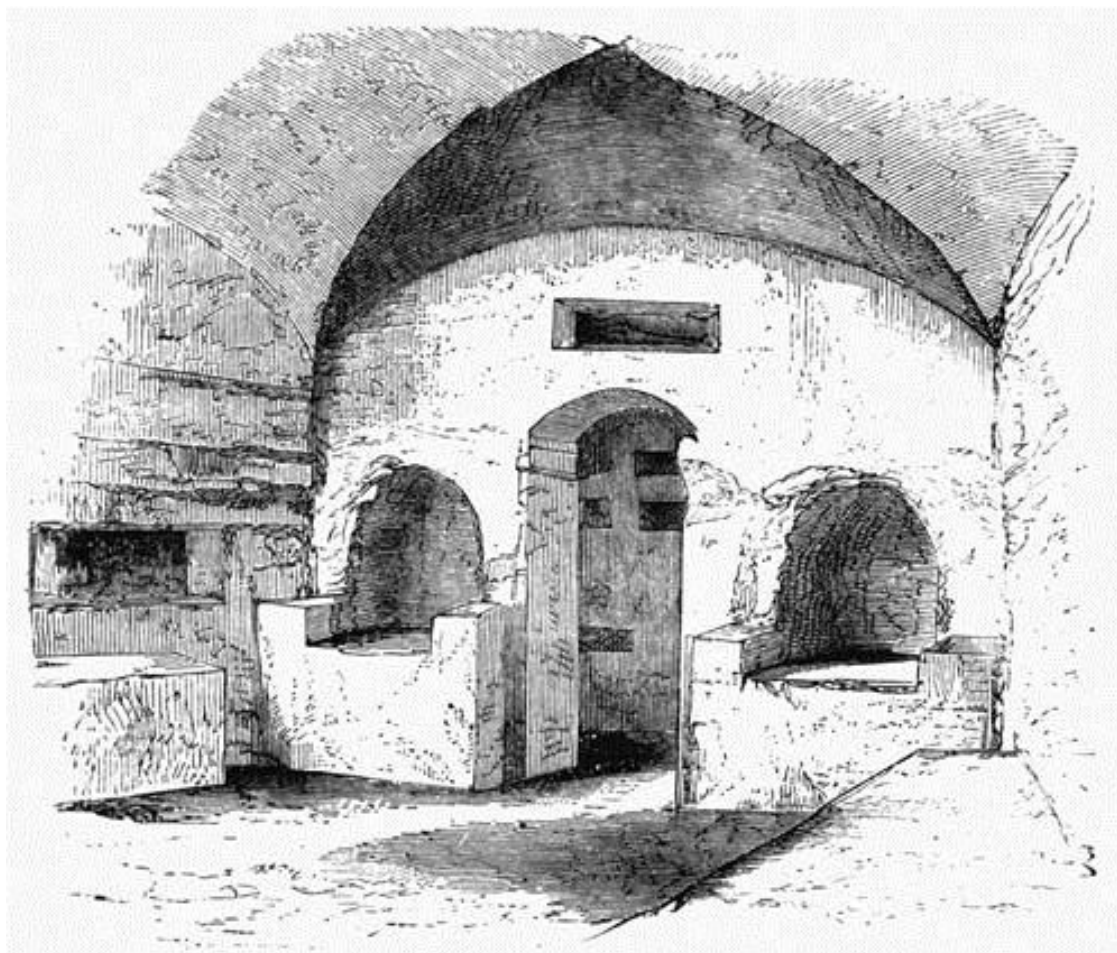

Рис. 130.- Камера в катакомбе Святой Агнессы, с местами для катехизаторов и катехуменов.

Некоторые римско-католические писатели утверждают, что эти камеры были исповедальнями: но кресла слишком далеко друг от друга, если одно предназначалось для исповедника, а другое - для кающегося, особенно с открытой дверью между ними; и слишком близко, из-за опасности подслушать исповедь, если каждая была исповедальней; и в обоих случаях необходимость в каменной скамье не может быть понята. В некоторых камерах, вероятно, для катехуменов-мужчин, есть только один стул из туфа, а дьяконицы нет.

Еще одна любопытная камера в катакомбе Святой Агнессы сообщается с соседней через круглое отверстие, прорезанное в туфовой стене на высоте около груди. Предполагается, что оно было сделано для того, чтобы катехумены могли слышать публичные наставления верующих, не будучи свидетелями празднования таинств. Таким образом, ревность кандидатов еще больше разгоралась,^[884] чтобы они были признаны достойными допуска к полноте христианских привилегий и к священным тайнам, скрытым от непосвященных и недостойных. Следующая эпитафия из галереи Лапидария посвящена юному катехумену: VCILIANVS BACIO VALERIO QVE BISET - (sic) ANN VIII - MEN - VIII - DIES XXII CATECVM- "Уцилиану Бацию Валерию, катехумену, прожившему девять лет, восемь месяцев и двадцать два дня".

Таинство крещения получило несколько иллюстраций в монументальных свидетельствах катакомб. Есть многочисленные эпитафии неофитов - термин, применяемый только к новокрещеным - которые указывают на то, что этот христианский обряд совершался в любом возрасте, от нежного младенчества до зрелых лет; в последнем случае субъекты, вероятно, были недавними новообращенными из язычества. Ниже приведены примеры этого класса:

TEG - CANDIDIS NEOF Q - VXT - M - XXI- "Плитка Кандида, неопита, прожившего двадцать один месяц"; FL - IOVINA - QVAE - VIX - ANNIS - TRIBVS - D - XXX - NEOFITA - IN PACE- "Флавия Йовина, прожившая три года и тридцать дней, неопит, в мире"; MIRAE INDVSTRIAE ADQVE BONITATIS ... INNOCENTIA PREDITVS FL - AVR - LEONI. NEOFITO QVI VIXIT ANN VI - MENS - VIII DIES XI....- "Иннокентий Предитус Флавию Аврелию Льву, неопиту с замечательным трудолюбием и добротой, прожившему шесть лет, восемь месяцев, одиннадцать дней;" ROMANO NEOFITO BENE MERENTI QVI VIXIT - ANNOS - VIII - D - XV - REQUIESCIT IN PACE-"Заслуженному неопиту Роману, прожившему восемь лет и пятнадцать дней; он покоится в мире." Мы уже видели эпитафию Юния Басса, который умер неопитом в возрасте сорока одного года, и сейчас мы рассмотрим другие случаи крещения взрослых.[885] Мы также находим эпитафию "двум невинным братьям, один из которых был неопитом, а другой - одним из верных".

Со временем обряд крещения выродился в суеверное очарование и стал рассматриваться как мистическая люстрация, смывающая все грехи и необходимая для спасения.[886] Это изменение, вероятно, стало следствием реакции против пелагианской ереси, отрицавшей необходимость крещения, и риторического преувеличения Отцами духовной действительности этого таинства.[887] Катакомбная церковь, должным образом совершая обряд крещения, не наделяла его, по примеру Римской церкви и других современных крайних сакраменталистов, возрождающей силой и не рассматривать его невольное пропускание как исключение тела из освященной земли и души из рая.[888]

Иногда с помощью красивой метонимии, вытекающей из его духовного значения, крещение обозначается как палингенез, или новое рождение, символом которого оно является. Ниже приведен характерный пример такого использования: ... CAELESTE RENATVS AQVA (*sic*)-... "Рожденный заново от небесной воды" (377 г. н. э.)[889] Мы также читаем о некоем Меркурии, который описывается как мальчик, родившийся и умерший в том же году, в возрасте двадцати четырех лет. Это намек на духовное возрождение, символизируемое крещением. По отношению к этому он был всего лишь мальчиком-пуэром на момент своей смерти.[890] Этот обряд также назывался озарением, и в Катакомбах мы находим эпитафии людей, о которых говорят, что они были "вновь озарены".

Свидетельства катакомб о способе крещения, насколько они простираются, решительно свидетельствуют в пользу погружения или обливания. Все их живописные изображения обряда указывают на этот способ, для которого только и были приспособлены ранние купели; также нет никаких ранних художественных свидетельств о крещении погружением. Кажется невероятным, что если бы последний способ был первоначальным и исключительным, апостольским и даже Божественным, то он не оставил бы следов в самых ранних и бессознательных художественных записях и был бы вытеснен новым, неписанным и неисторическим методом. Из трудов четвертого и пятого веков явствует, что в связи с этим христианским таинством было введено множество порочных и необоснованных обычаев, которые сильно омрачали его красоту и простоту. Бесспорно, что в то время крещение погружением в воду практиковалось со многими суеверными и неприличными обрядами. С испытываемых, как мужчин, так и женщин, снимали одежду, чтобы изобразить отложение тела греха, что, несмотря на все усилия избежать этого, неизбежно вызывало скандал. Затем они принимали триенское погружение, чтобы имитировать, говорит Григорий Ниссен,[891] трехдневное погребение Христа; или, по мнению других, как символ Троицы. Обряд сопровождался экзорцизмом, инфузией, ункцией, конфирмацией, даром молока и меда, совершением Евхаристии даже над младенцами, облачением в белые одежды и ношением зажженных светильников, всему этому придавалось мистическое значение.

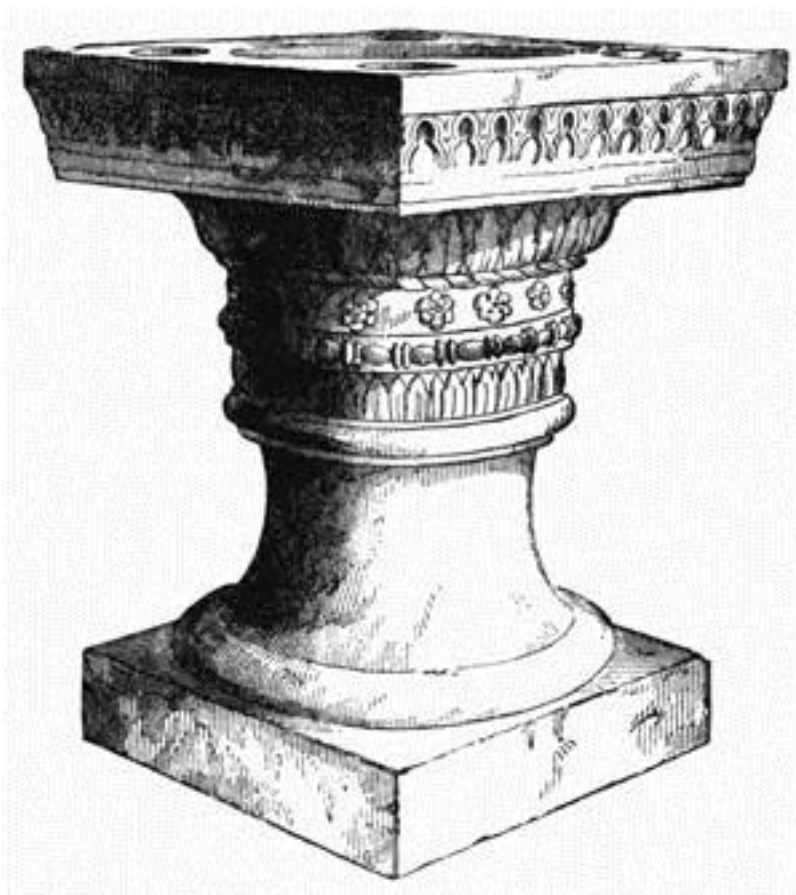

Рис. 131.- Крестильная купель.

Но в свидетельствах катакомб, которые являются свидетельством более раннего и чистого периода, нет никаких указаний ни на этот способ крещения, ни на эти драматические аккомпанементы.^[892] Мраморная купель, изображенная на прилагаемой гравюре, которая сейчас находится в склепе Святой Приски в стенах, по преданию, происходит из катакомб и использовалась для крещения самим Святым Петром; в подтверждение этой легенды на ней имеется несколько апокрифическая надпись-SCI - PET - BAPTISMV - (*sic.*) Традиция по крайней мере свидетельствует о ее крайней древности; а ее чаша слишком мала для погружения даже младенцев. Другие купели были найдены в нескольких подземных часовнях, среди которых одна в катакомбе Понтиана, вырубленная из твердого туфа и питаемая живым потоком. Его длина составляет 1-45 метров, ширина -92 метра, а глубина - 1-11 метров, но он редко бывает почти полон воды. Она явно слишком мала для погружения, и, очевидно, предназначалась для проведения обряда, как показано на сопровождающей ее фреске. (Следующая надпись из галереи лапидариев, по-видимому, была сделана из какой-то подобной купели и, возможно, содержит ссылку на Писание: "Встань и крестись, и омой грехи твои:" CORPORA ET CORDIS MACVLAS VITALIS PVRGAT ET OMNE SIMVL ABLVIT VNDA - "Живой поток очищает пятна тела и сердца и в то же время смывает все (грехи)".^[893]

Рис. 132. Крещение Господне.

Непосредственно над купелью в катакомбе Понтиана находится искусно выполненная фреска крещения Господа, изображенная выше. Он изображен стоящим в реки Иордан, в то время как Иоанн льет воду на его голову, а Святой Дух сходит в виде голубя. Ангел стоит рядом как свидетель обряда, а на переднем плане олень, эмблема ревностного христианина, пьет из чистого потока.[\[894\]](#)

Рис. 133.- Сцена крещения.

В очень древнем склепе святой Люцины находится еще одно частично поврежденное крещение Христа, относящееся ко II веку, на котором святой Иоанн стоит на берегу, а наш Спаситель - в мелком ручье, в то время как Святой Дух спускается в виде голубя. На саркофаге Юния Басса Христос также символически изображен крещенным через аффузию. Прилагаемый грубый пример из катакомбы Калликста, вероятно, третьего века, также ясно демонстрирует проведение обряда через обливание.^[895] Он сопровождается изображением Петра, бьющего водой из скалы - эмблема, по мнению де Росси, воды крещения, окропляющей грешные души, которые приходят к нему. Подобный пример также встречается на кладбище Святого Пртекстата.

На древних саркофагах в Ватикане изображены небольшие отдельно стоящие баптистерии круглой формы, увенчанные монограммой Константина. Они обязательно были достаточного размера, чтобы вместить количество крещаемых за один раз, обычно на Пасху,^[896] и размещались за пределами базилики, чтобы указать на иницирующий характер крещения как входа в церковь Христа.^[897] На ранних мозаиках, изображающих сцены крещения, обряд неизменно совершается путем вливания, как в баптистерии Сан Джованни в Равенне в начале пятого века, в Санта Мария ин Космедин в Равенне в начале и на рельефе из слоновой кости на епископском кресле Максимиана в конце шестого века.^[898] Так же, , более поздний образец в Латеранской базилике изображает Константина, стоящего на коленях обнаженным в умывальнике, и Сильвестра, льющего воду ему на голову.^[899] Этот метод также указан на нескольких медалях, барельефах, фресках и мозаиках почти в каждом веке, начиная с четвертого и заканчивая Средними веками, что указывает на непрерывную традицию, даже когда могло практиковаться погружение, другого способа крещения.

Таинство Вечери Господней было самым священным и утешительным обрядом первобытной церкви. Оно было одновременно эмблемой высочайших надежд христианина и возвышенным воспоминанием о неизреченной жертве, от которой зависели эти надежды. Это было средоточие, в котором концентрировались все самые святые мысли, разжигая всю душу в пламя обожающей любви.^[900] Это был центральный акт поклонения, вокруг которого собирались все их торжественные посвящения и на который они все смотрели. Возвышенная мысль об искуплении Христа и спасении через Его смерть вечно сияла над их

душами, озаряя даже могильный мрак этих подземных склепов. Ежедневно,[901] или так часто, как позволяла бдительность их врагов во времена гонений, верующие собирались в тихих залах смерти, вдали от "безумной толпы бесславных разборок", чтобы напитать и укрепить свои души для огненных испытаний, а часто и для красного крещения мученичества, размышляя о страстях Господа и принимая эмблемы Его смерти.

Поэтому на стенах катакомб был изображен этот священный обряд в постоянно повторяющемся и соответствующем символизме. Однако его прямого изображения тщательно избегали, а его священный смысл был скрыт от профанного взгляда язычников под завесой аллегорий и эмблем, которые, тем не менее, имели для посвященных глубочайшее значение. Так, мы находим изображения семи человек, вкушающих хлеб и рыбу, которые интерпретируются как трапеза учеников на берегу моря, когда Господь явил себя в преломлении хлеба, и, косвенно, как символы святой евхаристии.[902] Они совсем не похожи на изображения языческих погребальных банкетов, с которыми их сравнивали, но которые совершенно чужды христианской мысли. Чудеса превращения воды в вино и умножения хлебов также рассматривались как типы Евхаристии, которая, несомненно, часто символизировалась этими фигурами. Мы видели копию замечательной фрески, дважды повторенной в катакомбе Святой Люцины, на которой изображена рыба, несущая на спине корзину с хлебом, а посередине, как кажется, чашу с вином.[903] Это считается одной из самых древних эмблем этого священного обряда. Это мнение находит особое подтверждение в отрывке из Иеронима, где говорится о переносе тела Христа в корзине из прутьев, и его крови в стеклянной чаше.[904] Евхаристия также явно символизируется в изображениях рыб и овец, несущих во рту маленькие хлебы. Иногда они обозначаются крестом в виде декуссии, что делалось для облегчения перелома во время принятия пищи.

Первые христианские алтари представляли собой деревянные столы, которые во времена гонений можно было легко переносить из дома в дом, где совершалось богослужение. Полное отсутствие чего-либо, соответствующего языческому жертвенному алтарю, стало предметом упреков язычников.[905] На картине, найденной в катакомбе Калликста, которую доктор Норткот описывает как "символически изображенное жертвоприношение Мессы", мужчина стоит с распростертыми руками, как бы в акте освящения, над трехногим столом, на котором лежат хлеб и рыба, а напротив стоит женская фигура в молитвенной позе. В соседней камере изображен точно такой же стол, но без сопровождающих его фигур.[906] Эти столы ставились не у стены, как римский алтарь, а в стороне от нее, чтобы служитель мог стоять за ним и смотреть на прихожан. В "папском склепе" катакомбы Калликстан отчетливо видны гнезда для четырех ножек стола, выдвинутого из стены, а Бозио и Болдетти нашли примеры алтарей, стоящих в центре *кубикулы*. Такое же положение было и в древнейших базиликах Рима.

В шестом веке общий собор постановил, что алтари должны быть каменными. Этот переход уже произошел в катакомбах и был вызван тем, что для совершения евхаристии в *аркосолии* использовалась плита, покрывавшая могилу. Эта практика привела к росту почитания мощей святых, и вскоре присутствие этих мощей стало необходимым для идеи алтаря.[907] На этот обычай ссылается Пруденций в своем гимне на день Ипполита.

"Illa sacramenti donatrix mensa, eademque
Custos fida sui martyris apposita:
Servat ad æterni spem Judicis ossa sepulchro
Pascit item sanctis Tibricolas dapibus.
Mira loci pietas, et prompta precantibus ara."

"На этой плите совершается таинство, и в то же время она верно охраняет останки мученика; она хранит его кости в усыпальнице в надежде на Вечного Судью и кормит святой пищей обитателей Тибра. Велика святость этого места, и оно предлагает готовый алтарь для тех, кто молится".

После освящения элементов пресвитером или епископом причащение в обоих видах совершалось диаконами по формуле, которую мы используем до сих пор.[908] Освященные элементы[909] посылались больным руками дьяконов или аколитов, как это до сих пор принято в греческих и армянских церквях. В Деяниях святого Стефана мы читаем о молодом мученике, который предпочел быть избитым до смерти римской толпой, чем раскрыть священные сокровища, доверенные его попечению. Со временем эта практика выродилась в суеверное принятие *viaticum* в качестве подготовки к путешествию души в мир духов. Некоторые из описанных ранее позолоченных бокалов, как полагают, использовались в качестве патентов и потиров для празднования евхаристии. С ростом богатства и пышности церковного ритуала золотые и серебряные сосуды, украшенные дорогими драгоценными камнями и редчайшей работы, заняли место более скромных материалов первобытных веков.[910]

Еще один прекрасный институт, обычно ассоциирующийся с празднованием евхаристии в первобытные времена, - это *агапе*, или пир любви. В подземной часовне в катакомбах Марцеллина и Петра находится чрезвычайно интересное изображение соблюдения этого обычая, представленное на следующей гравюре.

Рис. 134.- Древняя Агапе.

Три гостя, как видно, сидят за полукруглым столом, на концах которого стоят две матроны, олицетворяющие мир и любовь, с именами, написанными над их головами. Служительница подает им еду с маленького столика впереди, на котором стоят чаша, тарелки и барашек. Надписи, по мнению доктора Мейтленда, должны быть расширены таким образом: IRENE DA

CALDA [M AQVAM] - "Мир, дай горячей воды"; и AGAPE MISCE MI [VINVM CVM AQVA] - "Любовь, смешай мне вино с водой"; это намек на древний обычай подливать вино в воду, горячую или холодную.

Многочисленные другие изображения этого благочестивого праздника, на котором присутствуют Любовь и Мир, свидетельствуют о его всеобщем соблюдении. Он стал бы трогательным символом христианского единства для гонимых святых и еще теснее объединил бы сердца, связанные общими опасностями и общей надеждой. Все ранговые различия тогда были забыты. Собираясь тайком в этих подземных склепах из императорского дворца и нищенских обителей, они вместе преломляют хлеб в торжественном присутствии мертвых в знак их общего братства во Христе. Раб римского господина, но вольноотпущенник Христа, и патриций, обращенный в христианство, интеллектуальный грек и некогда фанатичный иудей, вместе

празднуют праздник любви,
предвкушая радости свыше.

Этот прекрасный праздник, впервые упомянутый Иудой как "праздник милосердия",^[911] обычно отмечался в связи с евхаристией, хотя и не обязательно являлся ее частью. Он относится к самому раннему периоду существования церкви,^[912] и его разращение среди коринфян вызвало резкое обличение со стороны апостола Павла.^[913]

Тертуллиан так описывает его характер во втором веке: "Наша трапеза, которую вы обвиняете в роскоши, показывает свою причину самым своим названием; ибо она называется *агапе*, что у греков означает любовь. Она не допускает ничего мерзкого или нескромного. Мы едим и пьем только столько, сколько требуют голод и жажда, помня о том, что вечер должен быть проведен в поклонении Богу. Мы говорим так, чтобы знать, что Бог слышит. После того как мы омыли руки и принесли светильники, каждого просят воспеть Бога по мере его способностей, либо из Писания, либо по собственному разумению. Молитва также завершает пир".^[914] Он также называет его скорее философским и дисциплинарным ужином, чем телесным пиром. В конце трапезы проводились сборы для вдов и сирот, а также для бедных, многие из которых были бы лишены работы из-за отказа от идолопоклоннических ремесел; также для заключенных и людей, потерпевших кораблекрушение.^[915] Это, несомненно, тот самый *агапэ*, который Плиний называет "общей и безвредной трапезой"^[916] христиан и за которым, по словам Лукиана, проходили их "священные беседы"^[917]. Климент Александрийский называет *агапе* "пиром разума, небесной пищей и ужином любви; залогом и доказательством взаимной привязанности".^[918]

Первобытная церковь тщательно оберегала празднование евхаристии и *агапы* от любопытства праздных людей или коварства языческой злобы, чтобы имя Божье не хулилось, а благодатные жемчужины спасения не топтались под ногами мошенников. Но именно эта секретность и таинственность стала поводом для самых гнусных клевет и поношений. Христиан обвиняли в том, что они празднуют эти обряды с самыми отвратительными оргиями - вкушают человеческую плоть и кровь младенцев, а также совершают безымянные преступления еще более глубокого характера. "Они обвиняют нас, - говорят лионские мученики, - в пирах Тиеста, преступлениях *Œdipus* и таких мерзостях, о которых нам не позволено ни говорить, ни думать". Непорочные верующие были обличены как самые отбросы общества, скрытная и любящая темноту раса, собирающаяся по ночам для оскверняющего колдовства и нечестивых застолий, как презиратели богов, человеконенавистники и насмешники над святыми вещами, ^[919] и были спутаны с

язвенными колдунами, которые в полуночных пещерах практиковали свои нечистые заклинания против человеческой жизни.[920] Эти обвинения возникли, вероятно, отчасти из-за искаженных представлений о святом причастии Тела и Крови Христа, истолкованных как буквальное приобщение к телесной субстанции; отчасти из-за мерзкой практики карпократов и других еретиков; но главным образом из-за злобы самих язычников, судивших о характере христианских таинств по непристойным оргиям Венеры и Вакха.

Тертуллиан с негодованием отвергает эти гнусные клеветы и показывает их чудовищность и нелепость. "Нас ежедневно преследуют враги, - восклицает он, - нас ежедневно предают, нас часто удивляют в наших тайных общинах; но кто когда-нибудь встречал среди нас полусгнивший труп или какое-либо другое подтверждение обвинений против нас?"[921] Он переадресует язычникам обвинения в детоубийстве, человеческих жертвоприношениях и противоестественных преступлениях и противопоставляет их чистоте христианского характера. Минуций Феликс также свидетельствует о скромном и трезвом характере христианских праздников, которые они отмечали с целомудренными речами и целомудренными телами.[922]

Со временем *агапы* в значительной степени утратили свой религиозный характер и стали использоваться для празднования годовщин мучеников, бракосочетаний и похорон.[923] Они были еще более осквернены заменой языческих праздников, чтобы, как замечает святой Августин, "язычники могли пировать с прежней роскошью, но без прежнего святотатства".[924] Таким образом, в IV и V веках эти "благочестивые веселья" превратились в шумные банкеты и разгульные пирушки, что стало скандалом и позором для христианства и вызвало возмущенное осуждение отцов. "Нелепо, - говорит святой Иероним, - чествовать пиршествами святых, которые угодили Богу своими постами". Святой Августин решительно осуждает тех, "кто опьяняет себя в честь мучеников, и даже свое обжорство и пьянство ставит в заслугу религии".[925] "Эти пьяницы преследуют святых своими чашами, - говорит он, - так же, как яростные язычники - камнями".[926] Добрый епископ Нолы, сильно возмущенный этими полуязыческими гуляниями, расписал святыми картинами церковь святого Феликса, чтобы невежественные крестьяне, глядя на них, меньше пили. Высказывалось предположение, что, возможно, благочестивые фигуры на золоченых стеклах катакомб были созданы с той же целью; однако многие из их девизов носили весьма компанейский характер, рассчитанный скорее на поощрение веселья, в котором они, несомненно, принимали участие. И *natalitia*, и *agapæ* в конце концов стали настолько отвратительными по своему характеру, что вызывали насмешки язычников и осуждение более благочестивых и вдумчивых христиан. Злоупотребление последним прекрасным институтом стало настолько невыносимым, что он стал объектом репрессивных постановлений последующих соборов, пока не был окончательно отменен. Эльвирский собор (305 г. н. э.) благоразумно запретил присутствие женщин на этих ночных собраниях в катакомбах.[927] Лаодикийский собор (361 г. н. э.) постановил, что *агапы* не должны совершаться в церквях. Карфагенский собор (397 г. н. э.) запретил духовенству присутствовать на них, а Трулльский собор (706 г. н. э.) вообще запретил их празднование под страхом отлучения.

Этот прекрасный символ христианского единства был возрожден в духе основателем методизма; но, чтобы уберечься от развращения, в которое он впал ранее, элементы его празднования были ограничены хлебом и водой. Подобный обычай наблюдается и среди моравских братьев, у которых, вероятно, его позаимствовал Уэсли. Он также передавался с первобытных времен христианами-несторианами Малабарского побережья.[928]

Таким образом, мы попытались дать точную расшифровку свидетельств катакомб о первобытном христианстве. Мы увидели, насколько оно согласуется с учением Священного Писания, насколько противостоит всем установлениям и догмам Рима. Достаточно сравнить погребенные реликвии прошлого с живым настоящим над землей, чтобы с первого взгляда увидеть бесконечный контраст между Церковью Христа и Церковью Антихриста. Могли ли простые епископы первобытных веков увидеть более чем царственное состояние и восточную пышность, в которой, окруженный вооруженными алебардистами, под грохот военной музыки и гром пушек Святого Анджело, их сегодняшний преемник едет в своей золотой колеснице из своего величественного дворца к величественному фейну Святого Петра - величайшему храму в мире. Петра - самого грандиозного храма в мире - им будет трудно уловить в нем хоть какое-то сходство с их собственным скромным и часто гонимым сословием или с чистой и духовной религией кроткого и смиренного Назарянина. Могли бы они стать свидетелями почти идолопоклоннического почтения, которое он получает, сидя на государственном троне, увенчанный тройной короной, подставляя свои ноги для унижительного оскала епископов, кардиналов, послов и паломников из всех стран; Если бы они увидели, как он созывает со всех концов земли прелатов римско-католического христианства, чтобы записать декрет о своей личной непогрешимости и свободе от человеческих ошибок; они бы сочли кощунственными эти непозволительные предположения и осудили бы как пророческого Антихриста того, кто претендует на эти ужасные атрибуты.[929]

Над смиренными спящими в криптах Ватикана вздымается могучий купол, который Микель Анджело вознес высоко в воздух; возвышенные песнопения и звуки гимна проносятся по просторам; вокруг сверкают полированные валы из порфира, яшмы и дорогого мрамора; бесценные картины и редчайшие скульптуры, созданные руками гения, служат еще более богатым украшением; У алтаря, сверкающего золотом и драгоценными камнями, священник-человек в разноцветных облачениях ежедневно повторяет, как он смеет утверждать, неизреченную жертву Христа; из четырехсот крестообразно увенчанных кампанил крещенные и освященные колокола звонят в часы молитвы; у тысячи святынь толпа поклоняется, как они тщетно думают, реальному присутствию Искупителя; и благоухающий фимиам все чаще возносится не к многочисленным богам Пантеона, а к еще более многочисленным святым римского календаря. Но мы чувствуем, что все царства мира и вся их слава были слабой компенсацией за потерю первобытной простоты, чистоты и духовной силы смиренного служения в катакомбах. Отвлечемся от пышного ритуала и пустой помпезности и обратимся к тем скромным склепам, где христианский гимн гонимого остатка святых возносился над могилой мученика, как истинный образ духовного храма Христа на земле. В этих покоех тишины и мрака мы находим свидетельства той неугасающей жизни христианства, которую мы тщетно ищем среди живой смерти этого города церквей и священников - апостольского престола христианства - превозносимого места наместника Христа на земле. С более глубоким значением, чем то, с которым оно было впервые произнесено, мы перенимаем язык Тертуллиана и восклицаем: ID ESSE VERUM, QUODCUNQUE PRIMUM; ID ESSE ADULTERUM, QUODCUNQUE POSTERIUS.[930]

[822] Northcote's Catacombs, p. 140.

[823] Euseb., Hist. Eccles., vi, 43. Иерархические подразделения в греческой церкви гораздо более сложны. Так, мы имеем патриарха, митрополита, архиепископа, епископа, протопресвитера, сверхдекана, декана, пресвитера, протодиакона, диакона, иподиакона и простого священника, а также множество низших чинов.

[824] Strom., vi, 13. "Преемственность ранних римских епископов, - говорит Стиллингфлит, - так же мутна, как сам Тибр" - Irenicum, ii, 7. Это историческая загадка, решение которой найти трудно или невозможно.

[825] Евсевий дает этот самый титул, ποιμήν, Киприану (vii, 3.) Они также назывались πρόεδροι, προεστῶς, и *præsides*, или президенты.

[Ипполит, епископ Портуса, расположенного всего в пятнадцати милях от Рима, и святой римского календаря, решительно выступал против Зефирина и Каликста, епископов Рима. В V веке Милан первенствовал над Римом, а многие другие места имели равное достоинство. Епископская должность сильно отличалась от того, что сейчас подразумевается под этим названием, и ее функции мало чем отличались от функций пресвитера, за исключением общего надзора за сравнительно ограниченной епархией. Так, только в Северной Африке было четыреста шестьдесят шесть епископов, а также шестьдесят шесть вакантных мест. Климент, епископ Римский, (Ep. ad Cor., 74), Юстин Мученик и другие ранние авторы, кажется, подразумевают, что термины епископ и пресвитер сначала были взаимозаменяемы. Киприан, епископ Карфагена, обращается к своему духовенству как к своим сопресвитерам - *compresbyteros*. Иероним, ревнитель порядка, утверждает изначальное тождество должностей (*idem est presbyter qui et episcopus*) и постепенное развитие епископского достоинства, скорее от обычая, чем от первобытного назначения (Comment. in Titum.) Златоуст утверждает первоначальную конвертируемость титулов епископа и пресвитера - οἱ πρεσβύτεροι τὸ παλαιὸν ἐκαλοῦντο ἐπίσκοποι, καὶ οἱ ἐπίσκοποι πρεσβύτεροι.-Homil. i, in Phil., Лорд Кинг сравнивает эти две должности с должностями ректора и викария (Prim. Ch., с. 4), но высокоцерковные представления Бингема заставили его превозносить существенное различие между ними (Orig. Eccl., ii, 3.) Епископы избирались пресвитерами и мирянами совместно. Евсевий утверждает, что Фабиан был избран на эту должность благодаря божественному знамению в виде голубя, спустившегося на него (Н. Е., vi, 29.) Обычно они достигали этого достоинства не *per saltum*, а пройдя через низшие ступени. Киприан, однако, был всего лишь неофитом, Евсевий - катехуменом, а Амвросий - мирянином, когда был назначен на должность епископа. Со временем на Востоке императоры, а на Западе короли узурпировали право назначения, реликтом которого является королевский конгресс в Великобритании, так сильно сатиризированный Карлайлом (Памфлеты последних дней).

[827] См. выше, [p. 95](#).

[828] Мы уже видели, что надпись датой 392 г. н. э., рассматриваемая как эпитафия "святейшего папы Феликса", на самом деле принадлежала приемному отцу. См. выше, [p. 471](#). Выражение "апостольский престол", которое теперь ограничивается Римом, первоначально применялось к любому епископскому месту.- Bingham, ii, 2, § 3.

[829] Он говорит о своем предшественнике по должности как о "нашем отце, (πάπα) блаженном Ерекласе" -Eu., Н. Е., vii, 7. Подобным образом эпитафия африканского епископа, датированная 475 г. н. э., обозначает его как "нашего отца святой памяти" -*Sanctæ memoriæ pater noster*.

[830] Ep. 8. Cler. Rom. ad Cler. Carth.

[831] De Pudicit., с. 13.

[832] Ep. 17, 18, 30 и т. д.

[833] Синонимичный титул аббата до сих пор используется в этом смысле. Он применялся к монахам-отшельникам Оркнейских островов и Исландии и дал название Папа Строна и Папа Вестры островам Оркнейской группы.

[834] Опатт говорит, что в третьем веке в Риме было сорок церквей. Аммиан описывает почти царственную пышность епископов во второй половине четвертого века и рассказывает о кровопролитной борьбе за епископское достоинство между Дамасом и Урсицином. Улицы были усеяны убитыми, а сто тридцать семь трупов осквернили священные пределы христианской базилики. Первобытная церковь клеймила симонию как *χρῖστημπορείαν*, или "продажу Христа".

[835] Ego autem fidenter dico quia quisque se universalem sacerdotem vocat, vel vocari desiderat, in elatione suâ Antichristum præcurrit.-Greg. Max., Epis. vii, 7-33.

[836] Григорий III. (731-741) называет себя "святейшим и блаженнейшим апостольским папой" - Sanctissimus ac Beatissimus Apostolicus Papa. Бонифаций VIII принял трехкоронную тиару, чтобы обозначить власть папы над небом, землей и адом.

Данте представляет папу как всемогущего грифона, символизирующего его духовные и мирские функции, влекущего за собой триумфальную машину церкви - Purgatorio, Can. xxix. Однако на фреске седьмого или восьмого века, изображающей Корнелия, епископа Рима, он ни костюмом, ни знаками отличия, ни титулом не отличается от Киприана, епископа Карфагена, который стоит рядом с ним.

[837] Это имя не всегда указывало на возраст, но на должность, как у евреев *זקן* или старейшин, латинских сенаторов и саксонских олдерменов.

Рейнваль, Гейслер, Неандер и другие выдающиеся немецкие ученые сходятся во мнении, что термин "епископ" первоначально был просто официальным титулом пресвитера, избранного для управления или надзора за церковью, и что последние заседали в консистории с епископом, образуя церковный сенат, в котором епископ был просто председательствующим должностным лицом - *primus inter pares*.

Следует отметить, что слово *ἱερεύς*, "священник", то есть тот, кто приносит жертву, нигде не применяется к какому-либо церковному званию ни в Катакомбах, ни в трудах первобытных отцов. Романизм и романизирующийся сакердотализм оставили за собой право применять к христианскому священнику это словосочетание, столь противоречащее гению Нового Завета.

[838] Буквы *Pbb.*, согласно Де Росси, означают *Presbyter benedictus*.

[839] Феликс, вероятно, был пресвитером базилики Святого Павла, основанной Константином в 324 году, перестроенной Феодосием и Гонорием в 388-395 годах, восстановленной Львом I в 440 году и вновь возведенной нынешним папой, в ее древних размерах (четырееста одиннадцать футов на двести семьдесят девять), одной из самых благородных базилик Рима.

[840] Согласно Бингему, *Pontifex maximus* был титулом, общим для всех епископов в первобытные времена.-Orig. Eccl., ii, § 6.

Здесь, возможно, паронимазия на слово "Лев", лев понтификов. Иногда в одной церкви было несколько пресвитеров. См. De Rossi, Inscr. Christ., No. 975.

[841] *Adleguntur in ordinem ecclesiasticum artifices idolorum*.-De Idol., vii.

[842] Hist. Eccles., c. vii, 29.

[843] Sozomen, i, 27, и vii, 28.

[844] Clericus quantumlibet verbo Dei eruditus, artificio victum quærat.-Conc. Carth., 4, can. 51. Пример Павла, палаточника, который, хотя и утверждал право служителей на поддержку, все же "трудился с трудом и мучился день и ночь", чтобы не быть вменяемым церкви, придет в голову читателю. Хризостом, говоря о сельских епископах Антиохии, говорит: "Этих людей вы можете видеть иногда запрягающими волов и управляющими плугом, а затем восходящими на кафедру и возделывающими души, находящиеся под их опекой; то вырывающими тернии из земли крюком, то очищающими грехи души словом" - Hom. ad Pop. Antioch., xix. "Как славно видеть седовласого пастыря, приближающегося, подобно Аврааму, с подпоясанными чреслами, копающего землю и работающего своими руками" - Hom. in Act., xviii.

[845] Похожая должность была в иудейской синагоге, סוֹדָרָן.

[846] Особенно это касалось стихов, так как слово diaconus не подходило для гекзаметров.

[847] В Константинополе было более ста диаконов и более девяноста иподиаконов - Иустин, Нов., iii, 1.

[848] Вероятно, это памятник более позднего периода, чем времена гонений. Эпитет *sanctus* не применялся до сравнительно позднего времени. Должность диакона, однако, была особенно несносна для гонителей. Свидетельство тому - мученическая смерть Лаврентия диакона, *antea*.

[849] Рим был разделен на семь церковных округов, соответствующих семи диаконам.

[850] Иоанн III, епископ Рима.

[851] Они упоминаются Тертуллианом (De Præscrip., c. 41) и Киприаном (Ep., 24, 33), а также многими более поздними авторами. Возможно, эта должность была заимствована из синагоги.

[852] Socrat., iii, 1. Sozom., v. 2.

[853] сxxiii, с. 54.

[854] Лев X. был священником в семь лет и кардиналом в десять. Среди пятисот священников, уничтоженных вандалскими гонениями в Карфагене, было много младенцев-читателей - *quam plurimi erant lectores infantuli*.- Victor de Persec. Victor de Persec., lib. iii.

[855] На могиле четырнадцатилетнего юноши выбиты слова: VOTVS DEO, "Посвящено Богу".

[856] Ἀκόλουθος, "слуга".

[857] Корнелий, епископ Рима в третьем веке, говорит, что в этой церкви было сорок два аколита (Euseb., H.E., vi, 43;) и, согласно Евсевию, большое число их присутствовало на соборе в Ницце.

[858] См. бродячих евреев-экзорцистов в Деяниях xix, 13. Вероятно, они также были магами и прорицателями. Экзорцизм был распространен и среди языческих прорицателей, с которыми иногда путали христиан. Вероятно, против них был направлен закон Ульпиана, осуждавший тех, кто использовал заклинания, наговоры или, говоря обычным словом

самозванцев, экзорцизм - Si incantavit, si imprecatus est, si (ut vulgari verbo impostorum utar) exorcisavit.

[859] Apol., 23.

[860] Cont. Cels., vii. Григорий Тауматург, Чудотворец, снискал особую славу своими подвигами такого рода - Сократ, iv, 27. Антоний, египтянин, мог обнаружить деймонов с помощью обоняния!

[861] Несколько схожей с древним экзорцизмом практикой было прикосновение к королевскому злу, для которого существовала признанная форма в молитвеннике времен Георга II.-De Strumosis Attrectandis. Карл II. "коснулся" ста тысяч человек.

[862] См. ante, p. 132.

[863] Primus in clericis fossariorum ordo est, etc.-De Sept. Ord. Eccles. Их также называли lecticarii, от того, что они несли труп на lectica или на подставке, и coriatae, слово неопределенного происхождения. Константин организовал coriatae в корпорацию в Константинополе, где их насчитывалось четыреста человек. Сравните с Параболани из Александрии.

[864] См. рис. 23, 24.

[865] С ростом богатства и прогрессом образования в христианской общине число и разнообразие церковных должностей значительно умножилось, добавились все атрибуты помпезности и пышного ритуала. Множество низших церковных иждивенцев нависли над церковью, поглощая ее силы, развращая ее добродетель и унижая ее характер. Знание самих их имен и должностей стало трудной задачей. Так, мы имеем sacristarii, или хранителей священных облачений и сосудов; cappellani, или служителей алтаря; matricularii, или маршалов общественных процессий; stauraphori, или крестоносцев; ceroferarii иthuriferarii, носителей лампад и ладана; и parafrasarii, или кучеров высших епископов - последние, согласно Мабийону, сами причислялись к клиру. Были также oeconomi, или управляющие церковными землями; thesaurii, или казначеи церковных фондов; notarii, или секретари; apocrisarii, или легаты; cancellarii, или канцлеры; syndici, или синдики; и hermeneutai, или переводчики, в основном в сирийских и африканских церквях, где прихожане говорили на разных языках - обращение к народу на неизвестном языке было римским нововведением. Даже должности высшего достоинства были бесконечно умножены. Существовало несколько орденов епископов: митрополиты, архиепископы, патриархи, приматы и экзархи; епархиальные епископы, епископы *quiescentes*, то есть без обвинений, и титулярные епископы с обвинением в *partibus infidelium*; суффраганские епископы и *хорепископы*; кардиналы и генеральные викарии; и многие другие должностные лица с титулами лордов, княжеским богатством и огромной политической властью. Но мы не находим ни примеров, ни прототипов ни в эпитафиях катакомб, ни в смиренных пастырях гонимой паствы Христовой в первобытные века Церкви. Применение титула папы с его нынешним значением к ранним епископам - это смехотворный анахронизм и неправильное название, поскольку ничто не может быть дальше от реальности, чем идея, которую оно сейчас предлагает.

Подобно виноградной лозе, которая, обвиваясь вокруг благородного вяза, кажется, усиливает его красоту, но со временем полностью подавляет его силу в своих удушающих объятиях, так и разросшиеся человеческие институты задушили жизнь доброго дерева римского христианства и погубили обещания его ранних лет. Ритуальные формы должны

быть лишь шпалерой для поддержки духовного поклонения; в противном случае лучше, чтобы они, подобно медному змею, были разбиты на куски и, подобно телу Моисея, погребены в неизвестной усыпальнице, чем стали объектами идолопоклоннического почитания или суеверного почитания.

[866] Примитивным и, вероятно, правильным было мнение, что все апостолы были женаты, кроме Павла и Иоанна - *Omnes apostoli, exceptis Johanne et Paulo, uxores habuerunt.*-Ambros., ad Hilar.; Clem. Alex., Strom., iii; Euseb., H. E., iii, 30; Orig., Com. in Rom.

[867] Вероятно, оно было заимствовано ими у ессеев и других аскетических общин Востока.

[868] Orig. Eccles., iv, 4.

[869] 1 Тим. ii, 2, 12; Тит. i, 6. Так до сих пор понимает его греческая церковь, требующая брака от своего духовенства. Тертуллиан, Киприан, Григорий Нисский, Иларий Пуатье, Спиридон, Синезий и многие другие выдающиеся епископы ранних времен, как известно, были женаты.

[870] Socrat., i, 11; Sozom., i, 23. "Брак - это истинное целомудрие", - восклицал престарелый епископ Пафнутий.

[871] Sacerdotal Celibacy, p. 162. Сатирические песни, сказки и скандальные анекдоты о безбрачном духовенстве, а также обличения его пороков на последующих соборах свидетельствуют о социальной развращенности, вызванной этой системой. Аскетическое обесценивание женщины также неизбежно вело к ее моральной деградации. Некоторые монашеские писатели, оклеветавшие таким образом память своих собственных матерей, называли ее вредным животным, самой сутью зла и вратами ада, чья красота была приманкой дьявола и вечным искушением к греху, а само ее присутствие - заразой. Самые нежные семейные узы разрывались по надуманному зову долга. В римско-католических странах женщина до сих пор подвергается почти восточной ревности, и ей отказано в интеллектуальной эмансипации, которой пользуется ее пол в других странах. Она не может войти в самые священные места Рима или посетить Папу, кроме как в трауре. На службе в папской капелле нет музыки для женского голоса.

[872] Inscrip. Antiq., p. 1173.

[873] См. ante, p. 428. Следующая цитата взята из Salonæ: FL - IVLIVS DIACONVS ET AVRELIA MERIA CONIVX EIVS HOC SARCOFAGVM (sic) SIBI VIVI POSVERVNT - "Флавий Юлий, диакон, и Аурелия Мерия, его жена, при жизни воздвигли для себя этот саркофаг". См. также эпитафию Теттия Фелициссимуса, p. 474.

[874] Следующая запись сделана на острове Саламис: Οἶκος αἰώνιος Ἀγάθωνος ἀναγνώστου καὶ Εὐφηρίας.... "Вечное жилище Агафона, чтеца, и Евфимии....". Вероятно, она была его женой.

[875] Так, св. Павел называет Фиву *διάκονος*, в переводе "слуга", церкви в Кенхрии - Рим., xvi, 1. Христианские *подсобники quæ ministræ dicebantur*, которых мучил Плиний, были, вероятно, из этого класса.

[876] 1 Тим. v, 9.

[877] Концил. Chalcedon, c. 14.

[878] Tertul., de Veland. Virgin., с, 9. Олимпия, христианская матрона из Константинополя, знатного рода, овдовела в восемнадцать лет, стала диакониссой и посвятила свое огромное состояние благотворительности. Она долгое время была преданной покровительницей гонимого Хризостома.

[879] Cypr., Ep., 62.

[880] Отцы с энтузиазмом восхваляют вечное девство. "Оно имеет высшее достоинство, как сосуды из золота и серебра по сравнению с глиняной посудой", - говорит Иероним.- Адв. Иовин. "Тридцатикратное увеличение в Писании, - утверждает он, - относится к браку, шестидесятикратное - к вдовству, а стократное - к девственности" -Ad Ageruchiam. "Брак пополняет землю, - добавляет он, - а девство - небо" - Nuptiæ terram replent, virginitas paradisum. "Эти святые девы - ожерелье церкви, - говорит Пруденций, - и этими драгоценными камнями она украшена" -Nos est monile ecclesiæ! His illa gemmis comitur!- Peristeph., Н., 3. Они стали в мистическом смысле супругами Христа, и Иероним кощунственно обращается к матери Евстохии как к теще Бога-Socrus Dei esse ссѣpisti-Ad Eustoch. И Иероним, и Златоуст, однако, признавали и нещадно бичевали зло, к которому привела система целибата в их время. "Она - истинная дева", - говорит последний, - "которая заботится о том, что принадлежит Господу".

[881] В одном из примеров, датированном 525 г. н. э., мы находим фразу NONNAE ANCILLAE DEI, в которой мы видим, возможно, происхождение нашего слова "монахиня". Иероним ранее применял слово nonnæ либо к вдовам, либо к девственницам, исповедующим целомудрие -Ad Eustoch., с. 6.

[882] См. статью "The Rise of Monachism", написанную настоящим автором, в London Quarterly Review, октябрь, 1873.

[883] Это не было одинаково продолжительным. Эльвирский собор (с. 24), действительно, предписывал два года, но в разных местах продолжительность периода варьировалась.

[884] "Tanto ardentius concupiscantur, quanto honorabilius occultantur", - говорит Августин об этой самой практике -In Johan., 96.

[885] Приведенное ниже резюме основных патристических свидетельств о практике крещения младенцев подтверждается свидетельствами катакомб. Мы опускаем отрывки из Климента и Гермеса Пастора, которые предполагают его распространенность в первом веке, как весьма неопределенные. Иустин Мученик, около 148 г. н. э., говорит о людях шестидесяти и семидесяти лет, которые стали учениками Христа (ἐμαθητεύθησαν, то самое слово, используемое в Мф. xxviii, 19) в младенчестве (Apol., 2), и сравнивает обряд крещения с обрезанием (Dial. с. Tryph.). Иреней прямо говорит о "младенцах, малых, детях, юношах и престарелых, как возрожденных к Богу", и эту фразу он в другом месте применяет к крещению: "Младенцы и парвулосы, и пуэры, и юноши, и сеньоры" -Lib. ii, с. 39. Тертуллиан, правда, в третьем веке, рекомендует отложить крещение, особенно в случае младенцев - Cunctatio baptismi utilior est, præcipue tamen circa parvulos - указание на ересь монтанистов, в которую он впал, считая послекрещальные грехи необратимыми.- De Baptis., с. 18. Однако эта практика продолжалась, и Ориген прямо утверждает, что маленьких детей крестили для отпущения грехов (Parvuli baptizantur in remissionem peccatorum-Hom., 14, in Luc.), и этот обычай, по его словам, Церковь передала от апостолов-Ecclesia ab apostolis traditionem suscepit.-Id., in Rom., v. 6. Когда в третьем веке возник вопрос, не следует ли принимать крещение младенцев, но следует ли принимать его до восьмого дня, Киприан и собор из шестидесяти шести африканских епископов единогласно постановили, что в этом обряде не

должно быть отказано никому, даже в самом раннем младенчестве - *Universi potius judicavimus, nulli hominum nato misericordiam Dei et gratiam denegandam.*-Cypr. Ep. 59, ad Fidum. "И это, - говорит Августин, - не новая доктрина, а апостольский авторитет" - *Nec omnino credenda, nisi apostolica esse traditio.*-De Genesi ad Literam., x. Поздние отцы изобилуют подобными свидетельствами. Младенцев, обращенных язычниками, крестили сразу, а старших - по наставлению.-Cod. Justin., i, 11, Leg. 10. Сироты, подкидыши и даже дети язычников принимали этот священный обряд. В ранний период евхаристия совершалась над младенцами, чему обязательно предшествовало крещение.

[886] Поэтому, когда человек умирал некрещеным, живая замена иногда принимала обряд вместо него. Фульгенций действительно утверждает, что некрещенные дети, даже если они умирают *"in uteris matrum"*, подвергаются вечному наказанию в вечном огне - *ignis æterni sempiterno supplicio puniendos.*-De Fide ad Petr., 27. Но только он один из Отцов высказывает это отвратительное мнение. Августин и Амвросий, хотя и настаивают на важности крещения, признают, что вместо него достаточно веры и покаяния - *fidem conversionemque cordis* тех, кто умирает, благочестиво готовясь к нему.-Aug., de Bap., iv, 22.

[887] В смелой и неоправданной метафоре некоторые Отцы говорят о водах крещения как об измененных в мистической транссубстанции в саму очищающую кровь Христа.

Распространение ереси монтанистов, считавших необратимыми все грехи, совершенные после крещения, заставляло многих откладывать его принятие, хотя такая практика строго осуждалась церковью. Так, Константин оставался катехуменом до своего шестьдесят пятого года и принял крещение - *"ἐμύθη"*, говорит Созомен (ii, 34), буквально "был посвящен" - незадолго до своей смерти. Надпись в соборе Святого Иоанна Латеранского утверждает, что он был крещен Сильвестром за много лет до этого: *CONSTANTINVS PER CRVCEM VICTOR A S. SILVESTRO BAPTIZATVS CRVCIS GLORIAM PROPAGAVIT*: но д-р Дёллинггер показал совершенно мифический характер этой легенды. - *Fables respecting the Popes, etc.*, by Jn. G. Ign. von Döllinger. 1872.

[888] См. уже приведенную эпитафию некрещеного катехумена.

[889] В христианской эпитафии из Аквилеи, датированной 734 г. н. э., мы находим формулу из Писания - *ex aqua et Spu renatus* - "рожденный свыше от воды и Духа" - Muratori, Nov. Thesaur., p. 1849.

[890] См. McCaul, Christian Epitaphs, p. 64.

[891] De Bap. Christ.

[892] Киприан доказывает правомерность крещения окроплением, когда погружение в воду неудобно, как в случае с больными, заключенными и т. д., следующим образом: "В крещении пятна греха смываются иначе, чем грязь тела в мирском и плотском омовении, в котором нужны ванна, мыло и тому подобное. Сердце верующего омывается иначе; разум человека очищается заслугами веры"-*Neque enim sic in sacramento salutari delictorum contagia, ut in lavacro carnali et seculari sordes cutis et corporis abluuntur, etc.*-Ep. ad Magnum.

Так, мы читаем, что святой Лаврентий крестил, используя только кувшин с водой - *urceum afferens cum aqua* - и выливая воду на голову испытуемого - *fundit aquam super caput.*-Acta Laurentii. Тертуллиан также говорит об "обливании водой" при крещении - *asperginem aquae.*-De Pœnitent., 6.

[893] Так называемые бенитиры, или сосуды со святой водой в катакомбах, были, вероятно, по крайней мере в некоторых случаях, крестильными вазами. Римская "святая вода", вероятно, скопирована с языческой *aqua lustralis*, которая стояла у дверей храмов, и в которую верующий при входе и выходе окунал свои пальцы. По поразительной аналогии с римским обычаем, языческий жрец окроплял толпу святой росой с помощью аспергиллума, или легкой кисточки.

Idem ter socios pura circumtulit unda
Spargens rore levi.

[894] Нимб и другие особенности указывают на сравнительно позднюю дату этой картины. Де Росси считает ее не ранее седьмого или восьмого века. В результате разрушительного воздействия времени, прошедшего с момента копирования Бозио, часть фигуры ангела была повреждена. В аналогичной группе в латинском MS. девятого века река Иордан вытекает из двух сосудов, которые держат два мальчика. В другой группе в Монце, седьмого века, крещенская вода льется из вазы, которую держит в клюве божественный голубь на голове Христа.

[895] Фигуры - светло-омбревые, падающая вода - бледно-голубая.

[896] Неофиты откладывали свои белые крестильные одежды, или альбы, в воскресенье после Пасхи, и поэтому назывались *Dominica in albis*. В следующей надписи говорится, что Паскасий, неофит шести лет, принял крещение в канун Пасхи и через неделю после этого отложил свои альбы в гробницу: PERCEPIT XI KAL. MAIAS ET ALBAS SVAS OCTABAS (*sic*) PASCAE (*sic*) AD SEPVLCHRVM DEPOSVIT. (A. D. 463.)

Доктор Маккол отмечает поразительную аналогию с христианскими формами выражения в эпитафии, описывающей языческую инициацию: ARCANIS PERFVSIONIBVS IN AETERNVM RENATVS - "Рожденный навечно тайным окроплением". Кропление было кровью быка или барана, которая капала на тела получателей люстрации через отверстия в платформе, под которой они стояли" -Christian Epitaphs, p. 57.

[897] Хотя в последующие времена они превратились в огромные здания с достаточными возможностями для крещения, в ранние века они были совсем небольшими; и, согласно Классическому словарю Смита, баптистерий был "не ванной, достаточно большой для погружения всего тела, а сосудом или лабрумом, содержащим холодную воду для обливания головы" -Art., Baths. Евсевий говорит о баптистериях без церкви "для тех, кто еще нуждается в очищении и окроплении (περίρραντήριον) водой и Святым Духом" -Е. Н., x, 4.

[898] За эти ссылки я обязан преподобному профессору Беннету, доктору философии Сиракузского университета, в прошлом жителю Берлина, Пруссия.

[899] Ciampini, Tab. ii, Figs. 3, 4.

[900] В более поздние времена благочестивый Бернард из Клерво так восхваляет евхаристию: "Она, - восклицает он, - лекарство для больных, путь для странствующих; она утешает слабых и радуется сильным; она исцеляет болезни и сохраняет здоровье; она делает человека более покорным к исправлению, более сильным к труду, более пылким к любви, более мудрым в предвидении, более быстрым в послушании, более благочестивым в благодарении. Она освобождает от греха, уничтожает власть сатаны, дает силы для мученичества и, в общем, приносит всякое благо" -Costeri. Institut. Chr., lib. i, c. 6. Он также описывался как "хлеб ангелов, духовная пища, жизнь души, вечное здоровье ума, противоядие от греха и залог будущей славы".

[901] Alicubi quotidie alicubi certis intervallis dierum.-Aug., Tr., 26, in Johan. Это был, в особом смысле, "хлеб насущный для души".

[902] "Христос, который страдал, - это рыба, которая была зажарена", - говорит святой Августин - *Piscis assus, Christus passus*.

[903] См. рис. 54.

[904] *Nihil illo ditius, qui corpus Domini canistro vimineo, sanguinem portat in vitro*.-Ep. 4, ad Rustic. Таким образом, причастие передавалось тем, кто по болезни отсутствовал на его публичном праздновании.

[905] *Cur nullas aras habent?* -Minuc., Octav. *Non altaria fabricemus, non aras*.-Arnob., Contr. Gentes. Христианские алтари назывались безразлично: *Altare, ara Dei, mensa Domini*.

[906] В Латеранской базилике, которая утверждается как глава и мать всех церквей Рима - *caput et mater omnium ecclesiarum* - находится алтарь, который, как утверждает традиция, святой Петр сделал своими руками и использовал для совершения Святых Таинств. Легенда свидетельствует, по крайней мере, о древнем мнении относительно первобытного использования. Изначально в церкви допускался только один алтарь, но под влиянием римлян их число увеличилось до двадцати пяти, как в соборе Святого Петра.

[В трех или четырех случаях к плите прикреплены бронзовые кольца, как будто для того, чтобы ее можно было снять для второго погребения, или, возможно, чтобы открыть вид на мощи святого.

[908] Тертуллиан тщательно оберегает от буквального толкования слов Христа "Сие есть тело Мое", добавляя: "то есть образ тела Моего" -*figura corporis mei*.-Adv. Marc., iv, 40. Августин и другие отцы также проводят различие между духовным и телесным присутствием Христа.

[909] Они назывались *eulogia*, то есть благословение или благословение. На еврейском кладбище есть изображение священных хлебов, вероятно, пасхальных лепешек, обозначенных ΕΥΛΟΓΙΑ. Христианское изображение чаши, несомненно, часто относится к "чаше благословения" - Τὸ ποτήριον τῆς εὐλογίας, о которой упоминает св. Павел.-1 Кор. x, 16.

[910] Во всей раннехристианской эпитафике нет ни малейшего указания на римскую доктрину трансубстанции, которая, как замечает доктор Мейтланд, "не была отчетливо представлена до девятого века". Однако некоторые из ранних поэтов и более риторичные отцы упоминают о мистическом присутствии Христа в евхаристии, граничащем с современной римской концепцией.

Эльвирский собор запретил принимать какие-либо дары для совершения таинств. Как это отличается от наемнического тарифа Рима на совершение мессы за умерших!

[911] Ταῖς ἀγάπαις.- Иуда, 12.

[912] Деян. ii, 46; vi, 2.

[913] 1 Кор. xi, 16-34.

[914] *Ita saturantur, ut qui meminerunt etiam per noctem adorandum sibi esse; ita fabulantur, ut qui sciunt Dominum audire*.-Apol., 39.

[915] Jus. Mar., Apol., ii; Socrat., Eccl. Hist., v, 22; Orig., in Ep. ad Rom., xvi, 16.

[916] Cibus promiscuum et innoxium.-Ep., lib. x, ad Traj.

[917] ἱεροὶ λόγοι.-Peregrinus.

[918] Pædag., ii.

[919] Qui de ultima fæce collectis imperitioribus et mulieribus credulis sexus sui facilitate labentibus, plebem profanæ conjurationis instituunt: quæ nocturnis congregationibus et jejuniis solennibus et inhumanis cibis non sacro quodam sed piaculo fœderantur, latebrosa et lucifugax natio... deos despuunt, rident sacra.-Minuc. Феликс, Октав. Odio humani generis convicti sunt.-Тас., Ann., xv. 44.

[920] Malifica superstitio.-Suet., Neron., 16. Comp. Hor., Sat., i, 8.

[921] Quotidie obsidemur, quotidie prodimur, in ipsis plurimum cœtibus congregationibus nostris opprimimur. Quis unquam taliter vagienti infanti supervenit? -Apol., c. 7; comp. ad Nat., i, 10-15.

[922] Casto sermone, corpore castiore.-Minuc., Octav.; comp. Orig. Cont. Cels., vi., Jus. Mar., Apol., i, 2.

[923] Agapæ natalitiæ, agapæ connubiales и agapæ funerales. Язычники, что вполне естественно, рассматривали последние, как и свои собственные погребальные банкеты, как предназначенные для умиротворения манов умерших. То же самое они, несомненно, думали бы и о современных погребальных мессах.

[924] Non simili sacrilegio, quamvis simili luxu celebrarentur.-Aug., Ep., 29.

[925] Qui se in memoriis martyrum inebriant.-Aug., Cont. Faust., xx, 21. Voracitates ebrietatesque suas deputant religioni.-De Morib. Eccl., i, 34.

[926] Enarr., in Psa. lix.

[927] Placuit prohiberi, ne fœminæ in cœmeteriis pervigilent, eo quod sæpè sub obtentu religionis latenter scelera committunt.

[928] Среди других следов первобытного христианства у последних - женатое духовенство и отвращение к изображениям. "Мы христиане, а не идолопоклонники", - говорили они миссионерам-иезуитам, которые преподносили им на поклон изображения Девы Марии.

[929] В одном известном латинском гимне имя Пия заменено на Deus. Другой пятидесятнический гимн Святому Духу обращен непосредственно к нынешнему понтифику. По утверждению выдающегося французского еkkлезиаста Пьера Гратри, рост догмата о непогрешимости "был совершенно изгрызен самозванством". Одурманивание человеческого интеллекта никогда не было более ярким примером, чем изречение Беллармина: Vera sunt vera et falsa sunt falsa; sed si ecclesia dixit vera esse falsa et falsa esse vera, falsa sunt vera et vera sunt falsa.

[930] Adv. Praxean.

КОНЕЦ.

ПРИМЕЧАНИЕ ТРАНСКРИБЕРА:

В сокращениях и в конце предложений добавлены недостающие точки, в сносках курсивом выделены цитаты, отсутствующие в оригинале, а в сокращениях запятые заменены на точки. В указателе запятые, точки с запятой и точки были скорректированы таким образом, чтобы они использовались единообразно.

При просмотре на экране транслитерация слов и фраз на древнееврейском и греческом языках была представлена в виде вставок. Там, где в оригинальном греческом языке встречается заглавная лунная сигма ('C'), в транслитерации используется буква "S". Еврейские буквы, греческие буквы с ударениями и заглавная лунная сигма могут не отображаться в некоторых устройствах для чтения электронных книг. В словах на французском языке добавлены недостающие ударения.

Нумерация сносок изменена и перенесена в конец главы, в которой они встречаются. Сноски [48] и [52a] отсутствуют в оригинале. Для сноски [61] имеется два якоря. Добавлен недостающий якорь для сноски [756]. В указателе добавлены номера сносок и ссылки на записи, помеченные символом "примечание" или "примечания".

Отмечены аномалии, оставленные без изменений:

- Множество неправильно написанных слов и сокращений в английском, латинском, греческом, французском, итальянском и немецком языках. Некоторые цитаты из других источников, часто в сносках, не соответствуют первоисточнику. Корректировке подвергались только те слова, которые, по всей видимости, являются типографскими ошибками, как указано ниже.
- Иногда для написания слов на латыни использовались греческие буквы.
- Дефисы и орфография не совпадают, например, "lifetime" против "life-time", "Shakespeare" против "Shakspeare", "ae" против "æ".
- На странице 147 упоминание "Колонна ди Ренци, (1347 - 1354)" может относиться к Кола ди Ренци, ок. 1313 - 1354 гг.
- Цены на товары, указанные в современных долларах, не содержат десятичных дробей между долларами и центами, например, на с. 132 и в сноске [288].
- На титульном листе нет иллюстраций, хотя на стр. 267 указано, что виньетка там есть.
- На с. 520 римское число "LXII" обозначено как "семьдесят два".
- Иврит в сноске [845] может быть ошибкой в '01790.

Изменения в тексте:

- a "foling" на "following" ... Следующие примеры ...
- b 'ΠΑΤΛΕΙΝΑ' - 'ΠΑΥΛΕΙΝΑ' ... ΕΝΘΑΔΕ ΠΑΥΛΕΙΝΑ ...
- c 'ΕΛΠΙΛΙΟΣ' на 'ΕΛΠΙΔΙΟΣ' ... ΕΛΠΙC, ΕΛΠΙΔΙΟΣ, SPES ...
- d Дубликат 'и' удален ... затемненные солнце и луна выглядят ...
- e 'enentirely' to 'entirely' ... are entirely gratuitous ...
- f '218' - '318', индексная запись в разделе "Мария, Дева, принятие".
- Сноска [107] 'ποιεῖται' к 'ποιεῖσθαι' и 'κοινητήρια εἰσιέναι' к 'κοιμητήρια εἰσιέναι'
- Сноска [247] добавлено 'а' к 'lorsqu'on les a exposés'
- Сноска [455] 'e'l' к 'e l' ... La croce e l' crocifisso ...

- Σηοκα [738] 'ἀνεσκολοπισμένην' - 'ἀνεσκολοπισμένον' и 'κύπιος' - 'κύριος'
- Σηοκα [754] 'ΓΑΥΚΥΤΑΤΟΣ' ηα 'ΓΛΥΚΥΤΑΤΟΣ'